W 135/195

801-13
500

РУДОЛЬФ ГИЛЬФЕРДИНГ

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ

НОВЕЙШАЯ ФАЗА В РАЗВИТИИ КАПИТАЛИЗМА

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
И. СТЕПАНОВА

НОВОЕ ПЕРЕСМОТРЕННОЕ ИЗДАНИЕ
(6 — 15 тысячи)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1922

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

От переводчика V
Предисловие автора XV

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Деньги и кредит.

Глава первая. **Необходимость денег** 3
Глава вторая. **Деньги в процессе обращения** 16
Глава третья. **Деньги, как платежное средство. Кредитные деньги** . . 46
Глава четвертая. **Деньги в обращении промышленного капитала** (Периодическое высвобождение и праздное состояние денежного капитала. Изменения величины бездействующего капитала и их причины. Превращение бездеятельного в функционирующий денежный капитал посредством кредита) 54
Глава пятая. **Банки и промышленный кредит** 73
Глава шестая. **Уровень процента** 96

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

Мобилизация капитала. Фиктивный капитал.

Глава седьмая. **Акционерное общество** 106
1. Дивиденд и учредительская прибыль 106
2. Финансирование акционерных обществ. Акционерные общества и банки 117
3. Акционерное общество и индивидуальное предприятие . . 129
4. Эмиссионная деятельность 137
Глава восьмая. **Фондовая биржа** 140
1. Биржевые бумаги. Спекуляция 140
2. Функции биржи 152
3. Биржевые операции 158

Глава девятая. **Товарная биржа** . . . . . стр. 167
Глава десятая. **Банковый капитал и банковая прибыль** 192

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

Финансовый капитал и ограничение свободной конкуренции.

Глава одиннадцатая. **Препятствия уравнению нормы прибыли и их преодоление** 207
Глава двенадцатая. **Картели и тресты** 234
Глава тринадцатая. **Капиталистические монополии и торговля** 239
Глава четырнадцатая. **Капиталистические монополии и банки. Превращение капитала в финансовый капитал** 262
Глава пятнадцатая. **Определение цен при капиталистических монополиях. Историческая тенденция финансового капитала** 267

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Финансовый капитал и кризисы.

Глава шестнадцатая. **Общие условия кризиса.** (Условия равновесия общественного процесса воспроизводства. Условия равновесия капиталистического процесса накопления) 278
Глава семнадцатая. **Причины кризисов** 299
Глава восемнадцатая. **Кредитные отношения при ослаблении конъюнктуры** 311
Глава девятнадцатая. **Денежный капитал и производительный капитал во время депрессии** 328
Глава двадцатая. **Изменение в характере кризисов. Картели и кризисы** 336

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.

Экономическая политика финансового капитала.

Глава двадцать первая. **Поворот торговой политики** 351
Глава двадцать вторая. **Экспорт капитала и борьба за хозяйственную территорию** 365
Глава двадцать третья. **Финансовый капитал и классы** 401
Глава двадцать четвертая. **Борьба за рабочий договор** 419
Глава двадцать пятая. **Пролетариат и империализм** 438
Алфавитный указатель 447

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА.

Более десяти лет тому назад в предисловии к переводу книги Гильфердинга,—совершенно испорченному фантастически неленым издательством,—я писал: за два года, прошедшие с появления книги на немецком языке, „ее основные идеи успели получить на Западе самое широкое распространение. Учитываются ли грядущие формы политической и экономической борьбы, выясняются ли новейшие международные осложнения, трактуются ли марокканская и триполитанская авантюры, обсуждаются ли взаимоотношения Англии и России в Персии: для ориентировки во всех этих отношениях идеи „Финансового капитала“ оказывают неоценимую услугу... Их воспринимают теперь из журнальных и газетных статей, из резолюций съездов и митингов, зачастую не подозревая, из какого первоисточника они происходят“.

В 1917 году появилась работа тов. Ленина: „Империализм, как новейший этап капитализма“. Упомянув в ней о „Финансовом капитале“, он говорит: „это сочинение представляет собой в высшей степени ценный теоретический анализ новейшей фазы в развитии капитализма“. В сущности, то, что говорилось в последние годы об империализме—особенно в громадном количестве журнальных и газетных статей на эту тему, а также в резолюциях, напр., Хемницкого и Базельского конгрессов, состоявшихся осенью 1912 года,—едва ли выходило из круга идей, изложенных или,—вернее, подытоженных у обоих названных авторов (выше тов. Ленин останавливается еще на книге Дж. А. Гобсона: „Империализм“).

С того времени книга Гильфердинга вместе с только что названной работой тов. Ленина и соприкасающейся с нею по теме работой тов. Бухарина (она тоже переиздается Госиздатом) превратилась в необходимое пособие для партийных и советских школ и значится во всех вырабатываемых для них программах в качестве необходимого пособия.

Несколько лет тому назад, когда темп развития мировой революции представлялся нам более быстрым, чем он оказался в действительности, можно было думать, что в более или менее непродолжительном времени книга Гильфердинга будет представлять только исторический интерес.

Но сейчас она и для России сохраняет не только академическое значение. Сейчас нам вновь приходится обратиться, как к вопросам громадного практического значения, к законам *денежного обращения* и к изучению возможной роли *банков*.

Еще сравнительно так недавно, года полтора тому назад, мы хотели вытравить из языка самые слова „товар", „товарообмен", „товарное обращение". Нам казалось, что сфера непосредственного социалистического распределения будет быстро расширяться, что стихийная власть рыночных отношений отходит в прошлое, что сфера товарного производства, совпадающая с мелко-буржуазными формами, станет все решительнее суживаться, да и здесь на первый план будет выдвигаться почти непосредственный „продуктообмен", для которого денежные единицы имеют чисто счетное значение.

Это была полоса, когда мы могли не останавливаться особо на состоянии наших финансов в том утешительном сознании, что „хорошая революция — плохие финансы". Памятником этих настроений, когда могло казаться, что самая категория „товар" и все денежное обращение, как таковое, обречены на довольно быстрое отмирание, является известная брошюра т. Преображенского, превосходная по теоретической продуманности, проникнутая свежестью и привлекательная по незаурядному у нас вкусу к теоретическим исследованиям, но оставленная далеко позади новейшим поворотом всех экономических отношений.

Теперь, при новой экономической политике, *организация денежного обращения* становится и для нас чрезвычайно важным делом. Если курс рубля будет попрежнему быстро падать, если мы не достигнем здесь хотя бы некоторой стабилизации, наша национализированная промышленность окажется перед почти непреодолимыми трудностями и сумеет возобновлять потребляемые элементы производства чрезвычайно несовершенно и с громадными потерями. Почти непреодолимые затруднения выступят даже перед производствами, которые, взаимно обмениваясь своими продуктами, постараются рассчитываться между собой чисто бухгалтерским способом, при каждом же обращении к рынку все калькуляции будут повисать в воздухе.

Для большинства стран Запада, за исключением, кажется, только Соединенных Штатов, с империалистской войной

„золотой век" отошел в прошлое. Повсюду наблюдается страшный бумажно-денежный потоп и сопряженные с усиленной работой печатного станка перевороты в ценах и соотношениях цен. Как аналогичные явления конца XVIII века и начала XIX столетия,—хотя они происходили в совершенно иной исторической обстановке,—повысили интерес к проблеме денег, так будет и уже наблюдается в настоящее время. Неизбежные попытки внести некоторую устойчивость в это дело, в свою очередь, выдвинут целый ряд теоретических вопросов, имеющих и непосредственно практическое значение.

Во всех этих случаях нельзя было бы пройти мимо первого отдела „Финансового капитала", если бы даже наша теоретическая литература о деньгах и денежном обращении была более богатой. В действительности можно сказать, что эта литература почти совершенно отсутствует.

Некоторые из воззрений Гильфердинга по вопросам денежного обращения оспаривались самым решительным образом. Он полагает, что при известных условиях утрачивается всякая связь между бумажными и металлическими деньгами, что курс бумажных денег начинает определяться исключительно их функцией в процессах товарного обращения, что совершается полный разрыв их со стоимостью металла, и что курсовая цена бумажных денег начинает объясняться исключительно их функцией в качестве „общественно-необходимого минимума" средств обращения. При появлении книги Гильфердинга против этой стороны его теории денег решительным образом выступил т. Варга (в „Neue Zeit"), затем более обстоятельную критику дал Каутский (в брошюре по вопросам денежного обращения, имеющейся и в русском переводе), а в нашей оригинальной литературе воззрения Гильфердинга подверглись критике со стороны тов. Преобр женского.

Если только какая-нибудь из стран с расшатанной ден ной системой сумеет, не прибегая к девальвации, восст вить довоенный паритет, должны наступить моменты, сделается возможным новая практическая проверка т тических построений Гильфердинга.

При новой экономической политике для нас прис тают большое практическое значение и те отделы к Гильфердинга, где он говорит о *подчинении промышленн банками*.

В период национализации банков мы не совсем я представляли себе, что можно получить от этой ме Согласно популярным воззрениям, которые все еще пре ставляют себе богатства в докапиталистических форма

почти исключительно в виде массы драгоценных металлов, эта мера должна была дать большие количества реальных ценностей. Насколько я знаю,—и чего следовало бы ожидать,—с этой стороны значение национализации банков и вскрытия сейфов оказалось очень ограниченным.

Затем подчинение банков могло дать действительный контроль над промышленностью и промышленниками, которые успешно ускользали от него, пока пролетариат, организуя этот контроль, знал только то, что приходилось, несмотря на всяческое сопротивление и саботаж, раскрывать перед его представителями в отдельных предприятиях и их бухгалтерских книгах. Но и для контроля мы получили от национализации банков очень мало, нуль круглым счетом. И причина не только в том, что тогда мы были неопытны и простоваты,—еще простоватее, чем теперь,—и не только в том, что буржуазия имела возможность заблаговременно подготовиться и принять свои меры. Существеннее то обстоятельство, что такая внутренне противоречивая мера, как рабочий контроль, осуществляется ли он непосредственно в предприятиях, или кроме того и через банки, вообще мог послужить только кратковременным этапом в боевом продвижении пролетариата. Рабочему контролю суждено было остаться фиктивным, номинальным контролем, таким, при котором все нити дела сохранялись в предпринимательских руках, а „контролерам“ приходилось соглашаться, что необходимы новые и новые субсидии из государственных средств. Для того, чтобы устранить всякую двусмысленность и темноту, оставался только один способ: совсем отстранить предпринимателей и их агентов, которые на каждом шагу умело вставляли палки в колеса, и от контроля, который легко превращался в предлог для вымогательства субсидий из государственных средств, перейти национализации капиталистических предприятий.

Не столько экономические, сколько стратегические, военные соображения заставили пролетариат поторопиться с национализацией банков. Нельзя было оставлять финансовую [illegible] в распоряжении классовых врагов, которые в то время [illegible] не допускали и мысли, что они потерпели решительное, уничтожающее поражение и считали его просто временной — очень кратковременной — неудачей. Нельзя было [illegible] спокойно смотреть на то, как эти враги пользуются [illegible] ими финансовыми ресурсами, чтобы открыто финансировать самый издевательский и наглый саботаж, и нельзя было ждать, чтобы началось столь же открытое, проникнутое таким же презрением к пролетариату финансирование [illegible] военных выступлений против завоеванной им власти.

Национализация банков—фактическое их уничтожение—проводилась как одно из средств для того, чтобы сломить сопротивление эксплоататоров, и лишь во вторую очередь—в качестве одной из переходных мер к социалистической экономике.

В настоящее время нам приходится поставить вопрос о банковом деле в совершенно иной связи. Банк у нас возродился, как Государственный Банк, подчиненный классу-диктатору, от которого вполне зависит направление его деятельности. Арендуемые у советского государства предприятия и концессионные предприятия, а также все предприятия, поставленные на хозяйственный расчет, должны будут в возрастающей мере обращаться к банковым операциям. Новые предприниматели могут обходиться без них, пока главным центром их деятельности остаются рыночные операции, товарные обороты, торговая спекуляция, лишь несколько дополняемая деятельностью в производстве; но даже и здесь только очень примитивно-спекулянтская, рваческая и, несмотря на противоположную видимость, слишком небольшая по своему масштабу торговля может не прибегать к содействию банка. Переход к более солидным формам торговли и в особенности передвижение капитала из области обращения в область производства неминуемо увеличит роль нашего банка. Ново-капиталистическая промышленность неизбежно все теснее будет связываться с банковым капиталом.

Мы уже теперь должны готовиться к этой ступени в развитии новой экономической политики. Здесь, в совершенно новой, нигде не наблюдавшейся обстановке, перед нами выступят новые задачи, при решении которых мы могли бы однако использовать кое-что из старинного опыта капиталистических стран.

Но предварительный вопрос здесь будет таков: как достигнуть того, чтобы, несмотря на падающий курс, банковые операции сделались вообще возможными уже теперь, пока до стабилизации еще далеко? Не найдя устойчивого практического решения этого вопроса, мы создаем тяжелое положение и для тех государственных производств, которые поставлены на коммерческий расчет, или же в слишком тягостное положение ставим Государственный Банк. Это—*предварительный* вопрос, так как он еще не выводит нас из сферы вопросов денежного обращения. Однако, не решив этой задачи, нечего и думать о том, чтобы капиталисты начали делать в банк вклады, учитывать в нем векселя и чтобы вообще получил значительное развитие вексельный кредит. Более того: конечно, можно заставить предприятия,

поставленные на коммерческий расчет, сдавать все свои денежные избытки в банк. Но если вклады станут претерпевать такое же обесценение, как бумажные деньги, получится положение, уничтожающее всякую возможность хозяйственного предвидения и расчета.

При таком положении капитал вообще будет вынужден искать для себя „страхования“ в операциях с товарами, которые останутся единственной реальной устойчивой или даже повышающейся ценностью. Значит, капитал будет как бы искусственно, принудительно выталкиваться из сферы производства в сферу обращения, которая при данных условиях становится сферой спекуляции по преимуществу. Новая экономическая политика даст бесконечно меньше того, что мы от нее ждем, и что она могла бы дать.

В такой обстановке, конечно, не будет никакой зацепки для организации через Государственный Банк контроля над ново-капиталистической промышленностью.

А затем—основной вопрос. Сама по себе идея пролетарского контроля над допускаемой пролетариатом капиталистической промышленностью настолько привлекательна, что над ней стоит задуматься. Нелепый курьез, расслабляющая иллюзия, если германская социал-демократия, которая стоит еще правее, чем теперешний Гильфердинг, не успевший окончательно к ней скатиться, рассчитывает понемногу и постепенно претворить теперешнюю буржуазную экономику в пролетарскую экономику: через теперешнее государство подчинить соуправлению рабочего класса главные банки Германии, а через них дойти до контроля над промышленностью.

Идея рабочего контроля, выдвинутая нами еще во времена Керенского, указывала путь, который вел пролетариат к завоеванию политической власти. Все разговоры о перерождении буржуазного государства и о том контроле, который при сохранении последнего будто-бы способен осуществлять пролетариат над решающими областями промышленности, служат просто дырявым прикрытием отказа от всякой борьбы и жалким оправданием прислужничества перед буржуазией.

В России положение совершенно иное. Здесь банковый контроль над промышленностью, благодаря завоеванию политической власти пролетариатом, был бы непосредственно и действительно контролем рабочего класса. И в этом случае нам очень полезно и есть чему поучиться у капиталистов. С этой точки зрения приобретает большое практическое значение третий отдел „Финансового капитала“. Теперь для нас самое время вспомнить слова Маркса из III тома

„Капитала“: ...„не подлежит никакому сомнению, что система кредита послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства, построенному на ассоциированном труде; однако, только как один из элементов в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства“.

Все еще современным остается заключительный, пятый отдел „Финансового капитала“, в котором Гильфердинг, на основании предыдущих отделов, выясняет источник и стремления империалистской политики. Пожалуй, он сделался еще более современным, чем был десятилетием раньше. За время войны мелкие и средние капиталы погибли или подчинены крупным, процесс централизации сделал колоссальные завоевания, власть банков, в связи с небывалыми по величине и условиям военными займами, выросла в громадной степени. Количество первоклассных финансовых сил сократилось, но вместе с тем еще больше выросла их мощь. В то же время явления, которые до войны с наибольшей рельефностью выступали в Германии и Соединенных Штатах Америки, теперь приняли совершенно отчетливый характер и в Англии, и во Франции, и даже в Бельгии. Если до войны всей германской промышленностью командовали какие-нибудь пять-шесть финансовых групп, то теперь едва ли большее количество финансовых группировок стремится управлять буквально всем миром.

С другой стороны, до войны стремления империализма приходилось выяснять из его экономики, расшифровывать по его заявлениям, по его дипломатическим нотам. Теперь эти стремления откристаллизировались в виде Версальского мира, в виде Севрского договора, в виде постановлений Вашингтонской и Каннской конференций, в виде всех подготовительных работ министров и дипломатов Антанты к Генуэзской конференции. Все отношения и некогда сокровенные пружины империализма выступили теперь, освещенные как бы вспышками магния. В этом переплете одинаково противных и обнаженно хищнических конфликтов и соглашений, раздоров и союзов, лжи и шантажа, страха и наглости грабительские походы на Россию являлись только одним из эпизодов, в котором непосредственно империалистские, захватнические цели осложнялись таким моментом, как борьба с социалистической опасностью. Надо, однако, сказать, что этот момент только содействовал более полной характеристике империализма и рельефнее подчеркнул, что это—действительно последняя, заключительная, предсмертная фаза капитализма.

За десятилетие, которое прошло с появления первого русского издания „Финансового капитала", история империализма до чрезвычайности обогатилась яркими красками, бесконечными преступлениями, залила мир морями крови, затопила капиталистический класс и его прислужников потоками грязи. Но существо финансового капитала и его политики не стало иным. Эта политика только стала еще наглее, еще циничнее, еще обнаженнее, так как тщетны теперь все попытки прикрыть то, о чем кричит буквально каждая страница, каждая строка истории за последние годы. Эта политика стала только более нервозной, так как близость конца для всех становится несомненной. По всем этим причинам империализм в расточительном изобилии доставил иллюстрации своего существа. Он доставил и все еще доставляет их и в международных, и во внутренних отношениях, и в своем лицемерном сокрушении перед экономическим развалом Европы, вызванным и ускоряемым его собственной грабительской деятельностью, и в своих озлобленных выступлениях против рабочего класса.

Гильфердинг мало устарел в соответствующих отделах. Новые факты придали только особую выразительность его положениям.

Вновь перечитывая „Финансовый капитал", я опять увидал, что в одном пункте у Гильфердинга имеются явные противоречия. В некоторых местах он и сам говорит, что при развитии отношений зависимости между промышленностью и банками конкретные условия каждого частного случая определяют, какая сторона окажется сильной, какая—слабой. Но в других местах он придает особое значение тому обстоятельству, что банковый капитал, который всегда легко превратить в денежную форму, непосредственно готовую функционировать и направляться в определенные ударные пункты, дает банкам перевес над промышленностью, капитал которой закреплен и не во всякий момент может быть извлечен и мобилизован без серьезных потерь. А затем Гильфердинг уже прямо отожествляет отношения между банком и современными гигантами капиталистической промышленности с отношениями торгово-ростовщического капитала и мелко-буржуазных форм промышленности („Verlagssystem", работа на скупщика или раздатчика и т. п.).

Гильфердинг, несомненно, перевертывает отношения. И так как он слишком долго останавливается на банковых операциях и приемах, облегчающих банкам подчинение промышленности, а современной промышленной техники и ее требований касается лишь мимоходом, то получается странное положение. Выходит, как-будто характерные черты заключительной фазы капитализма созданы не развитием производительных сил, а самостоятельной, автономной эволюцией ссудного капитала с присущими ему внутренними закономерностями.

Конечно, это неверно. Неверно уже потому, что финансовый капитал никак нельзя отожествлять с банковым капиталом, развитой капиталистической формой ростовщического капитала. Тов. Ленин совершенно правильно указывает, что в финансовом капитале банковый и промышленный капитал слились воедино. Он пишет в своем „Империализме": „Концентрация *производства;* монополии, вырастающие *из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью,*—вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия („Империализм", стр. 39. Отдельные слова, как и в дальнейшем, подчеркнуты мною. И. С.). Или, еще короче: „финансовый капитал есть банковый капитал монополистически немногих крупнейших банков, *слившийся* с капиталом монополистических союзов промышленников" (стр. 84 и сл.), „слившийся" отнюдь не в форме их поглощения или экономического подчинения, а в форме об'единения сил и функций.

Гильфердинг правильнее всего формулирует соотношение процессов, лежащих в основе развития финансового капитала, когда он говорит: „промышленная концентрация остается первичной причиной банковой концентрации".

Современное предприятие с самого начала возникает в гигантских размерах и должно располагать колоссальным капиталом: этого требует новейшая техника. Существующие предприятия все теснее связываются и сливаются в монополистические союзы, в которых отдельные предприятия все больше утрачивают свою самостоятельность; этого тоже требует *современный уровень производительных сил.* Все эти требования новейшей промышленности удовлетворяются при содействии банков.

Но достаточно вспомнить всех „королей" новейшей промышленности: Морганов, Рокфеллеров, Ратенау, Стиннесов и т. д., и будет ясно, что дело здесь не в „подчинении" промышленности банками, а в использовании этими „промышленниками" банкового аппарата для форсирования процессов, совершающихся в современной промышленности.

А, с другой стороны, кто такие эти Стиннесы, Ратенау, Морганы, Рокфеллеры? Что является родной стихией для них: сфера обращения или сфера производства? Орудуют ли они денежными или производственными капиталами? Надо ли представлять их себе банкирами или промышленными

предпринимателями? Пустой и неразрешимый вопрос. И где бы ни нашли они первоначальную опору, в промышленности или в ловких биржевых операциях, теперь они—типичные представители именно *финансового капитала*, в котором банки, действительно, *слились* с промышленностью. Если это и банкиры, то такие, которые все шире и теснее связываются с решающими отраслями промышленности: если это промышленники, то такие, которые главные свои операции совершают в сфере обращения, да и в ней преимущественно в тех отделах, которые больше всего могут захватываться банками. И эти воротилы современного капиталистического мира с одинаковым безразличием и одинаковой беспощадностью подчиняют себе и промышленность и банки, не располагающие такой капиталистической мощью. И более того: подчинение новых *банковых* групп является для них существенным орудием в борьбе за расширение своей власти.

Правильная и ясная формулировка дана у Гильфердинга в самом начале пятого отдела его книги. Он говорит: „Финансовый капитал знаменует унификацию капитала. Ранее раздольные сферы промышленного, торгового и банкового капитала поставлены теперь под руководство финансовой аристократии, которая об'единяет в тесной персональной унии господ промышленности и банков".

За двенадцать лет, прошедших со времени немецкого издания „Финансового капитала", много не только воды утекло. Многое, бесконечно многое в мире стало иным. Но главные теоретические положения „Финансового капитала" выдержали испытание пережитого за это время громадного опыта.

Сам автор не выдержал испытаний обостренной классовой борьбы, хотя он был одним из тех, кто в свое время ясно предвидел всю неизбежность ее заострения в непосредственно революционную, переворотную борьбу, прямо направленную против всего капиталистического общества. Когда предсказанное наступило, Гильфердинг в содрогании отступил от неминуемого, неизбежного.

Это не мешает российским коммунистам переиздавать его „Финансовый капитал", как был переиздан близкий к нему по духу „Путь к власти" Каутского. Коммунисты найдут в этих работах, несмотря на сказавшиеся и в них колебания, нерешительность и половинчатость, хорошее оружие против современного Каутского и Гильфердинга.

И. Степанов.

Апрель 1922 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

В этой работе дана попытка научного об'яснения экономических явлений новейшего капиталистического развития. Но научно познать их—значит включить в теоретическую систему классической политической экономии, которая начинается В. Петти и находит свое высшее выражение в Марксе. Характерную особенность „современного" капитализма представляют те процессы концентрации, которые обнаруживаются, с одной стороны, в „уничтожении свободной конкуренции" посредством образования картелей и трестов, а с другой стороны—во все более тесной связи между банковым капиталом и промышленным капиталом. Благодаря этой связи капитал, как обстоятельнее будет показано ниже, принимает форму финансового капитала, представляющего наивысшую и наиболее абстрактную форму проявления капитала.

Мистическая оболочка, вообще окружающая капиталистические отношения, становится здесь наиболее непроницаемой. Своеобразное движение финансового капитала, которое кажется самостоятельным, хотя, в действительности, оно отраженное, многосложность форм, в которых оно совершается, отделение и обособление этого движения от движений промышленного и торгового капитала, — все это явления, требующие анализа; и анализ становится тем более необходимым, что при быстром росте и все усиливающемся влиянии, которое оказывает финансовый капитал в теперешней фазе капитализма, без познания законов и функций финансового капитала делается невозможным понимание тенденций в развитии современного хозяйства, а вместе с тем невозможна и вообще научная экономия и политика.

Таким образом теоретический анализ этих явлений должен был привести к вопросу об их взаимной связи и, следовательно, к анализу банкового капитала и его отношения

к другим формам капитала. Оказалось необходимым исследовать, имеют ли специфическое экономическое значение, и какое именно, те юридические формы, в которых основывается промышленное предприятие; ответ же на этот вопрос могла дать экономическая теория акционерного общества. Но отношения между банковым капиталом и промышленным капиталом представляются лишь завершением тех отношений, которые можно было раскрыть в более элементарных формах денежного капитала и производительного капитала. Таким образом, выступил вопрос о роли и существе кредита, ответ же на него можно было получить лишь по выяснении роли денег. Это было тем более важно, что с тех пор, как Маркс формулировал свою теорию денег, опыт денежных систем в Голландии, Австрии и в Индии выдвинул ряд важных проблем, на которые, казалось, существовавшая теория денег не находила никакого ответа: обстоятельство, которое Кнапп, с большой остротой увидавшего загадочность явлений в области современного денежного обращения, соблазнило на попытку устранить всякое экономическое об'яснение, заменив его юридической терминологией. Правда, последняя не дает об'яснения, следовательно, не дает никакого научного познания, но зато открывает, повидимому, возможность описания, чуждого предвзятости и зависимости от наперед составленных представлений. Но обстоятельный анализ проблем, связанных с денежным обращением, становится все более необходимым и потому, что только он может дать эмпирическое доказательство правильности теории стоимости, которая должна служить базисом всякой экономической системы, и, кроме того, лишь после правильного анализа денег можно понять роль кредита, а вместе с тем и элементарные формы отношений между банковым и промышленным капиталом.

Таким образом план этой работы определяется сам собою. За анализом денег идет исследование кредита. К нему примыкают теория акционерного общества и анализ того положения, какое занимает здесь банковый капитал по отношению к промышленному капиталу. Это приводит к исследованию фондовой биржи как „рынка капитала", товарную же биржу пришлось подвергнуть особому рассмотрению потому, что в ней воплощаются отношения денежного капитала и торгового капитала. С прогрессом промышленной концентрации отношения между банковым и промышленным капиталом переплетаются все больше, и потому делается необходимым изучение явлений этой концентрации, увенчиваемой картелями и трестами, а также изучение тенденций в развитии этих явлений. Надежды, связывавшиеся с образованием монополистических союзов,—от которых ожидали „регулирования производства", а вместе с тем упрочения капиталистической системы, и которым приписывалось особенно крупная роль по отношению к периодическим торговым кризисам,—потребовали анализа кризисов и их причин, чем и заканчивается теоретическая часть. Но так как то развитие, которое мы стремимся здесь теоретически познать, оказывает значительное воздействие и на классовое расчленение общества, то было целесообразно исследовать в последнем отделе основные черты того влияния, которое производит оно на политику крупных классов буржуазного общества.

Марксизм часто упрекали за то, что он пренебрегал дальнейшим развитием экономической теории, и упрек этот, несомненно, до известной степени об'ективно небезоснователен. Но точно так же следует признать, что это пренебрежение легко об'яснимо. Вследствие бесконечной сложности исследуемых явлений экономическая теория принадлежит, несомненно, к труднейшим отделам науки. Марксист же находится в особенном положении: исключаемый из университетов, которые дают необходимое время для научных исследований, он вынужден отлагать научную работу на часы досуга, который оставляют ему часы политической борьбы. Но требовать от борцов, чтобы их работа над зданием науки шла так же быстро, как труд мирных каменщиков,—это было бы несправедливо, если бы не свидетельствовало об особом уважении к их способностям.

После многочисленных контроверз недавнего времени по вопросам методологии трактование экономической политики требует, быть-может, если не оправдания, то краткого пояснения. Утверждают, что политика есть учение о нормах, которые в последнем счете определяются оценками: а так как подобные оценки—не дело науки, то трактование политики выходит из рамок научного исследования. Конечно, здесь невозможно обращаться к гносеологическим исследованиям соотношения нормативных дисциплин и науки о законах, телеологии и причинности,—и я могу оставить это в стороне тем более, что в первом томе „Marx-Studien" Макс Адлер дал обстоятельное исследование проблемы причинности в ее отношении к социальной науке. Здесь достаточно будет просто отметить, что для марксизма целью анализа политических отношений тоже является раскрытие причинных связей. Познание законов общества, построенного на товарном производстве, раскрывает и те детерминирующие факторы, которыми определяется воля классов этого общества. Раскрытие того, как детерминируется классовая

воля, составляет для марксистского понимания задачу научной, т. е. описывающей причинные связи, политики. Как теория, так и политика марксизма в равной мере остаются свободными от оценок.

Поэтому нельзя не признать ложным тот взгляд,—хотя он широко распространен intra et extra muros,—который без всяких околичностей отожествляет марксизм с социализмом. В самом деле, рассматриваемый с чисто логической стороны, лишь как научная система, т. е. независимо от его исторического влияния, марксизм представляет просто теорию законов движения общества; марксистское понимание истории дает ее общую формулировку, а политическая экономия марксизма применяет ее к эпохе товарного производства. Социалистический вывод есть результат тенденций, которые пролагают для себя путь в обществе, построенном на товарном производстве. Но понять правильность марксизма, что равносильно пониманию и необходимости социализма,—это нечто совершенно иное, чем составление оценок или приобретение директив для практического поведения. Ведь одна вещь—познать необходимость, и другая—отдать себя делу этой необходимости. Вполне возможно, что кто-нибудь убежден в конечной победе социализма,—и все же отдается делу борьбы с ним. Но то понимание законов движения общества, которое дает марксизм, постоянно обеспечивает известное превосходство тому, кто усваивает его, и *из всех врагов социализма опаснейшие, несомненно, те, которые наиболее вкусили от плодов этого познания* (подчеркнуто мною, так как теперь это с особенной ясностью оправдалось на примере Каутского, Кунова и самого Гильфердинга. Н. С.).

С другой стороны, отожествление марксизма и социализма совершенно понятно. Сохранение классового господства связано с тем условием, чтобы подчиненные верили в его необходимость. Напротив, познание того, что он имеет преходящий характер, становится причиной его преодоления. Отсюда неискоренимое нежелание господствующего класса признать результаты марксизма. При этом при своей сложности система требует для своего изучения такого труда, на который не пойдет тот, кто с самого начала убежден в бесплодности и вредности результатов. Таким образом марксизм,—логически научная, об'ективная, свободная от оценок наука,—по своему историческому положению необходимо остается достоянием представителей того класса, победу которого он возвещает в результате своих исследований. Только в этом смысле он—наука пролетариата и противоположен буржуазной экономии, неуклонно сохраняя притязания всякой науки на об'ективную общезначимость своих выводов.

Предлагаемая работа в основных чертах была закончена, в сущности, уже четыре года тому назад. Внешние обстоятельства все снова и снова отсрочивали ее завершение. Я позволил бы себе, однако, отметить, что главы, трактующие проблему денег, были готовы еще до появления работы Кнаппа, и что в них внесены лишь несущественные изменения и критические дополнения. Эти же главы скорее всего представят некоторые трудности: ведь в денежных делах обыкновенно слишком легко оканчивается не только благодушие, но и теоретическое понимание. Это видел, впрочем, уже Фуллартон, который меланхолически заявляет: „The truth is, this is subject on which there never can be any efficient or immediate appeal to the public at large. It is a subject on which the progresse of opinion always has been, and always must be, exceedingly slow“ [1]). С того времени положение, несомненно, не улучшилось. Поэтому мы спешим уверить, что, преодолев первые главы, нетерпеливый читатель по поводу дальнейших исследований, надо надеяться, не будет особенно жаловаться на их трудность для понимания.

Рудольф Гильфердинг.

Берлин-Фриденау,
святки, 1909 г.

---

[1]) „Поистине, широкая публика никогда не примет сколько-нибудь действительного и непосредственного участия в этом предмете. Это — предмет, относительно которого прогресс общественного мнения всегда был и—увы!—всегда будет чрезвычайно медленным“.

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ

28-я Госуд. Типография. Гиз № 3390. 10.000 экз.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Деньги и кредит.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Необходимость денег.

Производственная коллективность человечества в принципе может быть построена двояким способом. Прежде всего здесь возможно сознательное регулирование. Общество—охватывается ли его сферой самодовлеющая патриархальная семья, коммунистическое племя или социалистическое общество—создает для себя органы, которые, как представители общественного сознания, определяют размеры и характер производства и распределяют добытый общественный продукт между членами. Как, где, сколько, какими орудиями производятся новые продукты при наличных естественных и искусственных условиях производства,—все это решает pater familias или коммунальные, земские или национальные комиссары социалистического общества. Зная, на основании личного опыта, потребности и рессурсы семьи, или учитывая при помощи всех средств организованной статистики производства и потребления общественные потребности, они с сознательным предвидением организуют всю экономическую жизнь в соответствии с потребностями тех коллективностей, которые находят в них сознательное представительство и сознательное руководство. В процессе производства сознательно устанавливаются взаимные отношения между членами так организованного общества, как между элементами единой производственной коллективности. Трудовая организация и распределение продуктов подлежат центральному контролю. Производственные отношения являются непосредственно общественными отношениями; поскольку дело идет об экономической жизни, отношения, касающиеся индивидуума, являются общественными отношениями, определяемыми общественным строем и из'ятыми из-под его индивидуальной воли. Само производственное отношение непосредственно воспринимается, как сознательно и преднамеренно установленное коллективностью.

Иначе обстоит дело с обществом, не обладающим такой сознательной организацией. Оно распадается на независимых друг от друга индивидуумов, производство которых является уже не общественным, а их частным делом. Таким образом они—частные собственники, вынуждаемые развитием разделения труда вступать во взаимные отношения; акт, в котором они это делают, есть обмен их продуктов. Здесь, в обществе, частной собственностью и обменом, разбитом на атомы, только этим актом и устанавливается связь. Только как посредствующее звено общественных связей обмен и является предметом теоретико-экономического анализа. В самом деле, обмен может происходить и в социалистическом обществе. Но это—обмен на основе известных распределительных норм, наперед, преднамеренно и сознательно установленных обществом. Этот обмен является как бы частной поправкой к общественному распределению, частным актом, вытекающим из суб'ективных вкусов и соображений; это—не об'ект экономического анализа. Для теоретической экономии он играет такую же роль, как, напр., обмен игрушками в детской между Лотой и Фрицем, обмен, в корне отличающийся от того акта купли, который совершил их отец у торговца игрушками. Только этот последний обмен и является слагаемым в той сумме всех меновых актов, посредством которых реализуется общество, как производственная коллективность, какою мы знаем его. В каждом таком меновом акте необходимо находит себе выражение производственная **коллективность**: только такими актами и осуществляется связь в единое целое общества, разложенного разделением труда и частною собственностью.

Поэтому, если Маркс говорит в одном месте, что значение сюртука в меновом акте больше, чем вне такового, то он мог бы также сказать, что в сфере одних определенных общественных связей значение менового отношения больше, чем в рамках других общественных связей [1]). Только там, где лишь обменом осуществляется общественная связь, следовательно, в обществе, в котором индивидуумы, с одной стороны, обособлены частной собственностью и разделением труда, а с другой стороны, не могут обойтись одни без других,—только там обмен и становится социальным актом, только там он и должен выполнить свою необходимую функцию: сделать возможным жизненный процесс общества. В совершении всех меновых актов, возможных в этом обществе, должно найти себе выражение то, что в коммунистическом сознательно регулируемом обществе сознательно определяется центральным органом общества: что и в каком количестве следует производить, где и кто должен производить. Словом,

[1]) При такой в корень различной природе менового акта является абсурдом желание раскрыть одинаковые законы для меновых актов при совершенно различных формациях общества.

обмен должен довести до сведения товаропроизводителей то самое что членам социалистического общества сообщают его органы, которые сознательно регулируют производство, определяют распорядок работ и т. д. Задача теоретической экономии заключается в том, чтобы найти закон обмена, определяемого указанным способом. Из этого закона должно вытекать регулирование производства в обществе товаропроизводителей точно так же, как из законов, распоряжений и предписаний социалистического управления вытекает ненарушаемый ход социалистического хозяйства. Разница лишь в том, что закон этот не прямо сознательно предписывает людям то или иное поведение в производстве, а действует с „социальной естественной необходимостью“, подобно законам природы [1]).

Но обмен же должен отвечать и на вопрос, должен ли производиться продукт самостоятельным ремесленником или капиталистическим предпринимателем; это—ответ на вопрос о том изменении меновых отношений, которое в **пределах** товарного производства ведет от простого товарного к капиталистическому производству. Но обмен **качественно** различен только при различных формах общества, напр., в социалистическом обществе по существу иной, чем в обществе товаропроизводителей. Напротив, в обществе товаропроизводителей он качественно одинаков,— в рамках последнего изменяется только количественное отношение обмениваемых товаров. При товарном производстве в основе обмена лежит об'ективно общественный момент, определяющий меновые пропорции: общественно необходимое время, воплощенное в обмениваемых предметах. В коммунистических обществах в основе обмена лежит только суб'ективное приравнивание, определяемое одинаково направленной волей. Обмен здесь случаен, он не может быть объектом теоретико-экономического анализа. Его невозможно теоретически анализировать, его можно понять психологически. Но так как обмен всегда является количественным отношением двух вещей, то племя никогда не замечает этого отличия [2]).

[1]) J. Karner (Dr. Karl Renner), „Die soziale Funktion der Rechtsinstitute“. Marx-Studien, I. Bd., II. Heft, Seite 108. Итак, это — законы совершенно особого рода, которые вытекают лишь из определенного характера общественных связей и с ним исчезают, но в его рамках обнаруживают свое причинное действие. Познание как-раз этих-то законов и составляет задачу **теоретико-экономического** анализа.

[2]) „Их (товаропроизводителей) **общественные** отношения представляются сведенными к **частным** отношениям обмена. Но обмен, как таковой, есть прежде всего частное отношение. Для того, чтобы два человека могли вступить в меновое отношение, требуется только одно: чтобы у них был известный предмет, и чтобы было желание отдать его за другой. Но, как таковой, обмен представляет явление, известное всем формациям общества, потому что все общественные формации знают собственность.

„В самом деле, обмен ручками и марками на школьной скамье обмен ездовой лошадью и автомобилем между двумя членами социали-

Обслуживая общественный обмен веществ, меновой акт и определяется как-раз необходимостью общественного обмена веществ. Каким бы случайным ни представлялся единичный или обособленно взятый меновой акт, в течение продолжительного времени и многократно он может совершаться лишь при условии, если он делает возможным общественный обмен веществ, если он обеспечивает производство и воспроизводство общества. Следовательно, общественное производство становится условием меновых актов отдельных индивидуумов, которые только меновыми актами и связываются в общество и получают свою долю в продукте всего общественного производства, подлежащем распределению между ними. Только отношение к совокупному производству общества и возвышает единичный меновой акт над областью случайного, произвольного и суб'ективного и превращает его в нечто регулярное, необходимое и об'ективное: в условие общественного обмена веществ, а следовательно, в жизненную необходимость для индивидуума. В самом деле, общество, построенное на частной собственности и разделении труда, возможно только при взаимных меновых отношениях между индивидуумами, оно становится обществом только посредством процесса обмена: единственного общественного процесса, который знает экономия этого общества. Только в рамках этого общества акт обмена становится об'ектом особого анализа, который задается вопросом: каковы свойства менового акта, обслуживающего обмен веществ в обществе?

В этом меновом акте потребительная стоимость сделалась товаром, вещью, предназначенной уже не для удовлетворения потребности данного индивидуума, вещью, создаваемой и уничтожаемой не этой потребностью, а вещью, предназначенной для общества, вещью, все судьбы которой, иногда более превратные, чем Одиссея,—ибо что значит в настоящее время одноглазый Полифем по сравнению с аргусовыми глазами таможенных чиновников Нью-Порта, или что такое прекрасная Цирцея по сравнению с германской ветеринарной полицией?—зависят от необходимости общественного обмена веществ. Потребительная стоимость сделалась товаром, потому что производители ее стоят взаимно в определенном общественном отношении, при котором они должны противостоять друг другу, как независимые товаропроизводители. И лишь в этой форме она—вообще естественная, лишенная всякой проблематичности, вещь—становится выражением общественного отношения, следовательно, приобретает общественную сторону в своем бытии. Что потребительная стоимость—продукт труда, это становится уже не просто ее естественным свойством, но в то же время и общественным фактом. Теперь предстоит раскрыть закон этого общества, как производственной, как трудовой коллективности. Всякая отдельная работа является теперь под новым углом зрения: это—часть того совокупного труда, которым располагает данная производственная коллективность. Только с этой точки зрения труд и является трудом, созидающим стоимость.

стического общества, все это—частное дело, совершенно безразличное для теоретической экономии. Основная иллюзия теории предельной полезности лежит в том, что посредством анализа обмена, как чисто-частного акта, она хочет напасть на след законов капиталистического общества". Hilferding, „Zur Problemstellung der theoretischen Oekonomie bei Karl Marx", „Neue Zeit", 1904/5, I. Bd., Seite 106.

Меновой акт становится доступным анализу, потому что он удовлетворяет теперь не только индивидуальной потребности, но представляет общественную необходимость, которая превращает индивидуальную потребность в свое простое орудие и тем самым вводит в определенные рамки. Индивидуальная потребность может получить удовлетворение лишь в той мере, в какой это допускает общественная необходимость. Само собою разумеется, что без удовлетворения индивидуальных потребностей человеческое общество вообще немыслимо. Но обмен перестает быть функцией индивидуальной потребности, как было в коллективистическом обществе; напротив, индивидуальная потребность удовлетворяется лишь постольку, поскольку обмен доставляет для нее известную долю из общественного производства. Последним определяется обмен. Но обмен представляется просто количественным отношением между двумя вещами [1]). Он определяется, раз получило определение это количественное отношение. Но количество, вообще совершающее меновой акт, приобретает в нем значение только как часть всей массы общественного производства. Последнее же, в свою очередь, определяется с количественной стороны тем рабочим временем, которое должно затрачиваться обществом на производство всего продукта. Общество берется здесь как единое целое, производящее продукты всей своей рабочей силой; индивидуум с его трудом является лишь органом общества; как таковой орган, он соучаствует в продукте лишь в той мере, в какой его рабочая сила соответствует общественно-средней силе,—предполагая, что последняя дана со стороны как интенсивности, так и производительности. Если индивидуум

1) Эти вещи в обществе товаропроизводителей вообще должны вступать в отношение одна к другой, и они могут вступать в отношение только как выражение общественно-необходимого рабочего времени. Только как такие выражения они соизмеримы. В теории стоимости существенно то, что они—продукт общественного рабочего времени, общественный продукт, а не то, что это рабочее время во всех случаях одинаково на обоих сторонах менового отношения. Это—вторичный момент, он определяет меновое отношение лишь при условиях простого товарного производства.

работал слишком медленно или производил бесполезный предмет,— а таковым будет и полезный вообще предмет, если только он превышает потребность в общественном обмене веществ,—то труд данного индивидуума будет сведен к среднему труду, к общественно-необходимому рабочему времени. Если сумма рабочего времени для всего продукта таким образом дана, то обмен должен выразить этот факт. Наиболее простое выражение последний получает при том условии, если количественное отношение товаров в обмене равно количественному отношению общественно-необходимого рабочего времени, затраченного на их производство. Тогда товары обмениваются по своей стоимости.

А эти отношения осуществляются, если условия товарного производства и товарного обмена социально равны для всех членов общества, если все они суть самостоятельные владельцы средств своего производства, производящие с их помощью продукт и обменивающие его на рынке. Эти отношения—элементарнейшие, и потому они служат исходным пунктом для теоретического анализа. Только исходя из них, можно понять различные модификации. Но что касается последних, они всегда должны удовлетворять тому основному условию, чтобы, как ни складывались бы единичные меновые акты, в сумме меновых актов осуществлялся обмен всего общественного продукта. В свою очередь, сами модификации могут быть вызваны лишь различным положением членов общества в производстве, и они неизбежно вызываются наличностью различий этого рода, потому что ведь исключительно в меновом акте осуществляется общественная связь не только производства, но и производителей. Экспроприация одной части общества и монопольная собственность на средства производства другой части, разумеется, модифицирует обмен, потому что только в нем и может проявиться это неравенство членов общества. Но так как меновой акт есть отношение равенства, то неравенство является и теперь равенством, но уже не стоимостей, а цен производства; следовательно, неравенство трудовых затрат (а в то же время и равнодушие капиталистов к трудовым затратам, как к затратам чужого труда) выступает в равенстве норм прибыли. Это равенство не выражает ничего иного, как только то, что в капиталистическом обществе решающее значение принадлежит капиталу; поэтому отдельный меновой акт подчиняется уже не условию: равный труд за равный труд, а условию: на равный капитал одинаковая прибыль. Равенство труда заменилось равенством прибыли, и продукты продаются не по их стоимостям, а по ценам производства.

Если обмен получает таким образом свое определение от общества, то, с другой стороны, общество и отдельный индивидуум узнают о законе этого общества только тогда, когда акт обмена совершился. В самом деле, труд отдельного индивидуума есть

прежде всего просто его индивидуальная работа, вытекающая из его индивидуальной воли,—частный труд, не общественный труд. Согласуется ли она с теми условиями общественного обмена веществ, для совокупности которых его труд будет только одним частичным условием, это скажется лишь тогда, когда все эти частичные условия подвергнутся взаимному сопоставлению и сравнению и в своей совокупности осуществят общее условие общественного обмена веществ.

Товары суть воплощения общественно-необходимого рабочего времени. Но это рабочее время, как таковое, не получает непосредственного выражения: такого, напр., как в обществе Родбертуса, где центральная власть прямо устанавливает для каждого продукта общественно-значимое рабочее время. Оно проявляется лишь в приравнивании одной вещи к другой в акте обмена. Следовательно, стоимость одной вещи, время, общественно-необходимое для ее производства, находит себе выражение не как таковое, не как восьми-, десяти- или двенадцатичасовой труд, а как определенное количество другой вещи. Эта вещь, в том виде, как она непосредственно существует, со всеми ее естественными свойствами, служит, следовательно, выражением стоимости другой вещи, эквивалентом последней. Например, в уравнении: 1 сюртук=20 метрам холста, эти 20 метров холста служат эквивалентом сюртука. Они равны ему, потому что и они суть воплощение общественно-необходимого рабочего времени, и все товары равны между собою как таковые воплощения.

Итак, выражение стоимости, этого общественного отношения, в другой в е щ и, в потребительной стоимости, отличной от потребительной стоимости того товара, стоимость которого должна быть выражена, непосредственно вытекает из природы товарного производства и неотделимо от нее. Ведь только таким способом, что потребительная стоимость одного становится товаром и, вместе с тем, потребительной стоимостью другого,—только так и возникают характерные для товарного производства общественные отношения между его членами, взаимные связи между ними, как обменивающимися своими вещами. И лишь после того, как обмен совершился, производитель узнает, действительно ли его товар удовлетворяет общественную потребность, и правильно ли применил он свое рабочее время. Он находит подтверждение, что он—правоспособный член общества товаропроизводителей; но это подтверждение дает не какое-либо лицо, которое может говорить от имени этого общества, критиковать его работу,—как, напр., раздатчик критикует труд своего ткача,—одобрять или отвергать ее: его общественная полнозначимость подтверждается для него той вещью, какую он получает в обмен за свою. Потому что общество строит свое дело на вещи (и как-раз на этом, вопреки Штирнеру, базируется его анархия), а не на лицах

с их коллективным сознанием. Эта вещь, которая может дать производителю упомянутое подтверждение, должна иметь необходимую легитимацию: иначе она не могла бы говорить от имени общества. Она достигает этой легитимации точно так же, как свою легитимацию получают другие органы: посредством общих действий тех, кто дает легитимацию. Как люди столковываются и уполномачивают одного из своей среды на определенные действия от их имени, так и товары должны сговориться, чтобы, в свою очередь, легитимировать особый товар, который от их имени должен в этом товарном мире наделять правами гражданства: полными или урезанными правами гражданства. Но единственная форма, в которой товары могут столковываться, есть товарообмен. Действительно, в капиталистическом обществе общественные акты товаров на рынке играют такую же роль, как в социалистическом обществе—общественное сознание. Сознание буржуазного мира сводится к рыночному бюллетеню. Только совершая акты обмена, индивидуум узнает закон коллективности. И только в том случае, если для индивидуума акт обмена увенчался успехом, он получает доказательство, что он произвел нечто общественно-необходимое; только тогда он и может опять возобновить производство. Вещь, которая посредством коллективных действий товаров получила полномочие на то, чтобы выражать стоимость всех остальных товаров, это—деньги. С развитием товарообмена одновременно развивается и легитимация этого особенного товара.

А и В, как товаровладельцы, вступают в общественное отношение лишь при том условии, если они взаимно обмениваются своими продуктами. Отношение осуществляется в том случае, если сюртук обменивается на двадцать метров холста. Если товарное производство приобретает характер всеобщности, портному приходится удовлетворять все свои потребности посредством обмена; вместо прежнего единичного отношения к ткачу полотна, он теперь вступает и в многочисленные другие. 1 сюртук = 20 метрам холста, но в то же время равен и 5 фунтам сахара, и 10 фунтам хлеба и т. д. Но так как все товаропроизводители вступают в столь же многочисленные отношения, то мы получаем, в конце концов, бесконечное множество меновых уравнений, в которых товары приравниваются друг к другу, взаимно измеряют свою стоимость. Но, взаимно соизмеряясь, они в то же время все чаще измеряют свою стоимость в одном определенном товаре, который таким образом становится всеобщею мерою стоимости.

Уже простое выражение стоимости, напр., 1 сюртук=20 метрам холста, выражает общественное отношение; но оно может быть только случайным и единичным. Для того, чтобы развернуться в действительное выражение общественных отношений,

уравнение стоимости не должно быть единичным; когда товарное производство становится всеобщей формой общественного производства, тогда общественный обмен веществ, а следовательно, и общественная связь работников осуществляется в бесчисленных меновых актах, а потому и в бесчисленных уравнениях стоимости. И только совокупными функциями товаров в процессе обмена частное, индивидуальное и конкретное рабочее время отдельного члена общества превращается в то всеобщее, общественно-необходимое и абстрактное рабочее время, которое создает стоимость. Взаимно и во всевозможных комбинациях соизмеряясь друг с другом в меновых актах, товары в то же время все чаще измеряются каким-либо одним отдельным товаром. Тогда остается только, чтобы обычай фиксировал его в качестве мерила стоимости, и он становится деньгами.

Итак, для того, чтобы общественное производство и воспроизводство вообще стало возможным, необходим обмен стоимостей. Только в нем частные работы становятся общественно-признанными, удостоверенными, и взаимные отношения вещей превращаются в общественные отношения соответствующих производителей. Как бы ни совершался обмен: будет ли то непосредственный обмен товаров, или же он обслуживается деньгами, — обмен необходимо является обменом равностоимостей. Следовательно, деньги в качестве стоимости суть товар, подобный всякому другому, и непосредственно из самого характера общества товаропроизводителей вытекает необходимость того, чтобы деньги имели стоимость [1]).

Итак, деньги суть товар, подобный всем другим товарам, а, следовательно, это—воплощение стоимости. Но от всех остальных товаров деньги отличаются прежде всего тем, что они являются для всех других товаров эквивалентом, т. е. товаром, в котором все другие товары выражают свою стоимость. Что они сделались таковым, это — результат совокупности меновых процессов [2]). Тем самым они уполномочены функционировать в качестве меры стоимости. Денежный товар, т. е. определенное тело со всеми его естественными свойствами, непосредственно является теперь выражением стоимости, этого свойства, которое ведет свое

---

[1]) В дальнейшем мы узнаем, насколько это положение модифицируется современными формами бумажно-денежного обращения.

[2]) Стоимостью всякий товар обладает как воплощение общественно-необходимого рабочего времени, следовательно, как результат процесса товарного производства. Поэтому в процесс обмена он вступает уже как носитель стоимости. В этом смысле Маркс говорит: „Процесс обмена дает товару, который он превращает в деньги, не стоимость, а лишь специфическую форму его стоимости,—именно форму всеобщего эквивалента". „Капитал", I, стр. 56 (здесь, как и в дальнейшем, страницы указаны по русскому переводу I, II и III томов „Капитала" под редакцией В. Базарова и И. Степанова, изд. 1907—1908 г.г.).

происхождение из общественных отношений товарного производства и из их вещного выражения. Из этого же видно, каким образом из самого процесса обмена, из необходимости постоянного взаимного приравнивания товаров, возникает необходимость общего мерила стоимости, в котором непосредственно выражается стоимость всякого другого товара, и на которое последний может быть во всякое время непосредственно обменен. Следовательно, деньги, с одной стороны, — товар. Но, с другой стороны, этот товар постоянно отодвигается на особое место эквивалента. Это произошло в процессе деятельности всех остальных товаров, которые легитимировали денежный товар как свой единственный и всеобщий эквивалент.

Итак, меновая стоимость всех товаров получает общественно-значимое выражение в денежном товаре, в определенном количестве его потребительной стоимости. Таким образом, благодаря взаимным действиям всех остальных товаров, измеряющих в нем свою стоимость, денежный товар является непосредственным воплощением общественно-необходимого рабочего времени. „Следовательно, деньги суть меновая стоимость товаров, как особенный, исключительный товар“ [1]). Так все товары, превращаясь меновым актом в деньги, приобретают свою общественную санкцию.

По Эрнсту Маху, „я“ есть только тот фокус, в котором теснее сходятся бесконечные нити ощущений, составляющие своей сетью картину мира. Точно так же деньги являются узлом в сети общественных связей товаропроизводителей,—в той сети, которая сплетается из бесчисленных нитей единичных меновых актов. В то же время в деньгах общественное отношение людей сделалось вещью: таинственно блистающим предметом, который своим обманчивым блеском все еще ослепляет глаза столь многих экономистов, — если только они не предпочитают с самого начала смотреть закрытыми глазами.

* * *

Вступая в меновом процессе во взаимные отношения, товары сводятся к продуктам общественно-необходимого рабочего времени и, как таковые, становятся равными. В процессе обмена порывается та связь, которая соединяет товар как потребительную стоимость с особой потребностью определенного индивидуума. В обмене товар функционирует только как меновая стоимость, и только посредством обмена, т. е. после того, как он совершился, опять становится потребительной стоимостью: возникает новая связь с потребностью другого индивидуума. Потребительная стоимость денег есть не что иное, как воплощение общественно-

[1]) Marx, „Zur Kritik der politischen Oekonomie“. 2. Auflage, Seite 28.

необходимого рабочего времени; следовательно, деньги это— меновая стоимость; а потому в деньгах товар, как меновая стоимость, получает непосредственное выражение; таким образом в деньгах объективируется меновая стоимость товара в противоположность его потребительной стоимости. Только превращением денег в товар последний реализуется как потребительная стоимость, между тем как его меновая стоимость уже заключается в деньгах. После этого товар как потребительная стоимость покидает сферу обращения и переходит в сферу потребления.

Деньги только потому могут сделаться всеобщим эквивалентом, что они—товар, следовательно, меновая стоимость. Но в качестве меновой стоимости каждый товар есть мерило стоимости всех других товаров. Поскольку все товары в процессе своих взаимных действий вступают в отношение к одному определенному товару, этот особенный товар становится адэкватным выражением меновой стоимости, осуществляет ее бытие в качестве всеобщего эквивалента. Мы уже видели, что в обществе, которое разделением труда и частной собственностью разлагается на отдельные атомы и все же, несмотря на отсутствие общего сознания, является производственной коллективностью, производители только при посредстве своих материальных продуктов связываются между собою. Иначе это выражается в том, что все товары суть меновые стоимости. Теперь, с развитием денег, то же самое получает такое выражение, что все продукты труда, как меновые стоимости, представляют лишь различные количества одного и того же предмета— денег. Всеобщее рабочее время—в свою очередь, экономическое выражение производственной коллективности, а следовательно, и факт этой самой коллективности — является теперь в виде особенной вещи: особенного товара, на ряду со всеми остальными и кроме всех остальных товаров.

В процессе обмена товар засвидетельствовал, что он—потребительная стоимость, и доказал, что он удовлетворяет известной потребности, и притом удовлетворяет ей в общественно-необходимых размерах. Раз так, он тем самым сделался меновой стоимостью для всех других товаров, согласованных с тем же условием. В этом выражается превращение его в деньги, в представителя меновой стоимости вообще. Сделавшись деньгами, он сделался меновой стоимостью для всех остальных товаров. Товар должен сделаться деньгами, потому что только тогда и будет общественно выражено, что он—потребительная стоимость и меновая стоимость, действительное единство обоих. Но как-раз потому, что все товары, отчуждаемые в качестве потребительных стоимостей, превращаются в деньги, деньги становятся превращенной формою бытия всех остальных товаров; и только как результат этого превращения всех остальных товаров в деньги, деньги становятся непосредственным овеществлением всеобщего

рабочего времени, т. е. продуктом всестороннего обмена и утраты индивидуальными работами их индивидуального характера.

Итак, необходимость денег вытекает из самого существа общества, построенного на товарном производстве и узнающего о свойственной ему закономерности только из того, что товары обмениваются как продукты общественно-необходимого рабочего времени, из того, что общественная связь производителей находит себе выражение в цене их продуктов, определяющей их долю в производстве продуктов и в их распределении. Своеобразный способ регулирования этого общества посредством закона цен требует особого товара в качестве орудия обмена товаров, так как только этот товар и воплощает рабочее время в качестве общественно-необходимого рабочего времени. Что орудие обмена должно обладать стоимостью, это непосредственно вытекает из характера того общества, в котором потребительные стоимости сделались товарами и, как таковые, должны пройти через процесс обмена. „Тот самый процесс, который из продукта делает товар, превращает товар в деньги".

Итак, общественные связи осуществляются без участия сознания; они складываются посредством обмена товаров; и только посредством обмена, следовательно, после того, как уже миновал и не подлежит никаким изменениям процесс производства, которым собственно уже фиксирована определенная общественная связь, получается подтверждение, что единичный производитель правильно с точки зрения всего общества оценил эту связь. Все это, очевидно, равнозначаще анархии капиталистического способа производства. Это — анархия, потому что здесь нет сознания, которое с самого начала организовало бы производство сообразно своим целям; до отдельных же членов, с их индивидуальным, а не общественным сознанием, связь общественных отношений доходит наподобие закона природы, который действует независимо от воли подвергающихся его воздействию, хотя он и существует только благодаря их собственным общественным действиям, не осознанным ими как-раз потому, что они общественные. Эти действия никогда не предпринимаются с тем сознанием и с той целью, чтобы установить общественную связь: они всегда служат просто удовлетворению индивидуальных потребностей. В этом смысле можно было бы сказать также, что необходимость обслуживания обмена деньгами, т. е. материалом, который и сам обладает стоимостью, вытекает из анархии общества, построенного на товарном производстве.

Итак, деньги, являясь, с одной стороны, необходимым продуктом процесса товарного обмена, являются, с другой стороны, условием того, чтобы обмен продуктов, превращающихся в товары, приобрел характер всеобщности. Они, превращаясь в мерило стоимости товаров, делают последние непосредственно сравнимыми.

В самом деле, представляя стоимость, деньги суть то же самое, что и товары; а в формуле, в уравнении стоимости они представляют нечто противоположное товарам: эквивалент, т. е. ту потребительную стоимость, в которой нашла себе выражение стоимость.

Следовательно, деньги с полной непосредственностью и естественностью возникают из меновых отношений и не предполагают ничего иного, кроме последних. Меновые отношения делают деньгами тот товар, который наиболее пригоден для этой роли в силу своих естественных свойств. Потребительная стоимость этого товара, напр., золота, делает его денежным материалом. Золото—деньги не от природы (а лишь вследствие определенной структуры общества), но деньги от природы—золото. Следовательно, государство или закон не могут произвольно установить характер денег или хотя бы денежный материал. Государство и закон делают деньги прежде всего только монетой. Государство здесь ничего не изменяет, кроме количественных подразделений золота. Если оно раньше делилось и измерялось по весу, то теперь—на основе какого-либо иного масштаба, произвольного, а потому неизбежно построенного на сознательном соглашении. Так как общество товаропроизводителей находит свою высшую сознательную организацию в государстве, то государство и должно санкционировать это соглашение, чтобы оно приобрело значение во всем обществе. Дело здесь обстоит так же, как при установлении других мер, напр., мер длины. С той только разницей, что здесь речь идет о мериле стоимости, а стоимость всегда заключается в какой-нибудь вещи, и в каждой вещи различна в зависимости от времени, затраченного на производство этой вещи; следовательно, государство должно установить и ту вещь, которая является денежным материалом. Этот масштаб играет свою роль только в сфере соглашения, напр., внутри государства. За чертой государства он недействителен. На мировом рынке золото и серебро, как деньги, принимаются только по весу [1]). Соглашение относительно определенных денег, за недостатком государственного вмешательства, может быть осуществлено и частными лицами, напр., купцами определенного города, но и тогда оно, разумеется, распространяется лишь на данный круг лиц [2]).

---

[1]) По-меньшей мере, до тех пор, пока тенденция к единодержавию золота еще не вполне реализовалась.

[2]) Примером может служить гамбургская банковая система с 1770 г. Обороты балансировались посредством переводов на гамбургский расчетный банк. Операции производились лишь по уплате полноценным серебром. Денежным материалом было серебро, единицей измерения—кельнская марка чистого серебра, за которую вписывалось $27^{8}/_{9}$ банковых марок. Следовательно, те расчетные деньги, которыми гамбургская торговля пользовалась до 1872 года, имели в основе печеканенное

Итак, государство тем или иным способом подразделяет золото, и каждая часть делается распознаваемой благодаря государственной чеканке. Теперь все цены выражаются в этом масштабе. Таким образом государство установило масштаб цен. В качестве меры стоимостей золото функционирует потому, что оно—товар, следовательно, стоимость, воплощение общественно-необходимого рабочего времени; представляя это воплощение, золото изменяется в своей стоимости с изменением времени, необходимого на его производство. Как масштаб цен, золото подразделяется на части равного веса, и это подразделение неизменно по своему значению. Чеканка есть не что иное, как удостоверение, что отчеканенный экземпляр денег содержит определенное весовое количество денежного материала, напр., золота. В то же время это дает значительное техническое облегчение. Теперь уже не надо взвешивать деньги,—их приходится просто считать. И, далее, теперь можно удобно представить всякое количество стоимости, какое потребуется в обмене.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Деньги в процессе обращения.

Форма процесса обращения: товар—деньги—товар, Т—Д—Т. В этом процессе осуществляется общественный обмен веществ. А продает свой товар, не представляющий для него потребительной стоимости, и покупает другой, который является для него потребительной стоимостью. В этом процессе деньги играют просто роль подтверждения, что индивидуальные условия, при

серебро. При этом несущественно, что действительное серебро сохранялось в кладовых банка, а в обращении были только квитанции (это нечто совершенно иное, чем банковые билеты). „Бумажные деньги", с полным металлическим покрытием, представляющие просто расписку в получении от владельца последней действительного металла, действительно сохраняемого в банке, это—чисто-техническое приспособление и простая мера предосторожности против снашивания металла. Эти деньги точно также не затрагивают ни одного из законов денежного обращения, как если бы в обращении находились действительные слитки серебра, обернутые кожей или бумагой.

Государство первоначально может играть единственно такую роль, как показано в тексте. Этим упраздняется иллюзия Кнапа, будто деньги возникают только решением государства. В то же время мы видим, что исторически деньги первоначально развились из обращения. Следовательно, это прежде всего — орудие обращения. Только тогда, когда они сделались всеобщей мерой стоимостей и всеобщим эквивалентом, они сделались и всеобщим платежным средством. Это—против Knapp, „Staatliche Theorie des Geldes", Seite 3.

которых произведен товар, соответствуют общественным условиям производства. Значение же процесса определяется тем, что при его содействии потребности отдельного индивидуума получают удовлетворение, которое становится возможным лишь посредством всестороннего перемещения товаров. Стоимость товара возмещается стоимостью другого товара. Товар потребляется и выпадает из сферы обращения.

Но если товар таким образом постоянно выпадает из сферы обращения, то деньги постоянно остаются в этой сфере. Место, освобожденное товаром, занимает равное количество стоимости в денежной форме. Следовательно, процесс кругооборота товаров является процессом обращения денег. Теперь спрашивается, какое же количество денег необходимо для обращения? В нем деньги и товар действительно противопоставляются друг другу. Значит, количество средств обращения в первую очередь определяется суммою цен товаров. Если мы предположим, что количество товаров—величина данная, то количество обращающихся денег увеличивается или уменьшается в зависимости от колебания товарных цен, при чем безразлично, соответствует ли изменение цен действительному изменению стоимости, или же это простые колебания рыночных цен [1]). Это относится к случаям, когда акты купли и продажи сосуществуют в пространстве. Напротив, если эти акты представляют просто звенья одного ряда, расположенные последовательно во времени, то к этим случаям относится уравнение: сумма товарных цен, деленная на число оборотов одноименных монет, дает то количество денег, которое функционирует в качестве орудия обращения. При этом закон, согласно которому количество средств обращения определяется суммою цен обращающихся товаров и средней быстротою оборотов денег, можно выразить и в такой формуле: при данной величине товарных стоимостей и при данной средней быстроте их метаморфозов, количество обращающихся денег, или денежного материала, зависит от их собственной стоимости [2]).

Мы видели, что такое деньги: общественное отношение, выраженное в вещи. Эта вещь служит непосредственным выражением стоимости. Но в том отношении, которое мы обозначили формулой Т—Д—Т, стоимость товаров постоянно замещается стоимостью другого товара. Следовательно, выражение товарной стоимости в деньгах представляет здесь лишь мимолетный, исчезающий момент. Оно выступает здесь просто как технический вспомогательный прием, применение которого вызывает расходы; от последних необходимо по возможности избавиться. Одновременно с деньгами развивается таким образом стремление обхо-

[1]) Маркс, „Капитал", т. I, стр. 83.
[2]) Маркс, „Капитал", т. I, стр. 88.

диться без денег [1]). В сфере товарного обращения деньги первоначально появляются как твердый кристалл стоимости, а потом расплываются просто в эквивалентную форму товара [2]).

Как кристалл стоимости, деньги представляются необходимыми, как эквивалентная форма—излишними. Но необходимыми представляются только потому, что только таким образом стоимость товара может получить общественно-значимое выражение, и что только так товар может превратиться из денег снова в какой угодно другой товар. Выражение в денежной форме остается лишь мимолетным, оно приобретает важность не само по себе (как бывает в тех случаях, когда процесс Т—Д—Т прерывается, и деньги должны быть сохранены в течение более или менее продолжительного времени, чтобы как-нибудь впоследствии сделать возможным процесс Д—Т); таким образом здесь важна исключительно общественная сторона денег, то их свойство, что как стоимость они равны товару. Эта общественная сторона осязательно, материально выражена в денежном материале, напр., в золотых деньгах. Но она непосредственно может быть выражена посредством сознательного общественного регулирования,—а так как сознательный орган общества, построенного на товарном производстве, есть государство, то, следовательно, посредством государственного регулирования. Государство может установить, что определенные знаки, напр., определенно отмеченные бумажные знаки, являются представителями денег, знаками денег.

Ясно, что эти знаки могут функционировать исключительно как посредник в обращении между двумя товарами. Для иных целей, для иных функций денег они непригодны. Следовательно, они должны были бы совершенно войти в сферу обращения, потому что только в ней бытие стоимости в денежной форме носит неизменно мимолетный характер, так как эта форма постоянно замещается товарною формою стоимости. Но размеры этого обращения до чрезвычайности изменчивы, потому что они, как нам известно, при неизменяющейся быстроте оборотов денег зависят от суммы цен. Последняя же подлежит постоянным колебаниям, при чем особенно видную роль играют периодические

[1]) Только с точки зрения буржуазного общества можно рассуждать так, как Уильсон, который полагает, что потерю для общества представляют только праздно лежащие деньги. Напротив, весь механизм обращения, поскольку он требует затраты стоимостей, является faux frais, и даже с более развитой буржуазной точки зрения золото, поскольку оно служит орудием обращения, представляет непроизводительный (т.-е. не приносящий прибыли) расход, которого следует по возможности избежать: идея, которая была бы пугалом для системы меркантилизма (см. James Wilson, „Capital, Currency and Banking". London 1847. Стр. 10).

[2]) Маркс, „Капитал", т. I, стр. 76.

колебания в течение года, — напр., когда земледельческие продукты вступают в сферу обращения и своей массой увеличивают сумму цен,—а также колебания цен в пределах цикла промышленного расцвета и депрессии. Следовательно, количество бумажных денег всегда должно оставаться ниже минимального количества денег, вообще необходимого для обращения. Но этот минимум может быть замещен бумажными деньгами [1]), и так как он всегда требуется для обращения, то его вообще не приходится заменять золотом; следовательно, государство может наделить эти бумажные деньги принудительным курсом. Значит, в пределах минимума обращения вещное выражение общественного отношения заменяется сознательно регулируемым общественным отношением. Это возможно потому, что ведь и металлические деньги представляют общественное отношение, хотя и скрытое под вещною оболочкой. Это необходимо понять, чтобы уразуметь природу металлических денег [2]). Мы уже видели, что общество, построенное на товарном производстве, анархично, и что из этой анархии вытекает необходимость денег. Для минимума обращения эта анархия как бы устраняется: ведь минимум товаров известной стоимости во всяком случае должен быть продан, устранение действия произведенной анархии и обнаруживается в возможности замещения золота простыми знаками стоимости.

Но это сознательное регулирование находит свою границу в минимуме обращения. Только в этих пределах денежный знак функционирует как полноправный заместитель денег. Только в них бумага есть символ золота. А так как размеры обращения подвержены постоянным колебаниям, то необходимо, чтобы, наряду с бумажными деньгами, золотые деньги постоянно могли притекать в обращение и уходить из него. Если этой возможности нет, то наступают уклонения номинальной стоимости бумаги от ее действительного значения: перед нами будет обесценение бумажных денег.

[1]) Здесь действует тот закон, что „выпуск бумажных денег должен быть ограничен тем их количеством, в каком действительно обращалось бы символически представленное ими золото (или серебро)" (Маркс, „Капитал", I, стр. 92).

[2]) Кнапп с самого начала впадает в иллюзию, будто деньги „первоначально" суть не что иное, как металл определенного веса, а потом приходит в изумление по тому поводу, что оказалось возможным заменить их просто общественно-значимым знаком. Если бы он понял (и как раз недостаток этого понимания до сих пор мешает экономистам дать исчерпывающую теорию денег), что деньги дают только вещное выражение общественному отношению, он не нашел бы ничего загадочного в том, что в определенно отграниченной сфере это вещное отношение выражается при посредстве общественно-значимого, сознательно регулируемого соглашения, представленного государственной бумажкой с принудительным курсом. Справедливо, что здесь заключается существенная проблема, именно проблема границ этого государственного, следовательно, сознательно общественного регулирования. Но как-раз эту экономическую проблему Кнапп исключает из сферы исследования.

Чтобы понять этот процесс, представим себе прежде всего чистое бумажное обращение (при этом всегда подразумевается государственный принудительный курс). Предположим, что в определенный момент обращение требует 5 миллионов марок, для чего необходимо приблизительно 3.600 фунтов золота. Тогда все обращение приняло бы у нас такой вид: (5 миллионов марок в) Т — (5 миллионов марок в) Д — (5 миллионов марок в) Т. Если золото заместили бумажными знаками, что бы ни было оттиснуто на этих знаках, сумма их во всяком случае должна представлять сумму товарных стоимостей, следовательно, в нашем примере—5 миллионов марок. Если отпечатано 5.000 знаков равного достоинства, каждый будет равен 1.000 марок; если оттиснуто 100.000 знаков, каждый будет представлять 50 марок. Если, при прежней быстроте оборотов, сумма товарных цен удвоится, а количество знаков не изменится, то они будут равнозначащи 10 миллионам марок; если сумма цен упадет на половину, то всего $2^1/_2$ миллионов марок. Иными словами: при чистом бумажно-денежном обращении с принудительным курсом, при неизменности времени оборотов, стоимость бумажных денег определяется суммою цен тех товаров, которые должны пройти через сферу обращения; бумажные деньги здесь приобретают полную независимость от стоимости золота и непосредственно отражают стоимость товаров согласно закону, что их общее количество представляет стоимость, определяемую формулой $\frac{\text{сумма товарных цен}}{\text{число оборотов одноименных монет}}$. Из этого тотчас же видно, что возможно не только обесценение, но и повышение цены бумажных денег по сравнению с их первоначальной ценой.

Конечно, в качестве денежного знака может функционировать не только бумага, но и материал, который сам по себе обладает стоимостью. Пусть, напр., обращение обслуживается серебром. Если наступает обесценение серебра вследствие того, что издержки его производства понизились, то серебряные цены товаров повысятся, между тем как золотые цены, при прочих равных условиях, останутся неизменными. Обесценивание самого серебра выразится в изменении его отношения к золоту. Вексельный курс страны с серебряным обращением по сравнению с вексельным курсом страны с золотым обращением выразит девальвацию. Обесценение серебряной монеты, представляющей узаконенное платежное средство, при свободной чеканке совершится в тех же точно размерах, как и обесценение металла в слитках. Иное будет в том случае, если свободная чеканка прекращена [1]). Пусть сумма

[1]) Как известно, под свободной чеканкой разумеют право частных лиц доставить на государственный монетный двор любое количество денежного материала для того, чтобы он был перечеканен, в соответствии с установленными нормами монетного дела, в монету данной страны. Чеканка закрыта (блокирована), если государство отказывается превращать слитки в монету.

цен товаров, которые в нашем примере должны были пройти через сферу обращения, повысится с 5 до 6 миллионов марок; и пусть стоимость серебра в монете, — следовательно, приспособленного к потребностям обращения, — представляет в соответствии с его металлической стоимостью всего $5^1/_2$ миллионов марок; при таких предположениях каждая серебряная монета настолько повысится по своему значению в обращении, что сумма их даст как-раз 6 миллионов марок. Следовательно, оценка монет, как таковых, превышает их металлическую стоимость. Это явление наблюдалось, между прочим, в переоценке голландского и австрийского серебряного гульдена, затем индийской рупии, выше их металлической стоимости, что представлялось необъяснимым для таких значительных теоретиков денег, как Лексис или Лотц, но после всего предыдущего не представляет никакой загадочности [1]).

Итак, стоимость бумажных денег определяется суммою стоимости товаров, находящихся в обращении. Здесь чисто-общественный характер стоимости обнаруживается в том, что такая не имеющая стоимости вещь, как бумага, выполняя чисто-общественную функцию, обслуживая обращение, приобретает вследствие этого стоимость, и что величина последней определяется не собственной стоимостью бумаги, совершенно ничтожною, а стоимостью массы товаров, — представляет отражение товарной стоимости на бумажных знаках. Как луна, которая уже давным-давно охладилась, может светить только потому, что она получает свет от раскаленного солнца, так и бумажные деньги только потому имеют стоимость, что общественный характер труда сообщает товарам стоимость. Отраженная трудовая стоимость делает бумагу деньгами точно так же, как отраженный солнечный свет заставляет светиться луну. В бумаге—отблеск стоимости, именно товарной стоимости: свет луны—отблеск солнечного света.

В Австрии с 1859 года были неразменные бумажные деньги. На серебряные гульдены по сравнению с бумажными был лаж. Бумажных денег было выпущено больше, чем требовало обра-

[1]) Для авторов, которые писали под впечатлением английских ограничений эмиссионной деятельности банка, возможность повышенной оценки денег не представляла ничего проблематичного, потому что они с безграничной наивностью переносили законы бумажно-денежного обращения на металлическое обращение. Сравн. следующую цитату: „Ясно, что, если чрезмерный выпуск бумажных денег повышает номинальные цены товаров, то по совершенно таким же причинам сокращение выпусков, понижение их ниже того минимума, который требуется для обращения, в соответственной мере понизит номинальные цены... Золото в форме слитков будет иметь тогда на рынке меньшую стоимость, чем золото в форме монеты, и купец отправит его на монетный двор, чтобы извлечь прибыль, превратив его из слитков в монету“. William Blake, „Observations on the principles which regulate the course of exchange and on the present depreciated state of the currency“. London 1810. Стр. 40.

щение. Благодаря этому сложилось ранее описанное у нас положение: какое количество товаров мог купить гульден, это зависело уже не от стоимости серебра, а от стоимости всей массы товаров, находящейся в сфере обращения и определяющей значение всей суммы бумажных денег. Если стоимость всех товаров, находящихся в обращении, составляла 500 миллионов гульденов, а бумажных гульденов было напечатано на 600 миллионов, то бумажный гульден мог купить лишь такое количество товаров, какое раньше покупалось на $^5/_6$ серебряного гульдена. Благодаря этому сам серебряный гульден превратился в товар, потому что теперь платежи производились по большей части бумажными гульденами, а серебряные гульдены продавали, напр., за границу; за серебряный гульден получали $^6/_5$ бумажного, которым можно было оплатить свои прежние долги, заключенные в серебряных гульденах. Серебро исчезало из обращения. Перемена в отношении между серебряным и бумажным гульденом может возникнуть двояким способом. Прежде всего, при неизменяющейся стоимости серебряного гульдена товарный оборот может возрасти вследствие развития товарного обращения. Если не производится новых выпусков бумажных денег, то бумажный гульден может опять повыситься до прежней оценки, как только масса товаров, находящихся в обращении, потребует для своего передвижения 600 миллионов гульденов. Если товарная сумма все повышается, то может случиться, что бумажный гульден поднимется выше своего исходного уровня. Если сумма товарных цен требует 700 миллионов гульденов, а в обращении находится всего 600 миллионов бумажных гульденов, то бумажный гульден будет равнозначащ $^7/_6$ серебряного гульдена. Если существует свободная чеканка серебра, то частные лица до тех пор будут доставлять серебро для чеканки, пока в обращение не поступит такое количество серебряных гульденов, что бумажных гульденов вместе с серебряными окажется достаточно для обращения товарной массы в 700 миллионов гульденов. Тогда бумажный и серебряный гульден сравняются, и при продолжении свободной чеканки бумажный гульден будет определяться уже не стоимостью товарной массы, а стоимостью серебра, следовательно, опять сделается символом серебра.

Но те же явления могут наступить и иным способом. Размеры товарного обращения пусть остаются сначала прежние; бумажный гульден равнозначащ в таком случае всего $^5/_6$ серебряного гульдена; но пусть теперь стоимость серебра понизится, упадет на $^1/_6$. Тогда на серебряный гульден можно будет купить как-раз столько же товаров, сколько на бумажный гульден; лаж на серебро исчез, и серебро остается в обращении. Если стоимость серебра опускается еще дальше, скажем, на $^2/_6$, тогда будет прибыльно скупать серебро и отправлять его в Австрию для чеканки. Такая чеканка продлилась бы до тех пор, пока сумма бумажных

и серебряных гульденов не возрастет настолько, что, хотя покупательная сила последних уменьшилась на $^2/_6$, она будет достаточна для обращения. Мы предположили, что в обращении товаров находится на 500 миллионов гульденов (первоначального значения). У нас было 600 миллионов бумажных гульденов. Следовательно, гульден значил тогда $^5/_6$ первоначального гульдена. Теперь к этому присоединяются серебряные гульдены, стоимость которых упала до $^4/_6$. Чтобы сделать возможным обращение товаров, нам теперь требуется 500 миллионов $\times\,^6/_4$, или 750 миллионов гульденов; эта сумма составляется из 600 миллионов бумажных и 150 миллионов вновь отчеканенных серебряных гульденов. Но государство желает воспрепятствовать девальвации; для этого ему стоит только прекратить свободную чеканку серебра. Тогда его гульден приобретет независимость от цены серебра; его значение останется прежнее: $^5/_6$ первоначального гульдена; понижение стоимости серебра не найдет себе выражения в серебряных деньгах.

Это противоречит традиционной теории, согласно которой серебряный гульден при всяких обстоятельствах представляет просто кусок серебро в $^1/_{45}$ фунта и потому должен иметь такую же стоимость. Но это совершенно понятно, если мы знаем, что, раз чеканка прекращена, значимость денег является просто отражением стоимости той суммы товаров, которая входит в сферу обращения. Так как, согласно нашему предположению, стоимость серебра упала на $^2/_6$, австрийский же гульден стоит только на $^1/_6$ ниже, чем предположено в начале нашего анализа, то австрийский серебряный гульден, еще находящийся в обращении, будет на $^1/_6$ выше, чем цена равного количества серебра. Следовательно, этот гульден поднялся выше своей стоимости. И, действительно, это явление наступило в Австрии с половины 1878 года. Оно было вызвано, с одной стороны, тем, что стоимость бумажного гульдена должна была повыситься вследствие развития обращения, так как сумма бумажных денег не увеличивалась или увеличивалась медленнее; а с другой стороны тем, что стоимость серебра понизилась, — это нашло себе выражение в падении лондонской цены серебра.

Действительность вполне соответствует схематическому описанию. В мае 1873 года в Нидерландах была приостановлена свободная чеканка серебра. В то время, как стоимость серебра в слитках понизилась по отношению к золоту, серебряные деньги в голландской монете обнаружили значительное повышение стоимости. „К началу 1875 года цена серебра в Лондоне упала приблизительно до $57^1/_2$ пенсов; в то же время стоимость нидерландских денег по сравнению с английскими повысилась настолько, что за 1 фунт стерлингов отмечалось всего 11,6 гульдена вместо прежних 12. В этом проявился тот факт, что стоимость голландского

гульдена поднялась приблизительно на 10 процентов выше его металлического содержания". Только в 1875 году была введена золотая 10-гульденовая монета в качестве узаконенного платежного средства [1]). „Уже в 1879 году металлическое содержание серебряного гульдена представляло стоимость всего в 96,85 крейцеров, и, понижаясь дальше, оно опустилось до 91,95 крейцеров в 1886 году и до 84,69 крейцеров в 1891 году" [2]).

Развитие австрийской денежной системы в кратком описании таково: „В силу указов от 19 сентября 1857 года и 27 апреля 1858 года, система монархии с 1 ноября 1858 г. юридически, а в начале и фактически, была серебряная система, построенная по масштабу 45 гульденов на метрический фунт чистого серебра (90 гульденов—или флоринов—на килограмм), Размен на серебро (эмиссионным банком) продержался однако лишь самое короткое время (до конца 1858 года). Кроме того, вследствие затяжных критических, политических и финансовых обстоятельств (именно ими вызывались усиленные выпуски банкнот Р. Г.), на серебро по сравнению с бумажными деньгами до 1878 года был лаж, который все больше вытеснял серебряные монеты из обращения. Еще в 1871 году лаж на серебро составлял свыше 20 процентов, но вследствие чрезвычайного падения цены серебра на мировом рынке он в течение семидесятых годов постепенно понижался. С 1875 года цена серебра была так низка, что она неоднократно приближалась к его цене в монете (45 флоринов австрийской валюты за таможенный фунт) и в течение 1878 года сравнялась с нею. В связи с движением на венской бирже курса переводов на Лондон стало прибыльным доставлять серебро на венский и кремницкий монетные дворы для перечеканки его в австрийскую серебряную монету. Действительно, ввоз серебра в австро-венгерскую таможенную область в 1878 году чрезвычайно увеличился, и чеканка австрийской серебряной монеты в этом году и в следующем (на основании заявлений, которые были уже приняты раньше) достигла небывалого до того времени уровня" [3]). Чтобы предотвратить девальвацию, в начале 1879 года свободная чеканка серебра была приостановлена. Прекращение чеканки серебра „повело к тому, что покупательная сила австрийского гульдена высвободилась из-под как бы механического влияния цены серебра и, напротив, стала развиваться почти с полной независимостью от стоимости того количества серебра, которое содержится в австрийском серебряном гульдене. Именно, чистое серебро, равное по весу 100 серебряным гульденам, если взять

[1]) См. Helfferich, „Das Geld". Seite 77.
[2]) Там же, Seite 80.
[3]) Spitzmüller, „Die österreichisch-ungarische Währungsreform", „Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung", XI. Band 1902, Seite 339.

в основу лондонские цены серебра и курс переводов на Лондон, имело в Вене такую среднюю стоимость:

В 1883 году	97 флор.	64	крейц.
„ 1887 „	91 „	—	„
„ 1888 „	86 „	08	„
„ 1889 „	82 „	12	„
„ 1891 „	84 „	70	„

Стоимость 100 флоринов австрийской системы, при тех же данных, должна была бы составлять в гульденах золотом [1]):

В 1883 году	82 флор.	38	крейц.
„ 1887 „	72 „	42	„
„ 1888 „	69 „	34	„
„ 1889 „	69 „	38	„
„ 1897 „	73 „	15	„

Напротив, действительная курсовая стоимость 100 флоринов австрийской системы составляла в среднем выводе для означенных лет: 84,08, 79,85, 81,39, 84,33 и 86,33 гульденов золотом" [2]). Иными словами, в эти годы австрийские серебряные гульдены были подняты выше своей стоимости, т. е. их покупательная сила была выше, чем покупательная сила заключавшегося в них серебра. Именно, разница для 100 серебряных гульденов составляла в годы:

1883	1	флор.	70	крейц.	в золот.	гульден.
1887	7	„	43	„	„	„	„
1888	12	„	05	„	„	„	„
1889	14	„	95	„	„	„	„
1891	13	„	18	„	„	„	„

Из этой таблицы видно, что курс серебряного гульдена изменяется не почти, как полагает Шпицмюллер, а совсем независимо от цены серебра.

Шпицмюллер называет эту систему „кредитной системой", но он не может указать, чем же определяется курс. Он говорит:

Итак, покупательная и меновая сила австрийского серебряного, и соответственно бумажного, гульдена в период 1878—1891 годов определялась в первую очередь не стоимостью денежного металла; более того: как превосходно показал Карл Менгер („N. Fr. Pr." 12 декабря 1889 г.), в австрийском гульдене обнаружилась „меновая стоимость, которая не находится ни в какой связи с внутренней стоимостью наличной действительной монеты".

[1]) Золотой гульден, это—восьмая часть восьми-гульденовой монеты, которая чеканилась как торговая монета, следовательно, не предназначалась для внутреннего обращения, и по своему золотому содержанию была равна двадцати-франковой монете.
[2]) Там же, стр. 311.

Австрийская система фактически уже не была, следовательно, серебряной системой, и даже хромающей серебряной системой ее можно было бы назвать лишь в несобственном значении этого понятия. Это была скорее кредитная система, оценка которой в международных отношениях обусловливалась в первую очередь платежным балансом австро-венгерской таможенной области, а во внутренних отношениях, кроме того, и остальными факторами, образующими цены (sic!) в пределах таможенной области (стр. 341).

Его неуверенность ясно сказывается в следующей цитате:

Во всяком случае было бы ошибочно предполагать, что „кредит", оказываемый австрийской системе, совершенно и всецело (!) независим от того, как складываются цены на рынке серебра; напротив, в высокой оценке нашего гульдена в переходный период 1878 — 1891 годов, несомненно, известную (!) роль играло то обстоятельство, что приостановка чеканки серебра для частных лиц основывалась на административном распоряжении, следовательно, на таком, которое могло быть отменено во всякое время, и что, кроме того, чеканка за государственный счет продолжалась: упомянутые выше моменты делали будущее нашей системы совершенно неопределенным. И, в частности, не случайно было то обстоятельство, что новое понижение цены серебра в годы 1885 — 1888 шло параллельно с сильным повышением наших переводных курсов (стр. 311).

Было бы любопытно, если бы было показано, каким образом полная неопределенность будущего системы во всякий данный момент может претворяться в математически определенные повышения или понижения курса. В действительности эти субъективные влияния не играли никакой роли: решающее значение имело только объективное состояние сферы обращения, ее общественные потребности.

Много ближе подходит к правильному объяснению Гельферих. Он говорит:

Дополнительная стоимость денег в монете (имеются в виду системы при отсутствии свободной чеканки) основывается на том, что только металл в монете, а не металл в слитках может выполнять функции денег, и что государство отказывается удовлетворять требования о перечеканке металла в монету.

Стоимость неразменных бумажных денег основывается исключительно на том, что государство объявило их узаконенным платежным средством, что они могут быть употреблены на выполнение существующих долговых обязательств, и что они получили от государства привилегию на выполнение денежных функций, экономически совершенно необходимых.

Стоимость обоих видов денег основывается не на стоимости материала, из которого они сделаны, и не на том, что они дают право на определенное требование, как подлежащее размену банкноты, а исключительно на том, что им придан характер узаконенного платежного средства („Das Geld", Seite 81).

Для серебряной системы приостановка свободной чеканки является условием и одновременно объяснением того, что серебряная монета, как правильно указывает Гельферих, эмансипируется от стоимости своего материала. Но этим еще ничего не сказано о величине той стоимости, которую теперь получает монета, а это как-раз самое важное. Эта величина определяется общественно-необходимым количеством средств обращения, а оно, в свою очередь, определяется в последнем счете стоимостью суммы товаров. Понять это Гельфериху мешает его субъективистская теория стоимости.

Но возражения Гельфериха против кредитной гипотезы, выдвинутой Шпицмюллером, совершенно правильны:

При свободных системах во всех сортах денег стоимость материала, из которого монеты сделаны, ниже их денежной стоимости. Здесь потому уже совсем невозможно сводить повышенную денежную стоимость монет к влиянию кредита, что тут не существует таких полноценных денег, на которые могли бы быть разменены деньги неполноценные, и от которых последние в порядке кредита могли бы получить свою стоимость. Вообще никаких полноценных денег не было в нидерландской денежной системе с 1873 по 1875 гг., в австрийской с 1879 по 1892, в индийской с 1893 по 1899 гг. Превышение стоимости денег над стоимостью материала, наблюдавшееся в голландском и австрийском серебряном гульдене и в индийской рупии, представляло вполне самостоятельную стоимость, которая не могла быть выведена из стоимости какого-либо иного предмета. Она основывалась не на расценке в полновесных деньгах (о праве требовать полноценные деньги нечего и говорить), а единственно и исключительно на том, что этим монетам был придан характер узаконенного платежного средства, и на ограничении чеканки. Та стойкость, которая отчасти еще и теперь обнаруживается по отношению к австрийской системе с 1879 г., показывает, до какой степени теория до сих пор находится под властью представления, будто неполноценные деньги непременно должны быть кредитными деньгами и по меньшей мере получать свою стоимость от полноценных денег. То явление, что стоимость австрийского серебряного гульдена по прекращении свободной чеканки серебра поднялась выше стоимости заключающегося в этом гульдене серебра, привело в смущение больше всего как-раз потому, что невозможно было открыть, от какого же это более высокого по своей стоимости сорта денег получил серебряный гульден свою денежную стоимость, превышающую стоимость его серебряного содержания. Тогда напали на изумительное объяснение, что стоимость серебряного гульдена только вследствие его связи с бумажным гульденом удерживается выше его серебряной стоимости („Das Geld", Seite 382 ff.).

Такие же явления, как в австрийской денежной системе, наблюдаются в Индии. В 1893 году была прекращена свободная чеканка серебра. Целью было повысить курс рупии до 16 пенсов. При свободной чеканке этот курс соответствовал бы цене серебра почти в 43,05 пенса. Другими словами, при такой цене серебро, заключающееся в рупии, превращенное в слиток и проданное на лондонском (мировом) рынке, доставило бы 16 пенсов. Действие прекращения свободной чеканки было таково: курс рупии повысился до 16 пенсов, между тем как раньше он составлял $14^{7}/_{8}$ пенса. Напротив, в течение немногих дней цена серебра упала с 38 пенсов перед закрытием монетных дворов до 30 пенсов на 1 июля. С того времени курс рупии пошел вниз, а цена серебра повысилась до $34^{3}/_{4}$ пенса и колебалась около этого уровня, пока 1 ноября 1893 года Америка не прекратила закупок серебра

(ежемесячно $4^1/_2$ мил.). Тогда цена серебра пошла вниз и 26 авг. 1897 г. достигла низшего уровня в $23^3/_4$ пенса. Напротив, стоимость индийской валюты в начале сентября 1897 г. достигла желанного уровня в 16 пенсов, между тем как заключающаяся в рупии металлическая стоимость составляет приблизительно 8,87 пенса.

„С самого начала можно было отметить тот удовлетворительный результат, что уже до закрытия индийских монетных дворов для частной чеканки курс рупии был постоянно выше стоимости металла в слитках, и притом на значительно большую величину, чем составляют издержки чеканки. С половины 1896 года оказалась порванной и последняя связь между ценой серебра и курсом рупии, и окончательно был устранен тот параллелизм, который, хотя бы напоследок и в значительно ослабленной форме, все же существовал между их движениями“ [1]).

Что мучает теоретиков денег,—так это вопрос, что же является при закрытии чеканки мерилом стоимости [2])? Очевидно, им не может быть серебро (совершенно такое же явление может наступить и при блокированной золотой валюте) [3]). Движение курса

[1]) Dr. Anton Arnold, „Das indische Geldwesen unter besonderer Berücksichtigung seiner Reformen seit 1893“, Seite 227.

Один приятель, возвратившийся из путешествия по Индии, как-то рассказывал мне следующее. Он видел несколько европейцев, которые на одном индийском базаре покупали серебряные украшения. Индийский торговец, чтобы побороть их недоверие: не обманывает ли он их, предложил им взвесить украшения. Покупная цена должна, по его предложению, заключаться в серебряных рупиях равного веса. Европейцы с величайшим удовольствием приняли эти условия и заключили сделку, радуясь, что они возместили торговцу только стоимость металла, а стоимость обработки получили бесплатно. Они, разумеется, не знали что, благодаря законодательству о денежном обращении, торговец получил цену, почти на 100% превышающую стоимость металла. Можно признать, что это — заслуженный штраф за экономическое невежество, и пожалеть только, что его нельзя превратить в общую меру.

[2]) „Действительно, можно усомниться, осталось ли у нас золото фактически мерилом стоимости (measure of prices) с того времени, как введена новая банковая система (имеется в виду прекращение платежей звонкой монетой и введение принудительного курса для билетов английского банка в 1797 г.), и имеется ли у нас какой-либо иной масштаб цен (standard of prices), кроме того средства обращения (circulating medium) английского банка и провинциальных банков, которое может изменяться в своей относительной стоимости столь же неопределенно, сколь неуловимы возможные эксцессы этого средства обращения“. Report from the select Committee apointed to inquire into the cause of the high Price of Gold Bullion (London 1810). Стр. 16. Отчет так и оставляет нерешенным поставленный им вопрос.

[3]) Lindsay совершенно правильно заявил комитету по вопросам денежного обращения, заседавшему в 1898 г. под председательством лорда Towler: „При современной денежной системе рупии суть не что иное, как особый род неразменных билетов с принудительным курсом; поэтому на них распространяются все законы, относящиеся к неразменным бумажным деньгам“. Это, по Lindsay, — законы, установленные Рикардо (Цитир. у Bothe, „Die indishe Währungsreform“).

денег и цены металла совершенно различно. Количественная теория со времен Тука совершенно справедливо считается несостоятельной. Важно кроме того, что вообще невозможно сопоставлять количество металла на одной стороне и количество товаров—на другой. Какое отношение может существовать между X килограммов золота или серебра, или даже бумажных денег, и a) миллионами сапог, b) миллионами коробок сапожной ваксы, c) центнерами пшеницы, d) гектолитрами пива и т. д.? Сопоставление массы денег, с одной стороны, и товарной массы, с другой, уже само по себе предполагает нечто общее между ними,— как-раз то самое отношение стоимости, которое требуется об'яснить.

Привлечь к об'яснению силу государства,—и это не поможет делу. Прежде всего, покрыто полною тайной, как такое государство оказывается способным придать клочку бумаги или одному грамму серебра покупательную силу, хотя бы всего на одну сотую грамма большую по отношению к винам, сапогам, сапожной ваксе и т. п. Притом государство при таких опытах неизменно терпело фиаско. Желание поднять курс рупии до 16 пенсов сначала нисколько не помогло правительству Индии. Рупии не было никакого дела до этого, и ближайший успех государства заключался всего лишь в том, что оно сделало курс рупии вообще совершенно неподдающимся предвидению потому, что теперь он перестал считаться и с ценой серебра. А для австрийского государства повышение курса серебреного гульдена выше его металлической стоимости наступило и совсем неожиданно, без всякого преднамеренного вмешательства с его стороны, яко тать в нощи его неведения. Что спутывает теоретиков [1]), так это то обстоятельство, что деньги по видимости сохраняют свое свойство быть мерилом стоимости. Разумеется, как и раньше, все товары выражаются в деньгах, „измеряются“ ими. Как и раньше, деньги представляются мерилом стоимости. Но величина стоимости самого этого „мерила стоимости“ определяется уже не стоимостью того

[1]) В особенности характерна следующая игра вопросов у Bothe („Die indische Währungsreform seit 1893“, Cotta 1904, стр. 48 и след.): „Что было после 26 июня 1893 г. мерилом стоимости в Индии“? „Ясно, что, раз золотая стоимость рупии поднялась выше золотой стоимости заключающегося в ней чистого серебра, серебро уже не было мерилом стоимости... Или, быть-может, „рупия“ сделалась мерилом стоимости в Индии в том смысле, как показывает профессор Лексис в своей статье „Papiergeld“ (в „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“)? Именно в том смысле, что неразменные билеты с принудительным курсом могут превращаться в самостоятельные деньги, а значит, и в мерило стоимости, потому что, являясь узаконенным платежным средством, они приобретают „высший отпечаток платежного кредита“, обнаруживают свою стоимость по отношению к товарам. Или же по закрытии монетных дворов золото было мерилом стоимости в Индии? Если „рупию“ наделяют свойством мерила стоимости, то это равносильно утверждению, что абстрак-

товара, из которого оно образовано, не стоимостью золота или серебра, или бумаги. Напротив, эта „стоимость“ в действительности определяется совокупной стоимостью товаров, находящихся в сфере обращения (при чем предполагается неизменная быстрота оборотов). Действительное мерило стоимости не деньги: „курс“ самих этих денег определяется тем, что я назвал бы общественно-необходимой стоимостью обращения. Мы до сих пор для упрощения не останавливались на функциях денег, как платежного средства, откладывая подробный их анализ до позднейшего времени. Но если мы примем их во внимание, то общественно-необходимая стоимость обращения выразится в формуле: $\frac{\text{сумма товарных стоимостей}}{\text{быстрота оборотов денег}}$ плюс сумма подлежащих погашению платежей, минус взаимно покрывающиеся платежи и, наконец, минус те обороты, в которых одна и та же монета попеременно функционирует то как средство обращения, то как платежное средство. Это—масштаб, величину которого, разумеется, невозможно вычислить наперед. Единственный счетчик, который в состоянии сделать это,—общество. Величина масштаба изменяется, а с нею и курс денег. Это очень ясно показывает изменчивый курс индийской рупии в 1893—1897 г.г., равно как и колебания австрийской валюты. Эти колебания устраняются, когда в качестве мерила стоимости, в качестве денег, опять начинает функционировать какой-либо полноценный товар (серебро, золото). Как мы видели, для этого нет никакой необходимости в том, чтобы бумажные деньги или неполноценные деньги исчезли из обращения; требуется только, чтобы количество денег в обращении было сведено к минимуму обращения, а колебания за пределы этого минимума устранялись бы вступлением в сферу обращения полноценных денег.

Итак, замечательная история денежных систем с прекращением свободной чеканки,—или „серебряных систем с позолоченными краями, систем предельного золота“, как иногда называют индийскую и аналогичные системы,—утрачивает свою таинственность лишь при том условии, если мы будем рассматривать их в свете марксистской теории денег,—хотя, с другой стороны, они остаются необ'яснимыми в свете „металлической“ теории. Напротив, Кнапп, который с величайшим остроумием раскрыл многие недостатки „металлической“ теории—теории Маркса он не касается и, очевидно, соединяет ее с „металлической“, — сам Кнапп не дает экономического об'яснения явлений, а дает всего лишь искусственную систему классификации видов денег, не касаясь их возникновения и развития. Это—специфически-юридическое исследование, которое характеризуется уже широтой места отведенного терминологии; основная экономическая проблема стоимости денег и покупательной силы денег остается совершенно вне сферы исследования. Кнапп—как бы Линней теории денег, между тем как и здесь Маркс оказывается Дарвином. Но этот Линней приходит долго спустя после Дарвина.

Кнапп—последовательнейший эпигон той теории, которая, неспособная об'яснить явления бумажно-денежного обращения на металлическое, а вместе с тем и на все вообще обращение (металл плюс банкноты, которые сваливаются в одно с государственными бумажными деньгами), — просто переносит явление, бросающееся в глаза при бумажных деньгах с принудительным курсом: именно, влияние количества выпущенных бумажных знаков. Она рассматривает только количественное отношение и игнорирует то, что имеет определяющее значение для стоимости: как для товарной стоимости, так и для денежной стоимости. Ее ошибка возникает из опытов бумажно-денежного хозяйства, в особенности в Англии, со времени прекращения платежей звонкой монетой в 1797 году. „Исторической подоплекой дебатов служила история бумажных денег в XVIII веке, фиаско банка Ло, идущее параллельно с ростом количества ценных бумаг, понижение цены билетов провинциальных банков, выпускавшихся в северо-американских колониях Англии с начала до половины XVIII столетия; потом, позже,—узаконенно навязываемые американским правительством бумажные деньги (continental bills), выпущенные во время войны за независимость,—наконец, выполненый в еще большем масштабе эксперимент с французскими ассигнатами“ [1].

Такого ошибочного вывода не избежал даже острый ум Рикардо. Это—психологически любопытный пример того мощного влияния, какое эмпирические впечатления оказывают на абстрактное мышление. В самом деле, вообще повсюду Рикардо от количественных отношений, влияющих на цены (от спроса и предложения, как факторов образования цен), обращается к тому, что лежит в основе количественных отношений и господствует над ними, к стоимости.

ция могла бы быть мерилом стоимости: ведь после 26 июня 1893 года стоимость рупии обусловливалась не потребительной стоимостью (?) материала, из которого она отчеканена,—этот последний представлял отныне всего лишь низший предел, подвергавшийся постоянным колебаниям,— а такими суждениями о свойствах и полезности „рупии“, которые не стоят ни в какой связи с ее материалом“.

Совершенно так же и мнение Джона Леббока, будто, „по закрытии монетных дворов „exchange“ сделался мерилом стоимости, является просто иною формою небезопасного (!) утверждения, что абстракция может быть мерилом стоимости“. Voilà tout. Ясно, что только очень конкретное почтение к авторитету профессора Лексиса препятствует тому, чтобы автор раскритиковал тот недостаток теоретической „абстракции“, который приводит Лексиса к его пресловутой абстракции. Но там, где нет понятия „стоимость“, в надлежащее время является слово „доверие“. Сравн., однако, удачную полемику против Лексиса у Arnold, раньше названная работа, стр. 241 и след.

[1]) Marx, „Zur Kritik der politischen Oekonomie“, стр. 177.

Только в вопросе о деньгах он отстраняет уже найденное понятие стоимости. Он говорит: „It a mine of gold were discovered in either of these countries, the currency ot that country would be lowered in value in consequence of the increased quantity of the precious metals brought into circulation, and would therefore no longer be of the same value as that of other countries“ [1]). Здесь стоимость золота понижается исключительно количеством, и золото совершенно односторонне признается только средством обращения, из чего естественно вытекает потом, что все золото немедленно и целиком поступает в сферу обращения. А так как все решается количеством, то золото без дальнейших околичностей приравнивается банкнотам; правда, сначала Рикардо прямо говорит, что он имеет в виду разменную банкноту, но дальше, соответственно тогдашнему состоянию английской денежной системы, она представляется ему подобной государственным бумажным деньгам с принудительным курсом. Потому-то он и мог сказать: „If instead of a mine being discovered in any country, a bank were established, such as the Bank of England, with the power of issuing its notes for a circulating medium, after a large amount had been issued,... thereby adding considerably to the sum of the currency, the same effect would follow as in the case of the mine“ [2]). Следовательно, влияние английского банка здесь приравнивается влиянию открытия золотого рудника: и в том, и в другом случае увеличивается количество средств обращения [3]).

Благодаря этому приравниванию, оказалось потом невозможным правильное понимание законов и металлического обращения и обращения банкнот. Что касается Кнаппа, на него совершенно определенно повлияли описанные новые явления устойчивых „бумажных систем“ и отрешение стоимости серебряных денег от их металлической стоимости. Последнее обще серебряным (следовательно, металлическим) деньгам с бумажными деньгами. Но относительно бумажных денег представляется, как-будто они определяются в своей стоимости государством, которое их выпускает. А так как серебро при закрытии чеканки именно

[1]) „Если бы в одной из этих стран были открыты золотые рудники, то в этой стране средства обращения понизились бы в своей стоимости вследствие того, что в обращение вступило бы возросшее количество благородных металлов, и средства обращения здесь уже не имели бы поэтому той стоимости, как средства обращения других стран“.

[2]) „Если бы вместо открытия рудника в стране был учрежден банк, наделенный, подобно английскому банку, полномочием выпускать свои банкноты в качестве средств обращения, то, когда будет выпущена крупная сумма билетов, которою значительно увеличится сумма средств обращения, наступят совершенно такие же последствия, как в случае с открытием рудника“.

[3]) Ricardo, „High Price of Bullion“. The works of David Ricardo. Изд. Mc. Culloch. New edition, London 1888. Стр. 264.

в этом отношении сходится с бумажными деньгами, то возникает иллюзия, что бумажные деньги — как и металлические деньги, следовательно, деньги вообще — определяются государством, и государственная теория денег, которая сознательно не хочет быть экономической, готова. Лежащая в ее основе иллюзия вызывает следующую критику:

„Вмешательство государства, которое выпускает бумажные деньги с принудительным курсом... как-будто уничтожает экономический закон. Государство, которое в цене монеты просто дало название определенному весу золота и при чеканке просто наложило свой штемпель на золото, представляется теперь в таком виде, как-будто магической силой этого штемпеля оно бумагу превращает в золото. Так как бумажные знаки имеют принудительный курс, то никто не может воспрепятствовать государству навязать произвольно большое число таких знаков обращения и отпечатать на них произвольные монетные наименования, напр., 1 фунт стерлингов, 5 фунтов стерлингов, 20 фунтов стерлингов. Знаки, раз попавшие в обращение, уже невозможно выбросить из него, потому что, с одной стороны, их движение останавливается у пограничных столбов страны, а с другой стороны—вне обращения они утрачивают всякую стоимость, как потребительную, так и меновую. Отрешенные от своего функционального бытия, они превращаются в никуда негодные клочки бумаги. Между тем эта сила государства — простая иллюзия. Оно может выбросить в обращение произвольное количество бумажных знаков с произвольными монетными именами, но этим механическим актом и оканчивается его власть (NB. А вместе с тем теория Кнаппа останавливается как-раз там, где начинается экономическая проблема). Захваченный обращением, знак стоимости или бумажные деньги попадают под действие его имманентных законов“ [1]).

Трудности об'яснения вытекают из того, что сваливаются в одну кучу различные функции денег и различные виды денег (государственные бумажные деньги и кредитные деньги,—об этом см. ниже). Если ошибкой количественной теории—ее не избег и Рикардо—было то, что она смешала законы государственных бумажных денег с законами денежного обращения вообще и в частности с законами обращения банкнот (кредитных денег), то в настоящее время происходит обратное. Так как количественная теория по справедливости считается опровергнутой, то боятся признать влияние количества на курс денег и в тех случаях, когда оно является определяющим,—именно в случаях бумажно-денежного обращения и систем с „неполноценными“ деньгами. Здесь хва-

[1]) Marx, „Zur Kritik der politischen Oekonomie“, стр. 115. Подчеркивания сделаны мною.

таются за всевозможные об'яснения и, не видя общественного решающего момента, прибегают к помощи суб'ективистических об'яснений и пытаются вывести стоимость государственных денег из тех или иных связанных с кредитом оценок. А так как, с другой стороны, в случае с металлической стоимостью приходится держаться собственной стоимости денег, то, в противоположность Кнаппу, не хотят отказаться вообще от об'яснений экономического свойства,—и факт повышенной стоимости денег каз-раз остается необ'ясненным. У Рикардо взякое изменение стоимости денег об'ясняется количественными изменениями. А так как, по его теории, изменение стоимости представляет очень частое явление, и в зависимости от того, увеличивается или уменьшается количество денег, стоимость их понижается или повышается,—следовательно, при всякой системе постоянно происходит повышение выше стоимости или понижение ниже ее уровня,—то повышенная стоимость денег не представляет для него никакой дальнейшей проблемы. Он говорит:

„Хотя бумажные деньги не имеют внутренней стоимости, однако, если их количество ограничено, их меновая стоимость может сравняться со стоимостью равной суммы металлических денег или слитков, расцениваемых по их монетной стоимости. Совершенно так же, как в силу того же принципа, т.-е. посредством ограничения количества денег, неполноценные деньги могут обращаться не по внутренней стоимости заключающегося в них чистого металла, а по той стоимости, какую они имели бы, если бы их вес и их металлическое содержание были предписанные законом. Поэтому в истории английских денег мы открываем, что наша звонкая монета никогда не обесценивалась в степени, соответствующей ее фальсификации. Причина заключается в том, что количество ее никогда не увеличивалось в степени, соответствующей ее обесценению“ (Principles XXVII). Ошибка Рикардо в том, что законы, относящиеся к системе с прекращением свободной чеканки, он без дальнейших околичностей переносит и на свободную чеканку. Большинство немецких теоретиков денег тоже об'единяют обе денежные системы, но только наоборот; как-раз потому их совесть не чиста перед количественной теорией, и, встречаясь с проблемами обращения банкнот, они снова и снова поддаются старым воззрениям количественной теории,—а встречаясь с проблемами прекращения свободной чеканки, опять отшатываются от об'яснений количеством.

Напротив, у Фуллартона встречается интересная и в существенном правильная постановка проблемы закрытых, блокированных систем (систем с прекращением свободной чеканки). Он исходит из предположения нации без торговых сношений и без учреждений, которые постоянно возобновляли бы монету. Обороты

внутри страны обслуживаются посредством старых и неполноценных (debased) металлических орудий обращения, которые получают свою высокую покупательную способность только потому, что количество их ограничено (which preserves a high rate of exchangeable value merely by the limitation of its amount). При этом нация в широких размерах потребляет благородные металлы на цели роскоши и украшения и ежегодно вывозит на полмиллиона продуктов промышленности в обладающую рудниками страну, чтобы покрыть свою годовую потребность в благородных металлах. Пусть теперь усовершенствование методов добывания или открытие новых, более обильных рудников понизит наполовину издержки производства золота и серебра в той стране, где лежат рудники; вследствие этого производство в дальнейшем удвоится, цена металла на месте соответственно понизится. У купцов упомянутой нации будет возможность за прежнее количество вывозимых товаров ввозить к себе один миллион вместо прежнего полмиллиона благородных металлов. Какой же эффект тогда получился бы? Очевидно, он по существу нисколько не отличался бы от того, что получается при чрезмерном предложении всякого другого товара, который мог бы сохраняться столь же долгое время. Так как прежняя годовая потребность страны в золоте и серебре для целей роскоши вполне удовлетворялась посредством ввоза стоимостью в полмиллиона; то покупатели на возросшее количество найдутся не раньше, чем понижение цены создаст новый спрос; в соответствии с этим цены вновь ввезенного количества металла, расцениваемого в обесцененной валюте, должны понизиться с большею или меньшею быстротой, смотря по тому, насколько быстро купцы реализуют свои товары (the prices, accordingly, of the newly imported stock of metals, as estimated in the base currency, would decline with more or less rapidity as the merchants might be more or less eager to realize their returns). Но в течение всего этого времени (пока конкуренция не сведет цены металлов к издержкам их производства) цена всех других товаров, кроме золота и серебра, измеряемая в местной валюте данной страны, оставалась бы неизменной; и если бы страна не использовала некоторой части избыточной металлической стоимости на акты обмена с какой-либо третьей страной, которая получает золото и серебро при менее благоприятных условиях, то ввозящая металлы страна от этих периодических приобретений металлического богатства не имела бы никакой выгоды, кроме той, которая вытекает из более широкого применения золота и серебра в домашнем хозяйстве (But, all this time, the price of every other commodity but the gold and silver, as measured in the local currency of the country, would remain unmoved; and, unless some of the surplus stock of the metals thus acquired could be turned to account in commercial

exchange with some third country less favourably circumstanced for procuring its snpplies of gold and silver direct from the mines, the importing contry would derive no advantage from these periodical accessions of metallic weath, beyond such gratification as can be derived from the more generally diffused application of golg and silver to domestik uses).

Итак, здесь теоретически конструирован случай повышенной оценки австрийского серебряного гульдена. Но только Фуллартон не раскрывает, что количественная сторона определяется общественным минимумом обращения.

Потом Фуллартон исследует совершенно иные отношения,— при свободной чеканке, как мы сказали бы в настоящее время. Он спрашивает, какое действие оказали бы такие же обстоятельства, но в стране с более широкими торговыми отношениями, в стране, денежная система которой находилась бы в лучшем состоянии, которая имела бы, следовательно, в обращении полноценные деньги (a full metallic circulation of standard weight and fineness), неограниченную торговлю металлами и монетный двор, обязанный перечеканивать доставляемый металл в установленную монету (a mint open for the coinage of all the standard bullion which might be brought to it). Тогда влияние удвоенного предложения металла с рудников было бы совершенно иное. Рыночная цена слитков никак не могла бы повыситься, потому что цена золота, измеряемая в монетах из того же самого металла, вообще не может изменяться; цена слитков и монет может одновременно понижаться или повышаться, но расходиться эти цены не могут. Поэтому увеличение ввоза не вызвало бы необычно настойчивого повышенного предложения на рынке золотых слитков — и не вызвало бы, по меньшей мере, в первое время, побуждений к увеличенному потреблению. Все слитки отправлялись бы на монетный двор для чеканки и доставили бы импортерам огромное приращение богатства; в соответствии с их возросшими средствами, они тотчас сделались бы на рынке конкурентами из-за всякого вида производительного вложения этих средств, а равно и за все предметы, которые повышают приятность жизни. А так как предложение предметов роскоши всегда ограничено и никак не может увеличиться от этого огромного переполнения обращения монетою, то неизбежное последствие было бы такое: прежде всего понижение нормы процента, потом повышение цены земли и всех ценных бумаг, приносящих проценты; в заключение прогрессивное общее повышение цены всех товаров, пока она не достигнет уровня, соответствующего уменьшившимся издержкам производства монеты. После этого прекратится влияние на уровень процента, новый запас монет будет поглощен наличным, и видения внезапного расцвета и богатства исчезнут, не оставив никакого иного следа, кроме того, что теперь при купле-продаже каждый

раз придется уплачивать монеты в большем количестве и в большем весе (There would, in that case, be no rise of the market-price of the bullion, for the prise of gold, measured in coin of the same metal, and of equal fineness, can never vary; they may both rise or both fall together, as compared with commodities, but there can be no divergence. Neither would there be any usual pressure on the bullion market in consequence of the increased importation, nor, at least, in the first instante, any inducement to a larger consumption, and the rest would all be sent to the mint for coinage, vielding an enormous accession of wealth to the importers, who to the extent of the means thus placed in their hands, would immediately become competitors for every description of productive investment in the market, as well as for all the material objects which contribute to human enjoyment. But as the supply of such objects of desire is always limited, and would in no way be augmented by this great inundation of circulating coin, the inevitable results would be, first, a decline of the market-rate of interest; next, a rise in the value of land, and of all interest bearing securities; and lastly, a progressive insrease in the prices of commodities generally, until such prices should hawe attained a level corresponding with the reduced cost of procuring the coin, when the action on interest would cease, the new stock of coin would be absorbed in the old, and the visions of sudden riches and prosperity would pass away, leaving no trace behind them but in the greater number and weight of the coins to be counted over on every occasion of purchase and sale [1]).

Здесь же следует упомянуть еще об одном характерном случае повышенной оценки денег, характерным потому, что она возникает совершенно автоматически, без всякого вмешательства государства. Во время последнего кредитного кризиса осенью 1907 г. в Соединенных Штатах внезапно образовался лаж на деньги,—не только на золотые деньги, а на все сорта узаконенных платежных средств, на золотую и серебряную монету, на государственные бумажные деньги (гринбеки) и на банкноты. Лаж сначала составлял больше 5%. Обстоятельства освещает следующая нью-норкская корреспонденция „Frankfurter Zeitung“ от 21 ноября 1907 года: „В большей части американских торговых центров платежи наличными совершенно прекратились. В иных местах появились частные денежные знаки, в других платежи производились отчасти такими знаками и отчасти наличными. Во многих местах звонкая монета курсирует лишь как собственно разменная монета. В 77 американских городах выпущены деньги экстренного характера, т.-е. свидетельства расчетных палат или особо выпущенные на этот

[1]) John Fullarton, „On the regulation of currencies“, 2 ed. 1845. Стр. 59 и след.

предмет банковые чеки, но по бльшей части первые. До кризиса расчетные палаты существовали, быть-может, только в какой-нибудь дюжине американских городов, а теперь эти учреждения были основаны, пожалуй, в сотне мест. Когда в Нью-Иорке разразился кризис, кредитные учреждения этого центра соединились, чтобы общими силами отразить угрожающую опасность. В противоположность нью-иоркской практике, где свидетельства расчетной палаты выпускались только на крупные суммы, расчетные учреждения других мест создали экстренные деньги, предназначенные для обращения вообще, и притом такого достоинства, что они должны были удовлетворять потребности мелкого оборота: в 1, 2, 5 и 10 долларов. Эти денежные знаки совершенно беспрепятственно обращались в местах выпуска и ближайших окрестностях, рабочие брали их вместо заработной платы, купцы— за товары и т. д.; они переходили из рук в руки, и на них было обычно лишь небольшое дизажио по сравнению с наличными деньгами, если только оно вообще складывалось. Насколько велик был недостаток наличных денег и в Нью-Иорке, показывает, например, тот факт, что даже мощная Standard Oil Company должна была расплачиваться со своими рабочими особыми чеками. Экстренными деньгами нельзя было воспользоваться только в оборотах с правительственными учреждениями, общественные кассы требовали узаконенных платежных средств, и постольку приходилось добывать наличные деньги. Это — самая главная причина лажа на наличные деньги. В последние дни, когда American Sugar Refining Company не успела здесь добыть надлежащей суммы денег, чтобы выкупить из таможни груз сахара, ей пришлось на один или два дня остановить некоторые из своих отделений".

Своеобразность явления заключается в том, что наличного количества средств обращения оказывается слишком мало для потребностей оборота. Кредитный кризис вызвал усиленную потребность в платежах наличными, так как нарушено было балансирование платежей кредитными деньгами (векселями, расчетными операциями и т. п.). Возник голод по наличным деньгам. Но в то время, как все больше наличных денег требовалось для обращения, наличные деньги исчезали из обращения и приберегались в качестве резерва [1]). На место исчезнувших денег старались создать новые расчетные свидетельства,—в действитель-

[1]) В отчете, представленном в половине января 1908 г. конгрессу, секретарь американского казначейства Cortelyon определяет приблизительно в 296 миллионов долларов ту общую сумму наличных денег, которая была извлечена публикой с приостановки платежей Knickerbocker Trust Company и до восстановления доверия. Эта сумма представляет до одной десятой всех денег, находящихся в сфере обращения в Соединенных Штатах.

ности билеты выпущены под общей гарантией банков, связанных расчетными операциями. Таким образом, законодательное ограничение выпуска банкнот было просто опрокинуто contra или по меньшей мере praeter legem,—как в Англии при сходных обстоятельствах приостанавливался акт Пиля. Но эти кредитные деньги не имели узаконенной платежной силы, а наличных денег было недостаточно. Так их оценка была повышена и оставалась преувеличенной (это обусловило „лаж" на них) до тех пор, пока приток золота из Европы, восстановление промышленных кредитных отношений и колоссальное сокращение обращения непосредственно за кризисом не устранило „денежного голода" и не превратило его в великое изобилие денег. Уровень лажа был изменчив и обусловливался „общественной стоимостью обращения". Характерно, что лаж был совершенно одинаков на бумажные и металлические деньги: наилучшее доказательство, что он не имел ничего общего с каким бы то ни было повышением стоимости золота.

Как известно, выпуски бумажных денег с принудительным курсом часто давали для государства способ производить платежи, для которых у него не было средств. Бумажные деньги прежде всего вытесняли из обращения полноценные металлические деньги, которые утекали за границу, напр., на оплату военных расходов [1]).

[1]) В согласии с давно замеченным законом, что худшими деньгами из обращения вытесняются лучшие. Мы читаем у Маколея: „Аристофан был первым писателем, обратившим внимание на тот факт, что если в обращение одновременно введены хорошие и плохие деньги, то хорошие вытесняются плохими. Повидимому, он думает, что предпочтение, оказываемое его согражданами более легким деньгам, вытекает из того же дурного вкуса, который позволил им доверить заведывание важными делами таким людям, как Клеон и Гипербол. Но если его политическая экономия и не выдерживает критики, то все же его стихи превосходны:

Πολλάκις δήμιν ἔδοξεν ἡ πόλις πεπονθέναι ταύτον ἔς τε τῶν πυλιῶν τοὺς καλοὺς τε κἀγαθους ἔς τε ταρλαῖον νομιάνα και τά καινὸν Χροδίον. Οὔτε γαρ τοῦτοις οὖσιν οἱ κεκιβδηλευμένοις ἄλλα καλλίστοις, ἁπάντων, ὡς δοκεῖ, νομισμὰτων καὶ μύνοις ὀρθῶς κοπείσι καὶ κεκωδωνισμένοις ἔν τετοῖς Ε῎λλησι καὶ τοῖς βαρβάροισι πανταῖῦ, χρῷμεθ᾽ οὐδέν, ἀλλὰ τούτοις τοῖς πονηροῖς χαλκίοις, χθὲς τε καὶ πρωην κοπεοῖ τῶ κακίστῳ κόμματι. Τῶν τοιτῶν θ᾽οὓς μὲν ἴσμεν εὐγεεις καί σοφρυοίας ἄνδρας ὕντας, καὶ δίκαίοις, καὶ καλούς τε κἀγαθούς, καὶ τραφέντας ἐν παγαίοτραις καί χοροῖς καὶ μουσική, ρουσελοῦμεν τοῖς δέ χαλκοῖς, καὶ ξένοις, καὶ πὺρρίαις, καὶ πονηροῖς, καὶ πονηρῶν, εἰς ἅπαντα χρώμεθα".

„Часто город поступал с благовоспитанными добрыми гражданами, на наш взгляд, так же, как со старой монетой и новой золотой. Мы не пользуемся не фальшивыми, наилучшими несомненно из всех монет, единственно правильно отчеканенными, проверенными всюду у греков и варваров, а предпочитаем плохие медные, отвратительно отчеканенные вчера или позавчера. Так мы гоним прочь граждан, которых знаем за людей благородных, благоразумных, благовоспитанных, искусных в борьбе, хоровом пении, музыке; и для всех дел пользуемся людьми грубой чеканки, чужеземцами, бестиями, бездельниками, негодным отродьем".

При дальнейших выпусках совершалась девальвация бумажных денег. Итак, для систем с закрытой чеканкой сохраняет свое значение количественная теория, которая ведь и формулирована-то как обобщение наблюдений, сделанных на рубеже XVIII века над расстройством американской, французской и английской денежной систем. В таких случаях можно бы говорить также об инфляции, о переполненности обращения и (в особых случаях) о недостатке средств обращения. Напротив, при свободной чеканке, хотя бы минимум обращения был заполнен бумажными деньгами с принудительным курсом, переполнение невозможно. Оказавшиеся избыточными, разменные кредитные деньги тотчас же возвращаются к месту выпуска, золотые деньги — тоже и поступают в кладовые банка в качестве золотого запаса. В то же время, как всеобщий эквивалент, золото является общественно значимой и постоянно предпочитаемой формой накопления стоимостей и богатства. Было бы бессмысленно хранить запасы в бумажных деньгах с принудительным курсом, потому что только в обращении данной страны они и оказываются стоимостью; золото же — мировые деньги и представляет резерв для всяческих расходов. Поэтому накопление его всегда представляется рациональным. Золото и вне обращения—самостоятельное воплощение стоимости, между тем как бумажные деньги получают „курс“ лишь в обращении.

Что бумажные деньги выпущены в избыточном количестве, это проявляется лишь в понижении их стоимости по сравнению с тем металлом, который, как предполагается, они представляют. Но во всякий данный момент бумажных денег не меньше и не больше, чем требуется обращением. Допустим, что обращение требует 1 миллион гульденов, а государство своими платежами навязало обращению 2 миллиона; цены увеличились номинально в два раза и требуют теперь 2 миллиона бумажных гульденов. Последние обесценены, потому что они выпущены в избыточном количестве, но раз они уже выпущены, то и обращение теперь требует их. Следовательно, они не могут автоматически выйти из обращения, их сумма при прежней сумме товаров может быть уменьшена только таким способом, что государство подвергнет их уничтожению, и благодаря этому оставшаяся в обращении сумма денег соответственно повысится в своем курсе. Конечно, для государства это знаменовало бы такую же потерю, как в свое время выпуск бумажных денег — барыш. Существенно здесь то, что при закрытой чеканке и при средствах обращения неполноценных или не представляющих никакой стоимости, вся сумма денег должна оставаться в обращении и не может выступить из нее, потому что, в каком бы количестве не были выпущены деньги, курс этой суммы определяется стоимостью товаров, находящихся в сфере обращения. Иначе при свободной чеканке: здесь, в зависимости от изменяющихся потребностей, золото вступает

в обращение или уходит из него, а излишек постоянно сохраняется в банках в качестве воплощения стоимости. Следовательно, здесь с самого начала исключены такие изменения стоимости, которые, как предполагала количественная теория, вытекали бы из того, что в обращении находится или слишком много, или слишком мало денег (полноценных металлических денег).

Итак, при чисто бумажно-денежном обращении, сумма цен, представляемая бумажными деньгами, если быстрота оборотов остается неизменной, изменяется прямо-пропорционально сумме товарных цен и обратно-пропорционально количеству выпущенных бумажно-денежных единиц. Тот же закон сохраняет свою силу, если, при закрытой чеканке, обращение обслуживается неполноценным металлом. С той только разницей, что ценою металла на мировом рынке здесь дана низшая граница девальвации. Монета и при увеличенных выпусках не может упасть ниже этой границы. Впрочем, и при золотом обращении, если бы была прекращена свободная чеканка, т. е. право частных лиц во всякое время получать свое золото в виде отчеканенной монеты, могла бы наступить повышенная оценка монеты по сравнению с металлом в слитках [1]). Во всех этих случаях средствами обращения

[1]) С величайшим нетерпением пришлось бы тогда ожидать попыток об'яснения от современных экономистов. В половине 90-х годов, когда добыча золота возрастала быстро и в то же время наступило изобилие денег, а процент был низок (биржевой дисконт в Лондоне ниже 1%), в Англии дискутировалась мысль о приостановке свободной чеканки золота.

Впрочем, уже Тук исследовал эту проблему. Повод дали контроверзы о полезности и вероятном действии проведения пошлины за чеканку (saignorage, Prägegebühr, Schlagschatz),—уже Рикардо высказывался за такую пошлину в размере 5%. „Неполноценная монета (debased coinage) или такая, которая подлежит монетной пошлине, если только одновременно не будет ограничено общее количество денег, находящееся в обращении; конечно, не будет иметь той меновой стоимости (not be the same value in exchange), как в том случае, если бы монета была полноценная, или если бы строго был проведен принцип ограничения“. В качестве иллюстрации Тук приводит следующий случай: „Пусть обращение страны обслуживается только золотом и составляет 20 миллионов соверенов такого же веса и такой же пробы, как современные; если бы каждая монета внезапно была уменьшена на $^1/_{20}$, или на 5%, а количество монет осталось бы неизменно 20 миллионов, тогда, при прочих равных условиях, при неизменности отношения товаров и т. д., к числу монет, в ценах не наступило бы, очевидно, никакого изменения. И если золото в слитках раньше стоило на рынке 3 фунта стерлингов 17 шиллингов $10^1/_2$ пенс. за унцию, то цена, при прочих равных условиях, осталась бы та же самая, или, иными словами, 46 фунтов стерлингов, 14 шиллингов, 6 пенсов золота в монете, весящей $^{19}/_{20}$ фунта, могли бы купить на рынке целый фунт золота в слитках такой же пробы. Но если бы то количество золота, которое получилось от уменьшения размера всех прежних монет, было перечеканено в дополнительное количество золотых монет и брошено в обращение, то 21 миллион обладал бы теперь не большей покупательной силой, чем прежние 20 миллионов (The twenty one millions would then exchange for no more than the former twenty millions). Все товары повысились бы в цене на 5%, в том числе — и

становится не символ денег, следовательно, не символ золота, а символ стоимости. Но этот последний получает свою стоимость не от стоимости какого-либо отдельного товара, как при смешанной системе, когда бумага, являясь просто представителем золота, получает свою стоимость от золота. Напротив, здесь, при неизменяющейся быстроте оборотов денег, вся масса бумажных денег имеет такую же стоимость, как вся сумма товаров, находящихся в обращении. Следовательно, стоимость бумажных денег — только отражение всего общественного процесса обращения. В последнем во всякий данный момент все обмениваемые товары функционируют как единая сумма стоимости, как целостность, которой общественным процессом обмена вся сумма бумажных денег противопоставляется, как равная целостность.

Но уже из всего до сих пор сказанного вытекает, что такая чисто бумажно-денежная система не может устойчиво соответствовать тем требованиям, которые предъявляются к орудию обращения. Так как стоимость бумажных денег определяется суммой стоимости товаров, находящихся в сфере обращения во всякий данный момент, а эта сумма подвержена постоянным колебаниям, то и стоимость денег должна претерпевать постоянные колебания. Деньги уже не были бы мерой товарных стоимостей, а, наоборот, их собственная стоимость измерялась бы наличной потребностью обращения, следовательно, при равной неизменной быстроте обращения, стоимостью товаров. Значит, чисто бумажные деньги, в конце концов, должны оказаться невозможными, потому что при них обращение подвергалось бы постоянным пертурбациям.

Рассуждая абстрактно, состояние чистой бумажно-денежной системы можно было бы конструировать следующим образом. Представим себе замкнутое торговое государство, которое в количестве, достаточном для средних потребностей обращения, выпускает государственные бумажные деньги с принудительным курсом. Сумма выпущенных бумажных денег не увеличивается. Кроме этих бумажных денег, банкноты и т. п. тоже обслуживают потребность обращения: совершенно так же, как при металлической системе. По аналогии с обычным для настоящего времени законодательством об эмиссионных банках, бумажные деньги служат покрытием банкнот, которые вообще покрываются обычными

золото в слитках, которое стоило бы теперь 4 фунта стерлингов 1 шиллинг $9^1/_4$ пенса за унцию, или, иными словами, на 46 фунтов стерлингов, 14 шиллингов, 6 пенсов в монете теперь можно было бы купить только $19/_{20}$ фунта золота в слитках.

„Это—центральный пункт всех рассуждений о средствах обращения (currency); достаточно ясно, как применить это, когда речь идет о власти государства, пользуясь своей эмиссионной монополией, повысить номинальную стоимость монеты, при исключительно металлическом обращении, выше ее внутренней стоимости (intrinsic value)“ (См. „Hystory of Prices“, vol. I, стр. 120 и сл.).

банковыми способами. Раз количество бумажных денег не подлежит увеличению, это обеспечивает их от девальвации. Тогда бумажные деньги, подобно золоту в настоящее время, смотря по обстоятельствам обращения, притекали бы в банк или припасались бы частными лицами, если бы размеры обращения сокращались, и опять приливали бы к обращению, если бы размеры его расширялись. В обращении во всякий данный момент оставался бы как-раз необходимый минимум средств обращения, колебаниям же последнего удовлетворяло бы увеличение или уменьшение количества банковых билетов. Следовательно, стоимость таких государственных бумажных денег представляла бы величину постоянную. Только если бы рухнул кредит, и наступил бы денежный кризис, количество наличных бумажных денег могло бы временно оказаться недостаточным, они получили бы лаж, как было с золотом и гринбеками при последнем денежном кризисе в Соединенных Штатах. Но в действительности такая бумажно-денежная система невозможна. Прежде всего, эти бумажные деньги были бы действительны только в пределах одного государства; для балансирования международных платежей требуется металл, деньги, обладающие собственной стоимостью. А раз так, то и стоимость денег, обращающихся внутри страны, должна поддерживаться на равном уровне с интернациональными платежными средствами,—иначе были бы неминуемы потрясения торговых сношений. Последнему требованию удовлетворяет, напр., система и политика австрийского денежного обращения, при чем, как оказывается, не представляет никакой необходимости, чтобы металл вступал во внутреннее обращение. И, как-будто в предвидении этих новых опытов в сфере денежных систем, Маркс писал: „Вся история современной промышленности показывает, что, если бы производство внутри страны было организовано, то металл требовался бы только для того, чтобы выплачивать разницу по балансу международной торговли, когда равновесие его временно нарушается. Что внутри страны уже теперь не требуется металлических денег, показывает приостановка платежей со стороны так называемых национальных банков, к которой прибегают во всех крайних случаях, как к единственному средству спасения“ [1]).

1) „Капитал“, III т., стр. 55. Впрочем, читая некоторые замечания Маркса о проблеме денег, получаешь такое впечатление, как-будто известные выводы, вытекающие из его теории денег, ведут в его сознании борьбу против взглядов, которые навеяны эмпирическим материалом его времени и не могли быть окончательно устранены исключительно логическим способом. Новейшие опыты как-раз подтверждают и последние выводы, которые могут быть сделаны из марксовой теории стоимости и денег.

Если Маркс подчеркивает, что в обращении может быть лишь столько бумажных денег, сколько оно требует золота, то для понимания совре-

А потом чистая бумажно-денежная система разбивается на практике о то обстоятельство, что здесь невозможна была бы никакая гарантия, что количество бумажных денег государство не будет увеличивать. Далее, золото,—деньги, обладающие собственной стоимостью,—всегда необходимо, как средство сбережения богатства в такой форме, что его во всякий момент можно использовать [1]).

Поэтому деньги и денежный материал, обладающий стоимостью, напр., золото, никогда не могут быть полностью заменены в обращении простыми знаками, — иначе ход его будет нарушаться. Поэтому и при чисто бумажно-денежных системах всегда фактически находятся в обращении и полноценные деньги, напр., для заграничных платежей. Бумагою всегда может быть замещен только тот минимум, ниже которого, как показывает опыт, не опускается обращение. Но этим доказывается в то же время, что стоимость денег, как и товара, отнюдь не мнимая, что она необходимо — величина об'ективная. Невозможность абсолютно бумажно-денежной системы — убедительное экспериментальное доказательство об'ективной теории стоимости, и точно так же лишь на основе этой теории стоимости могут получить об'яснение

менных явлений в рассматриваемой области необходимо напомнить, что и само это количество золота, раз стоимость его есть величина данная, во всякий момент определяется общественной стоимостью обращения: если она понижается, то золото отливает из обращения; если наоборот,— то наоборот. При бумажно-денежном обращении и блокированной системе вообще не могло бы происходить этих приливов и отливов к сфере обращения и из нее, потому что необращающийся бумажный знак был бы ведь малоценным. Следовательно, здесь необходимо обратиться, как к определяющему моменту, к стоимости обращения; здесь невозможно удовольствоваться рассмотрением денежного знака, как простого символа золота, что замечается у Маркса в „Kritik der politischen Oekonomie".

Мне кажется, что правильнее всего формулировал Маркс законы бумажного (или с приостановленной чеканкой) денежного обращения, когда он говорит: „Не имеющие стоимости марки суть знаки стоимости лишь постольку, поскольку они представляют в процессе обращения золото, а они представляют его лишь постольку, поскольку последнее в виде монеты могло бы само войти в процесс обращения; величина, определяемая собственной стоимостью золота, если даны меновые стоимости товаров и быстрота их метаморфоз („Zur Kritik der politischen Oekonomie", стр. 113). Излишним представляется только тот обходный путь, в который пускается Маркс, определяя сначала стоимость необходимого количества монеты и лишь через нее—стоимость бумажных денег. Чисто общественный характер этого определения выступает много яснее, если стоимость бумажных денег выводить непосредственно из общественной стоимости обращения. Что бумажно-денежные системы исторически возникли из металлических систем, это вовсе не основание рассматривать их так и теоретически. Стоимость бумажных денег следует вывести, не прибегая к металлическим деньгам.

[1]) Неправильно поэтому, когда Гельферих говорит: „Рассуждая теоретически, было бы возможно приспособить чистые бумажные деньги к колебаниям потребности народного хозяйства в деньгах и таким обра-

ние те своеобразные явления, которые обнаруживаются в чисто бумажных системах и вообще в системах с закрытой чеканкой.

Напротив, рационально заменять полноценные деньги, золото, относительно бесценными знаками в тех размерах, как это допускает минимум обращения. В самом деле, в процессе Т—Д—Т деньги излишни для содержания процесса, для общественного обмена веществ, — они только доставляют расходы, от которых можно избавиться [1]). И лишь при том условии, если бумажных денег находится в обращении именно такое количество, они являются представителями стоимости не товаров, а золота, не товарным, а золотым символом. В этих границах сохраняют свою силу и замечания Маркса: „Поскольку процесс Т—Д—Т представляет лишь единство в движении или непосредственное переплетение двух метаморфозоф,—а он как-раз представляется таким в сфере обращения, где функционирует знак стоимости,—меновая стоимость товаров приобретает в цене только идеальное символическое существование, находящее в деньгах просто выражение для себя. Следовательно, меновая стоимость является здесь только мыслимой или материально представляемой, но реальностью обладает она лишь в самых товарах, поскольку в них овеществлено определенное количество рабочего времени. Поэтому, кажется, как-будто знак стоимости непосредственно представляет стоимость товаров, потому что он является не символом золота, а символом меновой стоимости, только выраженной просто в цене, а существующей единственно в товаре. Но эта видимость ошибочна. Знак стоимости есть непосредственно только знак цены, следовательно, символ золота, и только окольным путем— знак стоимости товара.

„Золото не продает своей тени подобно Петру Шлемилю, а, напротив, покупает своей тенью. Следовательно, знак стоимости функционирует лишь постольку, поскольку в процессе обращения он представляет цену одного товара по отношению к другому или представляет золото по отношению ко вся-

зом избежать многих нарушений, которые при металлических системах могут возникать из передвижек равновесия между потребностью в деньгах, с одной стороны, и снабжением деньгами, с другой" (Das Geld, стр. 470).

[1]) Бумажные деньги—не „дефектные" или „плохие, малоценные" деньги; находясь в обращении в надлежащей пропорции, они нисколько не противоречат экономическим законом. Только неясное понимание последних заставляет большинство „металлистов" относить к самому существу всякой бумажно-денежной системы те злоупотребления, которые совершались или прямо преднамеренно, или из незнания теории, и приходить в подлинно суеверный ужас не только перед всяким неразменным государственным билетом, но и перед самыми невинными мелкими разменными банкнотами. Гоблафы — но не в области теории—они страшатся Давида, и чем меньше банковый билет, тем больше их ужас.

кому товаровладельцу. Определенная вещь, относительно не имеющая стоимости, — кожа, клочек бумаги и т. д., — сначала в силу практики делается знаком денежного материала, но утверждается как таковой лишь тогда, когда это бытие в качестве символа гарантируется общею волею товаровладельцев, т. е. когда он приобретает юридически установленное бытие, а потому получает принудительный курс. Государственные бумажные деньги с принудительным курсом, это—завершенная форма знака стоимости и единственная форма бумажных денег, непосредственно возникающая из металлического обращения или из самого простого товарного обращения“ [1]).

Предположив чисто бумажные деньги, существующие без восполнения их золотыми, мы, следовательно, опять показали невозможность того, чтобы товары непосредственно служили друг другу выражением их собственной меновой стоимости; и здесь обнаруживается необходимость перехода ко всеобщему эквиваленту, каковым может быть только товар, а вместе с тем и стоимость.

Ясно, что если для гарантии правильности монеты требуются общие действия производителей, то еще более необходимо это для бумажных денег. Естественным органом является при этом государство, единственная сознательная организация, которую знает капиталистическое общество, и которая обладает в то же время принудительной силой. Общественный характер денег непосредственно обнаруживается здесь как таковой в общественном регулировании государством. В то же время государственными границами определяются те границы, в которых монета и бумага способны функционировать в обращении. В качестве мировых денег, золото и серебро принимаются по своему весу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Деньги, как платежное средство. Кредитные деньги.

До сих пор мы рассматривали деньги как средство обращения, показали необходимость их об'ективной стоимости и наметили границу этой необходимости, — заместимость денег денежными знаками. В процессе обращения Т—Д—Т одна и та же величина стоимости постоянно оказывается в двояком виде: во-первых, как товар, во-вторых, как деньги. Но товар может быть продан, а платеж поступит лишь впоследствии. Тогда можно сказать, что перемещение товара состоялось раньше, чем его стоимость заместилась деньгами. Продавец становится кредитором, покупатель—должником. Благодаря разделению продажи и платежа, деньги получают новую функцию, они становятся платежным средством. Одновременность появления эквивалентов товара и денег на двух полюсах процесса продажи теперь прекратилась. Платежное средство вступает в обращение. но лишь после того, как товар из него уже выступил. Деньги уже не являются в процессе посредствующим звеном, а завершают его самостоятельно. Если у должника-покупателя нет денег, то ему, чтобы произвести платеж, придется продать товар. Если он не уплатит, будет произведена принудительная продажа его имущества. В силу общественной необходимости, возникающей из отношений самого процесса обращения, деньги из формы стоимости товара превращаются тогда в самоцель акта продажи. В качестве средства обращения деньги обслуживают общественную связь между покупателем и продавцом, следовательно, сама эта связь возникает только через посредство денег; напротив, как платежное средство деньги выражают общественную связь, которая уже сложилась, прежде чем наступила очередь за функционированием денег. Товар давным-давно отдан, быть-может, даже потреблен, и только после того его стоимость возмещается деньгами. Срок платежа совершенно отличен от срока, когда возникло платежное обязательство. Деньги, отдаваемые в качестве платежа, уже не просто посредствующая, а потому мимотетняя и, следовательно, непосредственно заместимая экономическая форма в процессе товарообмена. Напротив, только платежом процесс завершается и по содержанию. В самом деле, если деньги, Д было кредитовано в процессе Т—Д—Т, то и первый товаровладелец, продавший товар, может совершить вторую метаморфозу, именно Д—Т, лишь после того, как Д будет ему заплачено. Прежний простой процесс распался на две части, разошедшиеся во времени.

Возможен и другой случай. Упомянутый товаровладелец, в свою очередь, совершает акт купли Д—Т, при чем Д он остается должен в расчете, что к нему возвратятся деньги Д за проданный им товар. Тогда его платеж ставится в зависимость от платежа, ожидаемого от покупателя его товара. Если платежа не воспоследует, он становится банкротом и вовлекает в банкротство своих кредиторов. Поэтому, как платежное средство, деньги должны притекать обратно, — иначе весь уже совершившийся процесс обмена окажется утратившим все свое значение. Если деньги не будут уплачены, то хотя товар отдан, и общественная связь, созданная этой передачей, уже не может быть отменена, для отдельного товаровладельца она будет тогда аннулирована. Та стоимость, которую он отдал, не возвращается к нему обратно, и он, в свою очередь, не может получить никаких стоимостей или оплатить полученные.

[1]) Marx „Zur Kritik der politischen Oekonomie“, стр. 109—110.

Итак, функцией денег, как платежного средства, предполагается обоюдное согласие покупателя и продавца на отсрочку платежа. Следовательно, экономическое отношение возникает здесь из частного акта. На-ряду с куплей и продажей возникает вторичное отношение кредитора и должника, обязательство между двумя частными лицами.

С другой стороны, деньги, как платежное средство, представляют уже совершенные купли и продажи. Деньги функционировали пока только идеально, как мерило стоимости. Уплачены они будут лишь в позднейшее время. Если купли и продажи совершались между одними и теми же лицами, то их можно взаимно компенсировать, и деньгами придется оплатить только разницу. Постольку и здесь деньги — просто представитель стоимостей и могут быть заменены. Но в качестве средства обращения деньги обслуживали о б м е н товаров, стоимость одного товара замещалась стоимостью другого. Этим процесс совершенно заканчивался. Это был процесс общественный, акт, посредством которого осуществляется общественный обмен веществ, а потому в определенных размерах безусловно необходимый. Так как золотые деньги играли здесь чисто посредническую роль, то они могли быть замещены знаками, наделенными общественной санкцией (санкцией государства). Напротив, когда деньги функционируют в качестве платежного средства, здесь как-раз нет н е п о с р е д с т в е н н о г о возмещения одной стоимостью другою. Продавец отдал товар и при этом не получил общественно-значимого эквивалента, денег, не получил и другого товара равной стоимости, который сделал бы деньги излишними в этом меновом акте. Он получил от покупателя только обещание уплатить, за которым стоит не общественная гарантия [1]), а всего лишь частная гарантия покупателя. Что он отдал товар под обещание, это — его частное дело. Чего стоило обещание, это обнаружится лишь в день платежа, когда оно действительно подлежит п р е в р а щ е н и ю в деньги. Следовательно, продавец отдал товар за обязательство уплатить, за „вексель". Другие тоже могут считать вексель надежным, и они, в свою очередь, продадут товары нашему векселедержателю. Вексель функционирует здесь, как средство обращения или как платежное средство, — короче, как деньги, как к р е д и т н ы е д е н ь г и, — среди лиц, которые связываются в круг уверенностью в том, что обещание платежа вполне обосновано, связываются, следовательно, исключительно своим частным мнением, хотя оно обычно опирается на серьезные данные. Для данного круга все упомянутые меновые акты

[1]) Имеется в виду экономическая по содержанию гарантия; формальная, юридическая гарантия, что договоры должны быть исполнены, всегда предполагается сама собою.

окончательно завершаются лишь тогда, когда кредитные деньги будут превращены в деньги.

Итак, в противоположность государственным бумажным деньгам с принудительным курсом, которые как общественный продукт возникают из обращения, кредитные деньги имеют за собою не общественную, а частную гарантию, и потому всегда должна иметься возможность превращения их в деньги, обмена на деньги. Если эта превратимость сомнительна, то в качестве замены платежных средств они утрачивают всякую ценность. Следовательно, в качестве платежного средства деньги могут быть замещены только платежными свидетельствами. Последние же должны быть замещены деньгами, поскольку они, переплетаясь, взаимно не компенсируются.

Этим определяется различие между обращением векселей и обращением государственных бумажных денег с принудительным курсом. Деньги эти основываются на общественном м и н и м у м е товарного обращения. Обращение векселей заполняет место с в е р х этого минимума; оно основывается на действительно совершенной продаже товара — совершенной притом по определенной денежной цене; вексель — частный долговой знак, который или компенсируется другим, или же оплачивается деньгами, и только тогда из частного долгового титула превращается в признаваемый общественно-значимый эквивалент. Он возник из функции денег как платежного средства, деньги он заменяет, при посредстве кредита, частным отношением между контрагентами, за которыми стоит доверие к их платеже-способности, к их общественной квалификации. Государственными бумажными деньгами не предполагается, что меновой процесс между отдельными лицами уже совершился; напротив, здесь самый обмен совершается лишь посредством государственных бумаг, которые функционируют исключительно как средство обращения и, следовательно, завершают обмен, придают ему общественную значимость; для того, чтобы он приобрел последнюю, здесь вовсе не требуется в качестве предварительного условия платеж наличными деньгами, как в случае с обращением векселей (если только они взаимно не компенсируются).

Напротив, государственные бумажные деньги основываются не на кредитных отношениях, и совершенно ошибочно называть их государственным долгом или кредитными деньгами.

На том факте, что вексель обязывает только частных лиц, а государственная бумага обязывает общество, основываются различия в условиях девальвации государственной бумаги и векселя. Совокупность государственных бумаг всегда представляет нечто единое, в котором каждый отдельный элемент несет как бы солидарную ответственность за все остальные; эта совокупность может быть обесценена только как целое, — так же может

получить и повышенную оценку, — и эта девальвация одинаково затрагивает всех членов общества. Общественная гарантия равномерно распространяется на всю сумму, а следовательно, и на каждую из ее составных частей. Замещение денег как средства обращения выполняется обществом через его сознательный орган, государство. Кредитные деньги—создание частных лиц. Основа их—частные меновые акты: они сохраняют значение, функционируют как деньги только потому и до тех пор, пока их можно во всякое время обращать в деньги. Следовательно, каждый отдельный вексель, взятый сам по себе, может обесцениваться (но никакой вексель не может получить превышенной оценки), если упомянутые частные сделки совершены так, что они не сделались общественно-значимыми, то-есть если в назначенный срок не может последовать денежного платежа. Вексель может утратить всякую стоимость, но утратить ее может только вексель отдельного лица, и каждый новый раз обесценение затрагивает другое отдельное же лицо,—обязательства которого, впрочем, от этого нисколько не изменяются.

Количество неразменных бумажных денег должно ограничиваться минимальною величиной процессов обращения. Количество кредитных денег зависит единственно от суммы цен товаров,— тех, в качестве платежного средства за которые должны функционировать деньги. При данном уровне цен, это количество зависит исключительно от широты кредитных отношений, которая, в свою очередь, в высшей степени изменчива. Но так как они должны сохранять постоянную превращаемость в деньги, то они никогда не могут понизиться в своей стоимости по отношению и благодаря отношению к товарам. Разменные кредитные деньги могут претерпеть обесценение не вследствие своего количества (как неразменные государственные бумажные деньги), а лишь вследствие осечки с разменом. При малейшем сомнении в разменваемости, они немедленно подвергаются испытанию. Товаровладельцы, которые среди тонких и милых „бумажек“ совершенно забыли о золоте, все вдруг набрасываются на золото. On revient toujours à ses premiers amours.

В каждый определенный период времени всегда обращается определенное количество долговых обязательств; они представляют сумму цены тех товаров, продажа которых вызвала их к существованию. Количество денег, необходимое для оплаты этой суммы цен, определяется прежде всего быстротой оборотов платежных средств. Она же определяется обстоятельствами двоякого рода: сцеплением отношений кредиторов и должников, благодаря которому А, получив деньги от своего должника В, ими уплачивает своему кредитору С и т. д., и продолжительностью времени между сроками различных платежей.

Чем больше сближаются между собою сроки платежей, тем чаще одна и та же монета может быть последовательно употреблена на платежи.

Если в процессе Д—Т—Д продажи совершаются одновременно, одна возле другой, то это ограничивает быстроту оборотов средств обращения, а следовательно, ограничивает и возмещение массы быстротой оборотов. Напротив, если платежи совершаются одновременно и в одном месте, то они могут взаимно погашаться, и получится экономия в деньгах, как платежном средстве. С концентрацией платежей на одном месте естественно развиваются особые учреждения и методы для их балансирования. Таковы, напр., virements в средневековом Лионе. Стоит только сопоставить долговые требования, и они будут до известной степени уничтожены как взаимно положительные и отрицательные величины. Наличными останется оплатить только долговую разницу. Чем сильнее концентрация платежей, тем относительно меньше разница, а следовательно, и количество обращающихся платежных средств.

Мы нашли, что количество денег, находящихся в обращении, т.-е. в Т—Д—Т (при чем золото в размерах, равных минимуму обращения, может быть заменено знаками золота), равно сумме товарных цен, деленной на число оборотов одноименных монет. Точно так же количество платежных средств равно сумме обязательств (а она опять-таки равна сумме цен тех товаров, от продажи которых возникли кредитные документы), деленной на число оборотов одноименных платежных средств, уменьшенной на сумму взаимно уравновешивающихся платежей. Если взять быстроту оборотов как величину, данную для всякого данного момента, и приравнять ее 1, то окажется, что количество вообще функционирующих денег равно сумме цен товаров, которые должны пройти через сферу обращения, плюс сумма платежей, которым наступили сроки, минус взаимно уравновешивающиеся платежи, наконец, минус те монеты, которые сначала функционировали как платежное средство, а потом как средство обращения. Если товарная сумма, сбываемая со всех сторон, составляет 1.000 милл. марок, срочные платежи столько же, а 200 милл. служат сначала для платежей, потом для обращения, в то же время дальнейшие 500 милл. платежей взаимно уравновешиваются, то в общем требуется 1.300 милл. марок, которые и представляют необходимую в данный момент сумму денег. Эту-то сумму я и называю общественно-необходимой стоимостью обращения.

Бо́льшая часть всех оборотов совершается посредством этих частных кредитных денег, посредством долговых свидетельств и приказов уплатить, которые взаимно компенсируются [1]). При-

[1]) В расчетных операциях Германского Имперского Банка 1 пфенниг наличных денег оказался в 1894 году достаточным для годового оборота в 4,35 марок, в 1900 г.—для годового оборота в 8,30 марок.

чина перевеса платежных средств над средствами обращения заключается в том, что с развитием капиталистического производства осложняются отношения обращения, моменты, наиболее удобные для закупок и продаж, расходятся во времени,—вообще должны отпасть всякие ограничения, вытекавшие из того, что покупать можно было только тогда, когда удавалось продать.

Итак, кредитные деньги возникают на основе актов купли и продажи между капиталистами; они возникают в обращении и на его основе. Функция их заключается в том, что они делают обращение независимым от такой границы, какою являлось количество наличного золота; поскольку функционируют кредитные деньги, золото уже не функционирует как средство обращения, оно уже не должно, следовательно, в плоти своей противостоять товару: оно служит только уравниванию окончательного баланса. Последний колоссален по сравнению с количеством золота, и целям взаимного покрытия платежей служат особые учреждения. Но, как мы видели, обращение является в равной мере и условием, и результатом капиталистического производства. Производство может начаться лишь после того, как капиталист в акте обращения овладеет необходимыми элементами производства. По мере того, как это обращение становится независимым от бытия действительных денег, производство тоже приобретает независимость от количества денег. Так как эти деньги, в конце концов, стоят труда и представляют значительную статью faux frais (непроизводительных затрат), то замена денег непосредственно составляет экономию на бесполезных издержках процесса обращения.

По условиям возникновения, количество кредитных денег ограничено размерами производства и обращения. Они обслуживают сбыт товара и в последнем счете покрываются стоимостью товара, сбыт которого ими обслужен. Но, в отличие от государственных бумаг, здесь нет такого минимума, дальше которого нельзя было бы пойти. Напротив, с массой товаров и уровнем товарных цен возрастает количество кредитных денег. Однако, кредитные деньги—всего лишь обещание платежа; если бы товар сбыли за чистое золото, следовательно, если бы стоимость была обменена на стоимость, процесс был бы этим окончательно исчерпан, какие-либо нарушения в дальнейшем сделались бы невозможными. Но товар сбыли всего лишь за обещание платежа. Окажется ли возможным сдержать обещание, зависит от того, удастся ли должнику перепродать купленный товар или, вместо того, другой товар равной стоимости. Если меновой акт не соответствовал общественным условиям, или если они в промежутке времени изменились, то покупатель не сумеет выполнить обещание платежа, оно утратит всякую ценность; вместо обещания платежа должны выступить действительные деньги.

Уже из этого вытекает, что с уменьшением товарных цен во время кризиса количество кредитных денег сильно сокращается. Но сокращение знаменует понижение стоимости тех кредитных денег, которые являются представителями прежних, более высоких цен. К понижению цен присоединяются затруднения сбыта, товары оказываются нераспроданными, между тем как истекает срок векселя. Оплата векселя становится сомнительной. Таким образом понижение цен и затруднение сбыта уменьшает стоимость кредитных денег, выпущенных под товары. Это обесценение составляет существенный момент кредитного кризиса, сопровождающего всякий торговый кризис.

„Функция денег как платежного средства заключает в себе непосредственное противоречие. Поскольку платежи уравниваются, деньги функционируют лишь идеально, как счетные деньги или мера стоимостей. Поскольку же совершаются действительные платежи, деньги выступают не как средство обращения, не как лишь мимолетный посредник в обмене веществ, а как индивидуальное воплощение общественного труда, как самостоятельное бытие меновой стоимости, или абсолютный товар. Противоречие это обнаруживается с особенной силой в тот момент промышленных и торговых кризисов, который называется денежным кризисом. Последний возможен лишь там, где цепь сплетающихся между собою платежей и искусственная система уравнивания их достигла полного развития. При всеобщих нарушениях хода этого механизма, откуда бы они не возникали, деньги внезапно и непосредственно превращаются из чисто идеальной формы счетных денег в звонкую монету“ [1]).

Но как-раз тогда, когда обесценение кредитных денег сильнее всего, государственные бумажные деньги с принудительным курсом переживают свой величайший триумф. Это — узаконенное средство платежей, подобно золотым деньгам. Потрясение, испытываемое кредитными деньгами, создает пробел в обращении, и horror vacui повелительно требует его заполнения. В такие периоды становится рационально расширять обращение государственных бумажных денег (или билетов центрального банка, кредит которого не испытывает потрясений; эти банкноты, как мы увидим, благодаря регулированию законом представляют промежуточную ступень между государственными бумажными деньгами и кредитными деньгами). Если этого не будет сделано, то деньги (металлические и государственные бумажные) получают лаж, как, напр., золото и гринбеки во время недавнего американского кризиса.

Для функционирования кредитных денег требуются особые учреждения, в которых требования платежей сравниваются и взаимно компенсируются; с развитием этих учреждений возра-

[1]) Маркс, „Капитал“, I, стр. 103.

стает экономия на наличных деньгах. При развитой банковой системе эта задача становится одной из важных функций банков[1]).

В ходе капиталистического развития, во-первых, быстро возрастает общая сумма товаров, поступающих в обращение, а вместе с тем и общественно-необходимая стоимость обращения. Вместе с тем увеличивается пространство, которое могут занять государственные бумажные деньги с принудительным курсом. Во-вторых, с увеличением масштаба производства, с превращением всех обязательств в денежные обязательства и в особенности с возрастанием фиктивного капитала, возрастает количество тех сделок, которые совершаются при помощи кредитных денег. То и другое приводит к тому, что количество металлических денег сокращается по сравнению с выполняемыми процессами обращения и платежами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Деньги в обращении промышленного капитала.

Теперь мы переходим к той роли, которую деньги играют в обращении промышленного капитала. Итак, наш путь ведет не на капиталистическую фабрику с ее чудесами техники: наше внимание должно обратиться к монотонному однообразию вечно равных процессов, разыгрывающихся на рынке, где формально одинаковым способом деньги постоянно превращаются в товар и товар в деньги. Только надежда, что нам удастся напасть на тайну того, каким же способом из самых процессов обращения возникает та сила, которая в виде капиталистического кредита, в конце концов, получает господство над общественными отношениями,—только эта надежда и может побудить читателя с некоторым терпением пройти тяжелые этапы ближайшей главы.

Деньги были бы излишни в сфере обращения, если бы общая сумма цен всегда оставалась постоянной величиной, т. е., если бы количество и цена товаров были неизменны, и каждый товар обменивался бы на другой по своей стоимости: условие, неосуществимое в рамках неурегулированного, анархического способа производства. С другой стороны, сознательное регулирование общественного производства сделало бы невозможным проявление стоимости как меновой стоимости, т. е. как общественного отношения двух вещей, а вместе с тем сделало бы невозможными и деньги. Квитанции на долю общественного продукта, выданные обществом, столь же не деньги, как театральный талон, как билет на определенное место. Только характер товарного производства делает деньги необходимыми в качестве меры стоимости, а вместе с тем и средства обращения [1]).

Если деньги функционируют как платежное средство, то полное уравнение всех платежей, совершаемых в определенный момент, представляется чистой случайностью, которая в действительности никогда не наступит. Деньги здесь самостоятельно завершают процесс перемещения товара. И столь же случаен тот момент, когда деньги, полученные в качестве платежа, в свою очередь, превратятся в товар, следовательно, тот момент, когда стоимость первого товара окончательно будет замещена стоимостью другого товара. Связь, которая существует в процессе Д—Т—Д, здесь порывается. Тут необходимо должны появиться на сцене деньги, чтобы удовлетворить продавца товара, а этот продавец, в свою очередь, может и не выступить в качестве покупателя другого товара.

Этот разрыв процесса обращения, который в сфере простого товарного обращения представляется нам еще случайным и произ-

[1]) Для обслуживания общественных потребностей обращения в Германии требуется наличных денег раз в 9—15 больше, чем в Англии. Чековые обороты дают экономию миллионов в 140 фунтов стерлингов на банковых билетах, для покрытия которых теперешний денежный резерв приблизительно в 35 миллионов фунтов стерлингов пришлось бы учетверить, если бы остались в силе теперешние законодательные постановления. См. Jaffe, „Das englische Bankwesen“, Leipzig 1905.

[1]) В одном письме к Рудольфу Мейеру Родбертус говорит: „Металлические деньги не просто мерило стоимости и средство ликвидации: постольку они соответствуют просто идее денег, которая вовсе не требует, чтобы эта квитанция—свидетельство на товарную стоимость—была написана на столь дорогом материале, как благородный металл. В настоящее время металлические деньги служат также и регулятором производства, и эту службу они выполняют только благодаря своему драгоценному материалу. Если бы вы захотели ввести товарные билеты, вы должны были бы заручиться тогда и возможностью повелевать всякому предпринимателю, сколько он должен произвести. Идея товарных билетов нападает на интереснейший пункт всей национальной экономии; но, как постоянное средство обращения (а не как просто преходящее свидетельство кредитной кассы), товарный билет возможен лишь при том условии, если стоимость товаров конституирована в соответствии с трудом, и если на товарном билете означена товарная стоимость, измеряемая по труду. Я не сомневаюсь в возможности таких денег; но превращение таких денег в единственное средство обращения предполагает уничтожение собственности на землю и капитал“. „Briefe und Sozialpolitische Aufsätze von Dr Rodbertus-Jagetzow“. Herausgegeben von Doktor Rudolph Meyer. Berlin 1881, II. Bd., стр. 441. Кстати, это, как и другие места, доказывает, что Энгельс несправедливо бросил Родбертуса в одну кучу с Грэем, Брэем и т. п. мелкобуржуазными утопистами рабочих денег, считавшими рабочие деньги возможными без общественного контролирования производства.

вольным, становится необходимым в сфере капиталистического обращения товаров. В этом мы убедимся, рассмотрев обращение капитала.

Стоимость превращается в капитал, превращаясь в стоимость, которая приносит прибавочную стоимость. Последнее происходит в капиталистическом процессе производства, предпосылкой которого является монополия капиталистов на средства производства и существование класса свободных наемных рабочих. Наемные рабочие продают капиталисту свою рабочую силу, стоимость которой равна стоимости жизненных средств, необходимых для существования и воспроизводства рабочего класса. Их труд создает новую стоимость; одна часть последней возмещает ту часть капитала, которую капиталист авансировал на покупку рабочей силы,—Маркс называет ее переменною частью капитала,—другая же часть достается капиталисту как прибавочная стоимость. Так как стоимость средств производства—постоянный капитал—в процессе труда была перенесена на продукт, то стоимость, авансированная капиталистом на производство, увеличилась, сделалась стоимостью, приносящею стоимость, функционировала как капитал.

Всякий промышленный капитал проделывает процесс кругооборота, в котором нас в данной связи интересует только изменение формы. Содержание процесса, это—возникновение прибавочной стоимости, следовательно, возрастание стоимости капитала, а оно совершается в процессе производства, который в капиталистическом обществе является функцией двоякого рода: это, во-первых, как и при всякой форме общества, процесс труда, создающий потребительные стоимости; и это, во-вторых,—что характерно для капиталистического общества,—процесс возрастания стоимости, в котором средства производства функционируют как капитал, и в котором создается прибавочная стоимость. Исчерпывающий анализ этого процесса дал Маркс в первом томе „Капитала“. Связь нашего исследования требует только рассмотрения того, как изменяется форма стоимости, а не как возникает последняя. Но изменение формы не касается величины стоимости,—изменение последней составляет содержание процесса возрастания стоимости. И если это изменение относится к процессу производства, то метаморфоза форм — к процессу обращения. Но существуют только две формы, которые может принимать стоимость в обществе, построенном на товарном производстве: форма товара и форма денег.

Если мы рассмотрим процесс кругооборота капитала, то всякий капитал появляется сначала, при своем первом выступлении, как денежный капитал. Представляя деньги, которые должны функционировать в качестве капитала, он превращается в товары (Т) определенного рода, в средства производства (Сп) и рабочую силу (Р). Далее следует процесс производства (П...). В последнем стоимость не претерпевает никакого изменения формы. Стоимость остается т о в а р о м. Но в том же процессе производства, во-первых, изменяется потребительная стоимость товара,—что вообще не касается его стоимости,—и, во-вторых, рабочая сила, функционируя, увеличивает стоимость: стоимость возрастает. Как товар (T^1), стоимость которого увеличена прибавочной стоимостью, товар покидает место производства, чтобы потом испытать второе и последнее изменение формы; превращение в деньги ($Д^1$).

Итак, процесс кругооборота капитала распадается на две стадии, относящиеся к обращению: Т—Д и T^1—$Д^1$, и одну стадию, протекающую в сфере производства. В обращении капитал является денежным капиталом и товарным капиталом, в производстве — производительным капиталом; капитал, протекающий через все эти формы, есть п р о м ы ш л е н н ы й капитал. Денежный капитал, товарный капитал, производительный капитал здесь, следовательно, означают не самостоятельные виды капитала, а лишь особые функциональные формы промышленного капитала.

Итак, у нас получилась следующая схема: Д—Т—П... T^1—$Д^1$.

Всякий вновь выступающий капитал появляется сначала как денежный капитал. На самих деньгах не написано, что они—капитал [1]). Они становятся таковым потому, что они должны быть превращены в элементы производительного капитала. Сначала это просто деньги; следовательно, они могут выполнять только функции денег, служить исключительно средством обращения и платежным средством.

Мы уже знаем, что функция денег, как платежного средства, предполагает кредитные отношения. Д—Т, первая стадия в процессе обращения капитала, распадается на две части: Д—Сп и Д—Р. Так как наемный рабочий живет только продажей рабо-

---

[1]) Трудность установить понятие капитал, как и вообще экономические понятия, вытекает из той видимости, как-будто они присущи самым вещам, между тем как в действительности они просто отражают определенные общественные отношения, в которых одни и те же вещи играют до чрезвычайности изменчивую роль. Так, золото как деньги отражает отношения определенной эпохи в развитии товарного обмена: оно является средством обращения. А при других отношениях оно становится капиталом. Является ли золото или деньги капиталом,—вопрос в такой постановке неправильный. При некоторых отношениях это просто деньги, при других—кроме того и капитал. Т а к ж е и капитал: это означает, что в качестве капитала деньги всегда могут исполнять только функции денег, являются просто денежной формой капитала в отличие от товарной формы капитала.

Приписывать определенным вещам свойство капитала столь же ошибочно, как если бы мы пространству приписывали нечто присущее вещам. Только наше созерцание дает вещам форму пространства,—как только определенные стадии общественного развития дают вещам форму денег или капитала.

чей силы, а ее сохранение требует ежедневного потребления, то он должен постоянно через короткие сроки получать платежи, чтобы постоянно можно было повторять необходимые для его самосохранения закупки. Поэтому капиталист должен постоянно противостоять ему как денежный капиталист, а его капитал—как деньги [1]). Следовательно, здесь кредит не играет никакой роли.

Иное в процессе Д—Сп. Здесь кредит может играть более крупную роль. Цель купленных средств производства – возрасти в своей стоимости. Деньги, которые заплачены за них, капиталистом просто авансированы. По истечении периода обращения они должны возвратиться, и они возвращаются к нему в возросшем количестве, если мы предполагаем нормальный ход вещей. Так как капиталист просто авансирует свои деньги, так как они к нему возвращаются, то из этого вытекает, что они могут быть и ему авансированы,—заняты им. А это ведь общая предпосылка производственного кредита: деньги могут быть ссужены только тому, кто расходует их таким способом, что они—опять-таки, как и всегда, при нормальном ходе вещей—должны опять возвратиться к нему. Притом кредит обеспечивается здесь теми товарами, на покупку которых деньги авансируются.

Здесь мы имеем дело только с тем кредитом, который возникает из самого товарного обращения, из изменения функции денег, из того, что из средств обращения они превратились в средство платежа. Напротив, мы пока не касаемся того кредита, который возникает из разделения функций капиталиста между чисто денежным капиталистом, с одной стороны, и предпринимателем—с другой. Если деньги ссужаются предпринимателю денежным капиталистом, то совершается просто перенесение денег. Величина авансируемых денег этим нисколько не изменяется. Но это возможно в том случае, который мы рассматриваем в настоящее время. Продавец средств производства кредитует товар предпринимателю и получает за то обещание платежа, напр., вексель. По истечении срока предприниматель сумеет, быть-может, уплатить уже обратными поступлениями авансированного капитала, возвращающегося к нему из процесса обращения. Поскольку это возможно, предприниматель может располагать меньшим денежным капиталом, чем потребовалось бы при отсутствии кредита: кредит расширил возможности его капитала.

Но факт кредита нисколько не изменяет того положения, что капитал должен быть в денежной форме: иначе он не может купить товар. Кредит, поскольку платежи компенсируются, только уменьшает ту сумму металлических денег, которая вообще

[1]) Маркс, „Капитал", II, стр. 11.

требовалась бы для обмена. Но эта сумма отнюдь не определяется тем обстоятельством, что деньги, употребляемые в сделках данного рода, обладают свойством капитала: количество денег подлежит тем законам, которые вообще вытекают из природы товарного обращения. При прочих равных условиях, количество денег, которые приходится авансировать, зависит исключительно от суммы цен тех товаров, которые необходимо купить. Следовательно, если денежного капитала авансируется больше, то это просто означает, что покупается больше товаров (Сп+Р), являющихся элементами производительного капитала, следовательно, означает увеличение количества средств обращения и платежей.

При этом увеличении действуют две взаимно противоположные тенденции. При ускоренном накоплении в периоды высокой кон'юнктуры, возрастает спрос на определенные товары, а потому растут и их цены. Возросшая сумма цен делает необходимым увеличенное количество денег. Но, с другой стороны, одновременно увеличивается кредит, потому что это — период хорошей кон'юнктуры, когда деньги регулярно приходят обратно, процесс возрастания капитальной стоимости представляется обеспеченным, и потому растет готовность и возможность предоставления кредита. Расширение кредита делает здесь возможным быстрое расширение обращения за пределы того базиса, который составляют металлические деньги.

Это относится, разумеется, к процессу Д—Сп, а не к процессу Д—Р. Здесь, напротив, с увеличением переменного капитала в той же мере увеличивается и количество дополнительных денег, которое служит для купли и входит в сферу обращения. С развитием капиталистического производства сфера, в которой кредит находит себе применение, очевидно, постоянно возрастает абсолютно и еще более — относительно: ведь с переходом к более высокому органическому составу капитала оборот Д—Сп постоянно возрастает за счет оборота Д—Р, а потому и сфера кредита возрастает по сравнению с сферою наличных денег.

Рассматривая процесс кругооборота капитала, мы пока не получили никакого нового определения роли кредита. Иное будет в том случае, если мы рассмотрим влияние времени оборота на величину денежного капитала. Тогда мы откроем, что в процессе кругооборота периодически высвобождаются известные суммы денег. А так как праздно лежащие деньги не могут приносить прибыли, то возникает стремление по возможности воспрепятствовать этому праздному состоянию денег: задача, которая может быть разрешена только кредитом, который как раз тут и выступает с новой функцией. Исследование должно теперь обратиться к этой новой причине возникновения кредитных отношений.

Периодическое высвобождение и праздное состояние денежного капитала.

„Движение капитала через сферу производства и две фазы процесса обращения совершается последовательно во времени. Продолжительность его пребывания в сфере производства образует время его производства, продолжительность пребывания в сфере обращения — время его обращения. Все время, в течение которого капитал описывает свой кругооборот, равняется поэтому сумме времени производства и времени обращения“ [1].

Кругооборот капитала, определяемый не как отдельный акт а как периодический процесс, называется оборотом капитала Продолжительность этого оборота определяется суммой времени его производства и времени его обращения. Эта сумма времени составляет время оборота капитала“ [2].

Итак, время, необходимое каждый раз для того, чтобы совершить процесс Д—Д¹ нашей схемы, составляет время оборота. Время обращения равно времени, которого требуют сделка $Д < \frac{Р}{Сп}$ и Т¹—Д¹, а время производства равно времени, в течение которого капитал, как производительный капитал (П), подлежит процессу увеличения стоимости.

Пусть время оборота какого-нибудь капитала составляет девять недель, в том числе время производства шесть недель и время обращения три недели. Для производства пусть будет необходимо по 1.000 марок капитала в неделю. Для того, чтобы в конце шестой недели, времени производства, не пришлось прервать производства на три недели, капиталист, для его непрерывного продолжения, должен авансировать новый капитал в 3.000 марок (капитал II) на три недели, пока совершается обращение. За эти три недели, пока первый капитал обретается в сфере обращения, он по отношению к производственному процессу находится в таком положении, как если бы его вовсе не существовало [3]. Следовательно, время обращения вызывает необходимость в дополнительном капитале, и этот дополнительный капитал относится ко всему капиталу как время обращения ко времени оборота, следовательно, для нашего примера как 3 : 9, или добавочный капитал составляет $^1/_3$ всего капитала.

Итак, чтобы производство не останавливалось на три недели, у капиталиста должно быть не 6.000, а 9.000 марок. Но эти добавочные 3.000 марок начинают функционировать только с начала времени обращения, т.-е. с седьмой недели, а первые

[1]) Маркс, „Капитал“, II, стр. 93.
[2]) Там же, стр. 126 и 127.
[3]) Там же, стр. 227.

шесть недель лежат без дела. Такое высвобождение и бездеятельность 3.000 марок повторяются постоянно. Те 6.000 марок, которые в первый рабочий период были превращены в товарный капитал, в конце девятой недели оказываются проданными. Теперь на руках капиталиста оказывается 6.000 марок. Но второй рабочий период начался с седьмой недели, — теперь истекла только половина его. В течение этого времени функционировал дополнительный капитал в 3.000 марок; следовательно, до окончания рабочего периода требуется еще 3.000 марок; из первоначальных 6.000 марок опять высвобождаются 3.000 марок, и этот процесс постоянно повторяется снова.

Итак, для поддержания непрерывности производственного процесса, для того, чтобы он не прерывался обращением капитала, становится необходим дополнительный капитал, притом денежный капитал, так как он должен функционировать в качестве покупательного средства по отношению к средствам производства и рабочей силе. Сам этот дополнительный капитал не постоянно создает прибавочную стоимость, и постольку не постоянно функционирует как капитал: самым механизмом кругооборота он постоянно снова и снова высвобождается на некоторое время для того, чтобы функционировать в течение другого времени.

„Под углом зрения всего общественного капитала более или менее значительная часть этого добавочного капитала всегда будет находиться в состоянии денежного капитала в течение сравнительно продолжительного времени [1]), и притом этот освобождающийся капитал равен той части капитала, которая заполняет время, представляющее излишек периода обращения по сравнению с рабочим периодом или с кратным рабочего периода“ [2]).

„Следовательно, это присоединение добавочного капитала (в 3.000 мар.), необходимое для превращения времени обращения капитала I (в 6.000 мар.) во время производства, не только увеличивает размер авансированного капитала и продолжительность времени, на которое необходимым образом авансируется весь капитал, но оно также увеличивает в частности ту долю авансированного капитала, которая существует в виде денежного запаса, следовательно, находится в состоянии денежного капитала и обладает формой потенциального денежного капитала“ [3]).

Однако возможно, что и эти 3.000 марок могут представлять еще далеко не всю сумму того денежного капитала, который

[1]) Там же, стр. 234.
[2]) Там же, стр. 247.
[3]) Там же, стр. 234. У Маркса числовой пример иной, чем в нашем тексте. В цитату Маркса для упрощения мы вставили наши числа.

в данный момент лежит праздно [1]). Предположим такой случай что эти 6.000 марок, необходимые для производства с самого начала, наш капиталист употребляет так, что одна половина расходуется на покупку средств производства, а другая половина — на заработную плату. Но он платит рабочим еженедельно. В таком случае из 3.000 марок, необходимых для этого до истечения шестой недели, часть, еженедельно уменьшающаяся на 500 марок, все время будет лежать праздно. Возможно также, что и известная часть средств производства, напр., уголь, не будет закуплена разом на весь производственный период в его начале, а необходимые закупки будут совершаться частями на протяжении всего этого периода. (Но возможно и обратное: рыночные отношения или обычные условия поставок, быть-может, заставят разом произвести закупку на несколько производственных периодов. Из этого вытекала бы необходимость большую сумму денежного капитала превратить в товарный капитал).

Итак, благодаря тому, что в процессе $Д < \frac{P}{Сп}$ деньги немедленно превращаются в рабочую силу и средства производства, тоже возникает, не говоря уже о дополнительном капитале II, праздно лежащий денежный капитал. Часть денег совершает акт Д — Т, а другая часть сохраняется в это время в денежной форме, чтобы потом, во время, определяемое условиями самого производственного процесса, обслужить одновременные или последовательные акты Д — Т. Они только временно извлечены из обращения, чтобы в определенный момент начать действовать, функционировать. Но в таком случае самое это сохранение денег оказывается состоянием, в котором деньги тоже выполняют одну из своих функций в качестве денежного капитала. В качестве денежного капитала: потому что в этом случае и временно бездействующие деньги являются частью денежного капитала Д, равной стоимости того производительного капитала, которым открывается кругооборот. С другой стороны, все деньги, извлеченные из обращения, находятся в форме сокровища. „Следовательно, форма сокровища, принимаемая деньгами, становится здесь функцией денежного капитала, подобно тому, как в Д — Т функция денег, выполняющих роль покупательного или платежного средства, становится функцией денежного капитала; причина заключается в том, что капитальная стоимость существует здесь в денежной форме, денежная форма является здесь состоянием промышленного капитала, определяемым обстоятельствами его кругооборота на одной из стадий последнего. Здесь снова оказывается правильным, что денежный капитал в кругообороте промышленного капитала не совершает никаких иных функций, кроме функций денег, и что эти функции денег лишь благодаря своей связи с другими стадиями этого кругооборота становятся функциями капитала“ [1]).

[1]) Здесь мы можем отметить только важнейшие моменты. Во II томе „Капитала“ Маркс исследовал проблему до деталей, которые педант, впрочем, сумел бы еще увеличить. Однако, то фундаментальное значение, которое имеет это исследование для понимания кредитных отношений, оставалось до сих пор незамеченным.

Третья и очень важная причина возникновения праздно лежащего денежного капитала связана с тем способом, как возвращается капитал из процесса возрастания стоимости; здесь следует отметить опять-таки две главных причины образования бездеятельного денежного капитала.

Промышленный капитал, рассматриваемый с точки зрения его оборота, распадается, как известно, на две части. Одна часть капитала целиком потребляется за каждый отдельный период оборота, и стоимость ее целиком переходит на продукт. Например, в прядильне, в которой ежемесячно производится 10.000 фунтов пряжи, продаваемые в конце каждого месяца, на протяжении его потребляется соответствующая стоимость в виде хлопка, смазочного масла, светильного газа, угля и рабочей силы, а эта стоимость возмещается для капиталиста при продаже продукта. Эта часть капитала, возмещаемая в течение одного периода оборота, является оборотным капиталом. С другой стороны, для производства были необходимы здания, машины и т. д., которые продолжают функционировать в производственном процессе и по окончании данного периода оборота. Следовательно, из их стоимости на продукт переносится лишь некоторая часть, равная среднему сглаживанию в течение одного периода оборота. Если их стоимость составляет, скажем, 100.000 марок, средняя продолжительность функционирования 100 месяцев, то от продажи пряжи на возмещение зданий и машин должно быть выручено 1.000 марок. Та часть капитала, которая функционирует в течение целого ряда периодов оборота, образует основной капитал.

Итак, к владельцу прядильни постоянно притекают из обращения деньги в возмещение его основного капитала, и ему приходится удерживать их в денежной форме, пока, наконец, через 100 месяцев сумма их не достигнет 100.000 мар., которые потребуются ему тогда на покупку новых машин и т. д. Следовательно, и здесь происходит образование сокровища, которое само „является элементом капиталистического процесса воспроизводства: воспроизводством и сосредоточением — в денежной форме — стоимости основного капитала или его отдельных элементов до тех пор, пока основной капитал не отживет свой век и, следовательно, не передаст всей своей стоимости произведен-

[1]) Маркс, „Капитал“, II, стр. 49.

ным товарам, так что его необходимо будет возобновить in natura“ [1].

Из этого же мы видим, что часть капиталистов постоянно извлекает деньги из обращения, как возмещение стоимости сношенной части основного капитала. Денежная форма здесь существенна; стоимость основного капитала может быть возмещена только деньгами, потому что основной капитал, как таковой, продолжает функционировать в процессе производства и, следовательно, еще не нуждается в возмещении in natura. Следовательно, деньги становятся здесь необходимыми вследствие определенного способа воспроизводства основного капитала [2]. Только деньги вообще и делают здесь возможным отдельное и обособленное обращение стоимости основного капитала в то время, как его техническое функционирование непрерывно продолжается в процессе производства.

Итак, способ возвращения основного капитала ведет к образованию сокровища, но вместе с тем и к периодической бездеятельности денежного капитала.

В качестве последней причины высвобождения денежного капитала мы должны рассмотреть еще особый характер капиталистического накопления. Если прибавочной стоимости предстоит функционировать в качестве капитала, — будет ли она употреблена на расширение старого или на основание нового предприятия, — она должна прежде всего достигнуть известной величины, размеры которой зависят от данных технических и экономических условий предприятия. Но с окончанием всякого кругооборота реализуется известное количество прибавочной стоимости, и притом сначала в денежной форме. Вообще должен совершиться целый ряд кругооборотов, пока реализованные суммы прибавочной стоимости не будут достаточно велики для того, чтобы превратиться в производительный капитал. Таким образом отдельные капиталисты постоянно накопляют денежные суммы, предоставляющие для них реализованную прибавочную стоимость, пока, наконец, эти суммы не окажутся достаточными для производительного применения. Мы встречаемся здесь с бездеятельным денежным капиталом, который возникает из процесса увеличения стоимости и некоторое время, пока не найдет себе производительного применения, должен сохраняться в денежной форме.

---

[1]) Маркс, „Капитал“, II, стр. 422 — 423.

[2]) „Как простое товарное обращение не тождественно просто с обменом продуктов, так и обращение годового товарного продукта нельзя свести к простому непосредственному взаимному обмену его различных частей. Деньги играют в нем специфическую роль, которая находит себе выражение и в способе воспроизводства основной капитальной стоимости“ („Капитал“, II, 423).

Образование сокровищ может происходить уже при простом товарном обращении. Для этого необходимо только, чтобы в процессе Т—Д—Т не совершилась вторая часть, именно Д—Т, т.-е. необходимо, чтобы продавец товара не выступал в качестве покупателя, а приберег бы деньги. Но при простом товарном обращении такое поведение является совершенно случайным и исключительным. Напротив, в обращении капитала образование сокровища становится необходимостью, вытекающей из самой природы процесса. Другое отличие от простого товарного обращения заключается в том, что здесь высвобождается и застывает в виде сокровища не просто средство обращения, а денежный капитал: деньги, которые только-что прошли через стадию увеличения стоимости, и которые теперь неизбежно стремятся вновь войти в процесс возрастания стоимости, снова сделаться денежным капиталом. Следовательно, они оказывают давление на денежный рынок.

Так из самого механизма обращения капитала возникает необходимость того, чтобы денежный капитал в большем или меньшем масштабе оказывался бездеятельным на более или менее продолжительное время. А это означает, что в течение этого времени он не может приносить прибыли: смертный грех с точки зрения капиталиста. Но тот масштаб, в котором капитал совершает грехопадение, зависит, как большинство грехов, от об'ективных условий, к рассмотрению которых нам теперь и следует обратиться.

Изменения величины бездействующего капитала и их причины.

Мы уже знаем, что на период обращения капитала, для того, чтобы производственный процесс не останавливался, требуется добавочный денежный капитал, и что он периодически оказывается бездействующим. Если в нашем первом примере время обращения сократится с трех до двух недель, то 1.000 марок станут излишними и выделятся в форме денежного капитала. Как таковой, он поступит на денежный рынок и составит добавочную часть функционирующих здесь капиталов. Эти избыточные 1.000 марок раньше только отчасти существовали в денежной форме; именно, в той своей части, которая служила для оплаты рабочей силы, а 500 марок были употреблены на покупку средств производства, следовательно, существовали в форме товара. Теперь они целиком, и притом в денежной форме, выделились из процесса кругооборота данного капитала.

„Выделившиеся благодаря этому в денежной форме 1.000 марок образуют теперь новый ищущий помещения денежный

капитал, новую составную часть денежного рынка. Хотя они и ранее периодически принимали форму высвободившегося денежного капитала и добавочного производительного капитала, но такое скрытое состояние само было условием ведения производственного процесса, так как оно было условием его непрерывности. Теперь они уже не требуются для этого, и потому образуют новый денежный капитал, одну из составных частей денежного рынка, хотя они не представляют ни вновь накопленного сокровища, ни добавочного элемента к уже существующему общественному денежному запасу (потому что они существовали при начале предприятия и были брошены им в обращение)“ [1]). Следовательно, здесь мы видим, как, при неизменности денежного запаса, увеличенное предложение денежного капитала возникает исключительно благодаря сокращению времени оборота капитала: деньгам, раньше функционировавшим в качестве капитала, предопределено опять сделаться капиталом.

Если, наоборот, время обращения увеличивается, скажем, на дальнейшие две недели, то потребуется дополнительный капитал в 2.000 марок, которые должны быть взяты на денежном рынке и вступить в кругооборот производительного капитала (в этот кругооборот попрежнему входит и время обращения). 1.000 марок будет мало-по-малу превращена из денежной формы в рабочую силу, другая же 1.000 марок, — быть-может, немедленно, — в средства производства. Следовательно, удлинение оборота ведет к повышению спроса на денежном рынке.

Важнейшие моменты, оказывающие влияние на время оборота, следующие: „Поскольку большая или меньшая продолжительность периода оборота зависит от рабочего периода в собственном смысле, т.-е. от периода, который требуется, чтобы изготовить продукт для рынка, она основывается на материальных условиях производства, вполне определенных для различных сфер применения капитала. Эти условия в земледелии имеют более характер естественных условий производства, а в мануфактуре и в большей части добывающей промышленности изменяются параллельно с общественным развитием самого производственного процесса“ [2]).

Здесь действуют тенденции двоякого рода. Развитие техники сокращает рабочий период; отдельный экземпляр товара изготовляется быстрее, следовательно, скорее оставляет фабрику и поступает на рынок; кроме того, если речь идет о делимых товарах, об их производстве в более или менее обширном обществе, указанное обстоятельство приводит к тому, что производится возрастающее количество товаров по сравнению

[1]) Маркс, „Капитал“, II, стр. 258.
[2]) Там же, стр. 286.

с прежним временем, следовательно, сравнительно крупный капитал оборачивается быстрее; технический прогресс сокращает рабочий период и таким образом ускоряет оборот оборотного капитала и прибавочной стоимости. Но тот же самый прогресс знаменует возрастание основного капитала, с его сравнительно продолжительным периодом оборота, охватывающим целый ряд оборотов оборотного капитала. И основной капитал возрастает быстрее, чем оборотный. Таким образом оборот постоянно возрастающей доли совокупного капитала все замедляется. Если оставить в стороне кредит, то замедление оборота было бы новой, второй причиной, — первая заключается в увеличении масштаба производства вообще, — увеличенного авансирования денежного капитала, при чем все возрастающая доля последнего оказывалась бы высвобожденной.

„Поскольку продолжительность рабочего периода определяется величиной поставок (количественным размером, в котором продукт обыкновенно выбрасывается на рынок в виде товара), она имеет условный характер. По материальным базисам самой этой условности служат размеры производства, а потому она выступает с характером случайности лишь постольку, поскольку мы смотрим на дело с индивидуальной точки зрения“. И здесь количество в общем возрастает, а вместе с ним возрастает и авансируемый капитал. Необходимо, однако, принять во внимание, что вследствие технического прогресса большее количество может иметь меньшую цену, а потому и потребовать относительно меньшего авансирования.

„Наконец, поскольку продолжительность периода оборота зависит от продолжительности периода обращения, она отчасти обусловливается постоянным изменением рыночных конъюнктур, большей или меньшей легкостью продажи и возникающей из этого необходимостью бросать часть продукта на более близкий или же на более отдаленный рынок. Кроме размеров спроса вообще, движение цен играет здесь главную роль: при понижении цен продажа намеренно ограничивается, между тем как производство идет попрежнему: напротив, при повышении цен производство и продажа не отстают друг от друга, или товар может быть запродан даже вперед. Однако, собственно материальным базисом следует считать действительное расстояние места производства от рынка сбыта“ [1]).

Так как прибыль возникает в производстве, а обращением она просто реализуется, то отсюда вытекает постоянное стремление весь капитал по возможности превратить в производственный капитал. Отсюда тенденция, во-первых, свести издержки обращения к минимуму, заменив металлические деньги кредитными

[1]) Маркс, „Капитал“, II, стр. 286—287.

деньгами, и, во-вторых, сократить самое время обращения посредством развития техники торговли, посредством возможно быстрой продажи продуктов. Противоположная тенденция вызывается постоянным расширением рынка и развитием интернационального разделения труда. Эта противоположная тенденция смягчается в своем действии развитием условий транспорта.

В заключение мы должны еще отметить, что продолжительность времени оборота капитала имеет решающее значение для быстроты, с какою прибавочная стоимость может быть превращена обратно в капитал, накоплена. Чем короче период оборота, тем быстрее реализуется прибавочная стоимость в денежной форме, тем скорее она может быть превращена в капитал.

Все указанные моменты: органический состав капитала, в частности отношение основной к оборотной составной части капитала, развитие торговой техники, сокращающее время оборота, действующее в том же направлении развитие средств транспорта, — из которого, однако, возникают в качестве противоположной тенденции поиски все более отдаленных рынков, — различия в темпе возвращения капитала вследствие периодических колебаний конъюнктуры, наконец, ускоренное или замедленное производительное накопление, — все эти обстоятельства оказывают влияние на то, какова масса лежащего праздно капитала, и какова продолжительность его бездеятельного состояния.

К этому присоединяется еще такой важный момент, как изменение цены товаров. Если цена сырых материалов понижается, то для продолжения производства в прежнем масштабе капиталисту нашего примера придется еженедельно авансировать уже не по 1.000 марок, а, скажем, всего по 900 марок, следовательно, на весь период оборота его капитала уже не 9.000 марок, а всего 8.100 марок, мрждy тем как 900 марок освобождаются. „Этот выделившийся и теперь незанятый капитал, денежный капитал, ищущий поэтому приложения на денежном рынке, представляет не что иное, как часть капитала в 9.000 марок, авансированного первоначально в виде денежного капитала и сделавшегося излишним вследствие падения цен элементов производства, в которые он периодически превращается, — сделавшегося излишним, раз предприятие не расширяется, а ведется в прежнем масштабе. Если такое падение цен вызвано не случайными обстоятельствами (например, особенно богатым урожаем, чрезвычайным привозом и проч.), а увеличением производительности в той отрасли, которая доставляет сырой материал, то этот денежный капитал является абсолютным приращением для денежного рынка и вообще для свободного капитала, который находится в форме денежного капитала: ведь этот выделившийся капитал

перестал быть составною частью капитала, уже нашедшего себе применение“ [1]).

Повышение цен сырого материала требует, наоборот, дополнительного денежного капитала и, следовательно, вызывает повышение спроса на денежном рынке.

Само собою ясно, что рассмотренные сейчас моменты приобретают великую важность для движения денежного рынка во время периодических колебаний, обусловливаемых состоянием конъюнктуры. При начале расцвета цены низки, возвраты частей капитала совершаются быстро, период обращения короткий. Когда конъюнктура достигнет наивысшего уровня, цены повышаются, и время обращения увеличивается. Усиленнее прибегают к кредиту для потребностей обращения, в то же время вследствие расширения производства увеличивается спрос и на капитальный кредит. Удлинение периода обращения, равно как и рост цен делают необходимым авансирование добавочного капитала, который берется с денежного рынка и неизбежно сокращает количество наличного ссудного капитала.

С переходом к более высокому органическому составу возрастает в общем и период оборота капитала. Возрастает не только величина применяемого капитала, но и время, в течение которого он функционирует в процессе производства. Удлиняется время, которое протекает до того момента, пока авансированный капитал не возвратится к своему исходному пункту. Например, капиталисту приходится авансировать 10.000 марок, если период оборота его капитала составляет 10 недель. Если он применяет новый способ производства, который делает необходимым авансирование 60.000 марок, а период оборота будет составлять теперь 30 недель, то с денежного рынка необходимо будет взять 60.000 марок, и этот ушестеренный капитал придется авансировать на утроенную продолжительность времени.

Чем продолжительнее период оборота капитала, тем дольше приходится ждать того времени, когда эквивалент товаров (средств производства и средств существования рабочих), взятых с рынка, возвратится в товарной форме на рынок. Значит, с рынка взяты товары, а рынку за них даны только деньги. Деньги в этом случае — не мимолетная форма, а прочная форма стоимости в возмещение за взятые с рынка товары. Стоимость денег приобретает здесь независимое от товаров существование. Следовательно, тут абсолютно необходимо возмещение товарной стоимости деньгами, потому что возмещение другим товаром воспоследует лишь в совершенно иной момент времени.

„Если мы представим себе не капиталистическое общество, а коммунистическое, то прежде всего совершенно отпадает денеж-

[1]) Маркс, „Капитал“, II, стр. 261.

ный капитал, следовательно, отпадают все превращения формы, которые осуществляются в сделках благодаря денежному капиталу. Дело сводится просто к тому, что общество должно рассчитать, сколько труда, средств производства и средств существования оно может без всякого ущерба тратить на такие отрасли производства, которые, как, например, постройка железных дорог, долгое время, год или более, не доставляют ни средств производства, ни средств существования и вообще не дают какого-либо полезного эффекта, но, конечно, отнимают от всего годового производства и труд, и средства производства, и средства существования. Напротив, в капиталистическом обществе, где общественное сознание всегда заявляет о себе только post factum, могут и должны постоянно возникать крупные нарушения. С одной стороны, давление на денежный рынок; напротив, хорошее состояние денежного рынка, с своей стороны, вызывает возникновение множества предприятий, следовательно, ведет за собой именно те обстоятельства, которые впоследствии приводят к давлению на денежный рынок. С другой стороны, испытывает давление производительный капитал, находящийся в распоряжении общества. Так как элементы производительного капитала постоянно извлекаются с рынка и взамен их на рынок выбрасывается только денежный эквивалент, то возрастает платежеспособный спрос, который, однако, не содержит в себе никаких элементов предложения. Отсюда возрастание цен как на средства существования, так и на производственные материалы. Притом в такое время обыкновенно развивается ажиотаж, и происходит крупные перемещения капитала“ [1])...

Здесь различия оборота превращаются в момент, обусловливающий нарушения пропорциональности производства, а вместе с тем,—что будет показано впоследствии,—в момент, обусловливающий кризисы.

Итак, в результате предыдущего исследования мы находим: во-первых, часть совокупного общественного капитала, функционирующего в производстве, постоянно оказывается праздной в форме денежного капитала; во-вторых, величина этого бездеятельного денежного капитала подлежит большим изменениям, и все эти изменения должны оказывать непосредственное влияние на денежный рынок, на предложение и спрос денежного капитала.

Но бездеятельное состояние капитала противоречит функции капитала: производить прибыль. Так возникает стремление свести эту бездеятельность к крайнему минимуму. Разрешение этой задачи составляет функцию кредита.

[1]) Маркс, „Капитал“, II, стр. 285.

Превращение бездеятельного в функционирующий денежный капитал посредством кредита.

Тот способ, каким кредит может выполнять эту функцию, понятен и без дальнейших об'яснений. Мы уже знаем, что из процесса кругооборота капитала периодически высвобождается денежный капитал. Но этот денежный капитал, выделившийся из кругооборота одного индивидуального капитала, может функционировать как денежный капитал в кругообороте другого индивидуального капитала, если посредством кредита он будет предоставлен в распоряжение второго капиталиста. Следовательно, периодическое высвобождение капитала создает существенный базис для развития кредитных отношений.

Значит, все моменты, которые приводят периодически к бездеятельному состоянию капитала, превращаются теперь в причины возникновения кредитных отношений, и все моменты, влияющие на количество бездеятельного капитала, определяют теперь расширение и сокращение этого кредита.

Если, напр., в процессе кругооборота известного капитала наступают паузы, если он прерывается таким образом, что капитал остается фиксированным в форме денежного капитала, то здесь образуется скрытый (потенциальный) денежный капитал, который кредитом предоставляется в распоряжение других капиталистов. Это наблюдается в таких производственных процессах, в которых нет непрерывности, в таких, которые зависят от времени года,—вследствие ли естественных условий (земледелие, лов сельдей, производство сахара и т. п.), или же вследствие обстоятельств условного характера, как, напр., так называемые сезонные работы. Но всякое высвобождение денежного капитала означает, что этот денежный капитал при посредстве кредита может быть употреблен на иные производительные цели, вне оборота того индивидуального капитала, из которого он высвободился [1]).

Если, напротив, кругооборот прерывается на такой стадии, когда не высвобождается никакого денежного капитала, тогда

[1]) На этом основывается уравнивающая деятельность банков, которые доставляют промышленным округам денежный капитал, высвобождающийся в земледельческих округах с их до крайности изменчивой потребностью в деньгах. А какое влияние могут оказывать условности, показывают следующий пример, относящийся к современной фабрикации обуви. Здесь оборотный капитал делает не более двух оборотов в год, хотя процесс фабрикации пары башмаков продолжается в среднем всего лишь 3—4 недели. Это об'ясняется тем, что главные заказы в течение года подлежат выполнению перед святками и Троицыным днем. В промежуточный период товар производится, но лежит на складах, потому

для непрерывности процесса становится необходимым, наоборот, резервный фонд, который тоже должен сохраняться в денежной форме, или же, при развитой системе кредита, приходится обращаться к кредиту.

Итак, самая природа процесса кругооборота делает возможным предоставление капитального кредита. А так как деньги всегда представляют издержки обращения, и потому капиталистическому производству присуща тенденция все более напрягать свои силы, не увеличивая в соответственной мере денежного капитала, то этот кредит становится необходимостью, а не просто возможностью.

С другой стороны, всякое нарушение процесса обращения, всякое удлинение процессов Т—Д или Д—Т делает необходимым дополнительный, резервный капитал, без которого не могла бы поддерживаться непрерывность производственного процесса.

Мы уже видели, что количество денег caeteris paribus зависит от суммы цен товаров, проходящих через сферу обращения. Поэтому, если во время процесса кругооборота происходят изменения стоимости, то это оказывает влияние на количество денежного капитала. Если цены повышаются, связывается дополнительный денежный капитал; если они понижаются, высвобождается денежный капитал: „чем крупнее нарушения, тем бо́льшим денежным капиталом должен обладать промышленный капиталист, чтобы иметь возможность выждать их устранение; и так как по мере развития капиталистического производства расширяются размеры каждого индивидуального процесса производства, а вместе с тем возрастает и минимальная величина авансируемого капитала, то это обстоятельство присоединяется к ряду других, в силу которых функция промышленного капитала все более становится монополией крупных денежных капиталистов, отдельных или ассоциированных“ [1]).

что до срока поставки его не возьмут, и во всяком случае башмачный торговец обязуется начать платежи только с договоренного срока поставки. Karl Rehe, „Die Deutsche Schuhgrossindustrie“. Jena 1908, стр. 55.

В то же время эти обстоятельства оказывают определяющее влияние на пользование кредитом. „Особый характер сезонного дела заставляет и предпринимателей башмачной промышленности прибегать к банковым операциям. Крупные суммы, поступающие после главного сезона, отправляются в банки, а те, в свою очередь, в остальные времена года предоставляют в распоряжение фабрик необходимые суммы на выдачу заработной платы и прочие текущие расходы, а также берут на себя оплату сырого материала при помощи переводов или чековых операций“ (там же, стр. 57).

[1]) Маркс. „Капитал“, II, стр. 79. Итак, господство банков над промышленностью, важнейшее явление новейшего времени, предсказано здесь в эпоху, когда едва намечались лишь зародыши этого процесса.

Но кредит, построенный на высвобождении денежного капитала, существенно отличается от платежного кредита, который возникает на основе простого товарного обращения из простого изменения функции денег. Но это еще требует ближайшего рассмотрения.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Банки и промышленный кредит.

Кредит является сначала простым результатом изменения функции денег как платежного средства. Если платеж совершается спустя некоторое время после того, как фактически произошла продажа, то деньги кредитуются на это время. Значит, эта форма кредита предполагает существование товаровладельцев, а в развитом капиталистическом обществе — производительных капиталистов. Если мы представим процесс как обособленный и однократный акт, то он просто означает, что у капиталиста А имеется достаточно запасного капитала для того, чтобы ожидать обратного поступления от В, который в момент купли не располагает необходимой суммой платежных средств. При таком одностороннем кредитовании у А должна иметься как-раз такая добавочная сумма денег, которая потребуется В к сроку платежа. Здесь была бы не экономия, а просто перенесение денег. Иное дело в том случае, если требование платежа само функционирует как средство платежа, если А не просто дает кредит В, но и сам пользуется кредитом у С, если он уплачивает С векселем В. Если же и С в свое время должен произвести платеж В, и если он уплатит В собственным векселем последнего, то здесь между А и В, А и С, С и В совершились бы акты купли и продажи без всякого вмешательства денег. Значит деньги здесь были бы сохранены, а так как эти деньги должны бы быть дополнительным денежным капиталом (для процесса обращения товарного капитала) в руках производительных капиталистов, то для последних тем самым сберегается денежный капитал. Вексель, выполняя функции денег, функционируя как кредитные деньги, заменил деньги. Значительная часть процессов обращения, притом крупнейшие и наиболее концентрированные, разыгрываются между самими производительными капиталистами. Все эти сделки в принципе могут быть осуществлены при помощи векселей; крупная доля этих векселей взаимно компенсируется, и некоторая сумма наличных денег требуется только для того, чтобы покрыть разницу. Следовательно, кредит здесь взаимно оказывается друг другу производительными капиталистами. Капиталисты взаимно кредитуют здесь друг другу товары, представляющие для них товарный капитал; но эти товары — просто

носители определенной суммы стоимости, которая актом продажи предполагается уже реализованною в деньгах, этой общественно значимой форме стоимости: следовательно, товары — носители определенной денежной суммы, представляемой векселем. Значит, обращение векселей основывается на обращении товаров, но таких товаров, которые актом продажи уже превращены в деньги, хотя это превращение еще не приняло общественно-значимой формы, а существует лишь как частный акт в обещании платежа со стороны покупателя [1]).

Этот рассматриваемый здесь кредит, оказываемый друг другу самими производительными капиталистами, мы называем оборотным кредитом. Мы видели, что он заменяет деньги, т. е. экономизирует представляющий большие издержки металл, потому что благодаря кредиту передача товаров осуществляется без вмешательства денег. Расширение этого кредита основывается на расширении таких передач товара, а так как речь идет здесь о товарном капитале — о сделках между производительными капиталистами, — то оно основывается на расширении процесса воспроизводства. Процесс воспроизводства расширяется, — повышается спрос на капитал в форме производительного капитала (на машины, сырой материал, рабочую силу и т. д.).

Рост производства означает в то же время и рост обращения: возросшие процессы обращения завершаются посредством возросшего количества кредитных денег. Обращение векселей увеличивается, — и оно может увеличиться, потому что возрастает товарная масса, входящая в сферу обращения. Следовательно, это расширение обращения может совершаться, не вызывая усиления спроса на золотые деньги. Отношение спроса и предложения денежного капитала тоже может остаться неизменным: одновременно и в равной мере с возрастанием потребности в средствах обращения может возрастать и предложение их, так как на основе увеличившейся массы товаров кредитные деньги могут выпускаться в возрастающей массе.

Итак, здесь обращение векселей увеличилось [2]). Нет никакой необходимости в том, чтобы этот возросший кредит изменил

[1]) Если видеть только, что вексель опирается на совершившийся товарообмен, и не замечать, что этот обмен становится общественно-значимым только тогда, когда векселя взаимно компенсируются, разница уравнивается наличными и неоплаченные векселя замедляются деньгами, то можно прийти к утопии товарных билетов, рабочих денег и т. п. кредитных знаков, которые должны непосредственно, — самостоятельно, независимо от металла, — представлять стоимость товаров.

[2]) Сумма векселей, выпущенных в обращение в течение года, составляла в миллионах марок: в 1885 г.—12.066, в 1895 г.—15.241, в 1905 г.—15.506. Из них было акцептовано банками: 1.965 = 16%, 3.530 = 23% и 8.000 = 51%. В эту сумму, разумеется, не вошли векселя, которые не попали в обращение (залоговые, складочные векселя и т. д.). W. Prion „Das deutsche Wechseldiscontgeschäft“ Leipzig, 1907, стр. 51.

соотношение спроса и предложения на действительные элементы производительного капитала. Напротив, то и другое увеличивается равномерно. Процесс производства расширился и, следовательно, товары производятся в количестве, необходимом для расширенного масштаба производства. Значит, пред нами — увеличение кредита и увеличение производительного капитала. То и другое выражается в увеличенном обращении векселей. Но с этим не связано какое бы то ни было изменение в соотношении спроса и предложения на капитал в денежной форме. А только в этом случае спрос и мог бы оказать влияние на уровень процента. Следовательно, возросший кредит — если это как-раз именно оборотный кредит — может совмещаться с неизменяющимся уровнем процента.

Обращение векселей ограничено только суммой действительно совершаемых сделок. Государственные бумажные деньги могут быть выпущены в избыточном количестве, вследствие чего понижается стоимость каждого отдельного экземпляра денег, но никогда не изменяется стоимость всей суммы; напротив, вексель по существу может быть выдан только на совершенные сделки, поэтому векселя не могут быть выпущены в избыточном количестве. Если дело раздуто, носит характер ажиотажа, то вексель, конечно, будет бесценный. Но это отсутствие ценности в одном векселе нисколько не затрагивает массу остальных векселей.

Но если векселя не могут быть выпущены в избыточном количестве, это не значит, что денежная сумма, проставленная в них, не окажется слишком высокой. Если наступает кризис, в котором товары обесцениваются, то платежные обязательства не могут быть выполнены целиком. Задержки сбыта делают невозможным превращение товара в деньги. Фабрикант машин, расчитывавший продать свою машину и оплатить выручкой вексель, выданный при покупке железа и угля, не может оплатить векселя, не может каким бы то ни было способом и компенсировать его посредством векселя, который он получил бы от покупателя Если у него вообще нет средств, то его вексель обесценивается, хотя в момент выдачи он представлял товарный капитал (железо и уголь, превращенные теперь в машину) [1]).

Вексельный кредит есть кредит до завершения процесса обращения и заменяет д о б а в о ч н ы й капитал, которым необходимо располагать на период обращения. Сами производительные капи-

[1]) Но если нормальное обращение товаров прерывается какими-либо чрезвычайными вне-экономическими, следовательно, случайными событиями, напр., революцией, войной и т. д., то будет рационально как бы вычесть время таких перерывов из нормального течения времени и выждать, пока эти события не минуют. Это и делается посредством устанавливаемого законом мораториума для векселей.

талисты оказывают друг другу этот оборотный кредит; только в том случае, если возвраты капитала из сферы обращения не воспоследуют, деньги должны быть предоставлены в распоряжение с третьей стороны, банками. Точно также банки выступают и в том случае, если происходит какая-либо заминка в продаже товара, следовательно, в условии векселього обращения: потому ли, что в данный момент товары невозможно продать, потому ли, что они удерживаются с целями спекуляции и т. д. В этом случае банки лишь дополняют и довершают вексельный кредит.

Следовательно, оборотный кредит расширяет базис производства за пределы, определяемые денежным капиталом, имеющимся у капиталистов: этот капитал все в большей мере превращается для них в базис для кредитной надстройки, в фонд для уравнивания разницы по векселям и в резервный фонд на случай потерь при обеспечении векселей.

Экономия на наличных деньгах будет тем больше, чем более векселя взаимно компенсируются. Для этого необходимы особые учреждения: векселя необходимо собрать и сопоставить друг с другом. Эти функции исполняются банками. Далее, экономизация денег все более возрастает по мере того, как один и тот же вексель все большее число раз функционирует в качестве платежного средства. Но обращение векселя расширяется тем больше, чем более гарантирована его платежеспособность. Необходимо, чтобы была известна кредитоспособность того векселя, которому предстоит функционировать в качестве средства обращения и платежей. Разрешение и этой задачи выпадает на долю банков. Они выполняют ту и другую функцию, покупая векселя. Покупая вексель, уже банкир становится лицом, оказывающим кредит. Торговый кредит банкир заменяет банковым кредитом,— своим собственным кредитом: вместо векселей он выпускает банковые билеты, вместо промышленных и торговых векселей—свои собственные. В самом деле, банкнота есть не что иное, как вексель на банкира; ее берут охотнее, чем вексель промышленника или купца. Следовательно, банковый билет основывается на обращении векселей. Если государственная банкнота обеспечена общественно-необходимым минимумом товарного обращения, а вексель—товарными сделками, совершенными в качестве частного акта капиталистов, то банкнота гарантирована векселем, обещанием платежа, за которое ответственно все имущество всех лиц, совершивших обмен. В то же время выпуск банкнот ограничен числом дисконтированных векселей, которое, в свою очередь, ограничивается количеством совершенных меновых актов.

Первоначально банкнота есть не что иное, как банковый вексель, которым заменяется вексель производительных капиталистов [1]). До возникновения банкноты векселя до истечения срока иногда циркулировали в обращении, снабженные сотнею подписей; наоборот, на банкнотах первоначально проставлялись, по образцу векселей, разнообразнейшие суммы, а не какая-либо круглая сумма. Они не всегда носили даже характер векселя на пред'явителя. „В прежние времена не было обыкновения, чтобы банками выпускались билеты, которые оплачивались бы или по пред'явлении, или в определенный позднейший день по пред'явлении, смотря по тому, как обязалось выпустившее билет лицо; однако, в последнем случае билеты приносили проценты по день платежа“ [2]).

Изменение, однако, не нарушающее экономических законов, приносится только вмешательством государства. Задача законодательства заключается в том, чтобы гарантировать размен билетов; выпуск банкнот прямо или косвенно ограничивается и превращается в монополию определенного банка, поставленного под государственный контроль. В странах, где нет государственных бумажных денег, или количество их ограничено суммой, которая остается далеко позади общественно-необходимого минимума, банковый билет занимает место, которое вообще принадлежит государственным бумажным деньгам. Если в известные критические эпохи банковым билетам дается принудительный курс, они становятся благодаря этому государственными бумажными деньгами [3]). Искусственное регулирование выпуска банкнот не-

---

[1]) Под производительными капиталистами мы разумеем капиталистов, которые реализуют среднюю прибыль, следовательно, промышленников и купцов, в противоположность ссудным капиталистам, которые получают процент, и землевладельцам, получающим земельную ренту.

[2]) James Wilson, „Capital, Currency and Banking“. London 1847, стр. 44.

[3]) Разумеется, если банк продолжает производить дисконт этими билетами, и поскольку они выпускаются под векселя и другие обеспечения, постольку они, как и раньше, исполняют функции кредитных денег. Это отнюдь не противоречит тому, что они—государственные бумажные деньги; это немедленно обнаружится, если произойдет их обесценение по той причине, что бумаг выпущено больше, чем требуется общественным минимумом обращения. Если этого нет, то, разумеется, не произойдет никакого обесценения. Так как и в тот период, когда в Англии приостанавливался размен, позаимствования государства оставались незначительными, то и обесценение банковых билетов было незначительно: как-раз этими позаимствованиями количество бумаг в обращении могло бы увеличиваться независимо от потребности торговли и промышленности. Однако, Дилль ошибочно утверждает: „Но даже и неразменные банкноты, фактически являющиеся узаконенным платежным средством, никак нельзя назвать „бумажными деньгами“; в самом деле, какие сомнения ни вызывает недостаточная обязательность размена“ (сомнения, которые притом еще преувеличиваются Дилем, который совсем не считается с опытами австрийской денежной системы), однако, и при этой системе банкноты выпускаются не для того, чтобы выпустить в обращение деньги: они выпускаются в форме ссуд госу-

медленно оказывается несостоятельным всякий раз, как обстоятельства потребуют усиленного выпуска банковых билетов. Например, в тех случаях, когда во время кризиса кредит рушится, кредитные деньги многих отдельных капиталистов (следовательно, многие векселя) становятся ненадежными, и потому место, которое они занимали в обращении, требует заполнения добавочными средствами обращения. Закон оказывается несостоятельным; его нарушают, как недавно в Соединенных Штатах, или приостанавливают его действие, как было с актом Пиля в Англии. Что банковые билеты берут, между тем как многие другие векселя отвергаются, основывается исключительно на том, что кредит банка остается непотрясенным. Если бы он тоже испытал потрясение, то пришлось бы дать билетам принудительный курс или прямо выпустить государственные бумажные деньги. Если бы

дарству или купцам,—следовательно, на основе известных притязаний, которые переходят к банку. В таком случае все зависит от характера ведения банковых дел, а не от количества билетов,—от этого зависит, действительно ли и поскольку выпуск билетов и при этих условиях обслуживает исключительно правильные кредитные потребности государства и торговли, или же, выходя из этих рамок, ведет к такому бумажно-денежному хозяйству, которое угрожает всей системе кредита" (Karl Diehl: „Sozialwissenschaftliche Erläuterungen zu Ricardos Grundgesetzen der Volkswirtschaft". Leipzig 1905. II. Teil, стр. 235). Диль не видит существенной разницы между выпуском банковых билетов, основанным на учете векселей, следовательно, на товарном обороте, который требует денег и в распоряжение которого как-раз и даются кредитные деньги, и выпуском билетов для ссуд государству. Банкнота заменяет вексель, следовательно, одну форму кредитных денег другою, а вексель представляет действительную товарную стоимость. Напротив, выпуск банкнот под обещание платежа со стороны государства только и дает государству возможность купить товары, для чего у него нет денег Если государство производит на денежном рынке заем, то оно получает деньги, находящиеся в обращении и благодаря выпуску они снова возвращаются на денежный рынок. Здесь нет необходимости в том, чтобы изменилось количество денег, находящееся в обращении. Но к банку государство обращается как-раз потому, что оно не располагает никаким иным кредитом, а дает банкнотам принудительный курс потому, что иначе банк обанкротился бы. Билеты, выпущенные для этой ссуды, представляют добавок к обращению и могут подвергнуться обеспечению. Здесь получается то же самое, как если бы государство, не прибегая к окольным путям и к помощи банка, само выпустило бумажные деньги которые необходимы ему для платежей. Разница в том, что окольный путь выгоден для банка потому, что он теперь получает проценты за „ссуду", которая стоила ему только издержек печатания. Именно это обстоятельство и восстановило так Рикардо против Английского Банка и привело его к требованию, чтобы государство взяло исключительно на себя выпуск бумажных денег,—при чем он, несомненно, об'единял государственные бумажные деньги и банковые билеты. Небезынтересно, кстати, сказать, что знаменитые проекты Рикардо (в его „Proposals for an economical and secure Currency") в некоторых частях осуществлены „чистой бумажно-денежной системой" Австрии, хотя как-раз это осуществление яснее всего показывает ошибочность теоритического обоснования у Рикардо.

и это не было сделано, то были бы созданы приватные средства обращения, как при последнем американском кризисе. Но это уже много менее действительное средство для того, чтобы противодействовать денежному кризису, обостренному ошибочным законодательством о банкнотах [1]).

[1]) В законодательстве, касающемся денежного обращения, капиталистическое общество стоит перед чисто общественной проблемой. Но это общество не сознает само себя. Законы его собственного движения остаются сокрытыми от него: только теории с большими трудами приходится открывать их. Но интересы руководящих слоев противятся признанию результатов, добытых теорией. Мы уже не говорим об узких эгоистических интересах денежных капиталистов, которые считаются самыми компетентными людьми в вопросах банкового законодательства: непреодолимым препятствием правильному пониманию законов денежного и банкнотного обращения становится также отвращение к теории трудовой стоимости; в английском банковом законодательстве оно ведет к победе принципов школы currency, хотя ее теория исторически и теоретически уже была приведена ad absurdum работами Тука, Фуллартона и Уильсона. И прелестная ирония истории заключается в том, что эта теория,—имея на то до известной степени основание,—могла бы ссылаться на того самого Рикардо, который вообще старался последовательно провести теорию трудовой стоимости. но в этом случае под впечатлением практики бумажно-денежного хозяйства отбросил свою собственную теорию.

Как-раз анархический характер капиталистического общества в высокой степени затрудняет для него рациональное и сознательное регулирование данного общественного вопроса. С трудом и большой постепенностью из сурового и дорогого опыта разнообразнейших стран и эпох оно познает более правильные принципы, но не находит в себе силы для того, чтобы дать этим принципам всеобщее приложение: обстоятельство, которое иллюстрируется тем, что до сих пор удерживается американское и английское, в меньшей мере—и германское законодательство и политика относительно банковых билетов. И еще менее может современное капиталистическое общество единой стройной теорией охватить новые наблюдения: приходит же оно в изумление перед смелостью какого-нибудь Кнапна, который не осуждает новых фактов, не устраняет их своей интерпретацией, но создает из них всего лишь систематическую терминологию.

Так как управление денежным и кредитным обращением представляет чисто общественную задачу, то возникает требование передать эту задачу государству. Но так как капиталистическое государство разделяется классовыми интересами, то против этого требования немедленно поднимаются сомнения у тех, кто опасается возрастания силы слоев, подчиняющих себе государство. Борьба обыкновенно кончается компромиссом: широким государственным контролем над привилегированным частным обществом. Подвергается устранению или ограничению личная заинтересованность капиталистов, которая в иных случаях выдается за общественно-необходимую. Частный интерес руководителей национальных банков не стоит ни в какой необходимой связи с силою этих банков. Здесь свободное проявление заинтересованности в получении прибыли, пользуясь национальным кредитом для собственных выгод, действительно могло бы причинить величайший вред. Общественный характер задачи делает неизбежным устранение или хотя бы серьезное ограничение частной заинтересованности в прибыли.

Точно так же, как векселя, разменные банкноты (неразменные же билеты в действительности суть не что иное, как государственные бумажные деньги с принудительным курсом) тоже не могут быть выпущены в избыточном количестве [1]). Обращение, не нуждаясь более в банкноте, освобождается от нее, возвращая ее в банк. Так как она заменяет вексель, то выпуск банкнот подлежит тем же законам, как обращение векселей, и расширяется вместе с последним, пока кредит не испытал потрясений; но так как кредит этого платежного средства, банкноты, остается непотрясенным в эпоху кризиса, то, когда кредитный кризис приводит к чрезвычайному сокращению обращения векселей, банкноты выступают вместо них на ряду с наличными деньгами.

С развитием банков, к которым притекают все остающиеся без занятий деньги, коммерческий кредит все более заменяется банковым в том смысле, что векселя служат платежным средством все менее в своей первоначальной форме, в которой они обращаются между производительными капиталистами: они все больше служат платежным средством в своей превращенной форме, в виде банковых билетов. Компенсация и покрытие разницы совершаются теперь между банками: техническое облегчение, расширяющее сферу возможных компенсаций и еще больше уменьшающее количество наличных денег, необходимое на уплату разницы.

Раньше самим производительным капиталистам приходилось держать у себя деньги, необходимые на покрытие разницы выданных ими векселей. Теперь это становится излишним. Эти деньги в качестве вкладов притекают к банкам, которые теперь могут сальдировать ими балансы. Следовательно, сокращается та доля капитала, которую производительные капиталисты должны были бы держать у себя в форме денежного капитала.

Так как банкир заменяет вексель своим собственным кредитом, то он нуждается в кредите, но ему требуется лишь незначительный собственный капитал в денежной форме, который должен гарантировать его собственную платежеспособность. Банки, заменяя неизвестный кредит своим собственным, более известным, повышают способность кредитных денег функционировать в сфере обращения. Тем самым они делают возможным взаимное погашение требований платежа: пространственно—в более обширной области, и во времени—на более значительном его протяжении,

[1]) „Я без всяких колебаний заявляю о своем полном согласии со столь опороченной доктриной старых директоров банка 1810 г., именно с той доктриной, что, пока банк выпускает свои билеты исключительно для дисконта хороших векселей, сроком не более 60 дней, он не может действовать ошибочно, если вы даете столько билетов, сколько желает получить публика. Как ни прост этот принцип, в нем, по моему мнению, больше истины и более глубокое понимание начал, господствующих в денежном обращении, чем в каком бы то ни было изданном с того времени предписании по этому предмету". Fullarton, loc. cit., стр. 207.

потому что этим умножаются возможности компенсации. Следовательно, они расширяют кредитную надстройку в несравненно большей мере, чем то удалось бы при вексельном обращении, ограниченном сферою производительных капиталистов.

Но тот капитал, который банки, дисконтируя векселя, передают в распоряжение производительных капиталистов, нельзя считать удвоенным. Бо́льшая часть банковых вкладов принадлежит классу производительных капиталистов, которые с развитием банкового дела весь свой свободный денежный капитал держат в банках. Этот денежный капитал, как мы видели, образует базис вексельного обращения. Но это—собственный капитал класса производительных капиталистов. Дисконтом векселей этому классу, как таковому, не доставляется нового капитала, а просто капитал в одной денежной форме (в форме частного обещания платежа) замещается капиталом в *другой* денежной форме (обещанием платежа со стороны банка, при случае платежем—наличными деньгами). О денежном капитале дело идет здесь лишь постольку, поскольку он замещает реализованный товарный капитал, следовательно, поскольку денежная сумма рассматривается генетически. Функционально мы все время имели перед собою деньги (платежное или покупательное средство).

Конечно, замена кредита производительных капиталистов банковым кредитом может совершаться и в иных формах, кроме выпуска банкнот. Так, в странах с монополией на выпуск банковых билетов частные банки предоставляют свой банковый кредит производительным капиталистам таким способом, что они „акцентируют" векселя производительных капиталистов, т.-е. снабжают их своей подписью и тем самым берут на себя поручительство за их платежеспособность. Благодаря этому на вексель распространяется кредит банка, что столь же повышает его способность к обращению, как если бы он был заменен билетами этого банка. Как известно, бо́льшая часть, в особенности международных, торговых сделок выполняется при помощи таких векселей. Между такими акцептованными векселями и билетами частных банков нет никакой принципиальной разницы [1]).

Итак, оборотный кредит в том смысле, как мы употребляем этот термин, заключается в создании кредитных денег. Следо-

[1]) „Вексель есть важнейшее средство производства платежей в международных сношениях. В прежнее время расчеты между государствами производились видимо посредством торгового векселя; напротив, в последнее столетие банковый вексель все более выдвигается на первый план, так что перед ним стушевывается торговый вексель, равно как и происходящий из требований иного рода, например, из операций с биржевыми ценностями. В торговом векселе стушевался специальный характер предшествующего акта купли товара. В банковом векселе, соответственно основным чертам эпохи, абстракция доведена еще дальше. Теперь уже невозможно сказать, что в основе его лежит товарообмен.

вательно, он устраняет зависимость производства от такой границы, как имеющаяся сумма наличных денег. Под наличными деньгами мы разумеем полноценные металлические деньги, деньги, соответствующие данной денежной системе, серебряные или золотые деньги, плюс государственные бумажные деньги с принудительным курсом и билонную монету, поскольку все эти деньги существуют в количестве, определяемом общественно необходимым минимумом обращения.

Но при помощи оборотного кредита, как такового, не осуществляется ни перенесение денежного капитала от одного производительного капиталиста к другому, ни приток денег от других (непроизводительных) классов к классу капиталистов, которыми они могли бы быть превращены в капитал. Итак, если оборотный кредит заменяет наличные деньги, то, напротив, такой кредит, функция которого—превращать деньги, какова бы ни была форма последних: наличные или кредитные деньги, из бездеятельных денег в функционирующий денежный капитал,—такой кредит мы называем капитальным кредитом. Капитальным кредитом потому, что он переносит деньги к таким лицам, которые, покупая на эти деньги элементы производительного капитала, применяют их как денежный капитал.

В предыдущей главе мы видели, как в ходе капиталистического процесса производства возникают праздно лежащие, принимающие форму сокровища, деньги, которые должны будут послужить в качестве денежного капитала. Это—суммы, которые на время связываются процессом обращения, на время лежат праздными, суммы, в которых сберегаются возмещение основного капитала и прибавочная стоимость, пока они не достигнут достаточных размеров для накопления. Здесь выступают трояких рода задачи: во-первых, необходимо сосредоточить отдельные суммы, пока вследствие централизации они не вырастут до размеров, необходимых для производительного применения; во-вторых, необходимо предоставить их в распоряжение надлежащих лиц, и, в-третьих, предоставить в распоряжение на надлежащее время.

Раньше мы видели, как из обращения возникли кредитные деньги. Теперь мы имеем дело с деньгами, которые не функционируют; но деньги могут совершать функции только денег, и совершать их могут только в сфере обращения. Поэтому кредит как капитальный кредит не может сделать ни чего иного, как только необращающиеся деньги бросить в обращение.

Единственно позволительное заключение, пожалуй, таково, что здесь приходится удовлетворить требование денег, вытекающее из какого-либо экономического акта. К этому способу платежей теперь может приурочиться интернациональный кредит". A. Sartorius Freiherr v. Waltershausen, „Das volkswirtschaftliche System der Kapitalanlage im Ausland". Berlin 1907, стр. 258 и след.

Однако, как капиталистический кредит, он бросает их в обращение только затем, чтобы извлечь большее количество денег; он бросает их в обращение как денежный капитал для превращения в производительный капитал. Таким образом он расширяет размеры производства, при чем этому расширению необходимо предшествует расширение размеров обращения. Последнее же достигается без вмешательства новых денег,—исключительно использованием для целей обращения прежних, но бездействовавших денег.

Здесь мы опять встречаемся с потребностью в экономической функции, которая заключается в том, чтобы сосредоточивать бездеятельный денежный капитал и потом, сосредоточив, распределять его.

Но кредит носит тут иной характер, чем оборотный кредит. Последний приводит к тому, что деньги функционируют, как платежное средство. Платеж за проданный товар кредитуется. Деньги, которые иначе должны были бы вступить в процесс обращения, сберегаются, потому что они заменяются кредитными деньгами. Действительные деньги становятся излишними на всю соответственную сумму, которая иначе должна была бы иметься в наличности. С другой стороны, здесь в распоряжение капиталиста не дается никакого нового капитала. Оборотный кредит просто дает его товарному капиталу форму денежного капитала.

Иное дело с капитальным кредитом. Он представляет перемещение денежной суммы, которую владелец не может применить в качестве капитала, к такому лицу, которое должно применить ее, как капитал. Таково назначение этой суммы. В самом деле, если бы она не была применена как капитал, ее стоимость не могла бы сохраниться и возвратиться. Но, с точки зрения общества, каждый раз необходимо, чтобы деньги возвращались к должнику: иначе ссуда не будет обеспечена. Следовательно, здесь совершается передача денег, которые уже имелись, а не экономия на деньгах вообще. Значит, капитальный кредит заключается в передаче денег, которые благодаря этому должны превратиться из бездеятельного в функционирующий денежный капитал [1]). Он не сберегает, как платежный кредит, издержки обращения, а при неизменности денежного базиса расширяет функцию производительного капитала.

---

[1]) Деньги всегда ссужаются под процент, следовательно, для ссужающего всегда принимают характер капитала. Поэтому, наоборот, всякие ссужаемые деньги, каковы бы ни были потом их действительные функции, будут ли эти деньги исходным пунктом нового производительного капитала, или же они обслужат лишь процессы обращения уже существующего капитала,—во всех этих случаях ссужаемые деньги рассматриваются как капитал, и спрос на деньги, как платежное средство, смешивается со спросом на них, как на денежный капитал.

Возможность капитального кредита возникает здесь из условий обращения самого денежного капитала, из того, что в кругообороте индивидуального капитала деньги периодически оказываются бездеятельными. Одни капиталисты вносят их в банки, которые предоставляют их в распоряжение других капиталистов.

Если посмотреть на класс капиталистов, как на целое, то деньги уже не лежат праздными. Если в одном месте деньги затвердевают в сокровище, то кредит немедленно превращает их в активный денежный капитал для другого процесса обращения. Следовательно, для всего класса сокращаются размеры авансируемого денежного капитала. Это сокращение достигается потому, что паузы в обращении делают возможным перенесение денег, и таким образом устраняется бездеятельность денег в форме сокровища. В таком случае для того, чтобы предотвратить неправильности и нарушения процесса обращения, для всего класса капиталистов будет достаточно, если сравнительно небольшая часть денег станет функционировать в форме сокровища.

Раньше перед нами были производительные капиталисты (промышленные и торговые), которые совершали свои обороты, например, закупали средства производства при помощи кредитных денег. Теперь производительный капиталист превращается в денежного или ссудного капиталиста. Но такой характер он приобретает лишь мимоходом, именно, когда его денежный капитал, ожидающий превращения в производительный капитал, лежит праздным. И, ссужая в один момент, в другой момент он занимает у другого производительного капиталиста. Сначала характер ссудного капиталиста для него—чисто переходящий, а затем, с развитием банкового дела, соответственная функция становится особой функцией банков.

Наличный денежный капитал при посредстве кредита функционирует в более крупном масштабе, чем функционировал бы без его посредства. Кредитом бездеятельный капитал сводится к минимуму, который требуется для того, чтобы быть готовым предотвратить нарушения или непредвидимые изменения в процессе кругооборота капитала. Таким образом бездеятельность денежного капитала, на некоторое время наступающую для индивидуального капитала в процессе его кругооборота, кредит стремится устранить для общественного капитала.

Ясно в то же время, что внесение вкладов производительными капиталистами и их обратное истребование следует определенным законам, которые выводятся из характера обращения производительного капитала, из продолжительности времени его обращения. Опыт позволяет банкам познать эту закономерность, установить тот минимум вкладов, ниже которого в нормальное время их сумма не опускается; таким образом они могут во всякое время

предоставить соответствующую сумму в распоряжение производительных капиталистов.

Чек имеет непосредственное отношение к вкладам, между тем как отношение векселя к ним только потенциальное. Чек связан с индивидуальным вкладом, вексель основывается на вкладах класса. В самом деле, классу капиталистов при учете векселей предоставляются в распоряжение, прежде всего, его собственные вклады, — и, по мере того, как поступают платежи за истекшие векселя, следовательно, по мере того, как фактически получаются обратные поступления за проданные товары, они опять-таки возвращаются в качестве вкладов. Если обратные поступления сокращаются, и уменьшаются поступления по векселям, то для капиталистов становится необходимым дополнительный капитал. Тогда они уменьшают вклады, а вместе с тем и тот фонд, из которого учитываются их векселя. Тут на сцену должен выступить банк: он должен дисконтировать посредством своего собственного кредита. А так как вклады, базис вексельного обращения, уменьшились, и сократилась их свободная часть, то банк не может без особых опасений расширять свой кредит. Замедление обратных поступлений вызывает в этом случае усиленный спрос на банкирский кредит, а раз последний не может расширяться, то на банкирский капитал, — на ссудный капитал. Это выражается в повышении уровня процента. Функционирование векселя в качестве кредитных денег сократилось. На место векселя должны выступить деньги, которые берутся из банков, и потому делают здесь ощутительным повышенный спрос на денежный капитал. Следовательно, мы имеет тут уменьшение вкладов при неизменном или все еще повышающемся обращении векселей и при повышающемся проценте.

Уже из предыдущего ясно, что сумма вкладов во много раз превышает действительно имеющуюся сумму наличных денег. Звонкие деньги проделывают целый ряд актов обращения и дают базис для обращения кредитных денег. Каждый такой акт обращения наличных или кредитных денег может отложиться у банкира, как вклад. Следовательно, сумма вкладов может быть во много раз больше суммы наличных денег, — во много раз, соответственно числу оборотов денег, включая сюда и кредитные деньги.

А кладет 1.000 марок в банк. Банк ссужает эти 1.000 марок В. Последний уплачивает ими свой долг С, С кладет эти 1.000 марок опять в банк, банк снова ссужают их, и снова же получает в качестве вклада и т. д. „Вклады играют... двоякую роль. С одной стороны, они... даются в ссуду в качестве капитала, приносящего проценты, и, следовательно, не находятся в кассах банков, а лишь фигурируют в их книгах, как имущество вкладчиков. С другой стороны, они функционируют, как

простые записи в книгах, поскольку взаимные долговые обязательства вкладчиков погашаются путем чеков на вклады и списываются со счетов; при этом совершенно безразлично, находятся ли вклады у одного и того же банкира, так что этот последний списывает сумму со счета одного и переносит ее на счет другого вкладчика, или же это происходит между различными банками, которые взаимно обмениваются своими чеками, уплачивая лишь разницу“ [1]).

До сих пор банк действовал у нас, во-первых, как посредник в платежных операциях, которые расширялись им посредством концентрации платежей и уравнивания местных различий; во-вторых, банк осуществлял превращение бездеятельного в функционирующий денежный капитал, который собирался им, концентрировался, распределялся и таким образом сводился к минимуму, необходимому во всякое время для кругооборота общественного капитала.

Третью функцию выполняет банк, когда он собирает доход всех других классов в денежной форме и предоставляет его как денежный капитал в распоряжение класса капиталистов. Таким образом, кроме собственного денежного капитала капиталистов, находящегося в управлении банков, к капиталистам приливают для производительного применения праздно лежащие деньги всех других классов.

Для того, чтобы исполнять эту функцию, банки должны привлекать, концентрировать и потом ссужать производительным капиталистам по возможности все деньги, которые праздно лежат в руках владельцев. Главное средство — выдача процентов по вкладам и устройство отделений (филиальных) для принятия вкладов. Следовательно, это так называемая децентрализация — „так называемая“, потому что она чисто пространственная, а не экономическая — определяется самым существом рассматриваемой функции банков: передавать праздно лежащие деньги производительным капиталистам.

Денежный капитал, передаваемый банками в распоряжение промышленных капиталистов, последние могут двояким образом употребить на расширение производства: денежный капитал может требоваться или для того, чтобы превратить его в оборотный капитал, или для того, чтобы превратить его в основной капитал. Различие важно в виду различного характера возвратов капитала. Денежный капитал, авансированный на куплю оборотного капитала, соответствующим способом и возвращается, т.-е. его стоимость по истечении периода оборота вполне воспроизводится и реализуется в денежной форме. Иное при авансировании денег для превращения в основной капитал. Здесь деньги возвращаются лишь постепенно, в течение более или менее длинного ряда периодов оборота, и закреплены на все это время. Различный способ возвращения обусловливает различия в том, насколько закрепляются деньги банка. Банк вложил свой капитал в капиталистическое предприятие и потому получает интерес к судьбе этого предприятия. Этот интерес тем прочнее, чем в большей мере банковый капитал функционирует в предприятии как основной капитал. По отношению к купцу банк сохраняет много большую свободу действий, чем по отношению к промышленному предприятию. Для купеческого капитала преобладающую роль играет вообще только платежный кредит. Этим объясняется, почему отношения между банковым и купеческим капиталом складываются, как мы еще увидим, совершенно иначе, чем между банковым и промышленным капиталом.

Формы, в которых производительные капиталисты получают в свое распоряжение банковый капитал, включая сюда и чужие деньги из таких источников, как упомянуто выше, — эти формы разнообразны: извлечение собственных вкладов, открытие самостоятельного кредита по книгам, — операции по текущему счету. Их различие не имеет принципиального значения; важны только те цели, на которые действительно применяются деньги: на элементы ли основного, или же на элементы оборотного капитала [1]).

Но, с другой стороны, это закрепление капитала требует от банков сравнительно крупного собственного капитала, который служит запасным фондом и гарантией на случай непредвиденных вкладов. Следовательно, в противоположность чисто депозитным банкам, банки, функцией которых является предоставление кредита в собственном смысле, необходимо должны располагать значительным капиталом. Так, в Англии отношение акционерного капитала к обязательствам до чрезвычайности низко. „В превосходно поставленном London and County Bank отношение в 1900 году выражалось цифрами 4,38 : 100“ [2]). Этим низким отношением объясняется высокий уровень дивидендов, выдаваемых английскими депозитными банками.

В начале развития вексель является главным средством предоставления кредита. Это — платежный кредит, взаимно оказываемый друг другу производительными капиталистами, промышленными и торговыми; его продукт—кредитные деньги. Когда

[1]) Маркс, „Капитал“, III, II, стр. 8.

[1]) Анализируя товар, экономисты игнорируют специфические формальные определения и рассматривают только содержание менового акта; наоборот, останавливаясь на развитых формах кредитных и биржевых операций, они никак не могут дойти до конца в своих хитросплетениях относительно форм. На мой взгляд, даже превосходная в общем работа Jeidels'a („Das Verhältnis der deutschen Grossbanken zur Industrie“, Leipzig 1905) придает форме кредитных операций неподобающее значение.

[2]) Jaffé, „Das englische Bankwesen“, стр. 200.

же кредит концентрируется в банках, то на-ряду с платежным кредитом все сильнее выдвигается капитальный кредит. В то же время и кредит, оказываемый друг другу промышленниками, может измениться по форме. Промышленники весь капитал, имеющийся у них в денежной форме, держат в банке. Теперь не представляется никакого различия, дают ли они друг другу кредит посредством векселя или же пользуются кредитом, который открывает для них банк. Таким образом, банковый кредит может выступить на место вексельного кредита, и тогда обращение векселей сократится. На место промышленного и торгового векселя выступил банковый вексель, в основе которого лежат, однако, обязательства промышленников по отношению к банку [1]).

Что развитие идет в направлении от платежного к капитальному кредиту, это обнаруживается и в интернациональном масштабе. Англия (аналогичное отношение голландского капитализма к английскому в раннюю эпоху капитализма мы оставляем в стороне) чужим странам, покупающим английские продукты, сначала оказывала торговый кредит, сама же сравнительно крупную долю своих покупок оплачивала наличными. В настоящее время положение изменилось: кредит дается не исключительно и даже не главным образом для торговых отношений, не как торговый кредит, а для вложения капитала: обнаруживается стремление посредством капитального кредита подчинить себе иностранное производство. Интернациональными банкирами оказываются не

[1]) „Почти во всех деловых отраслях сначала можно было наблюдать—уже проведенное в торговле сырыми материалами и полуфабрикатами—возрастание платежей наличными (но под ним Прион разумеет и банковые платежи), вместо расчетов при помощи векселей. Пользуясь банковым кредитом, в частности в форме акцептованного кредита, купец расплачивается наличными посредством расчетных операций или выдачей чека, так что чисто товарный вексель все более вытесняется. Сильнее всего это должно коснуться крупных и солидных товарных векселей, потому что на вершинах торгового оборота капиталистическое богатство благодаря процессу поглощения и без того уже сильно выросло. Даже в крупной транс-океанической торговле, этой сфере, где возникла утонченнейшая из существовавших доселе форм векселя, напр. в хлебной торговле, вошло в обыкновение производить уплату не двух- или трехмесячным векселем, а траттой на предъявителя, если только не применяется банковый акцепт. Основывается этот поворот на том факте, что при уплате наличными покупатель всегда может получить более выгодные условия, которые, в конце концов, и остаются таковыми, если даже с этой целью ему придется в усиленной степени прибегнуть к банковому кредиту. Далее, из-за тех товарных векселей, которые еще фактически поступают в обращение, развертывается сильная конкуренция как между Имперским Банком и кредитными банками, так и между отдельными группами последних. Мощные капиталы, накопленные в крупных банках, ищут соответствующего помещения в векселях и в этой конкуренции понижают цену хороших товарных векселей много ниже уровня дисконта в Имперском Банке, до уровня частного дисконта“ (Prion, loc. cit. стр. 120)

столько промышленные страны (Соединенные Штаты, Германия), сколько прежде всего Франция, а потом Бельгия и Голландия, которая уже в XVII и XVIII столетиях финансировала английский капитализм; эти-то страны и предоставляют капитальный кредит. Англия занимает промежуточное положение. Отсюда различия в движении золота в центральных банках этих стран. Движение золота в Английском Банке — прежде всего показатель международных кредитных отношений, так как Лондон—искони единственный свободный золотой рынок, и потому там концентрировалась торговля золотом. — Совершенно свободному движению золота во Франции мешает политика золотых премий, въ Германии — некоторые воздействия управления Имперского Банка. Так как кредит, который дает Англия, все еще по существу — торговый кредит, то движение английского золотого запаса зависит, в первую очередь, от состояния промышленности и торговли и от баланса последней. Французский банк, с его колоссальным золотым запасом и его сравнительно небольшими коммерческими обязательствами, может распоряжаться много свободнее. При потрясениях коммерческого кредита он как-раз и приходит на помощь Английскому Банку.

Эта относительная независимость банкового кредита от торгового важна потому, что она знаменует известное превосходство для банкира. У каждого купца и промышленника имеются кредитные обязательства, которые в определенный момент необходимо выполнить. Но в их выполнении он в настоящее время зависит от распоряжений своего банкира, который, ограничив кредит, при случае способен делать это выполнение невозможным. Этого не было, пока главная масса кредита представляла торговый кредит, и банкир был в существенном просто торговец векселями. Напротив, здесь сам банкир стоял в зависимости от окончательного исхода операции, от оплаты векселя; ему приходилось с величайшей осторожностью, только при крайней необходимости, ограничивать требование кредита, потому что иначе мог бы распахаться вексельный кредит в целом. Отсюда — постоянно высокое напряжение его собственного кредита, до перенапряжения и краха включительно. В настоящее время, когда торговый кредит уже не играет такой роли, а главным делом становится капитальный кредит, банк много лучше может осуществлять контроль и господство над отношениями.

Когда кредит достигает определенной ступени развития, пользование кредитом для капиталистического предприятия становится необходимостью, которая навязывается ему конкурентной борьбой. В самом деле, пользование кредитом равносильно для отдельного капиталиста повышению его индивидуальной нормы прибыли. Пусть средняя норма прибыли составляет 30%; уровень процента — 5%; в таком случае капитал в 1 миллион марок доста-

вит прибыль в 300.000 марок (из этой прибыли в книгах капиталиста на счет предпринимательской прибыли будут отнесены 250.000 марок, а 50.000 марок — на счет процента на его капитал). Если капиталисту удается занять второй миллион, то его прибыль составит теперь 600.000 марок минус 50.000 марок, которые ему придется уплатить в качестве процента за второй миллион, следовательно, 550.000 марок; его предпринимательская прибыль составляет теперь 550.000 марок и, при отнесении по-прежнему к его собственному капиталу в 1 миллион, даст норму предпринимательской прибыли в 50% вместо прежних 25%. Если возросший капитал позволит ему, расширив производство, и производить дешевле, то его барыш еще больше повысится. Если для других капиталистов пользование кредитом доступно не в такой мере или на более тяжелых условиях, то капиталист, находящийся в благоприятных условиях, может получить дополнительную прибыль.

Если положение рынка неблагоприятно, то выгоды использования кредита обнаружатся иначе. Если капиталист пользуется чужим капиталом, то он может понизить свои цены соответственно тому, насколько он пользуется чужим капиталом: может опустить их ниже цены производства (издержки производства плюс средняя прибыль), до уровня $k + z$ (издержки производства плюс процент); таким образом он может продать всю сумму своих товаров дешевле цены производства, и все же прибыль на его собственный капитал не уменьшится. Он поступается только предпринимательской прибылью на чужой, а не на собственный капитал. Следовательно, при неблагоприятной конъюнктуре пользование кредитом дает преимущество в борьбе цен, возрастающее той же мере, как увеличивается пользование кредитом. Так, собственный капитал, которым пользуются производительные капиталисты, становится для них просто базисом предприятия, которое они при помощи чужого капитала расширяют далеко за пределы, определяемые размером собственного капитала[1]). Повышение предпринимательской прибыли использованием кредита является повышением для индивидуальных капиталистов и для их собственного капитала. Оно сначала не затрагивает средней общественной нормы прибыли. Но в то же время, естественно, повышается масса прибыли, а вместе с тем и темп накопления.

[1]) Насколько высок кредит в некоторых случаях показывает, напр., одна заметка в „Actionär“ 1902 г.: промышленникам иногда приходится уплачивать по банковым долгам от 20 до 40% прибыли. На общем собрании Neusser Eisenwerk, бывший Rudolf Daelen, один акционер высчитывал, что долги этого предприятия с 1900 по 1903 г. составляли 26, 85, 105, 115% оборотных средств; из 718.000 марок долгов в 1903 году 500.000 марок представляли банковые долги, при 1 миллионе марок акционерного капитала (Jeidels, loc. cit., стр. 42).

Позволяя расширить масштаб производства, повысив производительную силу труда, использование кредита тем капиталистам, которые первые или в усиленной степени обратились к нему, сначала доставляет дополнительную прибыль; но в дальнейшем ходе развития, благодаря переходу к повышенному составу капитала, что обычно связывается с расширением производства, использование кредита приводит к понижению нормы прибыли. Повышение предпринимательской прибыли отдельного капиталиста побуждает все больше пользоваться кредитом. В то же время, вследствие концентрации всего денежного капитала в банках, возможность пользоваться им все возрастает. Эта возникающая в промышленности тенденция, в свою очередь, должна оказывать обратное действие на способ кредитования банками.

Усиление стремления к кредиту ведет к тому, что к нему прибегают прежде всего для оборотного капитала; все большая часть собственного капитала превращается в основной капитал, а значительная часть оборотного капитала замещается чужим капиталом. Но чем крупнее становится масштаб производства, чем громаднее основная часть капитала, тем чувствительнее делается ограничение кредита оборотным капиталом. Но если и для основного капитала прибегают к кредиту, то условия кредитования коренным образом изменяются. Оборотный капитал по истечении каждого периода оборота превращается опять в денежный капитал; основной же капитал превращается в деньги лишь мало-по-малу, по мере своего постепенного снашивания, в течение продолжительного периода. Следовательно, денежный капитал, которому предстоит превращение в основной капитал, связывается на продолжительное время, он останется авансированным долгое время. Но те ссудные капиталы, которым располагает банк, должны в большей своей части находиться в таком состоянии, чтобы их можно было во всякое время выдать обратно. Из них можно отдать в ссуду для превращения в основной капитал только такую часть, которая достаточно долго задерживается в распоряжении банка. Никакой индивидуальный ссудный капитал не залеживается сколько-нибудь долго. Но из всего ссудного капитала в банке постоянно остается значительная часть, состав которой постоянно изменяется, но которая всегда удерживается на известном минимуме. Эту-то постоянно остающуюся в распоряжении банка часть он и может выдать в ссуду в качестве основного капитала. Индивидуальный капитал нельзя в форме просто ссудного капитала превратить в основной капитал: тогда он перестанет быть ссудным капиталом и сделается частью промышленного капитала, а капиталист из ссудного капиталиста превратится в промышленника. Напротив, тот минимум, который всегда остается в распоряжении банка, пригоден для превращения в основной капитал. Эта часть будет, во-первых,

тем больше и, во-вторых, тем постоянное, чем крупнее общая сумма капитала, находящегося в распоряжении банка. Следовательно, банк, предоставляющий в распоряжение основной капитал, во всяком случае должен иметь уже достаточно крупные размеры, которые должны возрастать с расширением промышленных предприятий, и возрастать притом быстрее, чем последним. В то же время банк не может принимать участие только в одном предприятии; неизбежно обнаруживается тенденция разделить риск участием в нескольких предприятиях. Это еще и потому, что так обеспечивается бо́льшая регулярность обратного притока авансирований.

Но с возникновением кредитования этого рода изменяется позиция банков по отношению к промышленности. Пока банки являются просто посредниками в платежных операциях, их интересует собственно только положение предприятия в данный момент, его платежеспособность в данное время. Они дисконтируют векселя, которые хороши по их данным, дают ссуды под товары, ломбардируют акции, которые при текущем состоянии рынка можно продать по нормальным ценам. Поэтому главное поле их действия—более торговый капитал, чем промышленный, и, кроме того, удовлетворение потребностей биржи. И в своих отношениях к промышленности они менее связаны с процессом производства, чем с актами продаж между промышленником и оптовым купцом. Иное в том случае, когда банк переходит к снабжению промышленника производственным капиталом. Тогда его интерес не исчерпывается текущим состоянием предприятия и текущим положением рынка: дело идет теперь скорее о дальнейших судьбах предприятия, о будущем состоянии рынка. Из преходящей складывается прочная заинтересованность, и, чем обширнее кредит, чем относительно крупнее, прежде всего, та доля ссудного капитала, которая превращается в основной капитал, тем шире и тем прочнее эта заинтересованность.

Но в то же время увеличивается и влияние банка на предприятие.

Пока кредит носил преходящий характер, следовательно, пока предприятие получало от банка в кредит только свой оборотный капитал, до тех пор освобождение от таких связей достигалось сравнительно легко. По истечении периода оборота предприятие могло произвести уплату кредитованной суммы и подыскать нового ссудного капиталиста. Этому наступает конец, когда начинает кредитоваться и часть основного капитала. Тогда от обязательства можно освободиться лишь по истечении довольно продолжительного времени. Предприятие остается связанным с банком. Но при таких отношениях банк обычно оказывается более сильной стороной. Банк располагает капиталом в его текучей, всегда готовой к функционированию форме,—денежным

капиталом. А предприятие связано с обратным превращением товара в деньги. Если в процессе обращения происходит заминка, или продажные цены падают, то становится необходимым дополнительный капитал, который можно получить только посредством кредита. Так как с развитием кредитных отношений размеры капитала в каждом предприятии сведены к необходимому минимуму, то каждый раз, как внезапно потребуется увеличение текущих средств, становится необходимой кредитная операция; если ее не удастся устроить, это может оказаться равносильным банкротству для предприятия. Располагая денежным капиталом, банки достигают перевеса над предприятием, капитал которого закреплен как производственный и товарный капитал. К этому присоединяется еще перевес силы на стороне банкового капитала, относительно независимого от единичной сделки, между тем как для предприятия, быть-может, все зависит от той же самой сделки. Наоборот, в некоторых случаях банк может настолько тесно связать себя с известным предприятием, что его судьба неразрывно переплетается с судьбой предприятия, и он должен подчиняться всем требованиям последнего. Вообще, какая сторона в конкретных кредитных отношениях попадает в экономическую зависимость от другой, это каждый раз обусловливается тем, на какой стороне преобладающая мощь капитала, и в особенности на какой стороне большее количество денежного капитала, которым можно располагать по усмотрению.

Изменение отношений к промышленности усиливает все те тенденции к концентрации, которые обусловливаются уже техникой банкового дела. Анализ этих тенденций и здесь должен различать те три основные функции банков, которые находят себе выражение в платежном кредите (следовательно, в обращении векселей), в капитальном кредите и в эмиссионных операциях,—здесь нам приходится упомянуть о них, забегая вперед.

Решающее значение для вексельного обращения имеет прежде всего широта международных отношений. Оно требует широко разветвленной сети заграничных связей. Далее, сравнительно продолжительный период обращения иностранного векселя вызывает необходимость того, чтобы в деле при случае могли быть закреплены более или менее крупные средства. В-третьих, погашение платежей компенсациями векселей здесь носит не столь равномерный характер. Следовательно, торговля переводами требует крупной и стройной организации. „Важно, что уже просто из техники той или иной определенной банковой операции, значение которой для развивающейся промышленности все более возрастает,—что уже из нее возникает тенденция к концентрации в банковом деле. Вексель, как заграничный, так и внутренний, ведущий свое происхождение из промышленного производства и обслуживающий в существенном оплату сырого

материала и фабрикатов требует такой организации банкового дела, которая достаточно разветвлена для того, чтобы регулировать обращение векселей в крупном масштабе,—в особенности заграничных векселей,—и которая в то же время способна исследовать надежность отдельного векселя, т.-е. требует крупных банков с обширными иностранными связями и многочисленными туземными филиальными отделениями. Конечно, вексель служит промышленности в существенном для платежей и для создания платежного кредита: учреждение, предоставляющее этот кредит, еще не имеет никакой возможности сознательно и планомерно вмешаться в кредитуемые промышленные предприятия: отношения между банком и промышленностью не идут при этом дальше необходимого исследования надежности кредитуемого и дальше получения прибыли от дисконта“ [1]).

Для того, чтобы операции с иностранными векселями были прибыльны, с ними должен быть тесно соединен вексельный арбитраж. Для этого необходимы, с одной стороны, широкие связи, а с другой,—крупные свободные средства: для того, чтобы арбитражные операции приносили барыш, они должны выполняться очень быстро и в крупном масштабе. Вексельно-арбитражные операции основываются на следующем: „в те дни, когда (в Лондоне) спрос на векселя на Париж, напр., больше предложения, и вексельные курсы соответственно повышаются,—фирмы, которые располагают во Франции имуществом или кредитом, пользуются этой конъюнктурой и выставляют векселя на Париж, та парижская фирма, на которую выставлены векселя, ждет, в свою очередь, такого же благоприятного случая на тамошнем рынке, чтобы препроводить соответствующие суммы обратно в Англию“ [2]).

Обслуживание капитального кредита выражается в возрастающем значении контокоррентных операций [3]). „Их значение для отношений банков к промышленности вытекает из трояко рода

[1]) Jeidels, loc. cit., стр. 32.

[2]) Edgar Jaffé, „Das englische Bankwesen“, стр. 60.

[3]) Сущность контокоррентного кредита заключается в том, „что он позволяет должнику располагать кредитом в условленной сумме целиком или частями и соответственно тому во всякое время производить обратные платежи. Выгодна для должника эта особенность контокоррентного кредита потому, что использование предоставляемых ему в ссуду капиталов он может вполне приспособить к потребностям своего дела и экономно сократить издержки этого использования. Напротив, отдача денег в порядке контокоррентного кредита представляет для банков довольно прочное помещение, продолжительность которого, правда, не ограничена, но которое постоянно допускает обратные платежи со стороны должника“ (Prion, loc. cit, стр. 102). О размерах этих операций в Германии там же говорится: „Обычно контокоррентный процент приспособляется к уровню процента по ломбардным операциям в Имперском Банке, однако, при понижении банковой нормы он не падает ниже определенной минимальной величины, которая в большинстве случаев составляет 5%.

причин: 1) Имея решающую важность для спокойного расширения предприятия, этот кредит создает зависимость от кредитующего. 2) Техническая природа промышленного банкового кредита еще более, чем ранее упомянутые кредитные операции, оказывает влияние на организацию банкового дела, но она действует в направлении банковой концентрации... своеобразные отношения к промышленности... требуют новых принципов, требуют со стороны руководителей банка иного знания промышленности. 3) В конце концов, промышленные контокоррентные операции представляют основную ось всех операций банка с промышленностью; учредительская и эмиссионная деятельность, прямое участие в промышленных предприятиях, соучастие в качестве членов наблюдательного совета в руководстве промышленными предприятиями,—все это во многих случаях находится к банковому кредиту в тесном отношении причины и следствия“. В то же время контокоррентный счет „дает банку хорошее средство судить о промышленном предприятии и контролировать его; регулярные обороты знаменуют хороший ход дела“ [1]). Кроме того, благодаря этим регулярным отношениям, банк получает точное знакомство с данным предприятием, что может оказаться выгодным и в иных отношениях, напр., при биржевых операциях. С другой стороны, опасность превысить в кредитовании должную меру делает необходимым близкий контроль над промышленным предприятием; а основное условие для этого—то, чтобы предприятие производило все операции исключительно с одним единственным банком.

Но если функция банка как посредника в кредитных операциях требует, по мере расширения промышленности, возрастающей концентрации банкового капитала, то функция банка как эмиссионного учреждения, в свою очередь, требует величайшей концентрации. Прежде всего, здесь, при самых прибыльных операциях, сильнее всего обнаруживается непосредственное превосходство крупного банка; он сделает большее количество операций,—и операций более крупных и выгодных. Чем крупнее банк, тем увереннее проводит он эмиссионные операции. Он может значительную часть выпуска разместить между своими собственными клиентами. Но в таком случае банк должен иметь

Кроме того, хотя проценты вообще исчисляются равномерно, для особых видов кредита, в зависимости от характера и качества обеспечения, на практике банками насчитывается еще провизия, которая считается с качественной градацией деловых связей. Она высчитывается из тех сумм, на которые открыт или действительно использован кредит, и зависит от того, насколько живо идут операции. Как бы то ни было, эта провизия настолько изменяет уровень собственно процента к невыгоде кредитуемого, что по отдельным сделкам на практике приходится платить 2—3 процентами больше, чем пришлось бы в соответствии с номинально существующим процентом“.

[1]) Jeidels, loc cit., стр. 32 и след.

возможность с полной уверенностью располагать теми все более крупными суммами, о которых идет дело. Для этого ему необходим крупный собственный капитал и большое влияние на рынок.

Крупный банк может избрать надлежащий момент для выпуска, он может, опираясь на свой крупный капитал, подготовить биржу,—а впоследствии он может воздействовать на движение курса акций и таким образом охранять кредит предприятия. Требования, предъявляемые к эмиссионной силе банков, с развитием промышленности все возрастают. С мобилизацией капитала расширение производства зависит уже только от одного условия: от технической рациональности. В то же время устраняется зависимость расширения предприятий от избытков их собственного производства, и становится возможными быстрые, при благоприятной конъюнктуре прямо конвульсивные расширения, с их внезапно возрастающим спросом на капитал. Промышленность может достать этот капитал только там, где он имеется в крупных концентрированных массах: только в банках, и им же она должна предоставить заботу добыть этот капитал без потрясения денежного рынка. Этого банк может достигнуть лишь при том условии, если капитал, выданный им, опять быстро возвратится к нему, или если операции можно провести просто по книгам; а это становится возможным тем более, чем больше акции разбираются собственными клиентами банка, которые уплачивают за них в банк деньги; они берут их с банковых вкладов и таким образом уменьшают пассив.

Следовательно, из техники самого банкового дела вытекают тенденции, которые тоже ведут к банковой концентрации, как ведет к ней промышленная концентрация; но последняя остается первичной причиной банковой концентрации.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Уровень процента.

На основе капиталистического производства всякая денежная сумма приобретает способность функционировать в качестве капитала, т.-е. приносить прибыль. Необходимое условие для этого: она должна быть предоставлена в распоряжение производительных капиталистов. „Предположим, что годовая средняя норма прибыли равняется 20%. В таком случае машина стоимостью в 100 ф. стерлингов, которую употребляют как капитал при средних условиях, с средней степенью интеллигентности и целесообразности, дала бы прибыль в 20 ф. ст. Из этого следует, что человек, располагающий 100 ф. ст., держит в руках власть превратить 100 в 120, или произвести прибыль в 20 ф. ст. В его руках находится возможный капитал в 100 ф. ст. Если этот человек уступает эти 100 ф. ст. на год другому, который действительно применит их как капитал, он даст ему власть произвести 20 ф. ст. прибыли, произвести прибавочную стоимость, которая ничего ему не стоит, за которую он не уплачивает никакого эквивалента. Если это последнее лицо уплачивает собственнику этих 100 ф. ст. в конце года, предположим, 5 ф. ст., т.-е. часть произведенной прибыли, то он оплачивает таким образом потребительную стоимость этих 100 ф. ст., потребительную стоимость их функции как капитала. — функции, необходимой для производства 20 ф. ст. прибыли. Часть прибыли, уплачиваемая владельцу этих денег, называется процентом, что, следовательно, является не чем иным, как особым названием, особой рубрикой той части прибыли, которую функционирующий капитал должен выплатить владельцу капитала вместо того, чтобы положить ее в собственный карман.

„Ясно, что обладание 100 ф. ст. дает их владельцу силу привлечь к себе процент, некоторую часть прибыли, произведенной его капиталом. Если бы он не отдал этих 100 ф. ст. какому-нибудь другому лицу, то это последнее не могло бы произвести прибыли, вообще не могло бы функционировать в качестве капиталиста по отношению к этим 100 ф. ст.“ [1]),

Благодаря тому, что владелец денег отдает эти деньги в ссуду, они функционируют для него как капитал, как ссудный капитал, потому что через некоторое время они возвратятся к нему в виде возросшей суммы денег. Но капитал увеличивается в своей стоимости только в процессе производства, эксплоатацией рабочей силы, присвоением неоплаченного труда. Следовательно, для того, чтобы денежный капитал ссудного капиталиста мог функционировать в процессе производства, произвести прибыль, он должен сделаться денежным капиталом производительного капиталиста. Прибыль же эта теперь подвергается дележу; одна часть в качестве процента возвращается к ссудному капиталисту, другая остается у производительного капиталиста. Так как при нормальных обстоятельствах процент — часть прибыли, то прибыль — максимальная граница процента. И этим единственно определяется отношение между прибылью и процентом. Напротив, процент не представляет какой-либо определенной, фиксированной доли прибыли. Уровень процента зависит от соотношения спроса и предложения ссудного капитала. Можно бы представить себе капиталистическое общество и отношения в нем при том предположении, что владельцы денег тожественны с производительными капиталистами, или, говоря иными словами: при том предположении, что все производительные капиталисты сами располагают необходимым

[1]) Маркс, „Капитал“, III, II, стр. 315—316.

денежным капиталом. Тогда процент не мог бы возникнуть. Напротив, без производства прибыли капиталистическое производство немыслимо: то и другое означает в сущности одно и то же. Производство прибыли есть условие и цель капиталистического производства. Производство прибыли, производство прибавочной стоимости, воплощающейся в прибавочном продукте, определяется об'ективными условиями; прибыль непосредственно возникает из экономического отношения, из капиталистического отношения; — из отделения средств производства от труда, из противоположности капитала и наемного труда. Ее величина зависит от той новой стоимости, которую рабочий класс производит при помощи наличных средств производства, и от того, как разделяется эта новая стоимость между классом капиталистов и рабочим классом, что определяется в свою очередь стоимостью рабочей силы. Мы имеем тут дело исключительно с суб'ективно определенными факторами.

Иное с процентом. Он возникает из факта, случайного для сущности капитализма, для отделения средств производства от труда: из того факта, что, во-первых, располагают деньгами не одни только производительные капиталисты, и, во-вторых, денежный капитал не во всякое время входит целиком в кругооборот промышленного капитала, а по временам оказывается бездеятельным. И как-раз от изменчивых соотношений спроса на этот денежный капитал, пред'являемого производительными капиталистами, зависит, какую часть прибыли могут присвоить себе ссудные капиталисты [1]).

Но если уровень процента зависит от спроса и предложения, то мы должны поставить вопрос, чем же определяются сами

[1]) Для того, чтобы соотношение предложения и спроса сколько-нибудь могло содействовать об'яснению цены, предложение и спрос должны бы представлять величины данные и устойчивые. Отсюда стремление теории предельной полезности исходить из того, что она предполагает предложение постоянным, т.-е. запас величиною данной. Поэтому Шумпетер („Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie", Leipzig 1908) поступает вполне последовательно, когда он в своем стремлении отстоять теорию предельной полезности, в конце концов, сводит политическую экономию к статике, между тем как она должна быть динамикой, учением о законах движения капиталистического общества. Этим самым благополучно и резко формулируется противоположность марксизму, а вместе с тем и полная бесплодность теории предельной полезности, the final futility of final utility (предельная бесполезность предельной полезности), по шутливому выражению Гайндмэна. Экономически затруднительно выяснить размеры предложения, — что значило бы выяснить масштаб производства в его экономической закономерности. Что касается спроса, он определяется производством и распределением последнего и законами, по которым совершается распределение общественного продукта. При выяснении причин, определяющих уровень процента, затруднение тоже заключается только в изложении моментов, определяющих величину предложения.

спрос и предложение? На одной стороне оказываются бездеятельные в данное время, но ищущие применения деньги, на другой стороне оказывается спрос функционирующих капиталистов на деньги, которые они намерены превратить как денежный капитал в функционирующий капитал. Распределение обслуживается капитальным кредитом, от состояния которого зависит, следовательно, уровень процента. Во всякий данный момент в распоряжении капиталистического общества имеется количественно определенная сумма денег, которая представляет предложение, и в тот же самый момент на другой стороне имеется потребность функционирующих капиталистов в денежном капитале, определяемая размерами производства и обращения. Следовательно, во всякий момент мы имеем перед собою две определенные величины, которые встречаются на денежном рынке друг с другом как спрос и предложение и определяют „заемную цену денег", уровень процента. Само по себе это определение не представляет никаких дальнейших затруднений; они начинаются лишь при анализе изменений уровня процента.

Прежде всего ясно, что расширение производства, а вместе с тем и обращения, знаменует возрастание спроса на денежный капитал. Увеличившийся спрос, в свою очередь, если бы предложение осталось прежнее, должен был бы повести к повышению уровня процента. Но затруднение возникает здесь потому, что вместе с изменением спроса изменяется и предложение, и изменяется как-раз вследствие изменения спроса. Если мы рассмотрим ту денежную сумму, которая образует предложение, то увидим, что она составляется из двух частей: во-первых, из имеющихся в обществе наличных денег и, во-вторых, из кредитных денег. Но при анализе оборотного кредита мы уже видели, что кредитные деньги представляют изменчивый фактор, — что с расширением производства количество их увеличивается. Расширение же производства означает увеличение спроса на денежный капитал; этот расширяющийся спрос находит, однако, и возросшее предложение, которое определяется увеличением количества кредитных денег, вытекающим из расширения производства. Следовательно, изменение уровня процента наступит лишь при том условии, если спрос на денежный капитал изменяется сильнее, чем его предложение; например, уровень процента повысится, если спрос на денежный капитал возрастает быстрее, чем увеличивается количество кредитных денег. Но при каких обстоятельствах это может наступить? Прежде всего, увеличение количества кредитных денег требует увеличения той суммы наличных денег, которая необходима в качестве запаса для того, чтобы во всякое время мог производиться размен кредитных денег; далее, с ростом обращения кредитных денег увеличивается та доля общей суммы наличных денег, которую приходится держать на по-

крытие разницы в тех случаях, когда кредитные деньги взаимно не компенсируются. Кроме того, одновременно с расширением обращения разрастается количество тех сделок, в которых кредитные деньги играют лишь ничтожную роль: суммы, необходимые для оплаты рабочих и для обслуживания повышающихся оборотов в мелкой торговле, составляются главным образом из наличных денег. Таким образом те суммы, которыми можно располагать для кредитных операций, сокращаются потому, что часть наличных денег требуется для указанных сейчас функций иного рода. В конце концов, увеличение количества кредитных денег начнет отставать от требований возрастающего производства и обращения, как только эпоха оживления начнет подходить к концу, и в сбыте товаров наступит заминка или замедление.

В самом деле, это будет равносильно тому, что векселя, выданные за товары, уже взаимно не компенсируются, и что, по меньшей мере, удлиняется срок векселей. Но если истекающие векселя не компенсируются, то они должны быть заменены наличными деньгами. Следовательно, кредитные деньги (т.-е. векселя или же заменяющие их банковые билеты) уже не могут в прежних размерах выполнять функции денег, обслуживать товарное обращение. Возникает возрастающий спрос на наличные деньги для размена кредитных денег. Значит, количество действительно функционирующих кредитных денег сокращается, между тем как в то же время повышается спрос на наличные деньги, необходимые для замещения кредитных денег; этот спрос приводит к повышению уровня процента.

Итак, если абсолютная величина процента зависит от состояния капитального кредита, то ее изменения зависят прежде всего от состояния оборотного кредита. Ближайший анализ этих изменений относится к отделу о колебаниях промышленной конъюнктуры и потому будет дан в связи с ними.

„Изменения размера процента (оставляя в стороне изменения, совершающиеся за более продолжительные промежутки времени, и различия размера процента в различных странах; первые обусловливаются изменениями общей нормы прибыли, вторые — различиями в нормах прибыли и в развитии кредита) зависят от предложения ссудного капитала (предполагая равными все прочие обстоятельства, как, например, прочность кредита и т. п.), т.-е. капитала, который ссужается в форме денег, металлических денег или банкнот, в отличие от промышленного капитала, который, как таковой, в товарной форме ссужается при помощи торгового кредита в среде самих агентов производства“ [1]).

Мы не совсем согласны с этим воззрением. У Маркса изменения уровня процента зависят от предложения капитала, ссу-

[1]) Маркс, „Капитал“, III, н., стр. 37.

жаемого в форме денег, — металлических денег и банковых билетов. Но тогда остается вопрос, насколько же велико может быть количество банковых билетов. Для Англии, отношения которой, очевидно, предоставлялись здесь Марксу, ответ дан законодательным предписанием акта Пиля. Сумма металлических денег и банкнот слагается здесь из суммы звонкой монеты, находящейся в обращении, золотого запаса банка и 14 миллионов фунтов стерлингов в банковых билетах, предоставляющих ту сумму, на которую можно выпустить в обращение непокрытых банкнот. В действительности эти банкноты исполняют функции государственных бумажных денег лишь постольку, поскольку они представляют — или, по меньшей мере, представляли во времена Пиля — тот минимум средств обращения, который может быть заменен символом денег. Следовательно, сумма банковых билетов раз навсегда установлена законом на определенном уровне. Если же поставить вопрос в общей форме, то изменения уровня процента зависят от предложения, от количества ссужаемых денег. Но в ссуду могут быть отданы все деньги, которые не находятся в обращении. В обращении же находится, во-первых, количество денежных знаков, соответствующее минимальной потребности обращения, и, во-вторых, определенная сумма золота. Остальное золото хранится в кладовой банка или банков. Часть этого золота служит резервом (сокровищем) для потребностей внутреннего обращения, часть — резервом для интернационального обращения, потому что золото должно исполнять функцию мировых денег. Опыт показывает, какую минимальную сумму должен составить резерв для той и другой цели. Остаток может быть выдан в ссуду и в последнем счете составляет то самое предложение, спрос на которое определяет величину процента. Самый же этот спрос зависит от состояния оборотного кредита, следовательно, от „торгового кредита“, который оказывают друг другу агенты процесса воспроизводства. Поскольку этот кредит может расширяться в той мере, как то требуется повышающимся спросом, в уровне процента не произойдет никаких изменений. Здесь не следует забывать, что наибольшая доля спроса удовлетворяется предложением, которое растет одновременно со спросом. Наибольшая часть кредита представляет „торговый кредит“ или, как мы предпочитаем называть его, оборотный кредит. Здесь спрос и предложение, или, если угодно, средства для удовлетворения спроса возрастают одновременно, параллельно друг другу и расширению производства. Этот кредит способен расширяться, не оказывая никакого влияния на величину процента; в начале периода оживления такое расширение и происходит, не производя особого действия на уровень процента. Уровень процента повышается лишь при том условии, если золотая наличность

банков сокращается, резервы приближаются к своему минимуму, и потому банки вынуждаются повысить учетный процент. Но так оно и бывает в период высокой конъюнктуры, потому что обращение требует тогда больше золота (увеличение переменного капитала, оборотов вообще, а следовательно, и той суммы, которая служит для сальдирования разницы). Но наибольшим спрос на ссудный капитал становится как-раз тогда, когда золотой запас делается наименьшим вследствие того, что золото поглощается возрастающими потребностями обращения. Истощение золотого запаса, который мог бы быть ссужен, дает непосредственный толчек к повышению банкового учетного процента, который в такие периоды становится регулятором величины процента. И целью повышения дисконта является как-раз создание обратного притока золота. Те ограничения, которые создаются ошибочным банковым законодательством, приводят лишь к тому, что этот момент наступает раньше, чем то требовалось бы чисто экономическими условиями. Ошибка всех тех ограничений так или иначе заключается в том, что в основу их кладется — косвенно в Германии, прямо в Англии — преуменьшенная оценка того минимума, который требуется для обращения, а это ограничивает предложение ссудного капитала.

Следовательно, тенденция к понижению уровня процента предполагала бы, что отношение наличного золотого запаса к спросу на ссудный капитал становится все благоприятнее, или, иначе, что золотой запас возрастает быстрее, чем спрос на ссудный капитал. В действительности, если сравнить между собою развитые капиталистические отношения, то невозможно будет констатировать такую тенденцию к постоянному понижению размеров процента [1]). Этой тенденции невозможно постулировать и теоретически: ведь одновременно с возрастанием золотого

[1]) Поскольку имеется эмпирический материал, допускающий сравнения, он совершенно не подтверждает догмы о понижении величины процента. Смит рассказывает, что в Голландии его времени процент для правительства составлял 2% и для частных людей с репутацией солидной кредитоспособности 3%. В Англии некоторое время после последней войны (1763 г.) не только частные лица с солидной кредитоспособностью, но и некоторые из крупнейших торговых фирм Лондона обычно уплачивали по займам 5%, между тем как раньше им обыкновенно приходилось платить самое большее 4—4½%. Тук, цитируя последние данные, замечает: „В 1764 году курс 4-процентных свидетельств казначейства упал ниже паритета, navy bills продавались с дисконтом в 9⅝%, а трехпроцентные консоли, которые в марте 1763 года стояли на 96, в октябре упали до 80. Но в 1765 году 3-процентные свидетельства казначейства, которых последовал новый выпуск, в общем повышались иногда выше паритета, и 3-процентные консоли поднялись до 92“. Впрочем, Шмоллер („Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre“, II, стр. 207) сообщает, что уже в 1737 году 3-процентные консоли стояли на 107. Конечно, курс государственных бумаг, определяемый целым рядом обстоятельств, не может считаться надежным показателем

запаса и минимума обращения возрастает и та сумма золота, которая в эпохи высокой конъюнктуры дополнительно поглощается обращением.

Но понижение нормы прибыли только в том случае знаменовало бы понижение уровня процента, если бы процент

уровня процента, но, во всяком случае, и на этот курс следует обратить внимание.

Однако, рассматривая учетный процент эмиссионных банков, тоже нельзя заметить тенденции к неизменному понижению уровня процента. Из интересной статьи д-ра Альфреда Швонера „Zinsfuss und Krisen im Lichte der Statistik“, напечатанной в „Berliner Tageblatt“ 26 и 27 ноября 1907 года, мы заимствуем следующую таблицу (буква К сбоку отмечает годы кризисов, однако в годах 1895 и 1882 — крах Бонту — это были чисто спекулятивные кризисы):

Средний учетный процент в четырех главных европейских банках за последние 55 лет.

	Годы.	Английский Банк.	Французский Банк.	Германский Имперский Банк (1847—1875 гг. Прусск. Б.).	Австро-Венгерский Банк (раньше Национ. Банк).
	1907	4.54	3.3	5.72	4.72
	1906	4.27	3	5.12	4.4
	1905	3.08	3	3.82	3.68
	1904	3.3	3	4.2	3.5
	1903	3.76	3	3.77	3.5
	1902	3.33	3	3.32	3.55
К	1901	3.9	3	4.1	4.08
К	1900	3.94	3.2	5.33	4.58
	1899	3.75	3.06	5.04	5.04
	1898	3.19	2.2	4.27	4.16
	1897	2.64	2	3.81	4
	1896	2.48	2	3.66	4.09
К	1895	2	2.1	3 14	4.3
	1894	2.11	2.5	3.12	4.08
	1893	3.06	2.5	4.07	4.24
К	1892	2.52	2.7	3.2	4.02
К	1891	3.35	3	3.78	4.4
	1890	4.69	3	4.52	4.48
	1889	3.55	3.16	3.68	4.19
	1888	3.3	3.1	3.32	4.17
	1887	3.34	3	3.41	4.12
	1886	3.05	3	3.28	4
	1885	2.92	3	4.12	4
	1884	2.96	3	4	4
	1883	3.58	3.03	4.4	4.11
К	1882	4.14	3.8	4.54	4.02
	1881	3.48	3.84	4.42	4
	1880	2.76	2.81	4.24	4
	1879	2.38	2.58	3 07	4.33
	1878	3.75	2.2	4.34	5
	1877	2.85	2.26	4.42	5
	1876	2.62	3.4	4.16	5

составлял какую-либо устойчивую долю прибыли, чего нет в действительности. Понижение нормы прибыли имеет, самое большее, то значение, что понижается теоретически возможный

	1875	3.25	4	4.7	4.6
	1874	3.75	4.3	4.38	4.87
К	1873	4.75	5.15	4.95	5.22
	1872	4.12	5.15	4.29	5.55
	1871	2.85	5.35	4.16	5.5
	1870	3.12	3.9	4.40	4.44
	1869	3.25	2.5	4.24	4.34
	1868	2.25	2.5	4	4
	1867	2.5	2.7	4	4
К	1866	7	3.67	6.21	4.94
	1865	4.75	3.66	4.96	5
	1864	7.5	6.51	5.31	5
	1863	4.5	4.63	5.08	5
	1862	2.52	3.73	4.2	5.06
	1861	5.5	5.86	4.2	5.5
	1860	4.25	3.56	4.2	5.12
	1859	2.75	3.47	4.2	5
	1858	3	3.68	4.2	5
К	1857	6.7	6	5.76	5
	1856	5.8	5.5	4.94	4.27
	1855	4.8	5	4.08	4
	1854	5.1	4.37	4.36	4
	1853	3.4	3.23	4.25	4
	1852	2.5	3.18	4	4

Швонер замечает по поводу этой таблицы:

„Если позволительно извлечь какие-либо общие выводы из статистики банкового учета в XIX веке, то оказывается, что не обнаруживается никакой определенной тенденции кверху или книзу. Правда, официальный дисконт ниже 4% появился только с течением времени, и притом появился раньше или позже в зависимости от экономического развития страны. В этом отношении Англия далеко опередила другие страны. Там уже в 1845 году впервые встретился уровень процента в 3%, в 1867 г. — впервые $2^1/_2$% и в 1877 г. — впервые 2%. В Берлин. Банке уже в двадцатых годах прошлого века минимальный учет составлял 3%, но в эпоху Прусского Банка и Германского Имперского Банка уровень процента впервые в 1880 г. упал ниже 4%. В Австро-Венгерском Банке дисконтный уровень в $3^1/_2$% впервые встретился в 1903 г., в период первой депрессии, какую монархия пережила после регулирования денежной системы. Прогресс замечается постольку, поскольку с техническим усовершенствованием банковой организации и денежной системы граница уровня процента оттесняется вниз".

Швонер дает еще следующие числа:

Средний уровень учета за последние пять 10-летий.

Годы.	Английский Банк.	Французский Банк.	Германский Имперский Банк.	Австро-Венгерский Банк.	Средняя величина для всех этих банков.
1897—1906	3.52	2.85	4.28	4.05	3.67
1887—1896	3.04	2.71	3.59	4.21	3.38
1877—1886	3.19	2.96	4 11	4.26	3.63
1867—1876	3.25	3.89	4.34	4.85	4.00
1857—1866	4.82	4.48	4.83	5.06	4 79

максимальный предел процента, именно вся прибыль; но так как эта максимальная граница вообще не может достигаться процентом на сколько-нибудь продолжительное время, то. это „констатирование" не имеет никакого значения [1]).

Важен, напротив, другой момент. Так как при развитых капиталистических отношениях уровень процента изменяется слабо, а норма прибыли, наоборот, падает, то доля процента в общей прибыли до известной степени возрастает по сравнению с предпринимательской прибылью, следовательно, доля праздных капиталистов возрастает за счет доли функционирующих. Это обстоятельство, правда, стоит в противоречии с догмой о понижении уровня процента, но зато согласуется с фактами и является одной из причин возрастающего влияния и значения капитала, приносящего проценты, следовательно, банков, и служит важным рычагом в превращении капитала в финансовый капитал.

„Решительно наибольшая общая средняя величина — в десятилетие 1857—1866 г.г., когда она составляет 4 79%; в десятилетие 1867—1876 г.г. она опускается до 4.09%. Следовательно, все еще достаточно высока; в 1877—1886 г.г. понижается до 3.63% и в десятилетие 1887—1896 г.г. достигает минимального уровня в 3.38; для последнего десятилетия средняя составляет 3.67%, следовательно, выше, чем в оба предыдущие десятилетия, и, напротив, много ниже, чем в первые двадцать лет промышленного и финансового подъема (1857—1876)".

Из всего этого следует, что уровень процента не определяется каким-либо образом нормою прибыли, а зависит от большего или меньшего спроса на денежный капитал, обусловливаемого ускоренным или замедленным темпом развития, интенсивностью и продолжительностью периодов процветания.

При изучении случаев совершенно ненормального высокого уровня процента всегда оказывается, что причина его лежит в организации денежной системы. Так, в 1799 г. в Гамбурге дисконт повысился до 15%, да и на такой норме удавалось учитывать лишь солиднейшие векселя и лишь в ограниченном количестве (Tooke, I, стр. 241). Следовательно, причина совершенно так же заключается в отсутствии сколько-нибудь эластичной денежной системы, как в настоящее время это наблюдается в Соединенных Штатах с их колоссальным уровнем процента и его огромными колебаниями; напротив, все это не имеет никакого касательства к каким-либо изменениям нормы прибыли.

[1]) Положение Адама Смита, „что там, где с помощью денег может быть достигнута большая прибыль, за пользование ими обыкновенно и уплачивается много; а где можно получить мало, там за них мало и дается" („Wealth of Nation", I, Ch. IX), хотя и кажется убедительным, но не доказано и не правильно.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

Мобилизация капитала. Фиктивный капитал.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Акционерное общество.

1. Дивидент и учредительская прибыль.

Политическая экономия до сих пор искала различий между одиноличным предприятием и акционерным обществом преимущественно в различии организационных форм и непосредственно вытекающих из них следствиях. Она указывала на „хорошую“ и „дурную“ сторону обоих форм предприятия и при этом в качестве отличительных признаков выдвигала частью субъективные моменты (бо́льшая или меньшая непосредственная заинтересованность и ответственность руководителей, возрастающая или уменьшающаяся возможность подчинить предприятие контролю), ча́стью объективные моменты (легкость привлечения капиталов, бо́льшая или меньшая способность к накоплению). Однако, она пренебрегала тем, чтобы вникнуть в коренные экономические различия обоих форм предприятия, хотя они имеют решающую важность для понимания современного капиталистического развития, которое невозможно уяснить себе, не уяснив, как и почему акционерное общество одерживает победу [1]).

Промышленное акционерное общество, которое мы рассмотрим в первую очередь, знаменует прежде всего изменение функции промышленного капиталиста. В самом деле, оно приносит с собою

[1]) Очевидно, чутье этого руководило Эрвином Штейницером, когда он своей работе об акционерном обществе дал название „Oekonomische Theorie der Aktiengesellschaft“ (Leipzig, Duncker und Humblot, 1908). („Экономическая теория акционерного общества“). Однако, и здесь не выяснены основные экономические особенности акционерного общества. Но в работе имеется множество удачных и тонких замечаний.

в качестве своего принципа то, что при одиноличном предприятии является только случайностью: освобождение промышленного капиталиста от функции промышленного предпринимателя. Капитал, вложенный в акционерное общество, благодаря этому изменению функции, приобретает для капиталиста характер чистого денежного капитала. Денежный капиталист, как кредитор, не имеет никакого касательства к применению своего капитала в процессе производства, хотя это применение и является необходимым условием кредитного отношения: дело денежного капиталиста сводится исключительно к тому, что он просто отдает свой денежный капитал и потом, по истечении определенного времени, получает его обратно приращенным процентами; следовательно, его функция исчерпывается юридической сделкой. Точно так же и акционер функционирует, как исключительно денежный капиталист. Он отдает деньги, чтобы получить на них барыш, — употребим для начала это совершенно общее выражение. Он может при этом по желанию определить размеры денежной суммы и отвечает только этой суммой, — как и денежный капиталист тоже ставит на карту только определенную сумму, уровень которой им же и определяется. Однако, уже здесь имеется и различие. Уровень процента за денежный капитал, передаваемый в акционерную форму предприятия, не определяется как таковой наперед, а существует лишь как притязание на выручку (прибыль) от определенного предприятия. Второе отличие от ссудного капитала заключается в том, что возврат капитала к денежному капиталисту прямо не определяется: не договаривается при самом вступлении в данное отношение, не вытекает на самой природы последнего, как при собственно кредитовании.

Сначала мы рассмотрим первый момент. Прежде всего следует указать, что барыш на денежный капитал, предоставленный в акционерной форме, не является совершенно неопределенным. Капиталистическое предприятие основывается для того, чтобы приносить прибыль. Извлечение прибыли, и притом, при нормальных условиях, обычной средней прибыли — необходимая предпосылка при учреждении предприятия. Во всяком случае, акционер здесь в таком же положении, как денежный капиталист, который тоже рассчитывает на производительное использование своего капитала, если только должник не сделается несостоятельным. В общем, несколько бо́льшая неуверенность по сравнению с денежным капиталистом поведет, быть-может, к тому, что акционер получит известную премию за риск. Не следует только представлять себе дело так, как-будто эта премия тем или иным способом фиксирована, и что акционер заявляет на нее сознательные и, что в особенности важно, количественно определенные притязания. Напротив, премия возникает благодаря тому, что, при прочих равных условиях, предложение денежных капиталов, —

а как-раз к свободным денежным капиталам и обращаются учредители,—вкладываемых в акции, будет меньше, чем предложение тех же капиталов для приносящего постоянный процент и особенно надежного применения. Вообще эти-то различия в размерах предложения и объясняют различия в уровне процента или, соответственно, различия в курсе процентных бумаг. Большая надежность или ненадежность действует как мотив большего или меньшего предложения. Но различия процента вытекают только из этих различий в соотношении спроса и предложения. Следовательно, вероятный размер барыша от акции определяется промышленной прибылью, а последняя, при прочих равных условиях, средней нормой прибыли.

Акционер—не промышленный предприниматель (не промышленный капиталист). Прежде всего он—только денежный капиталист. Но к существенным признакам отличия ссудного капиталиста от промышленного капиталиста принадлежит то обстоятельство, что первый с совершенно иною свободой может располагать своим капиталом — денежным капиталом. Промышленный капиталист, как таковой, весь свой капитал вкладывает в определенное предприятие. Конечно, при этом предполагается, что его капитал достаточен для того, чтобы самостоятельно функционировать в данной промышленной отрасли. Напротив, акционеру достаточно располагать лишь небольшим капиталом. Промышленный предприниматель закрепил свой капитал в своем предприятии, капитал производительно функционирует только в этом предприятии и прочно с ним сросся. Предприниматель может извлечь свой капитал только посредством продажи всего предприятия, а это означало бы, что изменилась просто личность капиталиста: один промышленный капиталист сменился другим. Он — не денежный, а промышленный (производительный, функционирующий) капиталист. Ему достается выручка от предприятия — промышленная прибыль. Но раз в акционере мы видим просто денежного капиталиста, то ему достаточно было бы получать процент на свой капитал, — и при этом условии он предоставит распоряжаться своим денежным капиталом.

Но для того, чтобы акционер оставался денежным капиталистом, необходимо, чтобы у него во всякое время имелась возможность получить обратно свой капитал, как денежный капитал. Между тем его капитал, как и капитал единоличного предпринимателя, представляется закрепленным в предприятии. Да он и в действительности закреплен. Деньги отданы и служат для покупки машин, сырого материала, для оплаты рабочих и т. д.,—короче, из денежного капитала превратились в производительный капитал, совершили процесс $Д < \frac{Сп}{Р}$ вступили в кругооборот промышленного капитала. Этот уже отданный капитал акционер не может полу-

чить обратно. Он не имеет на него никаких притязаний,—он имеет притязание на соответственную долю барыша. Но в капиталистическом обществе всякая денежная сумма приобретает способность приносить процент; и, наоборот, всякий регулярно повторяющийся доход, который можно передавать (а доход вообще можно передавать, если он не связан с чисто субъективными, а потому преходящими, неопределимыми условиями, как связана заработная плата и т. под.), рассматривается, как процент на капитал, и приобретает цену, равную доходу, капитализированному из обычного размера процента[1]). Это очень просто объясняется тем, что всегда имеются крупные денежные суммы, ожидающие использования, и что они находят использование в расчете на соответствующий барыш. Следовательно, акционер во всякое время может извлечь обратно свой капитал, продав акции,—продав свои притязания на прибыль,—и постольку он находится в таком же положении, как денежный капиталист. Эта возможность продажи акций создается особым рынком, фондовой биржей. Только развитие этого рынка и дает характер чисто денежного капитала акционерному капиталу, который теперь можно „реализовать“ во всякое время. Наоборот, денежный капиталист остается теперь таковым и после того, как он вложил свой капитал в акционерную форму. Следовательно, свободный денежный капитал, как таковой, т.-е. как капитал, приносящий проценты, конкурирует из-за вложения в акции совершенно так же, как, функционируя в качестве собственно ссудного капитала, конкурирует из-за вложения в займы с постоянным процентом. Конкуренция из-за этих различных способов применения приближает цену акции к цене вложений, приносящих постоянный процент, и промышленную прибыль сводит для акционера к уровню процента.

Следовательно, сведение промышленной прибыли к проценту—исторический процесс, развертывающийся с развитием акционерной системы и фондовой биржи. Пока акционерное общество—не господствующая форма, и торговля акциями не развита, в дивиденде будет заключаться не только процент, но и предпринимательская прибыль.

Следовательно, поскольку распространяется акционерное предприятие, промышленность ведется теперь денежным капиталом, который, превращаясь в промышленный капитал, должен приносить капиталистам не среднюю прибыль, а средний процент.

Но здесь на первый взгляд возникает явное противоречие. Ведь тот денежный капитал, который представляется в распоряжение в качестве акционерного капитала, превращается в про-

[1]) „Стоимость денег или товаров, как капитала, определяется не их стоимостью как денег или товаров, а количеством прибавочной стоимости, которое они производят для своего владельца“. Маркс, „Капитал“, III, 1, стр. 332.

мышленный капитал. То обстоятельство, что для своего владельца — следовательно, суб'ективно — он функционирует совершенно так же, как ссудный капитал, очевидно, не может оказать никакого влияния на выручку от промышленного предприятия. Последнее при нормальных условиях будет, как и раньше, приносить среднюю прибыль. Но невозможно предположить, что акционерное общество продает свой товар так, чтобы получалась прибыль ниже средней, что оно добровольно отказывается от части прибыли для того только, чтобы распределить между акционерами лишь такой доход, который дает акционерам как раз обычный процент. Ведь всякое капиталистическое предприятие стремится получать наивозможно высокую прибыль, и как раз это стремление приводит к продаже по ценам производства, т. е. по ценам, равным издержкам производства плюс средняя прибыль. Кажется поэтому, как-будто указанные моменты, придающие денежному капиталу, вложенному в акционерную форму, суб'ективный характер ссудного капитала, т. е. капитала, приносящего проценты, — что эти моменты недостаточны для того, чтобы об'яснить сведение доходности акции к уровню процента. Ведь так осталось бы необ'ясненным, куда же девается остальная часть прибыли, именно, средняя прибыль минус процент, та часть, которая как-раз и составляет собственно предпринимательскую прибыль. Приглядимся к делу поближе.

Вследствие превращения частного предприятия в акционерное общество происходит как бы удвоение капитала. Однако, первоначальный выданный акционерами капитал окончательно превращается в промышленный капитал и продолжает существовать в действительности уже только в форме промышленного капитала. Деньги выполнили свою функцию покупательного средства по отношению к средствам производства, затрачены на последние и таким образом окончательно исчезли из кругооборота капитала, первоначально выданного акционерами. Только превращение средств производства в товары, осуществляемое производством, и продажа этих товаров заставит деньги — но уже совершенно другие деньги — возвратиться из обращения. Следовательно, деньги, которые уплачиваются впоследствии при продаже акций, это отнюдь не те деньги, которые первоначально были выданы акционером и уже нашли применение; это отнюдь не какая-либо составная часть капитала акционерного общества, капитала предприятия. Это—дополнительные деньги, необходимые для обращения акций, свидетельств на капитализированный доход. Точно также и цена акции не определяется таким образом, что это— известная доля капитала предприятия; в действительности цена это — капитализированная доля дохода. Следовательно, она не определяется, как соответственная доля всего капитала, закрепленного в предприятии, как относительно устойчивая величина;

это—просто доход, капитализированный из обычного уровня процента. Поэтому цена акции зависит не от стоимости (собственно цены) действительно функционирующего промышленного капитала: ведь акция — не свидетельство на часть капитала, фактически функционирующего в предприятии, а свидетельство на долю барыша, и потому цена ее зависит, во-первых, от величины прибыли (следовательно, величины, несравненно более изменчивой, чем могла бы быть цена производственных элементов самого промышленного капитала) и, во-вторых, от обычного уровня процента [1]).

Итак, акция—юридическое обоснование права на доход, долговое притязание на будущее производство, свидетельство на выручку. Так как эта выручка капитализируется, и этим определяется цена акции, то кажется, как-будто в форме цены акций существует второй капитал. Но последний — чисто фиктивный. Действительно, существует только промышленный капитал и приносимая им прибыль. Однако, это не препятствует тому, что такой фиктивный „капитал" существует, как объект подсчетов, и приводится в качестве „акционерного капитала". В действительности это—не капитал, а просто цена дохода; цена, самая возможность которой обусловливается тем, что в капиталистическом обществе всякая денежная сумма приносит доход, и потому, наоборот, всякий доход представляется плодом денежной суммы. Если в промышленной акции подобная иллюзия становится более возможной благодаря тому, что здесь существует и действительный капитал, именно, функционирующий в промышленном предприятии, то в иного рода свидетельствах на доход фиктивный, чисто счетный характер такого бумажного капитала становится несомненным с первого взгляда. Так, свидетельства государственных займов могут не представлять никакого действительного капитала. Возможно, что деньги, в свое время ссуженные государственными кредиторами, давным-давно превратились в пороховой дым. Эти свидетельства суть не что иное, как цена известной части государственных налогов, являющихся продуктом совершенно иного капитала, чем тот, который в свое время был израсходован тем или иным непроизводительным способом.

Сбыт акций есть не сбыт капитала, а купля-продажа рентных титулов; колебание их цены непосредственно нисколько не затрагивает того действительно функционирующего промышленного капитала, которого выручки, а не стоимости, они являются представителями. Цена их, кроме размеров барыша, зависит от уровня

[1]) Связь курса акций со стоимостью производительного капитала выражается разве лишь в том, что курс не может пасть ниже, чем составляет та часть стоимости, которая при банкротстве предприятия достается, по удовлетворении всех прочих требований, на долю каждой акции.

процента, из которого их доходность капитализируется. Но движения последнего совершенно независимы от судеб индивидуального промышленного капитала. Уже из этого следует, что не подобает видеть в цене акции соответственную часть промышленного капитала.

Поэтому сумма „акционерного капитала", следовательно, сумма цен капитализированных титулов дохода может не совпадать с первоначальным денежным капиталом, превращенным в промышленный капитал. Теперь спрашивается, как же возникает эта разница и насколько велика она. Представим себе промышленное предприятие с капиталом в 1 миллион марок. Пусть средняя прибыль будет 15%, обычный уровень процента—5%. Предприятие доставляет прибыль в 150.000 марок. Но сумма в 150.000 мар., капитализированная как ежегодный доход из 5%, даст цену в 3.000.000 мар. Конечно, из 5% денежный капитал, вероятно, взял бы только надежные бумаги с постоянным доходом. Итак, предположим высокую премию за риск,— скажем, 2%,—дальше примем во внимание издержки управления, тантьемы и т. д., которые должны покрываться из прибыли предприятия, и от которых, в противоположность акционерному обществу, свободно индивидуальное предприятие; определим вызванное всем этим уменьшение свободной прибыли в 20.000 мар. Тогда между акционерами должно быть распределено 130.000 мар., и это должно составить по 7% на акцию. В таком случае цена акций будет равна 1.857.143 или, скажем для закругления, 1.900.000 м. Но для того, чтобы произвести прибыль в 150.000 мар., необходим капитал всего в 1 милл. мар., 900.000 мар. оказываются свободными. Эти 900.000 мар. возникают из того, что капитал, приносящий прибыль, превратился в капитал, приносящий процент (дивиденд). Если мы оставим в стороне повышенные издержки управления, вытекающие из формы акционерного общества и уменьшающие прибыль, то эти 900.000 мар. представляют разницу между доходностью капитализированной из 15%, и той же доходностью, капитализированной из 7%, т.-е. между капиталом, который дает среднюю норму прибыли, и капиталом, который приносит средний процент. Именно эта разница и выступает в виде „учредительской прибыли" („Gründergewinn"),—барыша, который возникает исключительно вследствие превращения капитала, приносящего прибыль, в форму капитала, приносящего проценты.

Господствующее воззрение, которое так рьяно подчеркивает дороговизну управления в акционерном обществе по сравнению с частным предприятием, не заметило и не объяснило любопытной проблемы, откуда же берется учредительская прибыль, появляющаяся как-раз при превращении предприятия из формы, производящей дешево, в форму, производящую дорого: господствующее воззрение довольствуется пустыми фразами об издержках и риске. В действительности учредительская прибыль—не результат обмана, не вознаграждение или заработная плата, а экономическая категория sui generis.

Экономисты, поскольку они вообще разграничивают процент и предпринимательскую прибыль, видят в дивиденде просто процент плюс предпринимательская прибыль, т.-е. вообще не отличают его от прибыли индивидуального предприятия. Ясно, что при этом остается непонятою специфическая особенность акционерного предприятия. Так, например, Родбертус говорит: „Чтобы договориться о терминологии, я замечу здесь еще только одно: в дивиденде на акцию заключается не только процент, но и предпринимательская прибыль, между тем как в проценте заемного свидетельства ее нет" [1]). Поэтому объяснение учредительской прибыли невозможно. „В технической форме (Betriebsform) [2]) „акционерного предприятия... капиталовладельцу (который, ссудив свой капитал единоличному предпринимателю, получал бы только текущий процент) все еще достается и предпринимательская прибыль, и притом с неменьшим удобством, чем процент, почему акционерное предприятие и представляется нашим капиталистам столь заманчивым, и можно предполагать, что акционерная форма будет все больше завоевывать область промышленности. Шарлатанство с так называемым учредительством есть просто пена или пенные брызги от настоящего дела" [3]). Моральным осуждением упразднено всякое объяснение учредительской прибыли, которая сама по себе вовсе не шарлатанство, но на которой шарлатанство только и может базировать. Родбертус, понимая дело односторонне, а потому неправильно, говорит: „Следовательно, прежний ссудный капитал в акционерной форме перестает быть ссудным капиталом и становится в руках владельцев самопроизводящим стоимость, и притом в такой форме, что они сохраняя образ и подобие ссудных капиталистов, получают к тому же еще и почти всю ренту на капитал" (под ней Родбертус разумеет предпринимательскую прибыль плюс процент) [4]). Родбертус видит только содержание процесса, превращение денежного капитала в промышленный; но он не замечает, что здесь существенна форма превращения, так как денежный капитал становится в то же время фиктивным капиталом и, таким образом, сохраняет для владельцев форму денежного капитала [5]).

[1]) „Briefe und sozialpolitische Aufsätze von Dr. Rodbertus-Jagetzow" Herausgegeben von Dr. Rudolf Meyer. Berlin 1880, I, стр. 259.

[2]) Кстати сказать, это неверно: акционерное общество не техническая форма, не форма производства, а форма предприятия.

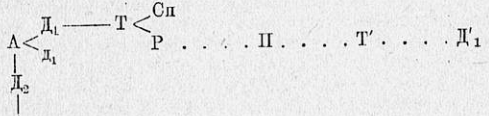
[3]) Там же, стр. 262.

[4]) Там же, стр. 285.

[5]) Но консервативный социалист правильно чувствовал революционизирующее значение акционерного общества: „Этой производственной

Если мы рассмотрим своеобразную форму обращения фиктивного капитала, то найдем следующее. Выпускаются акции (А), следовательно, продаются за деньги (Д). Эти деньги распадаются на две части. Одна часть ($Д_1$) образует учредительскую прибыль, принадлежит учредителям, напр., эмиссионному банку, и выпадает из рассматриваемого кругооборота. Другая часть ($Д_1$) превращается в производительный капитал и описывает уже знакомый нам кругооборот промышленного капитала. Акции проданы; если сами они должны опять попасть в процесс обращения, то для этого потребуются в качестве средства обращения добавочные деньги ($Д_2$). Это обращение $А—Д_2—А$, совершается на особом рынке, на бирже.

Следовательно, получается такая схема обращения:



Будучи создана, акция уже не имеет ничего общего с действительным кругооборотом того промышленного капитала, пред-

форме (т.-е. акционерному предприятию), которая умеет слить тысячи мелких ручейков капитала в один поток, предстоит выполнить миссию. Она должна восполнить сотворенное богом, прорезать перешейки и страны, где всемогущий забыл сделать это или считал несвоевременным, связать страны, разделенные морями, под морским дном или над морскою поверхностью, пробуравить Альпы и т. д. Пирамидам и финикийским сооружениям далеко до того, что еще сумеет совершить акционерный капитал". Здесь Родбертус предается не менее романтическим мечтам, чем Саккар в „Деньгах" Золя. Но потом он продолжает: „Однако я, для себя лично, имею насчет их и еще одно „мечтание" совершенно особого свойства. А в чем дело? Они очистят дорогу для меня. И как очистят-то! Обычная свободная торговля без акционерной формы — просто жалкая ручная метла; свободная торговля при акционерной форме — паровая метла, которая в 10 лет выметет так чисто, как та обычная субботняя метла сумела бы разве лет в 100. Рука акционерных предприятий! Для разрешения социального вопроса требуется такой метельщик, потому что и без цеховой формы для него требуется такая чистота, как у целой сотни голубей" (там же, I. Bd., стр. 291).

Очень тонко также следующее замечание: „Как индивидуальный предприниматель, так и чистый ссудный капиталист будет все больше исчезать при акционерной форме" (там же, I, стр. 286).

Непозволительно наивно изложение Ван-Бортта в „Handwörterbuch der Staatswissenschaften" глава „Aktiengesellschaften". „Задачей и целью общественных предприятий может быть как дополнение и увеличение личной рабочей силы, знаний и опыта предпринимателя, так и увеличение сил капитала". Это столь же мило, как если бы кто-нибудь возвестил в научной поварской книге: задачей и целью головки лука может быть как возбуждение и наслаждение желудка, так и доставление заработка кухарке.

ставительницей которого она является. События и несчастия, которые ожидают ее в ее обращении, прямо не затрагивают кругооборота промышленного капитала.

Торговля акциями и вообще свидетельствами фиктивного капитала требует новых денег, — наличных и кредитных денег, например, векселей. Но в то время как раньше вексель покрывался стоимостью товара, теперь он покрывается „капитальной стоимостью" акции, зависящею, в свою очередь, от доходности. Последняя же находится в зависимости от реализации стоимости продуктов, производимых акционерным обществом, т. е. от продажи товаров по их стоимости, — или соответственно по ценам производства. Следовательно, эти кредитные деньги, косвенно покрыты товарной стоимостью. Далее: размеры платежных операций в торговле определяются стоимостью товаров, а здесь — величиною капитализированной чистой доходности. С другой стороны, действительно необходимое количество денег сильно ограничивается здесь заместимостью этих бумаг.

Рассмотрим теперь формулу учредительской прибыли (Дд). Если средняя прибыль = р, дивиденд = d и выручка предприятия = Е, и если мы вспомним, что капитал равен фактически получаемому проценту, умноженному на 100 и деленному на обычный уровень процента, то у нас получится следующее:

$$Дд = \frac{100\,E}{d} - \frac{100\,E}{p}$$

Если выручка акционерного общества уменьшается дороговизной управления, то вместо первого Е придется поставить Е — n. Мы видим, что распадение функции предпринимателя, которое политическая экономия до сих пор просто описывала и констатировала, является в то же время превращением промышленного капиталиста в акционера, в особый вид денежного капиталиста, при чем наблюдается такая тенденция, что акционер все более становится чистым денежным капиталистом. Эта тенденция осуществляется благодаря тому, что акции постоянно могут продаваться на бирже.

В своем понимании экономики акционерного общества мы идем дальше Маркса. В своем гениальном наброске — к сожалению, ему не пришлось его разработать — о роли кредита в капиталистическом производстве [1]) Маркс изображает возникновение акционерных обществ как следствие кредитного дела и так резюмирует их влияние:

„1. Колоссальное расширение размеров производства и предприятий, которые были невозможны для отдельного капиталиста. Вместе с тем такие предприятия, которые раньше были правительственными, становятся общественными.

[1]) Маркс, „Капитал", III, 1, глава 27, стр. 412 и сл.

„2. Капитал, который сам по себе покоится на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочих сил, получает здесь непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов), в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям. Это—упразднение капитала как частной собственности в пределах самого капиталистического способа производства.

„3. Превращение действительно функционирующего капиталиста в управляющего, заведующего чужими капиталами, и собственников капитала—в просто собственников, просто денежных капиталистов. Если даже получаемые ими дивиденды включают в себя процент и предпринимательский доход, т.-е. всю прибыль (потому что содержание управляющего есть или должно быть только заработной платой известного рода искусного труда, цена которого регулируется на рабочем рынке как цена всякого другого труда), тем не менее вся эта прибыль получается только в форме процента, т.-е. простого вознаграждения за собственность на капитал, которая, таким образом, совершенно отделяется от функции в действительном процессе воспроизводства, подобно тому, как эта функция в лице управляющего отделяется от собственности на капитал. Таким образом, прибыль выступает (уже не одна только часть ее, процент, получающий свое оправдание в прибыли заемщика) как простое присвоение чужого прибавочного труда, возникающее из превращения средств производства в капитал, т.-е. из их отчуждения от действительных производителей, из их противоположности как чужой собственности всем действительно участвующим в производстве индивидуумам, от управляющего до последнего поденщика. В акционерных компаниях функция отделена от собственности на капитал, следовательно, и труд совершенно отделен от собственности на средства производства и на прибавочный труд. Это—результат высшего развития капиталистического производства, необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность отдельных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность. С другой стороны, акционерные общества—переходный пункт к превращению всех функций в процессе воспроизводства, до сих пор еще связанных с собственностью на капитал, в простые функции ассоциированных производителей, в общественные функции.

„Прежде чем пойти дальше, отметим еще следующий экономически важный факт: так как прибыль принимает здесь чистую форму процента, то подобные предприятия еще возможны тогда, когда они приносят только процент; это—одна из причин, задерживающих падение общей нормы прибыли, так как эти предприятия, где постоянный капитал находится в такой колоссальной пропорции к переменному, не должны необходимо участвовать в уравнении общей нормы прибыли".

Маркс рассматривает здесь прежде всего экономическое влияние акционерных обществ. В дивиденде он еще не видит особой экономической категории, а потому не дает анализа и учредительской прибыли. Что касается последнего замечания: о влиянии акционерных обществ на образование средней нормы прибыли и на ее понижение, то ясно, что с распространением акционерной формы прибыль акционерного общества должна входить в уравнение общей нормы прибыли совершенно так же, как прибыль частных предприятий. Впрочем уже выше мы видели,

что при нормальных условиях продукт акционерного общества подлежит совершенно таким же законам цен, как продукт частных предприятий. Маркс имел в виду железнодорожные акционерные общества его времени и по отношению к ним его замечание, быть может, отчасти правильно; только отчасти, потому что и там учредительская прибыль уже предвосхитила известную часть прибыли, которая должна была найти выражение в ценах железных дорог.

2. Финансирование акционерных обществ. Акционерные общества и банки.

Итак, при основании акционерного общества величина акционерного капитала определяется таким образом, чтобы прибыль предприятия была достаточна для распределения на этот капитал дивиденда, при котором каждый акционер получает обычный процент на свой затраченный капитал [1]).

Если наступает высокая конъюнктура, или благоприятные обстоятельства иного рода позволяют впоследствии распределить

---

[1]) Вот иллюстрация данного в тексте схематического изложения. „Berliner Tageblatt" в вечернем издании от 16 мая 1908 г. сообщает: „В эти дни были введены на биржу акции „Köpenicker Nitritfabrik" с лажем 80%.—С 1901 по 1906 г.г. это предприятие существовало как общество с ограниченной ответственностью при скромном капитале в 300.000 мар. После ряда убыточных лет общество с ограниченной ответственностью как-то получило валовую прибыль в 100.000 мар., потом во второй раз—в 300.000 мар., и выдало в качестве дивидендов 15.000 и 75.000 мар. Грюндеры решили, что ему предопределено сделаться акционерным обществом с 1 милл. мар. основного капитала, в который доля общества с ограниченной ответственностью, составлявшая 300.000 мар., вошла уже ценою в 900.000 мар. Для того, чтобы сбалансировать актив и пассив нового акционерного общества, участок земли, оцененный по книгам общества с ограниченной ответственностью в 60.000 мар, акционерному обществу пришлось принять с оценкой в 210.000 мар., оценка строений с 45.000 мар. повышена до 140.000 мар., машины, аппараты и прочий инвентарь с 246.000 мар. повысился до 400.000 мар. Теперь новое акционерное общество имеет за собою два операционных года, за которые оно распределило 15 и 16% в качестве дивиденда, хотя счет стоимости земли—оставляя в стороне новые приобретения — все еще значится в обременительной цифре 200.000 мар., а счет строений — 150.000 мар. Только счет машин и инвентаря, повышение оценки которых было наиболее рискованным, понижен до 250.000 мар. Фабрикация акционерного общества основывается на двух патентах, из которых один истекает уже через год, а другой продан изобретателем акционерному обществу за 50.000 мар. И этого базиса оказалось достаточно, чтобы эмиссионные учреждения выговорили себе цену в 180%, т.-е. за 300.000 мар. прежних паев, которые вместо с 100.000 мар. наличными создали фундамент акционерного общества, они заставили уплатить себе 1.800.000 мар.!" Учредительская прибыль повышена здесь еще тем обстоятельством, что предприятие, пользуясь патентами, получает добавочную прибыль, которая, разумеется, тоже капитализируется.

повышенные дивиденды, то курс акций повысится. Если акции известного предприятия при дивиденде в 6 % стоят, предположим, на уровне 100, то при дивиденде в 9 % они повысятся до 150. В различиях дивиденда отражаются различия тех судеб, которые постигают отдельные предприятия на их дальнейшем жизненном пути. С другой стороны, благодаря повышению или понижению курса, эти различия для новых покупателей акций исчезают [1]).

В ходе жизни акционерного общества разница между действительно функционирующим капиталом и (фиктивным) акционерным капиталом может возрасти еще больше. Если предприятие дает много больше среднего процента, и если становится необходимым или просто возможным увеличить капитал, то в основу новой капитализации кладется уже эта повышенная доходность, и номинальный акционерный капитал увеличивают далеко за размеры функционирующего капитала. Наоборот, возможно также увеличить функционирующий капитал, не увеличивая номинального акционерного капитала. Это достигается, напр., таким способом, что чистая прибыль не выдается акционерам в качестве дивиденда, а целиком или в известной части идет на расширение

[1]) Следующая таблица, заимствованная нами из „Berliner Tageblatt" от 11 июня 1907 г., показывает, что капитал, затрачиваемый на акции, в первое время дает покупателю дивиденды, которые лишь немногим выше среднего уровня процента. В то время дисконт Имперского Банка выражался в 5 1/2.

	Курс 30 мая (в процентах).	Дивиденды (в процентах).	Доходность (в процентах).
Berliner Handelsgesellschaft	150.75	9	5.97
Darmstädter Bank	129.30	8	6.18
Deutsche Bank	223.60	12	5.36
Diskontogesellschaft	169	9	5.32
Dresdener Bank	141	8 1/2	6.02
National Bank	121.50	7 1/2	6.17
Bochumer Gusshtahl	224.25	15	6.68
Laurahütte	225.30	12	5.32
Harpener Bergbau	207.60	11	5.29
Gelsenkirchener Bergwerk	195.50	11	5.62
Phönix Bergbau	205.80	15	7.30
Rombacher Hüttenwerke	204.50	14	6.84
Donnersmarckhütte	264 50	14	5.29
Eisenwerk Kraft	166	11	6.62
Eisenhütte Thale, privilegirt. акции	123	9	7.31
Allgemeine Elektrizitätsgesellschaft	198.50	11	5.54
Lahmeyer Elektrizität	122	8	6.55
Hoffmann Waggonfabrik	335	22	6.56
Gaggenauer Eisenwerk	105	8	7.61
Schering Chemische Fabriken	263	17	6.46
Chemische Fabrik Oranienburg	184.50	10	5.42
Schultheis' Brauerei	288.50	18	6.23
Vereinsbrauerei, акции	210.50	12	5.70

предприятия. Так как такое применение обещает в будущем повысить доходность, то одновременно наступает повышение курсовой ценности акционерного капитала.

Оставляя в стороне как это, так и те изменения курсовой ценности, которые зависят от изменений доходности, а также от увеличения или уменьшения действительно функционирующего капитала, изменения могут возникать еще вследствие изменений общего уровня процента. Продолжительно низкий уровень процента caeteris paribus приводит к повышению курсовой ценности акционерного капитала, высокий—понижает ее.

Уже из способа образования дивидендов следует, что не существует среднего дивиденда ни по образцу нормы процента, ни по образцу нормы прибыли. Первоначально дивиденд равен проценту плюс премия за риск, но в ходе развития он может понизиться или повыситься и надолго остаться на таком измененном уровне: ведь конкуренция производит здесь уравнение не в размерах доходности, как в случаях с нормами процента и прибыли, а в курсе акций.

Итак, курсовая ценность акционерного капитала всегда выше, чем стоимость капитала, функционирующего при нормальных условиях, т.-е. приносящего среднюю прибыль. С другой стороны, если доходность предприятия и уровень процента — величины данные, то курсовая ценность акционерного капитала зависит от количества выпущенных акций. Весь акционерный капитал предприятия, в котором производительный капитал составляет 1 миллион марок и приносит 200.000 мар. прибыли, получит курсовую ценность в 4 милл. марок, если уровень процента равен 5 %. Курс же одной акции номинальной стоимости в 1.000 марок будет равен 4.000 марок, если акций выпущено на 1 милл. марок; составит 2.000 марок, если их выпущено на 2 милл.; опустится до 1.000, если выпущено акций на 4 милл., и до 500 марок, если их выпущено на 8 милл. марок.

Если номинальный акционерный капитал настолько велик, что при выпуске его курс падает ниже номинальной ценности, ниже pari, то говорят о разжижении или разводнении акционерного капитала. Очевидно, это разжижение имеет прежде всего чисто счетный характер. Доходность—величина данная, и она-то определяет курс всего акционерного капитала; из чем большего количества частей составляется последний, тем, разумеется, меньшая соответственная доля достанется на каждую часть. Разжижение не имеет ничего общего с учредительской прибылью: последняя при учреждении всякого акционерного общества возникает из превращения производительного капитала, приносящего прибыль, в фиктивный капитал, приносящий проценты. В действительности разжижение не представляет ничего существенного; законодательство может поставить — и обычно ставит — препятствия перед ним, в противопо-

ложность учредительской прибыли. Требование же германского акционерного законодательства, чтобы лаж, образовавшийся на акции, зачислялся в запасный капитал, повело только к тому, что акции по номинальной ценности или с незначительным лажем передаются консорциуму банков, который при продаже публике выручает прибыль (учредительскую прибыль).

Но разжижение во всяком случае оказывается удобным финансово-техническим средством для того, чтобы повысить долю учредителей за пределы учредительской прибыли. В Соединенных Штатах, напр., при учреждении крупных акционерных обществ обыкновенно выпускают двоякого рода акции: preferred shares (привилегированные акции) и common shares (обыкновенные акции). Процент по preferred shares ограниченный, обыкновенно он составляет от 5 до 7%. Кроме того, они нередко пользуются и той привилегией, что, если в известном году на них не уплачивается всего дивиденда, на который им принадлежит право, то им предоставляется дополучить из доходов следующих годов. Только по удовлетворении preferred shares могут быть распределены дивиденды между common shares. Количество привилегированных акций устанавливается при учреждении акционерного общества такое, что оно превышает тот капитал, который действительно будет функционировать. В привилегированных акциях уже заключается большая часть учредительской прибыли. К этому присоединяются еще common shares обычно почти в таком же количестве. Обыкновенно их курсовая ценность сначала очень низкая; привилегированные и обыкновенные по большей части стоят лишь несколько выше pari. Но, во-первых, большая часть этих commons остается в руках учредителей и помогает им обеспечивать для себя большинство [1]). Во-вторых, при учреждении солидных обществ

[1]) То же самое и в английских акционерных обществах. Описывая соглашение между одним смешанным чугунно-литейным и одним стальным заводом, Макрости говорит: „It is to be observed, that whlei the aid of the public was called into assist in the extension of the business (подразумевается: посредством выпуска облигаций, привилегированных акций), control lay solely with the vendors (форма Bill bros, and Durman Long and Co.) so long as debenture interest and preference dividend were maintained. This is quite a common feature of British flotations, and it demands from the cautious investor a careful scrutiny of the purchase conditions". Henry W. Macrosty. „The Ttust Movement in British Industry". London 1907, стр. 27. „In many cases the ordinary stock is held largely or solely by the original vendors in ordor that they may retain control, in which case the amount of the ordinary dividend is of less cousequence to the public". Там же, стр. 54.

Такую же функцию, как common shares, — монополизация учредителями благоприятных результатов развития акционерного общества, — исполняли так называемые учредительские права в прежнем германском (и австрийском) акционерном праве. Учредители выговаривали для себя известные преимущества, — напр., на случай новых выпусков акций, которые должны были предоставляться им всегда по номинальной цен-

preferred получают приблизительно обычный процент; напротив, доля commons — совершенно неопределенная; здесь прежде всего находит себе выражение общее состояние конъюнктуры; доходность их подвержена чрезвычайным колебаниям; поэтому она — бумага, в особенности излюбленная спекуляцией; но крупные акционеры, которым commons ничего не стоили, посвященные в дело, могут использовать эти колебания курса для выгодной спекуляции. В-третьих, учредителям, владельцам commons shares, этот метод финансирования обеспечивает добавочную прибыль, ожидаемую от учреждения общества, обеспечивает все выгоды и от будущих завоеваний и благоприятных конъюнктур, между тем как прибыль публики, у которой имеются preferred, фиксирована на устойчивой границе, не особенно превышающей процент. Наконец, благодаря этому до известного момента затемняется действительное положение предприятия, и эту темноту легко использовать для спекулятивных операций [1]). Однако перекапи-

ности. Но такие обязательства противоречили мобилизации капитала и потому были устранены. „Berliner Tageblatt" от 24 сентября 1907 г. пишет по этому поводу: „Как памятник давно отошедшего в прошлое периода, выступает в наше время признание учредительных прав, которое еще сохраняется в целом ряде акционерных обществ. Учредительские права ведут свое происхождение из эпохи, когда акционерное право еще не достигло той ступени развития, как в настоящее время. Раньше считалось возможным обеспечить за учредителями предприятия длительные исключительные выгоды: положение, которое при подвижности, присущей акции, должно было оказаться тягостным и ничем неоправдываемым. Уже новелла 1884 г. проложила брешь в системе учредительских прав, совершенно устранены они для вновь возникающих обществ торговым уложением, вступившим в силу с 1 января 1900 г. Конечно, новое торговое право не имеет обратной силы; таким образом учредительские права неизменно сохраняются от старого времени и при случае, если не удалось освободиться от них на основе добровольных соглашений, неприятно напоминают о себе акционерам обществ, „облагодетельствованных" учредительскими правами. Среди берлинских компаний электричества — приведем этот школьный пример действия учредительских прав — привилегии Всеобщей Компании Электричества заключаются в том, что при всяком новом выпуске акций она может взять себе половину их по курсу al pari. Прибыль, которую благодаря этой привилегии Всеобщая Компания Электричества получила только при выпусках акций Berliner Electrizitätswerke в 1889, 1890, 1899 и 1904 годах, определяется приблизительно в 15 миллионов марок. Не приходится быть в претензии на то, что учредители или их наследники осуществляют свои благоприобретенные права. Но все же несомненно, что современное понимание акционерного дела по справедливости требует устранения вечных учредительских преимуществ".

[1]) Наиболее яркий и крупный пример представляет история американского стального треста (см. „Report of Industrial Commission 1901", vol. XIII, стр. XIV и XV). Он объединил уже перекапитализированные общества. „Report" исчисляет „действительную стоимость" таким образом, что он дает сумму только привилегированных акций в объединившихся обществах, — это в действительности дает лишь акционерный капитал, курс которого мог бы стоять al pari, — и приходит к выводу, что просто

тализация отнюдь не оказывает какого либо влияния на цены. Это—странное представление, будто, раз фиктивный капитал номинально раздут, тем самым законы цен должны претерпеть какое-либо изменение. Само собою разумеется, крупный акционерный капитал порождает желание, чтобы цены своим высоким уровнем дали возможность получить обычный процент. Но капитал может быть списан до уровня 0, — и однако никакой капиталист не станет продавать дешевле, чем приходится, будет ли он распорядителем частного предприятия, простого акционерного общества или же треста.

Акционерное общество есть общество капиталистов. Оно конституируется взносами капитала; мера участия каждого капиталиста в учреждении определяется величиной внесенного им капитала; поэтому право голоса и вообще размеры влияния, естественно, определяются размером его взноса. Капиталист, ведь, остается капиталистом, только пока у него есть капитал, и чисто количественно отличается от всего другого капиталиста. Следовательно, власть распоряжаться всем предприятием отдается в руки владельцев большой доли акционерного капитала. Значит, чтобы распоряжаться акционерным обществом, требуется только

по усмотрению добавлено еще 398.918.111 долларов. Следующее сообщение „Frankfurter Zeitung“ от 29 марта 1909 г. дает еще лучшее представление о „перекапитализации“,—точнее, о разности между действительно функционирующим и акционерным капиталом. „Заводы в Gary обойдутся приблизительно в 100 милл. долларов и будут давать свыше 2 милл. тонн стали. Капитализированная стоимость других заводов треста оценена в 1.500 милл. долларов, и дают они 10 милл. тонн. Несоответствие прямо бросается в глаза“. Если даже принять во внимание, что в эту капитализированную сумму вошли, между прочим, ценные рудники и т. д., и тогда несоответствие останется колоссальным.

Но это не помешало тому, что стальной трест всегда мог уплачивать 7% дивиденда на привилегированные акции, и что даже обыкновенные акции приносили растущие дивиденды. Трест был основан весной 1901 года. В 1901—1903 гг. была благоприятная конъюнктура, и на обыкновенные акции было выдано 4% дивиденда. В 1903 г. дивиденд упал до 3%, в 1904 и 1905 гг. дивидендов совсем не было. Однако уже в 1905 г. конъюнктура начала улучшаться, и на дивиденды у стального треста оказалось до 43 милл. долл., что позволило бы выдать в качестве дивиденда до 8½%. Но трест использовал эту сумму на списывания, новые сооружения и создание запасного капитала. В 1906 г. опять было выдано 2%.

Но этот дивиденд не давал никакого представления о действительных барышах стального треста: 1906 г. был из очень тучных, и в распоряжении стального треста на выдачу дивиденда имелось почти 100 милл. долл. Из этого на выдачу дивиденда по обыкновенным акциям потребовалось до 25 милл. долл. То, что осталось, составило бы 14,4% на обыкновенные акции. Акционерам было выдано всего 10.166.600 долл.; на новые сооружения (здесь фигурировало, между прочим, второе ассигнование в 2½ милл. долл. на стальной завод в Gary) затрачено 50 милл. долл., кроме того в дополнительный фонд отчислено 13 милл. долл. Той же политики придерживались директора и в 1907 году. В нем выручка

половина капитала, — не требуется владеть всем капиталом, как для распоряжения частным предприятием. Это удваивает власть крупных капиталистов. Капиталисту, который превращает свое частное предприятие (кредит мы оставляем в стороне) в акционерное общество, необходима только половина его капитала для того, чтобы получить полную власть распоряжения. Другая половина становится свободной и может быть извлечена из данного предприятия. Конечно, тогда уходит и половина дивидендов. Однако власть распоряжаться чужим капиталом имеет величайшую важность, и господство над предприятием приобретает, не говоря о всем остальном, величайшее значение для того, чтобы влиять на биржевое движение акционерной собственности.

Однако, та сумма капитала, которая достаточна для господства над акционерным обществом, на практике оказывается обыкновенно еще меньше, составляет всего от $^1/_3$ до $^1/_4$ капитала, и даже ниже. Но, господствуя над акционерным обществом, капиталист располагает другим, чужим капиталом, как своим собственным. Такой способ распоряжения, это—не то, что вообще распоряжение чужим капиталом. В развитом капиталистическом обществе всякий собственный капитал, благодаря развитию кредита, становится в то же время представителем взятого в ссуду чужого капитала, — и от величины собственного капитала, при прочих

оказалась еще больше, чем в 1906 г. Для владельцев обыкновенных акций имелась в распоряжении сумма, которая составила бы дивиденд в 15,6%. Но акционеры снова получили только 2% за год, т. е., полпроцента за четверть. 54 милл. долл. было затрачено на новые сооружения, в том числе 18½ милл. долл. на завод в Gary. В дополнительный фонд отнесено 25 милл. долл. 1908 г. закончился значительно хуже, чем его предшественники. Конечно, на обыкновенные акции стального треста дивиденд все еще должен был бы составить свыше 4%, но владельцы получили фактически только 2%. На новые сооружения ничего не было ассигновано, напротив, в дополнительный фонд отнесено более 10 милл. долл. так что к концу 1908 г. он разросся почти до 133,5 милл. долл. Первая четверть 1909 г. опять обнаружила улучшение по сравнению с первой четвертью предыдущего года, но по сравнению с последними двумя четвертями 1908 г., напротив,—ухудшение вследствие того, что в половине февраля рухнули цены на американском стальном рынке. На обыкновенные акции, как вообще с 1906 г., было уплачено дивиденда по 0,5% за четверть года, и свыше 3 милл. долл. отнесено в дополнительный фонд (см. „Berliner Tageblatt“ от 28 июля 1909). За вторую четверть 1909 г. стальной трест объявил четвертной дивиденд в ¾%, что соответствует 3% в год, и за третью четверть — 1%, что дает годовых 4% на обыкновенные акции. Большая часть обыкновенных акций остается в руках учредителей, или же, поскольку они перешли в руки спекулянтов, для которых являются излюбленными бумагами, во время и после паники 1907 г. скуплены финансовыми группами по самым низким ценам. При таких обстоятельствах дивидендная политика, которая за счет акционеров годами удерживает барыши, чтобы потом разом распределить их в подходящий момент, является источником колоссального обогащения финансовых групп, господствующих в стальном тресте.

равных условиях, зависят размеры кредита, возрастающего впрочем еще быстрее, чем собственный капитал. Раз так, то собственный капитал крупного акционера является вдвойне представителем чужого капитала. Его капиталу принадлежит распоряжение над капиталом других акционеров, и вся капиталистическая сила предприятия, в свою очередь, опять притягивает чужой капитал,—ссудный капитал, требующийся для предприятия.

Но еще большую силу преобретает крупный капитал, подчиняющий себе акционерное общество, если дело идет уже не об одном отдельном акционерном обществе, а, напротив, о системе зависящих друг от друга обществ. Предположим, что капиталист N, располагая 5 миллионами в акциях, подчиняет себе акционерное общество A, акционерный капитал которого составляет 9 миллионов. Это общество основывает общество-сына (собственно Tochtergesellschaft, „общество-дочь", „дочернее общество"). В с 30 миллионами акционерного капитала, из которых первое общество 16 миллионов сохраняет у себя в портфеле. Чтобы внести деньги за эти 16 миллионов, общество A выпускает на 16 миллионов облигаций, которые приносят постоянный процент и не дают права голоса. Теперь N при помощи своих 5 миллионов подчиняет себе оба общества, следовательно, капитал в 39 миллионов. Общества A и B на тех же началах могли бы теперь учредить новые общества, так что N с своим сравнительно небольшим капиталом получил бы власть над чрезвычайно огромными суммами чужого капитала. С развитием акционерного дела развивается особая финансовая техника, которая ставит своею задачею обеспечить по возможности малому собственному капиталу господство над возможно крупным чужим капиталом. Своего завершения эта техника достигла при финансировании американской железнодорожной системы [1]).

[1]) Детальное описание техники финансирования выходит из рамок настоящей работы. Однако следующий типичный пример, описывающий финансирование железнодорожной системы Roch Island, может иллюстрировать сказанное (см. „Frankfurter Zeitung" от 6 октября 1909 г.). Во главе системы стоит контрольное общество (Holding Company, т.-е. собственно общество, владеющее акциями других обществ) Rock Island C°, которое, не имея прочной задолженности, располагает капиталом из 54 милл. долл. в привилегированных акциях и 96 милл. долл. в обыкновенных, при чем выпущено акций соответственно на 49.129 и 89.733 тыс. долларов. Право голоса дается только привилегированными акциями. Этому обществу принадлежит весь акционерный капитал в 145 милл. долларов компаний „Chicago Rock Island и Pacific Railroad"; последняя располагает кроме того 70.199 тысячами долларов в 4 процентных Collateral Trust Bonds и 17.361 тысячами долл. в 5-процентных Collateral Trust Bonds, в которых выражается постоянная задолженность этого треста. Эти боны (Bonds)—долговые свидетельства, в обеспечение которых у доверителей положены в качестве залога и другие бумаги (см. о Collateral Trust Bonds у L. Greene, „Corporation Finance", New-Iork 1906 г.). Сама эта „Railroad Company" владеет двумя железнодорожными обществами: 1. „Chicago Rock Island и Pacific Railway Company". Их обеспеченный ценностями долг составляет 19.850 тыс. долларов, акционерный капитал—74 859 тыс. долл. из которых 70.199 тыс. долл. оставлены у доверителей в качестве обеспечения за упомянутую эмиссию 4-процентных Collateral Trust Bonds. 2 St. Louis-Francisco Railroad Company с консолидированным долгом круглым счетом в 227 милл. долл. Акционерный капитал составляется из 5 милл. долл. I) привилегированных акций, 16 милл. долл. II) привилегированных акций и 29 милл долл. обыкновенных акций, из которых 28.940 тыс. долл. приобрела „Rock Island Company". Последняя за каждые 100 долл. в акциях дала 60 долларов в собственных акциях и 60 долл. в 5-процентных Collateral Trust Bonds, принадлежащих „Chicago Rock Island и Pacific Railroad Company". Таким образом, у обоих крупных железнодорожных обществ теперь оказались свои собственные подчиненные общества.

Цель этого искусственного финансирования ясная. Контроль над всей мощной системой железных дорог принадлежит держателям привилегированных акций „Rock Island Company", только и имеющих право голоса. В эпоху основания компании курсовая ценность этих бумаг составляла от 40 до 70%. Для получения 27 милл. долл. в привилегированных акциях, обеспечивающих подчинение, учредителям было необходимо самое большее 15 милл. долл. Этих денег было достаточно для того, чтобы они сделались господами всей железнодорожной сети.

С развитием акционерных обществ, с одной стороны, с возрастающей концентрацией собственности — с другой, увеличивается число тех крупных капиталистов, которые вложили свой капитал в различные акционерные общества. Но обладание большим количеством акций дает власть получить представительство в управлении обществом. Как член наблюдательного совета, крупный акционер получает, во-первых, в форме тантьем известную долю прибыли [1]); во-вторых, получает возможность оказывать влияние на управление предприятием,—или же использовать свое знакомство с положением дел в предприятии для спекуляторских или иного рода коммерческих операций. Возникает круг лиц, которые, опираясь на силу своего собственного капитала или являясь представителями концентрированной силы чужого капитала (директора банков), занимают места членов наблюдательного совета в большем количестве акционерных обществ. Складывается

[1]) E. Loeb (Das Institut des Aufsciltsrates etc., Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik, 3 Folge, XXIII. Bd. 1902) доходы от места в наблюдательных комитетах определяет для Германии 1900 г. цифрою до 60 милл. марок. Для 1905 г. Франц. Эйленбург в очень обстоятельной работе о наблюдательных советах в германских акционерных обществах, напечатанной в том же издании (3 Folge, XXXII. Bd., 1906, стр. 92 и сл.), определяет эту сумму приблизительно в 70 милл. мар. Каждое акционерное общество распределяет в качестве тантьем в среднем $^6/_{10}$% своего номинального капитала, следовательно, каждый член наблюдательного совета получает в среднем по $^1/_{10}$%. В крупных обществах абсолютная величина тантьем, разумеется, больше, — до 6.000 — 8.000 мар. и выше. Так, в качестве тантьем, Dresdener Bank распределил 21.000, Felten и Cuillaume 84.000, Dürkopp 10.000, Deutsche Bank 32.000, Hörder Bergwerke 15.000, Gelsenkirchen 8.700, Bayrische Hypotheken Bank 13.000 мар.

своего рода персональная уния [1]), сначала между различными акционерными обществами, а потом между ними и банками: обстоятельство, которое необходимо оказывает величайшее влияние на политику этих обществ, потому что различные общества являются одинаковыми владельческими интересами.

Чтобы осуществить концентрацию капиталов в одном предприятии, акционерное общество собирает свой капитал отдельными долями, которые, взятые в отдельности, быть может, слишком мелки для того, чтобы функционировать в качестве промышленного капитала: вообще ли, в тех ли отраслях промышленности, которые являются вотчиной акционерного общества. Следует заметить, что при первом возникновении акционерных обществ это собирание совершалось посредством прямого обращения к отдельным капиталистам. Но в ходе развития отдельные капиталы уже прошли процесс собирания и концентрированы в банках. Поэтому обращение к денежному рынку осуществляется теперь при посредстве банков.

Никакой банк не может и думать о том, чтобы доставить капитал частному предприятию. Последнему он может вообще оказывать главным образом лишь „платежный кредит". Иное дело с акционерными обществами. В этом случае доставить капитал означает для банка—просто авансировать его, разделить на паи и продажей этих паев получить капитал обратно, т.-е. выполнить по форме чисто денежную операцию Д—Д'. Возможность передавать и продавать эти свидетельства на капитал, характерная для существа акционерного общества, позволяет, банку „учреждать", а, в конце концов, и подчинять акционерные общества. Точно так же для акционерного общества возможная задолженность банку много шире, чем для частного предприятия. Последнее, вообще говоря, должно покрывать такие долги из доходов, и потому им ставится узкая граница. Но именно потому, — именно вследствие их относительно небольших размеров,—они оставляют частному предпринимателю почти полную

[1]) Персональная уния — начало и конец близких в том или ином отношении соединений, которым по причинам внешнего свойства приходится оставаться организационно и формально раздельными, но которые могут вполне развернуть свою деятельность только в сочетании своих сил под единым высшим руководительством. Персональная уния между Австрией и Венгрией—рудимент, сохранившийся от эпохи былого соединения обеих стран; он, быть может, имеет значение постольку, поскольку может оказаться исходным пунктом связей иного характера. Соединение экономических и политических организаций рабочего класса, осуществляемое персональной унией в высшем руководстве, только и дает возможность тем и другим вполне развернуть свои силы. То же явление—соединение экономической и политической организации—мы наблюдаем у германского землевладения; это—„Союз Сельск. Хозяев" („Bund der Landwirte"), и в особенно выработанной форме — организации прусских поляков.

самостоятельность. Напротив, перед акционерным обществом имеется возможность покрывать эти банковые долги не только из текущих доходов, но также и посредством увеличения капитала, посредством выпуска акций или облигаций, эмиссия которых оставляет банку еще и учредительскую прибыль. Поэтому банк может предоставить акционерному обществу сравнительно крупный кредит с большей уверенностью, чем частному предприятию,— и прежде всего может предоставить иного рода кредит, кредит не только для обслуживания платежных операций, т.-е. не только оборотный кредит, но и кредит для восполнения недостающего производственного капитала, следовательно, капитальный кредит. Здесь банк может, если считает необходимым, ограничить кредитование таким способом, что он доставляет предприятию новый капитал посредством новых выпусков акций и облигаций [1]).

Но мало того, что банк может кредитовать акционерное общество в большей мере, чем частное предприятие: он может также часть своего денежного капитала вложить в акции на более или менее продолжительное время. Как бы то ни было, во всех этих случаях возникает длительная заинтересованность банка в акционерном обществе: с одной стороны, банк должен контролировать акционерное общество, чтобы получить гарантию правильного использования кредита; с другой стороны, банк подчиняет себе акционерное общество, чтобы обеспечить для себя все прибыльные финансовые операции.

Из этой длительной заинтересованности банков возникает стремление подчинить соответствующие акционерные общества своему постоянному контролю, что лучше всего достигается посредством представительства в советах банков. Это же представительство дает одновременно гарантию, что все остальные финансовые сделки, связанные с эмиссионными операциями, останутся за банком. С другой стороны, чтобы разделить риск и расширить сферу своих операций, банк стремится работать с возможно большим количеством обществ и в то же время получить представительство в их наблюдательных комитетах. Обладание акциями дает ему возможность провести своих представителей и в такие общества, которые первоначально оказывали сопротивление. Так возникает тенденция к совместительству должностей в наблюдательных советах [2]).

[1]) Поэтому крупные банковые долги частного предприятия часто являются предвестниками его превращения в акционерное общество.

[2]) Крупные банки стремятся „завязывать по возможности многосторонние связи с промышленными предприятиями,—многосторонние в отношении места и отраслей производства,—и по мере сил устранять об'ясняемую историей отдельных учреждений неравномерность в распределении этих связей как по территориям, так и по отраслям промышленности. Рука об руку с этим идет стремление упрочить отношения к промышленности, превратить их в регулярные постоянные связи, выразить

Другую роль играют в советах представители промышленности. Здесь дело сводится к установлению деловых связей между двумя обществами. Например, если представитель железного завода заседает в наблюдательном совете углепромышленного предприятия, он воздействует в том направлении, чтобы железный завод приобретал уголь у этого предприятия.

Эта персональная уния, которая в то же время знаменует совместительство должностей в наблюдательных советах в руках небольшого числа крупных капиталистов, важна в том отношении, что она является предтечею или ускоряющей пружиной более тесного организационного об'единения между обществами, до того времени независимыми друг от друга [1]).

их и дать им возможность дальнейшего расширения и углубления посредством внутренне целостной системы замещения должностей в советах". Jeidels, loc. cit., стр. 180.

Он же дает следующую таблицу (для 1903 г.). В акционерных обществах были представлены:

	Deutsche Bank (количеством лиц).	Diskontogesellschaft.	Darmstädter Bank.	Dresdener Bank.	Schaaffhausenscher Bankverein.	Berliner Handelsgesellschaft.	С У М М А.
Директорами . .	101	31	51	53	68	40	344
Членами советов	120	61	50	80	62	34	407
	221	92	101	133	130	74	751

Следовательно, всего шесть крупных берлинских банков располагали в общем 751 местом в органах управления.

По новейшей адресной книге 1909 г. директоров и членов советов, таких мест имеется в Германии 12.000. Но 2.918 мест в советах занимают 197 лиц. Рекорд побил г. Карл Фюрстенберг от „Berliner Handelsgesellschaft", располагающий 44 мандатами; г. Евгений Дутман от Dresdener Bank занимает 35 мест. Вообще из различных профессий, представленных в составе советов, наиболее сильно представлена банковая профессия, и поэтому на ее долю выпадает наибольшее совместительство. Подробные данные об этом см. у Eulenburg, l. c.

Конечно, такое же явление и в Соединенных Штатах. В 1906 г. фирма „J. P. Morgan and Co" была представлена в Board пяти банков, 50 железных дорог, 3 судоходных компаний, 8 трестированных обществ, 8 страховых обществ и 40 промышленных предприятий. Steinitzer, l. c., стр. 158.

[1]) Напротив, самое наблюдение, в смысле юридической функции, не играет никакой роли. Так, председатель общего собрания „Elektrische Licht und Kraftanlagen-Aktiengesellschaft in Berlin" откровенно заявил следующее: „Идея, будто какой-нибудь наблюдательный комитет или член наблюдательного совета мог бы делать то, что предписывается им законом, ошибочна. Законодатели не знали, что они делали, когда издавали этот закон. Представьте, что какой-нибудь член наблюдательного совета или наблюдательный совет в целом в один прекрасный день вздумал бы проследить все отрасли какого-нибудь из наших крупных

3. Акционерное общество и индивидуальное предприятие.

Итак, при своем учреждении акционерное общество обращается не к сравнительно узкому слою функционирующих и способных функционировать капиталистов, которые должны бы соединить функции собственности с функциями предпринимателя. Оно с самого начала не зависит от соответствующих личных способностей и остается независимым от них во все время своего существования. Смерть, раздел наследства между владельцами и т. д. не оказывают на него никакого влияния. Но здесь еще нет решающего отличия от индивидуального предприятия, которое с известной ступени развития может заменять личные способности, утрачиваемые собственниками, личными способностями наемных служащих. Практически не имеет значения и другое различие, которое литература проводит между акционерным обществом и частным предприятием: именно, то, что, во-первых, устраняется субъективно вполне ответственный, совершенно независимый и вполне заинтересованный предприниматель, и что, во-вторых, начинает распоряжаться масса мало подготовленных, неспособных приобрести влияние предпринимателей (акционеров), которые заинтересованы лишь отчасти и ничего не понимают в ведении дела. В действительности акционерные общества, и как раз наиболее важные, доходные, те, которые являются пионерами, подчиняются олигархии или даже какому-нибудь одному крупному капиталисту (или банку), который во всяком случае тоже вполне заинтересован и независим от массы мелких акционеров. К этому присоединяется и то обстоятельство, что руководители, стоящие на вершине промышленной бюрократии, заинтересованы в предприятии тантьемами, а прежде всего тем, что им обыкновенно принадлежит большое число акций.

Много важнее такое материальное различие: обращение к денежному рынку есть общее обращение ко всем, у кого есть деньги, — при чем под деньгами разумеется здесь и власть над кредитом. Акционерное общество независимо от величины отдельного капитала, который требуется концентрировать в одних руках, прежде чем он будет способен функционировать в качестве промышленного капитала частного предприятия. Так, не только расширяется круг лиц, — денежным капиталистом может быт всякий, у кого имеются деньги: мало того, всякая денеж-

обществ. В то время, как он контролирует в одном месте в десяти других могут быть совершены крупнейшие ошибки. Совет должен лишь намечать крупные основные линии для управления обществом. Он может наблюдать за дирекцией, чтобы она ничего не делала вопреки закону и уставам. Детали же ревизии—дело ревизионных комиссий" („Berliner Tageblatt", 28 ноября 1908 г.).

ная сумма, превышающая известный минимум (который, как известно, может составлять всего несколько шиллингов), приобретает способность соединиться в акционерном обществе с другими денежными суммами и найти применение в качестве промышленного капитала. Этим для акционерного общества с самого начала обеспечивается много большая легкость учреждения по сравнению с частным предприятием, а для уже существующих обществ до чрезвычайности облегчается расширение.

Способствуя об'единению капитала, акционерные общества в этом отношении выполняют одинаковую функцию с банками. Различие таково: капитал, собираемый в банках, сохраняет свою первоначальную форму денежного капитала и лишь *после* своего сосредоточения предоставляется кредитом в распоряжение производства. В акционерных обществах рассеянный денежный капитал соединяется в форме фиктивного капитала. Не следует впрочем думать, будто соединение мелких капиталов, которым предстоит сделаться лишь элементами крупных капиталов, равносильно тому, что к участию привлекаются мелкие капиталисты. Мелкие капиталы могут принадлежать в действительности и весьма крупным капиталистам. Мелкие же капиталы мелких капиталистов соединяются более банками, чем акционерными обществами.

К относительной легкости добывать капитал присоединяется легкость накопления. В частном предприятии накопление должно совершаться из прибыли. Часть прибыли не потребляется, что уже само по себе предполагает известную величину предприятия, а собирается как потенциальный денежный капитал, пока его величина не окажется достаточной для устройства нового производства или для расширения существующего. В акционерном обществе дивиденды, конечно, тоже выдаются сначала акционерам. Но и здесь имеется возможность накоплять некоторую долю прибыли, в особенности при высоких дивидендах, значительно превышающих средний уровень процента. Однако, что в особенности важно: расширение тут независимо от собственного накопления из собственных доходов предприятия и не может осуществляться прямо посредством увеличения капитала. Отпадает граница, стоящая перед возрастанием частного производства: величина прибыли, произведенной в самом этом производстве. Благодаря этому энергия роста у акционерного общества значительно выше, чем у частного предприятия. В распоряжении акционерного общества находится весь свободный денежный капитал, идет ли дело о расширении или об учреждении этого общества. Оно увеличивается не только накоплением собственной прибыли. Весь накопленный и ищущий применения денежный капитал это—вода, которую он может направить на свою мельницу. Уничтожаются те ограничения, которые вытекают из раз-

дробления капитала между индивидуальными непредприимчивыми и случайными собственниками. Акционерное общество обращается непосредственно к общему капиталу класса капиталистов.

Независимое от индивидуального капитала предприятие становится независимым в своей величине и от величины того богатства, которое уже накоплено в отдельных руках, и может расширяться независимо от той ступени, которой уже достигла концентрация собственности. Так акционерное общество впервые делает возможными—или, по меньшей мере возможными в необходимом количестве—такие предприятия, которые, требуя огромных капиталов, были недоступны для частных предпринимателей, а потому и не возникали или же учреждались государством, следовательно, стояли вне сферы непосредственного влияния капитала. Важнейший пример этого рода представляют, как известно, железные дороги, которые дали сильнейший толчок распространению акционерных обществ. Эта способность акционерного общества: разрывать те границы, которые накладываются личностью собственника, подчинять свой масштаб величине не личного, а общественного капитала, имела величайшую важность в особенности при первом появлении акционерных обществ [1]).

Расширение капиталистического предприятия, превратившегося в акционерное общество, может теперь освободиться от уз индивидуальной собственности и совершаться в зависимости исключительно от технических требований. Введение новых машин, присоединение родственных отраслей производства, использование патентов, — все совершается уже только с точки зрения технической и экономической рациональности. Отодвигается на задний план самая забота о том, как достать необходимый капитал, которая для частного предприятия играет главную роль, ограничивает его способность к расширению, уменьшает его эластичность и постоянную боевую готовность. Конъюнктуры могут быть использованы лучше, основательнее и быстрее: важное обстоятельство в особенности тогда, когда продолжительность благоприятных конъюнктур сокращается [2]).

---

[1]) Говоря здесь об общественном капитале, мы разумеем следующее. Частный предприниматель ограничен величиной индивидуального капитала; акционерное общество — величиной всего денежного капитала, имеющегося в капиталистическом обществе и свободного для нового применения.

[2]) „Акционерное общество — наиболее острое, надежное, а потому предпочтительнейшее оружие, какое только имеется в распоряжении капиталистического хозяйственного строя для победы характеризующих его тенденций к концентрации. Ведь, уже само по себе акционерное общество представляет совершенную концентрацию: об'единение мелких раздробленных, в отдельности неспособных к производительному применению частей имущества в общую массу капитала, которая как таковая предназначена и способна преследовать под единым руководством

Указанные моменты имеют свое значение в конкурентной борьбе. Мы видели, что акционерное общество достает капиталы с несравненно большей легкостью, чем частное предприятие. Таким образом, акционерное общество может при устройстве своего производства считаться исключительно с техническими соображениями, между тем как индивидуальный предприниматель постоянно наталкивается при этом на границы, которые ставятся величиной его капитала. Это относится и к случаям, когда приходится пользоваться кредитом, потому что величина последнего зависит от величины собственного капитала. Напротив, акционерное общество как при учреждении, так в особенности и при расширении или создании новых сооружений не связано этой границей личной собственности. Поэтому оно может усваивать лучшие и новейшие завоевания,—и много независимее в выборе момента для новых сооружений, чем частный предприниматель, которому приходится выжидать, когда-то его прибыл достигнет минимальной величины, при которой она становится пригодной для накопления. Следовательно, акционерное общество может быть организовано в технически совершеннейших формах, что настолько же важно, как и постоянное сохранение этого технического превосходства. Но это значит в то же время, что оно в состоянии применять технические завоевания, различные методы сбережения труда раньше, чем они нашли всеобщее применение. Таким образом акционерное общество, по сравнению с частным предприятием, может, во-первых, работать в более крупном масштабе, во-вторых, применять усовершенствованную и более новую технику, и потому может получить дополнительную прибыль по сравнению с частным предприятием.

хозяйственные, т.-е. производительные цели. Вследствие же легкой отчуждаемости и наследования паев, далее, вследствие почти полного отделения от личности предпринимателя, что в несравненно большей мере, чем для других форм предприятия, дает ему вероятность продолжительной жизни, наконец, вследствие (теоретической) безграничности дивидендов, ожидаемых на об'единенный капитал, акционерное общество оказывает необыкновенно сильное притяжение на свободные капиталы. Следовательно, оно в большей мере, чем всякая другая форма предприятия, обладает возможностью удовлетворять свои потребности в кредите или в расширении посредством увеличения капитала. Но относительная легкость добывать капитал, естественно, вызывает тенденцию к увеличению капитала; и это тем более, что в области и промышленности, и торговли, и банкового дела, повидимому, экономический закон таков: удвоение капитала делает возможным более, чем удвоение производства, или больше, чем удвоение сбыта (примечание: но не всегда и удвоение доходности), и уже по одной этой причине тенденция к увеличению капитала усиливается с увеличением этого капитала, а вместе с тем у сравнительно крупных капиталов она относительно много сильнее, чем у мелких капиталов". Riesser, „Zur Entwicklungsgeschichte der deutschen Grossbanken", стр. 152.

К этому присоединяется то крупное преимущество, которое принадлежит акционерному обществу перед частным предпринимателем в использовании кредита; мы еще раз кратко отметим его в данной связи.

Частный предприниматель обыкновенно может кредитоваться только на максимальную сумму своего оборотного капитала. Дальнейшее кредитование, заходящее за эти пределы, превратило бы кредитованный капитал в основной промышленный капитал, и, следовательно, для ссудного капиталиста он фактически утратил бы характер ссудного капитала. Ссудный капиталист просто превратился бы в промышленного капиталиста. Поэтому кредит частным предпринимателям могут оказывать только лица, знакомые со всеми условиями и методами ведения дела у промышленников. Кредит частным предпринимателям предполагает существование мелких местных банков, частных банкиров, близко ознакомленных с деловыми отношениями своих клиентов.

Акционерному обществу получить кредит легче, потому что характер его организации до чрезвычайности облегчает контроль посредством простого делегирования банком доверенного лица. Частный банкир устраняется здесь банковским служащим. Далее, акционерное общество можно кредитовать в несравненно более крупных размерах и потому, что акционерное общество легче может достать для себя капитал. Здесь нечего опасаться, что полученный обществом кредит будет иммобилизован. Если бы даже акционерное общество, действительно, воспользовалось им для приобретения основного капитала, при благоприятных обстоятельствах, не ожидая действительного возвращения основного капитала, общество может мобилизовать капитал посредством выпуска акций и использовать его для выплаты долгов банку. На практике так постоянно и делается. Оба обстоятельства: легкость организации контроля и то обстоятельство, что здесь отпадает ограничение кредита оборотным капиталом, дают акционерному обществу возможность усиленнее использовать кредит, а вместе с тем дают новое преимущество в конкурентной борьбе.

Экономическое преимущество, вытекающее из относительной легкости привлечения капитала при основании, а также из относительной осуществимости всякого расширения предприятия, приносит с собою, как мы видели, и техническое превосходство.

Но акционерное общество в силу своего строя обладает преимуществами и в борьбе при помощи цен.

Мы видели, что акционер имеет характер денежного капиталиста, ожидает от затраченного им капитала только процента. Несмотря на учредительскую прибыль, несмотря на сокращение прибыли повышенными издержками управления, тантьемами и т. д., прибыль в ходе благоприятного развития может далеко превысить размеры процента.

Как мы видели, эта повышенная доходность далеко не всегда идет на пользу акционерам. Часть ее может пойти на усиление предприятия, на образование запасного капитала, который во время кризисов в свою очередь дает акционерному обществу более сильную опору по сравнению с частным предприятием. В то же время большие резервы делают возможной более устойчивую дивидендную политику и тем повышают курс акций. Или же часть этих повышенных доходов может быть накоплена, — тогда без увеличения номинального капитала повышается действительно функционирующий капитал, производящий прибыль. И это повышает, и даже в еще большей мере, чем образование запасного капитала, действительную ценность акций. Такое повышение — обнаруживается-то оно, быть может, лишь впоследствии — идет на пользу крупным и устойчивым акционерам, между тем как мелкие, часто сменяющиеся владельцы акций расплачиваются утратой некоторой доли своей прибыли.

Но если наступает неблагоприятная конъюнктура или обостряется конкурентная борьба, то акционерное общество, у которого такая дивидендная политика сильно сократила или совсем уничтожила первоначальную разницу между акционерным капиталом и действительно функционирующим капиталом, может опустить свои цены ниже цены производства k + p (издержки производства плюс средняя норма прибыли), до уровня k + z (издержки производства плюс процент), — и все же еще и тогда будет выплачивать дивиденды, равные среднему проценту или немногим ниже.

Благодаря этому, акционерное общество обладает сильно повышенной способностью к сопротивлению. Индивидуальный предприниматель необходимо стремится к тому, чтобы реализовать среднюю прибыль. Если он добывает меньше, он станет подумывать о том, чтобы извлечь свой капитал. У акционерного общества это стремление слабее, — по крайней мере у его руководителей, да впрочем, и у акционеров. Частный предприниматель должен покрывать из доходов издержки на свое собственное существование; если его прибыль падает ниже известной границы, то средства производства будут у него приходить в упадок, потому что частью своего капитала он будет покрывать издержки своего существования. Он банкротится. Иначе с акционерным обществом. Оно стремится получить процент на акционерный капитал. Но вообще-то акционерное общество может существовать до тех пор, пока его деятельность не приносит убытка. Необходимости работать с чистым доходом для него вообще не существует [1]), этой необходимости, которая непосредственно ведет к катастрофе, разражающейся над индивидуальным капиталистом всякий раз, когда его потребление начинает сокращать его капитал и делает его недостаточным. Возможно, такая необходимость существует для акционера и побуждает его продать акцию. Но эта продажа нисколько не затрагивает функционирующего капитала. Если чистая прибыль не исчезла, а просто сократилась, акционерное общество и так может существовать долгое время. Если чистая прибыль упала ниже среднего уровня дивидендов, то цена акции упадет. Новые покупатели, как и старые владельцы, будут теперь высчитывать доходность на пониженный капитал. Курсовая стоимость акции понизилась,—но предприятие, сделавшееся с точки зрения промышленного капиталиста бездоходным, так как оно уже не приносит средней прибыли, для новых покупателей вполне доходно, а старые владельцы от его приостановки просто потеряли бы еще больше. Но даже и такое акционерное общество, которое работает с убытком, отличается бо́льшей способностью к сопротивлению, чем частное предприятие. Частный предприниматель в таком случае обычно погибает, банкротство для него неизбежно; напротив, акционерное общество сравнительно легко может провести „реорганизацию“. В самом деле, так как ему легче добывать капитал, то оно скорее может достать суммы, необходимые для продолжения и оздоровления дела. Акционерам обычно приходится давать свое согласие. Ведь такое положение предприятия находит себе выражение в цене акций. Акционерам приходится согласиться просто на то, чтобы фактический убыток нашел себе и номинальное выражение. Акционерный капитал понижается, т. е. доход распределяется на меньший капитал и потом соразмеряется уже с последним. Или, если доходность понизилась до нуля, привлекается новый капитал, который, соединившись с менее доходным старым, теперь будет приносить уже достаточный доход. Кстати сказать, все эти оздоровления и реорганизации имеют двоякое значение для банков: во-первых, как прибыльная операция и, во-вторых, как удобный случай для того, чтобы поставить такие нуждающиеся общества в зависимость от себя.

Отделение собственности на капитал от его функции оказывает свое влияние и на ведение производства. Заинтересованность собственника в извлечении возможно крупной и быстрой

[1]) „В особенности много жалоб комиссия 1886 г. выслушала на конкуренцию акционерных компаний; многие свидетели утверждали, что главная причина низких товарных цен заключается в чрезмерном распространении во многих отраслях промышленности акционерных предприятий, которые продолжают работать, даже не получая никакой прибыли, так как интерес лиц, заведующих делом (членов правления, совета и проч.), заключается в продолжении производства совершенно независимо от его прибыльности“. Tugan-Baranowski, „Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England“. Jena 1901 г. Стр. 162. (М. Туган-Барановский. „Промышленные кризисы“. Спб. 1900 г. Стр. 145—146).

прибыли, тенденция к хищническому хозяйству, дремлющая во всякой капиталистической душе, — все это для руководителей акционерного общества до известной степени может отступить на задний план перед чисто техническими требованиями, выдвигаемыми производством. Они более энергичны, чем частный предприниматель, и, несмотря на те жертвы, которых стоит акционерам удовлетворение их требований, будут настаивать на усовершенствовании оборудования производства, на обновлении устарелых приспособлений, — и энергичнее поведут конкурентную борьбу для завоевания новых областей. В управлении чужим капиталом обнаружатся бо́льшая энергия, смелость и рациональность, большая свобода от чисто личных соображений; и это тем более, что подобная политика обычно встретит одобрение со стороны крупных, влиятельнейших акционеров, которые легко могут согласиться на преходящие сокращения своей прибыли; ведь в повышенном курсе и повышенной прибыли они, в конце концов, получат плоды за свои жертвы, которые приходится нести и мелким акционерам, — получат в то время, как мелкие акционеры уже давным-давно продали свои акции.

Акционерное общество превосходит индивидуальное предприятие в том отношении, что в первом чисто экономические условия и потребности могут проложить себе дорогу даже вопреки условиям индивидуальной собственности, которые при известных обстоятельствах вступают в конфликт с технико-экономическими требованиями.

Движение капитала к концентрации постоянно сопровождается отделением от капитала частей, которые начинают функционировать как новые самостоятельные капиталы. „Крупную роль играет при этом между прочим раздел состояний в семействах капиталистов... Следовательно, накопление и сопровождающая его концентрация не только раздробляются по многочисленным пунктам, но и возрастание функционирующих капиталов пересекается с образованием новых и раздроблением старых капиталов. Поэтому накопление, выступая перед нами с одной стороны как возрастающая концентрация средств производства и господства над трудом, является с другой стороны взаимным отталкиванием многих индивидуальных капиталов“ [1]).

Следовательно, с расширением акционерного дела экономическое развитие освобождается от индивидуальных случайностей в движении собственности, которые отражаются теперь на судьбе акций, а не самого акционерного общества. Поэтому концентрация предприятий может итти быстрее, чем централизация собственности. В обоих движениях имеются свои особые законы. Однако, тенденция к концентрации наблюдается в движении и предприятий, и собственности. Но только в движении собственности она представляется более случайной, менее принудительной, да и на практике часто пресекается разными случайностями. Эта-то внешняя видимость и дает кое-кому повод говорить о демократизации собственности посредством акций. Отделение движения промышленности к концентрации от движения собственности важно потому, что первое более следует технико-экономическим законам, независимо от границ индивидуальной собственности. Эту концентрацию, не являющуюся одновременно и концентрацией собственности, следует отличать от тех концентрации и централизации, которые осуществляются движением собственности и идут параллельно ему [1]).

[1]) Маркс, „Капитал“, I, стр. 588—589.

Благодаря превращению собственности в акционерную собственность, собственник становится собственником с ограниченным правом. Как владелец акций, он попадает в зависимость от постановлений всех других владельцев акций; он только член (хотя и не всегда несущий какие-либо функции) целого. Следовательно, с расширением акционерного дела капиталистическая собственность все более превращается в такую ограниченную собственность, которая дает капиталисту лишь право на прибавочную стоимость, но не допускает с его стороны решающего вмешательства в ход производства. Но как-раз это ограничение дает владельцам большей доли акций неограниченное господство над меньшинством, и таким образом собственность большинства мелких капиталистов все более ограничивается, неограниченное распоряжение производством устраняется, круг тех, кто господствует над производством, все более суживается; капиталисты образуют общество, на руководство которым большинству из них не удается оказывать никакого влияния. Действительное руководство производственным капиталом принадлежит людям, которые в действительности внесли в него лишь некоторую часть. Индивидуальных владельцев средств производства уже не существует: они образуют общество и у индивидуума остается только требование на соответственную долю доходности.

4. Эмиссионная деятельность.

Обслуживая вексельное обращение, банки заменяют коммерческий кредит банковым кредитом. Обслуживая превращение праздно лежащих денег в денежный капитал, банки доставляют производительным капиталистам новый капитал. Выполняя третью функцию, банки тоже доставляют производительным капиталистам капитал, но не таким способом, что ссужают его,

[1]) О различии понятий „концентрация“ и „централизация“, см. Маркс, „Капитал“, I, стр. 589 и сл.

а таким, что превращают денежный капитал в промышленный капитал и в фиктивный капитал и сами выполняют это превращение. Во-первых, развитие все более приводит к тому, что все деньги стекаются к банкам, и потому только при посредстве последних могут быть превращены в денежный капитал. Во-вторых, вследствие превращения банкового капитала в промышленный капитал, капитал перестает существовать в денежной форме, и вместе с тем перестает быть подобающей составной частью банкового капитала. Это противоречие разрешается мобилизацией капитала, его превращением в фиктивный капитал, в капитализированные свидетельства на доход. Так как одновременно с этим превращением развивается рынок для этих свидетельств, и потому их во всякое время можно превратить в деньги, то они могут сделаться составною частью самого банкового капитала. Банк не вступает здесь в какие-либо кредитные отношения и не реализует какого-либо процента на капитал. Банк просто предоставляет в форме фиктивного капитала в распоряжение рынка тот денежный капитал, который предназначен к превращению в промышленный капитал. На рынке фиктивный капитал продается, и банк реализует учредительскую прибыль, возникающую из превращения промышленного в фиктивный капитал. Следовательно, выражение „эмиссионный кредит“ не означает какого-либо кредитного отношения: этими словами отмечается просто более или менее обоснованное доверие публики, что банк не обманет ее.

Эта функция банка—осуществление мобилизации капитала—возникает из того, что в его распоряжении — все деньги общества. В то же время эта функция требует от банка, чтобы у него был крупный собственный капитал. Фиктивный капитал, долговое притязание, это—товар sui generis, только посредством продажи он превращается обратно в деньги. Но для этого превращения требуется известное время обращения, в течение которого капитал банка закреплен в этом товаре. Притом продажа осуществима не во всякий момент, а банк должен во всякое время выполнять свои обязательства в денежной форме. Для этих операций в распоряжении банка всегда должен иметься капитал, на котором не тяготеет никаких обязательств, следовательно, собственный капитал. В то же время, с развитием промышленного предприятия увеличиваются размеры операций, а потому и необходимая величина собственного банкового капитала [1]).

[1]) Эта тенденция к увеличению банкового капитала может быть усилена еще законодательным вмешательством. Таково постановление германского акционерного закона: при превращении частных предприятий в акционерные общества акции могут быть допущены на биржу только через год по учреждении; следствием его было то, что банковый

Чем выше мощь банка, тем совершеннее удается сведение дивидендов к уровню процента, тем полнее учредительская прибыль достается банку. Наоборот, сильным и упрочившимся предприятиям при увеличении своего капитала удается оставить за собою часть учредительской прибыли. Из-за распределения учредительской прибыли возникает своеобразная борьба между акционерным обществом и банком и дает банку лишнее основание стремиться к подчинению себе предприятия.

Как само собою понятно, учредительская прибыль достигается не только при учреждении в собственном смысле слова, будет ли то основание совершенно новых предприятий или превращение существующих частных предприятий в акционерные общества. Учредительская прибыль в экономическом смысле слова может быть получена и при всяком увеличении капитала в существующих акционерных обществах, если только доходность их превышает обычный уровень процента.

То, что представляется понижением уровня процента, отчасти является просто следствием прогрессирующего сведения дивиденда к уровню процента, между тем как в учредительской прибыли все полнее капитализируется вся предпринимательская прибыль: процесс, предпосылкой которого служит сравнительно высокое развитие банков и их связи с промышленностью, равно как и соответствующее развитие биржи, этого рынка фиктивного капитала. Если в Соединенных Штатах процент по железнодорожным облигациям составлял в 70-х годах 7%, а теперь только $3^1/_2$% [1]), то причина заключается в том, что часть, представлявшая в 7% предпринимательскую прибыль, в настоящее время капитализируется учредителями. Это важно и потому, что обнаруживает тенденцию учредительской прибыли к повышению, вытекающему из того, что доход на акции и облигации все более сводится к размерам просто процента. Этой тенденции учредительской прибыли к повышению противодействует понижение нормы прибыли; однако, следует думать, что это столь часто прерываемое понижение, которому противостоят столь многие противодействия, повышающие прибыль, в своем окончательном итоге не могло уничтожить тенденцию к повышению учредительской прибыли; надо думать поэтому, что в новейшее время

капитал стало невозможно мобилизовать в течение года и, следовательно, на его протяжении банковый капитал остается превращенным в промышленный капитал и не может принять денежную форму. Таким образом учредительская деятельность, особенно, если дело идет о крупных предприятиях, сделалась монополией исключительно крупных банков с большим собственным капиталом. В то же время это поощряло тенденцию к концентрации банкового дела. Таким же крупным банкам достается впоследствии и учредительская прибыль.

[1]) См. Edward Sherwood Meade, „Trust Finance“. New-York 1907, стр. 243.

последняя все повышалась, и притом сильнее всего в странах, где наиболее быстро совершалось развитие банков и биржи, и где наибольшей выработанности достигало влияние банков на промышленность.

Денежный капиталист, ссужая капитал, получает процент; банк, выпускающий акции, в этом случае ничего не ссужает и потому не получает процента. Процент, принявший вид дивиденда, здесь получают владельцы акций. Банку достается предпринимательская прибыль, но не как ежегодный доход, а капитализированный, как учредительская прибыль. Предпринимательская прибыль—длительный текущий доход, но банку в виде учредительской прибыли она уплачивается раз навсегда. Банк берет капиталистическое распределение собственности как вечное и непреложное и учитывает эту вечность в учредительской прибыли. Таким образом с ним разделываются раз навсегда, он уже не может претендовать на вознаграждение за уничтожение этого распределения собственности. Он уже получил свою мзду.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Фондовая биржа.

1. Биржевые бумаги. Спекуляция.

Биржа есть фондовый рынок. Под фондами мы разумеем здесь прежде всего „ценные бумаги“ в самом общем смысле, всякие бумаги, являющиеся представительницами денежных сумм. Они распадаются на две главные группы: во-первых, свидетельства на деньги, представляющие не что иное, как долговые свидетельства, т.-е. кредитные бумаги, на которых означена та денежная сумма, вместо которой они выданы; вексель—главный представитель этой категории. Второю группой являются бумаги, которые представляют не самую денежную сумму, а доход на нее; они, в свою очередь, распадаются на два подразделения: на бумаги с постоянным доходом, свидетельства государственного долга и облигации,—и на дивидендные бумаги, акции. Но, как мы уже видели, в капиталистическом обществе всякий регулярно (ежегодно) повторяющийся доход принимает вид дохода на капитал, величина которого равна фактически получаемому доходу, капитализированному из обычного уровня процента. Таким образом эти ценные бумаги тоже являются представительницами денежных сумм. Однако, отличие от первой группы заключается в следующем: в кредитных бумагах денежная сумма—первичный факт; деньги или стоимость равной величины здесь действительно

были ссужены и теперь приносят проценты. Эти бумаги находятся в обращении лишь в течение определенного времени: когда капитал будет уплачен обратно, им наступает конец. Тогда истекает срок векселя. И, хотя в обращении постоянно находятся векселя, это не препятствует тому, что постоянно истекает срок то одного, то другого отдельного векселя, и ссуженный капитал притекает обратно к ссудившему. У последнего на руках опять оказывается известная сумма денег, и он снова может отдать ее в ссуду. Истечение срока векселя,—следовательно, постоянный обратный приток капитала к собственнику последнего,—является здесь условием постоянного возобновления процесса.

Иначе со второй группой ценных бумаг. Здесь деньги отданы окончательно. Если дело идет о государственных бумагах, то деньги, надо полагать, давным-давно потреблены непроизводительно, т.-е. совершенно исчезли; если о промышленных бумагах, то деньги, затраченные на покупку постоянного и переменного капитала, послужили в качестве покупательного средства, стоимость денег существует теперь в виде элементов производительного капитала, а сама денежная сумма находится в руках продавцов и уже не возвратится к своему исходному пункту. Акции уже потому не могут быть представительницами этих денег, что последние перешли в руки продавцов товаров (продающих элементы производительного капитала), следовательно, сделались их собственностью. Но они отнюдь не представляют и производительного капитала, если взять его сам по себе. В самом деле, владельцы акций, во-первых, не могут пред'явить притязаний на какую бы то ни было часть производительного капитала, — они имеют право только на доходность, и, во-вторых, акция не является представительницей какой-либо конкретной потребительской стоимости, подобно варрантам или накладным: но она должна была бы представлять таковую, если бы действительно представляла известную долю производительно функционирующего капитала. Акция фактически дает притязание только на известную денежную сумму. Этим ее значением определяется возможность „*мобилизации*“ промышленного капитала. Но эта „известная сумма денег“ есть не что иное, как доход, капитализированный из существующего уровня процента. Следовательно, *доход*, ежегодные поступления являются здесь исходным пунктом при оценке бумаг, и денежная сумма исчисляется лишь в соответствии с доходностью.

Бумаги с твердым процентом приближаются к первой группе постольку, что во всякий момент всякой определенной доходности соответствует определенная сумма денег. Но они относятся ко второй группе, потому что те деньги, представительницами которых они были первоначально, отданы окончательно, и нет необходимости в том, чтобы они возвратились к исходному

пункту; следовательно, капитал, который они представляют,— фиктивный, его величина исчисляется лишь по доходу. Отличие бумаг с постоянным процентом от других доходных бумаг сказывается в том, что, если оставить в стороне случайные определяющие обстоятельства, цены первых зависят от уровня процента, цены вторых—от уровня процента и от того или иного размера дохода. Следовательно, цена первых подвергается относительно небольшим колебаниям, притом колебаниям, которые наступают постепенно, в соответствии с легко предусмотримыми общими колебаниями уровня процента. Напротив, во второй группе уровень дохода неопределенный и подлежит многосложным изменениям, которые не всегда поддаются заблаговременному учету и вызывают сильные колебания цены этих бумаг. Поэтому они представляют главный объект спекуляции.

Уже из предыдущего следует, что общераспространенное наименование биржи „капитальным рынком" не касается ее существа.

Бумаги первой группы суть долговые обязательства. Подавляющее большинство их возникло из актов обращения, из перемещения товаров, совершившегося без вмешательства денег, которые функционировали здесь только как платежное средство. В качестве кредитных денег они заменили наличные деньги. Торговля этими бумагами на бирже означает просто перенесение кредита с одного на другого. Но, как мы уже знаем, предпосылкой и дополнением обращения кредитных денег является обращение действительных денег. Так как находящиеся в обращении кредитные деньги обслуживают не только внутренние, но и международные платежные операции, то в распоряжении биржи должны иметься не только туземные кредитные деньги, но также иностранные кредитные деньги и звонкая монета. Поэтому на бирже, в качестве дополнения к кредитным операциям, находится центр торговли иностранной валютой и деньгами. Сюда стекается свободный в данный момент денежный капитал, чтобы найти применение, и находит его в кредитных бумагах. В этом отношении биржа конкурирует с собственно кредитными учреждениями, с банками. Но имеется и различие, как количественное, так и качественное. Количественное: в противоположность банкам, собирание из разнообразнейших мелких источников не играет здесь роли, — здесь ищут применения с самого начала крупные уже собранные капиталы. Концентрация денег, составляющая столь важную функцию банков, здесь уже совершилась. Качественное отличие заключается в том, что тут нет такой разнородности способов кредитования. Здесь просто предоставляются в распоряжение деньги, необходимые для того, чтобы поддержать обращение кредитных денег. Деньги помещаются крупными суммами в первоклассные векселя. Как спрос, так и предложение

имеют дело с крупными суммами, спрос и предложение концентрированно противостоят друг другу. Здесь-то как-раз и складывается рыночная цена ссудного капитала, уровень процента. Это—чистый процент, свободный от всякой премии за риск: дело, ведь, идет здесь о наилучших бумагах, какие только можно достать в этом дурном капиталистическом мире; сомнение в их достоинстве несравненно менее возможно, чем сомнение в благости Божией. Процент на эти утонченнейшие векселя,—тонкие, разумеется не по тонкости потребительной стоимости материала, ибо и первейшие векселя пишутся не на японской бумаге,—кажется вытекающим просто и непосредственно из собственности на денежный капитал. Деньги представляются вовсе не окончательно отданными: ведь их во всякий момент можно реализовать, так как постоянно возможна дальнейшая продажа векселя. Во всяком случае это помещение их преходящее, до той поры, пока они не понадобятся на что-либо иное. Надежность и краткосрочность обусловливают низкий уровень процента за такого рода применение, для которого пригодны только чрезвычайно крупные капиталы, притом свободные часто лишь на короткое время. Этот процент является исходным пунктом при исчислении процента в других отраслях применения денежного капитала. Его уровнем определяются также перемещения свободных, текучих, подвижных денежных капиталов из одних биржевых пунктов в другие. Эти деньги в постоянно изменяющемся количестве вступают в сферу обращения мировых денег и выходят из нее.

Биржа представляет здесь рынок, на котором совершаются денежные операции крупных банков и крупных капиталистов. Векселя, попадающие сюда, снабжены подписью одного из первоклассных банкирских домов. Банки туземные и иностранные или вообще крупные капиталисты вкладывают в эти векселя свободные в данное время деньги и таким образом дают им абсолютно надежное применение, доставляющее процент. Наоборот, крупные кредитные учреждения выносят эти векселя на биржу, когда требуется достать средства, необходимые на удовлетворение предъявленных к ним требований, превышающих их свободные капиталы [1]).

Денежные суммы, которые требуются для этих операций, расширяются и сокращаются, но во всякий данный момент должны иметься в известных минимальных размерах. На них покупаются векселя, — и они возвращаются, когда истекает срок векселя. Этим постоянным возвращением денег к исходному пункту, этим функционированием их в качестве простого посредствующего звена в кредитных операциях, обращение денег, вложенных

[1]) Ср. поучительную работу W. Prion, „Das deutsche Wechseldiskontogeschäft", Leipzig 1907.

в первую группу биржевых бумаг, явственно отличается от помещения денег во вторую группу, напр., в акции. Здесь деньги отдаются окончательно, превращаются в производительный капитал и переходят в руки продавца товара. В противоположность первому случаю, они не возвращаются на биржу. Вместо денег, теперь имеется юридическое притязание на капитализированный процент. Следовательно, деньги здесь действительно извлечены с денежного рынка.

На вексельном рынке биржа конкурирует с банками. Развитие последних отнимает у биржи часть векселей. Банками же захватываются в большей своей части и те связи между промышленными капиталистами и биржей, как посредницей в сфере платежного кредита, которые в эпоху возникновения бирж представляли их важнейшую функцию. За биржей остается лишь посредничество между самими банками и торговлею переводами, которая обслуживает международные платежи и регулирует вексельный курс. Но и здесь большая часть операций выполняется прямо банками, которые с этой целью устраивают свои заграничные отделения. Развитие банков в двояком смысле ограничивает эту часть биржевых операций. Прежде всего таким способом, что банки все возрастающие суммы своих денег все в большей мере сами, без содействия биржи, помещают в векселя. А потом и таким способом, что развитие банков отчасти заменяет вексельный кредит другими формами кредита.

Вексель это—кредит, который один производительный капиталист (под таковым подразумевается всякий капиталист, извлекающий прибыль; следовательно, между прочим и купец) дает другому вместо платежа. Капиталист, получивший вексель, дисконтирует его в банке, и, следовательно, теперь кредит дается уже банком. Если у обоих капиталистов в банке есть вклады или им открыт банковый кредит, то свои платежи они могут регулировать не векселем, а чеком на банк или посредством записей в книгах банка. Вексель сделался излишним. На его место выступили операции, проводимые по книгам банка; в противоположность векселю, который можно передать дальше этих операций совсем незаметно. Так как банки все в возрастающей мере регулируют платежи своих клиентов, то вексельное обращение сокращается, что отзывается и на биржевом рынке векселей. В странах, где определенному банку принадлежит монополия ва выпуск банкнот, к указанному обстоятельству присоединяется господствующее положение этого эмиссионного банка на рынке переводов; если это положение и испытывает потрясения, то они пойдут на пользу не бирже, а крупных банков. В сфере оборотов с такими кредитными деньгами нет места для специфической биржевой деятельности; исключение представляет только спекуляция с валютами. Вообще же биржа представляет здесь

концентрированный рынок для тех денежных сумм, которыми может располагать обращение кредитных денег.

Область собственно биржевой деятельности, это—рынок притязаний на процент, или фиктивного капитала. Здесь прежде всего находят для себя применение деньги, являющиеся денежным капиталом, ищущим превращения в производительный капитал. Деньги окончательно отдаются на покупку процентных титулов, и обратно уже не приходят. На биржу ежегодно возвращается только вырученный процент,—следовательно, здесь складывается иное положение, чем при помещении денег в кредитные бумаги, при котором назад возвращается и капитал. Напротив, для купли и продажи процентных притязаний необходимы дополнительные деньги, которые обслуживают обращение на самой бирже. Эти суммы ничтожны по сравнению с обслуживаемыми оборотами. Так как процентные титулы представляют денежные свидетельства, то они непосредственно могут взаимно компенсироваться, и уравнивать наличными всегда приходится лишь небольшую разницу; особые учреждения, функцией которых являются расчеты этих разниц, прилагают заботы к тому, чтобы наличными деньгами действительно приходилось покрывать только разницу. Абсолютная же величина средств обращения, необходимых для биржевых целей, в особенности велика в периоды сильной спекуляции, потому что как раз в периоды возбужденной спекуляции последняя обыкновенно направляется односторонне, и потому разница, которую остается уравнять, сильно возрастает.

Теперь возникает вопрос о характере биржевой деятельности и ее функциях. Мы видели, что биржевая деятельность на вексельном рынке совпадает с деятельностью банков. Точно так же купля ценных бумаг, в которые вкладывается денежный капитал, не представляет специфической функции биржи. Ценные бумаги можно купить с такими же удобствами в банке, как и на бирже, большая часть их обычно покупается в банках. Напротив, специфически биржевая деятельность—спекуляция.

Спекуляция является прежде всего куплей и продажей. Но это купля не товаров, а процентных титулов. Для того, чтобы реализовать свою прибыль, производительный капиталист должен превратить свой товарный капитал в деньги, т. е. продать товар. Если функцию продажи берет на себя другой капиталист, то промышленник должен уступить ему часть своей прибыли. Вся прибыль, заключающаяся в товаре, окончательно реализуется лишь при продаже потребителю. Товар передвигается при этом от производителя к потребителю; но, разумеется, бессмысленно было бы подразумевать при этом пространственное перемещение (напомним хотя бы только продажу домов) и смешивать торговлю

с транспортом. При купле и продаже дело идет не о пространственных отношениях и их изменении, а совсем о другом: об экономических процессах, о перемещениях права собственности. Во всех процессах этого рода, характеризующихся малой интенсивностью, совершаются и пространственные изменения. Но кто же стал бы видеть существо театрального удовольствия в отыскании места в театре?

К концу концев, товар попадает в сферу потребления, следовательно, исчезает с рынка. Напротив, процентный титул по своей природе вечен. Он никогда не выпадает из сферы обращения в том смысле, как товар. Если даже денежный капитал, ищущий применения, по временам извлекает процентный титул с рынка, то все же он во всякое время может снова возвратиться на рынок,—и, действительно, в большем или меньшем количестве, через продолжительное или короткое время процентные титулы возвращаются на него. Но для собственно спекуляции удаление процентного титула с рынка, а следовательно, и из обращения, не является ни целью, ни следствием. Собственно спекулятивная бумага постоянно находится на бирже, в сфере обращения. Она движется туда и сюда, описывает круги, но не совершает поступательного движения.

Купля и продажа товаров есть общественно необходимый процесс. Благодаря ему в капиталистическом хозяйстве осуществляются условия жизни общества, он—conditio sine qua non этого общества. Про спекуляцию этого нельзя сказать в такой же мере. Она не касается капиталистического предприятия: ни производства, ни продукта этого производства. Перемена владельцев, постоянное обращение, не оказывает никакого влияния на уже основанное предприятие. Производство и выручка от него не изменяется от того, что свидетельства на выручку перейдут от одного к другому лицу; точно так же и стоимость выручки не изменится от изменения цены акций. Наоборот, эти последние изменения, caeteris paribus, определяются стоимостью выручки. Следовательно, купля и продажа свидетельств на получение процента—явление чисто экономическое, простая передвижка в распределении частной собственности, не оказывающая никакого влияния ни на производство, ни на реализацию прибыли (как при продаже товаров). Значит, прибыли и убытки спекуляции обязаны своим возникновением исключительно различиям в оценках свидетельств на процент. Эти прибыли и убытки—не прибыль, не доля прибавочной стоимости: они возникают только из колебаний в оценке той доли прибавочной стоимости, которая достанется из предприятия владельцу акции; да и колебания-то эти, как мы еще увидим, не стоят в необходимой связи с изменениями действительно реализуемой прибыли. Перед нами — чисто дифференциальные барыши [1]). В то время, как класс капиталистов, как таковой, присвояет себе без эквивалента часть труда пролетариата и таким образом получает свою прибыль, спекулянты выигрывают только друг у друга. Проигрыш одного есть выигрыш для другого. Les affaires, c'est l'argent des autres.

Спекуляция сводится к использованию изменения цены. Но не цены товаров. Для спекулянта, в противоположность производительному капиталисту, безразлично, упадут или повысятся цены. Его дело не в товарных ценах. Не они ему важны, а только цены процентных титулов. Последние же зависят от величины прибыли,—величины, которая может повыситься или упасть при неизменных, понижающихся или повышающихся ценах. В самом деле, решающее значение для прибыли имеет не абсолютный уровень цены производимых товаров, а лишь отношение издержек производства к продажной цене. Но и то не существенно для спекулянта, повышается или понижается прибыль, ему важен простой факт изменений, и важно предусмотреть их направление. Его интересы лежат в совершенно иной плоскости, чем интересы производительного капиталиста или денежного капиталиста, который желает, чтобы доходность была по возможности устойчивая, а если возможно—постоянно растущая. Повышения товарных цен только в том случае оказывают влияние на спекуляцию, если они являются показателем повышения прибыли. Спекуляция оперирует с такими изменениями прибыли, которые имеют произойти или которые ожидаются. Но прибыль, произведенная в предприятии, распределяется совершенно независимо от спекуляции. Прибыль распределяется ведь между собственниками производительного капитала или собственниками титулов на прибыль. Спекулянт же, как таковой, извлекает свой барыш отнюдь не из повышения прибыли; он может выиграть и от понижения прибыли; вообще он рассчитывает не на повышение прибыли, а на изменение цены притязаний на прибыль, безразлично, наступает ли изменение вследствие повышения или понижения прибыли. Он удерживает у себя бумаги, удостоверяющие право на прибыль, не потому, что рассчитывает получить повышенную прибыль—таковая достанется капиталисту, вложившему деньги в предприятие,—он старается выиграть актами

[1]) Необходимо подчеркнуть, что мы говорим не о так называемых сделках на разницу, при которых ценные бумаги фактически не передаются, и спекуляция завершается уплатою курсовой разницы. Мы хотим здесь сказать, что всякая спекулятивная прибыль есть дифференциальная прибыль в экономическом смысле. Техника биржевых сделок, лежащих в основе этих операций, в данной связи столь же безразлична, как и то обстоятельство, что капиталисты—отчасти и экономисты—во всякой капиталистической прибыли видят разность: все равно, будет ли перед ними промышленная или торговая прибыль, земельная рента, процент или спекулятивный барыш.

купли и продажи своих титулов прибыли. Его барыш проистекает не из какой-либо доли предпринимательской прибыли,—при случае он выигрывает и от понижения прибыли,—а из изменений цены, из того, что в данный момент он может купить дешевле, чем раньше продал, или продать дороже, чем раньше купил. Если бы все участники спекуляции действовали в одном направлении, т.-е. если бы все одновременно одинаково оценивали ожидаемое изменение прибыли—ее повышение или понижение [1]),—то вообще никак не могли бы возникнуть спекулятивные барыши. Они возникают лишь потому, что складываются противоположные оценки, из которых правильной может оказаться только одна. Разница, возникающая между теми оценками, которые покупатели и продавцы дают в определенный момент титулам прибыли, образует спекулятивный выигрыш для одних, спекулятивный проигрыш для других. Здесь, в полную противоположность прибыли производительного капиталиста, выигрыш одного есть проигрыш для другого, прибыль же класса капиталистов как такового не есть убыток рабочего класса, ибо при нормальных капиталистических отношениях последний не может получить более, чем стоимость своей рабочей силы.

Теперь мы должны изучить моменты, с которыми в своих операциях считается спекуляция. Главный объект спекуляции—бумаги, не приносящие твердого процента. Изменения их цены зависят в существенном от двух факторов: от размеров прибыли и от уровня процента. Конечно, теоретически прибыль в общем дана средней нормой прибыли. Но эта норма является просто выражением бесконечного множества конкретных прибылей, уровень которых может чрезвычайно далеко уклоняться от средней величины. Для постороннего же размеры индивидуальной прибыли совершенно неопределимы. Кроме общих причин, определяющих норму прибыли—величина прибавочной стоимости и величина авансированного капитала—здесь решающую роль играют все случайности, влияющие на изменение рыночных цен, в том числе и такая случайность, как индивидуальное искусство предпринимателя в использовании конъюнктуры. Вовне проявляется только рыночная цена товара; решающий момент, отношение рыночной цены к издержкам производства, извне невозможно установить, и часто сам предприниматель узнает его лишь в конце периода оборота, после точных вычислений. Оставляя в стороне действительную величину прибыли, известную роль

[1]) И не только в одном направлении, но и одинаково оценивали бы время и размер ожидаемых изменений прибыли. В самом деле, спекулятивный барыш возникает и в том случае, когда кто-нибудь купит бумагу в позднейший момент по цене, повышенной по сравнению с той, по которой другой теперь продает эту бумагу, или если кто-нибудь даст более высокую цену, чем та, по которой другой уже продал бумагу.

играет ряд более или менее произвольных моментов, которые воздействуют на выручку, фактически поступающую в распределение в качестве процента: размеры списываний, тантьем, отчислений в запасный капитал и т. д. Что касается последних моментов, то они дают руководителям предприятия возможность в известных границах произвольно определять величину выручки и таким образом оказывать влияние на курсовую цену бумаг. И во всяком случае один из факторов, определяющих цены, притом на практике решающий для массы спекулянтов, совершенно не поддается учету. При тех ничтожных разницах цен, о которых нередко идет дело, и при той крупной надбавке к курсу, в которой выражается, вследствие капитализирования, всякое изменение прибыли, общее, более или менее поверхностное знакомство с предприятием помогло бы еще очень мало. Наоборот, интимное знакомство с предприятием дает посвященному большую уверенность и способность использовать свое знакомство для получения спекулятивного барыша почти без всякого риска.

Иначе обстоит дело со вторым моментом, определяющим курсовые цены, с уровнем процента. Мы видели, что для развития спекуляции необходимо расхождение мнений о вероятном движении курса,—такое, как, напр., возникающее из неуверенности относительно ожидаемой прибыли. Но уровень процента, подобно рыночной цене товара, во всякий данный момент представляет величину данную, следовательно, одинаково известен всем спекулянтам. Да и его изменение, по крайней мере, направление этого изменения можно определить наперед хотя бы с приблизительной вероятностью; разумеется, мы оставляем в стороне такие внезапные, более или менее сильные пертурбации, как вызываемые чрезвычайными событиями, оказывающими непосредственное воздействие на потребность в деньгах: взрывом войны или революции, космическими катастрофами. Притом влияние изменений процента на курс стоит по своей интенсивности на втором плане; низкий уровень процента обыкновенно господствует в периоды депрессии, когда спекуляция расслаблена, доверие упало, и курсовой уровень промышленных бумаг низок, несмотря на низкий уровень процента. Наоборот, в период высокой конъюнктуры и необузданной спекуляции влияние высокого уровня процента парализуется ожиданием повышенных курсовых барышей. Итак, хотя уровень процента и его движение и является более открытым и ясным моментом, чем предвидимая прибыль, однако, как раз учет последней больше всего определяет направление спекуляции и ее интенсивность. Спекулянты должны учитывать как раз такой момент, который наименее поддается предвидению и учету. Другими словами, ясное, уверенное предвидение для спекуляции невозможно, в своих операциях она действует ощупью, в темноте. Биржевая спекуляция носит характер азартной игры

и спорта. Но этот азарт становится азартом à coup sûr (азартной игрой наверняка) для посвященных.

Как для цен вообще, так и для курсов на-ряду с собственно определяющими моментами цены следует различать те случайные моменты, которые выражаются в изменяющемся соотношении спроса и предложения. Для спекуляции, которой важны изменения цен, а не их причины, последние, разумеется, безразличны. С другой стороны, существо спекуляции таково, что своими вечно сменяющимися настроениями и ожиданиями—переменами, необходимо вытекающими из неуверенности, — она сама создает постоянно сменяющееся соотношение спроса и предложения, оказывающее воздействие на изменение цен; но в этой области всякое изменение цен в свою очередь служит толчком для новых спекулятивных операций, для новых предложений и перемен в положении, следовательно, для новой смены в соотношении спроса и предложения. Таким образом спекуляция, овладев известными бумагами, создает для них постоянно готовый принять их рынок, дает другим капиталистическим кругам постоянную возможность превратить свой фиктивный капитал в действительный капитал,— следовательно, создает рынок для сбыта фиктивного капитала, а вместе с тем возможность постоянной смены способов помещения капитала; он то превращается в фиктивный капитал, то совершает обратное превращение в денежный капитал.

Но неуверенность спекулянтов создает и еще одно явление: именно, возможность оказать влияние на направление спекуляции, возможность для крупных спекулянтов „увлечь“ за собою мелких. Так как спекулянт ничего не знает (часто знает кое-что в общих чертах, но во всяком случае ничего не знает в частности) [1]), то он руководствуется внешними симптомами, настроением, общим

[1]) Приведем только одну яркую иллюстрацию: „На этих днях проскочило сообщение, что „Феникс“ получил очень крупный заказ на стальные трубы за американский счет; называли сумму в несколько миллионов марок. С легким сердцем биржа поверила сообщению и подняла курсы наших туземных горно-промышленных ценностей, а прежде всего акций „Феникса“. Она ведь знала, что в Соединенных Штатах положение теперь получше, чем было несколько месяцев тому назад... Но там, за биржей, в стране, в промышленных областях,—там, и особенно в правлении „Феникса“, втихомолку, верно, подсмеивались над диковинным известием, вызвавшим такое хорошее настроение на берлинской бирже. Ведь выходило, что заказ, миллионный заказ, да еще за американский счет, получило предприятие, которое вообще не производит ни тонны стальных труб и не имеет на трубы никакой доли участия в германском союзе стальных заводов. Следовательно, сплошное шарлатанство“ („Berliner Tageblatt“, 15 июля 1909 г.).

Следовательно, если г. Арнольд („Deutsche Börsenenquete“, Teil I, стр. 444) говорит о спекулятивной деятельности мышления, то это больше всего—спекуляция на бездеятельность мышления у слушателей. А впрочем и сам он признает случайность и нерегулярность спекуляции, поскольку дело идет о мелких спекулянтах и попутчиках из публики.

направлением рынка. Но это настроение можно создать, и его действительно создают крупные спекулянты, которые к тому же с большими или меньшими основаниями считаются людьми посвященными. Мелкие спекулянты подражают их спекуляции. Своими обширными закупками, крупные спекулянты укрепляют рынок и повышают курсовой уровень, так как их повышающийся спрос гонит цены кверху. Когда движение в полном разгаре, тогда спрос увеличивается закупками всех тех, кто воображает про себя, будто он идет в свите крупных спекулянтов, и цены повышаются дальше, хотя участие крупных уже кончилось. Последние могут теперь, в зависимости от своих целей, или постепенно реализовать свой барыш, или поддерживать повышенный курс в течение более или менее продолжительного времени. Здесь обладание большим капиталом непосредственно порождает превосходство на рынке, так как самое направление рынка определяется способом применения этого капитала. В то время, как в сфере производства выгоды более крупного капитала заключаются в удешевлении производства, следовательно, в понижении цен, здесь изменение цен вызывается непосредственно воздействием капитала. Крупные торговцы ценными бумагами, банки, могут использовать это обстоятельство для того, чтобы сообщить спекуляции определенное направление. Своим многочисленным клиентам они подают знак покупать или продавать определенные ценные бумаги, и таким образом обыкновенно достигают такой передвижки в соотношении спроса и предложения, какую они предвидели заранее, а это выгодно для них, как всякое предвидение направления спекуляции. Но здесь же обнаруживается важность попутчиков посторонних, или публики. Пусть выигрыши и проигрыши для профессиональной спекуляции взаимно уравновешиваются. Иначе с большой публикой. Она следует направлению, указанному крупными спекулянтами, и упорствует в нем после того, как последние уже реализовали барыш и устранились. Публика же, эти наивные люди, воображает, что теперь-то как-раз для них наступает момент, чтобы вкусить от плодов высокой конъюнктуры—и им-то именно и приходится всегда нести убытки, при каждом повороте конъюнктуры, даже при каждом повороте в биржевом настроении уплачивать разницу, получение которой и составляет „производительную функцию“ спекуляции.

Но хотя спекуляция непроизводительна, хотя она носит характер азарта и спорта, хотя народное мнение в этом смысле дает ей правильную оценку, все это еще ничего не говорит против *необходимости спекуляции* на базисе капиталистического общества или по меньшей мере в известную эпоху капиталистического развития. Но было бы апологетической манерой все, что необходимо в капиталистическом обществе, выдавать за производительное. Напротив, капиталистическое производство вслед-

ствие своей анархии, вследствие антагонизма между собственниками средств производства и теми, кто их применяет, вследствие характера своих распределительных отношений, делает необходимой огромную сумму издержек и затрат, которые нисколько не увеличивают богатства, которые отпадут в организованном обществе, и в этом смысле непроизводительны [1]). Их необходимость в капиталистическом обществе свидетельствует не об их производительности, а только против организации этого общества.

Но спекуляция необходима для того, чтобы биржа могла выполнять свои функции, к ближайшему рассмотрению которых мы и переходим теперь.

2. Функции биржи.

В ходе экономического развития функции биржи изменяются. Вначале биржа обслуживает обороты различных сортов денег и векселей. Для этого было необходимо собирание свободных денежных капиталов, которые вкладываются в эти векселя. Позже биржа превращается в рынок фиктивного капитала. Первоначально он развивается вместе с развитием государственного кредита. Биржа становится рынком для государственных займов. Но значение переворота приобретает только превращение промышленного капитала в фиктивный капитал, следовательно, усиливающееся проникновение акционерного общества в сферу промышленности. С одной стороны, материал, имеющийся в распоряжении биржи, увеличивается быстро и безгранично; с другой стороны, наличность биржи как рынка, во всякое время обладающего поглотительной способностью, является, предпосылкой для превращения промышленного в фиктивный капитал и для сведения дивиденда к уровню процента.

С возникновением этого рынка фиктивного капитала возникает возможность спекуляции. С другой стороны, спекуляция необходима для того, чтобы этот рынок всегда был готов к восприятию денежного и фиктивного капитала: только это и создает для денежного капитала как такового постоянную возможность превращаться в фиктивный капитал и из фиктивного капитала обратно в денежный капитал. В самом деле, так как посредством актов купли и продажи могут быть получены дифференциальные барыши, то это служит постоянной приманкой к возобновлению актов купли и продажи и, следовательно, обеспечивает постоянное существование рынка, готового принять капиталы. Существенная функция биржи и заключается в создании этого рынка для помещения денежного капитала. Только ею и создается широкая возможность для применения капитала в качестве денежного капитала. Действительно, для того, чтобы капитал функционировал, как денежный капитал, необходимо, во-первых, чтобы он приносил постоянный доход—процент и, во-вторых, чтобы сама основная сумма могла возвратиться обратно, или, если она в действительности не возвращается, можно было бы во всякое время выручить ее продажею процентных требований. Только биржа сделала возможной мобилизацию капитала. Юридически эта мобилизация есть не что иное, как превращение и в то же время удвоение права собственности [1]). Собственность на действительные средства производства от отдельных лиц переходит к юридическому лицу, которое, правда, представляет совокупность этих отдельных лиц, но отдельные лица в нем как таковые уже не имеют права собственности на имущество юридического лица. Отдельное лицо имеет право только на выручку; собственность, которая некогда знаменовала фактическое, неограниченное распоряжение средствами производства, а следовательно, и такое же руководительство производством, теперь превратилась в простой титул дохода; у отдельного лица отнято право располагать производством. С экономической же точки зрения мобилизация сводится к тому, что капиталист получает возможность во всякое время извлечь свой вложенный капитал в денежной форме и перенести его в другие сферы. Чем выше становится органический состав капитала, тем труднее можно было бы осуществить это перенесение фактическою переменою в материальных элементах вложенного производительного капитала. Тенденция к уравнению норм прибыли встречает постоянно растущее сопротивление в возрастающей невозможности извлечь из данной отрасли производства производительный капитал, главный элемент которого составляет основной капитал. Движение к выравниванию фактически совершается лишь с большой медленностью, действует постепенно и приблизительно, главным образом посредством применения вновь накопляемой прибавочной стоимости в отраслях с повышенной нормой прибыли и посредством отказа от применения ее в отраслях с пониженной нормой. Наоборот, в противоположность норме прибыли, норма процента во всякий данный момент одинакова и носит характер всеобщности. Равенство всех капиталов,—а для индивидуальных капиталистов оно заключается не в равенстве сумм стоимости, а в равенстве дохода на равновеликие суммы,—находит себе адекватное выражение лишь во всеобщ-

[1]) Относительно понятия—производительный труд в узком смысле—см. Marx, „Theorien über den Mehrwert“, I. Bd., стр. 407 и сл. (Маркс, „Теории прибавочной стоимости“. Т. I.

[1]) По терминологии Карнера (К. Реннера), здесь совершается функциональное изменение юридического института без одновременного изменения норм. См. „Marx-Studien“, I Bd., стр. 81.

ности и равенстве уровня процента. Равнодушие капиталиста к потребительной стоимости, безразличие по отношению ко всякой конкретной сфере помещения капитала; тот факт, что капитал есть не что иное, как стоимость, высиживающая прибавочную стоимость, что он важен именно только в этом количественном соотношении и является просто титулом прибыли,—это, при различиях фактической выручки (прибыли), приводит к различной расценке равновеликих капитальных стоимостей. Из двух капиталов стоимостью в 100, из которых один приносит прибыли 10, а другой 5, первый получает оценку вдвое выше второго. Различие прибыли, доставляемой индивидуальными капиталами, вследствие стремления индивидуального капиталиста к возможно высокой прибыли на свой капитал приводит, с одной стороны, к конкуренции капиталов из-за сфер применения, и тем самым создает тенденцию к выравниванию норм прибыли (и прежде всего—норм прибавочной стоимости) и к образованию общей средней нормы прибыли; а с другой стороны, так как это неравенство постоянно создается снова и постоянно вызывает передвижение капиталов, то для индивидуального капиталиста оно постоянно уничтожается оценкою его капитала в соответствии с доходностью, капитализированной на основе данного уровня процента. Но, чтобы эта оценка приобрела практическое значение; чтобы капиталисты действительно стали равными как капиталисты; чтобы, наконец, полное равенство всего, что приносит прибыль, осуществилось,—для этого необходимо, чтобы у этого капитала во всякое время имелась возможность реализоваться в соответствии с указанным оценочным масштабом, и притом реализоваться в общественно значимой форме, в деньгах. Только тогда осуществится равенство нормы прибыли для каждого индивидуального капиталиста. Это осуществление есть в то же время перевертывание фактических отношений. Капитал уже не представляется определенной величиной, и не ею решается величина прибыли. Напротив, прибыль выступает фиксированной в качестве определенной величины, и по ней уже определяется величина капитала: способ определения, получающий при учреждении акционерного общества практическую реализацию, делающий возможным приобретение учредительской прибыли и определяющий ее уровень. Действительные отношения представляются поставленными на голову. Что же удивительного в том, что тем экономистам, которые взирают на экономические отношения глазами биржевиков, опасение действительных отношений представляется, наоборот, извращением!

Итак, равенство всех капиталов находит реализацию в оценке их по доходности. Но оцениваемые таким образом капиталы реализуются и, следовательно, превращаются в действительность только на бирже, на этом рынке титулов капитализированного

процента, на рынке фиктивного капитала. Внутренняя закономерность капитализма, его потребность все стоимости, имеющиеся в обществе, отдать в качестве капитала на службу класса капиталистов и доставить каждой части капитала равный доход, приводит к мобилизации капитала, а вместе с тем к оценке его просто как капитала, приносящего проценты; в то же время, с другой стороны, биржа исполняет такую функцию, что она делает возможным эту мобилизацию, так как создает место для перенесения капитала и механизм этого перенесения.

Мобилизация капитала в возрастающей мере превращает капиталистическую собственность в свидетельство на доход и таким образом делает капиталистический процесс производства все более независимым от движения капиталистической собственности. В самом деле, происходящая на бирже торговля этими титулами дохода знаменует передвижение собственности. Но эти перенесения собственности могут осуществляться теперь независимо от движения производства, не оказывая на него никакого влияния. Движение собственности приобретает теперь самостоятельный характер и уже не определяется производственными процессами. Раньше движение собственности означало в то же время и перенесение капиталистической функции предпринимателя, а, с другой стороны, смена в области предпринимательской функции обусловливала смену собственности; теперь этого нет. Раньше главной причиной изменений в распределении собственности были изменения в результатах производства, распределение собственности было продуктом промышленной конкуренции; теперь к этим причинам, продолжающим свое действие, присоединяются новые, которые обусловливаются механизмом обращения процентных титулов и могут вызывать движения собственности, остающиеся без всякого влияния на производство, подобно тому, как и возникли-то они независимо от изменения в производственных отношениях.

При обращении товаров передача потребительных стоимостей и передача собственности идут рука об руку. При простом товарном производстве передача потребительных стоимостей представляется самым существенным, дает стимул процессу передачи собственности; последний представляется только средством для того, чтобы осуществить передачу потребительных стоимостей. Здесь моментом, играющим определяющую роль для производства, все еще остается потребительная стоимость, удовлетворение непосредственных потребностей. При капиталистическом товарном обращении обращение потребительных стоимостей означает в то же время реализацию прибыли, которая возникает в производстве и дает побуждение для экономической деятельности. Притом в капиталистическом обществе передача капиталисту товара рабочая сила знаменует увеличение капиталистической собствен-

ности посредством создания прибавочной стоимости. При обращении ценных бумаг дело идет о передаче собственности, обращении простых титулов собственности, не сопровождающемся одновременным перенесением потребительных стоимостей. Здесь капиталистическая собственность утратила всякую непосредственную связь с потребительной стоимостью. Биржа есть рынок для этого обращения собственности, взятой сама по себе.

Сама мобилизация, создание фиктивного капитала уже само по себе является важной причиной возникновения капиталистической собственности вне производственного процесса. Если раньше капиталистическая собственность возникала в существенном посредством накопления прибыли, то теперь создание фиктивного капитала открывает возможность учредительского барыша. Тем самым крупная часть предпринимательской прибыли отходит в обладание концентрированных денежных сил, которые только и могут сообщить промышленному капиталу форму фиктивного капитала. Но прибыль эта притекает к ним не так, как дивиденды к акционерам, не как годовые, раздробленные доходы: она притекает капитализированная в виде учредительского барыша, относительно и абсолютно крупною суммой, которая может тотчас же функционировать, как новый капитал в денежной форме. Так всякое новое предприятие с самого начала платит дань своим учредителям, которые ничего не сделали для него и которым, может случиться, никогда не будет до него никакого касательства. Это—процесс, который снова концентрирует крупные денежные суммы, поступающие в распоряжение и без того уже крупных денежных сил.

На бирже тоже идет процесс концентрации собственности независимо от процесса концентрации в промышленности. Крупные капиталисты знакомы с ходом дела в акционерных обществах, создают себе общее представление о том, к каким итогам приведет предприятие, и потому могут предусмотреть направление в движении курсов. Опираясь на силу своего крупного капитала, они могут также надлежащими закупками и продажами сами повлиять на движение курса и извлечь из этого соответствующий барыш. Далее, опираясь на мощь своего капитала, они могут также позволить себе акты вмешательства, за которые им же потом расточаются такие хвалы: могут покупать бумаги в период кризиса или паники—и потом, когда опять восстановятся нормальные условия, продавать с барышом [1]). Словом,

[1]) Может быть, значительнейший пример для новейшего времени—прием „Tennessee Steel and Coal Company“ во время осенней паники 1907 г. стальным трестом, для которого эта компания была серьезнейшим конкурентом. Одно возмущенно-негодующее перо пишет об этом в „Berliner Tageblatt“ от 17 ноября 1907 г.: „С хорошо осведомленной стороны теперь подтверждается, что посланные несколько дней тому назад в Вашингтон два представителя Пирпонта Моргана—Е. H. Gary (Steel Trust) и H. C. Frick—поставили президенту Рузвельту следующий ультиматум: или он должен спокойно предоставить тресту Моргана поглотить „Tennessee Steel and Coal Company“ и должен дать обещание, что правительство не примет никаких предупредительных мер, предусматриваемых существующим законодательством против трестов,—или же придется пережить ужаснейшую панику из всех, какие только разыгрывались в стране, и все банки, вероятно прекратят платежи.

„Это огнестрельное оружие, дерзко направленное против президента в наиболее возбужденный и грозный момент экономической катастрофы, разумеется, не преминуло оказать свое действие. Президент, подчиняясь необходимости, вынужден был склониться перед биржей. Он был грубо вынужден отречься от своих, в качестве первого государственного чиновника, священнейших обязанностей и пренебречь существующими законами. Высшая исполнительная власть была обезврежена—бравый Морган за „спасение“ Trust Company of America и Lincoln Trust Company мог теперь получить для своего Steel Trust монополию в Соединенных Штатах в сфере железа и стали. Через несколько дней ему, в его спасательной деятельности, удался новый coup: он взял C. W. Morses Coastwise Steamship Combination.

„Это характеризует современное положение республики United States of America, основанной такими бескорыстными патриотами, как Георг Вашингтон, Веньямин Франклин, Джефферсон и другие выдающиеся люди“.

именно они знают толк в деле, а „все колебания в этом деле выгодны тем, кто знает толк в нем“, как уверял комитет верхней палаты еще лукавый банкир Samuel Gurney [1]).

Для функции биржи—посредством превращения в фиктивный капитал придавать промышленному капиталу такой характер, что для индивидуального капиталиста он становится денежным капиталом, — существенное значение для этой функции имеет величина рынка, потому что денежный характер капитала зависит ведь от того, насколько возможно во всякое время действительно продать акции и облигации, и насколько это достижимо без крупных потерь на курсе. Отсюда тенденция к величайшей концентрации всех операций на одном единственном рынке; банковые и биржевые операции все более концентрируются в главном центре экономической жизни, в главном городе страны, значение же провинциальных бирж все более падает. В Германии берлинская биржа далеко превосходит все остальные. Кроме Берлина имеют еще значение биржи в Гамбурге и Франкфурте, но оно падает.

В то время как для мелкобуржуазной теории акции знаменуют „демократизацию капитала“, мелкобуржуазная практика — и это все же разумнее — обладание акциями старается предоставить исключительно капиталистам. Представители крупно-капиталистической практики любезно присоединяются к мелко-буржуазным предостережениям, в приятном сознании, что они не

[1]) Маркс, „Капитал“, III, стр. 396.

особенно-то помогут. „Кому нужен постоянный процент для существования,—полагает эксперт Арнольд,—тот не должен покупать акции“ [1]). Колеблющаяся доходность акции, говорится дальше, для того, кто нуждается в своих процентах для существования, послужит лишь источником капитальных потерь, ибо высокие дивиденды обычно приводят его к расширению своего бюджета; высоким курсом он не пользуется для продажи, а продает, как общее правило, лишь тогда, когда он будет встревожен малыми дивидендами и низким курсом (а он неизбежно тревожится, потому что он незнаком с действительным положением предприятия, и потому вынужден верить курсу, т.-е. „приговору“ биржи), или когда будет вынужден продавать по иного рода причинам.

3. Биржевые операции.

Биржевые операции суть операции купли и продажи, существенно отличающиеся от других только товаром, которым торгуют здесь, а не способом, каким производится торговля. Не техника операций, а их содержание имеет решающее экономическое значение, и описание этих технических частностей должно войти скорее в руководство для купцов-практиков, чем в теоретическую работу. Способ совершения сделок лишь постольку представляет общее значение и интерес, поскольку он облегчает достижение известных результатов, вытекающих из содержания этих сделок.

Своеобразные постановления относительно совершения биржевых сделок — биржевые обычаи (узанции) — преследуют прежде всего следующие цели: они должны сделать возможным широчайшее использование кредита, ограничить размеры риска и достигнуть величайшего ускорения оборотов.

Использование кредита в самой широкой мере становится возможным уже благодаря природе тех „товаров“, которыми производится торговля. Это, прежде всего, свидетельства на деньги: или прямо, как векселя и т. п., или косвенно, как свидетельства на капитализированную прибыль. В качестве таких свидетельств на деньги, все биржевые ценности равны между собою, однородны, и отличаются друг от друга только количественно. Так называемые качественные отличия биржевых бумаг, напр., бумаг с твердым процентом, от акций, или различия в солидности бумаг, биржевая торговля постоянно превращает тоже в количественные различия и не дает им какого-либо иного выражения, кроме различий оценки. Но здесь не так, как при одном и том же товаре различного качества: различия цен об'ясняются здесь

[1]) „Stenographischer Bericht der deutschen Börsenenquete“, 1903, I, стр. 190.

не различиями издержек производства, а вытекают исключительно из различий в соотношении спроса и предложения. Если, напр., сахарная акция и железнодорожная акция доставляют одинаковый доход, то курс железнодорожной акции может оказаться выше потому только, что на железнодорожные акции покупателей больше, так как они, по мнению покупателей, обещают более устойчивую доходность. Качественное различие, надежность дохода, нашло количественное выражение в различиях курса. Эта взаимозаменимость биржевых ценностей приводит к тому, что большая часть операций купли и продажи завершается взаимными компенсациями, и остается покрыть лишь небольшую часть уплатою разницы. Таким образом, с заключением операции связывается одновременно кредитование, деньги функционируют исключительно как счетные деньги, и потом для уплаты наличными требуется лишь небольшая сумма. Для того же, чтобы свести платежи наличными к возможному минимуму, существуют особые учреждения для компенсации требований, возникающих из операций купли и продажи [1]). Но для этого необходимо, чтобы цены, по которым заключены биржевые сделки, были известны; поэтому курс устанавливается публично. И только это же публичное установление курса позволяет бирже выполнять ее функцию: представлять рынок, на котором во всякое время можно произвести торговые сделки с биржевыми бумагами по определенной цене. Так как здесь, следовательно, устанавливается цена, которую можно реализовать в тот или иной момент, то облегчается и другая форма кредитования: собственно ссуды, в противоположность прежней форме платежных компенсаций, существенно облегчаются, потому что кредитующий точно знает цену того об'екта, под который дана ссуда. Спекулянт закладывает у денежного капиталиста бумаги, которые он оплатил занятыми деньгами. Так возникает в то же время новый и надежный, приносящий проценты, способ применения денежного капитала: ломбардирование (прием в залог) биржевых бумаг.

Кредит позволяет спекулянту использовать даже незначительные колебания цен; он может расширить свои операции далеко за пределы своего собственного имущества, и, благодаря размерам операций, даже маленькие колебания цены приносят крупные барыши. Наоборот, по той самой причине, что кредит поз-

[1]) Так, в Лондоне „с 1874 г. существует Stock Exchange Clearing, которым все обороты важнейших ценных бумаг компенсируются по мере возможности, так что чек приходится выдавать лишь на какой-нибудь остаток. Результат для оборотов на фондовой бирже таков, что чеками оплачивается всего до 10% их общей суммы, а 90% взаимных обязательств погашаются простым сопоставлением“ (Jaffé, „Das englische Bankwesen“, Leipzig 1904, стр. 95). Подобные учреждения существуют также и в других биржевых пунктах.

воляет спекуляции расширить свои сделки и использовать всякое состояние рынка, она, постоянно сопровождая спекулятивные операции контр-операциями, приводит к уменьшению колебания цен. Следует также отметить, что пользование кредитом усиливает превосходство крупного спекулянта; сила его состояния во много раз увеличивается использованием кредита, который возрастает много быстрее, чем собственное имущество.

Дальнейшей особенностью биржевых сделок является быстрота, с которой они заключаются, и которая обусловливает некоторую их бесформенность. По существу быстрота эта возникает из стремления спекуляции использовать небольшие, непродолжительные колебания цен. При быстрых переменах в соотношениях спроса и предложения и при быстроте изменений курса, возможное ускорение заключения сделок приобретает высокую важность. Ведь всякий поворот на бирже знаменует для спекулянта возможность новых операций, новых барышей от изменения курса; поэтому изгоняется всякая расточающая время формалистика; здесь для многих „время — деньги“ в буквальном значении этих слов. Отсюда антипатия ко всяким законодательным установлениям сроков, ко всякому законодательному вмешательству вообще, потому что оно всегда приводит к расточению времени.

Выгоды кредита усиленнее всего утилизируются *сделками на срок*. Операциями на срок выполнение всех сделок отодвигается на один и тот же момент времени. Так как эти сделки заключаются прежде всего спекулянтами, то здесь противостоят акты купли и продажи, наибольшая часть которых взаимно компенсируется. Деньги необходимы только на покрытие разниц (да и эти платежи совершаются в значительной доле посредством кредитных денег или записей по банковским книгам) или на покрытие односторонних покупок или продаж; но такие односторонние сделки незначительны по размерам в сравнении с огромной массой взаимно компенсирующихся операций. Кредит и здесь развертывает свое действие: расширяет рынок. Сделки на срок допускают огромное расширение операций; бумаги, продаваемые на срок, во всякое время находят для себя рынок; поэтому становится во всякое время возможным куплею или продажей положить конец своей спекуляции, реализовать свой барыш или поставить предел убыткам: во всякое время, кроме времени катастрофических потрясений рынка. Так как, дальше, при спекуляции на срок важно получить не ценные бумаги, а извлечь дифференциальный барыш, и так как бумаги можно во всякое время продать, то размеры ангажемента определяются не ценою бумаг, а исключительно величиною той разницы, которая может получиться как результат спекуляции. В то же время действительно существующие, обретающиеся на рынке бумаги необходимы лишь постольку, поскольку спекулятивные сделки — купля и продажа — взаимно не компенсируются. Следовательно, величина заключаемых сделок независима и от суммы цен тех бумаг, которые действительно имеются на рынке, и может во много раз превышать эту сумму. В то же время типические особенности операций совершеннейшим образом обеспечивают быстроту их выполнения.

Великое упрощение рынка срочных сделок, повышенная возможность взаимных компенсаций уменьшает тот капитал, который необходим для участия в спекуляции. Этим расширяется круг лиц, которые могут участвовать в спекуляции, и увеличивается размер отдельных сделок. Срочный рынок расширяется дальше кассового рынка. Притом для поддержки и продолжения спекуляции он поглощает средств меньше, и потому с меньшей интенсивностью воздействует на процент по тому капиталу который предоставляется в распоряжение спекуляции. Но так как спекуляция в значительной степени всегда ведется при помощи заня-того капитала, и так как процент, уплачиваемый на этот капитал, оказывает определяющее влияние на дальнейшее ведение спекуляции, то рынок срочных сделок в общем обнаруживает тенденцию к продолжению спекуляции. Из этого относительного постоянства вытекает, в свою очередь, относительная незначительность перемен в соотношении спроса и предложения и незначительность влияния на курсовые колебания. И в то же время, при относительно крупном размере сделок, достаточно будет и самых ничтожных колебаний для того, чтобы у спекулянтов явилось побуждение действовать. В этом направлении влияет и то обстоятельство, что срочные сделки открывают возможность и *продажи* ценных бумаг со спекулятивными целями, что лучше противодействует одностороннему увеличению предложения, чем на кассовом рынке [1]).

Торговые сделки на срок дают возможность капиталы, срок получения которых наступает лишь позже, уже теперь вложить

---

[1]) „Формы биржевых операций важны, однако, не только для выяснения цен; условия заключения и завершения биржевых операций — нечто большее, чем просто юридически-технические вспомогательные средства биржевых оборотов: это — и факторы самого образования цен, и не приходится игнорировать эти факторы, хотя бы решающее значение имели в последнем счете потребность и запас, предложение и спрос. Продается ли наличная ценная бумага или товар, — или же сделка заключается на срок, на более или менее продолжительный срок, в каких окончательных единицах, в каком типе товара, в какой биржевой группе: в кулисе или собственно на бирже, — все это и другие формальные обстоятельства являются очень важными моментами не только для правильного выяснения цен, но и для образования их, и всякое изменение в этих условиях оказывает влияние на кривую, по которой на организованном рынке цены движутся во времени“. Landesberger, „Die Reform der landwirtschaftlichen Börsen in Deutschland“ в „Zeitschrift für Volkswohlfahrt, Sozialpolitik und Verwaltung“. XI. Band (1902), стр. 36.

по заранее установленным курсам, или же теперь на благоприятных условиях достать капиталы, которые потребуются лишь в позднейшее время. К этому еще присоединяется упомянутое выше расширение рынка, которое вообще вызывается срочной торговлей вследствие той легкости, с которой получается кредит и совершаются операции. Поглотительная способность срочной торговли шире, чем у кассового рынка. Таким образом она облегчит и эмиссионную деятельность: эмиссионные учреждения могут постепенно, не вызывая понижения курса, распродавать свои запасы [1]). Срочная торговля представляет также главную форму и для функционирования арбитража, для уравнивания курсовых различий в различных биржевых пунктах.

Для спекуляции требуется известный запас бумаг, которые для ее целей находятся в ее распоряжении. Если большая часть известных бумаг попали в „крепкие“ руки, т.-е. надолго извлечены с рынка, послужили для длительного помещения денежного капитала, то они непригодны для спекуляции. Точно так же и бумаги, общая сумма которых невелика,—неподходящий объект для спекуляции. Мелкие акты купли и продажи могут оказать очень сильное влияние на курсовой уровень, немногие отдельные капиталисты получают возможность скупить весь „материал“, и тогда диктуют контр-спекулянтам монопольные цены. Спекуляция предполагает как-раз обширный рынок, неособенно легко поддающийся подчинению; монополия знаменует смерть спекуляции.

Со спекулятивными сделками, как мы видели, всегда связаны кредитные сделки. При спекуляции ставится на карту не вся сумма курсовой цены закупленных бумаг, а только сумма возможных курсовых изменений. При кредите под залог бумаг можно итти до такой суммы, чтобы она была обеспечена от курсовых изменений. Если, напр., курс бумаги, подверженной относительно небольшим колебаниям, составляет 110, то спекулянт во всякое время может получить под залог этой бумаги примерно 90, и ему самому остается авансировать всего 20.

Эта форма кредитования—обычный способ, которым биржевые комиссионные предприятия, банкиры и банки пользуются для того, чтобы предоставить своим клиентам возможность участия в биржевых операциях. Отказ в этом кредите или его ограничение служит излюбленным средством для того чтобы этих клиентов „выбросить из их ангажементов“, сделать для них невозможным продолжение спекуляции, принудить их к распродаже бумаг по какой бы то ни было цене, и этим внезапным предложением свалить курс. И в этом же кредиторы находят средство

[1]) „Deutsche Börsenenquete“, I, Bericht der Kommission, стр 75 и след.

для того, чтобы купить эти бумаги по дешевым ценам. Следовательно, кредитование и здесь является средством экспроприации мелких должников.

Иначе урегулировано кредитование собственно крупной спекуляции. Здесь спекулянты добывают необходимые для себя деньги посредством репорта. С формальной стороны репортная операция сводится к операциям купли и продажи. Если спекулянт на повышение хочет удержать у себя бумаги далее ultimo до известного срока, так как надеется на дальнейшее повышение курса, то он продает эти бумаги денежному капиталисту и в ближайший срок выпускает их обратно. В разнице между продажной и покупной ценой заключается процент на деньги, ссуженные денежным капиталистом. Однако, это—только номинально, фактически же денежный капиталист просто взял бумаги на это определенное время и заместил спекулянта. Но от последнего он отличается тем, что не берет на себя никакого риска, не претендует и на спекулятивный барыш, а просто вкладывает свои деньги на это время и реализует на них процент. Здесь важна самая форма, в которой производится это авансирование. Благодаря тому что кредитная сделка приобретает здесь форму купли, собственность на бумаги в промежуточное время переходит к кредитору. Последний поэтому может располагать бумагами в промежуточное время по своему благоусмотрению. Это становится важным, когда дело идет о промышленных акциях. Банк может быть заинтересован в том, чтобы ко времени общего собрания, опираясь на обладание большим количеством акций, приобрести решающее влияние на постановления этого собрания. Репорт дает ему возможность приобретать акции на короткое время и таким образом подчинять себе акционерное общество. Облегчая репорт понижением репортных ставок, банк без труда может получить бумаги от спекулянтов. Обыкновенно банки взаимно поддерживают друг друга и на известное время устраняют конкуренцию из-за репортирования той или иной определенной бумаги [1]). Благодаря этому акции начинают исполнять как бы двоякого рода функции. С одной стороны они служат объектом спекуляции и основою ее дифференциальных барышей. Но, с другой стороны, они дают банкам возможность добиться господствующего положения в акционерных обществах и провести свою волю на общих собраниях, при чем им не при-

[1]) Здесь могут преследоваться и другие цели. „Банки на континенте нередко ведут особую репортную политику. Случается, напр. что банки, подготовляя крупную эмиссионную операцию, понижают репорт, чтобы вызвать настроение на повышение: ведь убытки, которые они могут понести от этого, компенсируются курсовым выигрышем от эмиссии“. Philippovich, „Grundriss der politischen Oekonomie“, II. Ba d, 2. Teil, стр 181.

ходиться надолго закрéплять свои деньги в соответствующих акциях[1]).

При прочих равных условиях размеры биржевой спекуляции зависят существенно от количества денег, имеющихся в распоряжении спекулянтов. В самом деле, сколько оборотов сделают бумаги, это ведь не зависит от количества имеющихся бумаг, а каждый из этих оборотов приносит дифференциальный барыш. Отсюда — влияние на биржевую спекуляцию банков, которые, открывая или закрывая кредит, оказывают сильное влияние на размеры спекуляции. Наибольшие требования к кредиту предъявляются репортными операциями. В них обыкновенно вкладываются значительно текучие капиталы[2]), и этот способ помещения оказывает влияние на уровень процента за суточные деньги и—в периоды малой подвижности денег—на дисконтные ставки а вместе с тем и на движение золота. Следовательно, ограничивая кредит, банки могут непосредственно воздействовать на уровень процента. И это тем более, что размеры кредита в широкой мере зависят от усмотрения банка. Здесь дело идет о чисто финансовых операциях, которые, состоятся они или нет, не оказывают решающего влияния на ход народного хозяйства. Иначе обстоит дело с кредитом торговым и промышленным капиталистам: там внезапное и преувеличенное ограничение кредита—или отказа в нем—неизбежно ведет к краху и острейшему кризису.

С развитием банков изменяется структура торговли ценными бумагами. Сначала банкир—просто комиссионер, выполняющий операции за своего клиента. Но чем больше вырастает у банка мощь капитала и заинтересованность в курсе акций, тем более

[1]) Сравн. „Deutsche Börsenenquete", III, стр. 1930, показание эксперта Кёнига. Он считает торговлю на срок нежелательной для промышленности и так обосновывает свои воззрения: „Все эти бумаги, которыми оперируют сделки на разницу, потоком протекают по бирже, и большею частью находятся в руках тех у кого нет прочного интереса к самому делу, а имеется интерес только к акциям, но не к предприятиям, как к предприятиям, и кто заинтересован исключительно в том, чтобы то спускать курс акций книзу, то поднимать кверху; при разных способах, которые имеются к услугам торговли на срок, до чрезвычайности легко для кое-кого оказывать воздействие на предприятия: посредством репорта он обеспечивает себе большое количество акций к ultimo того месяца, когда должно состояться общее собрание. Он выступает как собственник нескольких миллионов акций,—которые принадлежат вовсе не ему,—внезапно выступает перед солидными акционерами, которые ни о чем не догадываются; они разом подвергаются неожиданному нападению, им октроируются такие милые вещи, которых они и не предчувствовали".

[2]) См. показание Мейера („Börsenenquete". II. Bd., стр. 1608), который сильное развитие в Англии сделок на срок объясняется тем, что там к услугам репортных операций во всякое время имеются значительные текучие капиталы.

переходит он к торговле за собственный счет. Значительная часть оборотов совершается уже теперь не на бирже: банк покрывает требования, с которыми к нему обращаются его клиенты, и только ту сумму, которая не компенсируется, приобретает на бирже или покрывает из собственных запасов. Следовательно, до известной степени от усмотрения банка зависит, на какие суммы совершит он покупки и продажи на бирже. Это дает банку возможность воздействовать на движение курса. Так, банк перестает быть простым посредником в торговле фондами и ведет собственную торговлю. „Фактически банковое дело в настоящее время уже не комиссионное дело, а торговля за собственный счет" [1]).

В то же время крупный банк отнимает у биржи часть ее функций и сам становится рынком для ценных бумаг; бирже передается только остаток, который не компенсируется в банках [2]). „Крупный банк в самом себе представляет такое количество спроса и предложения, как раньше можно было встретить только на значительной бирже" [3]).

По мере того, как концентрация банкового дела прогрессирует, до чрезвычайности увеличивается власть крупных банков над биржей, в особенности в периоды, когда участие широкой публики в биржевых спекуляциях сравнительно слабое. „Судя по тому, как развиваются отношения на бирже, в настоящее время следует говорить не о тенденции биржи, а несравненно больше о тенденции в развитии крупных банков, потому что они все более превращают биржу в свое зависимое орудие и по своему собственному усмотрению направляют ее движение. Прошлой весной много говорили о том, как неблагоприятный прогноз относительно ожидаемой конъюнктуры, исходивший из одного крупного банка, дал внешний толчок тогдашнему внезап-

[1]) „Die Börsenenquete", I Bd., стр. 347. Показание Арнольна.

[2]) Сравн., напр., следующие заявления „выдающегося члена берлинского банкирского мира", которые воспроизводит „Berliner Tageblatt" от 25 февраля 1908 г.: „Не забывайте, что в официальных бюллетенях отмечается лишь относительно ничтожная часть общих оборотов. Концентрация в германском банковом деле привела к тому, что крупная часть ордеров на куплю и продажу компенсируется в бюро крупных банков. На берлинской бирже остается регулировать только „вершки".

Такое же явление в Австрии. На общем собрании венского Giro-und Kassenverein'a один акционер жаловался: „Вследствие того что коммерческая жизнь монархии все более концентрируется в банках, так что все относительно слабые частные фирмы вынуждены были исчезнуть, биржевой оборот в очень многих случаях совсем не нуждается в посредничестве расчетных бюро. Всякий банк—расчетное и кассовое учреждение без накладных расходов и чиновников. Расчет операций с фондами в банках связан с сокращением посреднической деятельности Giro-und Kassenverein'a". „Neue Freie Presse" от 1 февраля 1905 г.

[3]) „Berliner Jahrbuch für Handel und Industrie". 1905.

ному падению курсов, внутренние причины которого, конечно, лежали много глубже; точно так же на этой неделе, наоборот, поощрения и попытки успокоения, исходившие от haute-banque, повели к тому, что биржевое настроение изменилось и, между тем как раньше останавливалось только на неблагоприятных моментах, теперь сделалось впечатлительным и к благоприятным моментам [1]).

Это сильное влияние на движение курсов увеличивается еще благодаря тому, что банки, при своих укрепляющихся связях с промышленностью, близко знакомы с положением отдельных предприятий, предвидят их доходность, при известных обстоятельствах могут влиять на нее по своему желанию; все—моменты, которые позволяют банкам оперировать в своих спекуляциях с большею уверенностью.

С таким развитием банков, естественно, связан упадок значения бирж [2]).

На бирже капиталистическая собственность выступает в своей чистой форме, как титул доходности, в который превратилось,— так что связь между ними теперь можно установить только теоретическим анализом,—отношение эксплоатации, присвоение прибавочного труда. Собственность перестает выражать определенное производственное отношение, и становится свидетельством на доход, отрешенным от связи с какой бы то ни было деятельностью. Собственность отрешается от всякого отношения к производству, к потребительной стоимости. Представляется, что

[1]) „Frankfurter Zeituug“ от 21 июня 1907 г.

[2]) Так, „Frankfurter Zeitung“ 28 января 1907 г. пишет:

„О действительной ликвидации ultimo в настоящее время едва ли может быть речь. Правда, все еще сообщают о ставках за пролонгацию, но большинство отсрочек регулируется в крупных банках, которые могут назначить и свои собственные ставки. О высоте текущих ангажементов вообще нельзя составить представления, потому что, как сказано, в биржевой ликвидации регистрируется лишь наименьшая часть всех ангажементов“.

Отчасти иначе обстоит дело с иностранными биржами. Особенно нью-норкская биржа; как средство перемещения собственности, т.-е. экспроприации, она имеет более крупное значение, чем европейские биржи. Здесь в связи с биржевой техникой оказывает влияние и своеобразный строй денежной системы. Нью-йоркская биржа знает только кассовые операции такого рода, что разницы приходится регулировать ежедневно. Благодаря этому, при сильных изменениях курса, в особенности, если они совершаются в одном и том же направлении, возникает сильный спрос на деньги. Если денежный рынок в напряженном состоянии, то американское законодательство о банкнотах при его недостаточной эластичности является превосходнейшим средством для того, чтобы создавать необыкновенный уровень процента, непосильный для мелких спекулянтов. Для крупных кредиторов, денежных капиталистов, наступает момент, когда они могут „вышвырнуть из спекуляции“ мелких спекулянтов и, пользуясь принудительной ликвидацией, дешево приобрести бумаги.

нет страниц
167 - 192 (вырваны)

ному падению курсов, внутренние причины которого, конечно, лежали много глубже; точно так же на этой неделе, наоборот, поощрения и попытки успокоения, исходившие от haute-banque, повели к тому, что биржевое настроение изменилось и, между тем как раньше останавливалось только на неблагоприятных моментах, теперь сделалось впечатлительным и к благоприятным моментам [1]).

Это сильное влияние на движение курсов увеличивается еще благодаря тому, что банки, при своих укрепляющихся связях с промышленностью, близко знакомы с положением отдельных предприятий, предвидят их доходность, при известных обстоятельствах могут влиять на нее по своему желанию; все—моменты, которые позволяют банкам оперировать в своих спекуляциях с большею уверенностью.

С таким развитием банков, естественно, связан упадок значения бирж [2]).

На бирже капиталистическая собственность выступает в своей чистой форме, как титул доходности, в который превратилось,— так что связь между ними теперь можно установить только теоретическим анализом,—отношение эксплоатации, присвоение прибавочного труда. Собственность перестает выражать определенное производственное отношение, и становится свидетельством на доход, отрешенным от связи с какой бы то ни было деятельностью. Собственность отрешается от всякого отношения к производству, к потребительной стоимости. Представляется, что

[1]) „Frankfurter Zeitung“ от 21 июня 1907 г.

[2]) Так, „Frankfurter Zeitung“ 28 января 1907 г. пишет:

„О действительной ликвидации ultimo в настоящее время едва ли может быть речь. Правда, все еще сообщают о ставках за пролонгацию, но большинство отсрочек регулируется в крупных банках, которые могут назначить и свои собственные ставки. О высоте текущих ангажементов вообще нельзя составить представления, потому что, как сказано, в биржевой ликвидации регистрируется лишь наименьшая часть всех ангажементов“.

Отчасти иначе обстоит дело с иностранными биржами. Особенно нью-йоркская биржа; как средство перемещения собственности, т.-е. экспроприации, она имеет более крупное значение, чем европейские биржи. Здесь в связи с биржевой техникой оказывает влияние и своеобразный строй денежной системы. Нью-йоркская биржа знает только кассовые операции такого рода, что разницы приходится регулировать ежедневно. Благодаря этому, при сильных изменениях курса, в особенности, если они совершаются в одном и том же направлении, возникает сильный спрос на деньги. Если денежный рынок в напряженном состоянии, то американское законодательство о банкнотах при его недостаточной эластичности является превосходнейшим средством для того, чтобы создавать необыкновенный уровень процента, непосильный для мелких спекулянтов. Для крупных кредиторов, денежных капиталистов, наступает момент, когда они могут „вышвырнуть из спекуляции“ мелких спекулянтов и, пользуясь принудительной ликвидацией, дешево приобрести бумаги.

в сфере банкового капитала соотношение между прибылью и капиталом, — как собственным капиталом банка, так и тем чужим, который имеется в его распоряжении.

Мы знаем, что прибыль возникает в производстве и реализуется в обращении; точно так же мы знаем, что для выполнения операций обращения, для купли и продажи товаров, требуется дополнительный капитал. Торговцы взяли у промышленников часть этих операций, которые превращаются таким образом в самостоятельную функцию особого подразделения капитала, именно товарно-торгового капитала. Капитал, применяемый купцами, приносит среднюю прибыль, которая есть не что иное, как часть прибыли, созданной промышленниками в производстве, и, следовательно, представляет вычет из той прибыли, которая иначе досталась бы промышленникам [1]). Обращение требует также целого ряда операций с деньгами, образование денежного запаса, выдачи и пересылки денег, выдачи и оплаты счетов и т. д. Эти операции, следовательно, ведение кассы, могут быть концентрированы, и эта концентрация сберегает труд, представляющий издержки обращения. Благодаря концентрации, для выполнения этого труда становится достаточным относительно небольшой капитал. „Те чисто технические движения, которые совершают деньги в процессе обращения промышленного капитала и, как мы теперь можем прибавить, товарно-торгового капитала (так как последний берет на себя часть движения в обращении промышленного капитала и совершает его как свое собственное специфическое движение), — эти движения, сделавшись самостоятельной функцией особого капитала, который совершает их и только их, как исключительно свойственные ему операции, превращают этот капитал в *денежно-торговый капитал*. Часть промышленного капитала, или, ближайшим образом, товарно-торгового капитала, постоянно находится в денежной форме не только как денежный капитал вообще, но как денежный капитал, выполняющий именно эти технические функции. От всего капитала отделяется определенная часть и становится самостоятельной в форме денежного капитала, капиталистическая функция которого заключается исключительно в том, чтобы исполнять эти функции для всего класса промышленных и торговых капиталистов. Как в случае с товарно-торговым капиталом, так и здесь от промышленного капитала, находящегося в процессе обращения в виде денежного капитала, отделяется известная часть и исполняет для всего остального капитала эти операции процесса воспроизводства. Следовательно, движения

[1]) Подробнее об этом см. Маркс, „Капитал“, III, отдел четвертый: Превращение товарного капитала и денежного капитала в товарно-торговый капитал и денежно-торговый капитал.

этого денежного капитала опять-таки суть лишь движения обособившейся части промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства“ [1]). „Итак, торговля деньгами в чистой форме, в которой мы здесь рассматриваем ее, т.-е. обособлено от кредитной системы, касается технической стороны только одного момента товарного обращения, именно денежного обращения, и вытекающих из него различных функций денег... Очевидно, что та масса денежного капитала, которою оперируют торговцы деньгами, это — находящийся в обращении денежный капитал купцов и промышленников, и что операции, совершаемые ими, суть операции тех, для кого они служат лишь посредниками. Ясно и то, что их прибыль есть лишь вычет из прибавочной стоимости, так как они имеют дело только с уже реализованными стоимостями (даже если они реализованы лишь в форме долговых требований)“ [2]). В ходе развития ведение кассы выпадает на долю банков. Величина необходимого для того капитала определяется технической природой операций и их масштабом. Банки реализуют на этот капитал среднюю прибыль,—как торговцы на товарно-торговый капитал и промышленники на производственный капитал [3]). Но это — единственная часть банкового капитала, прибыль на которую относится к категории средней прибыли. Прибыль на остальной банковый капитал по существу отлична от нее.

Обслуживая кредит, банк оперирует всем имеющимся в его распоряжении капиталом, собственным и чужим. Его валовая прибыль состоит из процента на капитал, отданный в ссуду; чистая прибыль — по вычете издержек — из разницы между процентами, которые уплачиваются ему, и процентами, которые он в свою очередь уплачивает по вкладам. Следовательно, этот барыш не относится к категории средней прибыли, и не средняя норма прибыли определяет его уровень. Как барыш всякого другого денежного капиталиста, он проистекает из процента. Но только другие денежные капиталисты получают барыш лишь на свой собственный капитал; банк же, играя роль посредника в кредитных отношениях, может получать его и на капитал своих кредиторов, которым он уплачивает более низкий процент, чем сам взимает со своих должников. Этот

[1]) Маркс „Капитал“, III, стр. 291.

[2]) Там же, стр. 298.

[3]) Для наглядности приведем следующий схематический числовой пример. Предположим, что производственный капитал равен 1000. Пусть создаваемая им прибыль будет 200. Пусть товарно-торговый капитал — возьмем преувеличенные пропорции — составляет 400 и денежно-торговый капитал — 100. Прибыль распределяется на весь капитал, равный 1500; в таком случае норма средней прибыли составляет 15%. Из 200, общей прибыли, промышленникам достается 150, купцам — 40 и торговцам деньгами — 10.

процент представляет просто часть или вычет из той средней общественной прибыли, уровень которой есть величина уже данная. Но сам этот барыш, как барыш вообще купеческого и денежно-торгового капитала, не оказывает определяющего влияния на среднюю норму прибыли.

Уровень процента зависит от соотношения спроса и предложения ссудного капитала, простой частью которого является банковый капитал. Этим уровнем процента определяется валовая прибыль. Чтобы привлечь в свое распоряжение возможно крупный денежный капитал, банки в свою очередь платят проценты по вкладам. Caeteris paribus величина того денежного капитала, который поступает в распоряжение банка, зависит от уровня процента, уплачиваемого по вкладам. Таким образом, конкурируя из-за вкладов, банки вынуждены платить возможно высокий процент. Разница между процентом, который банк получает в качестве кредитора, и процентом, который он уплачивает в качестве должника, и составляет его чистую прибыль.

Итак, взаимная связь явлений такова: первоначально соотношением спроса и предложения ссудного капитала вообще устанавливается уровень процента, и он-то определяет ту валовую прибыль, которую получают банки, ссужая собственные или чужие деньги, имеющиеся в их распоряжении. При этом как для образования уровня процента, так и для величины валовой прибыли совершенно безразлично, в каком количественном соотношении стоят друг к другу собственные и чужие средства, имеющиеся в распоряжении банка. Разница только в том, что из чужих денег банк действительно может располагать лишь некоторой частью, между тем как остальную приходится удерживать в качестве резерва; но этот резерв, не приносящий процентов, представляет ничтожную величину по сравнению со всей суммой. Взаимная конкуренция банков определяет уровень того процента, который они должны уплачивать по вкладам, и при данной величине валовой прибыли и данной сумме издержек от этого уровня зависит размер чистой прибыли. Мы видим, что величиной данной здесь является не собственный капитал банков. В самом деле, не от собственного капитала, а от того ссудного капитала, которым вообще располагает банк, зависят размеры его прибыли. Значит, последняя есть величина данная, и в соответствии с нею должен изменяться размер собственного банкового капитала. Из всего ссудного капитала банки могут превратить в свой собственный капитал столько, сколько допускают их прибыль. Но банковое дело точно так же дает для капитала применение, как и всякое другое дело. Он будет приливать к этой сфере лишь при том условии, если найдет в ней такую же возможность самовозрастания, как в промышленной

или торговой сфере. Иначе капитал отливал бы отсюда. С другой стороны, прибыль банка есть величина данная. Следовательно, собственный капитал должен быть такой величины, чтобы прибыль, при расчете на него, равнялась средней прибыли на этот капитал. Предположим, что банк располагает ссудным капиталом в 100 милл. марок. Оперируя им, он получает валовую прибыль в 6 миллионов и чистую прибыль — 2 миллиона. При норме прибыли в 20%, собственный капитал может составлять в таком случае 10 миллионов, а остальные 90 миллионов будут теми вкладами, которыми может располагать банк.

Этим об'ясняется, почему при основании акционерных банков или при увеличении их капитала остается место для учредительской прибыли, хотя банковый капитал не создает предпринимательской (промышленной) прибыли, а только реализует процент. Так как банковая прибыль равна средней норме прибыли, акционерам же достаточно получать просто процент, то отсюда вытекает возможность учредительской прибыли. Если банк занимает господствующее положение на денежном рынке, то он может оставить у себя учредительскую прибыль целиком или в некоторой части. Тогда он усиливает свои резервы. Резервы, разумеется, тоже собственный капитал банка, но бухгалтерски прибыль исчисляется на сравнительно меньший номинальный капитал. Резервы в свою очередь дают банку возможность увеличить ту часть своего капитала, которая закрепляется в промышленности.

Итак, разделение на собственный и чужой капитал не имеет значения для величины прибыли, да и вообще нет какого-либо устойчивого соотношения между величинами собственного капитала и чужого, притягиваемого собственным. При таких обстоятельствах размеры собственного капитала представляются на первый взгляд делом произвола, и потому является возможность дать ему такую величину, чтобы прибыль, хотя сама она и не средняя прибыль, однако была бы равна средней прибыли. Если банковое дело уже сильно развито, и свободный ссудный капитал уже находится в распоряжении банков, то всем этим значительно затрудняется основание новых банков, потому что они не получают в свое распоряжение достаточных чужих капиталов, — или сумеют привлечь их лишь после ожесточенной конкурентной борьбы с совокупностью других банков: после борьбы, исход которой представлялся бы очень сомнительным.

Положение банкового капитала совершенно иное, чем положение промышленного капитала, и совсем иное, чем даже торгового и денежно-торгового капитала. В этих сферах величина капитала определена техническими условиями, об'ективными отношениями процесса производства и обращения. Величина промышленного капитала зависит от развития производственного процесса вообще, от масштаба наличных средств производства, к числу которых в данной связи относятся также силы природы и техническая возможность их использования, — зависит, наконец, от размеров наличного рабочего населения. Способ применения и степень эксплоатации рабочей силы определяют величину прибыли, которая одинаково распределяется между промышленным, торговым и денежно-торговым капиталом; при этом в двух последних сферах величина капитала тоже определяется их техническими отношениями, условиями операций, которые капитал должен выполнять в сфере обращения. Так как обращение не создает прибыли, следовательно, представляет непроизводительные издержки, то здесь существует тенденция: сократить применяемый капитал до возможного минимума. Напротив, банковый капитал, собственный и чужой, есть не что иное, как ссудный капитал, а этот ссудный капитал в действительности есть не что иное, как денежная форма производительного капитала; важно кроме того, что бо́льшая часть его — только форма, т.-е. существует исключительно в расчетных операциях.

Такое же соотношение между банковой прибылью и величиной собственного капитала мы найдем, если рассмотрим ту прибыль, которая вытекает из эмиссионной и спекулятивной деятельности.

Учредительский или эмиссионный барыш, это — не прибыль и не процент, а капитализированная предпринимательская прибыль. Предпосылка его — превращение промышленного в фиктивный капитал. Уровень эмиссионного барыша определяется, во-первых, нормой средней прибыли и, во-вторых, уровнем процента. Средняя норма прибыли минус процент определяют величину предпринимательского дохода, который, капитализированный из обычного уровня процента, дает учредительскую прибыль; учредительский барыш никаким способом не зависит от величины собственного капитала банка. Возможность превратить промышленный капитал в фиктивный капитал зависит единственно от количества того капитала, который вообще может быть сужен и готов превратиться в производительный капитал, сохраняя в то же время форму капитала, приносящего проценты. Коротко говоря: необходимо, чтобы имелось достаточно денег для вложения в акции. При этом следует иметь в виду такое различие. Превращение уже существующего промышленного капитала в акционерный капитал связывает лишь такое количество денег, какое необходимо для обращения акций на фондовом рынке; а оно в свою очередь зависит от того, остаются ли эти акции в „крепких руках", как бумаги для длительного помещения капитала, или же их обращение, как спекулятивных бумаг, очень быстрое. Но может случиться, что эмиссия акционерного

капитала знаменует учреждение нового предприятия или расширение уже существующего. Тогда денежного капитала требуется столько, чтобы, во-первых, можно было совершить обороты $Д < \frac{Сп}{Р} — П... Т'—Д'$, и чтобы, во-вторых, обслужить обороты самих акций. Количество наличного ссудного капитала определяет в то же время уровень процента, который имеет решающее значение для капитализирования, а следовательно, и величину эмиссионного барыша. Значит, последний не зависит от величины собственного капитала банка. Но сумма эмиссионного барыша, взятая за продолжительное время, должна дать среднюю норму прибыли на собственный капитал банка. С другой стороны, банку вообще свойственна тенденция увеличивать собственный капитал, потому что благодаря этому возрастает, во-первых, его кредит и, во-вторых, возрастает уверенность.

Аналогично обстоит дело со спекулятивным барышом. Участие в спекуляции тоже не зависит от того, как разделяется имеющийся в распоряжении банка капитал на собственный и чужой капитал: оно зависит от общей величины капитала.

Но мы уже знаем, что как деятельность по обслуживанию кредита, так и финансирование и спекуляция порождают тенденцию к концентрации, а вместе с тем стремление располагать возможно большею долею капитала, как собственным капиталом. Ведь собственному капиталу, в противоположность взятому у других, не угрожает опасность, что во всякое время его могут потребовать обратно; следовательно, его можно с несравненно большей уверенностью закрепить в промышленных предприятиях. Учредительская деятельность в особенности предполагает, что денежный капитал закрепляется в промышленности на более или менее продолжительное время, пока вследствие продажи акций он не притечет обратно к банку. Следовательно, увеличение собственного капитала знаменует возможность более широкого постоянного участия в промышленных предприятиях, в конце концов — подчинения их и усиливающегося влияния на спекуляцию с товарами и фондами. Потому-то банку свойственна тенденция постоянно увеличивать свой капитал, насколько это допускает прибыль от процентов и эмиссионный барыш.

Но банк — не говорим уже о необходимости соответственно использовать возросший капитал — не может просто по своему произволу превратить чужой капитал в собственный. Банк стремится увеличить свой собственный капитал для того, чтобы имелась возможность закреплять его в промышленности, получать эмиссионную прибыль, подчинять себе промышленность. Если бы дело шло только об обслуживании платежного кредита, то увеличение собственного капитала дальше известной границы было бы бесполезно: здесь решающее значение имеет возможность

располагать чужими деньгами; капитал, которым обслуживаются платежи, может постоянно сохраняться в готовой к функционированию форме, из него можно извлечь только одну форму дохода — процент. Однако не следует представлять себе дело таким образом, что, раз бо́льшая часть вообще ссужаемых денег является теперь собственным капиталом банка, он уже по одной этой причине может закрепить бо́льшую долю своего капитала в качестве промышленного. Действительная связь обратная. Так как лишь некоторая часть имеющегося в распоряжении ссудного капитала необходима для обслуживания платежей (оборотный кредит), то другой частью можно располагать для помещения в промышленности (капитальный кредит). Это разделение вообще имеющегося ссудного капитала между оборотным кредитом и капитальным кредитом в каждое данное время определяется об'ективными условиями, связанными с данным состоянием процесса производства и обращения; хотя границы и эластичны, однако банк не может их игнорировать: иначе окажется невозможным во всякое время получить банковый капитал в денежной форме, и платежеспособность банка подвергнется опасности. Напротив, это разделение имеющегося ссудного капитала не зависит от того, какая часть капитала, которым располагает банк, является его собственным капиталом, и какая — чужим. Но банк стремится к увеличению собственного капитала, потому что он желает часть его закрепить в промышленности; это превращение чужого в собственный капитал находит свою границу в том, какою же именно частью капитала, вообще имеющегося в распоряжении банка, он может располагать для капитального кредита. В этих пределах тенденция развития банков такова, что постоянно возрастающая часть ссудного капитала превращается в собственный капитал банка. Следовательно, величина собственного капитала отнюдь не зависит от одной только воли банка, и не зависит от одной только возможности использовать возросший капитал.

Увеличение банкового капитала является в первую очередь чисто юридическим актом и не сопровождается экономически-функциональным изменением. Свой капитал,—который у банка необходимо должен иметь форму денежного капитала, — банк может увеличить лишь таким способом, что чужой денежный капитал он превращает в свой собственный. Так как при развитой денежной системе все свободные деньги сосредоточиваются в банках, то увеличение банкового капитала означает в первую очередь только одно: часть вкладов, имевшихся в распоряжении банка, теперь превращается в банковый капитал, напр., посредством выпуска акций.

Это превращение чужого капитала в собственный денежный капитал банка, разумеется, не вносит решительно никаких пере-

мен в спрос и предложение денежного капитала, а потому не оказывает никакого влияния на уровень процента [1]).

Увеличение промышленного капитала при прочих равных условиях имеет своим следствием увеличение массы прибыли, потому что промышленный капитал в производственном процессе высиживает прибавочную стоимость. Конечно, увеличение банкового капитала нисколько не изменяет той общей массы процента, которая получается банком: при неизменности спроса, она зависит ведь от предложения ссудного капитала, оно же отнюдь не изменяется от того, что распределение ссудного капитала между банками и частными лицами изменилось,—т. е. не изменяется от того, что совершилось просто изменение в распределении собственности. Изменяется здесь только способ исчисления чистой прибыли банка, которая в процентном отношении кажется теперь меньше, потому что собственный капитал банка увеличился.

Промышленный, торговый и денежно-торговый капитал, это—определенные части общественного капитала, которые во всякий данный момент должны находиться в определенной пропорции друг к другу. С абстрактной точки зрения, весь общественный капитал мог бы в то же время быть банковым капиталом. В самом деле, банковый капитал означает просто — капитал, поставленный в распоряжение банков, и ничто не препятствовало бы тому, чтобы весь капитал проходил через банки. Конечно, большая часть этого банкового капитала фиктивна, представляет просто денежное выражение того действительного капитала, который функционирует в производстве, или просто титул капитализированной прибавочной стоимости.

Следовательно, в противоположность промышленности, увеличение банкового капитала не приводит к увеличению прибыли. Напротив, прибыль для банка есть величина данная. Если прибыль увеличивается, то банк увеличивает собственный капитал, потому что увеличенный капитал позволяет ему, без угрозы для своей безопасности, в большей мере принять участие в превращении своего банкового капитала в промышленный капитал. Что главным образом кредитование промышленности, участие в промышленных предприятиях посредством приобретения акций и эмиссионной деятельности побуждает банк увеличивать собственный капитал, это доказывается тем фактом, что чисто депозитные банки Англии, несмотря на колоссально возрастающие обороты, не увеличивают своего капитала, и потому распределяют очень высокие дивиденды.

[1]) Поэтому на совершенно младенческих представлениях основываются ожидания, что увеличение собственного капитала в эмиссионном банке, напр., в Германском Имперском банке, должно повести к понижению уровня процента.

Итак, не следует представлять себе дело таким образом, как будто прилив или отлив банкового капитала так воздействует на прибыль банков, что уровень процента изменяется. В действительности изменяется только распределение прибыли, которая исчисляется то на больший, то на меньший собственный капитал.

При этом до известной степени важно, что увеличение банкового капитала совершается в форме акционерного, следовательно, фиктивного капитала.

Мы видели, что превращением денег в фиктивный капитал характер индивидуального капиталиста как денежного или ссудного капиталиста не изменяется. Деньги, превращенные в фиктивный капитал, останутся банковым капиталом,—следовательно, останутся в экономическом смысле денежным капиталом. Часть этого банкового капитала превращается в промышленный капитал, при чем это превращение может осуществиться двояким способом. Или банк открывает промышленному предприятию кредит, т. е. просто ссужает ему свой капитал; или банк берет акции промышленного предприятия, которые,—так как это теперь допускают размеры собственного капитала, — надолго удерживаются в его владении. В этом случае следствие увеличения банкового капитала таково, что денежный капитал сначала превращается в банковый капитал, и уже этот последний — в производительный капитал. Частные денежные капиталисты вместо того, чтобы прямо помещать свои деньги в промышленные акции, вкладывают их в банковые акции, и только банк, покупая промышленные акции, превращает деньги в промышленный капитал. Различие заключается в том, что банк—не просто посредник в этих операциях, но что, как собственник банкового капитала, он сделался совладельцем промышленного предприятия. И это банковское право собственности на промышленное предприятие обладает совершенно иной действенной силой, чем право собственности отдельных акционеров. Так складывается вполне определенная тенденция: денежный капитал, имеющийся в распоряжении частных лиц, в возрастающем размере сначала превращается в банковый капитал, и только уже последний—в промышленный капитал. При этом происходит удвоение фиктивного капитала. Денежный капитал фиктивно превращается в капитал банковых акций, и тем самым в действительности переходит в собственность банка; потом этот банковый капитал фиктивно превращается в промышленные акции, а в действительности—в элементы производительного капитала, в средства производства и рабочую силу.

Дивидендная политика банков, которые оперируют крупным чужим капиталом (вкладами), должна быть более устойчивой, чем политика промышленных предприятий. И это в особенности в том случае, если вклады приливают из сфер, которые только

по таким внешним признакам, как устойчивость дивидентов, составляют себе суждение о том, хорошо или плохо управляется банк, и при шаткой дивидендной политике извлекают свои вклады. Следовательно, здесь перед нами — вклады некапиталистических сфер. Промышленное предприятие в своей дивидендной политике пользуется большею независимостью. Во-первых, потому, что его кредиторы обычно с большею точностью осведомлены о его платежеспособности. Во-вторых, потому, что кредит, которым ему постоянно приходится пользоваться, платежный кредит, покрывается товарами, которые оно производит; иного же рода кредитом приходится пользоваться не постоянно, как банкам, а лишь через более или менее продолжительные периоды времени. Такая повышенная независимость дивидендной политики промышленного предприятия позволяет, прежде всего, оказывать влияние на курс акций, а тем самым для посвященных — получать спекулятивную прибыль на бирже; она же дает возможность легче приспособляться к колебаниям конъюнктуры и потребностям накопления,—а ведь эти колебания и приспособления имеют для промышленного предприятия более высокую важность, чем для банков.

С другой стороны, банки легче, чем промышленные предприятия, могут внести относительную устойчивость в свою дивидендную политику, потому что колебания конъюнктуры не так сильно и не так односторонне воздействуют на банковую прибыль, как на предпринимательскую прибыль. Во-первых, значительная часть банковой прибыли не очень то сильно зависит от абсолютного уровня процента: она зависит от разницы процента по ссужаемому и по взятому в кредит капиталу. Но эта разница, особенно если концентрация банков зашла сколько-нибудь далеко, много устойчивее, чем подверженная постоянным колебаниям абсолютная величина процента. Далее, в движении конъюнктуры возникают благоприятные и неблагоприятные моменты, которые отчасти взаимно компенсируются. Наиболее благоприятен период повышающегося оживления с постоянно идущим вверх уровнем процента, большим спросом промышленности на капитал, а потому— с оживленной эмиссионной деятельностью и высокой учредительской прибылью. В то же время повышаются прибыли от ведения кассы и обслуживания платежного кредита, равно как и биржевой спекуляции. При высокой конъюнктуре повышается как уровень процента, так и разница между получаемым и уплачиваемым процентом. Напротив, эмиссионная деятельность и учредительская прибыль сокращаются. Потребность промышленности в капитале удовлетворяется более банковым кредитом, чем выпуском акций и облигаций; притом и спекуляция с фондами обыкновенно уже за некоторое время до кризиса ограничивается высоким уровнем процента. Первое время депрессии, когда уровень процента всего ниже, наиболее благоприятно для выпуска бумаг с твердым процентом. Сильно увеличивается прибыль банков от эмиссии государственных и муниципальных займов и т. д., равно как и прибыль от продажи по повышенным курсам бумаг с постоянным процентом, имевшихся в запасе у банков. Часть банковых долгов, раньше сделанных промышленностью, превращается в акционерный и облигационный капитал, так как денег на рынке много, и вновь доставляет эмиссионную прибыль: все—моменты, которыми более или менее компенсируется сокращение доходов, получаемых от процентов за обслуживание кредита.

Конкуренция между банками ведется не только своим собственным капиталом, но и всем капиталом, каким только располагают банки. Но конкуренция на денежном рынке носит существенно иной характер, чем конкуренция на товарном рынке. Важнейшее различие заключается, прежде всего, в том, что на денежном рынке капитал имеет форму денег, а на товарном рынке капитал еще приходится превращать из товарного капитала в денежный капитал. Но при этом возможно, что превращение в той или иной мере окажется неудачным, следовательно, товарный капитал обесценивается, и вместо прибыли получится убыток. При конкуренции товаров дело идет только о реализации капитала, а не о возрастании его стоимости. Когда конкурируют между собой денежные капиталы, капитал, как таковой, гарантирован, и дело заключается только в том, до какой степени он возрастет, какова будет величина процента. Но процент определяется таким способом, что для отдельного конкурента остается мало простора. Прежде всего, решающее значение для всех имеет дисконтная политика центральных денежных учреждений: остальным она дает простор только в сравнительно узких границах. Это важно прежде всего для чисто кредитных банковых операций как активных, так и пассивных. Здесь конкуренция относительно слабая. Но, чем меньше простор, тем большую роль играет количественный момент: размер операционной сферы. Только в том случае, если она очень широка, можно осуществить понижение провизий, повышение процента по вкладам. Но условия для равновеликих предприятий будут приблизительно равные. Далее, в области обслуживания кредита дополнительная прибыль отпадает, с одним единственным исключением: за исключением той добавочной прибыли, которая для очень крупных предприятий, по сравнению с мелкими, обусловливается экономией на издержках и повышающейся возможностью избежать потерь и разделить риск. Напротив, здесь никакой роли не играет такая дополнительная прибыль, которая для промышленности вытекает из технических новшеств, огражденных патентами, и имеет столь высокую важность в конкурентной борьбе.

Бо́льшую роль, чем при обслуживании кредита, имеет конкуренция при финансировании, следовательно, в эмиссионной деятельности. Здесь величина учредительской прибыли оставляет широкий простор для борьбы посредством понижения требований. Но и тут границы не слишком широкие. Решающее значение приобретают не столько те условия, какие сложились в самих банках, сколько та степень, до которой, вследствие прежнего кредитования, дошла зависимость промышленности от банков.

Когда речь идет о промышленности, то следует разграничивать техническую и экономическую сторону конкуренции. В банках технические различия играют совсем ничтожную роль, техника в однородных банках одинаковая (а разнородные банки непосредственно вообще не конкурируют между собою). Между ними с самого начала имеется только экономическое различие, которое носит чисто количественный характер и определяется величиною конкурирующего капитала.

Именно этот-то совершенно своеобразный характер конкуренции и позволяет банкам с столь большим разнообразием и изменчивостью то конкурировать, то кооперировать друг с другом. Нечто подобное мы наблюдаем иногда и в промышленности в таких же крупных предприятиях там при случае заключаются соглашения относительно той или иной операции, напр., при торгах на подряды. Но в промышленности подобные соглашения — по большей части предшественники картелей, следовательно, прочной кооперации, исключающей конкуренцию.

Если общий уровень процента является границею конкуренции при обслуживании платежного кредита, то в случаях капитального кредита граница конкуренции определяется среднею нормою прибыли. Но как-раз здесь для размеров провизии решающее значение имеет величина оборота, что дает решительное превосходство крупным банкам.

Принцип банковой техники: возможная надежность операций, с самого начала уменьшает склонность банков в конкуренции. Поэтому им в особенности симпатично исключение конкуренции в промышленности посредством картелирования и получения „постоянной прибыли“.

Банковый барыш — не прибыль. Но в своей сумме этот барыш, отнесенный к собственному капиталу банка, должен дать среднюю норму прибыли. Если он падает ниже, то капиталы извлекаются из банкового дела; если он выше, возникают новые банки. А так как банковый капитал постоянно сохраняет денежную форму, или значительную часть его во всякое время легко превратить в денежную форму, то здесь уравнивание может осуществляться с величайшею быстротой.

Потому-то никогда и не бывает „перепроизводства“ банкового капитала. Чрезмерное увеличение собственного банкового капитала приводит просто к тому, что он опять отливает и находит помещение в иной сфере, но не приводит к всеобщему краху с сопровождающим его обесценением и т. д., что мы наблюдаем в промышленных сферах. Банковый крах есть просто следствие промышленного перепроизводства или чрезмерной спекуляции, и выступает как недостаток банкового капитала в денежной форме: проявляется в том, что банковый капитал прочно закреплен в такой форме, что его невозможно немедленно реализовать в деньгах.

С развитием банкового дела, с углублением связей между банками и промышленностью усиливается тенденция, с одной стороны, к устранению конкуренции между банками, а с другой — к концентрации всего капитала в форме денежного капитала и к тому, чтобы производительные капиталисты получали его в свое распоряжение лишь при посредстве банков. В своем последовательном развитии эта тенденция привела бы к тому, что один банк или одна группа банков стала бы располагать всей совокупностью денежного капитала. Такой „центральный банк“ осуществлял бы контроль над всем общественным производством [1]).

В кредите на-ряду с вещным выступает личное отношение; оно выступает непосредственно, как лично-общественное отношение в противоположность вещно-общественным отношениям других категорий, прежде всего, деньгам: в просторечии говорят о „доверии“. Точно так же, в своих завершенных формах, он противостоит капитализму, представляет организацию и контроль

---

[1]) С банковым делом „несомненно создается в общественном масштабе форма общего счетоводства и распределения средств производства, но именно только форма... Оно предоставляет в распоряжение промышленных и торговых капиталистов весь наличный и даже только еще потенциальный, еще не функционирующий активно капитал общества, так что ни кредитор, ни лицо, вкладывающее этот капитал в дело, не являются его собственниками или производителями. Оно уничтожает таким образом частный характер капитала, и само в себе, но именно только в себе, заключает уничтожение капитала.

„Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что система кредита послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к производству ассоциированного труда, — однако лишь как один из элементов в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства. Напротив, иллюзии относительно чудодейственной силы кредитного и банкового дела в социалистическом смысле проистекают из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела, как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал, кредит, как таковой, уже не имеет смысла... С другой стороны, пока продолжает существовать капиталистический способ производства, продолжает существовать, как одна из его форм, и капитал, приносящий проценты, образуя фактически базис его кредитной системы.“ Маркс, „Капитал“, III и, стр. 144—145.

в противоположность анархии. Можно сказать поэтому, что он возникает из такого социализма, который приспособляется к капиталистическому обществу; это — шарлатанский, усыновленный капитализмом социализм. Деньги остальных он социализирует для употребления немногих. В своем начале он внезапно раскрывает перед рыцарем кредита захватывающие перспективы: кажется, как будто рушилась граница капиталистического производства— частная собственность; кажется, как будто вся производительная сила общества поступает в распоряжение отдельного индивидуума. У него кружится голова,—и он кружит и морочит головы.

Первыми пионерами кредита были романтики капитализма, как Лоу и Перейра: должно пройти некоторое время, пока не приобретет перевес трезвенный капиталист, и пока Гундерман не победит Саккара.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

Финансовый капитал и ограничение свободной конкуренции.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Препятствия уравнению нормы прибыли и их преодоление.

Цель капиталистического производства—прибыль. Извлечение возможно большей прибыли — мотив всякого индивидуального капиталиста—превращается в максиму его экономических действий, необходимо возникающую из условий капиталистической конкурентной борьбы. В самом деле, индивидуальный капиталист может отстаивать свою позицию лишь при том условии, если он постоянно стремится к тому, чтобы не просто сохранить равенство с конкурентом, но и получить превосходство над ним. А этого он может достигнуть только в том случае, если ему удастся поднять свою прибыль выше среднего уровня, следовательно, извлекать добавочную прибыль [1]).

[1]) Гоббс так в общей форме резюмирует это стремление: всеобщее стремление человечества—„постоянная и неустанная жажда умножать власть властью; ее прекращает только смерть". „И это не всегда вытекает из той причины, что человек надеется на более интенсивное наслаждение, чем уже достигнутое, или что он недоволен своей сравнительно скромной властью; но из той причины, что ту власть и те средства благосостояния, которыми он уже располагает, он не может сохранить, не увеличивая их еще больше" (Leviathan, ch. XI).

Золя, великий персонификатор социальных категорий, олицетворил мотив капиталистической деятельности, прибыль ради прибыли, в Гундермане, все потребительские потребности которого удовлетворяются молоком, и который несмотря на то, вечно капиталистически-деятелен. Отсюда и его победа, победа капиталистического принципа, над Саккаром, у которого жажда прибыли замутнена чуждыми капиталу примесями: стремлением к власти, культурными идеями и личными потребностями в роскоши. В Гундермане лучше всего схвачен тип капиталиста в его наиболее иррациональной форме: биржевого спекулянта, единствен-

Субъективное стремление к возможно высокой прибыли, одушевляющее всех индивидуальных капиталистов, приводит к такому объективному результату, как установление равной нормы прибыли для всех капиталистов [1]).

Этот результат осуществляется конкуренцией капиталов из-за сфер применения, постоянным приливом капитала в такие сферы, где норма прибыли выше средней, и постоянным отливом из таких сфер, где она ниже средней величины. Но эти постоянные приливы и отливы наталкиваются на препятствия, возрастающие с уровнем капиталистического развития.

Развитие производительной силы труда, технический прогресс, выражается в том, то одна и та же масса живого труда приводит в движение все возрастающую массу средств производства. Этот процесс находит экономическое отражение в постоянном возрастании органического состава капитала, в постоянном увеличении той доли, которую во всем капитале составляет постоянный капитал по сравнению с переменным [2]). В этом изме-

---

ным предметом стремлений которого являются деньги сами по себе,— схвачен много лучше, чем у Ибсена в „Габриэле Боркмане“ (где капитализм насилует общественные потребности). Боркман исходит из общественной потребности, а не из интереса в прибыли, следовательно, исходит из мотива, чуждого капиталисту. В драмах капиталистов это противоречие между интересами общества и интересами прибыли постоянно выдвигается в качестве трагического мотива,—и потому так часто они производят нереалистическое впечатление. Настоящий капиталист — в противоположность скупцу, личная нищета которого при известных обстоятельствах может производить трагическое впечатление— не годится в герои драмы: он может быть лишь эпизодическим лицом в романе.

[1]) Из мотивов хозяйствующих субъектов, мотивов, в свою очередь определяемых природой хозяйственных отношений, никогда нельзя вывести чего-либо большего, кроме тенденции к установлению равенства экономических отношений, равная цена за одинаковые товары, равная прибыль на равные капиталы, равная заработная плата и равная норма эксплоатации при равенстве труда. Но, исходя из субъективных мотивов, я никогда не дойду таким способом до самых количественных отношений. Напротив, чтобы найти количественные отношения отдельных частей, я должен наперед знать величину всего общественного продукта, при распределении которого действуют упомянутые тенденции к равенству. Из психологических факторов никогда нельзя вывести количественно определенные результаты.

[2]) Вот иллюстрация, насколько в современных прокатных заведениях понизилась доля живого труда: „Благодаря только подъемным столам, обслуживающий их персонал при прокатке рельс понизился с 15—17 до 4—5 человек. В Америке на тонну фабриката приходилось заработной платы (в центах):

	1880 г.		1901 г.
прокатка рельс	15	менее	1
прокатка проволоки	212		12
разогревание болванок для произв. проволоки	80		5

Hans Gideon, Heymann, „Die gemischten Werke im deutschen Grosseisengewerbe“. Stuttgart, стр. 23.

нении пропорции c : v выражается изменение той картины, какую представляет промышленное заведение: с одной стороны, мануфактура и ранне-капиталистическая фабрика с их неособенно обширными мастерскими и толпами рабочих, теснящимися около малочисленных и мелких машин; с другой стороны,—современная фабрика, где за исполинскими телами автоматов, кажется, все более исчезают крошечные люди, которые виднеются только в немногих местах.

Но техническое развитие приносит с собою изменение и в соотношении составных частей самого постоянного капитала. Та часть, которая представляет основной капитал, возрастает быстрее, чем оборотная часть постоянного капитала. Вот иллюстрация:

„Успехи техники в доменном деле принуждали к все большему увеличению производства, к прогрессирующей концентрации капитала. По Люрману („Die Fortschritte im Hochofenbetrieb seit 50 Jahren“. Düsseldorf 1902), с 1852 г. кубическое содержание доменных печей увеличилось в отношении 1 : 48, производительность на доменную печь в отношении 1 : 33,3, на тонну емкости доменной печи в отношении 1 : 7. В 1750 г. 14 силезских доменных печей все вместе выплавили на древесном угле 25.000 тонн чугуна, в 1799 г. в Кёнигсхютте две коксовые доменные печи были проектированы на общую годовую производительность в 40.000 центнеров. Эхельгейзер в 1852 г. похвалялся суточной производительностью в 50—60 тысяч прусских фунтов. Последние рекорды на сутки и печь таковы: Gewerkschaft Deutscher Kaiser (Thyssen) 518 тонн; Ohio Steel Co. No. 3—806 тонн; значит, американская печь приблизительно в 30 часов производит столько, сколько раньше силезская печь должна была производить в целый год, и в 36 часов столько, сколько 150 лет тому назад выплавляли 14 силезских печей за целый год.

Соответственно этому чрезвычайно повысились издержки сооружения печи. Упомянутые печи в Кёнигсхютте были проектированы общей стоимостью в 40.000 талеров. Это составляет приблизительно 20.000 марок капитальных затрат на 1 тонну суточного производства. В 1887 году, согласно Веддингу, при капитальных затратах почти в 1 миллион на печь, в расчете на 1 тонну суточного производства они понизились до 5.400—6.000 мар. Недавно многие новые аппараты и почти полное вытеснение ручного труда вновь повысили капитальные затраты круглым счетом до 10.000 марок на тонну суточного производства; значит, нормальная печь в 250 тонн в Рурском бассейне стоит теперь $2^1/_2$ милл., а каждая исполинская печь в Америке поглотила до 6 миля. мар.

Если оставить в стороне Зигерланд и Верхнюю Силезию, то в настоящее время в Германии едва ли найдется печь с суточной производительностью ниже 100 тонн. Следовательно, минимальное годовое производство печи новой конструкции приходится определять в 30—40 тысяч тонн; а так как соединение нескольких печей в одном предприятии представляет крупные выгоды, то отсюда — стремление к постоянному увеличению числа печей, принадлежащих одному предприятию. Как общие издержки (управление, лаборатория, инженеры), так и издержки на необходимые запасные машины (раздувальные механизмы, вентили) распределяются тогда на несравненно больший продукт. Только располагая несколькими печами, можно в одной из печей из года в год производить один и тот же сорт чугуна. Благодаря этому отпадает, во-первых, обременительная перестановка печей с одного сорта чугуна на другой, и, во-вторых, становится возможным специализировать

конструкцию домны в соответствии с тем сортом чугуна, который будет в ней выплавляться. Наконец, использование современных изобретений (рациональная подача сырого материала, литейные машины, машины для смешивания, машины, приводимые в движение газами доменных печей) становится экономически рациональным только при высоких цифрах производства и при нескольких печах" (Heymann, loc. cit., стр. 13 и сл.).

С этой сферой, характеризующейся высоким органическим составом капитала, в особенности интересно сравнить другую промышленную сферу, в которой машины тоже применяются в значительной мере, но вследствие совершенно иных технических условий органический состав капитала много ниже. „Величину капитала, необходимого при фабрикации обуви, мы иллюстрируем примером одной фабрики, которая ежедневно производит 600—800 пар башмаков, из них половина рантовые, другая половина—на гвоздях.

Постройки	100.000	марок.
Земля	50.000	„
Паровая машина (50 лош. сил)	21.000	„
Электрические сооружения	20.000	„
Фабричные машины и другие приспособления	80.000	„
Колодки	25.000	„
Основной капитал	296.000	марок.

Если мы примем, что оборотный (операционный) капитал оборачивается раза два в год, то мы получим:

Сырой материал на $^1/_2$ года	350.000	марок.
Заработная плата на $^1/_2$ года	100.000	„
Другие издержки на $^1/_2$ года	90.000	„
Оборотный капитал	540.000	марок.

Значит, мы можем сказать, что, кроме основного капитала круглым счетом в 300.000 марок, требуется оборотный капитал в 500.000 марок; следовательно, для этой фабрики, на которой потребовалось бы 180—200 рабочих, необходим был бы капитал в общем около 800.000 марок" (Karl Rehe, „Die Deutsche Schuhgrossindustrie". Jena 1908, стр. 54).

Напротив: „В конце концов, получилась бы такая минимальная стоимость для крупного комбинированного томасовского завода, дающего продукта 300—400 тысяч тонн и построенного где-нибудь в западной Германии, при чем ему придется покупать как рудные поля, так и землю.

6000 гектаров железно-рудных полей	10	милл.	мар.
1 гектар каменно-угольных полей в Рурском бассейне	3	„	„
Шахта с 1 милл. тонн производства, включая и коксовальни	12	„	„
Сооружение доменной печи	10	„	„
Стальные и прокатные заведения	15	„	„
Земля, присоединение к железным дорогам, квартиры для рабочих и т. д. при железном заводе	5	„	„
Итого	55	милл.	мар.

Здесь потребуется до 10.000 рабочих. Соответственно этому в Америке для стального завода с двойной производительностью (2500 тонн в сутки) считаются необходимыми капитальные затраты в 20—30 милл. долларов". Напротив, во всю железную промышленность Нассау в 1852 г. был вложен капитал всего в 1.235.000 флоринов (Heymann, loc. cit. стр. 26).

Но это колоссальное увеличение основного капитала означает, что перенесение уже сделанных капитальных затрат из одной сферы в другую становится все затруднительнее. Оборотный капитал по истечении всякого периода оборота возвращается в денежной форме, и тогда его можно вложить в какую угодно другую отрасль производства. Напротив, основной капитал закреплен в процессе производства на сравнительно большое число периодов оборота; его стоимость постепенно переносится на продукт и столь же постепенно приливает обратно в денежной форме. Оборот всего капитала замедляется. Чем относительно больше основной капитал, чем колоссальнее его размеры, тем выше его относительное значение при затратах капитала, тем большую долю всего капитала он образует, и тем труднее становится, не подвергаясь огромным потерям, реализовать связанную в нем стоимость и потом перенести капитал в более благоприятную сферу. Благодаря этому конкуренция капитала из-за сфер приложения претерпевает модификацию. На место старых, юридических рамок средневековой опеки возникли новые, экономические границы, которые ограничивают свободу передвижения капитала. Конечно, это ограничение касается лишь капиталов, уже превратившихся в производственный капитал, а не тех, которым еще предстоит превращение. Вторая граница заключается в том, что техническое развитие расширяет и масштаб производства: при возрастании размеров постоянного капитала и в особенности основной его части, требуется абсолютно все увеличивающаяся капитальная сумма для того, чтобы вообще надлежащим образом расширить производство или основать новое предприятие. Суммы, постепенно накопляемые из прибавочной стоимости, сами по себе долго остаются недостаточными для того, чтобы превратиться в самостоятельные капиталы. Таким образом вполне возможно, что приток и нового капитала в более благоприятные сферы недостаточен или запаздывает. Но свобода передвижения капитала—необходимое условие установления равной нормы прибыли. Если прилив и отлив капитала не может воспоследовать беспрепятственно, это равенство нарушается. Так как тенденция к равенству прибыли является, прежде всего, индивидуальным стремлением капиталиста к возможно высокой прибыли, то и устранение границы должно носить сначала индивидуальный характер. Это осуществляется мобилизацией капитала.

Создание ассоциации капиталов достаточно для того, чтобы централизовать капитал. Но мобилизирование является одновременно и расширением сферы того капитала, который может быть ассоциирован; вследствие мобилизации постоянное обратное превращение промышленного капитала, в том числе и основной его части, в денежный капитал становится в широких пределах независимым от того действительного возвращения капитала,

которое совершается по истечении целого ряда периодов оборота, охватывающих функционирование одного и того же основного капитала. Конечно, в общественном масштабе это обратное превращение невозможно, оно осуществляется лишь для некоторого числа постоянно сменяющихся капиталистов. Благодаря этой способности во всякое время совершить обратное превращение в деньги, капитал по способу своего обратного притока приближается к ссудному капиталу: к денежному капиталу, который, будучи авансирован на известное время, возвращается в виде денежной суммы, увеличенной процентами. Таким образом становятся пригодными для применения в области промышленности такие денежные суммы, которые иначе не могли бы функционировать в качестве промышленного капитала.

Это—те денежные суммы, которые для их владельцев на более или менее продолжительное время оставались бы бездеятельными или находили бы лишь краткосрочное применение в качестве чисто ссудного капитала. Состав этих сумм постоянно изменяется, они то сокращаются, то расширяются; но во всякий данный момент имеется известная сумма таких праздно лежащих денег. Ее-то и можно превратить в промышленный капитал и закрепить в нем. Постоянные перемены в составе этой денежной суммы находят себе выражение в постоянных переходах акций от одних владельцев к другим. Разумеется, превращение в промышленный капитал совершается только однажды,—раз навсегда. Бездеятельные деньги окончательно превращены в денежный капитал, а этот последний—в производственный капитал. Новые денежные суммы, притекающие теперь из этого фонда бездеятельных денег, функционируют уже как покупательные средства по отношению к акциям, служат просто как средство обращения последних, обслуживают их перемещения. Но для владельца тех первоначальных денег, которые были превращены в промышленный капитал, этими вновь выступающими на сцену деньгами осуществляется обратный приток его денег: теперь, после того, как они и в промежуточный период функционировали для владельца как капитал, он опять располагает ими для каких бы то ни было иных целей. Кстати сказать: с повышением курса, caeteris paribus, должно увеличиться и то количество денег, которое необходимо для перемещения этих акций; следовательно, возможно, что в сферу обращения по этой причине войдет больше денег, чем было первоначально превращено в промышленный капитал. При этом следует обратить внимание на то, что курс акций обыкновенно выше стоимости того промышленного капитала, в который были превращены деньги.

Конечно, мобилизация капитала нисколько не затрагивает процесса производства. Она касается только отношений собственности: просто создает форму для перенесения функционирующей капиталистической собственности, для перемещения капитала как капитала, как денежной суммы, высиживающей прибыль. Так как она не затрагивает производства, то и представляет в действительности лишь перемещение права собственности на прибыль. Но для капиталиста все дело сводится как-раз к прибыли. В какой именно сфере производится прибыль, для него безразлично. Капиталист делает не товар: в товаре он делает прибыль.

Значит, одна акция столь же хороша, как и другая, если при прочих равных условиях они приносят равную прибыль. Следовательно, всякая акция расценивается по той прибыли, которую она приносит. Капиталист, покупающий акции, покупает такую же долю прибыли, как и всякий другой на равную сумму денег. Следовательно, мобилизацией капитала для всякого отдельного капиталиста индивидуально осуществляется равенство норм прибыли. Но именно только индивидуально, потому что действительно существующие неравенства покупкою акций погашаются только для него. В действительности и эти неравенства и тенденции к их уравнению продолжают существовать.

В самом деле, мобилизация капитала оставляет неприкосновенным действительное движение капитала к уравнению нормы прибыли: ведь стремление к возможно высокой прибыли попрежнему остается у капиталиста. Повышенная прибыль выступает теперь в виде увеличенных дивидендов и повышенной курсовой стоимости акций. Этим ясно указывается путь для капиталов, ищущих применения. Размер полученной прибыли, раньше коммерческая тайна отдельного предпринимателя, находит теперь более или менее адэкватное выражение в уровне дивиденда, и таким образом для капитала, который ищет применения, становится не трудно решить, к какой отрасли производства ему следует обратиться. Пусть, напр., в железной промышленности капитал в 1 миллиард марок приносит 200 миллионов прибыли, а в другой отрасли промышленности такой же капитал приносит прибыль в 100 миллионов марок; тогда, если мы предположим капитализацию из 5%, курсовая стоимость железных акций составит 4 миллиарда, а вторых акций—2 миллиарда, и тем самым различие для индивидуальных владельцев будет погашено. Но это нисколько не помешает новому капиталу искать приложения именно в железной промышленности, где достигается прибыль выше среднего уровня. Как-раз акционерная форма и облегчит приток капитала в соответствующие сферы промышленности. И не только потому, что, как уже отмечено выше, она легко преодолевает препятствия, обусловливаемые величиной необходимого капитала, но и потому, что капитализация добавочной прибыли этих сфер обещает особенно высокий учредительский барыш

и служит для банков приманкой, влекущей к данной промышленной отрасли. Различие норм прибыли проявляется здесь в различиях величины учредительского барыша; они уравниваются, потому что вновь накопляемые массы прибавочной стоимости устремляются к сферам с наиболее высоким учредительским барышом.

Мобилизация капитала оставляет неприкосновенным и те затруднения, которые противостоят уравнению нормы прибыли. Напротив, ассоциирование капитала, развивающееся параллельно его мобилизации, устраняет те границы, которые обусловливаются необходимой величиной вновь прилагаемых капиталов. При возрастающем богатстве капиталистического общества и благодаря соединению денежных сумм, огромность задуманного предприятия уже не служит препятствием к его осуществлению. Таким образом уравнение нормы прибыли может осуществляться все с большею исключительностью только приливом нового капитала в такие сферы, где норма прибыли выше средней, отлив же капитала из сфер производства с большим основным капиталом становится все больше затруднительным. Здесь уменьшение капитала осуществляется лишь постепенным отниранием старых сооружений,— или же уничтожением капитала в случае банкротства.

В то же время, с расширением масштаба производства, возникает новая трудность. Вновь сооружаемое производство в высоко капиталистической отрасли с самого начала должно иметь крупные размеры; его сооружение разом мощно увеличивает производство данной отрасли. Заповеди техники не допускают той медленной постепенности в увеличении производства, которой, может-быть, требовала бы поглотительная способность рынка. Сильное увеличение производства более чем уравнивает норму прибыли; если раньше она стояла выше среднего уровня, то теперь падает ниже его.

Таким образом тенденция к уравнению прибыли наталкивается на препятствия, которые с развитием капитализма все более возрастают. В различных сферах эти препятствия действуют с различной силой, смотря по составу капитала, в особенности по той относительной величине, какую основной капитал составляет по сравнению со всем капиталом. С наибольшею силой обнаруживается это действие в наиболее развитых сферах капиталистического производства, тяжелой промышленности. Здесь основной капитал играет решительно подавляющую роль,—здесь труднее всего отлив уже примененного капитала.

Какое действие оказывает все это на норму прибыли в данных сферах? Мыслимы были бы такие рассуждения? В этих отраслях необходим очень крупный первоначальный капитал, владеет такими капиталами очень ограниченное число лиц, а потому конкуренция в этих сферах не велика, прибыль высокая. Но ясно,

что такие рассуждения были бы правильны только для эпохи, когда капитал еще функционировал как индивидуальный капитал. Возможность ассоциирования капитала играючи преодолевает эту границу. Величина капитала—вовсе не препятствие тому, чтобы достать необходимую сумму. Напротив, уравнение посредством отлива капитала здесь исключено, точно так же и уничтожение отмирание капитала не совершается так быстро, как в других отраслях. Притом рассматриваемые развитые отрасли характеризуются как-раз тем, что конкуренция здесь быстрее всего уничтожает мелкие производства, если только они вообще когда-нибудь существовали (напомним некоторые отрасли электрической промышленности). Мало того, что здесь господствует крупное производство: эти сильные капиталом крупные производства становятся все более равноценными между собою, и все более сглаживаются те технические и экономические различия, которые отдельным из них обеспечивают превосходство в конкурентной борьбе. Здесь перед нами—не борьба сильных со слабыми, в которой слабые уничтожаются, и тем устраняется избыток капитала в данной сфере: это борьба между равными, которая может долго оставаться нерешенной, и которая от всех борющихся требует одинаковых жертв. Все предприятия вынуждены вести эту борьбу: иначе будет обесценен весь тот огромный капитал, который вложен в каждое из них. Таким образом разрузка этой сферы посредством уничтожения капитала до чрезвычайности затрудняется. В то же время всякое новое предприятие, с самого начала характеризуясь высокой производительностью, с большой силой воздействует на величину предложения. Именно в этих сферах очень легко может сложиться такое положение, что норма прибыли на долгое время опускается ниже среднего уровня. Это положение тем опаснее, чем ниже стоит средняя норма прибыли. Понижение нормы прибыли, сопровождающее развитие капиталистического производства, постоянно суживает те границы, в которых производство все еще остается прибыльным. Если норма прибыли составляет всего 20%, вместо прежних 40%, то уже сравнительно очень небольшого понижения цен достаточно для того, чтобы прибыль совершенно исчезла, и цель капиталистического производства оказалась бы недостижимой. Следовательно, отрасли с крупными массами основного капитала становятся все более чуткими в конкуренции и сопровождающему ее понижению нормы прибыли—и в то же время как-раз для них становится все более затруднительным изменить раз сложившееся распределение капитала. Значит, как-раз в них—предполагая свободную конкуренцию—легко могут возникнуть нормы прибыли ниже средней, и уравнение их происходит тогда лишь с большой медленностью: благодаря замедленному приливу нового капитала и благодаря тому, что с ростом населения потребление мало-но

малу увеличивается. Эта тенденция может усиливаться еще и тем, что новые капиталы (акционерный капитал) могут с самого начала считаться с прибылью, упавшей ниже средней величины.

С другой стороны, прибыль ниже средней должна господствовать в тех сферах, в которых еще доминирует индивидуальный капитал, и минимальная величина капитала сравнительно невысока. Сюда устремляются капиталы, которые уже не способны конкурировать в более развитых отраслях; так как они невелики, то владельцы не могут использовать их и в качестве капиталов, приносящих процент или дивиденд. Это—сферы мелкой торговли и мелко-капиталистического производства с их ожесточенной конкурентной борьбой, с постоянным уничтожением старого капитала, немедленно снова и снова заменяемого новым, сферы, переполненные теми элементами, которые всегда одной ногой соприкасаются с пролетариатом, и для которых банкротство—постоянное явление, меж тем как немногие единицы из них постепенно развиваются в сравнительно крупных капиталистов. Это — те отрасли производства, которые все больше впадают в разнообразнейшие формы косвенной зависимости от крупного капитала.

К переполнению этих сфер производства присоединяется еще одно обстоятельство, которое тоже понижает здесь норму прибыли. Тут свирепствует конкуренция из-за сбыта, и, чтобы вести эту конкуренцию, затрачиваются огромные суммы для того, чтобы ускорить оборот и увеличить сбыт. Развертывается широкая реклама, рассылаются полчища комми-вояжеров. Из-за каждого клиента борется десяток комми-вояжеров. Все это требует денег, которые увеличивают капитал этих сфер; так как они применяются непроизводительно, то прибыль не увеличивается, и норма прибыли, исчисляемая теперь на этот увеличенный капитал, понижается.

Мы таким образом видим, как на двух противоположных полюсах капиталистического развития из совершенно различных причин возникает тенденция к понижению нормы прибыли ниже ее среднего уровня. Там, где капитал достаточно силен, эта тенденция, в свою очередь, порождает противоположную тенденцию, направленную на преодоление первой. Она приводит, в конце концов, к уничтожению свободной конкуренции, — следовательно, неравенство норм прибыли само приобретает характер устойчивой тенденции, пока, наконец, оно не устраняется устранением разделения сфер производства [1]).

Тенденция, возникающая таким образом в наиболее развитых сферах промышленного капитала, находит себе поддержку со стороны интересов банкового капитала.

[1]) Тенденция к уравнению нормы прибыли важна в том отношении что она об'ясняет движение капиталистического производства и тот, способ, каким закон стоимости действует как закон этого движения. Ведь закон стоимости господствует не прямо над отдельными меновыми актами, а только над их совокупностью, в которой отдельный меновой акт является просто частью, обусловленною целым. С другой стороны, неравенство индивидуальных прибылей важно для распределения всей прибыли, для накопления и концентрации, наконец, — для комбинации, фузии, картелей и трестов.

Мы видели, что концентрация промышленности ведет в то же время к концентрации банков, и что она еще больше усиливается условиями развития самого банкового дела. Мы видели дальше, как банковый капитал, опираясь на акционерную форму, может расширять промышленный кредит и, руководимый перспективою учредительской прибыли, все более заинтересовывается делом финансирования. Но учредительская прибыль при прочих равных условиях зависит от уровня предпринимательской прибыли. Следовательно, банк непосредственно заинтересовывается в ее уровне. Но параллельно концентрация банков расширяется и круг тех промышленных предприятий, в которых банк принимает участие в качестве кредитора и финансового учреждения.

Перед промышленным предприятием, которому принадлежит превосходство в техническом и экономическом отношениях, открывается перспектива укрепиться на рынке победоносной конкурентной борьбой, увеличить собственный сбыт и, вытеснив противников, на более или менее продолжительное время обеспечить за собой добавочную прибыль, которая более чем компенсирует убытки от конкурентной борьбы. Напротив, банк руководится соображениями иного рода. Победа данного предприятия есть поражение других, в которых банк заинтересован равным образом. Другие предприятия сильно использовали в нем кредит, и ссуженному капиталу теперь угрожает опасность. Да и сама конкурентная борьба в течение некоторого времени представляет убыток для всех предприятий. Банк должен ограничивать размеры их кредита, отказываться от прибыльных операций, связанных с финансированием. Победа одного предприятия за все это его никоим образом не вознаграждает. Столь сильное предприятие—контрагент, на котором банку не удастся заработать сколько-нибудь много. Значит, поскольку конкурирующие предприятия являются клиентами банка, от их конкуренции он может ожидать только невыгод. Отсюда абсолютное стремление банка к устранению конкуренции между теми предприятиями, в которых он принимает участие. Кроме того, всякий банк заинтересован в возможном повышении предпринимательской прибыли. А она, при прочих равных условиях, наиболее высокой будет при полном устранении конкуренции в данной промышленной отрасли. Отсюда стремление банков к установлению монополии. Следовательно, тенденции банкового капитала к устранению конкуренции совпадают с таковыми же тенденциями промышленного капитала. И в то же время все более возрастает власть банка, которая позволяет ему осуществить эту цель: осуществить даже вопреки

воле отдельных предприятий, которые, опираясь на свои особо благоприятные технические условия, быть-может, все еще предпочли бы конкурентную борьбу. Следовательно, поддержке банкового капитала промышленный капитал обязан тем, что исключение конкуренции достигается уже на такой ступени экономического развития, на которой, без содействия банкового капитала, все еще продолжалась бы свободная конкуренция [1]).

Кроме этой общей тенденции к ограничению конкуренции, подобные же тенденции возникают из определенных фаз промышленной конъюнктуры. Прежде всего следует отметить, что побуждение к увеличению прибыли с особенной силой обнаруживается в период депрессии. Во время расцвета спрос выше предложения. Это видно уже из того, что в период процветания продукт продается задолго до того, как он будет произведен [2]).

Здесь же следует кстати отметить, что спрос в этот период нередко принимает спекулятивный характер. Покупают в расчете, что цены и дальше будут подниматься. Повышение цены, ограничивающее потребительский спрос, как-раз стимулирует спрос спекулятивный. Но если спрос выше предложения, то рыночную цену определяют предприятия, производящие при наихудших условиях. А те, которые производят при относительно лучших условиях, реализуют добавочную прибыль. Предприниматели и без заключения каких бы то ни было договоров представляют тогда единое сплоченное целое. Обратное в период

[1]) Не подлежит никакому сомнению, что как-раз иной характер развития банков в Англии, предоставляя банкам несравненно менее значительное влияние на промышленность, является одной из причин того явления, что картелирование в Англии затруднено, и что, если картели и осуществляются, они обычно остаются лишь слабыми соединениями для повышения цен: при хорошей конъюнктуре достигают чрезвычайно высоких цен,—а во время депрессии рассыпаются (см. многочисленные примеры таких крушений у Henry W. Macrosty, „The Trust Movement in British Industry“. London 1907 г., стр. 63 и сл.). Организационный прогресс в английской промышленности, в особенности успехи комбинирования за последние годы, следует приписать американской и германской конкуренции. Монополия на мировом рынке привела к отсталости английской промышленности: наилучшее доказательство необходимости конкуренции при капиталистической системе.

Кроме того, в развитии английских банков обнаруживается и еще одно явление. В Германии и Соединенных Штатах общность интересов промышленности находит себе выражение в персональной унии, осуществляемой главным образом директорами банков; в Англии это играет меньшую роль: там персональная уния осуществляется директорами промышленных акционерных обществ.

[2]) Так, в половине июня 1907 г. продукт германских и английских прядильных фабрик во многих случаях был продан уже на первую четверть 1908 г. Германские потребители угля в январе 1907 г. заключали с угольным синдикатом сделки в твердый счет по март 1908 г., т.-е. на 15 месяцев („Frankfurter Zeitung“, 16 июля 1907 г.).

депрессии, когда всякий сам за себя старается спасти то, что еще возможно спасти, и каждый беспощадно действует против других. „Та из конкурирующих сторон, которая в данный момент слабее, характеризуется в то же время тем, что каждое отдельное лицо действует здесь независимо от массы своих конкурентов и зачастую прямо против них, и как-раз таким путем делает ощутительной зависимость отдельного конкурента от других; между тем более сильная сторона всегда противостоит своим противникам как более или менее сплоченное целое. Если спрос на данный сорт товаров больше, чем предложение, то, в известных границах, один покупатель стремится перебить другого и поднимает таким образом для всех покупателей цену товара выше его рыночной стоимости, в то время как, с другой стороны, продавцы совместно стараются продать товар по высокой рыночной цене. Если, наоборот, предложение больше спроса, то один начинает уступать дешевле, а за ним вынуждены следовать другие, в то время как покупатели совместно стремятся возможно сильнее понизить рыночную цену по сравнению с рыночной стоимостью. Сотоварищи интересуют каждого постольку, поскольку, идя вместе с ними, он выигрывает больше, чем идя против них. Единство действий прекращается, раз данная сторона как таковая слабее противника, и каждое отдельное лицо стремится возможно лучше устроиться собственными силами. Далее, если один из конкурентов производит дешевле других, может сбывать большее количество товара и отвоевать для себя больше места на рынке, продавая товар ниже господствующей в данный момент рыночной цены или рыночной стоимости, то он так и поступает и, следовательно, начинает действовать так, что мало-по-малу принуждает других ввести более дешевый способ производства и сводит общественно необходимый труд к новому, менее значительному количеству. Если преимущество на известной стороне, то выигрывает всякий, кто к ней принадлежит; дело происходит таким образом, как если бы все принадлежащие к ней осуществляли о б щ у ю м о н о п о л и ю. Если известная сторона оказывается слабейшею, то каждый может попытаться своими единичными усилиями стать сильнее противника (наприм., тот, кто работает с меньшими издержками производства) или, по крайней мере, отделаться возможно малыми потерями, и в этом случае никому уже нет никакого дела до своих соседей, хотя действия его касаются не только его самого, но и всех его сотоварищей“ [1]).

[1]) Маркс, „Капитал“, III т., стр. 169—170 (здесь, как и в дальнейшем, страницы указаны по русскому переводу I, II и III томов „Капитала“ под редакцией В. Базарова и И. Степанова, 1907—1908 гг.).

Очень характерно следующее место, цитируемое Марксом: „Если каждый член группы никак не может получить больше данной доли

Так возникает следующее противоречие: ограничение конкуренции осуществляется легче, когда оно наименее необходимо, потому что договор здесь просто санкционирует существующее положение,—именно, во время процветания. Наоборот, во время депрессии, когда ограничение конкуренции наиболее необходимо, заключение договора оказывается наиболее трудным. Это обстоятельство об'ясняет, почему картели с несравненно большею легкостью организуются в эпоху процветания или, по меньшей мере, по окончании депрессии,—и почему, наоборот, в эпоху депрессии они так часто рушатся, в особенности если они не были строго организованы [1]).

Ясно также, что соединения монополистического характера в эпохи хорошей конъюнктуры с несравненно большим успехом подчиняют себе рынок, чем в периоды депрессии [2]).

или соответственной части общих выгод и собственности группы, то он охотно будет соединяться с другими, чтобы повысить эти выгоды" (это он и делает, замечает здесь Маркс, когда это позволяет соотношение спроса и предложения); „это—монополия. Но если каждый думает, что он может каким-либо способом повысить абсолютную величину своей доли, хотя бы и путем уменьшения общей суммы, он часто так и будет поступать: это—конкуренция" (An Inquiry into those principe respecting the nature of demand etc. London 1811, стр. 105).

Во время процветания доля (given share) дана, она равна всему тому продукту, который может произвести отдельный предприниматель. Напротив, при депрессии ему приходится бороться за сбыт.

[1]) „Правда, опыт показал, что картели можно назвать „детьми нужды", и что стремление к об'единению сотоварищей по профессии наилучшее питание находят в эпохи понижающейся экономической конъюнктуры или кризисов: но с наибольшею легкостью осуществляется картель при сравнительно благоприятном положении дел и при высокой конъюнктуре: расчет на сохранение благоприятных цен, в связи с сильным спросом, служит дальнейшим побуждением к об'единению общих интересов. Напротив, общность действия затрудняется стремлением получить заказы по какой бы то ни было, хотя бы самой низкой, цене и перехватить их у конкурентов". Dr. Völcker, в реферате о союзе германских фабрик типографской бумаги. Kontradict. Verh.

См. также к истории картелей Heinrich Cunow: „Die Kartelle in Theorie und Praxis", „Neue Zeit", XXII, 2, стр. 210.

[2]) Так, Леви, отметив, что в Соединенных Штатах цена стальных рельс, несмотря на все колебания как в цене на мировом рынке, так и в цене сырого материала, с мая 1901 до лета 1905 г. неизменно удерживалась на уровне в 28 долларов, говорит: „Повидимому, эта организация, пуль, всегда утрачивала силу в плохие времена, и опять приобретала ее в хорошие времена.

„Так, в 1892 г. в момент, когда цены падают, rail pool рассыпается вследствие конфликтов между Карнеги и Illinois Steel Company, главными участниками пуля. Так, дальше, в 1897 г. рушится второй пуль после того, как миновал короткий под'ем 1896 г. Происходит всеобщая деморализация рынка, которая в конце 1898 г. опять побуждает производителей обратиться к общей мере; к основанию нового рельсового картеля" (Hermann Levy, „Die Stahlindustrie in den Vereinigten Staaten". Berlin 1905, стр. 201).

На-ряду с теми тенденциями, которые вызывают длительное понижение нормы прибыли ниже среднего уровня, и которые могут быть устранены только устранением их причины, конкуренции, существует и иное понижение нормы прибыли: для одной отрасли промышленности она понижается потому, что прибыль в другой отрасли промышленности повысилась. Если понижение в первом случае возникает из длительно действующих причин, то во втором—из условий промышленного цикла. Если первое, в конце концов, наступает во всех развитых отраслях капиталистического производства, то второе распространяется только на определенные его отрасли. Наконец, если первое возникает из конкуренции в одной и той же отрасли промышленности, то второе—из взаимного соотношения между такими отраслями промышленности, из которых одна доставляет сырой материал для другой.

Во время процветания происходит расширение производства. Это расширение быстрее всего осуществляется там, где капиталы сравнительно невелики, где производство может расширяться в короткое время и во многих пунктах. Это быстрое расширение производства до известной степени противодействует повышению цен. Таково положение в значительной части промышленности, производящей готовые фабрикаты. Напротив, в добывающей промышленности производство не может расширяться с такой быстротой. Закладка новой шахты, устройство новой доменной печи требует сравнительно продолжительного времени [1]). В первое время процветания возрастающий спрос удовлетворяется более

---

[1]) В Рурском бассейне на устройство шахты требуется от 5 до 7 лет. В Соединенных Штатах полное оборудование чисто стального и прокатного завода требует два года, завода с доменной печью—и того больше (Heymann, loc. cit., стр. 221).

Описываемые здесь процессы—явления, относящиеся исключительно к сфере конкуренции. Поэтому анализ их не входит в область исследования „Капитала". Однако, Маркс в иной связи при случае указывал на совершенно аналогичное явление: „растительные и животные вещества, рост и производство которых подчинены определенным органическим законам и связаны с известными естественными промежутками времени, в силу этих природных условий не могут быть внезапно увеличены в такой степени, как, напр., машины и прочий основной капитал, уголь, руда и т. п., увеличение количества которых при неизменности естественных условий может совершаться очень быстро в промышленно развитой стране. Вполне возможно таким образом, и при развитом капиталистическом производстве даже неизбежно, что производство и рост части постоянного капитала, состоящей из капитала основного, машин и т. д., значительно обгоняет производство и рост той его части, которая состоит из органических сырых материалов; вследствие этого спрос на такие сырые материалы увеличивается быстрее их предложения, и потому цена их повышается" (Маркс, „Капитал", III, стр. 93). Описанное здесь расхождение есть результат неодинаковой продолжительности периода оборота. Если для органического сырья оно вытекает из естественных причин, то для неорганического—из величины капитала, в особенности его основной части.

интенсивным использованием наличных производственных возможностей. Но в период высокой конъюнктуры спрос отраслей, производящих готовые продукты, возрастает быстрее, чем производство добывающих отраслей промышленности. Поэтому цены сырого материала возрастают быстрее, чем цены готовых фабрикатов. Таким образом в добывающей промышленности норма прибыли повышается за счет обрабатывающей промышленности, которой к тому же недостаток сырья может послужить помехой в использовании конъюнктуры.

Во время депрессии положение обратное. В отраслях, доставляющих сырой материал, отлив капитала и ограничение производства затруднительнее и сопряжено с большими потерями, чем в сфере производства готовых продуктов. Поэтому в первых норма прибыли дольше остается на уровне ниже среднего: момент, который, в свою очередь, содействует тому, чтобы в обрабатывающей промышленности привести прибыль к нормальному уровню, между тем как в производстве сырых материалов депрессия носит более затяжной и тяжелый характер.

Насколько тяжелый и длительный характер могут принимать такие депрессии при свободной конкуренции, показывает кризис железной и стальной промышленности в Соединенных Штатах 1874—1878 гг. После 1873 г. цена чугуна в Филадельфии упала с 42,75 долларов, в конце концов, до 17,53 долл. в 1878 г. [1]).

Колоссальные колебания цен в течение промышленного цикла иллюстрируют также следующие цифры, при чем следует отметить, что издержки производства чугуна за рассматриваемое время в общем понизились:

Base-Erz Nr. I Bessemer-Hämatit с 6 долл. в 1890 г., понижаясь из года в год, в 1895 г. дошло до 2.90 долл. Mesabi-Bessemer в 1894 г. продается по 2,25 долл., не-бессемеровское по 1,85 долл. Потом наступает короткий период под'ема в стальной промышленности... Названные ряды немедленно повышаются до 4,00, 3,25 и 2.40 долл. [2]).

Бессемеровский чугун в Питтсбурге стоил (в долларах): 1887 г.—21,37, 1897 г.—10,13, 1902 г.—20,67, 1904 г.—13,76. Английский лучший чугун: 1888 г.—10,86, 1895 г.—11,30, 1900 г.—20,13, 1903—13,02 [3]).

Соотношение цен сырого материала с ценами чугуна при понижающейся конъюнктуре дает следующая поучительная таблица, взятая у Леви [4]):

	Цена 2240 lbs. бессемеровского чугуна.	Цена 2240 lbs. Lake Superior-Erz.	Цена 2000 Pounds кокса.	Цена 4122 lbs. руды + 2423 lbs. кокса.	Разница между ценой чугуна и цифрами предыдущего столбца.
1890 г.	18.8726 долл.	6.00 долл.	2.0888 долл.	13.56 долл.	5.31 долл.
1891 „	15.2500 „	4.75 „	1.8750 „	11.01 „	4.94 „
1892 „	14.3667 „	4.50 „	1.8088 „	10.47 „	3.90 „
1893 „	12.8692 „	4.00 „	1.4792 „	9.15 „	3.72 „
1894 „	11.3775 „	2.75 „	1.0584 „	6.34 „	5.04 „
1895 „	12.7167 „	2.90 „	1.3250 „	6.94 „	5.78 „
1896 „	12.1400 „	4.00 „	1.8750 „	9.63 „	2.51 „
1897 „	10.1258 „	2.65 „	1.6167 „	6.84 „	3.29 „

[1]) Levy, loc. cit., стр. 31.
[2]) Там же, стр. 98.
[3]) Там же, стр. 121.
[4]) Там же, стр. 136.

„Из этих цифр мы видим, в какое положение после 1890 г. попали те производства, которые должны были покупать весь необходимый для них уголь и руды. Хотя цена материалов после 1890 г. значительно упала, но разница между их стоимостью и ценой готового продукта понизилась еще больше, так что положение потребителей существенно ухудшилось. Это было все то же старое явление: цены чугуна шли вниз быстрее и сильнее, чем цены сырых материалов,—как-раз то явление, которое, как мы показали, приводило к комбинированию производств".

Необходимо, чтобы это различие в норме прибыли было устранено,—и оно может быть устранено только посредством соединения добывающей промышленности с обрабатывающею: посредством комбинации. Толчок в комбинации может носит различный характер, в зависимости от той фазы, в которой находится конъюнктура. В периоды процветания толчок исходит от предприятий обрабатывающей промышленности, которые таким образом справляются с высокими ценами сырья или даже с его недостатком. В периоды депрессии производители сырого материала стараются присоединить к себе обрабатывающие этот материал предприятия, чтобы избавиться от необходимости продавать сырой материал ниже цены производства. Они начинают перерабатывать его сами и реализуют в готовом продукте более высокую прибыль. Вообще говоря, обнаруживается такая тенденция, что менее доходная в данный момент отрасль производства присоединяет к себе более доходную [1]).

По способу возникновения комбинаций можно различать: комбинацию восходящую,—напр., прокатный завод, присоединяющий к себе доменные печи и каменно-угольные шахты. Комбинация нисходящая: каменно-угольное предприятие покупает доменную печь и прокатный завод. Смешанная комбинация: стальной завод присоединяет к себе, с одной стороны, угольные шахты, а с другой—прокатные заводы.

Итак, к комбинации ведут различия нормы прибыли. Для комбинированного предприятия колебания нормы прибыли устраняются, между тем как в чистом, однородном предприятии прибыль уменьшается в пользу какого-либо другого предприятия.

Другая выгода комбинации заключается в сбережении торговой прибыли. Как таковая она может быть устранена комбинацией, и тогда на соответствующую сумму возрастает промышленная прибыль.

Устранение торговой прибыли становится возможным благодаря прогрессирующей концентрации. Утрачивается необходимость в основной задаче торговли: концентрировать функцию, раздробленную между отдельными капиталистическими производствами, и таким образом содействовать тому, чтобы в надлежащем количестве удовлетворялись потребности других промыш-

[1]) Heymann, loc. cit., стр. 221.

леных капиталистов. Так, ткач предпочитает покупать у торговца пряжей различные сорта пряжи в различных количествах и разнообразного качества вместо того, чтобы заключать сделки с целым рядом прядильщиков. Точно так же и прядильщик охотнее продает весь свой продукт разом, одному торговцу, вместо того, чтобы продавать его целому ряду ткачей. Этим сокращаются период обращения и издержки обращения, и уменьшается запасной капитал.

Иначе обстоит дело там, где крупные концентрированные производства создают однородные продукты (массовые продукты) и где производство одного покрывает потребность другого. Здесь торговля излишня. Торговец и его прибыль могут быть устранены,—и они устраняются комбинацией этих предприятий. Такое устранение торговой прибыли характерно для комбинации в противоположность соединению однородных предприятий, между которыми, разумеется, не существовало никаких торговых отношений. Отпадая, торговая прибыль pro tanto увеличивает промышленную прибыль. Когда комбинированные предприятия конкурируют с чистыми, повышенная прибыль дает им преимущество в конкурентной борьбе.

Если бы нормы прибыли в предприятиях того и другого типа были одинаковы,—и притом равны средней норме прибыли, — то сначала комбинация не давала бы никакого превосходства, потому что и после того можно было бы реализовать лишь среднюю норму прибыли. Но комбинация уравнивает различия конъюнктуры, и потому обеспечивает для комбинированного предприятия большее постоянство нормы прибыли. Во-вторых, комбинация приводит к устранению торговли. В-третьих, она делает возможными технические усовершенствования, а следовательно, и получение дополнительной прибыли по сравнению с чистыми предприятиями. В-четвертых, она укрепляет позицию комбинированного предприятия по сравнению с чистым,—усиливает его в конкурентной борьбе во время сильной депрессии, когда понижение цен сырья отстает от понижения цены фабрикатов.

Комбинация, знаменующая ограничение общественного разделения труда, в то же время дает новый толчок разделению труда в пределах новой производственной единицы, при чем здесь разделение труда все более захватывает и труд руководства. Собственно говоря, капиталистический способ производства с самого начала сопровождается комбинацией. „Наконец, мануфактура, возникая в некоторых случаях сама из комбинации различных ремесл, может, в свою очередь, развиться в комбинацию различных мануфактур. Так, напр., в Англии крупные стеклодельные предприятия сами приготовляют для себя глиняные плавильные тигли, так как от устройства последних существенно зависит качество продукта. Мануфактура известного сред-

ства производства связана здесь с мануфактурой продукта. Наоборот, мануфактура известного продукта может быть связана с мануфактурами, для которых данный продукт сам служит сырым материалом или соединяется впоследствии с продуктами этих мануфактур. Так, мануфактура флинтгласа соединяется иногда с мануфактурой шлифования стекла и с латунно-литейной мануфактурой, — последняя служит для изготовления металлических оправ к различным стеклянным предметам. В этом случае комбинированные мануфактуры образуют более или менее обособленные в пространстве отделы одной совокупной мануфактуры и в то же время независимые друг от друга процессы производства, — каждый с своим собственным разделением труда. Несмотря на различные преимущества, представляемые комбинированной мануфактурой, последняя, как таковая, не достигает действительного технического единства. Это единство возникает лишь при превращении мануфактуры в машинное производство“ [1]).

Чрезвычайное ускорение темпа, которым идет возникновение комбинаций в новейшей фазе капиталистического развития, вытекает из тех сильных стимулов, которые даются причинами экономического характера, в особенности картелированием. Но, само собой разумеется, комбинация, возникающая из экономических причин, очень скоро дает возможность ввести технические усовершенствования в процесс производства: напомним, напр., соединение доменных печей с дальнейшей переработкой, которое только и позволило рационально использовать газы доменной печи для оторов. Эти технические выгоды, раз они возникли, в свою мочередь, являются побудительным мотивом к осуществлению комбинации там, где только экономические причины сами по себе еще не привели бы к ней.

Итак, под комбинацией мы разумеем соединение таких капиталистических предприятий, из которых одно доставляет сырой материал для другого; это соединение, обусловливаемое различиями норм прибыли в различных сферах промышленности, мы отличаем от соединения предприятий одной и той же промышленной отрасли. Последнее возникает с той целью, чтобы, уничтожив конкуренцию, поднять норму прибыли в этой сфере выше сложившегося уровня, который стоит ниже среднего. В первом случае не происходит изменения в нормах прибыли тех отраслей промышленности, к которым принадлежали предприятия до своего соединения. Различие норм прибыли продолжает существовать, и устраняется оно только для комбинированного предприятия. Во втором случае ожидается повышение прибыли для соответствующей отрасли промышленности вследствие уменьшения конкуренции. Теоретически это наступает уже при соеди-

[1]) Маркс, „Капитал“, I, стр 313.

нении всего двух предприятий: потому ли, что уничтожение конкуренции оказывает свое действие хотя бы на данные два предприятия, потому ли, что соединившиеся предприятия настолько крупны, что они занимают на рынке доминирующее положение и пользуются им для повышения цен, а это уменьшает действие конкуренции и для остальных предприятий. Во всяком случае, может случиться и так, что соединившиеся предприятия используют свою укрепленную позицию прежде всего исключительно с той целью, чтобы конкуренцией побить своих противников, и повышение нормы прибыли наступит лишь после того, как эта цель будет достигнута.

Соединение предприятий может произойти в двоякой форме. Или предприятия формально сохраняют свою самостоятельность, и общность их действий закрепляется только договором. Тогда мы имеем перед собою соглашение. Если же предприятия входят в новое предприятие, растворяются в нем, то это соединение мы назовем фузией (слиянием).

И соглашение, и фузия могут быть или частичными, — тогда свободная конкуренция попрежнему существует в соответствующей отрасли промышленности, — или монополистическими [1]).

Соглашение по возможности всех предприятий, имеющее задачей по возможности полное исключение конкуренции цен, а, следовательно, и повышение прибыли, это — картель. Следовательно, картель — монополистическое соглашение.

Фузия с теми же целями, которые достигаются такими же способами, это — трест. Следовательно, трест — монополистическая фузия [2]).

Далее, и соглашение и фузия могут быть гомогенными, т. е. охватывать предприятия одной и той же отрасли производства, и могут быть комбинированными, т. е. охватывать предприятия последовательных отраслей производства. Поэтому мы говорим о частичных гомогенных или комбинированных фузиях и соглашениях, с одной стороны, и о гомогенных или комбинированных картелях и трестах — с другой. При этом следует иметь в виду, что соглашения нередко возникают теперь не посредством формальных договоров, а посредством персональной унии, которая

[1]) При этом следует иметь в виду, что монополистическим об'единение будет уже в том случае, если оно оказывает решающее влияние на образование цен на рынке. Если же на-ряду с тем сохраняются еще некоторые самостоятельные предприятия, которые, назначая цены, всегда сообразуются с ценами, назначаемыми союзом, это ничего не изменяет в том факте, что в данной отрасли производства уже нет свободной конкуренции в теоретико-экономическом смысле. Но, чтобы не навлечь на себя упреков со стороны педантов, я называю такие союзы не полными соглашениями или фузиями, а монополистическими (см. также Liefman, „Kartelle und Trusts“. 1905, стр. 12).

[2]) Liefmann, l. c., стр. 13.

тогда обыкновенно является выражением отношений капиталистической зависимости. Фузии и соглашения возможны не только в сфере промышленности, но равным образом и в торговле, и между банками. Все эти об'единения совершаются в одной и той же сфере, и потому мы называем их гомосферическими об'единениями. Но могут складываться об'единения и иного рода, — напр., торгового предприятия с банком. Так бывает, напр., в тех случаях, когда банк устраивает товарное отделение, или универсальным магазином открывается депозитный банк. Точно так же торговое предприятие может быть учреждено промышленным предприятием: напр., фабрики обуви нередко сами устраивают в крупных городах магазины обуви для непосредственного сбыта окончательному потребителю. Тогда мы говорим о гетеросферических об'единениях.

Необходимо при этом отметить, что, как виды в природе, так и различные отрасли в промышленности не представляют чего-то устойчивого, застывшего. Если мы представим себе универсальную комбинацию, то она в одной обширной отрасли промышленности об'единит все отрасли, которые раньше были раздельными. Очень нетрудно было бы представить себе, что вся железная промышленность образует одну единственную отрасль промышленности, в которую добыча угля и руды входит совершенно так же, как производство рельс и проволочных гвоздей, то всякий отдельный железный завод охватывает все эти виды производства, и что чистые заводы исчезли. В пределах такой широкой отрасли производства будут возможны тогда все способы смягчения конкуренции, — от соглашения до треста.

Частичная комбинация, имеет ли она форму соглашения или фузии, не ограничивает конкуренции: она просто усиливает комбинированное предприятие в конкуренции против чистых предприятий; напротив, следствием гомогенного об'единения всегда является смягчение конкуренции, — если дело идет о частичном соглашении, — и полное ее уничтожение, — если соглашение является полным.

Кроме экономических выгод, комбинация, фузия и трест приносят и технические выгоды, присущие более крупному производству по сравнению с мелким. Эти выгоды различны, в зависимости от характера предприятий и от особенностей данной промышленной отрасли. Технические выгоды уже сами по себе могут быть достаточны для того, чтобы приводить к фузиям и комбинациям; напротив, соглашения и картели возникают исключительно по соображениям о чисто экономических выгодах.

Все эти об'единения промышленных предприятий обычно подготовляются тем общим интересом, которым банк связывается с промышленными предприятиями. Банк, сильно заинтересованный, напр., в делах угольной шахты, использует свое влияние

на железный завод для того, чтобы сделать его покупателем угля на данной шахте. Это — зародыш комбинации. Или, заинтересованный в двух однородных предприятиях, которые ожесточенно конкурируют друг с другом на различных рынках, банк делает попытки привести их к примирению, — и тогда открывается путь к гомогенному соглашению или к фузии.

Это вмешательство банков ускоряет и облегчает процесс, который обусловливается тем, что развитие вообще идет к промышленной концентрации. Но вмешательство банков приводит к этому средствами иного рода: результат конкурентной борьбы анцитипируется, предвосхищается. Благодаря этому, с одной стороны, удается избежать бесполезного уничтожения и расточения производительных сил. Но, с другой стороны, на первых порах благодаря этому не происходит такой концентрации собственности, которая была результатом конкурентной борьбы. Собственник другой фабрики, побежденной в этой борьбе, не экспроприируется, — потому что ведь и борьба не доводится до конца. Следовательно, перед нами концентрация производства — или предприятий — без концентрации собственности. Как на бирже совершается чистая концентрация собственности без концентрации производства, так теперь в промышленности происходит концентрация производства без концентрации собственности: осязательное выражение того факта, что функция собственности все более отрешается от производственной функции.

Напротив, для банка обслуживание этих процессов знаменует, с одной стороны, большую гарантированность кредитованного капитала, а с другой стороны, создает случай для прибыльных операций: обмена акций, выпуска новых акций и т. д. В самом деле, соединение предприятий приводит к повышению их прибыли. Часть этой повышенной прибыли капитализируется и присвояется банком. Следовательно, не только как кредитное учреждение, но прежде всего и как учреждение, финансирующее предприятия, банк заинтересован в их об'единении.

Возрастающая концентрация становится на известной ступени помехой для ее дальнейшего развития. Чем крупнее, сильнее, однороднее производства, тем меньше надежды на то, что одно из них сумеет расширить свое собственное производство, одержав в конкурентной борьбе победу над другим. В то же время низкий уровень прибыли и опасение, что расширение производства еще более понизит и без того пониженные цены, заставляют воздерживаться от расширения, хотя по техническим соображениям оно и было бы желательным. Но при угнетенном состоянии рынка никак нельзя отказаться от тех выгод, которые приносит увеличение производства. Выход находится здесь в создании более крупного производства посредством соединения разделенных до того времени предприятий: посредством фузии.

Насколько крупной должна быть доля монополистического об'единения во всем производстве для того, чтобы оно могло оказывать решающее влияние на рыночные цены? Вопрос не допускает общего ответа для всех отраслей производства. Однако, мы получим некоторый опорный пункт для ответа, если напомним, что было сказано выше о различиях в поведении конкурентов в периоды хорошей и плохой коньюнктуры. При хорошей коньюнктуре, когда спрос выше предложения, цена продукта все равно будет самая высокая из возможных; в такие периоды посторонние, т.-е. стоящие вне об'единений, продают скорее выше, чем ниже картельных цен. Иначе—во времена плохой коньюктуры, когда предложение выше спроса. Это — момент, когда должно обнаружиться, господствует ли об'единение над рынком. Но ему будет принадлежать господство лишь при том условии, если его производство безусловно необходимо для снабжения рынка. Тогда оно продаст лишь в том случае, если согласятся на его цену, и на его цену придется согласиться, если рынок совершенно не может обойтись без предложения со стороны картеля. Картель по этой цене продаст то количество, которого недостает рынку. Но в таком случае ему придется настолько ограничить производство, чтобы оно не переобременяло рынка, между тем как у посторонних сохраняется возможность сбывать все, что они могут произвести. Более всего возможна подобная политика цен, во-первых, в тех отраслях производства, где ограничение не сопряжено со слишком крупными жертвами, т.-е. в особенности там, где живой труд стоит на первом месте, порча же постоянного капитала не играет сколько-нибудь крупной роли. И то и другое характеризует добывающую промышленность. Руда и уголь не подвергаются спашиванию, а живой труд играет крупную роль. Во-вторых, там, где сокращение потребления в периоды плохой коньюнктуры незначительно.

Но если не осуществлено ни то, ни другое условие, то картелю, чтобы обеспечить свой сбыт, приходится понижать цены по сравнению с посторонними. Здесь наступает момент, когда картель, не подчинивший себе всего производства, утрачивает господство над рынком, и снова начинается свободная конкуренция.

Итак, необходимость заставляет ограничить производство, благодаря чему издержки производства, падая на уменьшившееся количество продукта, относительно повышаются и уменьшают прибыль. Это противодействует стремлению удерживать цены на прежнем уровне и в неблагоприятные времена: тому стремлению, в котором как-раз должно было бы найти себе выражение господство над рынком. Но картель может избежать ограничения производства, если он берет на себя удовлетворение только среднего спроса, удовлетворение же спроса, колеблю-

на железный завод для того, чтобы сделать его покупателем угля на данной шахте. Это — зародыш комбинации. Или, заинтересованный в двух однородных предприятиях, которые ожесточенно конкурируют друг с другом на различных рынках, банк делает попытки привести их к примирению, — и тогда открывается путь к гомогенному соглашению или к фузии.

Это вмешательство банков ускоряет и облегчает процесс, который обусловливается тем, что развитие вообще идет к промышленной концентрации. Но вмешательство банков приводит к этому средствами иного рода: результат конкурентной борьбы ангиципируется, предвосхищается. Благодаря этому, с одной стороны, удается избежать бесполезного уничтожения и расточения производительных сил. Но, с другой стороны, на первых порах благодаря этому не происходит такой концентрации собственности, которая была результатом конкурентной борьбы. Собственник другой фабрики, побежденной в этой борьбе, не экспроприируется, — потому что ведь и борьба не доводится до конца. Следовательно, перед нами концентрация производства — или предприятий — без концентрации собственности. Как на бирже совершается чистая концентрация собственности без концентрации производства, так теперь в промышленности происходит концентрация производства без концентрации собственности: осязательное выражение того факта, что функция собственности все более отрешается от производственной функции.

Напротив, для банка обслуживание этих процессов знаменует, с одной стороны, бо́льшую гарантированность кредитованного капитала, а с другой стороны, создает случай для прибыльных операций: обмена акций, выпуска новых акций и т. д. В самом деле, соединение предприятий приводит к повышению их прибыли. Часть этой повышенной прибыли капитализируется и присволяется банком. Следовательно, не только как кредитное учреждение, но прежде всего и как учреждение, финансирующее предприятия, банк заинтересован в их об'единении.

Возрастающая концентрация становится на известной ступени помехой для ее дальнейшего развития. Чем крупнее, сильнее, однороднее производства, тем меньше надежды на то, что одно из них сумеет расширить свое собственное производство, одержав в конкурентной борьбе победу над другим. В то же время низкий уровень прибыли и опасение, что расширение производства еще более понизит и без того пониженные цены, заставляют воздерживаться от расширения, хотя по техническим соображениям оно и было бы желательным. Но при угнетенном состоянии рынка никак нельзя отказаться от тех выгод, которые приносит увеличение производства. Выход находится здесь в создании более крупного производства посредством соединения разделенных до того времени предприятий: посредством фузии.

Насколько крупной должна быть доля монополистического об'единения во всем производстве для того, чтобы оно могло оказывать решающее влияние на рыночные цены? Вопрос не допускает общего ответа для всех отраслей производства. Однако, мы получим некоторый опорный пункт для ответа, если напомним, что было сказано выше о различиях в поведении конкурентов в периоды хорошей и плохой коньюнктуры. При хорошей коньюнктуре, когда спрос выше предложения, цена продукта все равно будет самая высокая из возможных; в такие периоды посторонние, т.-е. стоящие вне об'единений, продают скорее выше, чем ниже картельных цен. Иначе — во времена плохой коньюктуры, когда предложение выше спроса. Это — момент, когда должно обнаружиться, господствует ли об'единение над рынком. Но ему будет принадлежать господство лишь при том условии, если его производство безусловно необходимо для снабжения рынка. Тогда оно продаст лишь в том случае, если согласятся на его цену, и на его цену придется согласиться, если рынок совершенно не может обойтись без предложения со стороны картеля. Картель по этой цене продаст то количество, которого недостает рынку. Но в таком случае ему придется настолько ограничить производство, чтобы оно не переобременяло рынка, между тем как у посторонних сохраняется возможность сбывать все, что они могут произвести. Более всего возможна подобная политика цен, во-первых, в тех отраслях производства, где ограничение не сопряжено со слишком крупными жертвами, т.-е. в особенности там, где живой труд стоит на первом месте, порча же постоянного капитала не играет сколько-нибудь крупной роли. И то и другое характеризует добывающую промышленность. Руда и уголь не подвергаются спашиванию, а живой труд играет крупную роль. Во-вторых, там, где сокращение потребления в периоды плохой коньюнктуры незначительно.

Но если не осуществлено ни то, ни другое условие, то картелю, чтобы обеспечить свой сбыт, приходится понижать цены по сравнению с посторонними. Здесь наступает момент, когда картель, не подчинивший себе всего производства, утрачивает господство над рынком, и снова начинается свободная конкуренция.

Итак, необходимость заставляет ограничить производство, благодаря чему издержки производства, падая на уменьшившееся количество продукта, относительно повышаются и уменьшают прибыль. Это противодействует стремлению удерживать цены на прежнем уровне и в неблагоприятные времена: тому стремлению, в котором как-раз должно было бы найти себе выражение господство над рынком. Но картель может избежать ограничения производства, если он берет на себя удовлетворение только среднего спроса, удовлетворение же спроса, колеблю-

щегося с конъюнктурой, предоставляет посторонним. Но это осуществимо лишь при том условии, если, во-первых, посторонние не могут производить больше, чем требуется для удовлетворения дополнительного спроса во время хорошей конъюнктуры: иначе угрожала бы та опасность, что картель будет стеснен в своем сбыте; и, во-вторых, если для этих посторонних издержки производства выше, чем для картеля. В самом деле, тогда для картеля все еще будет приносить прибыль даже такой уровень цен, который вышибет конкурентов с рынка и обеспечит сбыт за картелем. Другими словами, тогда все тяжести конъюнктурных колебаний в существенном будут свалены на посторонних. Тогда складывается такое положение, что при высокой конъюнктуре картель реализует высокую дополнительную прибыль, во время депрессии устраняет конкурентов и реализует нормальную прибыль. При таких обстоятельствах вовсе не в интересах монополистического об'единения сделать совершенно невозможным существование посторонних, хотя, при крупном превосходстве об'единения, у него зачастую для этого хватило бы силы.

Но когда же осуществляются такие условия, что производство посторонних оказывается в сравнительно неблагоприятном положении? Это может наступить уже в том случае, когда размеры и техническое оборудование обеспечивают известное превосходство монополистического об'единения. Однако такое превосходство нередко оказывается лишь преходящим или недостаточно крупным. Иначе обстоит дело в тех случаях, когда перед нами — картели, располагающие наиболее благоприятными естественными условиями производства, следовательно, картели, у которых к экономической монополии присоединяется естественная монополия: напр., такие картели, которые обеспечили за собою в особенности благоприятные угольные шахты и рудники или водопады, между тем как для посторонних условия менее благоприятны. Тогда, во-первых, посторонние вообще не могут расширить свое производство в такой мере, чтобы для картеля сбыт его продуктов сделался невозможным, и во-вторых, они вообще могут производить лишь в такое время, когда высокие цены высокой конъюнктуры позволяют им производство, несмотря на высокую себестоимость.

Яркой иллюстрацией может служить политика стального треста. Корпорация легко могла бы увеличить свое производство. Но она не делает этого, чтобы ей во время депрессии не пришлось нести на себе тяжести перепроизводства. „Комбинированным крупным предприятиям в чугунной промышленности представляется желательным захватить тот основной контингент производства, который всегда найдет сбыт. Для того, чтобы достигнуть этого, комбинированные предприятия в периоды оживленного спроса спокойно смотрят на размножение посторонних, не входящих в комбинацию и производящих с относительно высокими издержками, и даже помогают им, прикупая у них. При повышающихся ценах отсталые производства вновь начинают давать прибыль, спекулятивная горячка ведет к возникновению новых производств, не входящих в комбинацию, — словом, производство с высокими издержками производства увеличивается быстрее, чем, то, для которого издержки производства минимальные. Это продолжается до тех пор, пока повышенный спрос не будет насыщен, и пока цены не понизятся. Тогда исчезают доменные печи, пущенные во время высокой конъюнктуры и работающие с высокими издержками производства: они исчезают с рынка в качестве продавцов, потому что скоро им приходится регистрировать одни только убытки. Остаются только работающие наиболее дешево, потому что они все еще могут производить с некоторой прибылью: остается прежде всего трест, крупные комбинированные предприятия и лишь немногие „чистые“ доменные печи, находящиеся в особенно благоприятных условиях.

„Таким образом, крупные предприятия, прежде всего корпорация, образуют основное ядро того производства, которое в своей главной массе может работать с прибылью и находит сбыт не только в хорошие, но и в плохие времена. Усиление конкуренции посторонних в хорошие времена не вредит корпорации: при уничтожении их корпорация сильнее почувствовала бы на своей собственной шкуре тяжесть перепроизводства, между тем как теперь она обрушивается главным образом на посторонних“ [1]).

[1]) Levy, loc. cit., стр. 156 и сл.

Леви дальше иллюстрирует сказанное следующими цифрами чугунного производства, — в него, правда, входит также производство литого и пудлингового железа, из которого на корпорацию приходится лишь ничтожная доля. Но они вполне пригодны в качестве иллюстрации к сказанному выше. Выплавка чугуна составляла:

Годы.	Корпорация.	Посторонние.	Доля корпорации во всем производстве (в процентах).
1902	7.802.812 тонн.	9.805.514 тонн.	44,3
1903	7.123.053 „	10.693.538 „	39,9
1904	7.210.248 „	9.286.785 „	43,9

В 1903 г. производство корпорации даже уменьшается по сравнению с 1902 г., производство посторонних, напротив, сильно увеличивается, так что доля корпорации в общем производстве падает с 44,3 до 39,9%. Но во время депрессии 1904 г. производство корпорации несколько увеличилось, между тем, как производство посторонних упало на огромное количество, на 1.400.000 тонн, — т.-е. опустилось много ниже, чем было в 1902 г.

Заметим кстати, насколько поверхностны воззрения тех, кто трактует всякого постороннего по отношению к картелю как моральное пугало и как преступника в экономическом смысле. Эти воззрения несостоятельны даже с точки зрения интересов картеля, не говоря уже

Несколько иначе сложились отношения, напр., в рейнско-вестфальском угольном синдикате. Здесь посторонние не играют сколько-нибудь видной роли. В 1900 году для дортмундского горного административного округа доля во всем производстве составляла для шахт синдиката 87%, для несиндицированных шахт 13%. Таким образом синдикат господствует над рынком и ценами. Поэтому он предпочел удержать цены, установившиеся в 1900 г., при высокой конъюнктуре, и в 1901 году, во время кризиса, и сократил производство. Вследствие этого в 1901 и 1902 г.г. посторонние могли несколько увеличить свою добычу, между тем как доля синдиката, которому важнее было сохранить высокие цены, понизилась [1]).

Иначе должна сложиться политика монополистических об'единений в тех случаях, когда увеличение производства не находит ограничения в каких-либо естественных монополиях, следовательно, производство может быть увеличено далеко за пределы дополнительного конъюнктурного спроса, и это увеличение осуществимо при тех же или даже при пониженных издержках производства. Тогда господство над рынком существенно зависит от того, принадлежит ли об'единению решительно наибольшая часть производства: иначе плохая конъюнктура сделает картель бесполезным для участников и может даже взорвать его.

Таким образом наличность или отсутствие естественной монополии оказывает решающее влияние на образование цен и на издержки производства, а следовательно, и на существование и прочность монополистических соединений, на степень их возможной власти над рынком. Этим же определяется величина той доли производства, которую картель должен держать в своих руках для того, чтобы осуществить господство над рынком.

В прочности господства над рынком могут быть различные степени. Выше всего она в тех случаях, когда удается экономическую монополию обеспечить монополией естественной. При этом раз уже сложившееся монополистическое об'единение обладает крупным преимуществом перед вновь возникающими: опираясь на силу своего крупного капитала, оно может чрезвычайно значительные средства закреплять на продолжительное время. Прочность синдикатов, производящих сырой материал, существенно обусловливается тем, что они монополизировали природные условия производства: задача, которая чрезвычайно облегчалась для них горным законодательством.

об общественной точки зрения: ведь как раз конкуренция посторонних может приобрести очень большое значение для технического и организационного развития монополистических об'единений,— о потребительских же интересах нечего и говорить.

[1]) См. „Kontradiktorische Verhandlungen üder deutsche Kartelle", Heft I, Berlin 1903, Franz Siemenroth, стр. 80, показание Кирдорфа.

Экономическая монополия может найти опору и в юридической монополии: в тех случаях, когда монополистическим об'единениям принадлежат патенты на известные изобретения. Обладая крупными капиталами, картели и здесь скорее, чем их конкуренты, могут приобрести новые патенты и таким образом усилить свое монопольное положение [1]).

Промежуточное положение между естественной и юридической монополией, с одной стороны, и только экономической монополией, с другой, занимает монополия на средства транспорта. Отсюда стремление трестов к господству над сухопутными и водными путями сообщения. Национализация средств сообщения уменьшает прочность монополии и таким образом до известной степени замедляет концентрацию предприятий и собственности.

Чисто-экономическая монополия будет тем прочнее, чем крупнее капитал, необходимый для того, чтобы вызвать к жизни новое предприятие, и чем теснее связь-банков с монополистическим объединением: ведь без помощи банка, а в особенности вопреки воле банков в настоящее время едва ли оказалось бы жизнеспособным какое-либо крупное промышленное предприятие.

---

[1]) С другой стороны, обладание патентами при известных обстоятельствах затрудняет объединение: именно, если получаемая благодаря патенту дополнительная прибыль настолько высока, что продолжение конкуренции представляется выгодным.

„Во всякой отрасли текстильно-машиностроительной промышленности—лишь небольшое количество имен. Восемь крупных фирм в Ланкашире фабрикуют машины для обработки хлопка и не только монополизируют внутренний рынок, но и экспортируют ежегодно свыше, чем на 4,5 милл. фун. стерл. Много раз предлагалось соглашение, но каждый раз инициатива оканчивалась фиаско. Механическая промышленность сама собою приводит к изобретениям; раз на них получен патент, они обеспечивают монополию на целый ряд лет, и, пока патент остается действительным, он служит доводом против объединения. Действительным отпугивающим моментом является также нежелание принести в жертву безличному анонимному объединению всемирно известное имя, в особенности если оно создано индивидуальной предприимчивостью и изобретательностью" (Macrosti, loc. cit, стр. 48).

Здесь малая монополия—враг большой. Но, с другой стороны, желание обмениться патентами может послужить поводом к соглашению. Сюда относятся соглашения в германской химической промышленности и соглашение Deutsche Allgemeine Elektrizitätsgesellschaft с американским Westinghouse Co.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Картели и тресты.

Классифицировать способы объединения капиталистических предприятий можно с тройкой точки зрения.

Различение гомогенных и комбинированных объединений касается их технических особенностей. Мы видели, что возникновение этих объединений обусловливается различными причинами, техническими и экономическими.

Различение частичных и монополистических объединений основывается на различиях их положения по отношению к рынку: на том, они ли господствуют над ценами или, наоборот, цены над ними. При этом для господства над ценами нет необходимости в том, чтобы объединены были все однородные предприятия. Для этого достаточно господство над той частью производства, которая при всяких фазах конъюнктуры необходима для снабжения рынка,— при том условии, если издержки производства этой части меньше, чем издержки производства для посторонних. Только тогда сокращение производства, необходимое во время кризиса, падет своею тяжестью на посторонних, и не будет необходимости опускать цены ниже цены производства картеля.

Наконец, различения соглашения и фузии основывается на различиях формальной организации. Соглашение основывается на договоре двух или нескольких предприятий, до того времени остававшихся независимыми; при фузии два или несколько предприятий входят в состав нового предприятия. Но это — противоположность исключительно организационных форм; она ничего не говорит о различиях содержания; последнее определяется содержанием договора, лежащего в основе соглашения. Во всяком случае, договор в том или ином пункте ограничивает самостоятельность предприятий; фузией она уничтожается. Но между ограничением и уничтожением различие только в степени. Чем больше договор ограничивает самостоятельность предприятий, вступивших в соглашение, тем более последнее по своим экономическим действиям приближается к фузии. Далее, ограничение самостоятельности предприятия тоже может осуществляться различным способом. Сначала договор, возможно, определяет общий характер организации предприятия: напр., управление предприятиями ставится под контроль общего органа, который ограничивает известные формы конкуренции в сфере обращения, — устанавливает общие сроки и условия платежей, т. е. вносит единство в так называемые „кондиции“. Потом, возможно, ограничения распространяются на экономическую и техническую стороны в деятельности предприятий.

Содержание же договора, лежащего в основе монополистического соглашения, определяется целью последнего. Цель эта — повышение прибыли посредством повышения цены. В элементарнейшей форме это достигается договором о ценах. Но цены не есть нечто произвольное. Они зависят прежде всего от спроса и предложения. Простое соглашение относительно цен можно провести лишь в период оживления промышленности, когда цены обнаруживают тенденцию к повышению, да и тогда удается провести лишь в ограниченных пределах. Однако и тогда чистое соглашение только о ценах недостаточно. Повышающиеся цены соблазняют к расширению производства. Предложение повышается, в конце-концов оказывается невозможным соблюдать соглашение, а потом, при наступлении депрессии, такой картель обыкновенно взрывается [1]).

Итак, чтобы сделать картель прочным, договор должен пойти дальше: он должен привести к такому соотношению спроса и предложения, чтобы установленную цену удалось удержать и на рынке. Следовательно, он должен регулировать предложение, контингентировать производство. Конечно, соблюдение соответствующих постановлений—в интересах картеля в целом, но не всегда в интересах отдельных членов, которые, расширяя свое производство, могут понизить свои издержки производства, и потому нередко стремятся обойти картельные постановления. Надежнейшая мера против этих обходов создается в том случае, если продажа продуктов производится уже не самими членами, а центральной продажной конторой картеля.

Более строгий контроль — не единственное следствие этой меры. Непосредственные отношения отдельного предприятия к его клиен-

[1]) Именно эту форму картелей имел в виду Энгельс, когда он писал: „Тот факт, что быстро и мощно увеличивающиеся производительные силы современной промышленности с каждым днем все сильнее перерастают те законы капиталистического обмена товаров, в рамках которых они должны функционировать, — факт этот в настоящее время все более проникает в сознание даже самих капиталистов. Это проявляется в двух симптомах. Во-первых, в теперешней всеобщей мании охранительных пошлин, которая от старой покровительственной системы отличается тем, что больше всего стремится охранять как-раз продукты, способные к вывозу“ (факт указан очень правильно, но объяснение он получит лишь в том случае, если современный протекционизм рассматривать в связи с картелями). „Во-вторых, в картелях (трестах) фабрикантов целых крупных отраслей промышленности, имеющих целью регурировать производство, а следовательно, цены и прибыль. Само собой разумеется, что эти эксперименты осуществимы лишь при сравнительно благоприятной экономической погоде. Первая же буря должна разрушить их и доказать, что, хотя производство и нуждается в регулировании, но, несомненно, не капиталистический класс призван осуществить его на деле. Пока что, картели эти приводят лишь к тому, что мелкие капиталисты пожираются крупными еще скорее, чем это было раньше“ (Маркс, „Капитал“, III1, стр. 95, прим. 16).

там теперь уничтожены на весь период картелирования, следовательно, коммерческая самостоятельность единичного предприятия устранена. Картель связывает теперь членов уже не просто договором,—его постановления во всякое время легко было бы нарушить или обойти, — но и общим экономическим учреждением. Выход из такого картеля делает необходимым установление заново связей с клиентами, восстановление старых способов сбыта: все— эксперименты, которые могут и не удаться, и во всяком случае должны быть оплачены материальными жертвами. Таким образом это гарантирует бо́льшую устойчивость, бо́льшую прочность картеля. Картель, который из чисто договорного образования уничтожением коммерческой самостоятельности предприятий превращается в единое коммерческое целое, называют синдикатом. Но синдикат возможен лишь при том условии, если для клиентов безразлично, у какого бы из картелированных заводов ни покупать им. Это в свою очередь предполагает известную однородность производства. Следовательно, это — предпосылка возникновения более тесных, длительных и строгих организаций, каковыми являются синдикаты. Здесь же следует отметить, что картелирование предприятий, производящих те или иные специальные товары, вообще оказывается более затруднительным: здесь производители получают дополнительную прибыль от применения специальных марок, пользования патентами и т. д.,—устранение конкуренции для них с самого начала не так важно. Положение изменяется, когда картелирование отраслей, доставляющих для них сырой материал, и их принуждает к картелированию или комбинации. С другой стороны, само картелирование вносит возрастающее упрощение в производство [1]).

---

[1]) „Картель стремится производить массовый товар, в качестве которого, форме, материале и т. д. уже незаметно значительных различий. Конечно, здесь возможны известные искусственные меры, как на товарных биржах, которые тоже предполагают известную заместимость товаров и потому специальными правилами устанавливают, какими качествами должен обладать товар, сдаваемый в завершение биржевой сделки. Той же цели картели достигают таким способом, что они или производят только товары, соответствующие известному стандарту,—товары от которых преимущественно зависит ход дел в данной отрасли, — или сами создают определенные типы, по которым все фабриканты должны производить свои продукты, так что качественные различия тогда отпадают. Напр., интернациональный зеркальный картель распространил соглашение только на зеркальное стекло толщиною в 10 — 15 миллиметров.

„Точно так же австро-венгерский бечевочный картель положил в основу вырабатываемых сортов определенные образцы и обязал всех участников производить товары только по этим образцам. Подобным же образом и австро-венгерский джутовый картель установил для вырабатываемых джутовых мешков определенные типы. Grunzel, „Ueber Kartelle", Leipzig 1902, стр. 32 и сл.

Итак, в несколько упрощенном и схематизированном виде получилась бы такая последовательность в развитии договоров, лежащих в основе монополистических соглашений,—при чем, разумеется, возможно, что та или иная ступень развития выпадает. Прежде всего—самая слабая форма, своего рода предварительная ступень, „картель, построенный на кондициях" (по Грунцелю). Далее следует совместное регулирование цен; но, чтобы удержать цены, необходимо соответственно фиксировать предложение. Следовательно, для того, чтобы регулирование цен не оказалось мимолетным и неустойчивым, требуется определение размеров производства. Всякие обходы договора вернее всего предотвращаются в том случае, если дело сбыта не оставляется за единичным предприятием, а возлагается на общий орган предприятий, на контору по продаже производимых ими продуктов. Тогда предприятие утрачивает свою коммерческую самостоятельность, непосредственность связей с клиентами. Соблюдение договора обеспечивается и в том случае, если прибыли достаются не прямо тому предприятию, в котором они произведены, а распределяются между всеми членами по наперед установленным нормам. Точно также совместно может производиться закупка сырого материала. В конце-концов вмешательство может затронуть и техническую самостоятельность отдельного производства. Плохо оборудованные производства могут быть остановлены, известные производства могут быть оборудованы специально для выработки определенных продуктов, если условия в них особенно благоприятные: в техническом ли отношении, потому ли, что они находятся в выгодном положении по отношению к областям сбыта [1]). Все это может быть урегулировано договорами, т. е. может осуществляться даже в простых соглашениях. Но подобное соглашение отличается от фузии только известной неповоротливостью своей организации. Следовательно, ошибочно считать картель и трест взаимно исключающими друг друга противоположностями. И в форме картеля самостоятельность предприятий может быть ограничена до такой степени, что отличие от треста исчезает. Вопрос не в противоположности этих форм, а в том, какие выгоды представляют ограничение само-

---

[1]) Что и картели оказывают известное влияние на производство и технику предприятий, доказывает, напр., следующее заявление Шальтенбранда, председателя правления Deutscher Stahlwerkverband: „Дальше нам приходится исследовать, каким образом при длительном существовании союза мы можем руководить сбытом, чтобы выполнить его с наивозможною выгодой, какое разделение труда можем мы ввести для того, чтобы производить дешевле,—чтобы всякому заводу не приходилось производить всяческие изделия" („Kontrad. Verhandl", 10. Heft, стр. 236). Широкое разделение труда между отдельными предприятиями провел и австрийский картель механических заводов. Прибыли поступают в общую кассу и соответственно распределяются между участниками.

стоятельности предприятий. Поскольку ограничение самостоятельности представляет известные выгоды, трест обладает ими с самого начала, между тем как для картеля это определяется характером и последствиями договора, положенного в основу картеля [1]).

Монополистическое объединение есть организация экономического господства, и потому напрашивается на сравнение с государственными организациями господства. Тогда соотношение картеля, синдиката и треста находит свою аналогию в соотношении союза государств, союзного государства и унитарного государства. Фраза, будто картель „демократичен" в противоположность тресту, показалась бы прямо курьезной, если бы вздумали применить ее к блаженной памяти „Германскому Союзу".

В сфере установления цен трест обладает преимуществом перед картелем. Картель, устанавливая цены, вынужден исходить от того завода, где издержки производства наивысшие; напротив, для треста существует лишь единая цена производства, в которой уравниваются издержки производства лучше и хуже оборудованных производств. Трест может установить цену таким образом, чтобы как можно больше увеличить количество производимого продукта; тогда размерами всего сбыта уравновешивается незначительность прибыли на штуку товара. Далее, тресту несравненно легче, чем картелю, провести приостановку менее доходных производств. Сделавшееся необходимым сокращение производства он может распространить лишь на те предприятия, которые работают наиболее дорого, и таким образом понизить издержки производства, и, наоборот, при расширении может повысить производство в тех частях, которые технически наиболее совершенны. Картель же обыкновенно должен равномерно распределять возрастающее производство между всеми своими предприятиями. Таким образом, благодаря установлению цен картелем, для тех предприятий, которые технически оборудованы лучше, возникают дополнительные прибыли; и конкуренция не может уравнять их, потому что картель исключает ведь конкуренцию; поэтому кажется, как будто эти дополнительные прибыли носят характер дифференциальной ренты. Но отличие от земельной ренты заключается в том, что наихудший завод, в противоположность наихудшей земле, не представляет необходимости для удовлетворения рынка. Его можно просто закрыть, если его производство будет передано лучше оборудованным заводам. Но так как на первое время удерживается цена, установленная картелем, то расширение производства приносит дополнительную прибыль заводам с меньшими издержками производства. Таким образом становится выгодным выкупить производство заводов, производящих более дорого. Но тогда исчезает „дифференциальная рента", и в дальнейшем существует уже только высокая картельная прибыль.

[1]) Следовательно, если Грунцель (loc. cit., стр. 14) полагает: „Картель и трест глубоко отличны не по степени, а по существу; еще неизвестно ни одного случая, чтобы за три десятилетия столь оживленного картельного движения в Европе одна форма перешла в другую", — то он как-раз юридическую форму и принимает за существо. Что переход картеля в трест совершается нечасто, именно этим и доказывается, что содержание обоих форм одно и то же. При этом не следует упускать из вида, что прогрессирующее ограничение самостоятельности картелированных предприятий постоянно приближает их к трестам. Различия же формы зависят от других обстоятельств, прежде всего от развития банков и их связей с промышленностью, отчасти также от законодательного вмешательства. Известно, как в Америке законодательство, направленное против картелей, благоприятствовало форме треста.

Наиболее значительны различия издержек производства в картелях, производящих сырье: определяющее влияние на цену производства здесь оказывает, между прочим, уровень земельной (рудниковой) ренты. Поэтому здесь, с одной стороны, сильнее всего обнаруживается тенденция к приостановке менее доходных производств (в специфическом значении слова: дающих относительно меньшую земельную ренту), а с другой стороны — стремление удерживать цены на высоком уровне, что в свою очередь предполагает сравнительно значительное ограничение производства. Естественная монополия дает возможность осуществить эти стремления. Высокие цены сырого материала в свою очередь воздействуют на цены, а потому и на количество производства в обрабатывающей промышленности.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Капиталистические монополии и торговля.

Капиталистические объединения в промышленности оказывают обратное действие на обращение и на обслуживание его торговлей. Мы говорим здесь о торговле, как специфически-экономической категории, следовательно, рассматриваем ее обособленно от функций взвешивания и размеривания, равно как и от функции транспорта. Товарное производство делает необходимым всестороннее перемещение товаров, и оно осуществляется актами купли и продажи. Если последние становятся самостоятельными функциями капитала, то это—капитал торговый, или коммерческий. Ясно, что обособление этих операций, которые иначе должны были бы выполнять сами производители, не превращает торговых операций в такие, которые производят стоимость, и торговца не превращают в производителя. Но обособление торговли приводит к концентрации купли и продажи, к сбережению издержек хранения,

складов и т. д. Значит, торговля знаменует сокращение издержек обращения, а следовательно, сокращение непроизводительных расходов производства. Для того, чтобы вести торговлю, необходима денежная сумма, которой предстоит превратиться в товары. В капиталистическом обществе всякая сумма денег принимает характер капитала. Торговые функции могут обособиться лишь при том условии, если деньги, вложенные в торговлю, сделаются капиталом, т.-е. будут приносить прибыль. Но ясно, что эта прибыль возникает не в торговле, не посредством простого процесса купли с целью перепродажи: торговля только присвояет ее. Величина прибыли определяется величиною капитала: в развитом капиталистическом обществе равновеликие капиталы приносят равную прибыль. Но сама эта прибыль представляет вычет из прибыли, созданной в производстве. Из той прибыли, которая в первую очередь попадет в руки промышленников, последние должны уступить торговцам известную долю, достаточную для того, чтобы торговля действительно могла привлечь необходимый для нее капитал.

Торговля существовала ранее обобщенных форм товарного производства, возникла раньше, чем началось капиталистическое развитие; следовательно, подобно ростовщическому и денежно-торговому капиталу, она старше промышленного капитала, она—исходный пункт капиталистического развития. В ней сосредоточивалась громаднейшая часть денежного богатства общества. При помощи кредита, который всегда был важным средством в установлении отношений капиталистической зависимости, — и нередко сохранял еще форму товарного кредита, — она ставит в зависимость от себя старинное ремесленное производство, создает первые зачатки капиталистической домашней промышленности, с одной стороны, и зачатки мануфактуры—с другой. Развитие промышленного капитала снимает с производства эту зависимость от торговли, делает производство и торговлю самостоятельными, изолируя торговлю, отрешая ее от производства.

Два момента оказывают определяющее влияние на развитие самой торговли. С одной стороны, торгово-технические условия сами по себе. Торговля сначала собирает и концентрирует продукты различных мест производства и в конце-концов продает их окончательным потребителям. Чем рассеяннее живут они, тем более раздробленности в окончательных актах продажи,—раздробленности не только в количественном отношении, но также по времени и по месту. Характер последних продаж зависит от условий дохода окончательных покупателей и от их концентрации в пространстве: все—моменты, которые зависят от уровня социального развития и от структуры страны. Именно в торгово-техническом отношении становится в особенности очевидным превосходство крупного над мелким масштабом дела. Издержки купли и продажи,

в том числе и издержки ведения книг, возрастают далеко не пропорционально величине сбываемых стоимостей. Отсюда—тенденция к концентрации. Но, с другой стороны, из самой природы торговли вытекает, что, чем ближе подходит она к потребителю, тем более раздробляются акты продажи в пространстве и времени. Следовательно, в зависимости от стадии этого приближения к покупателям, величине торгового предприятия ставятся известные границы; конечно, они чрезвычайно эластичны, расширяются параллельно развитию страны, но они, во всяком случае, обусловливают различия величины предприятий. На каждой из этих стадий обнаруживается тенденция к более крупному производству, но обнаруживается с различною силою и быстротой. Необходимость децентрализации в пространстве преодолевается устройством филиальных отделений одного и того же крупного предприятия. С другой стороны, концентрация населения в городах позволяет и розничную торговлю концентрировать в крупных универсальных магазинах. Однако это—только первая ступень концентрации. Торгово-техническими потребностями сами универсальные магазины соединяются в крупные организации для закупок; эти организации объединяют целые группы универсальных магазинов и в большей или меньшей степени подчиняют их себе в финансовом отношении; с другой стороны, колоссальные финансовые потребности крупных универсальных магазинов в свою очередь приводят их к тесным отношениям с банками [1]).

[1]) В начале июля 1908 г. в различных газетах появилась следующая заметка: „Недавно стало известно, что швейцарская группа универсальных магазинов Брауна в Цюрихе при участии одного германского консорциума превращена в коммандитное общество. Что универсальные магазины „учреждаются“, уже не представляет редкого явления, — всеобщего внимания швейцарское учреждение заслуживает по иного рода причинам. Во главе германского консорциума стоит фирма Hecht, Pfeiffer und K⁰ в Берлине, которая принадлежит к числу значительнейших германских экспортных фирм. Эта фирма развилась в союз для закупок, обслуживающий многие универсальные магазины различных стран. Соглашение с швейцарским универсальным магазином Брауна сводится к тому, что фирма Hecht, Pfeiffer und K⁰ в будущем станет совершать для него все закупки и непосредственно будет рассчитываться также за покупки Брауна. У фирмы имеется широко-разветвленная организация для закупок, а с начала прошлого года она вступила в соглашение с гамбургской фирмой M. I. Emdens Söhne, настолько тесное, что фирма Hecht, Pfeiffer und K⁰ и на внутреннем рынке производит теперь закупки для 200 магазинов, примкнувших к фирме Эмдена. Кроме того, этот союз поддерживает сношения с одним нью-йоркским универсальным магазином, для которого по данным „Konfektionär“ он закупает в Германии ежегодно миллионов на 60 марок. Экономическое превосходство крупных универсальных магазинов, заключающееся не в малой мере в тех выгодах, которые вытекают из массовых закупок, повело к основанию центральных организаций для закупок, и организации эти сумели поставить в финансовую зависимость от себя бо́льшую часть обслуживаемых ими фирм.

Параллельно концентрации развивается тенденция к уничтожению самостоятельности розничной торговли: в отраслях промышленности, производящих средства потребления, производители сами организуют сбыт своих продуктов. Этот процесс дальше всего зашел в тех случаях, где трест совершенно устранил самостоятельную торговлю,—таков, напр., американский табачный трест [1]).

Но это движение к концентрации встречает и препятствия, которые его замедляют. Открыть мелкое торговое дело легко,—чем мельче, тем легче; тем более, что кредитование здесь сравнительно широкое, так как кредит является кредитом под товарный капитал, и особенно широко оно, когда кредитует производитель, открывающий здесь дополнительное средство к конкурентной борьбе за рынок сбыта. В этих мелких предприятиях норма прибыли столь низкая, что торговец фактически становится агентом того капиталиста, продукты которого он сбывает. Вытеснение такого торговца не диктуется каким-либо настоятельным экономическим интересом.

[1]) См. интересную сводку у Algernon L e e, „Die Vertrustung des Kleinhandels in den Vereinigten Staaten". „Neue Zeit" 27. Jahrgang, Bd. 2, стр. 654 и след. Торговцы сигарами, что бы отстоять свою независимость, организовались в союз под названием Independent Cigar Stores Company. Напротив, табачный трест организовал United Cigar Stores Company с капиталом в два миллиона долларов. „Это общество скупило многие из существующих розничных фирм и основало много новых с лучшими товарами, более богатыми выбором и внешней обстановкой, чем какой бы то ни было из конкурирующих магазинов. Цены были понижены, и, в конце концов, введена система премий, обеспечившая обществу постоянных клиентов. Борьба продолжалась недолго. В течение одного года Independent Cigar Stores Company была вынуждена распродать все на условиях, которые продиктовала United Cigar Stores Company. Своей оппозицией мелкие торговцы только ускорили решение своей судьбы... Ни малейшего сомнения не существует и на тот счет, что трест пойдет по избранному пути дальше,—вероятно, даже ускоренным темпом,—пока он не победит всего, что стоит побеждать в розничной торговле этой отрасли промышленности".

Lee сообщает дальше о концентрации розничной торговли кофе, чаем, молоком, льдом, горючими материалами, пряностями и т. д., и в заключение удачно резюмирует тенденции к концентрации следующим образом: „Концентрация идет, и класс независимых мелких торговцев утрачивает под ногами твердую почву, при чем это совершается по следующим пяти различным направлениям, которые, однако, все ведут к одной и той же цели:

„1. Некоторые из промышленных трестов, достигнув господства в производстве, распространяют свои операции на область розничной торговли, совершенно вытесняют мелкого купца и сами сбывают свои продукты потребителям.

„2. Правда, некоторые из крупных обществ, организованных в сфере производства, все еще пользуются содействием розничного торговца для того, чтобы доставить свои товары потребителям, но относятся к нему скорее как к агенту, чем как к независимому торговцу.

„3. В крупных городах универсальные магазины уже отняли у мелких торговцев крупную часть розничной торговли, и этот процесс делает все новые завоевания; некоторые из этих магазинов представляют капитал в сотни тысяч или даже в миллионы долларов, иногда одному обществу принадлежит несколько таких магазинов, и уже положено начало тому, чтобы дать еще более усиленное выражение принципу концентрации в области универсальных магазинов. Это приводит их в более близкое соприкосновение с отдельными группами финансовой аристократии, оптовой торговли и промышленных трестов.

„4. Крупные фирмы, получающие заказы исключительно или почти исключительно по почте, в провинции столь же суживают сферу розничного торговца, как филиальные отделения суживают ее в городах; колоссальное развитие телефона и городских путей сообщения, равно как расширение простой пересылки по почте, открыли для этой формы торговли широкую арену в провинции, и во многих случаях фирмы, рассылающие товары по почте, принадлежат той же компании, у которой в городе имеется одно или несколько отделений.

„5. Среди самих розничных торговцев конкуренция работает в том направлении, чтобы принцип концентрации одержал решительную победу,—совершенно так же, как в начале капиталистической эры такую роль сыграла конкуренция в сфере промышленности. Торговцы, которые добьются какого-нибудь преимущества перед конкурентами, получают благодаря этому возможность расширить свое предприятие, что доставляет им новые выгоды, и операционная область их конкурентов таким образом сокращается".

Сравн. также Вернер З о м б а р т, „Современный капитализм", 2-й том, глава 22-я: „Стремление к устранению розничной торговли" (рус. перевод под ред. В. Базарова и И. Степанова).

Рассмотренные до сих пор торгово-технические моменты играют роль в тех случаях, когда дело касается продуктов, которые приходится сбывать непосредственно окончательным потребителям,—следовательно, в сфере розничной торговли. На-ряду с ними воздействие отношений, сложившихся в сфере промышленности, играет главенствующую роль в тех случаях, когда дело идет о товарообороте между самими промышленными капиталистами или между ними и оптовыми торговцами. И здесь промышленная концентрация воздействует обратно на развитие торговли, заставляет ее приспособляться к себе. Чем выше концентрация промышленных производств, тем больше масса производимых в них продуктов,—тем крупнее должен быть капитал у торговцев, которые обслуживают процесс обращения этих продуктов. Далее: чем меньше, с развитием концентрации, становится число промышленных предприятий, тем более излишними становятся вообще торговцы: тем проще осуществить такую организацию, что крупные концентрированные промышленные предприятия вступают в непосредственные отношения друг с другом не нуждаясь во вмешательстве самостоятельного торговца. Следовательно, концентрация в сфере промышленности приводит не только к концентрации торговли, но и к тому, что последняя вообще становится излишней. Актов купли-продажи совершается меньше, так как каждый единичный акт стал крупнее, и при этих актах все чаще устраняется вмешательство самостоятельного капиталиста. Но

благодаря этому часть и того капитала, который находится в сфере торговли, становится излишней и может уйти из сферы обращения вообще.

Капитал, находящийся в сфере торговли, равен стоимости годового общественного продукта, деленной на число оборотов торгового капитала и умноженной на число тех промежуточных стадий, через которые он проходит, пока не дойдет до окончательного потребителя. Но эта величина капитала—исключительно счетная. Наибольшая часть этого капитала состоит из кредита. Ведь купеческий капитал служит исключительно обращению товаров; но мы уже знаем, что наибольшая часть относящихся сюда операций может выполняться без помощи действительных денег. Производительные капиталисты взаимно дают друг другу кредит и взаимно его компенсируют. Действительный торговый капитал много меньше, и только на него торговец получает прибыль. Прибыль промышленника зависит от общих размеров капитала,—безразлично, принадлежит ли он самому промышленнику или он кредитован ему: прибыль зависит здесь от общих размеров капитала, потому что это—производственный капитал. Прибыль торговца зависит только от действительно применённого капитала, потому что это—не производственный капитал, а капитал, выполняющий лишь функции денежного капитала и товарного капитала. Кредит знаменует здесь не просто иное разделение собственности, а соответственно тому и прибыли; он знаменует абсолютное уменьшение капитала, а вместе с тем и прибыли, достающейся на долю торгового класса и уплачиваемой ему промышленными капиталистами. Кредит здесь прямо уменьшает издержки обращения, подобно тому как их уменьшают, напр., бумажные деньги.

Но торговая прибыль есть часть той совокупной прибавочной стоимости, которая создана в производстве. Чем больше та доля, которая достается торговому капиталу, тем, при прочих равных условиях, меньше доля промышленников. Следовательно, между интересами промышленного и торгового капитала существует антагонизм.

Из этого антагонизма интересов возникает борьба, которая оканчивается, наконец, победою одной части,—установлением отношений капиталистической зависимости. Исход борьбы капиталистических интересов решается тем, на чьей стороне капитал обладает большею силой. Но это не следует понимать в чисто количественном смысле. Все предыдущее изложение показало нам, что имеет значение и форма капитала. При прочих равных условиях, власть над денежным капиталом обеспечивает величайший перевес силы, потому что, с развитием кредита, и промышленникам, и торговцам все больше приходится обращаться к денежному капиталу. Таким образом зависимость промышленности и торговли развивается в различных формах.

Пока господствовала свободная конкуренция, торговля могла использовать к своей выгоде конкурентную борьбу между промышленниками. Это—в особенности в тех отраслях промышленности, где производство еще сравнительно сильно раздроблено, концентрация же торговли уже более ушла вперед. В том же направлении действовали кредитные отношения. Пока кредит оставался еще преобладающе платежным кредитом, и банки предоставляли кредит в распоряжение, прежде всего, торгового капитала, финансовое превосходство нередко оказывалось тоже на стороне купцов. Они пользовались этим превосходством, чтобы при закупках производить давление на цены производителей и диктовать им такие условия сдачи и платежей, которые позволяли им самим снимать сливки,—использовать выгоды высокой конъюнктуры,—а убытки депрессии перелагать отчасти на производителей. Это—эпоха, когда снова и снова раздаются ламентации промышленников на диктатуру купцов. Действия торговцев послужили впоследствии промышленникам одним из доводов, оправдывающих организацию картелей. Все это коренным образом изменяется по мере того, как изменяется отношение банков к промышленности, и возникают в последней капиталистические об'единения.

Частичные промышленные об'единения прежде всего сокращают торговлю. Комбинированные об'единения прямо сокращают ее, делая торговые операции вообще излишними. Гомогенные об'единения действуют так, как концентрация в промышленности вообще. Монополистическим же объединениям свойственна тенденция совершенно уничтожить самостоятельность торговли. Мы видели, что действительный контроль над рынком осуществляется лишь при том условии, если товары продаются одним центральным учреждением. Но для того, чтобы регулировать производство в соответствующей отрасли промышленности, это учреждение должно представлять себе вероятную величину сбыта. Притом размеры потребления всегда зависят от уровня цен. Следовательно, цены до последней стадии должны определяться монополистической организацией, установление их нельзя предоставить факторам, независимым от этой организации. Но такими факторами являются прежде всего торговцы. Если бы за ними были оставлены специфические торговые операции, к числу которых относится и установление цен, то им же в значительной степени досталось бы и использование положения рынка, главная выигрышная статья для картеля. Они могли бы со спекулятивными целями задерживать запасы продуктов и—в особенности при благоприятной конъюнктуре—продавать их по повышенным ценам. Следствием этого было бы, с одной стороны, ограничение производства, за которое картель не получал бы вознаграждения в виде повышенной прибыли, а с другой стороны, если бы правлению картеля пришлось при установлении масштаба производства руководство-

ваться единственно этим спекулятивным, быть может, ошибочным спросом торговцев, то у него составилось бы ложное представление о состоянии рынка. Следовательно, монополистическое об'единение должно стремиться к тому, что бы уничтожить самостоятельность торговли. Только при этом условии картель и сумеет в полной мере использовать свое влияние на установление цен.

Но мы видели, что уже картелирование представляет глубокую связь промышленности и банкового капитала; следовательно, перевес силы, вообще говоря, оказывается на стороне картеля. В таком случае он может диктовать торговле свои законы. Содержание же этих законов сведется к тому, чтобы отнять у торговли ее самостоятельность, лишить ее влияния на установление цен. Значит, картелирование должно уничтожить торговлю в качестве сферы, где мог бы прилагаться капитал. Оно ограничивает торговые операции, устраняет часть их, остальную же выполняет посредством собственных наемных работников, агентов картеля по продаже. При этом вполне возможно, что часть прежних торговцев сделается такими агентами по продаже. Тогда картель в точности предписывает им покупные и продажные цены, разница которых составляет провизию этих „торговцев". Размеры этой провизии уже не определяются уровнем средней прибыли: это — заработная плата, устанавливаемая картелем. Но если соотношения капиталистической силы складываются иначе, то и соотношение торговли и картеля примет несколько иной характер. Возможно, напр., что в торговле условия благоприятнее для концентрации, чем в промышленности. Тогда немногим торговцам противостоит множество капиталистически сравнительно слабых предприятий, которые в сбыте своих продуктов зависят от этих торговцев. Торговцы могут использовать силу своего капитала для того, чтобы, принимая финансовое участие в этих предприятиях, применить часть своего капитала как промышленный капитал. Зависимость промышленности они могут использовать с той целью, чтобы принудить данные предприятия продавать им дешевле. Таким образом, они повышают свою торговую прибыль за счет промышленной прибыли предприятий. В новейшее время такие отношения зависимости довольно быстро развиваются в некоторых отраслях промышленности, производящих средства потребления и продающих их в крупные капиталистические универсальные магазины.

Эти отношения зависимости на высшей ступени капиталистического развития воспроизводят тот процесс, который привел к возникновению капиталистической домашней промышленности, при чем купец сделался раздатчиком по отношению к ремесленнику. Однако, подобные же отношения иногда могут встречаться и в промышленных отраслях, способных к картелированию. Торговый капитал, который, быть-может, принимает участие в целом ряде таких предприятий, может тогда сыграть роль, аналогичную роли банкового капитала.

В случаях этого рода торговцы принимают непосредственное участие в картеле. Но они участвуют в картеле только потому, что в действительности уже раньше принимали участие в производстве, при чем это участие имело характер финансирования [1]). По существу этим ничего не изменяется. И в этом случае торговля утрачивает влияние на установление цен, перестает быть рынком для промышленников, которые завязывают теперь непосредственные связи с потребителями.

Таким образом, монополистическое об'единение приводит к устранению самостоятельной торговли. Часть торговых операций оно делает совершенно излишней, а для остальной части уменьшает издержки.

В таком же направлении действует сокращение тех издержек обращения, задачей которых является привлечь потребителей к товарам одного определенного предприятия: расширить сбыт за счет сбыта других предприятий. Этой цели служат прежде всего расходы на комми-вояжеров, поскольку многочисленность последних обусловливается раздроблением производства между отдельными предприятиями; этим же целям служат и расходы на рекламу. Все подобные расходы являются непроизводительными издержками обращения. Отдельному предпринимателю они доставляют прибыль, поскольку ему удается повысить свой сбыт больше, чем было бы возможно без таких мер. Но эта прибыль—

[1]) Для организации богемской торговли бурым каменным углем характерно, что комиссионер по продаже в то же время является владельцем шахты и найщиком представляемой им компании. Две комиссионных фирмы, J. Petschek и Ed. J. Weinmann, создали в Аусссиге организации, „которые обслуживают сбыт бурого угля для крупных богемских компаний"... Обе угольные фирмы в Аусссиге первоначально были лишь торговцами-посредниками. В начале 90-х годов эти отношения стали изменяться, и начало этим изменениям положило мощное развитие горнопромышленного общества в Брюксе. Сбытом для этого общества искони заведывала фирма Weinmann. Брюкское общество по очень низким ценам приобрело оссегерские шахты и, таким образом, сделалось первенствующим предприятием в богемской промышленности по добыче бурого каменного угля. Между тем, брюкские акции перешли к новым собственникам. Бо́льшая часть перешла к синдикату, во главе которого стояла фирма Petschek, и перемена в соотношении сил нашла выражение в том, что сбыт угля перешел к этой же фирме. Таким образом, сложились новые отношения; комиссионер по продаже угля был одновременно и крупным акционером предприятия, договоры о продаже он заключал как бы с самим собою и оказывал решающее влияние на управление и производство. Такой же путь пришлось избрать и конкурирующей фирме; она посредством приобретения акций тоже сумела завоевать решающее влияние на представляемые ею предприятия, с которыми ее связывают теперь прочные интересы („Neue Freie Presse", 25 февраля 1906 г.).

потеря для других предпринимателей, для тех, за счет которых первый увеличил свой сбыт. Для сферы производства издержки эти представляют вычет из той прибыли, которая иначе досталась бы на ее долю. Картелирование до чрезвычайности сокращает эти расходы: рекламу оно сводит к простому извещению, количество комми-вояжеров уменьшает до такого числа, которое необходимо для выполнения торговых операций, и без того сократившихся, упрощенных и ускорившихся.

Своеобразный характер носит развитие в Австрии. По причинам исторического свойства собственно капиталистическая оптовая торговля развилась здесь лишь в недостаточной мере. В сферах, где производятся массовые товары и особенно в тех, где известную роль играет спекуляция, как, напр., в торговле сахаром, банк взял на себя функции оптовой торговли. Банковый капитал мог сделать это с тем большею легкостью, что для таких функций приходилось закреплять лишь небольшую его часть. Тогда банковый капитал и как торговец, и как кредитор заинтересовывается в том, чтобы было осуществлено картелирование. Поэтому в Австрии легче всего проследить прямое и сознательное влияние банкового капитала на процесс картелирования. Банк и после того оставляет за собою функции продажи для картеля и получает за это точно определенные провизионные. В новейшее время аналогичные тенденции обнаруживаются и в Германии. Так, шафгаузенский банковый союз учредил собственное товарное отделение для продажи продуктов картелированных предприятий [1]).

[1]) Так, „Neue Freie Presse“ (18 июня 1905 г.) говорит, что переход одной крупной пражской сахарной фирмы к кредитному учреждению имеет симптоматическое значение, и потом продолжает:

Сахарная торговля почти совсем уже пала жертвою этих стремлений. Еще в начале 90-х годов сбыт продукта большей части сахарных фабрик Богемии находился в руках богатых пражских сахароторговцев, которые извлекали значительные выгоды, сбывая сахар за счет производителей, нередко совершали операции и за свой собственный счет, и по своим крупным сделкам, по своим связям с иностранными рынками представляли характерное явление для Праги. Банковые операции с сахаром исчерпывались комиссионной продажей, выполнявшейся для собственных фабрик, и кредитованием, не выходившим из рамок нормальной банковой деятельности. В течение последнего десятилетия некоторые из этих частных сахарных фирм отодвинуты совсем на задний план или перешли к банкам, другие были вынуждены сильно сократить свое дело, а из прежних магнатов сахарной торговли в Праге осталась теперь одна единственная крупная торговая фирма, которая теперь является представительницей еще тринадцати сахарных фабрик и ежегодно сбывает многие сотни тысяч метрических центнеров белого сахара. Крупнейшие частные сахарные фабрики, которые ведут производство в обеих половинах империи, при сбыте не прибегают к помощи посредников, а сами организуют оптовую продажу. Средние и мелкие предприятия вступили в более или менее тесную связь с банками, которые открывают им необходимый кредит, продают их товары для экспорта, а также розничным торговцам внутри страны, но нередко берут на себя и весь риск за сбыт сахара. Таким образом, некогда столь крупная и богатая посредническая торговля сахаром совершенно вытеснена из своей позиции, и две трети сбыта богемских сахарных фабрик проложили для себя путь через сахарные отделения пражских банков (которые, в свою очередь, являются в большинстве случаев лишь отделениями венских банков).

Исходным пунктом в этом преобразовании сахарной торговли послужило предоставление кредита и устройство новых сахарных фабрик. В 80-х и 90-х годах в Богемии и в Моравии возникли многочисленные новые фабрики, в том число на Эльбе крупные рафинадные заводы, работавшие для экспорта; они в большинстве случаев были сооружены на чужой капитал, и банки, доставившие необходимые средства, выговорили, что им будет предоставлена комиссионная продажа продукта новых заводов. Мелкие и средние фабрики сахарного песку, которые со времени возникновения картеля вырастали, как грибы из земли, в особенности часто устраивались с недостаточным капиталом, и потому находились в полной зависимости от кредиторов. Но и существующим учреждениям для более современного оборудования и расширения требовались крупные средства, а потому и они вступали в более близкое отношение к источникам денег, а сводилось оно, в конце концов, обыкновенно к передаче всей организации сбыта. Таким образом, пражские отделения венских банков, отчасти также и отдельные местные учреждения, завоевали прочную почву в операциях с сахаром и перенесли туда главный центр своей деятельности. Länderbank является представителем пятнадцати фабрик... Anglobank ведет комиссионную продажу для одиннадцати фабрик сахарного песку; в Kreditanstalt концентрированы операции пяти крупных предприятий; Zivnostenska Banka является центром продажи для многочисленных провинциальных сахарных фабрик. Банки скупают продукт фабрик сахарного песку и передают его рафинадным заводам; далее, от последних они берут сахар рафинад и размещают его между внутренними и заграничными центрами продажи. По мере того, как в ходе годов экспорт приобретал все большее значение для австрийских фабрик, деятельность банков тоже получала новый характер. Вывоз требует постоянных операций на различных внешних рынках, скромное провизионное вознаграждение за комиссионные операции все более отступало на задний план перед крупными прибылями от арбитража и спекулятивных сделок... Но с операциями на иностранных рынках тесно связана торговля за собственный счет, потому что лишь очень немногие туземные фабриканты были в состоянии взять на себя такие операции, которые часто по необходимости затягиваются на продолжительное время. Таким образом, в качестве последнего звена в сахарной торговле, выступила приемка сахара банками за твердый счет; фабрики продавали продукт своему банку, который, в свою очередь, старался извлечь возможно крупную выгоду, использовав положение на внутреннем и на внешних рынках. Конечно, торговля за собственный счет—еще не общее правило,

Результат всего процесса — уменьшение торгового капитала. Но раз уменьшился капитал, то должна уменьшиться и выпадающая на его долю прибыль, которая, как мы знаем, представляет вычет из промышленной прибыли. Это уменьшение торгового капитала есть сокращение непроизводительных затрат. Какое действие оказывает это на цены? Цена продукта определяется издержками производства плюс общая прибыль. Разделение этой прибыли на предпринимательскую прибыль, процент, торговую

прибыль и ренту не оказывает никакого влияния на цену. А если картель занял теперь место торговца, если часть торговых операций отпала, то это означает лишь, что промышленнику уже не придется уступать торговцу часть своей прибыли. Цена всего продукта для потребителя остается прежняя [1]). Издержки обращения знаменовали известный вычет из предпринимательской

и отдельные осторожные учреждения из принципа сторонятся от нее; но наряду с комиссионной продажей она уже занимает видное место, и нельзя отрицать, что дело развивается вообще в таком направлении.

Сравнительно крупные товарные отделения имеются также у тех банков, которые стоят в тесных связях с картелями и руководят сбытом соответствующих отраслей промышленности. Так, Länderbank производит продажу для картеля зажигательных спичек, продуктов фабрик сиропа, фабрик эмалированной посуды, фабрик цветной бумаги, фабрик крахмала и некоторых отраслей химической промышленности; в таких же отношениях Bankverein находится к фабрикам картона, а Kreditanstalt держит в своих руках продажу продуктов об'единенных латунных заводов. Все это — сплошь комиссионные отношения, за которыми нет торговли в узком значении этого слова: ведь посредническая торговля вытеснена из своих позиций картелированием и концентрацией сбыта в центральных конторах, заведующих продажей. Прибыль от комиссионных операций с товарами вследствие конкуренции банков понизилась и составляет лишь скромную долю прежнего значительного провизионного вознаграждения. Сокращение прибылей от обычных банковых операций породило в некоторых учреждениях, обладающих товарными отделениями, мысль сильнее развить торговлю товарами за собственный счет; многие признаки заставляют думать, что вскоре в этом направлении будут сделаны новые эксперименты развития соответствующих операций.

[1]) В отдельных случаях могут произойти передвижки цен вследствие различий в соотношении промышленного и торгового капитала в отдельных сферах. Допустим, что в одной сфере, например, в машиностроении, производственный капитал равен 1000, торговый капитал равен 200. При средней норме прибыли в 20% торговая прибыль составит 40. Цена для потребителя равна 1000 + 200 (цена, за которую промышленники сбывают свой продукт купцу) плюс 240 (возмещающие купцу его капитал плюс прибыль), следовательно, в общей сложности равна 1440. Но пусть в текстильной промышленности на производственный капитал в 1000 приходится торговый капитал в 400. Цена продукта равнялась бы тогда 1680. Предположим теперь, что картель сумел в обоих случаях устранить торговый капитал и сократить торговые надержки до половины; в таком случае машиностроители на свой капитал в 1100 получали бы прибыль в 340, текстильные фабриканты на капитал в 1200 — прибыль в 480. Неравенство норм прибыли может повести к процессам уравнения, которые обнаружатся потом в изменении цен. Но то, что выигрывают потребители текстильных продуктов, потеряют покупатели машин. Однако, вследствие картелирования это уравнение произойдет лишь с большим трудом и неполнотой.

Иначе обстоит дело, когда самостоятельная торговля вытесняется потребительными обществами, обществами оптовых закупок, сельскохозяйственными обществами совместных закупок и т. д. Здесь деятельность торговых капиталистов заменяется деятельностью организованных потребителей, которым достается поэтому и торговая прибыль. В то же время возрастающая концентрация знаменует экономию на надержках обращения.

прибыли, сокращение этих надержек знаменует, что промышленная прибыль, предпринимательский барыш, повышается на всю сумму, высвободившуюся благодаря уменьшению торговых издержек. И только ложное представление, будто прибыль возникает в торговле, только вера, будто торговец получает прибыль просто надбавкою к своим издержкам, порождает у некоторых авторов надежду, что уменьшение торговых издержек может как-нибудь понизить цену продукта для потребителей [1]).

Сокращение торговых операций знаменует в то же время высвобождение капитала, который раньше был занят в сфере торговли и ищет теперь нового применения. При известных обстоятельствах это может усилить тяготение к экспорту капитала.

Что картели удерживают форму торговых операций,—это лежит в их собственном интересе. Кирдорф, новелитель угольного синдиката, говорит на этот счет: „...Для того, чтобы спуститься до самых низов потребления, дойти до единичного потребителя, необходимо располагать обширным аппаратом; но тогда являются повышенные издержки управления, которые решительно превосходят увеличение цены, достигаемое вследствие продажи непосредственно потребителю; производство становится до невозможности дорого, персонал служащих настолько расширяется, что уже нельзя следить за ним и контролировать его. Поэтому солидная посредническая торговля до известной степени остается абсолютной необходимостью и никогда не может быть устранена“ [2]).

Но в действительности здесь перед нами уже не торговцы, не купцы, а лишь агенты синдиката, самостоятельность которых столь же фиктивна, как домашнего промышленника, который титулуется самостоятельным мастером. С той только разницей, что домашняя промышленность вследствие технических перемен в производстве за известным пунктом становится бездоходной,

[1]) Оптовый торговец Энгель совершенно справедливо говорит: „Стремление синдиката направлено к монополизации и к тому, чтобы просто устранить оптовую торговлю. Цены для покупателя от этого, конечно, не оказываются дешевле. В самом деле, движение было бы беспельным, если бы расчеты не строились таким образом: ту выгоду, которую получал оптовый торговец, я, как фабрика, как синдикат, хочу оставить у самого себя“. „Kontradiktorische Verhandlungen über den Verband deutscher Druckpapierfabriken“. Heft VI, стр. 114.

То же самое относится, напр., и к угольному синдикату. Он пользуется этой монополизацией транспорта и оптовой торговли для того, чтобы, не повышая прямо цен угля, увеличением платы за развозку и доставку обложить мелких потребителей или достигнуть того, чтобы повышенные цены, которые должны уплачивать потребители, доставались не торговле, как было до сих пор, а производителями“. Liefmann, „Kartelle und Trusts“, стр. 98.

[2]) „Kontradiktorische Verhandlungen“, I, стр. 236.

по отношению же к торговле это не играет такой роли. В экономическом отношении нет никакой разницы, будет ли перед нами агент с точно фиксированным вознаграждением, или же „самостоятельный“ купец, в действительности получающий только провизионные: территориальное разграничение сфер продажи и установление расхождения цен, целиком зависящее от синдиката, оставляют так мало простора для колебаний, что в конечном счете доход купца от провизии почти ничем не отличается от дохода агента. Фикция самостоятельности, созданная иным способом вознаграждения,—а в данном случае дело идет фактически о заработной плате, так как доход „купца“ составляется из прибыли на его капитал и той заработной платы, которую синдикат должен был бы уплачивать своему агенту,—итак, эта фикция избавляет синдикат от издержек наблюдения, расходов контроля: совершенно так же, как сдельная плата по сравнению с повременной платой. Кроме того, при подобной торговле необходимый капитал до чрезвычайности сокращается: торговцу требуется лишь незначительный собственный капитал, так как устойчивость картельных цен и территориальная монополия уменьшают всякий риск. Следовательно, обороты могут быть выполнены преимущественно в кредит; торговцу кредитуется бо́льшая часть денег, подлежащих уплате; за эту часть капитала ему приходится уплачивать только проценты. Синдикат заинтересован только в одном: по возможности сократить число торговцев, потому что его собственный сбыт благодаря этому упрощается, и действительно приблизить к простой заработной плате провизионное вознаграждение за торговую деятельность, расцениваемую, как высоко квалифицированную деятельность. Насколько долго сохранится у торговцев фикция самостоятельности, в экономическом отношении это безразлично. Сам Кирдорф говорит [1]), что вытеснение посреднической торговли в его теперешних размерах не представляет чего-либо законченного, и что оно определилось „историческими условиями ее развития“; и он же подчеркивает, что, как это само собою очевидно, „угольная торговля, как сложилась она при прежнем раздроблении горного дела, когда торговцы были так многочисленны, теперь не представляет необходимости“.

Крупные углеторговцы, несмотря на то, что они видимо сдерживались, сами ясно обрисовали сложившееся положение. Для наших целей достаточно нескольких цитат. Оптовый торговец Фовинкель (Дюссельдорф) заявляет [2]): „Если я только что сказал, что мы уже не купцы в собственном смысле слова, то основания тому следующие. Угольный синдикат предписывает нам, во-первых, какие сорта мы должны покупать; во-вторых, по какой цене мы их покупаем; в-третьих, ту область сбыта, где мы можем продавать; в-четвертых, те цены, по которым мы должны продавать. От свободы действий тут остается, конечно, не так уж много. Но я полагаю, что угольный синдикат при данных обстоятельствах абсолютно не может действовать иначе... В будущем мы, оптовые купцы, должны уяснить себе, что иначе не будет, и что нас постепенно будет все меньше и меньше. Это—факт, и притом до такой степени, что уже теперь вообще невозможно начинать оптовое торговое предприятие в сколько-нибудь крупном масштабе, потому что для этого не оказалось бы достаточного количества товаров. Кроме того, современное предприятие ограничено и в том смысле, что его абсолютно невозможно расширить“.

[1]) Loc. cit., стр. 235.
[2]) Там же, стр. 228 и след.

Эти „купцы“ лишены всякой самостоятельности. Потому что, как говорит углеторговец Бельвинкель (Дортмунд), „в совете всякой организации для продажи синдикат получает место и голос для члена своего правления“, и „кроме того имеет право во всякое время ревизовать все книги“. Вполне правильно он говорит: „В конце концов нас всех лишили свободы движения; мы скорее—просто своего рода представители“.

Прогноз для будущего и того хуже. Г-н Фовинкель отзывается на этот счет следующим образом [1]): „Синдикат создал изумительную организацию, так что я думаю, что оптовая торговля будет устранена за исключением совсем ничтожного остатка. В чем вообще оправдание оптовой торговли? В конце концов, для оптового купца останется лишь очень немногое; он сумеет сбывать мелкому потребителю, сбывать нуждающемуся в кредите, он, устраивая в период плохого сбыта крупные склады угля, принимает меры для выравнивания конъюнктурных колебаний. Все это—пункты, которые вообще оправдывают его существование в будущем; вполне возможно, что угольная торговля, упавшая на 45%, как мы слышали сегодня утром, в дальнейшем упадет самое большее до 20%“.

Здесь совершенно правильно описано, как специфически торговая функция, обслуживающая в обращении процесс Т—Д—Т, становится излишней, и как сохраняется только функция распределения продукта, его сохранения, устройства складов, необходимая для обслуживания потребления при всяком общественном строе с массовым производством. Но торговля, как таковая, уничтожена; сбыт принял совершенно автоматический характер, жалуется г. Фовинкель [2]).

Фовинкель с такой же обстоятельностью показывает, как оптовый торговец постепенно заменяется агентом синдиката. Он пра-

1) Loc. cit., стр. 230.
2) Там же, стр. 229

вильно называет такое соучастие в организации продажи „синекурою“. Пользование ею целиком зависит от милости синдиката. По смерти теперешних соучастников их точно определенная доля в сбыте возвратится к синдикату; „единственным участником сделается синдикат. Из этого совершенно ясно, что этот подсиндикат (имеется в виду союз торговцев), в конце концов, перейдет собственно к главному синдикату“ [1]).

Монополия крупных торговцев или организаций по продаже дает им силу подчинить себе сравнительно мелких торговцев, диктовать им продажные цены,—словом, в свою очередь, превращать их в своих агентов. Так, напр., оптовый торговец углем Гейдман (Гамбург) говорит: „Так как я открыл по своим книгам, что долги этих людей (т.-е. сравнительно мелких торговцев, которые получают уголь от него) все более нарастают, то я сказал им: впредь вы получите уголь лишь при том условии, если примете по меньшей мере такую-то и такую-то цену“ [2]).

Из числа оптовых торговцев верхне-силезской области муниципиальный советник д-р Риве говорит: „Те господа оптовые торговцы, с которыми мы имеем дело, следовательно, торговцы первого ранга (фирмы Cesar Wollheim и Friedländer), само собой разумеется, имеют у себя в свите целый ряд оптовых торговцев второго ранга, которые—что можно сказать откровенно—находятся в прямой зависимости от первых; а за оптовыми торговцами второго ранга стоят торговцы первого, второго и последнего ранга. Один зависит от другого, и первые оптовые торговцы, если и не по обязательному договору, то добровольно действуют солидарно с конвенцией“ (имеется в виду верхне-силезская угольная конвенция).

Коротко отметим здесь, что самостоятельность обоих угольных фирм в Верхней Силезии находит себе об'яснение в следующем: они уже задолго до заключения конвенции захватили в свои руки торговлю с шахтами. Бо́льшая часть шахт принадлежала отдельным лицам, и обе фирмы в известной мере принимали в них финансовое участие. В их руках оказывалась, следовательно, не только организация сбыта, они были—прямо ли, в качестве ли кредиторов—и совладельцами шахт.

В рейнской Вестфалии акционерная форма с самого начала сделала шахты независимыми от торговли. Может-быть, торговля на западе потому оставалась менее концентрированной, что бесспорная область сбыта там обширнее, а потому конкуренция носит не столь острый характер. Пожалуй, еще важнее то обстоятельство, что шахты на западе моложе, чем старинные частные угольные шахты в Верхней Силезии. Поэтому в Верхней Силезии, если и не торговля вообще, то обе сильнейшие торговые фирмы удерживают свое положение. Они превращаются в торговую организацию картеля (фактически, а не по форме, ибо форма такова, что картель не особенно заботится о торговой части, оставляя сбыт за каждым отдельным предприятием). Но это они осуществляют не потому, что они „торговцы“, а лишь благодаря силе своего капитала; напротив, менее значительная—ибо она не столь концентрирована — торговля запада утрачивает свое положение, и даже оптовый торговец здесь „более или менее превращается в агента“, как говорит старший горный советник д-р Вахлер [1]).

Подчинение торговли синдикату облегчает для последнего и устранение иностранной конкуренции: последняя в большей мере, чем внутренняя конкуренция, обслуживается торговлей. Так, купец Клекнер (Дуисбург) говорит: „Торговые фирмы, обслуживающие продажу литейного железа, как бы то ни было, должны подписывать обязательство перед чугунным синдикатом: что они не будут торговать заграничным железом или ввозить его в Германию“ [2]).

В контрасте с этим перевесом сил на стороне картелированной промышленности стоит, наоборот, зависимость мелких фабрикантов от капиталистического торговца в отраслях промышленности, еще не способных к картелированию; эта зависимость становится в особенности тягостной, когда она усиливается кредитными отношениями.

„Многие мелкие фабриканты и в промышленном отношении совершенно в руках торговцев. В нашей промышленности, производящей готовые товары, к сожалению, очень многие фабриканты располагают слишком недостаточным капиталом и в сущности не могут стоять на собственных ногах: чтобы продолжать производство, им приходится продавать товары по какой бы то ни было цене. В таком случае товар берет какой-нибудь торговец или даже дает под него ссуду,—и тогда мелкий фабрикант уже навсегда попадает в его руки; в дальнейшем торговец уже может предписывать ему всю организацию дела“ [3]). Г-н Герштейн говорит о промышленности, производящей мелкие железные товары;

[1]) Loc. cit., стр. 230.
[2]) „Kontradiktorische Verhandlungen“, II. Heft, стр. 445.

[1]) Там же, II. Heft, стр. 380.
[2]) Пролетная лицемерная фразеология бравого агента синдиката: „Как торговые фирмы, мы считаем это совершенно правильным; ибо мы существуем главным образом затем, чтобы развивать и охранять внутреннее производство“. Разграбление своей страны, помехи, создаваемые для обрабатывающей промышленности посредством искусственного угольного, коксового и железного голода, повышение внутренних цен посредством выбрасывания продукта за границу, — вот они, национальные убеждения барышничества.
[3]) Показание Герштейна (Ген), секретаря торговой палаты. „Kontradiktorische Verhandlungen“, 6. Sitzung, Halbzeugverband, стр. 444.

в сопротивлении торговцев он видит серьезное обстоятельство, затрудняющее картелирование.

С другой стороны, картелирование промышленности, производящей готовые товары, одно само по себе, приносит ей мало пользы, не дает еще возможности, использовать цены. „Если фабриканты готовых товаров об'единяются, и если они устанавливают цены таким образом, что им остается скромная выгода, то, к сожалению, как слишком часто показывает опыт, крупная промышленность вставляет им палки в колеса, и те предметы, в которых она нуждается, производит в своих собственных мастерских; само собой разумеется, у него получается совершенно иная себестоимость, чем у фабрикантов, которые, приобретая сырые материалы, находятся в полной зависимости от цен, устанавливаемых картелями в крупной промышленности. Как мы слышали, изготовление необходимых предметов в собственном производстве получает очень широкое распространение. Еще вчера г. директор Фукс говорил мне, что крупные заводы: Bochum, Dortmunder Verein, Königs- und Laurahütte выступают конкурентами чистых вагонных фабрик; я, конечно, знаю, что вагоны не относятся к числу мелких железных изделий, но это во всяком случае—готовые фабрикаты. На это я ответил, что от этого страдают не только вагонные фабрики, но и производство мелких железных изделий, фабрикаты вагонных принадлежностей,—ведь крупные стальные заводы сами производят не только готовые вагоны, но и все принадлежности вагонов: буфера, замки, связки—словом, все части. Königs- und Laurahütte производит для своих вагонов все, от колес до последней части, за исключением, быть-может, пружин, шурупов и заклепок. Дортмунский Union тоже изготовляет почти все части для своей вагонной фабрики, а кроме того и другие мелкие железные изделия, напр., гайки для скрепления рельсов“ [1]).

Но если торговля, благодаря своему влиянию на сравнительно мелких капиталистов, тормозит картелирование, то, с другой стороны, она старается усилить это влияние, сама организуя ринги. И здесь Герштейн приводит несколько иллюстраций. Напр., крупные берлинские магазины железных товаров об'единились в союз, который оказывает большое влияние на образование цен. Данцигские магазины сообща купили одну фирму и потом об'единились в союз железных торговцев, в общество с ограниченной ответственностью. Союз германских торговцев железными товарами, с правлением в Майнце, принял постановления относительно закупки товаров. Члены союза должны потребовать от своих поставщиков письменное обязательство, „что они не будут продавать своих товаров базарам“. Члены союза обязуются не покупать у таких фабрикантов, которые сами продают потребителям; это местами зашло настолько далеко, что в потребители зачислены и крупные государственные железные дороги, и что у фабрикантов хотели бы отнять право поставлять различные предметы непосредственно для этих дорог [1]).

[1]) Показание Герштейна, loc. cit., стр. 445.

Вот хороший пример того, как легко более сильный капитал ведет к отношениям зависимости, хотя бы в такой форме, что оптовый торговец увеличивает свою торговую прибыль за счет промышленной и перелагает с себя всякий риск, если даже он создается его собственной спекуляцией: „Напротив, спекуляция типографской бумагой противоречит стремлению синдиката достигнуть устойчивых цен и согласовать предложение со спросом. Бумага вообще и типографская в частности не относится к числу об'ектов спекуляции; согласно наблюдениям, сделанным почти на всех бумажных фабриках Германии, те самые торговцы, которые при понижении цен бумаги продают ее in blanko, не считаясь с издержками ее производства,—как раз они же потом, покупая бумагу у бумажных фабрикантов, озабоченных получением заказов, самым недостойным образом производят давление на цены. Бывало, да и теперь еще бывает так, что бумажных фабрикантов, сидящих где-нибудь в горах и отрезанных от бумажного рынка, такие торговцы ложными утверждениями принуждают продавать по цене, которая много ниже рыночной.

„Наоборот, когда цены на бумажном рынке обнаруживают тенденцию к повышению, те же самые торговцы, пуская в ход все свое искусство и всяческие меры убеждения, побуждают бумажных торговцев заключать с ними возможно крупные сделки или продавать значительные количества бумаги, между тем, как сами они уже воздерживаются от дальнейшей продажи. В этом случае вред причиняется прежде всего типографщикам, которым приходится неподобающим образом расплачиваться с торговцем за его удачную спекуляцию; а на втором плане, при весьма быстро преходящих высоких конъюнктурах, пострадавшими оказываются и бумажные фабриканты, потому что едва начинается понижательное движение рыночных цен, этот торговец без всяких околичностей опять-таки понижает цены, или же, если он не может сам взять бумагу, спокойно предоставляет бумажному фабриканту

[1]) Показание Герштейна, loc. cit., стр. 447.

Какую строгость проявляют иногда, наоборот, крупные заводы по отношению к своим сравнительно мелким поставщикам, об этом говорит показание Герштейна (там же, стр. 556). „Один крупный чугуно-литейный завод, располагающий собственными шахтами, составил печатные условия относительно приобретения им инструментов; здесь от поставщиков требуется подача заявления со своими предложениями, и там значится: „количество: сколько нам потребуется на 1904 г., при чем мы не берем обязательства принять определенное количество. Сдача по нашему требованию“.

сидеть на бумаге. Только в самых редких случаях бумажный фабрикант решается подать жалобу на неисполнение договора или вообще вчинить судебный иск против торговца: он опасается утратить на будущее время заказы торговца“ [1]).

Образование синдиката разом изменяет положение. Против раздробленных торговцев выступает об'единенная промышленность. Большая сила капитала теперь на стороне промышленников. Но более того. Теперь торговец представляется тем, что он есть в действительности: это — заменимое вспомогательное средство по сравнению с необходимой, независимой промышленностью. Обнаруживается как бы превосходство естественно-необходимого производства над капиталистически-необходимым распределением посредством торговли. Синдикат вводит ее в ее „законные границы“. „Торговлю следует считать легитимной, если на базисе точных покупных цен с надбавкою достаточной прибыли торговец продает бумагу дальше и при этом соблюдает условия, которые производители бумаги признают допустимыми и которые являются обычными при продаже бумаги“. Таким образом бумаготорговец превращается с синдикатского агента с точно определенным провизионным вознаграждением. У него отняли его свободу, и громко звучат его жалобы на недостойное обращение; с скорбной тоской рассказывает он о добрых старых временах славной торговли. Но самым тягостным из всех продиктованных условий представляется ему то, что теперь он должен покупать исключительно у синдиката и ни у кого больше. Для него невозможно использование конкуренции между производителями, и он сам становится орудием для того, чтобы упрочить синдикат, увековечить ту монополию, которая скручивает его. Он должен оставить всякую надежду, ибо над дверью, ведущей к продажному бюро синдиката, написано буквами, которые нагоняют на него такой же ужас, как на грешника слова над вратами дантовского ада: покупай только у синдицированных предпринимателей и продавай лишь по ценам, назначенным синдикатом. Это—конец капиталистического торговца [2]).

[1]) „Kontradiktorische Verhandlungen über den Verband deutscher Druckpapierfabriken“, Heft IV, показание директора Рейтера, стр. 110 и след.

[2]) „Итак, синдикат поставил своей задачей устранить организованную так оптовую торговлю типографской бумагой. После того, как организацией синдиката удалось устранить большое число агентов, которые занимались сбытом типографской бумаги на-ряду с другими сортами бумаги, все еще оставалось большое количество торговцев, которые торговали типографской бумагой. Тогда синдикат задался целью: не только отказывать в отпуске типографской бумаги фирмам, которые занимались спекуляцией, но и помешать появлению новых торговцев типографской бумагой. Поэтому синдикат уже во многих случаях отказывался продавать эту бумагу таким бумаготорговым фирмам, которые лишь во время существования синдиката задумывали распространить свои торговые операции и на типографскую бумагу“ (там же, стр 111).

Средством, ведущим к устранению спекуляции из торговли, является также заключение долгосрочных договоров. Так, угольный синдикат постоянно назначает на целый год цены, не подлежащие изменению, и ни при каких обстоятельствах не отступает от этого „основного правила“ [1]).

Tempora mutantur! В биржевой анкете 1893 г. спекуляция—славное завершение и глубочайший корень капитализма. Спекуляция—все: фабрикация, торговля, сделки на разницу; всякий капиталист—спекулянт; и даже пролетарий, взвешивающий, где он продаст свою рабочую силу с наибольшею выгодой, — тоже спекулянт. В анкете о картелях святость спекуляции предана забвению. Она—безусловное зло, из которого вытекают кризисы, перепроизводство, короче, все дурные стороны капиталистического общества. Пароль — устранение спекуляции. Идеал спекуляции заменяется спекуляцией на идеал „устойчивых цен“, представляющих смерть спекуляции. Теперь оказывается, что биржа и торговля носят спекулятивный характер: презренны, подлежат устранению во благо промышленной монополии. Промышленная прибыль соединяется с торговой прибылью, капитализируется в учредительский барыш, становится в этой форме добычею триединства, воплощающего в финансовом капитале высшую форму капитала вообще. Ибо промышленный капитал есть бог отец, который в торговом и банковом капитале родил бога сына, а денежный капитал есть дух святой; их три, но они едины в финансовом капитале.

Надежность картельной прибыли в противоположность ненадежности спекулятивного барыша отражается в различиях психологии их представителей и в конкретных формах их выступлений. Картельный магнат чувствует себя господином производства, его действия ясны. Своим успехом он обязан организации производства, сокращению непроизводительных издержек. Он сознает в себе представителя общественной необходимости в противовес индивидуальной анархии и видит в своей прибыли

[1]) „Kontradiktorische Verhandlungen“, I, стр. 94 и след. Осенью 1899 г. германский коксовый синдикат заставил своих покупателей покрыть свою потребность на два года — 1900 и 1901. Отметим кстати, что синдикат использовал свою силу для того, чтобы цены 1900 г., уже в феврале 1899 г. установленные на уровне 14 марок, повысить на оба года до 17 марок. Под угрозой, что иначе им совсем не отпустят кокса, заводы вынуждены были согласиться на заключение таких условий.

Пример интересен и потому, что он показывает, насколько мало влияние синдикатов на кризисы. Договоры были заключены в 1899 г., т.-е., приблизительно на 27 месяцев вперед. В половине 1900 г. конъюнктура начала понижаться, а 1901 г. был годом кризиса, но максимальные цены для кокса были обеспечены. Вследствие этого действие кризиса на обрабатывающую промышленность чрезвычайно обострилось („Kontradiktorische Verhandlungen“ 3. Sitzung, стр. 638, 655, 664).

подобающее воздаяние за свою организаторскую деятельность. Для его капиталистического мышления представляется совершенно естественным, что ему достаются плоды организации, создание которой—дело не его одного. Он—представитель нового времени. „Дни индивидуума миновали", обрушивается Гавемейер на защитников старого. „Если масса может получать выгоду за счет индивидуума, — индивидууму остается удалиться, и он должен удалиться" [1]). Он имеет в виду социализм, и, он'яненный победой, он не замечает, что в один прекрасный день и он, и ему подобные сами могут оказаться среди таких индивидуумов, которые должны удалиться. Картельный магнат не испытывает никаких угрызений совести, и если Гавемейер с заслуживающей признательности откровенностью заявляет, что этика других не интересует его ни на грош [2]), то и господин Кирдорф с неменьшею гордостью подчеркивает права господина в своем собственном доме. Но тягчайшее преступление с точки зрения их этики — нарушение солидарности, свободная конкуренция, выход из братства, поставившего целью монопольную прибыль. Общественное презрение и уничтожение в экономическом смысле — подобающая кара за такие преступления [3]). Рассылаются списки, в которых винокуры, не примкнувшие к синдикату, выделены таким образом, что их имена набраны жирным шрифтом [4]).

Совершенно иначе выступает спекулянт. Он появляется скромно, с сознанием собственной вины. Его выигрыш—просто проигрыш других. Пусть он, спекулянт, необходим: все же его необходимость свидетельствует только о несовершенстве капиталистического общества. Источник его прибыли остается неясным. Ведь спекулянт—не производитель, создающий стоимости. Если его барыш превышает известную меру, то изумление перед успехом немедленно начинает борьбу против подозрительности. Он никогда не чувствует себя спокойным перед обществом, и постоянно боится нового биржевого закона. Он оправдывается и

1) Industrial Commission. „Preliminary Report on Trusts and Industrial Combinations", стр. 223.

2) Industrial Commission. стр.63. „I do not care two cents for your ethics". Он присовокупляет—что истинный коммерческий принцип — назначать столь дешевые цены, чтобы устранить конкуренцию. Ибо, говорит он дальше, тресты устраиваются не для здоровья конкурентов. „Trusts are not in the business for their dealth", стр. 223.

3) Вот какими карами грозит Deutsche Agrarkorrespondenz (1889 г., № 8), близкая к Союзу Сельских Хозяев (Bund der Landvirte): Германский винокур, отказавшийся вступить в союз, утрачивает право на уважение со стороны своей профессии; на таких господ следует навсегда наложить клеймо. Если впоследствии удастся причинить ему чувствительный денежный вред, то для такого почтенного господина не было бы более чувствительного наказания, как вполне заслуженное им „пфуй".

4) „Kontradiktorische Verhandlungen". Показание генерального секретаря Кёрке.

упрашивает не судить его слишком строго: „Это — участь всех человеческих учреждений: все они порочны и греховны" [1]).

И он счастлив, если ему удастся найти верующих, таких, как г. профессор ван-дер-Боргт, который так утешает его:

— „В самой природе человека заложено, что страсть к игре время от времени становится особенно сильной", — и потом обращается к нападающим на него и призывает их к милосердию, уверяя: „Все эти неблагоприятные следствия в последнем счете приходится свести к неискоренимым слабостям и страстям человеческой природы" [2]).

Но, разумеется, ни к какому капиталисту не следует относиться слишком сурово. Капиталист только что признавался: „Деньги имеют в себе морально разлагающую силу, и моральный характер весьма быстро изменяется с увеличением дохода" [3]), — и вот уже в нем поднимается желчь. Все время его раздражало то непонимание неносвященного человека, которое г. профессор Кон противопоставлял его прекраснодушию. Он с великим терпением переносил, когда пространные об'яснения г. профессора о функциях биржи нето-чтобы вносили большую ясность в предмет; с снисходительным благодушием выслушивает он зато интересные об'яснения, которые придется давать профессору Кону о функциях прусских университетов. Но во всем этом не следует заходить слишком далеко. Он, конечно, ничего не имеет против того, если профессор возвестит: цель университетов — стоять между биржей и социал-демократией, давать этическое оправдание биржи и защищать ее от нападок. Если же ученый господин продолжает: „если бы не было университетов, то произошло бы столкновение этих антагонистических сторон", — то подобный приступ мании величия и других маний заставляет его только смеяться. В серьезность профессора он не верит, и потому он вмешивается: „Что биржи преследуют этические цели, это я признаю" (заметно, что и тут он все еще остается спекулянтом), „но основываются они не для этого, а—из эгоизма. Уж не должен ли купец основывать биржи затем, чтобы делать из них благотворительные учреждения?" [4]). У этической экономии на это нет никакого ответа, и в этот момент г. профессор Кон уподобляется окаченному водой пуделю, но такому, в котором Мефистофиля нет и в помине.

1) „Deutsche Börsenenquete", I, стр. 464. Слова Русселя, генерального консула от Diskontogesellschaft.

2) „Handwörterbuch der Staatwissenschaften", стр. 181 и сл.

3) „Deutsche Börsenenquete", II Bd., стр. 2151. Показание ван-Гюльпена. И не только при увеличении дохода: „Если ему (провинциальному банкиру) отравляют жизнь, немудрено, что ему в большей мере, чем он это делал до сих пор, приходится сбывать чисто спекулятивные бумаги", уверяет г. фон-Гуайта (там же, стр. 959).

4) „Deutsche Börsenenquete", II, стр. 2169.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Капиталистические монополии и банки. Превращение капитала в финансовый капитал.

Развитие капиталистической промышленности ведет к тому, что в банковом деле развивается концентрация. Концентрированная банковая система сама становится важной движущей силой в направлении к наивысшей ступени капиталистической концентрации, принимающей форму картелей и трестов. Какое действие оказывают последние в свою очередь на банковую систему? Картель или трест есть предприятие, располагающее капиталом величайшей силы. При отношениях взаимной зависимости между капиталистическими предприятиями прежде всего силою капитала решается вопрос о том, какое предприятие попадает в зависимость от другого. Далеко зашедший вперед процесс картелирования с самого начала действует в том направлении, что и банки начинают об'единяться и увеличиваться,—иначе им угрожала бы опасность попасть в зависимость от картеля или треста. Следовательно, само картелирование ускоряет об'единение банков, как, наоборот, и об'единение банков ускоряет картелирование. Например, в об'единении стальных заводов был заинтересован целый ряд банков, которые сообща действовали в том направлении, чтобы привести заводы к об'единению, хотя бы вопреки воле отдельных промышленников. Наоборот, соглашение, состоявшееся прежде всего между промышленниками, может повести к тому, что у двух конкурировавших до того времени банков оказываются общие интересы, и они начинают действовать сообща сначала в одной определенной области. Подобно этому промышленные комбинации ведут также к расширению промышленной сферы банка: последний раньше действовал, может-быть, в промышленной отрасли, доставляющей сырые материалы; комбинация же заставляет его распространить деятельность и на область обрабатывающей промышленности.

Но картель сам по себе предполагает существование крупного банка, который был бы в состоянии удовлетворять колоссальной потребности целой промышленной отрасли в платежном и производственном кредите.

Но картель вносит еще и дальнейшую интенсификацию в отношения между банком и промышленностью. Когда свободная конкуренция в промышленности прекращается, то сначала происходит повышение нормы прибыли. Это повышение играет важную роль. Если устранение конкуренции достигнуто посредством фузии, то основывается новое предприятие. Это предприятие может рассчитывать на повышенную прибыль. Повышенная же прибыль может быть капитализирована и послужит источником учредительского барыша [1]). Последний играет в двояком отношении важную роль при образовании трестов. Во-первых, стремление к учредительской прибыли—очень существенное основание для того, чтобы банки содействовали монополизации. Во-вторых, часть учредительской прибыли можно употребить на то, чтобы повышенной покупной ценой склонить противящиеся, но важные элементы к продаже их фабрик, т.-е. сделать вообще возможным возникновение картеля. Это можно, пожалуй, выразить следующим образом: картель пред'являет спрос на предприятия данной отрасли промышленности; этот спрос до известной степени повышает их цену [2]), и эта повышенная цена оплачивается частью учредительского барыша.

Картелирование вносит большую устойчивость и равномерность в доходность картелированных предприятий. Устраняется страх конкуренции, которая раньше столь часто представляла смертельную опасность для отдельного предприятия. Но благодаря этому курс акций соответствующих предприятий повышается, а это знаменует повышенную учредительскую прибыль при всяком новом выпуске акций. Далее, безопасность для капитала, вложенного в данные предприятия, значительно повышается. Это позволяет банкам еще больше расширить промышленный кредит и таким образом увеличить свою прежнюю долю из промышленной прибыли. Значит, картелирование делает отношения между банками и промышленностью еще более тесными,—и в то же время распоряжение капиталом, вложенным в промышленность все более переходит к банкам.

Мы видели, что на заре капиталистического производства деньги банкам притекают из двух источников. Во-первых, это—

[1]) В 1887 г. Гавемейер основал американский сахарный трест посредством слияния 15 мелких компаний, которые определяли свой капитал в общей сложности в $6^1/_2$ милл. долларов. Акционерный капитал треста был установлен в 50 милл. долларов. Трест немедленно повысил цены на сахар рафинад и произвел давление на цены сахарного песка. Расследование, произведенное в 1888 году, показало, что на тонне рафинированного сахара трест зарабатывал почти 14 долларов; поэтому он мог уплачивать 10% дивиденда на весь акционерный капитал, т.-е. почти 70% на капитал, действительно внесенный при основании общества. Кроме того, трест мог еще при случае выплачивать дополнительные дивиденды и отчислять огромные суммы в запасный капитал. В настоящее время акционерный капитал треста составляет 90,000.000 долларов. Половина—привилегированные акции, имеющие право на постоянные 7%, другая половина—обыкновенные акции, которые теперь приносят тоже 7% („Berliner Tageblatt“ от 1 июля 1909 г.). Многочисленные примеры см. также в „Reports of Industrial Commission on Trusts and Industrial Combinations“.

[2]) Здесь дело идет о „цене капитала“, а она равна капитализированной прибыли.

деньги непроизводительных классов, во-вторых, это—запасный капитал промышленных и торговых капиталистов. Мы видели дальше, как развитие кредита приводит к тому, что в распоряжение промышленности попадает не только весь запасный капитал класса капиталистов, но и наибольшая часть денег классов непроизводительных. Другими словами, современная промышленность ведется на капитал, который бесконечно больше, чем весь собственный капитал промышленных капиталистов. С капиталистическим развитием постоянно возрастает и та сумма денег, которую непроизводительный класс представляет в распоряжение банков, а через них—в распоряжение промышленников. Банкам принадлежит распоряжение этими необходимыми для промышленности деньгами. Следовательно, с развитием капитализма и его организации кредита, зависимость промышленности от банков растет. С другой стороны, банки могут привлекать деньги непроизводительных классов, и могут длительно оставлять в своем распоряжении все возрастающее основное ядро „этих денег лишь при том условии, если они за эти деньги уплачивают проценты. Пока масса этих денег была неособенно велика, банки могли достигать этой цены, употребляя их на кредитование спекуляции и на платежный кредит. По мере того, как, с одной стороны, количество этих денег все возрастает, а значение спекуляции и торговли уменьшается, приходится все бо́льшую часть их превращать в промышленный капитал. Следовательно, без постоянного расширения производственного кредита возможность использовать вклады, а значит, и уплачивать проценты по банковым вкладам давным-давно была бы много меньше, чем в настоящее время. В действительности это уже и наблюдается в Англии, где депозитные банки обслуживают только оборотный кредит, и потому процент по вкладам стоит на минимальном уровне. Так об'ясняется постоянный отлив вкладов в сферу промышленности, где они ищут себе приложения; средством этого отлива является покупка акций. Здесь сама публика непосредственно делает то самое, что делает банк, когда он представляет соединение промышленного и депозитного банка. Результат для публики получается одинаковый, потому что учредительской прибыли она не получает ни в каком случае. Но для английской промышленности это знаменует меньшую зависимость от банкового капитала по сравнению с германской промышленностью.

Итак, зависимость промышленности от банков есть следствие отношений собственности. Все возрастающая часть промышленного капитала не принадлежит тем промышленникам, которые его применяют. Распоряжение над капиталом они получают лишь при посредстве банка, который представляет по отношению к ним собственников этого капитала. С другой стороны, и банку все возрастающую часть своих капиталов приходится закреплять

в промышленности. Благодаря этому он в постоянно возрастающей мере становится промышленным капиталистом. Такой банковый капитал,—следовательно, капитал в денежной форме,—который таким способом в действительности превращен в промышленный капитал, я называю финансовым капиталом. Для собственников он постоянно сохраняет денежную форму, затрачивается ими в форме денежного капитала, капитала, приносящего проценты, и во всякое время может быть возвращен ими в денежной форме. Но в действительности наибольшая часть капитала, вложенного таким способом в банки, превращена в промышленный, производительный капитал (средства производства и рабочую силу) и закреплена в процессе производства. Все возрастающая часть капитала, применяемого промышленностью, представляет финансовый капитал: капитал, находящийся в распоряжении банков и применяемый промышленниками.

Финансовый капитал развивается с развитием акционерных обществ и достигает зенита в своем развити с монополизацией промышленности. Доход от промышленности приобретает более надежный и устойчивый характер. Вместе с тем все более расширяется возможность приложения банкового капитала к промышленности. Но ведь распоряжается банковым капиталом банк, а господство над банком принадлежит собственникам большей доли банковых акций. Ясно, что с возрастающей концентрацией собственности владельцы фиктивного капитала, которым принадлежит власть над банками, все более совпадают по составу с владельцами того капитала, который дает власть над промышленностью. И это тем более, что, как мы видели, к крупному банку все больше переходит и власть распоряжатся фиктивным капиталом.

Если мы убедились, что промышленность попадает в возрастающую зависимость от банкового капитала, то это вовсе не означает, что и магнаты промышленности попадают в зависимость от банковых магнатов. Параллельно тому, как самый капитал на своей высшей ступени становится финансовым капиталом, так и в руках капиталистического магната, финансового капиталиста, все более об'единяется власть располагать всем национальным капиталом, власть, принимающая форму господства над банковым капиталом. И здесь важную роль играет персональная уния.

С картелированием и трестированием финансовый капитал достигает зенита своей силы, между тем как торговый капитал переживает свое глубочайшее принижение. Капитализм закончил свой кругооборот. На заре капиталистического развития денежный капитал в качестве ростовщического капитала и торгового капитала играл значительную роль как в процессе накопления капитала, так и в процессе превращения ремесленного произ-

водства в капиталистическое. Но потом началось сопротивление „производительных“ капиталистов, т.-е. капиталистов, извлекающих прибыль,—как торговых, так и промышленных капиталистов,—против процентных капиталистов [1]).

Ростовщический капитал начинает играть подчиненную роль по сравнению с промышленным капиталом. В качестве денежно-торгового капитала он исполняет те денежные функции, которые иначе должны были бы выполнять сами промышленники и торговцы при метаморфозе их товаров. В качестве банкового капитала он обслуживает кредитные операции между производительными капиталистами. Мобилизация капитала и постоянное расширение кредита мало-по-малу производит полную перемену в положении денежных капиталистов. Власть банков растет, по отношению к промышленности они становятся учредителями, а в конце концов—ее господами; они в качестве финансового капитала урывают для себя промышленные прибыли: подобно тому, как некогда старый ростовщик в виде своего „процента“ урывал трудовой доход крестьянина и ренту сеньора. Гегельянец сказал бы здесь от отрицании отрицания: банковый капитал был отрицанием ростовщического капитала и в свою очередь сам отрицается финансовым капиталом. Последний представляет синтез ростовщического капитала и банкового капитала и на бесконечно более высокой ступени экономического развития присваивает себе плоды общественного производства.

Совершенно иначе идет развитие торгового капитала. Развитием промышленности торговый капитал мало-по-малу вытесняется из того господствующего положения, которое он занимал по отношению к производству в мануфактурный период. Но этот упадок оказывается окончательным, и развитие финансового капитала сокращает торговлю как абсолютно, так и относительно, и превращает некогда столь гордого купца в агента промышленности, монополизированной финансовым капиталом.

---

[1]) В самом деле, „ростовщичество было главным средством накопления капитала, т.-е. получения им доли из доходов землевладения. Но промышленный и торговый капитал более или менее солидарно с землевладельцами выступает против этой старомодной формы капитала“. Marx, „Theorien über den Mehrwert“, I. Bd., стр. 19.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Определение цен при капиталистических монополиях. Историческая тенденция финансового капитала.

Частичные об'единения знаменуют дальнейшую ступень концентрации. От прежней формы, при которой концентрация совершалась путем уничтожения сравнительно слабого предприятия, новые формы отличаются тем, что с об'единением производства и об'единением предприятий здесь не происходит непременно и одновременное об'единение собственности; но они не вносят какого-либо принципиального изменения в отношении конкуренции. Поскольку для частичных об'единений издержки производства ниже, чем для других предприятий или даже для данных предприятий до их об'единения, постольку они оказываются более сильною стороной в конкурентной борьбе; если об'единения достаточно многочисленны и широки и дают наибольшую долю общей суммы всего производства, их издержки производства приобретают решающее влияние на цены. Следовательно, этим соединением присуща тенденция оказывать понижательное влияние на цены. Это не препятствует тому, а скорее прямо предполагает, что выгоды об'единения могут доставить об'единившимся предприятиям дополнительную прибыль.

Иначе обстоит дело с монополистическими об'единениями, картелями и трестами. Цель их — повышение нормы прибыли, а этого они могут достигнуть прежде всего повышением цен, раз им удастся устранить конкуренцию. Здесь возникает вопрос, чем же определяется *картельная* цена? Этот вопрос обычно смешивают с вопросом о монопольной цене вообще и ведут споры о том, действительно ли монополистическое об'единение представляет монополию, или же последняя чем-нибудь ограничивается; и действительно ли, в связи с этим, цены таких об'единений должны быть равны монопольным ценам или ниже последних. А что касается самих монопольных цен, про них говорят, что они определяются двухсторонней взаимозависимостью издержек производства и масштаба производства, с одной стороны, цены и величины сбыта — с другой. Говорят, дальше, что монопольная цена равна цене, допускающей сбыт настолько обширный, чтобы при данном масштабе производства не слишком удорожались издержки производства, и чтобы это не понизило чрезмерно прибыли на единицу товара. Повышение цены понизило бы сбыт, а следовательно, и масштаб производства; значит,

повысило бы издержки и понизило бы прибыль на единицу продукта; понижение цены настолько понизило бы прибыль, что увеличение размеров сбыта уже не было бы достаточным эквивалентом пониженной цены.

Неопределим и неизмерим при господстве монопольных цен — спрос. Нельзя наперед установить, как он будет реагировать на повышение цены. Конечно, эмпирически нетрудно установить монопольную цену; но ее уровень не поддается об'ективно-теоретическому анализу: его можно понять лишь психологически об'ективно. Поэтому классические экономисты, к числу которых мы относим и Маркса, устранили из сферы своих дедукций монопольную цену, цену товаров, количество которых не поддается произвольному увеличению. Наоборот, излюбленнейшая тема психологической школы — „об'яснение" монопольной цены; и здесь она, исходя из ограниченности запаса товаров, хотела бы представить все цены монопольными ценами.

Классик-экономист видит в цене форму проявления анархического общественного производства и устанавливает зависимость ее уровня от общественной производительности труда. Но об'ективный закон цен прокладывает себе путь лишь через посредство конкуренции. Значит, если монополистические об'единения уничтожают конкуренцию, то они уничтожают единственное средство, при помощи которого может найти осуществление об'ективный закон цен. Цена — уже не об'ективно определенная величина: цена — просто числовая величина, устанавливаемая волей и сознанием человека. Вместо результата перед нами выступает предпосылка, вместо об'ективного — суб'ективное, вместо необходимого, не зависящего от воли и сознания заинтересованных лиц, — произвольное и случайное. Кажется, как-будто монополистическое об'единение, являясь осуществлением теории Маркса о концентрации, является в то же время уничтожением его теории стоимости.

Приглядимся к делу поближе. Картелирование — исторический процесс; он захватывает различные отрасли капиталистического производства в различной последовательности во времени, смотря по тому, насколько созрели условия для картелирования. Как мы видели, развитие капитализма приводит к тому, что эти условия все в большей мере осуществляются для всех отраслей производства. При прочих равных условиях, — т.-е. при одинаковой развитости влияния банков на промышленность, на одной и той же фазе промышленного цикла, при одинаковом органическом составе капитала, — известная отрасль промышленности будет тем пригоднее для картелирования, чем крупнее размеры того капитала, который требуется для отдельного предприятия, и чем меньше общее количество предприятий в данной отрасли производства.

Предположим, что эти условия прежде всего достигнуты в сфере добывания железной руды. Пусть здесь произошло картелирование и повысило цены. Ближайшим следствием будет повышение нормы прибыли для горнопромышленников. Но повышение продажных цен железной руды знаменует повышение издержек производства для производителей чугуна. В первое время это не окажет влияния на продажные цены чугуна. Картелирование рудников ничего не изменило на чугунном рынке. Соотношение спроса и предложения, а следовательно, и цены остались прежние. Значит, следствием повышения нормы прибыли, получаемой картелем, будет понижение нормы прибыли для производителей чугуна. Но что же выйдет из этого?

Теоретически, могут наступить такие последствия. Капитал отливает из сферы с пониженной нормой прибыли в сферу с повышенной нормой прибыли. Капитал, до сих пор применявшийся в производстве чугуна, будет теперь прилагаться к железным рудникам. Тогда здесь возникла бы конкуренция тем более чувствительная, что производство чугуна подвергалось бы сокращению. Цены руды упали бы, цены чугуна повысились бы, и после некоторых колебаний, среди которых картель, вероятно, был бы взорван, опять восстановилось бы прежнее положение. Но мы уже знаем, что как раз в таких сферах производства отлив и прилив капитала наталкнулся бы на границы, которые едва ли возможно преодолеть. Следовательно, этот путь к уравнению норм прибыли закрыт.

Картельные цены имеют значение только для тех производителей чугуна, которым приходится покупать руду на рынке. Для того, чтобы избежать воздействий картеля, чугунным заводам стоит только присоединить к своему производству железные рудники. Тогда они сделаются независимыми от картеля, и норма их прибыли достигнет нормального уровня. Те предприятия, которые таким образом превратятся в комбинированные предприятия раньше других, будут еще получать дополнительную прибыль по сравнению с остальными, вынужденными оплачивать дорогой сырой материал и торговую прибыль торговцев рудой. Но все это в равной мере относится и к тем рудникам, которые перейдут к производству чугуна и, как комбинированные предприятия, обнаружат свое превосходство в конкуренции с чистыми заводами. Таким образом картель с самого начала дает сильнейший стимул к комбинации, а вместе с тем и к дальнейшей концентрации. С особенной силой она обнаружится в тех отраслях промышленности, которые покупают и ведут дальнейшую переработку картельных продуктов.

Раньше мы видели, как тенденция к комбинации вызывается или усиливается известными явлениями конъюнктуры. Картелированием эта тенденция усиливается и в то же время моди-

фицируется. Монополистическое об'единение и во время кризиса может удерживать свои цены на высоком уровне, между тем как для его некартелированных покупателей это невозможно. Следовательно, к действиям кризиса для них присоединяется еще невозможность уменьшить свои издержки производства посредством покупки сырья по более дешевым ценам. В такие периоды среди некартелированных становится в особенности сильным стремление добывать дешевый сырой материал из собственных шахт. Если же это не удается, начинается гибель целого ряда вообще жизнеспособных, технически хорошо оборудованных производств. Они оказываются перед дилеммой: или банкротство, или же купля их за низкую цену каким-нибудь рудником, для которого приобретение завода по низкой цене служит гарантией будущей доходности.

Впрочем, и еще один путь стоит перед чугунными промышленниками. Об'единенной силе владельцев рудников противостояли раз'единенные производители чугуна. Поэтому перед вздорожанием сырого материала они были бессильны. Но столь же бессильны были они и тогда, когда было необходимо выразить повышенную цену сырого материала в повышении цен железа. Все это изменится, как только сами они об'единятся в картель. Тогда они могут сомкнутыми рядами противостать рудниковому картелю и проявить свою, как покупателей, силу. А с другой стороны, при продаже своих продуктов, они сами могут теперь определять цены и повысить норму прибыли выше обычного уровня. В действительности обычно избираются оба пути: и комбинация, и картелирование, и результатом процесса является комбинированное монополистическое об'единение производителей руды и железа.

Ясно, что потом этот процесс необходимо распространится на других покупателей чугуна и будет захватывать одну сферу производства за другою. Так развертывают картели свою пропагандистскую силу. Картелирование знаменует в первую очередь изменение нормы прибыли. Это изменение совершается за счет нормы прибыли в других капиталистических отраслях промышленности. Нивелирование этих норм прибыли к равному уровню не может осуществиться посредством перемещения капитала. В самом деле, картелирование как-раз означает, что конкуренция капитала *из-за сфер применения* затруднена. Ведь затруднение свободного передвижения капитала, обусловленное экономическими причинами и отношениями собственности (монополия на сырые материалы), является предпосылкой уничтожения рыночной конкуренции между продавцами. Уравнение может произойти только таким способом, что сами пострадавшие отрасли промышленности картелируются и этим достигнут и для себя повышения нормы прибыли или же комбинацией

парализуют для себя влияние повышенной нормы прибыли тех отраслей, из которых они получают сырой материал. И тот, и другой способ знаменует усиление концентрации, а тем самым и облегчение дальнейшего картелирования.

Но пусть дальнейшее картелирование по тем или иным причинам оказалось неосуществимым; какое действие оказывает тогда картельная цена, и можем ли мы сказать что-либо определенное об ее уровне?

Мы видели, что повышение нормы прибыли, вытекающее из повышения картельной цены, может наступить лишь вследствие того, что в других отраслях промышленности норма прибыли понижается. Картельная прибыль на первых порах есть не что иное, как доля, присвоение известной части прибыли других промышленных отраслей. В промышленных отраслях, требующих небольшого капитала на каждое предприятие и характеризующихся раздроблением производств, существует как мы знаем, тенденция к понижению нормы прибыли ниже ее среднего общественного уровня. Картелирование знаменует усиление этой тенденции, дальнейшее понижение нормы прибыли в этих отраслях. Насколько далеко зайдет это понижение, зависит от природы данных отраслей производства. Ответом на слишком сильное понижение будет эмиграция капитала из этих сфер. Здесь она не особенно трудна вследствие технической природы капитала в этих промышленных отраслях.

Но тем труднее ответить на вопрос, куда же должен обратиться этот капитал: ведь и другие сферы, где могут найти применение мелкие капиталы, равным образом эксплоатируются картелированными отраслями промышленности [1]). Таким образом, в этих эксплоатируемых картелем отраслях прибыль по видимости все еще самостоятельных капиталистов становится, в конце концов, вознаграждением исключительно за наблюдение, сами эти капиталисты—служащими картеля, *капиталистами-посредниками* или *предпринимателями-посредниками*, подобно ремесленным посредникам-мастерам.

На практике картельная цена зависит от уровня спроса. Но сам этот спрос есть капиталистический спрос. Следовательно, теоретически, картельная цена, в конце концов, должна равняться издержкам производства плюс средняя норма прибыли. Но ведь последняя тоже претерпела изменение. Она—одна для крупных картелированных отраслей промышленности, и другая—для мелких сфер мелкой промышленности, попавших в зависимость от первых; первые отрасли отнимают у капиталистов вторых сфер часть

[1]) В то же время изменяется характер картельной прибыли. Она состоит из неоплаченного труда, из прибавочной стоимости,—но отчасти из той прибавочной стоимости, которую производят рабочие других капиталистов.

прибавочной стоимости и низводят их доход до уровня простого жалованья.

Но и такое определение цен,—как сам изолированный или частичный картель,—носит лишь временный характер.

Картелирование знаменует изменение средней нормы прибыли. В картелированных отраслях промышленности норма прибыли повышается, в некартелированных—понижается. Это различие дает толчок комбинации и дальнейшему картелированию. Для отраслей, стоящих вне процесса картелирования, норма прибыли понижается. Картельная цена повысится над ценой производства картелированных отраслей на всю величину, на какую цена некартелированных отраслей упадет ниже цены производства. Поскольку в некартелированных отраслях промышленности существуют акционерные общества, цена не может упасть ниже $k + z$, издержек производства плюс процент: иначе здесь оказалось бы совершенно невозможным применение капитала. Следовательно, повышение картельной цены находит свою границу в том, насколько возможно понижение нормы прибыли в некартелированных отраслях. В последних происходит уравнение нормы прибыли на понизившемся уровне, средством для чего служит существующая здесь конкуренция капитала из-за различных сфер приложения.

Повышение картельной цены не оставляет без изменения цены в некартелированных отраслях. Изменение вытекает из уравнения нормы прибыли в последних. Если бы некартелированная отрасль представляла единое целое, то цена некартелированных продуктов осталась бы неизменной. Прежняя цена приносила бы лишь прибыль, несколько понизившуюся по сравнению с прежнею нормою прибыли, потому что повысилась цена сырых материалов, следовательно, повысились издержки производства. Если цена раньше была 100, а норма прибыли составляла 20%, то последняя упадет до 10%, раз издержки производства, составлявшие прежде 80, картелированием будут повышены до 90. Но органический состав капитала в отдельных отраслях некартелированной промышленности различен, следовательно, издержки производства неодинаково повышаются картелированием,—потому-то и должно произойти уравнение. В тех отраслях, которые потребляют большие количества сырого материала, удороженного картелем, цены продуктов должны повыситься; в тех отраслях, которые потребляют этого сырого материала относительно меньше, цены испытают некоторое понижение. Другими словами, отрасли с органическим составом капитала выше среднего [1]) испытают повышение цены производства, отрасли

[1]) Здесь имеется в виду средний органический состав не всего общественного капитала, а только капитала в некартелированных отраслях.

с составом ниже среднего испытают понижение цены производства, а в отраслях с средним составом она останется неизменной. Обыкновенно замечают только повышение цены и немедленно делают вывод, будто всякое повышение издержек производства без всяких затруднений может быть переложено на потребителей. В действительности повышение издержек производства при известных обстоятельствах приводит даже к понижению цены.

Но в образовании цен обнаруживаются и еще некоторые особенности. Предположим, что капитал некартелированных отраслей составляет 50 миллиардов. При норме прибыли в 20% цена производства составляет 60 миллиардов. Из них некартелированные отрасли купили бы 50 миллиардов. При равной норме прибыли цена производства для них пусть составляет тоже 60 миллиардов. Следовательно, стоимость всего продукта составляла бы 120 миллиардов. Но картелированные отрасли повысили свою норму прибыли, а для некартелированных она благодаря этому понизилась. Пусть норма прибыли некартелированных составляет теперь только 10%. Прибыль их сократилась, потому что за сырой материал им приходится платить уже не 50, а, скажем, круглым числом, 55 миллиардов (переменный капитал я оставлю здесь в стороне, потому что от этого пример по существу не изменяется). Но если картель за 50 миллиардов получает 55, то за 60 он должет получить 66 миллиардов. Ведь цены должны быть одинаковы не только для капиталистических, но и для всех вообще потребителей. Следовательно, в согласии с нашими предположениями, остальные 10 миллиардов, которые переходят прямо к потребителям, должны быть проданы не за 10, а за 11 миллиардов. Значит, потребители покупают некартелированные продукты по прежним ценам, картелированные—по повышенным. Таким образом часть картельной прибыли идет от потребителей, под которыми здесь разумеются все некартелированные сферы, получающие доходы производного характера. Но возможно, что повышенные цены заставят потребителей сократить свое потребление. И здесь мы наталкиваемся на вторую границу картельной цены. Во-первых, повышение цены, как мы видели, должно оставить для некартелированных отраслей такую норму прибыли, при которой возможно дальнейшее ведение производства. Но оно, во-вторых, не должно слишком сильно сокращать потребление. Эта вторая граница, в свою очередь, зависит от размеров того дохода, которым располагают непроизводительные классы. Но так как для совокупности картелированных отраслей производительное потребление играет несравненно большую роль, чем непроизводительное, то, в общем, собственно решающее значение имеет первая граница.

Но уменьшение прибыли в тех отраслях, которые не монополизированы, обусловливает замедленный темп их развития.

Понижение нормы прибыли приводит к тому, что новый капитал приливает сюда лишь с большой медленностью. И в то же время, так как норма прибыли понизилась, здесь воцарится ожесточеннейшая борьба из-за сбыта, и действие ее будет тем опаснее, что уже относительно небольшого понижения цены достаточно для того, чтобы низкая прибыль совсем уничтожилась. Одновременно наступает и еще одно последствие: раз картелированные отрасли, опираясь на превосходство своих сил, сумели свести прибыль в зависимых от них отраслях к простой плате за наблюдение, там уже нет места для образования акционерных обществ: ведь и учредительская прибыль, и дивиденды можно было бы выплатить лишь из излишка доходности над платой за наблюдение. Значит, картелирование оказывает тормозящее действие на развитие некартелированных отраслей. Притом оно обостряет конкуренцию в некартелированных отраслях,—а тем самым усиливает тенденцию к концентрации, пока, наконец, сами эти отрасли не созреют к картелированию или не разовьются настолько, что уже картелированная промышленность может присоединить их к себе.

Свободная конкуренция, вследствие технических усовершенствований, заставляет постоянно расширять производство. Для картелей введение усовершенствованной техники равносильно повышению прибыли. Они должны совершенствовать технику, так как иначе угрожала бы опасность, что какой-нибудь посторонний усвоит новую технику и применит ее против картеля во вновь разразившейся конкурентной борьбе. Насколько все это возможно, зависит от характера монополии, которую обеспечил за собой картель. В высокой мере защищен от новых конкурентов такой картель, которому удалось монополизировать естественные условия соответствующего производства—таковы, напр., горнопромышленные синдикаты,—а также такой картель, в котором органический состав капитала наивысший: новое предприятие потребовало бы здесь чрезвычайно крупного капитала, который могли бы предоставить в распоряжение только банки,—но банки ничего не предпримут против картеля. В таких случаях усовершенствование техники просто доставляет добавочную прибыль: конкуренция здесь никак не может привести к ее исчезновению и к понижению цены товаров. Введение усовершенствованной техники идет на пользу не потребителей, а исключительно этих строго организованных картелей и трестов. Но техническое усовершенствование может потребовать расширения производства, а сбыт увеличенного количества продукта сделает необходимым понижение цены, без чего не могло бы расшириться потребление. Так может быть, но нет никакой необходимости в том, чтобы так оно и было в действительности. Вполне возможно, напр., что стальной трест применит эту усовершенствованную технику лишь

в некоторых производствах, которые доставят необходимое количество продукта для удовлетворения всего спроса по прежним ценам, и что остальные производства будут закрыты. Тогда цены сохраняются прежние, издержки производства понизятся, и прибыль повысится. Здесь не произошло бы расширения производства, усовершенствованная техника освободила бы рабочих, у которых не было бы возможности опять найти работу. Подобный результат может получиться не только в тресте, но и при картельной организации. Крупнейшие заводы вводят усовершенствование и расширяют свое производство; для того, чтобы сделать это, оставаясь в картеле, они выкупают у сравнительно мелких заводов их часть и потом закрывают их. Здесь нашла себе применение усовершенствованная техника, она повела между прочим к концентрации, но нисколько не повела к расширению производства.

Картелирование знаменует экстраординарную добавочную прибыль [1]), и мы уже видели, что эта дополнительная прибыль капитализируется и в виде концентрированных масс капитала достается банкам. Но в то же время картелирование ведет

[1]) Интересную форму принимает картельная дополнительная прибыль в следующем случае. Поставка машин для производства обуви для германской промышленности в 90-х годах выполнялась почти исключительно Америкой. Американские фабрики, доставлявшие в Германию машины обуви, соединились в Deutsche Vereinigte Schuhmaschinengesellschaft (D. V. S.-G.). Машины не продавались, а отдавались в аренду за определенную плату. Если фабрика обуви желает получить машину, то заключается договор на 5—20 лет. „Этим договором фирма-поставщица обязуется поставить машину, безвозмездно производить починки, доставлять все усовершенствования, а также по умеренной цене доставлять запасные части. Фабрика же обуви уплачивает единовременную основную таксу, которая приблизительно соответствует цене производства машины, и, кроме того, периодически определенную плату за каждые 1000 оборотов машины... Эта плата... составляет за пару сапог сумму в 15—25 пфен., уплачиваемых фабрикантом компании D. V. S.-G.; некоторое представление о величине этой дани мы сделаем, когда узнаем, что, напр., три эрфуртские фабрики обуви, в общей сложности с 885 рабочими, применявшие преимущественно указанные машины, в 1907 г. уплатили за пользование в течение года 61.300 марок". Karl Rehe, „Die deutsche Schuhgrossindustrie", стр. 32. Интересно здесь следующее: пользование машинами дает германским фабрикантам добавочную прибыль, потому что оно дает преимущество над конкурентами. Американский трест заставляет их уступать ему часть этой добавочной прибыли (не всю, ибо иначе отпало бы побуждение применять эти машины). Раз выговаривается ежегодная рента, этим, во-первых, облегчается покупка машины и, во-вторых, увеличивается зависимость фабрикантов от треста, потому что машины неотделимы от него. Трест немедленно же вводит все новые усовершенствования машины и таким образом повышает дополнительную прибыль, а потому и сбыт фабрикатов, а следовательно, и платежи тресту, который таким образом превращает часть чужой дополнительной прибыли в свою собственную. Следовательно, выгоды усовершенствованной техники в большей части достаются тресту, в меньшей—тем, кто применяет машины, и лишь в ничтожнейшей доле—потребителям.

к тому, что замедляется применение нового капитала. В картелированных отраслях—потому, что первой мерой картеля является ограничение производства; в некартелированных—потому, что понижение нормы прибыли, прежде всего, отпугивает от дальнейшего применения капитала. Значит, с одной стороны, быстро возрастает масса капитала, предназначенного для накопления, а с другой—сокращается возможность его применения. Это противоречие требует разрешения, и находит его в экспорте капитала. Сам по себе экспорт капитала не есть следствие картелирования. Это—явление, вообще не отделимое от капиталистического развития. Но картелирование резко усиливает противоречие и придает вопросу об экспорте капитала острый характер.

Возникает вопрос, где же собственно лежат границы картелирования. И ответить на этот вопрос приходится так, что не существует абсолютной границы для картелирования. Наблюдается, напротив, тенденция к постоянному распространению картелирования. Независимые отрасли, как мы видели, попадают все в большую зависимость от картелированных и в конце концов, присоединяются ими. В результате этого процесса должен был бы получиться всеобщий картель. Здесь все капиталистическое производство сознательно регулировалось бы из одной инстанции, которая определяет размер производства во всех его сферах. Тогда установление цен становится чисто номинальным и фактически равносильно уже просто распределению всего продукта, с одной стороны, между картельными магнатами, а с другой стороны—между другими членами общества. Цена является тогда не результатом вещных отношений, которые устанавливаются между людьми, а просто своего рода расчетным вспомогательным приемом при передаче вещей от одних лиц к другим. Деньги не играют никакой роли. Они могут совершенно исчезнуть, потому что дело сводится ведь к передаче вещей, а не к передаче стоимостей. Вместе с анархией производства исчезает вещная видимость, исчезает товар в качестве овеществленной стоимости, исчезают, следовательно, деньги. Картель распределяет продукт. Материальные элементы производства воспроизводятся и входят в новый процесс производства. Из нового продукта известная часть достается рабочему классу и интеллигентам, другая остается у картеля, и он может употреблять ее на что угодно. Это—сознательно регулируемое общество в антагонистической форме. Но этот антагонизм есть антагонизм распределения. Самое распределение здесь сознательно урегулировано, и потому необходимость денег миновала. Финансовый капитал в своем завершении оказался оторванным от той питательной почвы, на которой он возник. Обращение денег перестало быть необходимым, неустанный кругооборот денег нашел свой конец в урегулированном обществе, и perpetuum mobile обращения достигло покоя.

Тенденция к созданию такого всеобщего картеля и тенденция к учреждению центрального банка совпадают, и из соединения их вырастает великая концентрированная мощь финансового капитала. В финансовом капитале все частичные формы капитала являются соединенными в единую целостность. Финансовый капитал является денежным капиталом и, действительно, обладает формой движения последнего Д—Д$_1$: представляет деньги, которые приносят деньги,—наиболее общая и иррациональная форма движения капитала. В качестве денежного капитала, он в двоякого рода формах: как ссудный капитал и как фиктивный капитал, предоставляется в распоряжение производительных капиталистов. Посредниками при этом служат банки, которые в то же время стараются постоянно возрастающую часть денежного капитала превратить в собственный капитал и таким образом финансовому капиталу придают форму банкового капитала. Этот банковый капитал все более превращается в простую форму—в денежную форму действительно функционирующего капитала, т.-е. промышленного капитала. Одновременно все больше устраняется самостоятельность торгового капитала, между тем как разделение банкового капитала и производительного капитала уничтожается в финансовом капитале. Что касается области самого промышленного капитала, то здесь границы между отдельными сферами все более уничтожаются прогрессирующим объединением ранее раздельных и самостоятельных отраслей производства, и постоянно сокращается общественное разделение труда,—т.-е. разделение между различными сферами производства, которые только меновым процессом связывались в качестве частей всего общественного организма; напротив, в то же время все дальше идет техническое разделение труда внутри объединенных производств.

Таким образом в финансовом капитале угасает особенный, конкретный характер капитала. Капитал является единою силой, которая суверенно господствует над процессом жизни общества, силой, непосредственно возникающей из собственности на средства производства: на природные сокровища и на весь накопленный прошлый труд; распоряжение над живым трудом выступает здесь в таком виде, что оно непосредственно вытекает из отношений собственности. В то же время собственность, концентрированная и централизованная в руках немногих крупнейших капиталистических ассоциаций, выступает в непосредственной противоположности массе тех, у кого нет капитала. Таким образом вопрос об отношениях собственности получает самую ясную, недвусмысленную, обостреннейшую постановку, — между тем как вопрос об организации общественного хозяйства находит все более совершенное разрешение благодаря развитию самого финансового капитала.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Финансовый капитал и кризисы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Общие условия кризиса.

Эмпирический закон таков, что капиталистическое производство осуждено двигаться в кругооборотах оживления и депрессии. Переход от одной фазы к другой носит критический характер. В определенный момент оживления в ряде отраслей производства наступает заминка со сбытом; цены вследствие этого понижаются. Заминка сбыта и понижение цен распространяются вширь, производство сокращается. Эта стадия продолжается более или менее продолжительное время. Цены и прибыли стоят на низком уровне. Но вот производство постепенно начинает расширяться, цены и прибыли повышаются. Размеры производства обширнее, чем когда бы то ни было раньше, пока снова не наступит поворот. Периодическое возвращение этого явления выдвигает вопрос о его причинах, которые должен раскрыть анализ механизма капиталистического производства.

Общая возможность кризиса дана, раз товар раздвоился на товар и деньги. Тем самым предполагается, что в ходе товарного обращения может наступить перерыв: именно, в том случае, если деньги не будут употреблены на обращение товаров, а застынут в качестве сокровища. Процесс $Т_1$—Д—$Т_2$ останавливается, потому что те деньги, которыми реализована стоимость товара $Т_1$, не реализуют стоимости товара $Т_2$. Этот товар $Т_2$ остается непроданным, и мы имеем перед собою приостановку сбыта.

Но пока деньги функционируют исключительно как средство обращения, пока товар непосредственно сбывается за деньги, а деньги за товар, превращение денег в сокровище может остаться чисто единичным изолированным явлением, которое, конечно, знаменует, что известный единичный товар не удастся продать, но не знаменует, что наступает всеобщая приостановка сбыта. Положение изменяется с развитием функции денег как платежного средства и, дальше, с развитием оборотного кредита. Заминка сбыта означает теперь, что уже обещанный платеж не удастся произвести. Но, как мы видели раньше, такое обещание платежа послужило средством обращения или средством платежа для целого ряда других оборотов. Неплатежеспособность одного делает и других неплатежеспособными. Цепь платежных обязательств, созданная деньгами как средством обращения, оказывается порванной, и приостановка на одном пункте переносится на все остальные; она приобретает всеобщий характер. Таким образом платежный кредит развивает солидарность между отраслями производства и создает ту возможность, что частичное нарушение сбыта превратится во всеобщее.

Но эта общая возможность кризиса представляет лишь самое общее его условие: без обращения денег и без развития их функции в качестве платежного средства был бы невозможен и кризис. Но возможность — еще далеко не действительность. Простому товарному производству, или, лучше сказать, докапиталистическому товарному производству, кризисы вообще неведомы. Нарушения хозяйственной жизни здесь—не экономически закономерные кризисы, а катастрофы, возникающие из особенных естественных или исторических причин, каковы неурожай, засуха, эпидемии, войны: следовательно, из причин, случайных с экономической точки зрения. Обще им всем то обстоятельство, что они порождаются не перепроизводством того или иного рода, а дефицитом воспроизводства. Это будет само собою понятно, если мы вспомним, что производство в существенном все еще остается производством для удовлетворения собственных потребностей, что производство и потребление связаны здесь как средство и цель, а товарное обращение играет сравнительно скромную роль. Ведь только капиталистическое производство и придает товарному производству всеобщий характер: приводит к тому, чтобы, по возможности, все продукты принимали форму товара, и превращает,—что имеет решающее значение,—продажу товара в необходимое предварительное условие возобновления воспроизводства [1]).

[1]) Если оставить в стороне рудименты старинного производства для собственного потребления, сохранившиеся в особенности в крестьянском хозяйстве, то окажется, что производство для собственных потребностей хозяйства и в капиталистическом обществе играет известную роль, именно в тех случаях, когда продукт предприятия сам становится одним из элементов воспроизводства: напр., зерно для посева, уголь для нужд угольной шахты и т. д. С распространением комбинации возрастают

Это же превращение продуктов в товары приводит производителя в зависимости от рынка. Уже при простом товарном производстве существовала неурегулированность производства, вытекавшая из самостоятельности частных хозяйств. Но только теперь эта неурегулированность превращается в ту анархию капиталистического производства, которая, по мере обобщения товарного производства, по мере расширения местных и раздробленных рынков в универсальный мировой рынок, становится вторым общим условием возникновения кризисов.

Третье общее условие кризисов капитализм создает отделением производства от потребления. Он прежде всего отделяет производителя от его продукта и оставляет у него лишь ту часть вновь созданной стоимости, которая представляет по стоимости эквивалент его рабочей силы. Таким образом в лице наемных рабочих капитализм создает класс, потребление которого не стоит в каком-либо непосредственном отношении к общей сумме производства, а, напротив, определяется лишь той частью последнего, которая равна капиталу, авансированному на заработную плату. Продукт же, произведенный наемными рабочими,—не их собственность. Следовательно, их производство не служит целям их потребления. Наоборот, их потребление и его размеры зависят от производства, на которое они не могут оказать никакого влияния. Но и для капиталиста производство служит не удовлетворению непосредственных потребностей, а получению прибыли. Реализация и увеличение прибыли — имманентная цель капиталистического производства. Это значит, что для судеб производства, для его размеров, сокращения или расширения, решающее значение имеет не потребление и его рост, а реализация прибыли. Производится затем, чтобы получить определенную прибыль, чтобы в определенной мере достигнуть увеличения капитала. Таким образом производство, оказывается, зависит уже не от потребления, а от потребности капитала в увеличении,—и уменьшение возможности увеличивать капитал новою стоимостью знаменует теперь сокращение производства.

Конечно, и при капиталистическом способе производства сохраняется общая связь между производством и потреблением: это—само собою разумеющееся условие, общее всем формациям общества. Но в самодовлеющем хозяйстве размеры производства

размеры этого рода производства для собственных нужд. Перед нами—действительно производство для удовлетворения собственных потребностей, потому что товар не предназначается здесь для рынка, а меняется все в той же производственной единице, как элемент постоянного капитала. Но это производство в корень отлично от того производства, направленного для удовлетворения собственных потребностей, которое наблюдалось при прежних формациях общества: теперь оно служит уже не потреблению, а товарному производству.

определяются потреблением, и производство при этих условиях находит свою границу только в достигнутом уровне техники; при капиталистическом же производстве, наоборот, потребление определяется размерами производства. Последние же во всякий данный момент ограничиваются возможностью возрастания капитала, достигнутой ступенью его возрастания, — необходимостью в том, чтобы капитал и его приращение приносили определенную норму прибыли. Расширение производства наталкивается здесь на чисто общественные границы, обусловливаемые исключительно определенной структурой общества и только ей свойственные. Конечно, возможность кризисов вытекает уже вообще из неурегулированности производства, следовательно, дана уже товарным производством вообще. Но возможность превращается в действительность лишь при таком неурегулированном производстве, которое уничтожает непосредственную связь между производством и потреблением, характеризующую другие формации общества, и между производством и потреблением вклинивает такое условие, как увеличение капитала по какой-то определенной норме.

Само по себе выражение „перепроизводство товаров“ так же ничего не говорит вообще, как выражение „недопотребление“. Строго говоря, выражение „недопотребление“ можно употреблять только в физиологическом смысле; напротив, выражение „перепроизводство“ не имеет никакого смысла в политической экономии, где оно может означать только одно: что общество менее потребляет, чем оно произвело. И нельзя понять, как возможно это, если только производится в надлежащей пропорции. Весь продукт равен постоянному капиталу плюс переменный плюс прибавочная стоимость (c + v + m); так как v потребляется подобно m, а элементы потребленного постоянного капитала должны бы взаимно возмещаться, то производство может расширяться до бесконечности, не приводя к перепроизводству товаров: следовательно, к тому, чтобы товаров, — которые в данной связи и данною концепцией рассматриваются исключительно, как потребительные стоимости, — значит, чтобы потребительных стоимостей было произведено больше, чем может быть потреблено [1]).

---

[1]) „Было бы простой тавтологией сказать, что кризисы вытекают из недостатка платежеспособного потребления или платежеспособных потребителей. Капиталистическая система не знает иных видов потребления, кроме оплачивающего, за исключением видов sub forma pauperis или „мошенника“. Если товары остаются нераспроданными, это не означает ничего иного, как что на них не находится платежеспособных покупателей, т. е. потребителей (раз товары покупаются в последнем счете для производительного или индивидуального потребления). Когда же этой тавтологии пытаются придать вид более глубокого обоснования, утверждая, что рабочий класс получает слишком малую часть своего собственного продукта, и что, следовательно, горю можно помочь, если

При всем том ясно одно: раз кризисы в своей периодической последовательности суть продукты капиталистического общества, то причина их должна лежать в характере капитала. Следовательно, перед нами — нарушение, вытекающее из специфического характера общества. Тот узкий базис, который представляют для капиталистического производства условия потребления, становится общим условием кризиса потому, что невозможность расширения этого базиса является общею предпосылкою приостановок сбыта. Если бы потребление можно было расширять по произволу, то перепроизводство сделалось бы невозможным. Но при капиталистических отношениях расширение потребления равносильно уменьшению нормы прибыли. В самом деле, увеличение потребления широких масс связано с повышением заработной платы. Но последнее означает уменьшение нормы прибавочной стоимости, а потому и уменьшение нормы прибыли. Поэтому, если спрос на рабочих вследствие накопления вырастает настолько сильно, что наступает уменьшение нормы прибыли, и (берем крайний предел) увеличенный капитал приносит прибыли не больше, чем капитал неувеличенный, то накопление должно будет прекратиться, потому что не достигается цель накопления — увеличение прибыли. Здесь одна необходимая предпосылка накопления, расширение потребления, прямо вступает в противоречие с другим условием, с реализацией прибыли. Условия возрастания капитала возмущаются против расширения потребления, и так как им принадлежит решающая роль, то противоречие возвышается до кризиса. Но как раз потому узкий базис потребления является всего лишь общим условием кризиса, и констатирование „недопотребления“ отнюдь не об'ясняет его. И еще меньше можно об'яснить таким способом периодический характер кризисов: ведь переодичность вообще невозможно об'яснить, исходя из постоянного явления. А потому нет никакого противоречия с ранее приведенным местом, если Маркс говорит:

„Вся масса товаров, весь продукт, как та его часть, которая возмещает постоянный и переменный капитал, так и часть, представляющая прибавочную стоимость, должна быть продана. Если этого не происходит, или если это происходит только отчасти, или если товар продается лишь по ценам, которые ниже цен производства, то, хотя рабочего и эксплоатировали, но эта эксплоатация не реализуется, как таковая, для капиталиста, при чем может вовсе не последовать реализации выжатой прибавочной стоимости, или последует только частичная реализация ее, соединенная с потерей части или даже всего капитала. Условия непосредственной эксплоатации и условия ее реализации не тожественны. Они не совпадают не только по месту и времени, но и в понятии. Первые ограничены только производительной силой общества, вторые ограничены пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества. Но эта последняя определяется не абсолютной производительной способностью и не абсолютной потребительной способностью, но потребительной способностью на основе антагонистических отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или менее узких границах. Она ограничена далее стремлением к накоплению, стремлением к увеличению капитала и к производству прибавочной стоимости в расширяющемся масштабе. Таков закон капиталистического производства, диктуемый постоянными революциями в самых методах производства, обесценением имеющегося капитала, постоянно сопровождающим такие перевороты, всеобщей конкурентной борьбой, необходимостью совершенствовать производство и расширять его размеры ради одного только сохранения и под угрозою гибели. Поэтому рынок должен постоянно расширяться, так что взаимозависимость рыночных отношений и определяющие ее условия все более принимают характер независимого от производителей закона природы и все менее поддаются контролю. Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства. Но чем более развивается производительная сила, тем более впадает она в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление. На этой основе, полной противоречий, отнюдь не противоречие то явление, что избыток капитала связан с возрастающим избытком населения; потому что, хотя при соединении избытка капитала с избытком населения масса производимой прибавочной стоимости возросла бы, но именно потому возросло бы и противоречие между теми условиями, при которых эта прибавочная стоимость производится, и теми условиями, при которых она реализуется“ [1]).

Периодические кризисы характерны для капитализма, и следовательно, их можно вывести из конкретных особенностей капитализма[2]).

он будет получать более крупную долю продукта, т. е. если его заработная плата возрастет, то в ответ достаточно только заметить, что каждый кризис подготовляется как раз периодом, когда совершается общее повышение заработной платы, и рабочий класс получает в действительности более крупную долю той части годового продукта, которая предназначена для потребления. Такой период — с точки зрения этих рыцарей здравого и „простого“ (!) смысла — должен бы, напротив, отдалить кризис. Итак, видно, что капиталистическое производство заключает в себе условия, которые не зависят от доброй или злой воли, и которые допускают относительное благополучие рабочего класса только на время, да и то лишь в качестве буревестника по отношению к кризису“. Здесь Энгельс в примечании подчеркивает: „Ad notam возможным приверженцам теории кризисов Родбертуса“. Маркс, „Капитал“, II, стр. 381—382.

[1]) „Капитал“, III 1, стр. 219—220.

[2]) „Но задача заключается в том, чтобы проследить дальнейшее развитие потенциального кризиса, — реальный кризис можно выяснить

Кризис, характеризуемый с его наиболее общей стороны, есть нарушение обращения. Он проявляется в том, что масса товара остается непроданной, в невозможности реализовать товарную стоимость (или, соответственно, цену производства) в деньгах. Поэтому об'яснить его можно, лишь исходя из специфически капиталистических условий товарного обращения, а не из условий простого товарного обращения. Но специфически капиталистическая черта товарного обращения заключается в том, что товары суть продукт капитала, что они произведены, как товарный капитал, и, как таковой, должны быть реализованы. Следовательно, эта реализация предполагает такие условия, которые свойственны только капиталу, как таковому, и условия эти суть условия увеличения капитала.

Анализ условий возрастания стоимости капитала как с точки зрения индивидуального капитала, так,—что здесь в особенности важно,—и с точки зрения общественного капитала дал Маркс во II томе „Капитала“: он довел здесь до конца попытку, которая никогда и никем, кроме Кене, не предпринималась в политической экономии. Маркс в одном месте называет „Tableau économique“ Кене гениальнейшей идеей, какая до сих пор когда-либо появлялась в политической экономии; но в таком случае его собственный анализ общественного процесса производства является гениальнейшим осуществлением гениальной идеи,—как и вообще пользовавшийся столь малым вниманием анализ, данный во II томе, с точки зрения, так сказать, чистого экономического разума представляет наиболее блестящую часть этого изумительного труда. И прежде всего: понимание причин кризисов будет возможно лишь при таком условии, если мы напомним себе результаты анализа Маркса [1]).

Условия равновесия общественного процесса воспроизводства.

Если мы вкратце вопроизведем важнейшие результаты анализа Маркса, то получим следующее:

Мы предполагаем прежде всего неизменяющийся масштаб капиталистического производства, т. е. исходим из простого воспроизводства и оставляем в стороне изменения стоимости или цены.

Весь продукт, а потому и все производство общества, распадается на два крупных подразделения:

1. Средства производства: товары, обладающие такой формой, что они должны войти в сферу производительного потребления,—или, по меньшей мере, могли бы войти в нее.

2. Средства потребления: товары, обладающие такой формой, что они входят в сферу индивидуального потребления класса капиталистов и рабочего класса.

В каждом подразделении капитал распадается на две составные части: переменный (v) и постоянный (c) капитал. Последний в свою очередь распадается на основной и оборотный капитал.

Та часть стоимости (c), которая здесь представляет опостоянный капитал, потребленный в производстве, не совпадает со стоимостью применяемого в производстве постоянного капитала. Основной капитал лишь некоторую часть своей стоимости перенес на продукт. В последующем мы сначала оставляем основной капитал в стороне.

Представим теперь весь товарный продукт в следующей схеме:

I. 4000 c + 1000 v + 1000 m = 6000 средств производства.
II. 2000 c + 500 v + 500 m = 3000 средств потребления.

Вся стоимость = 9000, при чем, согласно нашему предположению, отсюда исключен основной капитал, который продолжает существовать в своей натуральной форме.

Напомним еще раз, что мы остаемся на почве простого воспроизводства, т. е. предполагаем, что вся прибавочная стоимость потребляется непроизводительно. Если мы анализируем при таких обстоятельствах необходимые обороты и сначала оставим в стороне обслуживающее их денежное обращение, то мы в первую очередь получим три важных опорных пункта:

1. 500 v, заработная плата рабочих, и 500 m, прибавочная стоимость капиталистов подразделения II, должны быть израсходованы на средства потребления. Но стоимость их существует в форме средств потребления стоимостью на 1000 и находится у капиталистов подразделения II, для которых она в одной половине возмещает авансированные 500 v, а в другой половине представляет 500 m. Значит, заработная плата и прибавочная стоимость подразделения II обмениваются в пределах подразделения II на продукт II. Вместе с тем из всего продукта II исчезают (500 v + 500 m) = 1000 в виде средств потребления.

2. 1000 v + 1000 m подразделения I тоже должны быть израсходованы на средства потребления, следовательно, на продукт подразделения II. Значит, они должны быть обменены на

лишь из реального движения капиталистического производства, конкуренции и кредита,—поскольку он вытекает из тех функциональных особенностей капитала, которые характерны для него, как для капитала, и еще не предполагаются его существованием в качестве простых товара и денег“. Marx, „Theorien über den Mehrwert“, II, стр. 286.

[1]) Заслуга Туган-Барановского заключается в том, что в своих известных „Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England“ (нем. пер. работы: „Промышленные кризисы“) он указал на то значение, какое имеют эти исследования по отношению к проблеме кризисов. Удивительно только, что на это еще приходилось указывать.

остальную часть этого продукта, по размерам равную постоянной части капитала, 2000 с. Зато подразделение II получает равную сумму средств производства, продукт подразделения I, воплощающий стоимость 1000 v + 1000 m этого подразделения. Вместе с тем из счета исчезают 2000 II с и (1000 v + 1000 m) I.

3. Остаются еще 4000 I с. Они заключаются в средствах производства, которые могут быть использованы лишь в подразделении I, служат для возмещения потребленного в нем постоянного капитала; поэтому дело с ним заканчивается посредством обмена между отдельными капиталистами I точно так же, как с (500 v + 500 m) II исчерпалось посредством обмена между рабочими и капиталистами или между отдельными капиталистами II.

Особую роль играет возмещение основного капитала. Часть стоимости постоянного капитала с орудий труда переносится на продукт труда. Но эти средства труда продолжают функционировать как элементы производительного капитала, и притом продолжают функционировать в своей старой натуральной форме. Только снашивание, только та утрата стоимости, которую постепенно претерпевают средства труда, функционируя в течение определенного периода времени,—только она и появляется вновь как элемент стоимости тех товаров, которые произведены при помощи этих средств труда. А те деньги, в которые превращается этот элемент товарной стоимости, и которые представляют стоимость сношенной части основного капитала, не превращаются снова в тот или иной элемент производительного капитала, убыль стоимости которого они возмещают. Они осаждаются возле производительного капитала и затвердевают в своей денежной форме.

Деньги осаждаются так снова и снова, проходит целая эпоха воспроизводства, охватывающая большее или меньшее число лет,—и все это время основной элемент постоянного капитала продолжает функционировать в производственном процессе в своей прежней натуральной форме. Когда основной элемент — здания, машины и т. д. — отживает свой век и уже не может далее функционировать в процессе производства, тогда оказывается, что его стоимость существует подле него, вполне возмещенная в денежной форме. Это — сумма тех осаждавшихся денег, тех стоимостей, которые с основного капитала мало-по-малу переносились на товары, производившиеся при участии данного основного капитала и посредством продажи принимавшие денежную форму. Тогда эти деньги служат для того, чтобы возместить основной капитал (или отдельные его элементы,—ведь у различных элементов основного капитала различная продолжительность жизни) in natura и таким образом действительно возобновить эту составную часть производительного капитала. Значит, эти деньги

суть денежная форма известной части постоянной капитальной стоимости, именно основной ее части.

Следовательно, такое образование сокровища само представляет элемент капиталистического процесса воспроизводства. Это—воспроизводство и накопление — в денежной форме—стоимости основного капитала или его отдельных элементов, продолжающееся до тех пор, пока основной капитал не отживет своего века, пока, следовательно, он не передаст всей своей стоимости произведенным товарам, и пока не потребуется возмещать его in natura. Но эти деньги утрачивают свою форму сокровища и опять активно вступают в процесс воспроизводства капитала, обслуживаемый обращением, лишь тогда, когда они превращаются обратно в новые элементы основного капитала, которыми возмещаются отмершие элементы. Для того же, чтобы простое воспроизводство совершалось без всяких нарушений, ежегодно отмирающая часть основного капитала должна быть равна той, которая ежегодно подлежит фактическому возмещению.

Рассмотрим, например, обмен (1000 v + 1000 m) I на 2000 с II. Допустим, что в этих 2000 с должно быть возмещено 200 основного капитала. Итак, 1800 с, которым предстоит превращение в оборотную часть постоянного капитала, обмениваются на 1800 (v + m) I; те 200, которые остались от I и имеют натуральную форму основного капитала, тоже должны быть получены подразделением II; но они могут быть получены лишь при том условии, если капиталисты II имеют в запасе 200 в деньгах, на которые они могут купить 200 основного капитала у I; а другие капиталисты II должны возмещать деньгами и удерживать в денежной форме 200, представляющие снашивание их основного капитала. Значит, те капиталисты, которые в прошлые годы последовательно откладывали в денежной форме снашивание своего основного капитала, в текущем году возобновляют его in natura; за 200 деньгами они покупают остаток I (v + m) = 200. На другие 200 в деньгах I покупает остаток средств потребления у других капиталистов II, которые эти деньги, представляющие для них снашивание их основного капитала, в свою очередь сохраняют в форме сокровища. Значит, та часть капиталистов II, которая в текущем году возобновляет свой основной капитал in natura, доставляет те деньги, в которые другие капиталисты II могут превратить снашивание своего капитала для того, чтобы удерживать соответствующую стоимость в денежной форме. Следовательно, мы должны предположить, что существует постоянная пропорция между отмирающим и подлежащим возобновлению основным капиталом Но, далее, точно так же приходится предположить, что постоянной остается пропорция и между отмирающим (а потому подлежащим возобновлению) основным капиталом и тем, который продолжает функционировать в прежней нату-

ральной форме. В самом деле, если бы отмирающий основной капитал повысился до 300, то оборотный капитал уменьшился бы. У II с было бы теперь меньше оборотного капитала, и было бы невозможно продолжать производство в прежнем масштабе. Далее, если бы основной капитал повысился до 300, а II мог бы затрачивать лишь 200 деньгами на возобновление капитала in natura, то 100 основного капитала в I остались бы непроданными.

Итак, при простом поддержании, сохранении основного капитала может наступить несоответствие в производстве основного и оборотного капитала, если только,—что постоянно и случается в действительности, — изменяется отношение ежегодно отмирающего основного капитала к тому, который еще продолжает функционировать.

Раньше мы видели также, что простое воспроизводство предполагает определенную пропорциональность его элементов. I (v + m) должно быть равно II c. Осуществление этой пропорциональности постоянно нарушается анархией капиталистического общества. Для того, чтобы поддерживать процесс производства в постоянном ходу, в известной мере постоянно необходимо перепроизводство,— только оно и вооружает на случай непредвиденных потребностей или на случай постоянных колебаний спроса. В обратном притоке капитальной стоимости, совершающей свой оборот, постоянно случаются известные нарушения и отступления от нормального хода. Чтобы справиться с этими нарушениями, капиталисты должны постоянно располагать известным запасом как товаров, так и денег, которые дают им возможность каждый раз получать в распоряжение ту или иную часть товарного запаса и уравнивать все нарушения. Значит, для такого уравнения требуются дополнительные деньги, запасной денежный капитал. Последний должен необходимо сохраняться в денежной форме: нарушения могут коснуться ведь только оборота товарного капитала, и, раз коснутся его, капиталист, не располагающий денежным запасом, не мог бы получить в свое распоряжение других товаров. Только в денежной форме стоимость получает форму всеобщего эквивалента и во всякое время может быть превращена в какие угодно другие товары. И здесь необходимость денег вытекает из анархии капиталистического способа производства.

„Если устранить капиталистическую форму воспроизводства, то дело сведется к тому, что размеры отмирающей и потому подлежащей возмещению in natura части основного капитала (здесь капитала, функционирующего в производстве средств потребления) в различные последовательные годы изменяются... При прочих равных условиях, количество сырых материалов, полуфабрикатов и вспомогательных материалов, необходимое для годичного производства средств потребления, от этого не изменяется; следовательно, все производство средств производства должно бы в одном случае расшириться, в другом—сократиться. Этому можно было бы помочь лишь постоянным относительным перепроизводством: с одной стороны, производится основного капитала на известное количество больше, чем непосредственно необходимо; с другой стороны и в особенности — запас сырого материала и т. д., превосходящий непосредственные годичные потребности (это в особенности относится к средствам существования). Такой вид перепроизводства разнозначащ контролю общества над вещественными средствами его воспроизводства. Но в капиталистическом обществе перепроизводство представляет элемент анархии“ [1]).

Такое относительное перепроизводство в известных границах должно постоянно существовать и в капиталистическом обществе; оно выражается в том, что в наличности постоянно имеется известный запас товаров, который служит для выравнивания нарушений. Ему на другой стороне соответствует запас денежного капитала, находящийся в распоряжении промышленных капиталистов; в том случае, если наступают нарушения, они могут, пользуясь денежным запасом, приобрести из товарного запаса необходимые элементы для продолжения своего производства. Таким запасным денежным капиталом должен располагать всякий капиталист, чтобы обеспечить себя от преходящих нарушений, которые случаются и в нормальные времена. Его не следует смешивать с тем запасным денежным капиталом, который необходим на случай приостановки сбыта товаров. В периоды оживления, с одной стороны, быстро и сильно расширяется производство, а с другой стороны, — прежний запасный денежный капитал превращается в производительный. Запасный денежный капитал уменьшается,—и его уменьшение знаменует, что отпадает возможность уравновешивать нарушения; таким образом это—одна из причин кризиса.

С другой стороны, следует подчеркнуть, что необходимость такого относительного перепроизводства основывается не на особенностях капиталистического общества, а на самой природе процесса воспроизводства; и это—тем более, чем обширнее становятся те элементы производственного процесса, которые в капиталистическом обществе принимают форму основного капитала. Это перепроизводство, необходимое по технически естественным причинам, в действительности представляет просто образование запасов; как таковое, оно свойственно и урегулированному самодовлеющему хозяйству; его не следует смешивать со всеобщим перепроизводством во время кризиса. Но в капиталистическом обществе даже такое перепроизводство при известных обстоятельствах является одним из моментов, обостряющих кризисы.

[1]) Маркс, „Капитал“, II, стр. 440—441.

Условия равновесия капиталистического процесса накопления.

В капиталистическом обществе, для которого жизненным условием является накопление капитала, простое воспроизводство в действительности не осуществляется; хотя, конечно, это вовсе не значит, что в ходе промышленного цикла какой-нибудь год не будет отмечен прежним масштабом или даже сокращением воспроизводства. Мы сейчас видели, что уже простое воспроизводство предполагает наличность определенных сложных отношений пропорциональности; еще сложнее становятся они, раз дело касается не условий простого воспроизводства, а условий беспрепятственного хода процесса накопления. Маркс дает следующую схему:

I. Производство средств производства: 4000 c + 1000 v + 1000 m = 6000.

II. Производство средств потребления: 1500 c + 750 v + 750 m = 3000.

Стоимость всего общественного продукта = 9000.

Предположим теперь, что I половину своей прибавочной стоимости, равную 500, накопляет, а другую половину потребляет как доход.

Тогда мы получаем следующие обороты. Капиталисты I обменивают 1000 v + 500 m, расходуемые в качестве дохода, на 1500 c II. Таким образом II возмещает свой постоянный капитал и доставляет I необходимые средства потребления: оборот, совершенно аналогичный которому мы встречали уже при анализе простого воспроизводства. Из тех 500 I m, которые еще остались и должны быть превращены в капитал, при неизменном органическом составе последнего 400 будут превращены в постоянный и 100 в переменный капитал. Эти 500 существуют в виде средств производства, 400 из них и должны существовать в этом виде, так как они необходимы для увеличения постоянного капитала I. Итак, I присоединяет указанные 400 к своему постоянному капиталу. Остаток I, равный 100 m, необходимо превратить в переменный капитал, следовательно, в средства существования. Значит, их приходится купить у II, а так как это—средства производства, то II, очевидно, должен применить эти средства производства к увеличению своего собственного постоянного капитала.

Тогда для I мы получаем капитал в 4400 c + 1100 v = 5500.

II имеет теперь для постоянного капитала 1600 c; для того, чтобы привести его в движение, он должен прибавить еще 50 v деньгами на покупку новой рабочей силы, так что его переменный капитал возрастает с 750 до 800. Это расширение как постоянного, так и переменного капитала II в общей сложности

на 150 покрывается из его прибавочной стоимости. Следовательно, из 750 II m только 600 m остаются в качестве потребительного фонда капиталистов II, годовой продукт которых распределяется теперь следующим образом:

II. 1600 c + 800 v + 600 m (потребительный фонд) = 3000

Мы получаем теперь следующую схему:

I. 4400 c + 1100 v + 500	(потребительный фонд)	= 6000
II. 1600 c + 800 v + 600		= 3000
	сумма	= 9000

как и прежде.

При этом капитал составляют:

$$\left.\begin{array}{l} \text{I. } 4400\ c + 1100\ v\ \text{(деньгами)} = 5500 \\ \text{II. } 1600\ c + 800\ v\ \text{(деньгами)} = 2400 \end{array}\right\} = 7900$$

Между тем как при начале производства было:

$$\left.\begin{array}{l} \text{I. } 4000\ c + 1000\ v = 5000 \\ \text{II. } 1500\ c + 750\ v = 2250 \end{array}\right\} = 7250$$

Мы встречаем здесь целый ряд новых осложняющих условий. Во-первых, те 500 m подразделения I, которые подлежат накоплению, должны быть произведены в виде таких средств производства, чтобы $^4/_5$ этих 500 m были пригодны для постоянного капитала I и $^1/_5$—для постоянного капитала II. Во-вторых, степень накопления в II зависит от накопления в I. В I накопляется половина прибавочной стоимости, во II это невозможно: из прибавочной стоимости в 750 здесь может быть накоплено только 150, т. е. всего $^1/_5$, а остальные $^4/_5$ подлежать потреблению.

Рассмотрим теперь дальнейший ход накопления.

Если производство действительно ведется уже с увеличенным капиталом, то в конце следующего года мы получаем:

$$\left.\begin{array}{l} \text{I. } 4400\ c + 1100\ v + 1100\ m = 6600 \\ \text{II. } 1600\ c + 800\ v + 800\ m = 3200 \end{array}\right\} = 9800$$

Если и дальше накопление совершается так же, то еще через год мы получаем:

$$\left.\begin{array}{l} \text{I. } 4840\ c + 1210\ v + 1210\ m = 7260 \\ \text{II. } 1760\ c + 880\ v + 880\ m = 3520 \end{array}\right\} = 10780$$

В этом примере было предположено, что накоплению подверглась половина прибавочной стоимости I, и I $(v + {}^1/_2\ m) =$ II c.

Раз должно происходить такое накопление, I $(v + m)$ непременно должно быть больше, чем II c: известную часть I m

нельзя превратить в II с, потому что она должна служить в качестве средства производства I. Напротив, I (v + $^1/_2$ m) может быть и больше, и меньше, чем II с. Ближайшее рассмотрение всего этого для наших целей не требуется [1]).

Возросшее производство требует для своих оборотов увеличенного количества золота. Если предположить прежнюю быстроту обращения и оставить кредит в стороне, то увеличения количества золота можно ожидать только от расширения его добычи. Капиталистическое производство натолкнулось бы здесь на естественную границу. Система кредита до чрезвычайности далеко отодвигает эту границу, но не уничтожает ее.

Остановимся еще на один момент на тех необходимых условиях, при которых только и могут совершаться процессы обращения, предполагаемые накоплением. В нашем примере мы предположили, что I 500 m накопляются, и что из них 400 превращаются в постоянный капитал. Какие процессы обращения необходимы для этого, на какие деньги I покупает эти 400?

Рассмотрим прежде всего накопление отдельного капиталиста. Последний может превратить прибавочную стоимость в капитал лишь при том условии, если она уже достигла определенной величины. Значит, прибавочная стоимость, которая в конце каждого года превращается в деньги, должна в течение ряда лет накопляться в денежной форме. Как капиталы различных отраслей промышленности, так и индивидуальные капиталы в каждой из этих отраслей во всякий данный момент находятся на различных последовательных ступенях процесса превращения прибавочной стоимости в капитал. Поэтому одна часть капиталистов постоянно превращает свой потенциальный денежный капитал, возросший до соответствующей величины, в производительный капитал, а другая часть капиталистов в это время еще занята накоплением своего потенциального денежного капитала. Следовательно, капиталисты этих двух категорий противостоят друг другу — одни, как покупатели, другие, как продавцы, и притом каждый, принадлежащий к одной из двух категорий, выступает исключительно в одной из этих ролей.

Напр., капиталист A капиталисту B продает 600 (= 400 c + + 100 v + 100 m). Он продал товара на 600, за 600 деньгами, из которых 100 представляют прибавочную стоимость. Эти сто он извлекает из обращения, копит их как деньги; но эти 100 деньгами представляют лишь денежную форму прибавочного продукта, который был носителем стоимости величиной в 100.

Вообще образование сокровища — вовсе не производство, а потому само по себе не знаменует и приращения производства. Деятельность капиталиста при образовании сокровища состоит

[1]) Дальнейшие примеры см. Маркс, „Капитал“, стр. 485 и сл..

исключительно в том, что он извлекает из обращения, удерживает у себя и сохраняет неприкосновенными деньги, вырученные от продажи прибавочного продукта в 100. Эта операция происходит не только у A, она совершается во множестве пунктов на периферии обращения у других капиталистов: A′, A″, A‴, все они с таким же усердием работают над такого рода образованием сокровища. Эти многочисленные пункты, в которых деньги изъемлются из обращения и накопляются в виде многочисленных индивидуальных сокровищ или потенциальных денежных капиталов, являются столь же многочисленными помехами для обращения, потому что они делают деньги неподвижными и на более или менее продолжительное время лишают их способности обращаться.

Но A производит такое собирание сокровищ лишь постольку, поскольку он — по отношению к своему прибавочному продукту — выступает только как продавец, не выступая затем как покупатель. Таким образом последовательное производство прибавочного продукта, представляющего прибавочную стоимость, которой предстоит превратиться в золото, является для него предпосылкой образования сокровища. Следовательно, хотя A на свою прибавочную стоимость извлекает деньги из обращения и копит их, как сокровище, он с другой стороны бросает в обращение товары, не извлекая за них других товаров, вследствие чего B, B′, B″, и т. д. в свою очередь могут вносить в обращение деньги и взамен их извлекать из него только товар.

„Как и раньше, при исследовании простого воспроизводства, мы здесь снова находим, что превращение различных составных частей годового продукта, т. е. их обращение (которое должно охватывать и воспроизводство капитала, и его восстановление в различных его формах: постоянного, переменного, основного, оборотного, денежного и товарного капитала) отнюдь не предполагает простой купли товара, дополняемой последующей продажей, или продажи, дополняемой последующей куплей, при чем фактически происходил бы только обмен одного товара на другой (следовательно, деньги представляли бы просто средства обращения и постольку были бы относительно излишни. Р. Г.), как это принимает политическая экономия, именно фритрэдерская школа со времени физиократов и Адама Смита (совращенная полемическими интересами в борьбе против монетарной и меркантильной системы. Р. Г.). Мы знаем, что основной капитал, раз затрата на него сделана, после того не возобновляется во все время своего функционирования, а продолжает действовать в старой форме, между тем как его стоимость постепенно осаждается в виде денег“ [1]). Только деньги и делают здесь возможным

[1]) Маркс, „Капитал“, II, стр. 465.

раздельное и обособленное обращение стоимости в противоположность постоянному техническому функционированию основного капитала в процессе производства. Для общества такая раздельность неосуществима: во всякий данный момент должно доставляться столько основного капитала, сколько его снашивается. Но для индивидуального капиталиста та стоимость, которая соответствует сношенной части, годами удерживается в денежной форме. „Мы видели, что периодическое возобновление основного капитала II c [а вся капитальная стоимость II c обменивается на элементы, стоимостью в I (v + m)] предполагает, с одной стороны, простую куплю основной части II c, которая превращается из денежной формы в натуральную форму, при чем этой купле соответствует простая продажа I m; с другой стороны, оно предполагает простую продажу со стороны II c, продажу той основной (сношенной) части его стоимости, которая осаждается в виде денег, при чем этой продаже соответствует простая купля I m. Для того, чтобы обмен совершался в этом случае нормально, необходимо предположить, что простая купля со стороны II c по величине стоимости равна простой продаже со стороны II c... Иначе простое воспроизводство будет нарушено; простая купля на одной стороне должна покрываться простой продажей на другой. Точно так же здесь необходимо предположить, что простая продажа части I m, образующей сокровище для A, A′, A″, уравновешивается простой куплей части I m со стороны B, B′, B″, которые превращают свое сокровище в элементы добавочного производительного капитала.

„Поскольку равновесие восстанавливается благодаря тому, что покупатель выступает впоследствии, как продавец, на такую же сумму стоимости и обратно, постольку происходит возвращение денег к той стороне, которая авансировала их при покупке, которая продавала раньше, чем купить. Действительное же равновесие самого товарного обмена, обмена различных частей годичного продукта, обусловливается равенством величины стоимости взаимно обмениваемых товаров.

„Но поскольку происходят просто односторонние превращения, простые купли, с одной стороны, простые продажи, с другой, — а мы видели, что нормальное превращение годового продукта на капиталистической основе обусловливает такие односторонние метаморфозы, — постольку равновесие осуществляется лишь при том предположении, что сумма стоимости односторонних покупок и сумма стоимости односторонних продаж покрывают друг друга“. Но во всех этих односторонних операциях деньги действуют не просто как посредник товарообмена: им принадлежит инициатива или окончание процесса каждый раз, когда на одной стороне стоит только товар, а на другой стороне — только товарная стоимость в форме ее обособленного существования, в денежной форме; здесь деньги необходимы для того, чтобы такие односторонние процессы вообще могли совершиться.

„Тот факт, что товарное производство является общей формой капиталистического производства, уже сам по себе указывает на ту роль, какую играют в нем деньги не только как средство обращения, но и как денежный капитал, и создает известные, свойственные этому способу производства условия нормального обмена, следовательно, нормального хода воспроизводства как простого, так и в расширенном масштабе, — условия, которые превращаются в столь же многочисленные условия ненормального хода воспроизводства, возможности кризисов, так как равновесие при стихийно складывающемся строе этого производства само является чистой случайностью“ [1]).

Капиталисты A, A′, A″, продавая свой прибавочный продукт, образуют сокровище, дополнительный потенциальный денежный капитал. В рассматриваемом здесь случае этот прибавочный продукт составляют средства производства средств производства, но как таковые они функционируют лишь в руках B, B′, B″. Только в их руках этот прибавочный продукт функционирует как добавочный постоянный капитал; но потенциально он является таковым раньше, чем продан, уже в руках A, A′, A″, (I), которые накопляют сокровище. Пока мы рассматриваем только размер стоимости воспроизводства на стороне I, мы находимся еще в пределах простого воспроизводства. Различие заключается лишь в отличии производимых потребительных стоимостей. При той же величине стоимости произведено больше таких средств производства, при помощи которых будут создаваться средства же производства, а не средства потребления. Известная часть I m, которая раньше, при простом воспроизводстве, целиком обменивалась на II c, следовательно, должна была состоять из средств производства средств потребления, теперь состоит из таких средств производства, при помощи которых будут производиться средства же производства, и которые, как таковые, можно присоединить к постоянному капиталу I. Из этого следует, что,—если смотреть на дело исключительно с точки зрения величины стоимости, — при простом воспроизводстве создается материальный субстрат расширенного воспроизводства.

Таковым субстратом является просто прибавочный труд класса рабочих I, израсходованный непосредственно на производство средств производства, на создание потенциального дополнительного капитала I.

Следовательно, потенциальный дополнительный денежный капитал на стороне A, A′, A″, (I) образуется просто, как денежная форма дополнительно произведенных средств производства, по-

[1]) Маркс, „Капитал“, II, стр. 465—466.

средством последовательной продажи прибавочного продукта, который создается без всякой капиталистической денежной затраты со стороны капиталистов I. „Следовательно, производство дополнительного потенциального денежного капитала в крупном масштабе—в многочисленных пунктах на периферии обращения—есть не что иное, как результат и выражение многостороннего производства потенциально дополнительного производительного капитала, самое возникновение которого не предполагает никакого дополнительного денежного расхода со стороны промышленных капиталистов [1]).

„Последовательное превращение со стороны A, A′, A″, и т. д. (I) этого потенциально дополнительного производительного капитала в потенциальный денежный капитал (в сокровище), обусловливаемое последовательной продажей прибавочного продукта A, A′, A″, — следовательно, повторной односторонней продажей товара без дополняющей ее купли, — совершается посредством повторного извлечения денег из обращения и соответственного образования сокровища. Такое образование сокровища,—исключая тот случай, когда покупателем является золотопромышленник,—отнюдь не предполагает дополнительного богатства в виде благородных металлов, а предполагает только изменение функции обращавшихся до того времени денег. До этого они функционировали, как средство обращения, теперь они функционируют, как сокровище, как образующийся потенциально новый денежный капитал. Следовательно, образование дополнительного денежного капитала и количество имеющегося в стране благородного металла не стоит ни в какой причинной связи между собой.

„Из этого следует далее: чем больше производительный капитал, уже функционирующий в данной стране (считая и присоединяемую к нему рабочую силу, производительницу прибавочного продукта), чем более развита производительная сила труда, а вместе с тем и технические средства для быстрого расширения производства средств производства, а следовательно, чем больше масса прибавочного продукта как по своей стоимости, так и по количеству потребительных стоимостей, в которых заключается прибавочная стоимость,—тем больше:

1) потенциально дополнительный производительный капитал в форме прибавочного продукта в руках A, A′, A″, и т. д., и

2) тем больше масса этого прибавочного продукта, превращенного в деньги, т. е. потенциально дополнительного денежного капитала в руках A, A′, A″. Следовательно, если, например, Фуллартон не хочет и слышать о перепроизводстве в обычном смысле слова, но признает перепроизводство капитала, именно денежного капитала, то это опять доказывает, что даже лучшие

[1]) Маркс, „Капитал“, II, стр. 468—469.

буржуазные экономисты абсолютно ничего не понимают в механизме своей системы [1]).

„Если прибавочный продукт, непосредственно производимый и присвояемый капиталистами A, A′, A″, (I), является реальным базисом накопления капитала, т.-е. расширенного воспроизводства, хотя он в такой роли активно функционирует лишь в руках B, B′, B″ и т. д. (I), то, напротив, в своей денежной форме, — как сокровище, как постепенно лишь складывающийся потенциальный денежный капитал,—он абсолютно непроизводителен, и хотя движется в этой форме параллельно процессу производства, но лежит вне его. Он является мертвым грузом (dead weight) капиталистического производства. Жажда использовать в целях получения прибыли и дохода эту прибавочную стоимость, накопляемую в виде сокровища, потенциального денежного капитала, находит себе удовлетворение в кредитной системе и в „бумажках“. Благодаря этому денежный капитал в иной форме приобретает огромное влияние на ход и на мощное развитие капиталистической системы производства.

„Количество прибавочного продукта, превращенного в потенциальный денежный капитал, будет тем больше, чем больше была общая сумма уже функционирующего капитала от функционирования которого образовался этот продукт. Но при абсолютном увеличении размеров ежегодно воспроизводимого потенциального денежного капитала становится более легкой его сегментация, так что он скорее может быть вложен в особое предприятие, находящееся в руках того ли самого капиталиста или другого (например, членов его семьи, при разделе наследства и т. д.). Сегментация денежного капитала понимается здесь в том смысле, что он совершенно отделяется от первоначального капитала для того, чтобы в качестве нового денежного капитала найти помещение в новом самостоятельном предприятии“ [2]).

Продавцы прибавочного продукта A, A′, A″ (I) получили его как непосредственный результат производственного процесса. Напротив, B, B′, B″ могут приобрести его лишь посредством акта обращения. Необходимые для этого деньги раньше образовывались у них точно так же, как теперь у A, A′, A″: от продажи соответственных прибавочных продуктов. Теперь они пришли к цели. Накоплявшийся ими в качестве сокровища, лишь потенциальный денежный капитал действительно функционирует теперь, как дополнительный денежный капитал.

Деньги, необходимые для этих превращений прибавочного продукта, должны иметься в распоряжении класса капиталистов. При простом воспроизводстве те деньги, которые служили только

[1]) Маркс, „Капитал“, II, стр. 469.
[2]) Маркс, „Капитал“, II, стр. 470.

как доход для расходования на средства потребления, возвращались обратно к капиталистам в той мере, как они авансировали их для обращения своих соответственных товаров; здесь опять появляются такие же деньги, но их функция изменилась. Капиталисты A и B (I) попеременно доставляют деньги для превращения прибавочного продукта в дополнительный потенциальный денежный капитал и попеременно снова пускают в обращение вновь образованный денежный капитал, как покупательное средство.

Единственное предположение при этом заключается в том, что количество имеющихся в стране денег (быстрота обращения и проч. предполагается неизменной) достаточно как для активного обращения, так и для образования запасного сокровища; следовательно, то же предположение, которое, как мы видели, должно найти осуществление и при простом товарном обращении. Только функция сокровища здесь иная.

* * *

Схематическое изображение, конечно, сильно упрощено. Ясно, что такие же отношения пропорциональности, которые должны существовать между совокупностью отраслей, производящих средства производства, и совокупностью отраслей, производящих средства потребления, аналогичным образом должны существовать и в каждой отдельной отрасли производства. Но в то же время эти схемы показывают, что при капиталистическом производстве как простое, так и расширенное воспроизводство может итти беспрепятственно лишь при том условии, если сохраняется эта пропорциональность. Наоборот, при нарушении отношений пропорциональности, например, между отмирающим и вновь прилагаемым капиталом, кризис может возникнуть и при простом воспроизводстве. Из этого следует во всяком случае, что причина кризиса лежит не в недопотреблении масс, присущем капиталистическому производству. Слишком быстрое расширение потребления само по себе должно было бы повести к кризису совершенно так же, как неизменность или сокращение производства средств производства. Точно так же из приведенных схем, взятых сами по себе, не вытекает возможность всеобщего перепроизводства товаров; напротив, можно было бы показать, что возможно всякое расширение производства, раз только оно допускается существующим состоянием производительных сил.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Причины кризисов.

Познакомившись со сложностью тех отношений пропорциональности, которые должны найти осуществление в анархическом производстве, сначала не можешь отделаться от искушения и не поставить вопроса: да кто же несет заботу о сохранении этой пропорциональности? Ясно, что эту функцию должен исполнять закон цен: ведь цены как-раз регулируют капиталистическое производство, изменения же цен имеют решающее значение для расширения или ограничения, для организации нового производства и т. д. И из этого между прочим следует необходимость об'ективного закона стоимости, как единственно возможного регулятора капиталистического хозяйства. Значит, нарушения пропорциональности следует об'яснять нарушениями в специфическом регулировании этого хозяйства, т.-е. такими нарушениями в сфере образования цен, что последние уже перестают быть правильным показателем того, что необходимо для производства. Так как нарушения пропорциональности наступают периодически, то необходимо раскрыть периодичность и в нарушениях закона цен.

Капиталиста интересует не абсолютная величина цены его продукта, а лишь отношение рыночной цены к издержкам производства, или, иначе говоря, уровень прибыли. От этого уровня зависит, в какие отрасли производства он вложит свой капитал. Если понижение прибыли значительно, то приложение новых капиталов совсем прекратится. Это в особенности в тех случаях, когда пришлось бы применять крупный основной капитал: ведь капитал, вложенный как основной капитал, закрепляется на продолжительное время, а цена основного капитала имеет решающее значение при исчислении нормы прибыли.

Мы знаем, что органический состав капитала изменяется. По причинам технического характера постоянная часть капитала увеличивается быстрее, чем переменная. Далее, основная часть капитала растет быстрее, чем оборотная. Но следствием относительного уменьшения переменной части капитала является понижение нормы прибыли. Кризис означает отсутствие сбыта; отсутствие же сбыта в капиталистическом обществе предполагает прекращение притока новых капиталов, а это предполагает понижение нормы прибыли, а понижение нормы прибыли дано тем изменениям органического состава капитала, которое произошло при приложении нового капитала; кризис есть не что иное, как момент, когда наступает понижение нормы прибыли. Но кризису

предшествует период оживления, когда цены и прибыли стоят на высоком уровне. Как совершается этот поворот в капиталистическом мире, — этот переход от блаженства лихорадочно напряженной деятельности, высоких прибылей и ускоренного накопления к печалям прекращения сбыта, исчезновения прибыли и бездеятельности масс капитала?

Каждый промышленный цикл начинается расширением производства. Причины его варьируют в зависимости от конкретных условий исторического момента, но в общем их можно свести к открытию новых рынков, возникновению новых отраслей производства, введению новой техники, повышению потребления вследствие роста населения. Спрос повышается, что вызывает повышение цен и прибылей сначала в отдельных отраслях производства. Вследствие этого производство здесь расширяется, а увеличение производства данных промышленных отраслей знаменует повышение спроса на продукты тех отраслей, которые доставляют для них средства производства. Применение нового основного капитала, замена старого и технически отсталого оборудования новым, — все это совершается в расширяющемся масштабе. Эти явления приобретают всеобщий характер, каждая отрасль промышленности, расширяясь, создает спрос на продукты других, различные сферы производства взаимно питают друг друга, — промышленность становится лучшим покупателем промышленности.

Таким образом цикл открывается обновлением и возрастанием основного капитала, что служит главной основой начинающегося оживления; во время последнего расширение продолжается и вызывает величайшее напряжение всех наличных производительных сил. „Итак, в той самой мере, как с развитием капиталистического способа производства растет размер стоимости и продолжительность существования вкладываемого основного капитала, в этой же мере жизнь промышленности и промышленного капитала в каждой особой отрасли вложения развивается в многолетнюю жизнь,—скажем, средним счетом, в десятилетнюю жизнь. Но если, с одной стороны, развитие основного капитала удлиняет эту жизнь, то, с другой стороны, она сокращается постоянными переворотами в средствах производства, переворотами, значительность которых с развитием капиталистического способа производства тоже все возрастает. Отсюда вытекает и смена средств производства, и необходимость постоянного их возмещения, потому что они подвергаются моральному сношиванию задолго до того, как физически отживут свое время. Можно думать, что в важнейших отраслях крупной промышленности цикл жизни составляет теперь, средним счетом, десять лет. Однако, дело здесь не в определенном числе. Ясно, по меньшей мере, следующее: в этом охватывающем целый ряд лет цикле взаимно связанных между

собой оборотов, в которых капитал закреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, при чем предприятие последовательно переживает периоды ослабления, средней деятельности, стремительного размаха, кризиса. Хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда является исходным пунктом для крупных новых вложений капитала; следовательно, рассматривая дело с точки зрения всего общества, он в большей или меньшей степени дает новую материальную основу для следующего цикла оборотов“ [1]).

Но и еще одна причина, кроме только что отмеченного увеличения спроса, вызывает повышение нормы прибыли в начале периода оживления. В это время именно вследствие увеличения спроса сокращается прежде всего период оборота капитала. Сокращается рабочий период, потому что введение технических усовершенствований позволяет быстрее изготовлять продукт. Вспомогательные рабочие при шахтах, например, сводятся к крайнему минимуму, но зато увеличивается количество рабочих, занятых собственно добыванием; машины утилизируются интенсивнее посредством ускорения их хода и прежде всего—посредством удлинения рабочего времени (отпадают перерывы работы, вводятся сверхурочные работы, нанимаются новые рабочие) и т. д. Далее, сокращается период обращения. Сбыт совершается гладко. Период обращения нередко низводится до нуля, потому что работают на заказ. Для целого ряда важных промышленных отраслей сбыт на ближайших внутренних рынках увеличивается по сравнению со сбытом на более отдаленных внешних рынках, что опять-таки знаменует сокращение периода обращения. Все это, в свою очередь, приводит к повышению годовой нормы прибыли, так как производительный капитал вообще, а вместе с тем и переменный капитал, созидающий прибавочную стоимость, оборачивается быстрее.

Далее, сокращение периода оборота означает, что авансируемый промышленником денежный капитал, относительно уменьшается по сравнению с производительным капиталом. Во-первых, наличный производительный капитал, не требуя дополнительного денежного капитала — или хотя бы дополнительного денежного капитала соответственной величины,—утилизируется лучше, так как рабочий период сокращается ускорением хода машин, и так как использование наличных производственных элементов вообще становится интенсивнее. Во-вторых, сокращается период обращения, а вместе с тем и величина того капитала, который на время обращения должен иметься у капиталиста на-ряду с тем капиталом, который функционирует собственно в производстве. Следовательно,

[1]) Маркс, „Капитал“, II, стр. 156 — 157.

тот капитал, который употребляется на цели обращения, т.-е. непроизводительно, уменьшается по сравнению с капиталом, создающим прибыль, функционирующим в процессе производства. Далее, сокращение времени обращения и более быстрый оборот уменьшают также и ту часть капитала, которая лежит праздно в виде товарного запаса и лишь причиняет непроизводительные издержки. Таким образом вследствие сокращения капитала, обслуживающего обращение, годовая норма прибавочной стоимости и прибыли возрастают, — и вторая притом еще больше, чем первая. В то же время увеличивается масса прибавочной стоимости, а вместе с тем и возможность накопления.

Таким образом промышленное оживление не означает ничего иного, кроме улучшения условий возрастания капитала. Но те же самые обстоятельства, которые сначала ведут к оживлению, стоят в неразрывной связи с силами, которые постепенно ухудшают условия возрастания, пока, наконец, не наступает момент, когда приложение нового капитала затрудняется, и замедление сбыта становится очевидным.

Если, например, увеличение спроса в первую фазу промышленного цикла знаменует повышение нормы прибыли, то, с другой стороны, это повышение происходит при таких обстоятельствах, которые подготовляют в позднейшем понижение нормы прибыли. Во время оживления вкладываются крупные новые капиталы, при чем способ их применения соответствует новому уровню техники. Но мы знаем, что технические усовершенствования выражаются в повышающемся органическом составе капитала. Но повышение органического состава знаменует понижение нормы прибыли, ухудшение условий возрастания капитала. И притом норма прибыли падает по двоякого рода причинам. Во-первых, потому, что сократился переменный капитал по сравнению с общею массою капитала, следовательно, прежняя норма прибавочной стоимости выражается в понизившейся норме прибыли. Во-вторых, потому, что, чем крупнее основной капитал по сравнению с оборотным, тем продолжительнее период оборота капитала; удлинение же периода оборота тоже знаменует понижение нормы прибыли.

К этому присоединяются и другие обстоятельства, которые ведут к удлинению периода оборота. Когда процветание достигает зенита, здесь может наступить удлинение рабочего периода, потому что может открыться недостаток рабочих сил, в особенности квалифицированных, — мы уже не упоминаем об экономической борьбе, которая в подобные периоды становится более обычным явлением. Нарушения процесса труда могут наступить также вследствие слишком интенсивного использования постоянного капитала, напр., вследствие чрезмерного ускорения хода машин,—вред которым может причинить и применение неопытных рабочих, — или вследствие того, что необходимые поправки и вспомогательные работы откладываются, так как иначе прошло бы неиспользованным короткое время наивысшего напряжения промышленности. В дальнейшем период обращения удлиняется. Потребности внутреннего рынка удовлетворены, приходится отыскивать более отдаленные внешние рынки. Сбыт товаров, их обратное превращение в деньги начинает затягиваться: все это — обстоятельства, приводящие к понижению нормы прибыли во вторую фазу процветания.

И еще некоторые обстоятельства присоединяются к этому. Во время оживления повышается спрос на рабочую силу, цена которой повышается. Это означает уменьшение нормы прибавочной стоимости, а потому и нормы прибыли. Далее по причинам, на которых еще придется остановиться, постепенно поднимается уровень процента выше его нормальной величины, а вследствие этого норма предпринимательской прибыли понижается. Конечно, зато повышается прибыль банкового капитала (обстоятельство, которое обыкновенно игнорируют). Но в это время у банков уже нет возможности предоставлять деньги промышленникам с целью расширения производства. Во-первых, в это время спекуляция как товарами, так и фондами достигает наивысшего расцвета и предъявляет чрезвычайно повысившиеся требования к кредиту. А, во-вторых, как мы еще увидим, тот оборотный кредит, который оказывают друг другу производительные капиталисты, делается недостаточным для того, чтобы удовлетворить возрастающим требованиям; и здесь становится необходимым вмешательство банков. Поэтому у банков обнаруживается тенденция удерживать свою прибыль в текучей форме, в денежной форме, чем тормозится превращение в производительный капитал, следовательно, действительное накопление и расширение процесса воспроизводства. А это одновременно знаменует и нарушение процесса производства: помехи обратному превращению того денежного капитала, который банки привлекли к себе повышением уровня процента и удерживают в денежной форме, приводят к тому, что остается непроданной соответственная часть производительного капитала, предназначенного к расширенному воспроизводству. Следовательно, уменьшение предпринимательской прибыли знаменует как бы для всего класса капиталистов усиление условий, наблагоприятных для возрастания капитала, сокращение накопления.

Кризис наступает в тот момент, когда только что описанные тенденции к понижению нормы прибыли одерживают победу над тенденциями, которые приводили к повышению цены и прибыли вследствие возрастания спроса. Здесь возникают двоякого рода вопросы: во-первых, каким образом эти тенденции, полагающие конец оживлению, обнаруживаются в капиталистической конку-

ренции и при ее посредстве. Во-вторых, почему проявление их носит критический, а не затяжной характер, — почему оно наступает внезапно, а не постепенно. Впрочем, последний вопрос во всяком случае имеет меньшую важность, потому что для движения волн конъюнктуры решающее значение имеет смена оживления и депрессии, а внезапность этой перемены — дело второстепенное.

Одно ясно, если бы повышение цен во время оживления было всеобщим и равномерным, то оно оставалось бы чисто номинальным. Если бы все товары повысились на 10 или 100%, то их сравнительные меновые отношения остались бы неизменными [1]). Тогда повышение цен не оказало бы никакого влияния на производство; тогда не могло бы наступить никаких передвижек в распределении капитала между различными отраслями производства, никаких перемен в отношениях пропорциональности. Раз производство идет в надлежащих пропорциях, как схематически показано раньше, то нет нужды в каком-либо их изменении, а потому не представляют необходимости и какие бы то ни было нарушения. Иное получится в том случае, если из характера повышения цен можно вывести причины, исключающие такую равномерность изменения цен. Тогда перемены в образовании цен могут привести к переменам и в пропорциональности между различными отраслями производства: ведь изменение цены и прибыли оказывает определяющее действие на распределение капитала между различными отраслями производства. Эта возможность превращается в действительность, если можно будет показать, что повышение цен необходимо должно повести к передвижке в распределении капитала. И, действительно, можно отметить моменты, препятствующие этой равномерности.

Если оставить в стороне технические революции и обратить внимание сначала только на средний ход постоянных технических изменений, то окажется, что изменение органического состава капитала будет наиболее крупным там, где применение машин, основного капитала вообще наибольшее. В самом деле, чем шире уже существующее применение машин, науки и т. д., тем шире и чаще открывается возможность более рационального оборудования, усовершенствованной техники, более научных приемов. Тем сильнее будут здесь действовать тенденции к повышению органического состава капитала. Но повышенный органический состав капитала есть лишь экономическое выражение повышенной производительности. Последняя знаменует понижение цены на равное количество товаров. Поэтому вновь применяемые капиталы работают сначала с дополнительной прибылью. Поэтому капитал будет устремляться в данные сферы. Уже это является одним из моментов, обусловливающих нарушения. Чем крупнее в данных сферах применения нового капитала дополнительная прибыль, тем больше приливает к ним капитала. Поправка может наступить лишь после того, как новые продукты этих сфер появятся на рынке, и чрезмерное их предложение понизит цену [1]). Между тем спрос этих сфер в свою очередь повысил цену продуктов других сфер и вызвал там тоже приток капитала, хотя и в меньшей мере, потому что, вследствие менее значительных технических усовершенствований, дополнительная прибыль там ниже. А это опять-таки приводит к тому, что, так как капитал не увеличился здесь в равной пропорции, повышение цены оказывается сравнительно сильнее. В первой отрасли производства дополнительная прибыль значительная, во второй—меньше; это постепенно уравнивается: посредством уменьшения дополнительной прибыли, вытекающего из усиленного притока капитала в первом случае, и посредством повышения цен, вытекающего из относительно слабого притока нового капитала,—во втором.

С развитием капиталистического производства увеличивается размер основного капитала, и рука об руку с этим ростом увеличиваются различия отдельных отраслей по размерам того основного капитала, который в них применяется. А чем крупнее размер основного капитала, тем продолжительнее время, необходимое для нового оборудования предприятий, — тем значительнее и различия того времени, которое требуется в различных промышленных отраслях на расширение производства. Но чем продолжительнее время, необходимое для нового оборудования, тем затруднительнее приспособляться к потребностям потребления; тем дольше предложение отстает от спроса, тем сильнее повышаются цены,—и тем шире распространяется в таких промышленных отраслях стремление к накоплению.

[1]) На первый взгляд период оживления характеризуется всеобщим и равномерным повышением цен, период депрессии — таким же понижением цен. Это—основание, почему так долго и так упорно причину кризиса отыскивали в изменении стоимости денег. Суеверие количественной теории находит здесь свою наиболее прочную опору.

[1]) „Несомненно, именно в Лотарингии-Люксембурге экономическое развитие горного дела и железной промышленности было слишком уж быстрое, и действовало оно тем острее, что новые заводы были поздно пущены в ход, и потому на протяжении значительной полосы высокой конъюнктуры содействовали усилению спроса. Когда же началось производство на новых заводах, — а это было в конце 1899 или весной 1900 года, — зенит развития был уже позади, и теперь они содействовали увеличению предложения... Следовательно, когда они вышли из рядов потребителей и явились теперь на рынке со своим собственным производством, производственная способность значительно повысилась, и перепроизводство сделалось неминуемым". „Die Störungen im deutschen Wirtschaftsleben während der Jahre 1900 ff.", 2. Band, „Montan- und Eisenindustrie", стр. 48.

Чем крупнее масса основного капитала, тем большее время требуется для того, чтобы произвести новые перемены и повысить производительность. А до того времени предложение будет отставать от спроса. Увеличение доменных печей, закладка новых угольных шахт, постройка новых железных дорог требуют больше времени, чем увеличение количества текстильных продуктов или расширение бумажной фабрикации. Итак, с одной стороны, повышение органического состава капитала умножает те причины, которые должны приводить к длительному понижению нормы прибыли; с другой стороны, вследствие перемен в соотношениях конкуренции, передвижек в соотношении спроса и продложения, благодаря тому, что предложение растет медленнее, чем спрос, как раз в этих сферах во времена благоприятной конъюнктуры наступает сначала более сильное повышение цен, чем в других отраслях производства. Прибыль не только не уменьшается: напротив, изменение органического состава сначала сопровождается повышением цен и повышением прибыли; и притом ценам в общем присуща тенденция повышаться тем больше, чем выше развит органический состав капитала. Но капитал устремляется в сферы с повышенной прибылью. Следовательно, вновь накопляемый капитал прежде всего будет отклоняться к этим сферам, и это отклонение продолжится до тех пор, пока новые сооружения не будут закончены, и пока не скажется усиление конкуренции новыми производствами. Таким образом в сферах с наивысшим органическим составом по сравнению с сферами относительно низкого состава существует тенденция к чрезмерному приложению, к перенакоплению капитала. Это несоответствие обнаруживается, когда продукты первых сфер поступают на рынок. Сбыт этих новых продуктов тормозится тем, что производство в сферах более низкого состава расширялось не одинаковым темпом, не с равною быстротой, а быстрее, но зато и не столь интенсивно. Этим об'ясняется, почему кризисы сильнее всего проявляются в технически наиболее развитых отраслях производства, следовательно, в прежние эпохи — прежде всего в текстильной (хлопчатобумажной) промышленности, позже — в отраслях тяжелой промышленности. В общем, наибольшею силой кризис отличается там, где оборот капитала наиболее медленный, технические усовершенствования и новинки наибольшие,— а это преимущественно в тех отраслях, где органический состав наивысший.

Самый кризис прежде всего приносит с собою понижение цены и прибыли ниже нормального уровня, т.-е. ниже цен производства и средней прибыли. Производство сокращается, относительно слабые предприятия гибнут, и, в конце концов, производство продолжают только те, которые и при понизившихся ценах получают среднюю прибыль. Но уровень этой средней прибыли теперь

изменился. Он соответствует уже не тому органическому составу какой был на первых ступенях промышленного цикла, а изменившемуся, более высокому органическому составу капитала.

Наоборот, в промышленных отраслях с относительно небольшими размерами основного капитала приспособление к потреблению совершается быстрее, повышение цен остается в более тесных пределах (если оставить в стороне колебания цен сырого материала), и стимулы к накоплению не так сильны. Это — новое основание для возникновения диспропорциональности для концентрации вновь вкладываемого капитала в тех отраслях производства, где цены поднимаются наиболее быстро и высоко, и новая причина того, что, в общем, действие кризисов тем сильнее, чем обширнее основной капитал вообще, и наиболее сильно в тех отраслях производства, где наиболее обширны размеры основного капитала.

Следует отметить кроме того, что, чем крупнее величина того капитала, который в определенный момент требуется уровнем техники для определенной отрасли производства, тем затруднительнее точное количественное приспособление расширения производства к увеличению потребления. Технически нерационально, а следовательно, неэкономно, напр., увеличивать производство стали оборудованием нового мелкого стального завода. Сама техника властно определяет здесь степень увеличения, вне всякой зависимости от того, согласуются ли размеры увеличения с действительным возрастанием потребления. В тяжелых индустриях раз там уже полностью утилизируются наличные производительные силы, — а вариации в возможности их использования являются важным фактором в уравнении небольших колебаний спроса, — увеличение может воспоследовать лишь в крупном масштабе, скачками, а не в скромной постепенности, характеризующей начальные эпохи капитализма. И здесь приспособляемость легких индустрий несравненно выше, и потому повышение цен в промежуточный период не столь значительно.

К этим несоответствиям в образовании цен, вытекающим из различий органического состава, присоединяются другие, которые вытекают из естественных причин. Мы видели, что в сферах более высокого органического состава существует тенденция к перенакоплению. С одной стороны, эти сферы потребляют огромное количество сырого материла, а с другой, они же доставляют большое количество сырых материалов и полуфабрикатов (железо, каменный уголь) для остальных сфер. Здесь легко могут возникнуть нарушения пропорциональности. „Раньше мы видели что, после того как товары превращены в деньги, проданы, определенная часть этих денег должна снова превратиться в вещественные элементы постоянного капитала, и как-раз в той пропорции, какой требует определенный технический характер каждой

данной отрасли производства. С этой точки зрения во всех отраслях производства важнейшим элементом—оставляя в стороне заработную плату...—является сырой материал, включая в него и вспомогательные материалы, которые приобретают особенную важность там, где нет сырого материала в строгом смысле слова, напр., в горном деле и вообще в добывающей промышленности... Если цена сырого материала возрастает, становится невозможным целиком возместить ее из стоимости товаров за вычетом заработной платы. Сильные колебания цен вызывают поэтому перерывы, крупные коллизии и даже катастрофы в процессе воспроизводства. Продукты земледелия в собственном смысле слова, сырые материалы, порождаемые органической природой, в особенности подвержены таким колебаниям стоимости вследствие изменчивых урожаев,—влияние кредитной системы мы здесь еще совершенно оставляем в стороне...

„Второй момент, о котором мы упоминаем здесь только ради полноты, — так как конкуренция и система кредита лежат пока вне круга нашего рассмотрения, — заключается в следующем: растительные и животные вещества, рост и производство которых подчинены определенным органическим законам и связаны с известными естественными промежутками времени, в силу этих природных условий не могут быть внезапно увеличены в такой степени, как, напр., машины и прочий основной капитал, уголь, руда и т. п., увеличение количества которых при неизменности естественных условий может совершаться очень быстро в промышленно развитой стране. Вполне возможно таким образом, и при развитом капиталистическом производстве даже неизбежно, что производство и рост части постоянного капитала, состоящей из капитала основного, машин и т. д., значительно обгоняет производство и рост той его части, которая состоит из органических сырых материалов; вследствие этого спрос на такие сырые материалы увеличивается быстрее их предложения, и потому цена их повышается...

„Это повышение цены приводит к следующим последствиям: 1) сырые материалы начинают подвозиться из более отдаленных местностей, так как повышенная цена покрывает увеличенные издержки перевозки; 2) производство их расширяется, при чем, однако, действительное увеличение массы продукта в зависимости от естественных условий может произойти не сразу, а, быть-может, лишь через год, и 3) пускаются в ход всякого рода суррогаты, до сих пор неприменявшиеся, и более экономно начинают обращаться с отбросами. Если повышение цен начинает очень заметно влиять на расширение производства и подвоза, то это означает обыкновенно, что достигнут уже поворотный пункт, после которого вследствие продолжающегося увеличения цен сырого материала и всех товаров, в которые он входит как эле-

мент, спрос понижается, а потому наступает реакция и в движении цен сырого материла. Независимо от конвульсий, которые вызывает эта реакция вследствие обесценения капитала в его различных формах, сюда присоединяются другие обстоятельства, о которых мы сейчас упомянем.

„Но уже из сказанного до сих пор ясно следующее: чем более развито капиталистическое производство, чем более поэтому средств для быстрого и безостановочного увеличения части постоянного капитала, состоящей из машин и т. д., чем быстрее накопление (особенно в периоды процветания), тем больше относительное перепроизводство машин и прочего основного капитала, тем чаще наступает относительное недопроизводство растительных и животных сырых материалов, тем отчетливее проявляется вышеописанное повышение их цены и соответствующая этому последнему реакция. Тем чаще, следовательно, происходят те потрясения, которые вытекают из этого колебания цены одного из главных элементов процесса воспроизводства“ [1]).

„Поэтому, чем ближе подходим мы в истории производства к современности, тем регулярнее оказывается, и как-раз в решающих отраслях промышленности, постоянно повторяющаяся смена периодов относительного вздорожания и вытекающего отсюда позднейшего обесценения сырых материалов органического происхождения“ [2]).

К этим нарушениям присоединяются другие, вытекающие из того способа, каким воспроизводится основной капитал. Мы видели, что при простом воспроизводстве отмирающий основной капитал должен быть равен вновь вкладываемому. В действительности это условие никогда точно не осуществляется. Следовательно, для уравнения всегда должен иметься в наличности, с одной стороны, избыток основного элемента капитала, иными словами — товарный запас, которому на другой стороне соответствует запасной денежный капитал. Известный запас и известной величины сокровище — необходимое условие воспроизводства, которое иначе приостанавливалось бы то на одном, то на другом пункте. Такие уравнивания, поскольку они требуются в малом масштабе, облегчаются эластичностью самого капитала, позволяющей посредством форсирования производства, сверхурочных работ и т. д. удовлетворять известным настоятельным потребностям. Лихорадочное напряжение всех производственных возможностей сокращает товарный запас на одной стороне, денежный запас—на другой (сокращает относительно и абсолютно), и таким образом устраняет тот момент, который в нормальные времена

---

[1]) Маркс, „Капитал“, III 1, стр. 92—94. Сравн. также Marx, „Theorien über den Mehrwert“, II 2, стр. 289 и сл.

[2]) Маркс, „Капитал“, III 1, стр. 96.

служит уравнению нарушений. В период накануне кризиса сокращение запасного денежного капитала становится абсолютным, с одной стороны, потому, что спрос промышленных капиталистов на денежный капитал теперь наивысший, а с другой стороны, потому, что возвраты капитала, а потому и оборотного кредита, начинают замедляться, и это быстро увеличивает спрос на деньги, как платежное средство. Дальнейшее нарушение сбыта уже невозможно компенсировать при помощи запасного денежного капитала, и потому оно ведет к банкротству.

Дальнейшее нарушение пропорциональности может последовать в том случае, если изменяется отношение производства к потреблению. Во время процветания повышаются цены, а вместе с тем прибыль. Цены товаров должны повыситься больше, чем заработная плата; иначе прибыль не могла бы повыситься. Следовательно, доля предпринимательского класса в новом продукте повышается быстрее, чем доля рабочего класса. Потребление увеличивается абсолютно, потому что и предприниматели, и рабочие расширяют свое потребление. Еще быстрее увеличивается накопление, потому что теперь как раз с наибольшею остротой действует побуждение накоплять, хотя в течение известного времени все же увеличивается и потребление предметов роскоши. Последнее очень эластично и легко приспособляется к сильному побуждению накоплять. Таким образом совершается передвижка: относительно бо́льшая доля прибыли служит накоплению, относительно меньшая — потреблению. Но это значит, что потребление не поспевает за увеличением производства. Здесь же следует напомнить еще ту неизменяющуюся часть потребления, которая достается на долю категорий доходов, связанных с постоянным окладом или вытекающих не непосредственно из производства, а потому затрагиваемых его колебаниями лишь косвенно или посредственно.

Таким образом в ходе конъюнктуры возникают, вследствие нарушений в сфере образования цен, отношения диспропорциональности. В самом деле, все упомянутые моменты знаменуют уклонение рыночных цен от цен производства, а потому знаменуют нарушения в регулировании производства, которое как в своих размерах, так и в своем направлении зависит от образования цен. Ясно, что эти нарушения, в конце концов, должны повести к приостановке сбыта. Проявление их сопровождается и осуществляется переменами в отношениях кредита, к анализу которых мы и переходим теперь.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Кредитные отношения при ослаблении конъюнктуры.

В начале процветания господствует низкий, лишь медленно и постепенно повышающийся уровень процента. Ссудный капитал имеется в изобилии. Правда, расширение производства, а вместе с тем и обращения увеличивает спрос на ссудный капитал. Но повышенный спрос легко находит удовлетворение. В распоряжении для этого имеется, во-первых, бездействовавший во время депрессии денежный капитал, а, во-вторых, с началом оживления одновременно расширяется и оборотный кредит. Конечно, тот товарный капитал промышленников и торговцев, которому предстоит обратное превращение в денежный капитал, увеличился как со стороны своей массы, так и со стороны цен товаров. Но необходимые в виду этого средства обращения доставляются увеличением количества кредитных денег. Возрастает масса кредитных денег, и в то же время, так как оборот производительного капитала ускоряется, сокращается период обращения кредитных денег. Возросшее предложение ссудного капитала, вытекающее из создания большого количества кредитных денег, настолько удовлетворяет увеличенный спрос на ссудный капитал, что уровень процента не повышается.

В этот период предложение ссудного капитала возрастает еще и потому, что тот денежный капитал, которым на время обращения своего капитала должны располагать производительные капиталисты, и величина которого определяется продолжительностью периода обращения, сократился вследствие сокращения периода обращения, и избыток его является на денежный рынок в качестве ссудного капитала.

В ходе промышленного расцвета эти условия изменяются, и постепенность их изменения выражается в постепенном повышении уровня процента.

Мы видели, что во время депрессии, во-первых, удлиняется период оборота капитала, и, во-вторых, возникает диспропорциональность между отраслями производства. Удлинение же периода оборота, следовательно, замедление сбыта, знаменует в то же время замедление быстроты обращения кредитных денег. Трехмесячный вексель не может быть оплачен по истечении срока, если товар, денежную форму которого он представляет, будет оплачен только через четыре месяца. В таком случае для векселя требуется пролонгация или оплата наличными. Пролонгация равносильна увеличенному спросу на кредит, на капитальный кредит от банка, следовательно, на банковый кредит. Спрос на банковый кредит сделается всеобщим, потому что необходимость пролонгирования затрагивает ведь не отдельного капиталиста, а в извест-

ной средней мере весь класс производительных капиталистов. Как возрастание спроса на банковый кредит, представляющее просто следствие того обстоятельства, что оборотный кредит, взаимно оказываемый друг другу производительными капиталистами, становится недостаточным, — так и возрастание спроса на наличные деньги производит непосредственное воздействие на повышение уровня процента.

Такое же действие оказывает возрастающая диспропорциональность, которая тоже знаменует приостановку сбыта. Для того, чтобы кредитные деньги могли исполнять свою функцию и замещать наличные деньги, товар должен замещаться товаром. Если взаимный товарообмен, напротив, приостанавливается, то кредитные деньги приходится заменять наличными деньгами. Вексель по истечении срока не удается оплатить, потому что остался непроданным тот товар, который он представляет. А если его приходится оплатить, то это возможно лишь обратившись к банковому кредиту, который теперь выступает на место оборотного кредита. Но для промышленника совершенно безразлично, оплачивается ли вексель, за который он продал свой товар, в порядке оборотного кредита, т.-е. в последнем счете посредством замещения его товара другим товаром, или же он оплачивается в порядке банкового кредита, т.-е. при таких условиях, что еще не произошло окончательного замещения его товара другим товаром. Правда, теперь он вынужден уплачивать несколько повышенный процент, но он, во-первых, не знает, что это знаменует, а, во-вторых, если бы и понял, не мог бы ничего изменить, и ничем не мог бы помочь. Цены и прибыли удерживаются еще высокие. Благодаря оплате его векселя, у него еще имеется денежный капитал, необходимый для того, чтобы продолжать производство в прежних размерах. От него сокрыто, что тот денежный капитал, которым он теперь оперирует, уже не представляет превращенной формы его собственного товарного капитала, который в действительности еще не удалось сбыть. Он не знает, что продолжает теперь свое производство с дополнительным денежным капиталом, который банкиром предоставлен в его распоряжение.

Но существует еще одно обстоятельство огромного значения. Начинающаяся диспропорциональность должна выразиться в образовании запаса товаров. На том или ином пункте процесса обращения товара необходимо возникает заминка. Этот товарный запас стал бы производить давление на рынок, если бы товар приходилось продавать с той целью, чтобы на вырученные деньги продолжать производство. Таких последствий, а вместе с тем и влияния на цену и прибыль удается избегнуть, если банки предоставляют в распоряжение производительных капиталистов денежный капитал. Таким образом кредит замаскировывает начинающуюся диспропорциональность. Производство продолжается без

всякого изменения; в некоторых отраслях, где цены стоят в особенности высоко, сильно расширяются дальше; привлечение денежного капитала предотвращает такое последствие, чтобы товары производили давление на рынок, и чтобы цены пошатнулись. Производство все еще представляется вполне здоровым, хотя уже возникла диспропорциональность между отраслями производства.

Изменения в уровне процента, первичным источником которых являются перемены в отношениях пропорциональности, возникающие в ходе конъюнктуры, в свою очередь, оказывают сильнейшее влияние на явления в области учредительства, на спекуляцию с товарами и фондами, а вместе с тем и на общий склад биржевых операций. В начале периода процветания уровень процента низок; при прочих равных условиях это приводит к высокому курсу фиктивного капитала. Курс той части фиктивного капитала, которая приносит постоянный и надежный доход, как, напр., заемные свидетельства государства и общественных корпораций, некоторые виды закладных свидетельств и т. д., повышается непосредственно вследствие понижения уровня процента. Что касается акций, здесь повышению курса вследствие понижения уровня процента противодействует уменьшение дивидендов и относительно большая необеспеченность дохода. Промышленным оживлением эта противодействующая тенденция устраняется; при уровне процента, попрежнему низком, курсы акций повышаются, потому что доходы и их надежность растут. В то же время увеличивается спекуляция, которая стремится использовать для себя повышательное движение; это увеличивает спрос на акции, и курс их повышается дальше. Расширение производства знаменует одновременно и рост учредительства. Основываются новые акционерные общества, существующие увеличивают свой капитал. Оживляется эмиссионная деятельность банков. Высокий курс акций и низкий уровень процента обусловливает крупную эмиссионную прибыль. Новые акции быстро размещаются на бирже и легко между публикой, т.-е. сбываются капиталистам, у которых в распоряжении имеется ссудный капитал. Это — период, когда учредительская деятельность носит наиболее энергичный характер, и когда крупнее всего прибыли банков от эмиссионной деятельности. Изобилие денег благоприятствует спекуляции, которой для своих операций ведь приходится пользоваться кредитом. Так как уровень процента низок, то спекуляция может использовать уже и такие незначительные колебания курса, какие обычно господствуют в первый период процветания. Биржевая деятельность — оживленная, обороты значительны даже при относительно мелких колебаниях, которые, однако, в конце концов, все суммируются в повышательное движение курса. Возрастающая курсовая сумма, получающаяся вследствие увеличения количества ценных бумаг и повышения их курса, с одной стороны, увеличение числа сделок—

с другой, все это знаменует рост требований, пред'являемых к кредиту для уравнения разниц, которые представляют теперь относительно крупные суммы; и это тем более, что в подобные периоды спекуляция на повышение берет перевес над спекуляцией на понижение, купли преобладают над продажами, и подлежащая уравнению разница, в конце концов, возрастает. Но этому повышенному спросу на кредит, пред'являемому со стороны биржи, в данном случае, — в противоположность тому, что мы наблюдали в кредитных отношениях между производительными капиталистами, где повышающийся спрос удовлетворяется прежде всего расширением оборотного кредита, — не противостоит какое-либо увеличение предложения. Следовательно, возрастающий спрос непосредственно оказывает повышательное действие на уровень процента и усиливает те тенденции к повышению уровня процента, которые вытекают из процессов в области производства.

Таковы же явления в области товарной спекуляции. Она тоже стремится учесть для себя повышательное движение цен и усилить тенденцию к повышению. С одной стороны, товары, цена которых на данном рынке стоит высоко, доставляются сюда с других рынков, и таким образом предложение увеличивается. А так как один импортер ничего не знает о другом, то легко может случиться, что предложение, в конце концов, превысит спрос, и произойдет перегружение торговли. С другой стороны спекуляция стремится удержать и по возможности усилить повышение цен на товарном рынке, как она делает это на фондовом рынке. Товары по возможности долгое время удерживаются вне рынка, чтобы повысить цены; это — время, когда образуются ринги и корнеры, которые, искусственно создавая недостаток товаров, стремятся взвинтить цены. Для того, чтобы удерживать товары, опять-таки приходится прибегать к кредиту, что в свою очередь ведет к повышению уровня процента.

Между тем промышленное процветание приобретает всеобщий характер и развертывается в высокую конъюнктуру. Цены и прибыли достигают наивысшего уровня. Курсы акций повышаются вследствие повышения доходности. Спекуляция, которая до сих пор в общем и целом постоянно заканчивалась прибылью, во все это время расширялась. Спекулятивные барыши развертывают свою пропагандистскую силу. Участие публики в биржевых оборотах возрастает и тем самым позволяет профессиональной спекуляции расширять свои операции, воздвигая их на спине публики. Уровень процента высок; для того, чтобы спекулятивные обороты доставляли барыш, изменения курса должны быть теперь более значительными: иначе барыш спекуляции будет поглощен повышением процента. Но и в действительности эти колебания теперь становятся значительными, потому что из промышленности приходят уже не только безусловно благоприятные вести: на-ряду

с повышением прибылей кое-где наступает остановка, сбыт идет уже не так гладко, начинает затрудняться кредит, потому что банки начинают считать опасным поощрение спекуляции; и это тем более, что, раз участие публики усилилось, расширились те круги, которые ведут спекуляцию без собственных средств или расширяют ее далеко за пределы собственных средств. Аналогичные явления разыгрываются и на товарном рынке.

Но повышение уровня процента имеет тенденцию понижать курсы. Следовательно, в конце концов, должен наступить момент, когда спекуляция, стремясь повысить цены, приходит к мертвой точке. Наступление его ускоряется, если для спекуляции отчасти закрывается тот кредит, которым она до того времени пользовалась. Мы уже видели, как в поступательном ходе промышленного оживления производительным капиталистам приходится пред'являть все повышающиеся требования к банкам. К изложенным раньше причинам теперь присоединяется еще одна. Уровень процента имеет решающее значение для уровня учредительской прибыли. Высокий уровень процента в период высокой конъюнктуры уменьшает учредительскую прибыль и потому ограничивает эмиссионную деятельность. К тому же в это время спекуляция оказывается уже насыщенной, и не могла бы выдержать увеличения количества ценных бумаг при существующих повышенных курсах. Банкам угрожала бы опасность: или они не могли бы сбыть новых акций, — или же могли бы сбыть лишь по сравнительно низким курсам.

Потребности промышленности удовлетворяют теперь непосредственно сами банки; они не выпускают акций, а открывают банковый кредит, по которому производительные капиталисты должны уплачивать установившийся высокий процент. Но чем выше спрос, пред'являемый к банкам промышленностью, тем меньше те средства, которые они могли бы предоставить в распоряжение спекуляции; спекуляции приходится сократиться. А это равносильно уменьшению спроса, понижению курсов. Но сложившийся уровень курса был основою кредита, предоставленного в распоряжение спекуляции; следовательно, теперь требуется дополнительное обеспечение бумаг, подвергшихся залогу или иначе послуживших основой кредита; но многие спекулянты и, в особенности попутчики спекуляции из публики, не могут доставить такого дополнительного обеспечения. Таким образом дело доходит до принудительных распродаж заложенных акций, до внезапного увеличения предложения, что ведет к быстрому понижению курса бумаг. Понижение усиливается тем поворотом, который делает профессиональная спекуляция: она схватывает критическое положение рынка и открывает теперь игру на понижение. Понижение курса знаменует новое ограничение кредита, новые принудительные продажи; понижение превращается в кру-

шение: наступает биржевой кризис, паника и развал. Происходит массовое обесценение ценных бумах, они быстро падают ниже уровня, соответствующего их действительной доходности при нормальном уровне процента. Обесцененные бумаги скупаются теперь крупными капиталистами и банками; а впоследствии, когда паника минует, и курсы опять поднимутся, они продаются по повышенной цене, пока в кругообороте ближайшего промышленного цикла вновь не развернется процесс экспроприации известной части спекулянтов, и не начнется вновь процесс концентрации собственности, находящейся в распоряжении денежного капитала. Таким-то способом биржа выполняет свою функцию и служит средством концентрации собственности, осуществляя ее при помощи концентрации фиктивного капитала.

Непосредственно биржевой кризис вызывается теми переменами, которые совершаются на денежном рынке и в отношениях кредита. Так как наступление его непосредственно зависит только от уровня процента, то он может разразиться уже на некоторое время до наступления всеобщего торгового и промышленного кризиса. Но биржевой кризис — просто симптом, предвестие торгового и промышленного кризиса, потому что перемены на денежном рынке обусловливаются ведь теми переменами в производстве, которые ведут к кризису [1]).

Такие же явления, как при спекуляции с фондами, разыгрываются при товарной спекуляции, с той только разницей, что здесь по самому существу дела связь с производственными отношениями более тесная. И здесь повышение процента и ограничение кредита затрудняют удерживание товара вне рынка, а вместе с тем и сохранение прежнего уровня цен. В то же время высокий уровень цен приводит к напряжению производства, увеличению предложения и сдержанности потребления до тех пор, пока, наконец, не разразится катастрофа. Если дело идет о таком товаре, цена которого оказывает влияние на курс главенствующих биржевых бумаг, — как, напр., цена меди на курс медных акций, — то крах товарной спекуляции может одновременно оказаться симптомом краха и биржевой спекуляции.

Изменение условий на денежном рынке оказывает также определяющее действие на уровень и характер банковой прибыли. В начале процветания господствует низкий уровень процента и высокая эмиссионная прибыль. Мы видели, что в ходе

[1]) Разумеется, мы рассматриваем здесь биржевой кризис лишь постольку, поскольку он выступает как момент в развитии всеобщего торгового кризиса. Но биржевые и спекулятивные кризисы могут носить и изолированный характер. Так биржевой кризис часто возникает на первых ступенях промышленного оживления, если спекуляция преждевременно учитывает начинающееся процветание. Напр., так было в 1895 г. в Вене.

конъюнктуры движение процента и эмиссионной прибыли принимает противоположное направление. Далее, все время, пока удерживается благоприятная конъюнктура, повышается прибыль банка от провизии, которую он получает как посредник в оборотном кредите; повышается прибыль денежно-торгового капитала, потому что расширяются платежные операции производительных капиталистов, и прежде всего, с повышением уровня процента, повышается доля банкового капитала: во-первых, в прибыли производительных капиталистов за счет предпринимательской прибыли, и, во-вторых, в прибыли спекулянтов за счет дифференциального барыша. Чем выше уровень процента, тем выше и доля финансового капитала в плодах высокой конъюктуры. Следовательно, пока продолжается процветание, возрастает доля денежного капитала в прибыли производительного капитала.

Мы видели дальше, как с момента, когда оборотный кредит достигает своей максимальной границы, в ходе конъюнктуры предъявляется все возрастающий спрос на банковый кредит. Спрос на него возрастает потому, что расширение производства знаменует расширение обращения, а это требует увеличения средств обращения. Таким образом банковые запасы все больше исчерпываются, а это неизбежно оказывает отраженное воздействие на центральный банк, имеющий право выпускать банковые билеты. В самом деле, замедление сбыта знаменует замедление в обращении векселей,—следовательно, сокращение оборотного кредита, которое должно быть компенсировано банковым кредитом. Но процесс развития диспропорциональности со всеми его следствиями идет дальше, и его действие на банковый кредит еще обостряется возрастающими требованиями спекуляции. Таким образом наступает мало-по-малу напряжение банкового кредита, пока не надвигается момент, когда банки уже не в состоянии расширить кредит дальше, потому что это слишком сократило бы их резервы. Обращение, раз его уже невозможно расширить посредством кредита, требует теперь наличных денег; они будут возрастающими массами приливать к обращению, резервы начнут сокращаться, что заставит банки еще больше ограничить кредитование. Но это ограничение для промышленности равносильно тому, что она уже не может уровнять нарушения, вытекающие из диспропорциональности, так как у нее уже нет в распоряжении необходимого для того денежного капитала. Она должна распродавать товары для того, чтобы получить платежные средства, которых уже не может достать при помощи кредита. Начинается понижение цен. Но в основу кредитных сделок был положен существовавший до того времени уровень цен. Понижение цен означает, что выручкой от товара не может быть оплачен и тот вексель, который выдан за этот товар. Спрос, вытекающий из необходимости платежа, возникает в тот самый момент,

когда предложение ограничивается. В самом деле, оборотный кредит быстро уменьшается, потому что падение цен обесценивает векселя и сокращает поступления по векселям. В то же время не может быть расширен и банковый кредит, потому что понижение цен ставит под знак вопроса надежность и платежеспособность производительных капиталистов. Таким образом спрос на платежи приводит к невозможности их удовлетворения. Напряжение кредита повышается до крайних пределов. Мало того, что процент повышен до максимальной границы: вообще невозможно получить какой бы то ни было кредит, так как потрясение кредита приводит к тому, что все, кто располагают наличными деньгами, припасают их для собственных платежей. Существует только один способ получить платежные средства: превращение товара в деньги. Всякий хочет продать, — но как раз потому никто не хочет купить. Цены рушатся скачками, но товары остаются непроданными. Приостановка сбыта принимает абсолютный характер, но тем самым оборотный кредит уничтожается; как ни сильно сократилось обращение, еще сильнее сокращается количество средств обращения устранением кредитных денег; на место кредитных денег должны выступить наличные деньги, спрос на платежные средства превращается в бурный спрос на наличные деньги.

К каким последствиям поведет этот спрос, зависит от конкретных условий. Крушение товарных цен тяжелее всего задевает платежеспособность промышленников, и потому делает сомнительным, насколько им удастся возвратить банковый кредит. Если банк закрепил свои средства в кредитах неплатежеспособным промышленникам, то их банкротство влечет за собою банкротство банка; внезапно уничтожается тот кредит, которым банк пользовался, когда он получал вклады или когда принимали выпускаемые им банкноты. Кассы банка подвергаются натиску; требуется выдача вкладов наличными, между тем как лишь минимум их не выдан в качестве ссуд. Вклады пропали, — и паника отсюда может распространиться на другие банки и принудить их один за другим к закрытию своих касс. Банковый кризис разразился. Крушение кредитной системы, поворот к монетарной системе, как называет это Маркс, приводит к тому, что единственным средством обращения теперь являются уже только наличные деньги. Но количество наличных денег недостаточно для потребностей обращения, тем более, что одновременно вследствие паники масса наличных денег идет на образование сокровища. Следствием является возникновение лажа на наличные деньги; собственная стоимость денег (конечно, и при золотой валюте, как снова показал между прочим последний американский кризис) ступевывается, и курс денег определяется общественно необходимой стоимостью обращения.

Обширная полоса развития пролегает между функциями денег, как средства обращения и платежей и функцией в качестве ссудного капитала.

Деньги в их блистающей золотом форме — первая пламенная любовь молодого капитализма. Меркантилистская теория — его любовное послание. Это—сильная и великая страсть, просветленная всем сиянием романтики. Чтобы добиться обладания своею вожделенной возлюбленной, он совершает всевозможные героические деяния, открывает новые части света; ведет все новые и новые войны, создает современное государство, и в своем романтическом экстазе уничтожает основу всякой романтики— Средневековье. Он входит в годы и в разум. Классическая теория научает его презрению к романтической внешности; он старается устроить солидный уют в своем собственном доме, в капиталистической фабрике. С ужасом взирает он на преисполненные жертв ошибки своей молодости, он презирал домашнее счастье. Рикардо раскрывает перед ним весь вред его дорогих ухаживаний за золотом. Вместе с ним он жалуется на производительность „high-price of bullion“ (высокой цены слитков). Теперь он пишет возлюбленной свои отказы на бумаге — на банковых билетах и векселях. Правда, он старается удержать за собой известные права, и суггенсу-школа требует от скромной бумаги, чтобы она в своем поведении сообразовалась со своей блестящей предшественницей. И чем более стареет он, тем утонченнее становятся его потребности. Он прожил свою молодость, расточительная и сильная страсть уже не в его вкусе; припадок мистики охватывает его: спасает только вера. Джон Лоу возвещает новое евангелие: присыщенный презирает плоть и ищет прибежища в духе. Еще раз он переживает приступ высочайшего блаженства. И вдруг его, хранившего долгое воздержание, потрясает старое желание. Внезапно исчезает упование на возможность удовлетворения одной только верой. Жадно стремится он удостовериться, сохранилась ли его старая сила. Кредит трещит по всем швам, и, внезапно покинутый кредитной операцией, отчаиваясь, он возвращается к своей первой любви: к золоту. Сотрясаемый лихорадкой кризиса, никакую жертву не считает он слишком большой для того, чтобы возвратить возлюбленную. Он уже думал, что освободился от ее чар, — и, потрясенный паникой, с содраганием убеждается в своей зависимости. Однако это— спасительные кризисы. Мало-по-малу он научается постигать характер той, что нагоняет на него ужас, хотя он не может отделаться от своей привязанности к ней. Конечно, он оставляет тщетное стремление отрешься от нее: ревнивее, чем когда-либо раньше, старается удержать ее и в особенности положить конец ее опасной склонности к путешествиям за границу. Однако его власть укрепляется все больше, все меньше позволяет он свя-

зать себя золотыми цепями. Некогда столь требовательная возлюбленная приучается к скромности и, наконец, довольствуется ролью резерва на тот случай, если новые разочарования заставят неисправимого искать у нее убежища. А если иногда ее требовательность и растет, если по временам она отказывает во всякой помощи, то это продолжается недолго, — и прежнее положение восстановляется снова. Единодержавие окончательно утрачено золотом...

Но *денежный кризис* не представляется абсолютной необходимостью в развитии кризиса: он может отсутствовать. И во время кризиса товарообмен продолжается, хотя и до чрезвычайности сократившийся. В этих размерах может продолжаться и обращение, обслуживаемое кредитными деньгами. Это тем более, что кризис не захватывает непременно всех отраслей производства одновременно и с одинаковой силой. Напротив, приостановка сбыта доходит до крайних пределов, когда она осложняется банковым и денежным кризисом. Но если для нужд обращения представляются необходимые кредитные деньги, то можно и избежать денежного кризиса: банк, кредит которого остался непотрясенным, предоставляет кредитные деньги промышленникам под обеспечение. И в действительности денежных кризисов удавалось избежать, если оказывалось возможным такое расширение средств обращения. Денежные кризисы постоянно возникали только в том случае, если банки, кредит которых не пострадал, встречали препятствие тому, чтобы предоставлять в распоряжение необходимые кредитные деньги. Так было в Англии 1847 и 1857 г.г.; начинавшийся денежный кризис был устранен приостановкой банкового акта, который совершенно произвольно ограничил выпуск банковых билетов, т. е. количество кредитных денег, суммою золотого запаса плюс 14 миллионов фунтов стерлингов. В Америке, где закон в еще более сумасбродной форме тормозит обращение кредитных денег как раз тогда, когда оно всего необходимее, денежный кризис 1907 года достиг классического завершения.

Если рассматривать явления на национальном рынке, то окажется, что уменьшение запаса наличных денег происходит не только вследствие отлива в сферу внутреннего обращения, но также и вследствие отлива за границу. Мы видели, что для уравнения международного платежного баланса золото функционирует в качестве мировых денег. Можно указать тенденции, которые действуют в том направлении, что в стране, где благоприятная конъюнктура достигла наивысшего расцвета, и следовательно ближе всего надвинулся кризис, платежный баланс ухудшается. Цены, сопутствующие высокой конъюнктуре, поощряют ввоз товаров и повышают его далеко за нормальный уровень, между тем как экспортная деятельность — ведь поглотительная

способность внутреннего рынка все еще кажется значительной — не возрастает в такой же мере, а для некоторых важных экспортных товаров: руды, каменного угля и проч., может последовать и сильное абсолютное сокращение экспорта.

К этому присоединяется еще то обстоятельство, что в капиталистически высоко развитых странах в импорте преобладают естественные продукты, предметы потребления и сырые материалы, в экспорте — промышленные фабрикаты. Первые в несравненно большей мере являются об'ектом спекуляции. Этим самым, не говоря уже о других обстоятельствах, обусловливается то явление, что здесь несравненно большую роль играет торговля, а вместе с тем состояние рынка труднее поддается учету. Поэтому чрезмерный импорт возможен в несравненно большей степени и в более крупных размерах, чем чрезмерный экспорт. Торговый баланс, т. е. важнейший элемент платежного баланса, ухудшается и требует для уравнения большого количества золота.

Иначе складываются отношения на денежном рынке. Во-первых, в той стране, где высокая конъюнктура достигает наиболее полного расцвета, уровень процента наивысший. Следовательно, там находит себе длительное или преходящее помещение большое количество иностранных денежных капиталов. Во-вторых, наивысшего расцвета достигает там спекуляция с фондами, а также с товарами, — поскольку дело идет о биржевой спекуляции, — и привлекает спекулянтов из-за границы; значит, и для этой цели, для покупки бумаг, в эту страну притекут значительные суммы из-за границы. Какой конкретный вид получит платежный баланс, это каждый раз зависит от кредитных отношений международного торгового обмена. Англия, в которой кризисам обычно предшествует сильный отлив золота, оказывает сравнительно большой кредит, который служит для оплаты экспортируемых из нее товаров, а сама лишь в малой мере пользуется кредитом для оплаты импортируемых ею товаров. Это еще более увеличивает то несоответствие, которое, как мы видели, обычно проявляется в торговом балансе.

Уже одного ухудшения торгового баланса достаточно для того, чтобы вызвать отлив золота; а в момент наивысшего напряжения кредита всякое уменьшение золотого запаса вызывает тревогу, еще больше повышает уровень процента, расшатывает доверие, в первую очередь ограничивает спекуляцию и таким образом может послужить толчком к биржевому кризису. Влияние ухудшенного торгового баланса может еще усилиться передвижкою в платежном балансе. Высокая конъюнктура — интернациональное явление, хотя в различных странах оно обнаруживает различные степени и оттенки в своей интенсивности и временные различия в своем ходе. Предположим, что высокая конъюнктура прежде всего установилась в Соединенных Штатах и

достигла там своего зенита, между тем как в Англии она лишь приближается к своему высшему пункту. Относительно высокие процентные ставки и сравнительно сильная спекуляция привлекли в Америку много английского капитала. Но теперь и в Англии все настоятельнее становится требования, пред'являемые к денежному рынку; процент и спекуляция тоже достигают высокого уровня. Поэтому деньги, которые до того времени размещались на американском денежном рынке, теперь извлекаются отсюда и размещаются в Англии: как-раз в момент, когда торговый баланс Америки ухудшился. Таким образом отлив золота усиливается и приводит в Америке к ограничению кредита, а следовательно, к наступлению биржевого кризиса. Биржевой кризис, предшественник торгового кризиса, в свою очередь еще больше ухудшает условия платежного баланса. Иностранные денежные капиталы, вложенные в спекуляцию, немедленно извлекаются, — разумеется, те, которые можно извлечь, значит, те, которые не вложены в фонды, а нашли применение в репортных и ломбардных операциях. В начале кризиса иностранные спекулянты тоже стараются отделаться от понижающихся в курсе бумаг и к продажам с их стороны присоединяются принудительные распродажи со стороны тех, у кого спекуляция на повышение лопнула. Поскольку заграница участвовала в этом, продажа фондов ухудшает платежный баланс.

Но одновременно начинается действие и других факторов, которые могли бы создать поворот. Биржевой кризис и, быть-может, следующий за ним банковый кризис знаменуют сильное потрясение кредита. Уровень процента поднимается на чрезвычайную высоту и вызывает приток иностранного денежного капитала. Обесценение фондов таково, что иностранные капиталисты считают стоящим делом скупать их, и сильный экспорт ценных бумаг в свою очередь улучшает платежный баланс. В то же время улучшается торговый баланс; потрясение кредита полагает конец товарной спекуляции, скоро обнаруживается, что внутренний рынок переполнен, цены падают, начинается торговый кризис, импорт останавливается, между тем как экспорт,—пока это допускает состояние иностранного рынка, где кризис еще не начался, — форсируется с той целью, чтобы добыть платежные средства [1]). Начинаются банкротства. Но поскольку банкротства разражаются над теми импортерами, которые должны произвести иностранным промышленникам платежи за ввезенные товары, банкротство зачеркивает такие платежи и постольку улучшает национальный платежный баланс [2]). Таким образом за более или

[1]) Так, во время последнего американского денежного кризиса экспорт хлопка и хлеба в Европу форсировался изо всех сил, чтобы привлечь золото из Европы.

[2]) Это, конечно,—старое наблюдение. Один не названный по имени Continental Merchant высказал это уже перед членами знаменитого

менее продолжительное время перед кризисом, смотря по конкретным обстоятельствам, вывоз золота прекращается, чтобы во время кризиса и после него уступить место притоку золота. Следовательно, в этот период кризиса смена ввоза и вывоза золота отмечает в то же время смену аренды, на которой разыгрываются действия кризиса.

Усиленный отлив золота непременно произведет свое действие на уровень процента в такой момент, когда по причине уже сложившихся отношений диспропорциональности оборотный кредит не в состоянии расшириться в уровень с потребностями обращения. Но конкретные формы этого действия стоят в очень большой зависимости от банкового законодательства. Существо ошибочного банкового законодательства заключается в том, что оно насильственно ограничивает расширение оборотного кредита и не позволяет ему достигнуть той рациональной границы, которая определяется экономическими законами. Оно производит это таким способом, что насильственно устанавливает так или иначе пропорцию между оборотным кредитом и такими величинами стоимости, с которыми он по своей экономической природе не имеет в действительности решительно ничего общего. Мы знаем, что банкнота есть не что иное, как превращенная форма векселя, а вексель—не что иное, как денежная форма товарной стоимости. И вот количество банкнот регламентируется в определенной пропорции не к векселям, т.-е., в последнем счете, не к тем товарным стоимостям, которые находятся в обращении,— что могло бы достигаться строгим проведением так называемого банкового покрытия банкнот: нет, устанавливается определенное отношение к металлическому запасу, как в Англии, или даже к облигациям государственных займов, как в Соединенных Штатах, где превратность достигла своего зенита, и долги считаются наилучшим обеспечением кредита: превратность, об'ясняемая превратною формою фиктивного капитала. Таким образом искуственно ограничивается предложение ссудного капитала, что, разумеется, должно оказать немедленное влияние на уровень процента. В Англии, где количество банковых билетов фиксировано законом, и потому потребности обращения могут удовлетворяться лишь металлическими деньгами (потому что всякий билет сверх 14 миллионов фунтов стерлингов [1]) является просто представителем золота, хранящегося в кладовых банка,

Bullion-Committee (1810 г.): „in fact I only know of two means to liquidate an unfavourable balance of trade, it is either by Bullion or bankruptcy" („В действительности я знаю только два средства для того, чтобы ликвидировать неблагоприятный торговый баланс; или высылка золота, или банкротство" (Report, стр. 101).

[1]) Так было в эпоху Пиля; в настоящее время сумма билетов без покрытия может составить до 18½ миллионов.

следовательно, экономически представляет действительное золото), всякий сколько-нибудь сильный отлив золота превращается поэтому в непосредственную угрозу для обращения. По мере того, как отливает золото, напр., для оплаты ввоза хлеба, возросшего вследствие неурожая в Англии, банк уже не может превратить такое же количество векселей в свои билеты, хотя отношения остаются еще вполне здоровыми, и кредит не испытывал потрясений. Поэтому при всяком отливе золота, хотя бы оно очевидно носило лишь временный характер, банк для защиты своего золотого запаса должен немедленно повышать уровень процента и таким образом удорожать кредит: мера, которая, кстати сказать, повышает барыш ссудного капитала, а потому и барыш самого банка, за счет предпринимательской прибыли. Далее, благодаря этим ограничениям, становится сомнительною возможность превращения векселей в банкноты, т.-е. в узаконенное, а если даже и не в узаконенное, то все же во всеобщее признанное платежное средство. Таким образом насильственно стесняется обращение кредитных денег, которого требует рост обращения,— стесняется, хотя в состоянии производства для того нет ни малейшего повода; так при известных обстоятельствах создается полный перерыв в обращении кредитных денег со всеми его последствиями,— с денежным и банковым кризисом. И все это— в угоду ложной теории, претворение которой в практику доставляет ссудному капиталу, правда, не только теоретические выгоды.

Еще безумнее отношения в Америке, где расширение обращения банкнот возможно лишь посредством расширения покупок банками бумаг государственных займов. Так как количество их ограничено, то повышенный спрос немедленно ведет к чрезвычайным повышениям курса, так что даже при высоком проценте выпуск банкнот представляется для банков невыгодным. К тому же, раз государственные займы не покупаются банками, а потому и обращение банковых билетов не расширяется, это приводит к необыкновенному повышению процента; последнее не только обеспечивает банкам и банкирам чрезвычайные прибыли, но и вообще превращает их в господ денежного рынка,—дает им диктатуру не только над спекуляцией и биржей, но, при посредстве акционерного дела и кредита, и над промышленностью. В этом, между прочим, одна из причин, почему американские биржи приобрели такое колоссальное значение в деле концентрации собственности в руках немногих денежных капиталистов. Если бы это банковое законодательство сохранилось, то погашение государственного долга знаменовало бы для Соединенных Штатов полное разрушение обращения банкнот: сумасбродство, в котором однако есть метод, превосходный метод производства денег для ссудного капитала. Отсюда—успешное сопротивление всем попыткам реформы.

На практике оказалось возможным до известной степени переносить ограничения, налагаемые банковым законодательством. Но только потому, что—отчасти по причине того же законодательства—в Англии и Америке, где ограничения как раз наиболее сильны и вредны, обращение банкнот ограничивается созданием иных форм кредитных денег, удовлетворяющих потребностям обращения: разумеется, это делает законодательные постановления не столь ощутительными. В этой связи следует отметить расчетные (Clearing) операции и обращение чеков. Расчетные операции приводят к непосредственной компенсации векселей, которые, поскольку они компенсируются, выполняют функции денег, следовательно, не нуждаются в превращении в банковые билеты. Той же цели достигает и чек. Чек представляет требование возврата собственного вклада. Но этого вклада в действительности уже не существует, так как банк отдал его в ссуду. Если я произвожу платеж чеком на этот несуществующий вклад, получается то же, как если бы я уплатил банковым билетом, за которым тоже нет металлического покрытия, и опорой которого, как и отданных в ссуду вкладов, тоже является только банковое обеспечение. Экономически содержание здесь одинаковое, хотя форма, которую, к счастью, только и видят банковые законодатели, представляется столь различною. К этим способам обойтись без обращения банкнот,—а как раз то обстоятельство, что одни формы кредитных денег могут заменяться другими, доказывает тождество их существа,—в Англии присоединяется еще уверенность, что пресловутый банковый закон немедленно будет приостановлен в тот самый момент, когда будет угрожать опасность, что он превратится в действительность.

Действие законодательства о выпуске банкнот может также ослабить, при известных обстоятельствах совершенно уничтожить те денденции, которые находят себе выражение в изменениях платежного баланса во время кризиса. Мы видели, что изменения платежного баланса постоянно разыгрываются на основе, которая дается состоянием торгового баланса. Последний в свою очередь зависит, во-первых, от естественных условий производства и, во-вторых, от уровня и зрелости экономического развития. У страны старого экономического развития, с чрезвычайно выраженным чисто промышленным складом, преобладанием экспорта средств производства и относительно слабым производством сырых материалов, будет пассивный торговый баланс. Англия только в том случае могла бы сильно развить свой экспорт средств производства, если бы она—первая страна развитого капиталистического производства—экспортировала свои средства производства не просто как товары, но и как капитал, т. е. не продавала бы средства производства заграницу, но отправляла бы их за границу в качестве способа помещения своего собственного капи-

тала; так, напр., если бы Англия устроила для Южной Америки железнодорожный заем, и если бы южно-американцы употребили выручку от займа на покупку машин, локомотивов и т. д. из Англии. Такой экспорт, являясь экспортом и капитала, становится независимым от одновременного импорта товаров. Если бы дело шло о простом экспорте товара, то Южная Америка, напр., могла бы длительно получать средства производства из Англии лишь при том условии, если бы она оплачивала их собственными товарами: ведь Южная Америка не накопила достаточного количества денег для того, чтобы оплачивать такие средства производства исключительно из своих металлических запасов. В действительности значительная часть интернациональной торговли представляет простой товарообмен, и в этих пределах происходит взаимное уравнение платежей. Когда же товары экспортируются как капитал, размеры экспорта становятся независимыми от товарного производства еще неразвитой страны: он находит свои границы, с одной стороны, лишь в возможности капиталистического развития неразвитой страны, а с другой стороны—в накоплении капитала, избытке производительного капитала в развитой стране. Это—как раз основа быстрого распространения капитализма. Таким образом наиболее развитые капиталистические страны, с одной стороны, увеличивают свое промышленное производство, а с другой—свой экспорт далеко за пределы импорта из неразвитых стран. Отсюда—пассивный торговый баланс, которому, однако, соответствует активный платежный баланс, так как эти страны постоянно получают платежи: прибыль на экспортированный капитал.

Тенденции, которыми определяется ввоз и вывоз золота, обнаружат свое действие в зависимости от конкретных количественных соотношений торгового и платежного баланса. Если в Соединенных Штатах далеко не так регулярно, как при прежних кризисах в Англии, обнаруживается отлив золота, то здесь в существенном оказывают свое действие два различных момента. Во-первых, помехи развитию оборотного кредита, вытекающие из законодательства относительно банковых билетов. Так как благодаря этому процент в Америке поднимается выше европейского уровня, потому что сильно сжатый оборотный кредит становится здесь недостаточным,—то Америка постоянно привлекает к себе в таких случаях европейский денежный капитал, и уже целиком от напряжения кредита в Европе зависит, удастся ли во время высокой конъюнктуры опять возвратить этот денежный капитал в Европу и вызвать отлив золота из Америки.

А, во-вторых, модифицирующее действие может оказать общий характер американского торгового баланса. Америка—страна с преобладающим экспортом сырья. При условии хорошего урожая, американский торговый баланс чрезвычайно улучшается

как-раз во время высокой конъюнктуры, так как цены, напр., хлопка, меди, а пожалуй и хлеба, повышаются; это же улучшение торгового баланса может ослабить, уничтожить или отодвинуть на какой-либо позднейший момент действие тех тенденций, которые ведут к началу отлива золота, а вместе с тем и наступление кризиса: для последнего, впрочем, отлив золота отнюдь не является conditio sine qua non.

В этой связи следует еще отметить, что способность национальных банков противодействовать отливу золота совершенно различна в зависимости от тех оснований, по которым золото требуется для целей экспорта. Если, напр., в Берлине установился банковый дисконт на 5%, в Париже—из 3%, то для французских банкирских домов это послужит мотивом перевести деньги из Франции в Германию, чтобы использовать высокий уровень процента. То же будет в том случае, если, напр., в Берлине господствует оживленная биржевая спекуляция, в которой захотят принять участие французские фирмы. Такие передвижения золота возникают не из принудительной экономической необходимости: здесь дело сводится к произвольным в известном смысле движениям денежного капитала. Сами по себе эти капиталы могли бы остаться и во Франции, если бы они удовольствовались пониженным уровнем процента или пониженной биржевой прибылью. Поэтому таким движениям золота можно воспрепятствовать надлежащими банково-политическими мерами. Элементарнейшая из них заключается в том, что денежные суммы удерживаются в стране таким способом, что процент поднимается на более высокий уровень, т.-е. банковый учетный процент повышается. В то же время это приводит к уравнению процентных ставок. Банк может и прямо воспрепятствовать такому отливу золота: стоит только отказать в размене на золото. У австро-венгерского банка, в котором размен приостановлен, имеется на то и законное право. Французский банк, который имеет право производить платежи и серебром, тоже может отказывать в платежах золотом,—между прочим в такой форме, что он применяет свое право насчитывать премию на золото [1]); удорожая таким образом золото, он уничтожает выгоду от разницы процента, а тем самым и побуждение к вывозу золота. В распоряжении английского банка и германского имперского банка нет

[1]) „Французский банк очень часто, когда у него берут деньги, взимает премию, которая при большом спросе за границу повышается до 8, даже до 10 pro mille, а так как заграница требует только золота, то дисконтер должен присчитать эту сумму к туземному дисконту. В общем можно уверенно сказать, что при высоких дисконтных ставках заграницей и значительно более низком учете в Париже премия на золото будет взиматься. При 5 pro mille для трехмесячного векселя она повысит процент на 2 годовых". Sartorius, стр. 263.

таких прямых способов, однако, последний при напряженном состоянии денежного рынка старается хотя бы косвенным давлением на экспортеров золота ограничить его экспорт: политика, вообще вполне рациональная с точки зрения национального народного хозяйства, если только она ограничивается этими случаями экспорта золота. В то же время фактическое ограничение свободы передвижения денежного капитала или отлива золота является одной из причин, препятствующих нивелированию национальных ставок процента к одному уровню.

Совершенно иное в том случае, если напр., в германском имперском банке спрос на золото возникает потому, что немцам приходится оплатить в Англии товары или ценные бумаги. Немцы прежде всего купят на берлинской бирже вексель в фунтах стерлингов; но если вексельный курс поднимается выше паритета, то они захотят произвести платежи золотом. Если же имперский банк откажет им в выдаче золота, то германским должникам придется снова добывать векселя в стерлингах,—им ведь необходимо уплатить, иначе они будут об'явлены несостоятельными. Их спрос поднимает вексельный курс выше паритета, что было бы равносильно обесценению германской валюты, а воспрепятствовать этому—главная задача банковой политики.

Итак, можно воспрепятствовать тому отливу золота, который вытекает из чисто финансовых сделок; тогда эти финансовые сделки не могут состояться. Напротив, не подвергаясь опасности девальвации, невозможно воспрепятствовать отливу золота, который становится необходимым для уравнения уже принятых обязательств, вытекающих из операций с товарами или фондами.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Денежный капитал и производительный капитал во время депрессии.

Если мы обратимся к процессам накопления после кризиса, то окажется прежде всего, что в следующий период воспроизводство совершается в сокращенном масштабе. Общественное производство претерпевает сокращение. Вследствие „солидарности отраслей производства“ не составляет никакого различия, разразится ли перепроизводство в той или иной сфере. Перепроизводство в руководящих сферах знаменует всеобщее перепроизводство. В это время нет места производительному накоплению, нет возрастания той прибыли, которая превращалась бы обратно

в капитал, нет возрастающего применения средств производства. Значит, производительное накопление исчезло. Но как обстоит дело с накоплением индивидуальных капиталистов и в отдельных сферах промышленности? Производство ведь продолжается, хотя бы и в сокращенном масштабе, технически наилучше оборудованных в отдельных отраслях, а потом предприятия в сферах производящих безусловно необходимые средства существования, потребление которых не может быть сокращено сколько-нибудь сильно,—все эти предприятия работают с прибылью. Часть этой прибыли может подвергнуться накоплению. Но теперь норма прибыли понизилась, а потому понизилась и норма накопления. Точно так же сократилась масса прибыли, а это тоже понижает возможность накопления. Далее, если одна часть класса капиталистов извлекает прибыль, то другая терпит убытки, которые приходится, чтобы избежать банкротства, покрывать из дополнительного капитала. Но во время депрессии действительное производство не расширяется. Следовательно, если накопление и происходит, то это может быть накоплением лишь в денежной форме. Куда же направляются деньги накопляющих капиталистов?

Напомним еще раз схему воспроизводства:

I. 4000 c + 1000 v + 1000 m = 6000.
II. 2000 c + 500 v + 500 m = 3000.

Это было бы производство, уже сократившееся вследствие кризиса. Но капиталисты производят не деньги, а товары. Чтобы получить в руки деньги,—и притом в большем количестве, чем те суммы, которыми они уже располагали, ибо иначе ведь не было бы накопления денег,—они должны превратить товары в деньги, но воздержаться от обратного превращения денег в товары. Если, напр., II хочет из своих 500 m накопить 250, он должен продать средства существования (притом одни члены подразделений II должны продать другим членам того же подразделения, потому что обороты II m совершаются внутри подразделения II), но после того не должен покупать у других членов подразделения их товары: следовательно в подразделении II остаются непроданными 250 m. Если одним продажа удается, то другие остаются со своими товарами; тогда совершается перераспределение денежного капитала; продавцы получают деньги от покупателей; но к покупателям эти деньги не возвращаются потому что они не могут продать 250 в своих товарах.

Тот же результат получится, если мы предположим, что капиталисты из группы I накопляют половину своей прибавочной стоимости. В таком случае они могут 1000 v + 500 m, имеющие форму средств производства, продать II c. Последние уплачивают за это 1500 деньгами. Но так как I m покупает теперь

средств существования не на 2000, а удерживает 500 в денежной форме, то II с может продать теперь только 1500; следовательно, 500 остается у него в средствах существования, и денег у него окажется меньше на те 500, которые остались накопленными в руках I. Но если II с не авансирует 1000 деньгами на покупку средств производства, если мы представим, напротив, что процесс начинает I, то I купить на 1500 средства существования, II купить на эти 1500 деньгами средства производства, и для I останутся нераспроданными 500 в средствах производства; его надежда на накопление не реализовалась. Подразделение II еще больше ограничивает производство, начинает воспроизводство с 1500 с и соответственно сокращает свой переменный капитал; если раньше у него было 2000 в деньгах для того, чтобы обслужить оборот с I, то теперь он применяет всего 1500, между тем как 500, функционировавшие раньше в качестве денежного капитала, лежат праздными; к этому присоединяется сокращение и той суммы денег, которая авансировалась в качестве переменного капитала.

Таким образом оказывается, что чисто денежное накопление в общественном масштабе невозможно, если мы предположим производство сократившееся или неизменное. Здесь может совершаться только индивидуальное накопление; но оно означает, что накопление одних представляет лишь перемену в распределении денежного капитала других, перемену, которая, однако, в свою очередь должна повести к новым нарушениям воспроизводства. Положение нисколько не изменится, если мы обратимся к классу самих производителей золота. Конечно, здесь возможно непосредственное накопление денег. Но оно находит свою границу непосредственно в величине той накопляемой прибыли, которая получается в этой отрасли производства. На всю сумму накопляемых здесь денег непосредственно уменьшается сбыт других отраслей: деньги ведь накопляются и удерживаются в форме сокровища. Как бы в общем ни учитывали мы этот фактор, количественно он слишком незначителен для того, чтобы знаменовать всеобщее накопление.

Кредит ничего не изменяет в этих отношениях: 2000 (m + v) I должны быть проданы за 2000 с II. Но накопление денег получилось бы в том случае, если бы I продал 2000, но у II купил бы только 1500. Обслуживают ли эти обороты кредитом, или нет, I может накопить 500 в деньгах, или в кредитных деньгах, или в свидетельстве на доход с будущего производства лишь при том условии, если II покупает у I 2000. Но II может купить 2000 лишь в том случае, если он уплачивает за них своими товарами,—что, согласно нашему предположению, невозможно,—или же уплачивает из своего денежного запасного фонда, при чем I тогда накопляет только то, что теряет II.

Значит, неверно, будто в период депрессии праздно лежащий капитал состоит из денежного капитала, накопленного в денежной или кредитной форме. Состоит он в действительности из денежного капитала, высвободившегося благодаря ограничению производства; раньше он обслуживал обращение, при сокращении же производства сделался излишним. Его бездеятельное состояние соответствует бездеятельному состоянию производственного капитала. Вследствие ограничения производства производительные силы утилизируются лишь частично. Вновь произведенный постоянный капитал лежит на складах и не находит применения в производстве; денежный капитал и возможности существующей кредитной организации сделались слишком обширными по сравнению с сократившимся оборотом, денежный капитал праздно лежит в банках и ожидает применения, предпосылкой которого является расширение производства.

Кстати сказать: странно то представление, согласно которому теоретики кризисов указывают именно на бездеятельность денежного капитала как на сильнейшее побуждение к расширению воспроизводства [1]). Как-будто бы простой машин с его опасностью материального и морального снашивания, менее энергичное использование основного капитала вообще, знаменующие не только отсутствие прибыли, но и постоянный убыток, не были несравненно более сильным побуждением к расширению производства, чем понижение процента на денежный капитал. Дело заключается не в том, усиливается ли после кризиса, под влиянием изобилия денег, побуждение к накоплению, а в том, возможно ли в об'ективном смысле расширение воспроизводства, или же нет. Обыкновенно немедленно после кризиса наступает большое изобилие денег,—и, несмотря на то, могут пройти целые годы, прежде чем начнется промышленное оживление [2]).

В высшей степени забавно наблюдать, как в буржуазной прессе мнения писателей по вопросам торговли изменяются с каждым поворотом явлений конъюнктуры. В германских газетах последний кризис сводился почти исключительно к дороговизне денег или к недостатку денежного капитала. Теперь, когда, несмотря на интернациональное изобилие денег, депрессия

---

[1]) В это искушение, вытекающее из самих экономических явлений, впал не только Туган-Барановский, но даже и Отто Бауэр в своем столь остроумном и богатом мыслями изложении теории кризисов Маркса („Neue Zeit", XXIII, I, стр. 133 и сл.).

[2]) Так было, напр., в период депрессии после 1890 г. Весь 1893 г. характеризовался чрезвычайно изобильным предложением денег и низким процентом. В конце февраля 1894 г. банковый дисконт в Лондоне составлял 2%, частный дисконт в средине марта — 1%. В половине января 1895 г. частный дисконт в Лондоне составлял $^1/_2$—$^7/_8$%. Несмотря на продолжительное и необычайно значительное изобилие денег, под'ем начался лишь во второй половине 1895 г.

продолжается, мало-по-малу приходят к открытию, что процветание зависит не только от состояния денежного рынка [1]).

Ошибочные воззрения на причины изобилия денег во время депрессии и на значение его для преодоления депрессии основываются в последнем счете на том, что за формальными экономическими определениями просматриваются те материальные определения общественного производства, которые раскрыл анализ Маркса во II томе „Капитала". Оперируют только экономическими понятиями: капитал, прибыль, накопление и т. д., и думают, будто нашли разрешение проблемы, раз удалось показать те количественные отношения, на основе которых возможно простое и расширенное воспроизводство, или же, напротив, должны наступить нарушения. При этом просматривают, что этим количественным отношениям должны соответствовать и качественные условия; что противостоят друг другу не только известные суммы стоимости, которые взаимно соизмеримы с самого начала, но и потребительные стоимости определенного вида, которым предстоит исполнить вполне определенные функции в производстве и потреблении; что при анализе процесса воспроизводства противостоят друг другу не просто части капитала вообще, — так что излишек или недостаток промышленного капитала можно „уравнять" соответствующею частью денежного капитала,—и что противостоят друг другу также не просто основной или оборотный капитал: совершенно не замечают, что здесь в то же время дело идет о машинах, сыром материале, рабочей силе совершенно определенного (технически определенного) вида, и что они должны иметься в наличности как потребительные стоимости этого специфического вида; иначе нарушения будут неминуемы [2]).

[1]) В последнее время, в связи с пренебрежением теоретическим анализом, вообще сильно распространяется другое неладное обыкновение: из нескольких наблюдений, охватывающих немногие годы, делаются общие выводы, и явления одной частичной фазы какого-нибудь промышленного цикла, в лучшем случае—явления одного определенного цикла, характеризующегося своеобразными особенностями, возводятся на степень всеобщих „законов". Другие отказываются от всякого общего познания и утешаются житейской мудростью qui vivra verra Они сознательно сводят экономическое познание к дешевому остроумию.

[2]) До крайних пределов доведено это смешение в теории кризисов Туган-Барановского. Она видит только специфически экономические формальные определения капиталистического производства и просматривает при этом естественные условия, общие производству, как таковому, какова бы ни была его историческая форма. Таким образом теория эта приходит к странному представлению производства, которое, существует только для производства, между тем как потребление представляет лишь обременительный придаток. Если уже это „безумие", то в нем, однако, имеется „метод", и притом марксистский: специфически марксистским является как-раз этот анализ исторических формальных особенностей капиталистического производства. Это — свихнувшийся марксизм, но все же марксизм, что делает теорию Туган одновременно и столь странною, и столь возбуждающею мысль. Впрочем сам Туган чувствует это, хотя и не сознает. Отсюда его столь ожесточенная полемика против „здравого смысла" противников.

В действительности при кризисе мы видим, с одной стороны, бездействующий промышленный капитал: постройки, машины и т. д., а с другой стороны—бездействующий денежный капитал. Та самая причина, которая приводит к бездействию промышленный капитал, приводит к бездействию и денежный капитал: деньги не поступают в обращение, не функционируют как денежный капитал потому, что не функционирует промышленный капитал; деньги бездействуют потому, что бездействует промышленность; „Феникс" останавливает производство не потому, что у него недостает капитала (денежного капитала), — и вновь пускает его в ход не потому, что в распоряжении у него оказывается теперь изобильный денежный капитал. Напротив, деньги оказываются в изобилии потому, что производство сократилось. „Недостаток" денежного капитала—просто симптом приостановки процесса обращения вследствие того, что уже наступило перепроизводство.

Кредит, во-первых, заменяет деньги в качестве средства обращения и, во-вторых, облегчает перенесение денег. Но теоретически можно пока абстрагироваться от него, представив себе просто, что имеется необходимое количество металла для чисто металлического обращения.

Почти для всех современных теоретиков кризисов [1]) общее стремление об'яснять явления конъюнктуры, исходя из изменений уровня процента, вместо того, чтобы в об'яснении явлений на денежном рынке исходить, наоборот, из условий производства. Причины этого открыть нетрудно. Явления денежного рынка лежат на поверхности, они ежедневно обсуждаются в газетах и оказывают определяющее влияние на ход дел на бирже и на спекуляцию. К тому же предложение ссудного капитала во всякий момент представляется определенной величиной, — и должно представляться таковой, ибо иначе оставалось бы необ'яснимым, каким образом спрос и предложение могут определять процент. Обычно не видят, что предложение ссудного капитала зависит от состояния производства: во-первых, от его размеров и, во-вторых, от пропорциональности отраслей производства, которая оказывает определяющее влияние на время обращения товаров, а потому и на быстроту обращения кредитных денег; не видят этого точно так же, как и вообще функционального различия между оборотным кредитом и капитальным (банковым) кредитом. И это—тем более, что это различие представляется стертым по-

[1]) Впрочем не только для современных. „Поверхность политической экономии обнаруживается, между прочим, в том, что расширение и сокращение кредита простые симптомы смеющихся периодов промышленного цикла; она признает их причинами" Маркс, „Капитал", I, стр. 596.

средством выпусков банкнот: всякий кредит с развитием банков представляется банковым кредитом. Но если это отличие не замечено, тогда развитие явлений на денежном рынке представляется в совершенно ином свете. Отношение зависимости, как представляется теперь, заключается просто в том, что расширение производства требует большого количества капитала. Капитал более или менее неосознанно отожествляется с денежным капиталом. Производство расширяется, спрос на денежный капитал возрастает, процент идет кверху. В конце концов, наступает недостаток денежного капитала, высокий уровень процента приводит к тому, что промышленная прибыль исчезает, новые капиталы не вкладываются в промышленность, и наступает кризис. Потом во время депрессии денежный капитал накопляется вместо того, чтобы немедленно пройти превращение в основной капитал: антитеза, основанная на бессодержательном представлении, ибо машины, доки, железные дороги производятся не из золота. Уровень процента падает, денежные капиталисты испытывают недовольство от низкого процента и опять начинают вкладывать деньги в производство: снова открывается оживление. Мы уже не говорим о той варварской мешанине, которая лежит в основе этого представления экономистов: называя деньги, машины и рабочую силу капиталом, они заставляют один капитал, именно деньги, быстро превращаться в другой капитал, именно в машины и т. д. и в рабочую силу, или, как они иногда выражаются, оборотный капитал в основной капитал. Не говоря об этом, данная пресловутая „теория“ совершенно не замечает, что и чисто арифметически ее утверждение — бессмыслица. В развитых капиталистических странах уровень процента варьирует самое большее в пределах 5%, — так выйдет, если мы будем исходить из колебания официальных дисконтных ставок между 2 и 7%; мы думаем, что и этот размах колебаний увеличивается дальше экономически рациональной меры ограничительным банковым законодательством или недостатками дисконтной политики. К денежному капиталу производительные капиталисты обращаются для того, чтобы расширить производство, т.-е. занятая стоимость, превращенная в производственный капитал, увеличивается, приносит прибыль. Ее уровень caeteris paribus зависит от цен. Но колебания товарных цен в ходе конъюнктуры характеризуются совершенно иным размахом, чем в 5%. Первый же взгляд на таблицу цен покажет, что здесь вовсе не редкость колебания в 50—100% и больше. Прибыли, конечно, не могут повыситься в такой же мере, потому что издержки производства увеличиваются. Но все же прибыль промышленников в период оживления и высокой конъюнктуры повышается несравненно больше, чем на 5%. Значит, уровень процента, равный семи, сам по себе не прекратил бы накопления, если бы прибыли промышленников не понижались по причинам иного порядка. Если бы, напр., „Рейнско-вестфальский угольный синдикат“ мог продать всю свою добычу по ценам высокой конъюнктуры, он ни минуты не колебался бы уплачивать за занятый капитал целых 10%, так как этот капитал составляет ведь только некоторую часть его капитала, и на эту часть, кроме такого процента, он получил бы еще предпринимательскую прибыль [1]).

Странное представление, будто процент мало-по-малу пожирает предпринимательскую прибыль, еще более упрочивается вследствие той абсолютной непонятности, до которой доведены теперь такие категории, как прибыль, предпринимательское вознаграждение, плата за надзор, дивиденд и т. д. С распространением акционерного общества эта непонятность еще более увеличилась. Дивиденд представляется процентом, но поразительно колеблющимся процентом по сравнению со ссудным процентом, фиксированным во всякий данный момент. Различие ссудного капитала и производительного капитала теперь уже не представляется различием капитала, приносящего процент, и капитала, производящего прибыль. Напротив, тот и другой представляются капиталом, приносящим процент; с той только разницей, что „текучий“ капитал постоянно приносит процент, определенный для всякого данного момента и ежедневно отмечаемый в бюллетенях биржи, между тем как „основной“ капитал приносит процент, который узнается лишь по сообщению о величине дивиденда. Различие в надежности дохода сводят потом к различию „текучего“, т. е. денежного капитала, и „основного“, т. е. промышленного капитала. Раз таким образом смешиваются все качественные различия, не будет ничего удивительного, если приходят к удивительнейшим представлениям о количественных различиях и воображают, будто колебания уровня процента дают достаточное объяснение механизма того, как совершается поворот конъюнктуры.

---

[1]) Что высокий процент еще не порождает кризиса, об этом свидетельствует следующий пример. В 1864 г у Англии был пассивный платежный баланс. Вследствие гражданской войны в Америке подвоз хлопка прекратился. Но зато увеличился ввоз хлопка из Ост-Индии и Египта и возрос таким образом: из Ост-Индии с 15 милл. фунтов (1860 г.) до 52 милл. фунтов (1864 г.), из Египта с 10 милл. фунтов почти до 20 милл. фунтов. Банк повысил дисконт, чтобы воспрепятствовать отливу металла. На протяжении 1864 г. учет колебался между 6 и 9%. Несмотря на то, кризис ограничился исключительно денежным рынком: „на товарном рынке обнаружилось лишь незначительное падение товарных цен, но, несмотря на такую высоту дисконтного процента, какая в прежнее время наблюдалась только во время крайней паники, торговля и промышленность Англии не испытали больших потрясений“. „Не смотря на продолжавшийся „хлопковый голод“, английская торговля в течение всего этого времени была очень оживлена“ (Tugan-Baranovski, loc. cit., 135) (стр. 123—124 русск. изд.).

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Изменение в характере кризисов. Картели и кризисы.

Развитие капиталистического производства вносит известные изменения в формы проявления кризисов; мы и обратимся теперь к рассмотрению этих перемен. При этом мы можем дать лишь одно: попытаемся наметить общие линии развития; выяснение же перемен в характере кризисов для каждой отдельной страны, это—уже задача детального исторического исследования. Мы попытаемся здесь лишь раскрыть общее в особенном. Это тем труднее, что с развитием капитализма интернациональное сплетение экономических процессов становится все более тесным, а потому и в кризисах явления, разыгрывающиеся в одной стране, со всеми особенностями, определяемыми стадией ее технического и организационного развития, оказывают обратное действие на кризис, развертывающийся в другой стране. Так, напр., явления последнего европейского кризиса 1907 г. можно выяснить лишь из отраженного действия американского кризиса. Особенный характер американского кризиса, в котором с величайшей полнотой, уже давно не наблюдавшейся в Европе, выступили явления денежного и банкового кризиса, привел к специфическим явлениям на европейских денежных рынках; и, если бы не было влияния со стороны американского кризиса, быть может, удалось бы избежать и некоторых частных особенностей и обостренного характера этих явлений.

С другой стороны, столь же невозможно из истории кризисов в одной единственной стране, напр., в Англии, вывести общие законы изменения характера кризисов: ведь капиталистический кризис как раз представляет явление мирового рынка,—и чем дальше, тем в большей степени, следовательно, кризисы в отдельной стране вследствие особенностей ее капиталистического развития могут испытать определенные модификации, обобщение же их привело бы к ложным выводам [1]).

Если мы хотим установить перемены, совершающиеся в явлениях кризиса, то мы должны вывести их и из теоретического анализа: только тогда у нас может быть необходимая уверенность, что перед нами—не особенные явления, соответствующие лишь одной фазе капитализма, следовательно, в общем, быть-может,

[1]) Нам кажется между прочим, что этой ошибки не всегда избегает Туган-Барановский в выводах из своего замечательного и правильного изложения истории английских кризисов.

случайные, а такие тенденции, которые возникают из самого существа капиталистического развития.

Капитализм начинает развиваться в обществе, в котором товарное производство занимает еще сравнительно скромное место. Только распространение капитализма ведет к тому, что товарное производство обобщается, складывается национальный и постоянно расширяющийся мировой рынок. С расширением рынка развиваются и те условия, при которых могут возникать кризисы. Пока капиталистическое производство возвышается над широким фундаментом производства для собственного потребления и по-ремесленному связанного, работающего на местный рынок, не-капиталистического товарного производства, кризисы всей своей тяжестью обрушиваются только на капиталистическую надстройку. Значит, они обрушиваются на такие отрасли производства, сбыт которых может прекратиться почти совершенно: ведь то необходимое обращение, которое требуется для обмена веществ в обществе, обслуживается ремесленным производством, остаток же—производством для собственного потребления. Здесь кризис может принести величайшие опустошения в сфере капиталистически организованного производства; на некоторое время он может сделать сбыт совершенно невозможным, если только причины кризиса вообще настолько сильны, что они в состоянии парализовать производство; а так оно, как мы еще увидим, обычно и наблюдается в этот период.

С развитием капиталистического производства ремесленное производство и работающее для собственного потребления в значительной мере уничтожается. Теперь кризис обрушивается на производство, способность которого к сокращению ограничивается необходимостью покрывать относительно и абсолютно возросшую долю общественного потребления. С поступательным ходом производства увеличивается и та его доля, которую необходимо продолжать при всяких условиях; раз здесь не может быть остановки, тем самым устраняется возможность почти полной приостановки процесса производства и обращения. Это сказывается в том, что относительно слабее затрагиваются кризисом те отрасли промышленности, которые служат потреблению,—и затрагиваются тем слабее, чем необходимее средства существования, и чем, следовательно, меньше колебания в их потреблении.

Перемены в явлениях кризиса необходимо наступают также и вследствие успехов капиталистической концентрации. С увеличением размеров отдельного предприятия возрастает его способность к сопротивлению. Чем мельче производство, тем выше вероятность, что крушение цен приведет его к полному банкротству. Мелкий предприниматель утрачивает, быть может, весь свой сбыт; падение цен и приостановка сбыта делают невозможным превращение его товарного капитала в денежный капитал.

Он не может выполнить своих платежных обязательств, так как он не располагает запасным капиталом, — и как-раз во время кризиса не может получить никакого кредита. Таким образом кризис приводит еще сохранившиеся мелко-капиталистические предприятия к массовой катастрофе, к утрате кредита, к массовому банкротству, к приостановке платежей, краху банков и, следовательно, к панике. Сюда присоединяется еще то обстоятельство, что и технические различия здесь крупнее. Современным производственным единицам противостоят еще старые производства, по своей технической организации отчасти ремесленные или относящиеся к мануфактурному периоду, совершенно неспособные существовать при падении цен. Но их массовое крушение увлекает за собою и предпринимателей, технически все еще жизнеспособных [1]).

Иначе противостоит кризису современное крупное производство; размеры производства здесь настолько велики, что часть его будет продолжаться и во время кризиса. Может случиться, что во время кризиса американскому стальному тресту придется сократить свое производство наполовину; но ему нет нужды ограничивать свое производство ниже определенного минимума. Таким образом с концентрацией производственных единиц увеличиваются те размеры, в которых производство можно вести во всякое время.

[1]) „Кризис 1857 и еще более кризис 1873 г. захватил большое, чрезвычайное количество предприятий (в железной промышленности), которые по производительности не очень сильно различались между собою; поэтому общая катастрофа увекла и многие заводы, которые сами по себе, с чисто технической точки зрения, были жизнеспособны и имели право на жизнь. Кризис 1900 г. на-ряду с исполинскими предприятиями руководящих отраслей промышленности нашел многие производства устарелой, по современным понятиям, организации: это — „чистые“ заводы, которые волною высокой конъюнктуры были вынесены вверх. Падение цен, понижение спроса привели эти „чистые“ заводы в бедственное положение, о котором по отношению к комбинированным исполинским производствам вообще не может быть речи, или которое коснулось их лишь на самое короткое время. Поэтому новейший кризис повел к промышленной концентрации в совершенно иной мере, чем прежние кризисы, чем кризис 1873 г.: хотя последний и выполнил дело отбора, однако по состоянию техники не таким образом, чтобы создать монополию победоносно выдержавших испытание предприятий. Но такой устойчивой монополией, благодаря своей сложной технике, грандиозной организации и силе своего капитала, в высокой степени пользуются исполинские производства современной крупно-железной и электрической промышленности, в несколько меньшей — машиностроительной и некоторых ветвей металлургической, транспортной и других отраслей промышленности, Если это не так по отношению к некоторым сравнительно „легким“ отраслям промышленности, и если для них действие кризиса по существу не изменилось по сравнению с прежним временем, то благодаря этому становится лишь еще яснее, что новейшее развитие банков в великой мере стоит под знаком ранее упомянутых промышленных отраслей“. Seidels, loc. cit., стр. 108.

Итак, с развитием капиталистического производства абсолютно и относительно увеличивается величина той части производства, которая может продолжаться при всяких условиях. Но вместе с тем возрастает размер и той доли товарного обращения, которая остается незатронутой во время кризиса, увеличивается и основывающийся на ней оборотный кредит. Следовательно, разрушение кредита может и не быть столь полным, как оно бывало при кризисах ранней эпохи капитализма. Мало того развитие кредитного кризиса, с одной стороны, в банковый кризис, а с другой — в денежный кризис, затрудняется переменами в организации кредита, с одной стороны, и передвижкой в отношениях торговли и промышленности — с другой.

Кредитный кризис развивается в денежный кризис, если крушение кредита порождает внезапный недостаток платежных средств [1]). Недостаток же этот отодвигается тем дальше, чем, во-первых, больше размер той части производства, которая будет

[1]) И притом требуется осуществление именно только этого условия, как бы глубоки ни были его причины. При изображении амстердамского биржевого краха 1773 г. так рассказывается о последствиях одного крупного банкротства: „Никто не знал, ни как далеко зайдет дело, ни какие фирмы еще будут уничтожены при этом. Всеобщая тревога уничтожила всякий кредит, и одно время совсем невозможно было достать наличные деньги. Один страшился, что ему пришлют обратно его вексель, другие опасались, что они ничего не получат из тех сумм, которые они имеют право потребовать, третьи старались использовать всеобщее бедствие, и таким образом все ждали только случая произвести покупки по самым низким ценам; каждый опасался выпустить свои наличные деньги, и потому обращение совершенно приостановилось“. („Der Reichtum von Holland“. Aus dem Französischen, zwei Bände, Leipzig 1778, I., стр. 444 и сл. Цитир. у Sartorius von Waltershausen, loc. cit., стр. 377).

Срави. с этим следующее описание состояния германских бирж при начале войны. „4 июля 1870 г. настроение на берлинской бирже было превосходное, в следующие дни сделалось неустойчивым, 8 июля ее охватило сильное беспокойство, 11 июля она потеряла голову. Паника продолжалась 8—10 дней, потом, когда самоуверенность биржи возвратилась, прекратилось понижательное движение... Как бы по мановению волшебного жезла деньги исчезли с биржи. Дисконт в прусском банке повысился до 9%, в Лейпциге по займам под залог до 10%, в Любеке до 9%, в Бремене до 8%. Куда же полевались деньги, которые еще за несколько дней до того времени в изобилии предлагались по 3—$3^1/_2$%? Чтобы государство высосало их для целей мобилизации, — это с самого начала было исключено тогдашней децентрализацией эмиссионных банков в Германии, а также и тем обстоятельством, что известная наличность имелась и во многих банках, не выпускавших банкнот, и у частных банкиров. Бо́льшая часть денег осталась там, где они были, их просто не выпускали из сундуков, а кто мог извлечь их откуда-нибудь, тот присоединял их к остальным. Так, напр., из Мюнхена сообщалось: „Был момент, когда за наилучшие бумаги и под величайшее обеспечение невозможно было достать и 500 флор.; напротив, даже частные лица полагали, что необходимо, несмотря на величайшие жертвы, составить на крайний случай запас наличных денег“. Во Франкфурте-на-

продолжаться при всяких условиях: ведь в этих пределах кредитные деньги могут и впредь исполнять свою функцию. Во-вторых, чем больше размеры тех сделок, которые завершаются посредством кредита, и чем более коммерческий кредит заменяется банковым кредитом: ведь потрясение банкового кредита — дело более трудное, чем потрясение кредита отдельного промышленника. Но решающее значение имеет то обстоятельство, что вообще не наступает недостатка в платежных средствах: во-первых, потому, что развитие кредита сокращает потребность в платежных средствах и во время кризиса, так как и тогда продолжается, напр., обращение чеков и расчетные операции. А, во-вторых банк, имеющий право выпускать банкноты и сохраняющий свой кредит непотрясенным и во время кризиса, может предоставить в распоряжение необходимые платежные средства. Мы видели, что в основе обращения банковых билетов лежит обращение векселей. Последнее сокращается потому, что сокращается его базис, обращение товаров. Но обращение векселей сокращается еще сильнее, чем товарное обращение, потому что коммерческий кредит испытал потрясение. Теперь банк заме-

---

Майне „банкиры думали только об одном: по возможности извлечь свои деньги, потому что и публика требовала немедленного возврата положенных у них денег; как показывает быстрый рост банковой наличности, обе стороны старались составить крупный резерв наличных, чтобы вооружиться на всякий случай".

О ажио на наличные деньги сообщается следующее: „Всякий банкир, и прежде всего ганноверский банк, думал только о себе... Свидетельства и билеты германских частных банков попали под опалу, и солидному человеку, которому приходилось иметь дело с прусскими свидетельствами, приходилось соглашаться на скидку в 5%, а крестьянину, который в страхе готов был сбыть их по всякой цене, приходилось уступать 10% и больше".

И как это положение в сокращенном масштабе обнаруживает все типические черты американского денежного кризиса, так и средство помощи было такое же: „В период чрезвычайного стеснения на денежном рынке во второй половине июля искали спасения в различных мерах. В Бремене сенат и городской совет постановили придать известным иностранным золотым монетам характер узаконенного платежного средства, но это помогло мало, потому что как эти деньги, так и городская монета удерживались в кассах; в Штуттгарте был основан кассовый союз, который пустил в обращение свои 3-процентные, сроком на 6 месяцев, свидетельства на 50—500 флор. В Мюнхене такие же свидетельства выпустил в обращение Hypotheken und Wechselbank, во Франкфурте-на-Майне видные банкирские дома дали свое коллективное поручительство местному эмиссионному банку. По мере возможности привлекался благородный металл из-за границы. В конце июля банкирские и импортерские фирмы Бремена уже располагали значительными суммами в соверенах, Франкфурт добыл золото из Англии, серебро из Вены. Эти меры оказали известное действие, поскольку дело шло о стеснении с деньгами как платежным средством, но они не могли доставить капитал для ссудного рынка и удовлетворить государственные потребности". Sartorius, loc. cit., стр. 323 и сл.

няет коммерческий кредит своим собственным, поскольку это допускается действительным товарным обращением. Он может осуществить это в меру последнего, потому что продолжающееся товарное обращение дает банку уверенность, что соответствующие кредитные требования обеспечены. Следовательно, в меру действительной потребности обращения банк может предоставить в распоряжение обращения свои кредитные деньги и удовлетворить спрос на платежные средства. Но тем самым банк ограничивает спрос на платежные средства действительной потребностью обращения и предотвращает тот почти неограниченный спрос, который, вытекая из страха не добыть платежных средств даже под солиднейшие обеспечения, идет далеко за пределы действительных потребностей и приводит к образованию сокровища в крупном масштабе, следовательно, опять-таки к сокращению платежных средств. Чтобы банк, имеющий право выпускать банковые билеты, мог действовать таким способом, для этого необходимо, во-первых, чтобы потрясение не коснулось его кредита: условие, очень легко осуществимое в правильно руководимом эмиссионном банке; необходимо, во-вторых, чтобы усиленный выпуск банкнот не представлял угрозы их размену. Это условие осуществляется уже в силу интересов самосохранения банка, диктующих ему определенные действия: во время кризиса он выдает банкноты только под безусловно надежное обеспечение, и это служит ему гарантией, что он, удовлетворяя потребности обращения, не переходит пределов, налагаемых кризисом. Далее, размен билетов охраняется от всяких непредусмотримых случайностей достаточным запасом наличных денег, прежде всего — золота. С развитием капиталистического производства это условие удовлетворяется возрастающей добычей золота, сосредоточением золота в банках и ограничением функции золота ролью резерва. Развитие все больше ограничивает золото одной функцией: служить уравнению международных платежей. Но хотя абсолютный рост международных платежей колоссален, однако, вследствие развития кредитных денег, функционирующих в международных платежах, та разница, которую приходится уравнивать наличными, по своей абсолютной и относительной величине отстает от того золотого резерва, который накопляется в странах старого капиталистического развития. Благодаря этому эмиссионный банк получает возможность удовлетворять повышенным требованиям во время кризиса. При этом, разумеется, предполагается, что этот банк, имеющий право на выпуск банковых билетов, не стеснен в своих экономических функциях законодательным принуждением: таким, как в Англии акты Пиля, в Соединенных Штатах — бессмысленные предписания о покрытии; но зато денежные кризисы там прямо создаются в буквальном значении этого слова.

Устранение денежного кризиса предохраняет кредит от полного крушения и является таким образом предотвращением банкового кризиса. Натиск на кассы банков не развертывается, истребование вкладов не приобретает острого и широкого характера, — и банки, если только они вообще платежеспособны, могут выполнить все свои обязательства. Поскольку же банковый кризис возникает не как следствие кредитного и денежного кризиса, а в первую очередь и непосредственно из того, что банковый капитал закреплен, и что кредитованные деньги потеряны, постольку можно сказать, что капиталистическое развитие здесь тоже развертывает тенденции к смягчению кризиса для капитала.

И тут величайшую роль играет концентрация банков. Колоссально расширяя сферу операций, распространяя ее на различные национальные хозяйственные территории, стоящие на различных ступенях капиталистического развития, банки благодаря концентрации достигают несравненно более широкого разделения риска. Далее, возрастающая концентрация банков совершается параллельно с изменением их позиции по отношению к спекуляции, торговле и промышленности. Прежде всего, уже вследствие преобладания капиталистической силы, концентрация банков знаменует передвижку в соотношениях силы в пользу банка. Сила же банков не только количественно значительнее, чем сила их должников: превосходство банка является и качественным вследствие того, что банк располагает капиталом в денежной форме, т.-е. в форме, постоянно готовой к функционированию. Но этим превосходством предотвращается такая возможность, чтобы крупный, хорошо управляемый банк попал в полную зависимость от судеб одного или немногих предприятий, в которых он закрепил свои средства: в такую зависимость, при которой крах этих предприятий во время кризиса неминуемо увлек бы за собою и банк.

Обращаясь к исследованию особых причин, затрудняющих возникновение банкового кризиса, следует упомянуть прежде всего, что спекуляция — притом и спекуляция с товарами и спекуляция с фондами — очень много утратила в своей широте и значении. Под спекуляцией с товарами мы разумеем здесь не только биржевую спекуляцию, но прежде всего ту спекуляцию товарной торговли, тот спрос на товары со стороны торговцев, которые вытекают из ожидания дальнейшего повышения цен, и то образование относительно крупных товарных запасов, которое диктуется желанием сократить предложение и создать дальнейшее повышение цен. Эта спекуляция отодвигается на задний план с устранением торговли вообще, с ростом прямых сношений между производителями и потребителями и с превращением торговцев в получающих строго определенную провизию агентов

синдиката или треста. Этим до известной степени устраняются такие явления, что во время повышающейся конъюнктуры торговля спекулятивно поднимает цены далеко выше уровня, определяемого производителями, и что получается иллюзия оживленного сбыта в то время, как действительный сбыт на практике уже испытывает заминку [1]).

Там же, где оптова торговля — а только о ней и может итти речь в данной связи — не утратила своего прежнего положения в пользу промышленности и товарных отделений крупных банков она сама обнаруживает сильную концентрацию и значительно ограничивает роль капиталистически слабых или совершенно посторонних элементов. Если же вследствие особых условий биржевая товарная торговля кое-где еще играет видную роль, движение спекуляции все более подчиняется банками, к которым вследствие развития кредитной организации все более переходит распоряжение совокупным денежным капиталом, и которые могут не допустить этого движения дальше известных границ.

Наконец, на ограничение товарной спекуляции оказывает воздействие развитие средств транспорта, сильно сокращающее расстояние от рынка как-раз тех товаров, на которые в особенности набрасывается спекуляция, и развитие организации сообщений, во всякий момент осведомляющей о состоянии рынков. Становится много затруднительнее такое явление, что производство продолжается в прежних или даже увеличенных размерах, в то время как на отдельных рынках склады уже переполнены товарами. Далее, вследствие сокращения относительной доли, приходящейся на средства потребления, меньшую роль играет теперь спекуляция колониальными продуктами, которая часто имела столь роковое значение при прежних английских кризисах; в том же направлении действует надежность и регулярность подвоза, точность и быстрота сообщений о состоянии рынка. К этому присоединяется еще одно обстоятельство: значение товарной спекуляции падает по мере того, как все более увеличиваются размеры тех промышленных отраслей, которые производят средства производства: продукты этих отраслей не подлежат спекуляции, так как производство здесь все больше становится производством на заказчика.

---

[1]) Постольку для современных отношений нуждается в ограничении следующее замечание Маркса: „При современной кредитной системе он (купеческий капитал) располагает большей частью всего денежного капитала общества, так что он может повторять свои закупки, прежде чем раньше купленное окончательно продано... Кроме актов Т—Д и Д—Т, вытекающих из самой природы товара, здесь создается фиктивный спрос... Отсюда то явление, наблюдаемое в кризисах, что они сначала обнаруживаются и разражаются не в розничной торговле, которая имеет дело с непосредственным потреблением, а в сферах оптовой торговли и банков, которые предоставляют в ее распоряжение денежный капитал общества“ („Капитал“, III, стр. 281).

В том же направлении,—т. е. затрудняя возникновение банковых кризисов,—действуют перемены в явлениях промышленного кризиса, а также развитие господства банков над промышленностью. Мы видели, что растущая концентрация промышленных предприятий повышает их способность к сопротивлению против крайнего действия кризисов, против полного банкротства. Эта способность к сопротивлению повышается организационной формой акционерного общества, которая, как мы видели, до чрезвычайности увеличивает влияние банков на промышленность. В самом деле, акционерная форма повышает способность предприятия к сопротивлению. Она делает возможным продолжение производства даже в тех случаях, когда оно не дает дохода или даже дает убытки, потому что приток капитала осуществляется здесь с большею легкостью, чем в единоличном предприятии. Во-вторых, при акционерной форме легче составить запасный капитал и в хорошие годы подготовиться к плохим. В-третьих, применение средств и прежде всего применение занятого капитала легче подвергается здесь контролю, который приобретает поэтому более строгий характер. Банки непосредственно контролируют применение капитала в обществах, которые они поддерживают своим кредитом. Контроль осуществляется все с большею систематичностью по мере того, как развертываются тенденции, ведущие к зависимости промышленности от банков. Банки препятствуют тому, чтобы кредит употреблялся на что-либо иное, кроме нужд предприятия. В прежних кризисах крупную роль играло то обстоятельство, что индивидуальные предприниматели принимали выдающееся участие в спекуляции и затрачивали на нее капитал своего предприятия, которое в таком случае приходилось вести дальше с помощью ссудного капитала. Банк подчиняющий предприятие своему контролю, полагает этому конец.

Только при доктринерском взгляде на вещи можно выступать, как против опасности для банков, против этого проникновения банков в промышленность, об'ективно необходимого и неминуемого потому, что оно вытекает из законов капиталистического развития; и только при таком же взгляде можно признавать идеалом организационно-отсталые английские банки с их разделением труда между депозитными банками и спекуляционными банками и рекомендовать, коли пошло на то, осуществление этого идеала при помощи законодательного принуждения. Такая концепция, во-первых, внешнюю видимость английских банков принимает за действительность: она не замечает, что в Англии банки тоже предоставляют стягиваемые ими деньги в распоряжение промышленности, торговли и спекуляции. И лишь определенными историческими причинами об'ясняется тот факт, что в Англии это осуществляется при помощи посредников, а в Германии (в несколько модифицированной форме и в Соединенных Штатах) непосредственно банками [1]). Но английская система характеризуется отсталостью, да и вообще исчезает, потому что при ней затрудняется контроль над способом употребления ссуженного банкового капитала, а потому и самое расширение банкового кредита.

Наконец—и здесь мы можем удовольствоваться простым указанием на изложенное в главе о бирже—спекуляция с фондами тоже играет все меньшую роль в качестве момента, обусловливающего банковый кризис. С возрастанием силы банков последние все более подчиняют себе движения спекуляции, вместо того, чтобы, как было раньше, подчиняться движениям спекуляции. С уменьшением общего значения биржи еще быстрее уменьшается ее роль как причины, обостряющей кризис.

Параллельно уменьшению роли спекуляции, изменяется и психология капиталистической публики. Психология спекулянта очень примитивна, хотя его почитатели и стараются раскрыть в ней пророческие способности и романтические порывания к всемирному реформаторству. В действительности те перемены которые произошли в поведении спекулирующей публики, достаточно об'ясняются общим местом нормального капиталистического человека: век живи, век учись,—и кончишь не по-прежнему глупым. Кажется, невозвратно миновали те массовые психозы, как порождавшиеся спекуляцией в начале капиталистической эры, те блаженные времена, когда всякий спекулянт чувствовал себя богом, творящими мир из ничего. Ажиотаж с тюльпанами, со своей столь идиллической подоплекой, как поэтическая любовь к цветам, шарлатанство с южно-морскими акциями, окруженное авантюристски-возбуждающей фантастикой неслыханных открытий, проекты Лоу с его перспективами завоевания мира,—все это оттесняется откровенною охотой за дифференциальной прибылью, но и она заканчивается крахом 1873 г. С того времени исчезла вера в чудотворную силу кредита и биржи; вопреки Бонту, красивый католический культ уничтожен трезвенным просвещением, которое не хочет уже верить в непорочное зачатие от духа спекуляции, и принимает естественное, как естественное, и предоставляет веру глупцам, которые еще не все исчезли. Биржа растеряла своих верующих и сохранила только жрецов, которые из веры других делают свой гешефт. Так как вера превратилась в гешефт, то гешефты с верой все более сокращаются. Возвышающее и доходное сумасбродство улетучилось, тюльпаны давно отцвели, а кофейное дерево доставляет лишь торговую прибыль, но не дает настоящего спекулятивного барыша. Проза убила поэзию прибыли.

---

[1]) Это нисколько не изменяется от того, что иногда между банком и предприятием вклинивается собственно учредительское общество (трестовая организация); последнее остается в непосредственной зависимости от банка.

Приведенные моменты знакомят с причинами, которые приводят к перемене в явлениях кризиса, поскольку последние обусловливаются массовым характером банкротств, острыми явлениями биржевого, банкового, кредитного и денежного кризиса. Эти моменты отнюдь не исключают возникновения таких кризисов, но они об'ясняют, почему эти кризисы возникают с большим трудом. Наступают ли они в действительности, зависит от серьезности нарушений и того, насколько внезапно они наступают. Велики ли они, серьезны ли, напр., настолько, чтобы привести к краху крупных банков Германии,—предполагая, разумеется, нормальное руководство,—это quaestio facti, а не вопрос, решаемый теоретически. Но все эти моменты не имеют никакого касательства к наступлению самого промышленного кризиса, к смене процветания и депрессии. Однако, остается вопрос: не внесли ли качественных изменений в явления конъюктуры монополии сопряженные, как утверждают, с уничтожением регулирующей силы капиталистического механизма, с уничтожением свободной конкуренции?

Мы знаем, что картели могут создать передвижку в уровне цен. Они создают различия в уровне прибыли картелированных и некартелированных отраслей производства. На этом изменившемся базисе разыгрываются потом уже все явления конъюктуры которые, в свою очередь, претерпевают благодаря картелям известные модификации. Но картелям приписывалось, да отчасти и теперь приписывается совершенно иное действие. Они будто бы знаменуют не просто модификацию тех действий, которые оказывают кризис: они будто-бы могут совершенно устранить кризисы, так как они в состоянии регулировать производство и во всякое время приспособлять предложение к спросу.

Это воззрение совершенно игнорирует внутреннюю природу кризисов. Только в том случае, если причину кризисов видят просто в перепроизводстве товаров, вытекающем из необозримости рыночных отношений, может показаться самоочевидным, что кризисы могут быть устранены посредством сокращения производства картелями.

Что кризисы тожественны с перепроизводством товаров, или что последнее является одною из „причин" кризисов, это представляется неопровержимою истиной. Это ведь осязательный факт, лежащий прямо на поверхности. Цены низки, потому что предложение выше спроса, следовательно, потому, что товаров оказывается слишком много, и всякий взгляд на рыночные бюллетени показывает, что товарные склады переполнены, что товары остаются непроданными, — что, следовательно, действительно имеется перепроизводство товаров. Но картели в состоянии предпринять ограничение производства для целой промышленной отрасли; то, к чему раньше приводил слепой закон цен, который

понижением цен вызывал приостановку и банкротство целого ряда производств, — это благословенное ограничение производства с несравненно большей быстротой и безболезненностью осуществляется теперь ассоциированным разумом картелированных руководителей производства. Более того. Так как картель может устанавливать цены, во всякий момент „нести попечение о согласовании спроса и предложения", так как он устраняет спекуляцию, точно контролирует и направляет торговлю, если только не берет ее прямо на себя—почему же нельзя было бы совершенно уничтожить кризисы точным приспособлением производства к потребностям и быстро, без серьезных потрясений устранять небольшие потрясения хозяйственной жизни?

Это — столь хорошо, что едва ли может быть так. Кто кризисы просто отожествляет с перепроизводством товаров, тот просматривает как-раз главную их причину: капиталистический характер производства. Продукты суть не только товары, но и продукты капитала, и перепроизводство во время кризиса есть не просто перепроизводство товаров, а перепроизводство капитала. Но это означает лишь одно: капитал вложен в производство в таком количестве, что условия его увеличения впадают в конфликт с условиями реализации, и потому сбыт продуктов уже не доставляет такой прибыли, которая делала бы возможным дальнейшее расширение, дальнейшее накопление. Сбыт товаров останавливается, потому что производство перестает расширяться. Поэтому, если капиталистический кризис просто отожествляют с перепроизводством товаров, то в анализе его останавливаются в самом начале. Что дело здесь не в простом перепроизводстве товаров, видно уже из того, что через некоторое время после кризиса рынок оказывается способным поглотить несравненно большее количество товаров. Всякий последующий период процветания значительно превосходит предыдущий, хотя ни прирост населения, ни рост того дохода, которым может располагать потребление, не в состоянии были бы об'яснить такого увеличения поглотительной способности. И в самом деле, здесь пред нами факторы совершенно иного порядка, чем потребительная способность.

Те нарушения регулирования цен, которые в конце-концов приводят к отношениям диспропорциональности, а следовательно, к противоречию между условиями увеличения стоимости и условиями ее реализации, не уменьшаются, а обостряются картелями.

Картели приводят, во-первых, к тому, что конкуренция в определенной отрасли производства прекращается, или, лучше сказать, приобретает скрытый характер, — к тому, что в этой сфере не обнаруживается понижающее цены действие конкуренции; во вторых, картели приводят к тому, что конкуренция кар-

телированных сфер идет на основе более высокой нормы прибыли, чем конкуренция некартелированных отраслей. Но картели ничего не могут изменить в конкуренции капиталов из-за сфер вложения, в действии накопления на образование цен, а потому не могут помешать и возникновению отношений диспропорциональности.

Мы видели, что в период процветания конкуренция в одной и той же же отрасли производства не оказывает понижательного действия на цены; спрос ведь выше предложения, а в таком случае конкуренция существует между покупателями, а не между продавцами.

Только в том случае, если предложение выше спроса, наступает конкуренция между продавцами, и цены начинают падать. Но из всего механизма производства следует, что картели следуют за складывающимися ценами, а не определяют их. Предположим, что в период процветания картели остаются при низких ценах: в таком случае не происходит ни повышения прибыли, ни роста накопления. Если бы цены картелированных отраслей оставались низкие, в то время как в некартелированных они повышаются, то капитал отливал бы от картелированной промышленности. Очень скоро наступило бы перепроизводство капиталах некартелированных, недопроизводство — в картелированных отраслях производства, резкая диспропорциональность, которая повела бы ко всеобщему кризису: кризис ведь возможен и при неизменяющемся, и даже при сокращенном производстве. В действительности уже задолго до этого картель оказался бы взорванным, потому что здесь он не удовлетворяет, а противодействует стремлению к прибыли, — значит, отпадает основной мотив его существования. Частичное регулирование, т.-е. об'единение отдельной отрасли промышленности в одно предприятие, не оказывает никакого влияния на отношения пропорциональности в промышленности, взятой как целое. Анархия производства не уничтожается количественным уменьшением отдельных элементов при одновременном усилении их деятельности и интенсивности последней; она вообще не уничтожается по частям или в известной постепенности. Урегулированное и анархическое производство, это — не количественные противоположности, так что, внося по частицам все более „регулирования", мы от анархии могли бы перейти к сознательной организации. Нет, такой поворот может произойти только разом, посредством подчинения всего производства сознательному контролю. Кто осуществляет этот контроль и кому принадлежит производство, это — вопрос власти. Экономически был бы мыслим всеобщий картель, который руководил бы всем производством и таким образом устранил бы кризисы; он был бы мыслим экономически, хотя социально и политически такое

состояние является делом невозможным, так как антагонизм интересов, доведенный им до крайних пределов, неизбежно привел бы его к крушению. Но если ожидают уничтожения кризисов от единичных, отдельных картелей, это свидетельствует лишь о непонимании как действительных причин кризисов, так и общей связи капиталистической системы.

Итак, картели не могут воспрепятствовать возникновению кризисов; в такой же мере не могут они избежать их действия. Конечно, если отожествить кризис с перепроизводством товаров, то средство помощи было бы очень простое. Картель сокращает производство, следовательно, ускоренным темпом, быть может, даже в усиленной степени, осуществляет то самое, что кризис и так осуществил бы, вызвав ряд банкротств и сокращение работы в предприятиях. Социальные последствия, именно безработица и понижение заработной платы, конечно, остались бы те же самые. Но картелированные капиталисты могли бы удерживать цены на высоком уровне, так как предложение было бы сильно ограничено. Цены сохранились бы высокие, прибыль, правда, уменьшилась бы, потому что сократился бы сбыт, и издержки производства относительно возросли бы. По истечении некоторого времени рынок казался бы способным поглотить избыточные продукты, и вновь наступило бы процветание. Однако, эта аргументация в равной мере элементарна и ошибочна. Предпосылками возрождения процветания являются два условия: во-первых, восстановление пропорциональности, необходимое для того, чтобы окончилась депрессия, и, во-вторых, расширение производства, ибо только оно и означает процветание. Но описанная картельная политика как-раз затруднила бы наступление этих условий. Ограничение производства знаменует, что перестают вкладываться новые капиталы; удержание высоких цен обостряет действие кризиса для всех некартелированных или не так прочно картелированных отраслей промышленности. Здесь прибыль понизится еще сильнее, — или убытки будут еще больше, — а потому здесь будет вынуждено еще более сильное ограничение производства. Благодаря этому диспропорциональность в свою очередь лишь еще больше усилится. Сбыт картелированной промышленности пострадает еще больше: окажется, что, несмотря на сильное сокращение производства, „перепроизводство" еще продолжается и даже обострилось. Дальнейшее же ограничение производства знаменует увеличение остающегося бездеятельным капитала при неизменяющихся „общих расходах"; следовательно, дальнейшее повышение себестоимости, а потому новое сокращение прибыли даже при удержании высоких цен. Уровень их привлекает посторонних; они могут начинать дело при пониженных капитальных затратах и столь же пониженной заработной плате, потому что ведь все цены понизились,

поэтому они оказываются способными к конкуренции и начинают теснить картель. Картель уже не может удерживать прежние цены, и крушение их захватывает и картелированную промышленность. Таким образом в искусственное вмешательство вносится корректив, и образование цен следует законам, действие которых картели для себя тщетно старались устранить[1]). На основе новых условий образования цен совершается заново перераспределение капитала между различными сферами производства, и мало-по-малу вновь устанавливаются отношения пропорциональности. Депрессия осталась позади. Процветание может начаться, если технические новинки или новые рынки вызовут повышенный спрос, который поведет к применению нового производительного капитала, прежде всего — основного капитала.

Итак, картели не уничтожают действий кризиса. Картели модифицируют их постольку, что они перелагают тяжесть кризиса на некартелированные отрасли промышленности. Различие в норме прибыли между картелированными и некартелированными отраслями, которое в общем тем больше, чем прочнее картель и чем обеспеченнее его монополия, сокращается во время процветания и увеличивается во время депрессии. В первое время кризиса и депрессии картель может также удерживать прибыль на повышенном уровне дольше, чем свободные отрасли промышленности, и тем обострять для них действие кризиса. Это — обстоятельство немаловажное потому, что как-раз во время кризиса и в первое время после него положение промышленников наиболее тяжелое, и самостоятельность их подвергается наибольшей опасности. А если как-раз в это время картельная политика не допускает для них никаких облегчений, напр., в виде понижения цен необходимых для них сырых материалов и т. д., то это обстоятельство имеет свое значение в том смысле, что оно еще больше ухудшает положение некартелированных отраслей промышленности и приводит к ускорению их концентрации.

---

[1]) Изложенное в тексте иллюстрируется действиями стального треста. В 1907—1908 гг. он до крайних пределов ограничил свое производство, чтобы удержать цены на высоком уровне. Прошел год, — и железный рынок испытал развал, и увлек в этот развал и все другие металлические рынки.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.

Экономическая политика финансового капитала.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Поворот торговой политики.

Финансовый капитал знаменует унификацию капитала. Ранее раздельные сферы промышленного, торгового и банкового капитала поставлены теперь под руководство финансовой аристократии, которая об'единяет в тесной персональной унии господ промышленности и банков. Основой самого этого об'единения является уничтожение свободной конкуренции для отдельного капиталиста крупными монополистическими об'единениями. Естественно вместе с тем изменяется и отношение класса капиталистов к государственной власти.

Буржуазная концепция государства возникает в борьбе против меркантилистской политики, в борьбе против централизованной и превилегированной государственной власти. Она является выразительницей интересов зарождающейся мануфактуры и фабрики, которые она противопоставляет привилегиям и монополиям, с одной стороны, крупных торговых и колониальных компаний, а с другой — по цеховому замкнутой ремесленной промышленности. Но борьбу против государственного вмешательства можно было вести лишь при том условии, если бы удалось показать, что такое государственное законодательство излишне и вредно для хозяйственной жизни. В противоположность законам государства, необходимо было раскрыть собственные законы хозяйства и их превосходство над государственным законодательством [1]).

[1]) Так как открытие экономических законов составляет содержание политической экономии, то борьба против меркантилистской экономи

Таким образом политика буржуазии базируется на политической экономии, и борьба против меркантилизма превращается в борьбу за экономическую свободу, а она расширяется в борьбу за свободу личности против государственной опеки. Здесь не место исследовать, каким образом эти воззрения развиваются в миросозерцание либерализма. Можно, пожалуй, отметить лишь одно обстоятельство; там, где, как в Англии, борьба за хозяйственную свободу увенчивается победой в эпоху, которая еще не знает современных научных воззрений, либерализм не вносит их в свою картину мира. Такой революционный переворот всех моральных и религиозных воззрений, как совершенный французским либерализмом, в Англии никогда не превращался в общее сознание народа; но зато, наоборот, экономический либерализм в Англии проложил себе дорогу с большею силою, чем где-либо на континенте.

Однако, и в Англии победа laisser faire не полная: она не распространяется на область банкового дела, и теория банковой свободы побеждается практическими потребностями господ Banc'a of England. Еще меньше влияние теории манчестерцев на фактический ход иностранной политики: в XIX веке она столь же беспрекословно подчиняется директивам английской мировой торговли, как подчинялась им в XVII и XVIII веках. На континенте практика целиком исчерпывается проведением свободы промышленности и остается максимой внутренней политики, между тем как торговая политика совершенно естественно остается протекционистской. Ведь английская фритредерская политика основывалась на первенстве капиталистического развития и на вытекавшем из этого техническом и экономическом превосходстве английской промышленности. Этим первенством Англия была обязана не только естественным причинам, хотя и они сыграли важную роль. Именно, пока современная система транспорта оставалась неразвитой, решающее значение приобретали водный транспорт и экономия расходов транспорта, вытекавшая из того обстоятельства, что руда и уголь встречались в одних и тех же местах. Но при всем том не следует забывать, что капиталистическое развитие есть накопление капитала, и что Англия более быстрым темпом накопления обязана в значительной степени, с одной стороны, исходу столкновений с Испанией,

ческой политики становится одной из мощных движущих пружин в развитии теоретической экономии. Другим побуждением, возникшим раньше и с еще большею непосредственностью идущим до самого корня, были усилия решить кардинальную проблему экономического законодательства в начале современного капитализма: именно, вопрос о правильной денежной системе. Петти, поставив проблему денег, сделался основателем классической экономии, потому что она непосредственно приводит к проблеме стоимости, т.-е. к основному закону политической экономии.

Голландией и Францией из-за господства на море и вместе с тем из-за господства над колониями, с другой стороны — быстрой пролетаризации вследствие победы крупного землевладения над крестьянами.

Промышленное первенство Англии повышало заинтересованность Англии в свободной торговле, как раньше первенство капиталистического развития Голландии заставило ее усвоить фритредерскую политику [1]). Во внутренних отношениях развитие промышленности, рост населения и его концентрация в городах очень скоро привели к тому, что общественное сельско-хозяйственное производство оказалось недостаточным. Вследствие этого цена хлеба определялась издержками транспорта, очень высокими в то время, до переворота в транспортном деле, и таможенными пошлинами, оказавшими свое действие потом, после этого переворота. Впрочем, уже в переходное время, когда случалось, что хорошие урожаи делали ввоз излишним, а плохие — до чрезвычайности повышали его, землевладельцы, пользуясь системой вывозных премий, умели создавать время от времени голодные цены, а узкий базис английской денежной системы приводил к тому, что за вздорожанием средств существования каждый раз следовал денежный кризис. Вся эта система находилась в вопиющем противоречии с промышленными интересами; фабриканты могли не опасаться ввоза иностранных промышленных продуктов, потому что их предприятиям принадлежало решительное техническое и экономическое превосходство. Но хлебные цены были важнейшим элементом „цены труда“. Последняя же играла в издержках производства для промышленников тем более видную роль, что органический состав капитала был еще низок, а потому доля живого труда в общей стоимости продукта была относительно велика. И вот открыто высказываемым мотивом английской кампании против таможенных пошлин сделалось уменьшение издержек производства удешевлением сырого материала, с одной стороны, цены рабочей силы—с другой.

1) „Расцвет голландской супрематии в торговле и мореплавании относится к эпохе от основания Ост-Индской компании до войн с Кромвелем и Карлом II и охватывает 1600 — 1675 гг.; в конце этого периода Кольбер определял весь торговый флот европейских государств цифрою в 20.000 морских судов, из которых 16.000 приходилось будто бы на одних голландцев, которых поэтому называли транспортерами Европы. Создано было неизмеримое колониальное царство в Азии, в Южной и Северной Америке, в Африке, возникло огромное страховое дело; амстердамская биржа была первою биржей, там был мировой рынок денег, низкий уровень процентов за них, в свою очередь, постоянно шел на пользу промышленности и торговле. Никакая другая нация не могла сравняться с голландцами в рыболовстве, включая сюда ловлю сельдей и китов. Торговая политика была либеральнейшая для того времени. Не было таких конкурентов, которых приходилось бы опасаться Голландии“. Sartorius, loc. cit., стр. 369.

Точно так же английский промышленный и торговый капитал был заинтересован в том, чтобы и в других странах была свободная торговля, но он мало был заинтересован в обладании колониями. Поскольку они представляли рынки сбыта для промышленных продуктов и рынки для приобретения сырого материала, Англии не приходилось считаться с какой-либо заслуживающей внимания конкуренцией, раз только эти области стояли под режимом свободной торговли. Перед пропагандой свободной торговли отступало на задний план требование активной колониальной политики, которая стоила очень дорого, повышала налоги и ослабляла парламентский режим в метрополии. Как бы то ни было, отказ от колоний остался платоническим требованием радикальных фритрэдеров: важнейшая колония, Индия, имела значение не только как рынок. Господство над нею обеспечивало крупному и влиятельному классу богатые доходы в качестве „дани за хорошее управление“ [1]). К тому же на этом важном рынке „безопасность“ была условием сбыта, и казалось сомнительным, не поведет ли отказ Англии от господства к возрождению старых конфликтов, которые понизили бы возможность сбыта [2]).

Совершенно иначе складывались торгово-промышленные интересы на континенте. Здесь прежде всего земледельческие поставщики сырых материалов, экспортирующие землевладельцы были фритрэдерами, потому что свободная торговля увеличивала сбыт их собственных продуктов и удешевляла приобретение промышленных продуктов. Интересы промышленников были прямо противоположные. Об охранительных пошлинах на сельскохозяйственные продукты не было и речи. Но подавляющая английская конкуренция тормозила и замедляла собственное промышленное развитие. Все дело, казалось, в том, чтобы только

[1]) Сумма одних только пенсий, ежегодно притекающих из Индии в Англию, а настоящее время исчисляется в 320 миллионов марок в год. К этому присоединяются огромные суммы на оплату английских чиновников, на содержание армии и на ведение некоторых английских колониальных войн в Азии.

[2]) „Напротив, вопреки Кобдену, Англия не отказалась от своих собственных колоний. Руководящий либеральный государственный деятель тех дней, лорд Джон Рессель, вероятно, выразил мнение своей партии, заявив, что время отказа от них еще не пришло. А пока что Англия должна прилагать все меры к тому, чтобы воспитать колонии к самоуправлению. Под влиянием манчестерской теории Англия, действительно, отреклась от прежнего взгляда, по которому колонии представляли полезное владение. Еще сэр Роберт Пиль говорил: „Во всякой нашей колонии мы получаем вторую Ирландию“. Англия строила в это время свои отношения к заморским колонистам на принципе добровольности и дала им парламентское устройство. Таким образом манчестерцы, вовсе не желая того, оказались основателями новой британской империи, которую не удалось бы сплотить военною силой“. Schultze-Gävernitz, „Der britische Imperialismus“, стр. 75.

преодолеть первоначальные затруднения: справиться со всеми препятствиями, которые вытекали из отсутствия обученных рабочих, заведующих мастерскими и инженеров, устранить техническую отсталость, создать коммерческую организацию, оказать содействие развитию кредита, ускорить пролетаризацию посредством подавления ремесла конкуренцией и посредством разложения старого крестьянского хозяйства: коротко говоря, навертать все, что служило основой для превосходства Англии. К этому присоединялись фискальные интересы в повышении таможенных доходов, имевшие еще большее значение, чем в настоящее время: в ту эпоху система косвенного обложения стояла лишь на первых ступенях своего развития, и ее выработке натурально-хозяйственный строй обширных стран ставил непреодолимые препятствия. Таможенные доходы континентальных государств, поскольку они получались от обложения промышленных продуктов, в тот период, повидимому, не были вредны в народно-хозяйственном отношении. Конечно, внутреннему потребителю за продукт, напр., английской промышленности приходилось платить дороже на всю сумму пошлины, но эта разница попадала в государственную кассу. Напротив, в настоящее время протекционизм приводит к тому, что кроме сумм, поступающих в государственную казну, внутренние потребители должны еще уплачивать огромные суммы промышленникам и землевладельцам. Наоборот, в современной Англии на первый план начинают выступать между прочим и фискальные интересы, потому что система налогов, достигшая к нашему времени выработанности, при данном отношении политической силы классов может быть усовершенствована лишь с большим трудом и должна преодолеть очень серьезное сопротивление.

Что касается колониальных владений, и здесь колониальным государствам приходилось опасаться подавляющей английской конкуренции, поскольку они уничтожили охранительные таможенные барьеры и привилегии.

Таким образом таможенная политика промышленных классов на континенте и в Англии усвоила различное направление, что об'ясняется промышленной гегемонией английского капитализма. Теоретическое оправдание континентальной и американской системы охранительных пошлин дали Кэри и Лист. Система Листа отнюдь не является опровержением фритрэдерской теории, как ее формулировал, напр., Рикардо. Система Листа, это — экономическая политика, которая только и сделает возможною систему свободной торговли, открыв возможность развития такой национальной промышленности, для которой наиболее соответствующей является система свободной торговли. Воспитательные пошлины Листа должны были служить исключительно этой цели; поэтому Лист требовал низких пошлин, которые должны были просто вы-

равнять разницу между первенством Англии и отсталостью Германии,—и требовал пошлин только на время, так как его политика должна была привести к тому, чтобы пошлины сделались, наконец, излишними.

Эта таможенная политика развивающегося капитализма превращена в свою полную противоположность таможенной политикой развитого капитализма.

Система Листа была осознанно системою капиталистически отсталых стран. Но закон гетерогенности целей и здесь еще раз проявил свое действие. Не страна свободной торговли, не Англия, а Германия и Соединенные Штаты, страны охранительных таможенных пошлин, сделались образцовыми странами капиталистического развития, если принять за его масштаб степень централизации и концентрации капитала, т. е. уровень развития картелей и трестов, господства банков над промышленностью, — коротко, ту ступень, которой достигло превращение всякого капитала в финансовый капитал. В Германии быстрый под'ем промышленности по уничтожении внутренних таможенных границ и в особенности по основании империи привел к полной передвижке торгово-политических интересов. Прекращение вывоза сельскохозяйственных продуктов превратило землевладельцев в защитников протекционизма. С ними соединились промышленники, тоже заинтересованные в таможенных пошлинах; и как-раз представители тяжелой промышленности, особенно железной промышленности, потребовали охранительных пошлин против преобладающей английской конкуренции. Это была отрасль промышленности с высоким органическим составом капитала, ей легко было снести повышение цен на средства существования, которое к тому же оставалось еще умеренным и уничтожалось в своих действиях начинающейся американской аграрной конкуренции. С другой стороны, промышленность до чрезвычайности страдала от последствий кризиса. Английская конкуренция была тем тягостнее, что германская железная промышленность отставала от английской по причинам естественно-технического свойства, в особенности до изобретения способа удалять фосфор из чугуна. Сюда присоединилось и то обстоятельство, что преимущества раннего развития в особенности трудно наверстать как-раз в промышленных отраслях с очень высоким органическим составом и, в связи с этим, с особенно крупными размерами основного капитала. За протекционизм же была известная часть и банкового капитала, который в Германии уже очень рано, с самого начала, был тесно связан с развитием тяжелой промышленности. Противниками протекционизма была та часть промышленного капитала, которая была вложена в экспортные отрасли промышленности, и торговый капитал. Победа охранительных пошлин в 1879 году знаменовала начало поворота в функциях протекционизма, который из воспитательного протекционизма мало-по-малу превращается в карательный протекционизм [1]).

Не подлежит никакому сомнению, что устранение иностранной конкуренции до чрезвычайности благоприятствует образованию картелей. Прямо, — потому что уменьшение числа конкурентов облегчает их об'единение. Косвенно,—потому что в этой стадии охранительные пошлины выдвигались в Европе и в Соединенных Штатах мощными капиталистами из сферы производства сырых материалов и полуфабрикатов, и, следовательно, уже по своему источнику и конкретным формам обычно оказывались более благоприятными для этих отраслей промышленности, чем для тех, которые производили готовые фабрикаты для экспорта и вынуждены были конкурировать на мировом рынке с продуктами Англии, издержки производства которых не повышались охранительными пошлинами. Это обстоятельство благоприятствовало развитию именно тех промышленных отраслей, которые служат производству средств производства, и отдарало в их распоряжение весь капитал, какой только требовался для их технического оборудования, ускоряло их движение к высокому органическому составу, а вместе с тем их концентрацию и централизацию, и таким образом создавало предварительные условия, необходимые для их картелирования.

И это же самое обстоятельство, коренившееся первоначально в отсталости капиталистического развития Германии, сделалось в конце концов причиною организационного превосходства германской над английской промышленностью. Английская промышленность, так сказать, органически из мелких ростков мало-помалу развилась до своей позднейшей величины. Из сотрудничества и мануфактуры получалась фабрика, а последняя развилась прежде всего и главным образом в текстильной промышленности. промышленности, которая требовала относительно не так уже крупного капитала. В организационном отношении дело остановилось в основных чертах на единоличном предприятии. Доминировало не акционерное общество, а индивидуальный капиталист, и капиталистическое богатство оставалось в руках индивидуальных промышленных капиталистов. Таким образом с ускорением темпа развития мало-по-малу складывался класс богатых, обладающих крупными капиталами промышленных предпринимателей, собственностью которых были промышленные заведения. Позже, в особенности с развитием крупных транспортных пред-

[1]) См. Rudolf Hilferding, „Der Funktionswandel des Schutzzolles“, „Neue Zeit“, XX, 2, и Robert Liefmann, „Schutzzoll und Kartelle“. Jena' 1903. Многочисленные иллюстрации у Hermann Levy, „Einfluss der Zollpolitik auf die wirtschaftliche Entwicklung der Vereinigten Staaten“, Conrads Jahrbücher 1909, и „Entwicklungsgeschichte einer amerikanischen Industrie“, Conrads Jahrbücher 1905.

приятий, когда большее значение приобрели акционерные общества, акционерами делались главным образом опять-таки эти крупные промышленники. В эти акционерные общества вкладывался, значит, опять-таки капитал, промышленный по способу своего возникновения и по личности своих собственников. Подобно промышленному и торговому капиталу, банковый капитал и тот капитал, который занимался эмиссионной деятельностью, тоже был исключительно в руках отдельных капиталистов; акционерные же банки обслуживали только оборотный кредит и, следовательно, не оказывали на промышленность сколько-нибудь серьезного влияния. То же надо сказать и о тех банкирах, которые занимались эмиссионной деятельностью, — и потому как бы переставали быть банкирами и превращались, хотя бы отчасти, в промышленников. Такого сосредоточения капитала в руках индивидуальных капиталистов,—следствие раннего и, так сказать, органического развития английского капитализма,—не наблюдалось на континенте, равно как и в Соединенных Штатах. Кроме того, крупные суммы, притекавшие из колоний и особенно из Индии, а также являвшиеся в результате использования торговых монополий Англии, тоже накоплялись в руках отдельных капиталистов; этого совершенно не было в Германии и Америке.

Впоследствии, когда в Германии Таможенным Союзом, а потом основанием империи были, наконец, устранены политические помехи капиталистическому развитию, и когда для капитализма открылась свободная дорога, капиталистическому развитию Германии, разумеется, не было нужды поздним числом проходить ступени английского развития. Напротив, главное стремление сводилось к тому, чтобы сделать для своей страны исходным пунктом по возможности ту ступень, которая в техническом и экономическом отношениях уже была достигнута передовой страной. Однако, в Германии не было того накопления капитала в руках отдельных лиц, которое, если предприятие остаётся единоличным предприятием, необходимо для того, чтобы в высоко развитых отраслях промышленности вести производство в масштабе, достигнутом Англией. Таким образом акционерное общество, кроме тех функций, которые общи его как германской, так и английской форме, выполнило и еще одну функцию: оно послужило средством для того, чтобы доставить тот необходимый капитал, каким, вследствие недостаточного накопления, не располагал не только ни один отдельный промышленный капиталист, но и весь класс промышленных капиталистов, взятый как целое В Англии акционерное общество, особенно при своем зарождении, об'единяло главным образом богатых капиталистов, напротив, акционерное общество в Германии должно было дать в распоряжение промышленников и необходимый капитал: доставить для их предприятий деньги других классов. Но это непосредственным выпуском акций осуществимо далеко не в таких размерах, как при посредстве банков, в которых конструируются и потом могут быть переданы в распоряжение промышленности не только все бездеятельно лежащие деньги самих капиталистов, но и деньги других классов. Та же причина, которая благоприятствовала акционерной форме в промышленности, обусловливала и возникновение банков в форме акционерных банков. Значит, перед германскими банками с самого начала была задача — доставить в распоряжение промышленных акционерных обществ Германии необходимый капитал, т.-е. озаботиться об организации не только оборотного, но и капитального кредита. Следовательно, в Германии и — отчасти в видоизмененных формах — в Соединенных Штатах отношение банков к промышленности должно было оказаться с самого начала совершенно иным, чем в Англии. Если сначала это отличие вытекало из относительно отсталого, позже начавшегося капиталистического развития Германии, то, наоборот, такая тесная связь между промышленным и банковым капиталом сделалась потом для Германии и Америки важным моментом в развитии к высшим организационным формам капитализма [1]). Это совместное действие протекционистской политики и финансирования промышленности банками, при быстром темпе

[1]) Что во Франции развитие в аналогичном направлении прекратилось,—а начало ему положило учреждение Credit mobilier,—это явление об'ясняется теми же причинами, которые вообще воспрепятствовали промышленному развитию Франции. Сюда относится неблагоприятное для капиталистического развития распределение земельной собственности с ее последствиями, системой пары детей (Zweikindersystem) и отсутствием достаточной промышленной запасной армии, чрезмерная протекционистская политика и чрезмерный вывоз капитала; причинами же последнего является сильное развитие рантьерства, базисом которого служит мелкая буржуазия, мелкое крестьянство и промышленность, производящая предметы роскоши.

Показание Alexander'a в „Deutsche Börsenenquete“ (Theil I, стр. 449) освещает связь между национализацией капитала и между усилением влияния банков на промышленность вследствие недостаточности собственного капитала у германских промышленников. Согласно его данным, еще недавно (1892 г.) целый ряд угольных шахт, как, напр., Herne, Bochum и т. д., находился во владении французских и бельгийских акционеров. В то же время совершалась концентрация шахт. Посредничество в покупке акций взяли на себя банковые учреждения, так как у самих компаний не было для этого свободных средств. Банки могли пойти на это лишь потому, что, как они были уверены, при помощи сделок на срок удастся отделаться от этих бумаг, в которых они закрепили свои средства.

Вообще говоря, можно думать, что ослабление бирж законодательными ограничениями и особенно ограничение сделок на срок имеет тенденцию усиливать влияние банков на промышленность; последней тогда в большей степени приходится прибегать к содействию банков, чем это было бы при энергично функционирующей бирже. В самом деле, влияние германского биржевого законодательства оказалось очень кстати для крупных банков.

промышленного развития, скоро должно было создать те тенденции к картелированию, которые, в свою очередь, выдвинули новые протекционистские интересы: картелирование изменило самую функцию охранительных пошлин.

Задачею старых охранительных пошлин было, кроме компенсации за те или иные неблагоприятные естественные условия, ускорить возникновение промышленности в охраняемых границах. Развивающуюся туземную промышленность они должны были охранить от опасности оттеснения или уничтожения непосильной конкуренцией уже развитой иностранной промышленности. Поэтому требовался лишь умеренный уровень таможенных пошлин, как-раз достаточный для того, чтобы компенсировать превосходство заграничной промышленности. Для этого им незачем было быть запретительными, так как туземная промышленность еще не могла удовлетворить всего спроса. И прежде всего протекционизм мыслился как временный. Едва лишь он исполнит свою функцию „воспитательного протекционизма“, едва лишь туземная промышленность разовьется настолько, что она может удовлетворить туземные потребности и будет способна работать для вывоза, как охранительные пошлины утратят свой смысл. Тогда они лишь тормозят развитие вывоза, потому что и другие нации побуждают к подобным же мерам. При системе свободной конкуренции их повышательное действие на цены прекращалось с того момента, когда охраняемая промышленность развивалась настолько, что уже покрывала туземный спрос и могла перейти к вывозу. В самом деле, при свободной конкуренции цена на охраняемом рынке в этот момент должна была сравняться с ценою на мировом рынке, так как благодаря сбережению издержек транспорта на сравнительно отдаленный заграничный рынок сбыт на внутреннем рынке был более выгоден, чем на внешнем, предложение же со стороны промышленности было равно туземному спросу или выше его. Поэтому охранительная пошлина по своему уровню была умеренная и по своей продолжительности — преходящая: она просто должна была в юношеский период той или иной промышленной отрасли помочь ей среди затруднений первых шагов.

Иначе обстоит дело в эпоху капиталистических монополий. Теперь за высокие охранительные пошлины выступают как-раз наиболее мощные, способные к экспорту отрасли промышленности. Их способность конкурировать на мировом рынке не подлежит никакому сомнению, следовательно, согласно старой теории, у них не должно бы быть никакого интереса к охранительным пошлинам. Конечно, предполагая господство свободной конкуренции, охранительные пошлины не оказывают никакого повышательного действия на цены с того момента, когда туземная промышленность оказывается способной вполне удовлетворять внутренний спрос. Но промышленный протекционизм был одним из самых

действительных средств, которыми ускорялось картелирование: во-первых, потому, что он затруднял иностранную конкуренцию [1]), а, во-вторых, потому, что картель давал возможность полностью использовать пошлину и в том случае, если даже промышленность развилась уже до способности к экспорту. Картель, контингентируя количество продукта, предназначенного для внутреннего потребления, исключает конкуренцию на внутреннем рынке. Устранение конкуренции сохраняет повышательное действие таможенных пошлин на цены и на той стадии развития, когда производство далеко превышает размеры внутреннего спроса. Таким образом картелированная промышленность получает серьезный интерес к тому, чтобы превратить охранительные пошлины в постоянные; они обеспечивают, во-первых, существование картеля и, во-вторых, позволяют продавать на внутреннем рынке картелированный продукт с дополнительной прибылью. Уровень этой дополнительной прибыли определяется размерами повышения внутренней цены над ценою на мировом рынке. Но разница эта зависит от уровня пошлин. Следовательно, стремление к повышению пошлины становится столь же безграничным, как стремление к прибыли. Таким образом картелированная промышленность непосредственно в величайшей степени заинтересовывается в количественных размерах охранительной пошлины. Чем выше пошлина, тем больше можно повысить внутреннюю цену над ценой мирового рынка; так из воспитательных пошлин получаются высоко охранительные пошлины. Друг торговых договоров, защитник постепенного понижения пошлин превращается в самого страстного и крайнего протекциониста.

Но картель выигрывает не только на тех охранительных пошлинах, которыми обложены производимые им самим продукты.

[1]) Конечно, фабриканты сознают, что свобода торговли оказывает такое действие: затрудняет образование картелей. В „Times“ от 10 октября 1906 г. один английский фабрикант предложил организовать картель английских электротехнических фирм. При этом сам предлагавший соглашался, что „в стране свободной торговли высокие цены и ограничение производства могут повести лишь к тому, что торговля перейдет в руки иностранных конкурентов“. Другой фабрикант ответил: „если бы у нас были охранительные пошлины, то мы могли бы сделать кое-что в том духе, как предложено в этом проекте, но мы по опыту знаем, что всякая попытка организовать комбинацию при существующих условиях безнадежна, так как невозможно будет удержать цены на уровне, предлагаемом вашим корреспондентом. Все мы страдаем от перепроизводства и будем впредь страдать от него, пока оно не будет устранено таким способом, что фабриканты или ограничат производство или совсем прекратят его“. Macrosty, loc. cit., стр. 319 и сл. Сам Макрости говорит там же, стр. 342: „Слабость всякой формы комбинации в Соединенном Королевстве вытекает из того, что беспрепятственно допускается иностранная конкуренция. Если бы удалось устранить ее, прочность комбинаций необыкновенно возрасла бы, и все условия проблемы изменились бы“.

Мы знаем, что границею картельной цены caeteris paribus является норма прибыли остальных промышленных отраслей. Если, напр., норма прибыли в машиностроительной промышленности повысится благодаря повышению пошлин на машины, то картели в сфере производства угля и железа могут повысить свои цены и таким образом присвоить себе некоторую часть, а при случае и всю дополнительную прибыль машиностроительной промышленности. Таким образом монополистические союзы оказываются заинтересованными в пошлинах не только на свои собственные продукты, но и на продукты тех отраслей, которые ведут дальнейшую переработку.

Итак, охранительная пошлина позволяет картелю получать дополнительную прибыль сверх той, которая достигается картелированием [1]), и дает им власть взимать с населения своего рода косвенный налог. Эта дополнительная прибыль происходит теперь уже не из той прибавочной стоимости, которую производят наемные рабочие картеля; не представляет она уже и вычета из прибыли других, некартелированных отраслей промышленности: нет, это — дань, наложенная на весь класс внутренних потребителей. В какой мере несут ее отдельные слои этих потребителей, представляет ли она in concreto вычет из земельной ренты, из прибыли или из заработной платы, и в какой степени представляет то, или другое, или третье, это зависит от конкретного соотношения сил и от природы того предмета, который удорожается картельной охранительной пошлиной, совершенно так же, как при переложении косвенных налогов, тяготеющих на сырых материалах промышленности и на средствах потребления. Повышение цен сахара, напр., сильнее затрагивает массу рабочих, чем повышение цены на сельско-хозяйственные машины или на мебель из гнутого дерева. Но каково бы ни было окончательное действие этих повышений, охраненная пошлинами картелированная промышленность во всяком случае захватывает часть общественного дохода, и это мощно ускоряет в ней накопление.

[1]) Насколько эта сама возможность становится мотивом картелирования, показывает то тяжелое потрясение, которое испытали германские и австрийские картели сахарозаводчиков, когда вследствие брюссельской конвенции пошлина на сахар была понижена до 6 франков. Например, австрийская пошлина в 22 кроны давала фабрикам, объединившимся в картель, дополнительную прибыль столь высокую, что она далеко перевешивала ту выгоду, которую могли бы получить даже величайшие и технически совершеннейшие фабрики, если бы они вступили в конкурентную борьбу и вытеснили сравнительно мелкие фабрики; это обстоятельство сделало их склонными к картелированию. В то же время много легче можно было примириться и с контингентированием производства, которое налагает сравнительно наибольшие жертвы как-раз на крупнейшие и технически совершеннейшие предприятия: высокой пошлиной и вытекающей из нее возможностью повышения внутренних цен более чем уравновешивались невыгоды контингентирования. Из этого видно, между прочим, насколько важна для картелирования не просто пошлина сама по себе, но также и размеры этой пошлины.

Но этот способ увеличения прибыли должен был получить тем более важное значение, что вследствие усиления рабочих организаций сделалось невозможным повышение нормы прибыли посредством увеличения абсолютной прибавочной стоимости,—удлинением рабочего времени и понижением заработной платы; наоборот, все больше усиливается противоположная тенденция. А если введение промышленных пошлин принесло с собою и повышение аграрных пошлин, это не имело особенного значения как-раз для тяжелых индустрий: вследствие высокого органического состава капитала, вздорожание рабочей силы не ложилось на них слишком большим гнетом, их позиция в борьбе с наемными рабочими до чрезвычайности сильная, а небольшое увеличение издержек производства, обусловливаемое аграрными пошлинами, более чем компенсируется той дополнительной прибылью, которая получается вследствие охранительных пошлин, если только уровень их достаточно высок.

Но повышение цены на внутреннем рынке имеет тенденцию уменьшать сбыт картелированных продуктов и, следовательно, впадает в противоречие с тенденцией к понижению издержек производства посредством расширения масштаба последнего. Где картели еще недостаточно сплочены, это может угрожать их существованию. Крупные, наилучше оборудованные производства, для которых сокращение сбыта картельною политикой становится невыносимым, снова открывают конкурентную борьбу, чтобы уничтожить сравнительно слабые производства и захватить их сбыт; тогда, по окончании борьбы, на новом базисе может возникнуть еще более сильный картель. Но если картель сильно сплочен, то он сужение внутреннего рынка постарается компенсировать усилением экспорта, который даст возможность продолжать производство в прежнем и, пожалуй, даже в возросшем масштабе. На мировом рынке картель, конечно, должен продавать по ценам мирового рынка. Если картель вообще характеризуется достаточной производительностью и способен экспортировать продукты,—а мы как-раз и предполагаем такой случай,—то его действительная цена производства (k+p) будет соответствовать цене на мировом рынке. Но картель может продавать и дешевле своей цены производства. Ведь на сбываемых на внутреннем рынке продуктах он выручает дополнительную прибыль, величина которой определяется уровнем таможенных пошлин. Поэтому часть своей дополнительной прибыли он может употребить на то, чтобы, вытеснив конкурентов, расширить арену своего заграничного сбыта. Если это удастся, он может при случае расширить свое производство, понизить издержки производства и, так как внутренняя цена остается прежняя, выручить новую дополнительную прибыль.

Тот же результат достигается картелем и в том случае, когда он из своей дополнительной прибыли уплачивает вывозные премии тем отечественным покупателям, которые экспортируют продукты картеля. При данных размерах хозяйственной территории и при данной величине внутреннего потребления, максимальная граница экспортной премии определяется здесь уровнем таможенных пошлин. При благоприятных же конъюнктурах картель может назначить эту премию много ниже, при случае совсем уничтожить ее и таким образом оставить у себя часть того определяемого конъюнктурой барыша, который иначе достался бы его клиентам. При неблагоприятных конъюнктурах, быть-может, и полной премии окажется недостаточно для того, чтобы компенсировать те убытки, которые несут эти клиенты от понижения цен на мировом рынке. История картелей снова и снова учит, насколько важно для их прочности удерживать в своем ведении и экспорт: заминка экспорта вследствие недостаточной выработанности системы премий снова и снова угрожает их существованию.

Но с развитием системы премий функция охранительных пошлин совершенно изменилась, даже превратилась в свою прямую противоположность. Из средства обороны против завоевания внутреннего рынка иностранной промышленностью таможенная пошлина стала средством завоевания иностранных рынков отечественной промышленностью, из оборонительного оружия слабого—наступательным оружием сильного.

Защитники английской свободы торговли видели в ней систему торговой политики, применимую отнюдь не только в Англии. Напротив, обобщение политики свободной торговли очевиднейшим образом лежало в интересах английской промышленности, которая таким образом обеспечила бы свою монополию на мировом рынке. Охранительные пошлины в других государствах знаменовали сокращение сбыта английских товаров. И здесь в настоящее время совершилась перемена в том смысле, что капитал преодолевает и эту границу. Конечно, введение или повышение таможенных пошлин в известной стране теперь, как и раньше, равносильно тому, что ограничивается возможность сбыта для страны, экспортирующей в первую, и, следовательно, создается препятствие для ее промышленного развития. Но охранительная пошлина знаменует для первой страны дополнительную прибыль,—и для промышленно-передовых стран это становится мотивом вывозить в чужую страну уже не товары, а самое производство этих товаров. Пока капитализм оставался неразвитым, такая возможность существовала лишь в сравнительно скромных пределах, отчасти потому, что государственное законодательство, вмешиваясь, ставило препятствия, отчасти потому, что еще не в достаточной мере сложились экономические предпосылки капиталистического производства,—отсутствовала государственная безопасность, отсутствовали рабочие силы, в особенности квалифицированные; все препятствия, которые удавалось преодолевать медленно и постепенно, и которые до чрезвычайности затрудняли перенесение капитала. В настоящее время эти помехи по большей части устранены. Таким образом для капитала развитой страны возможно преодолеть вредное действие протекционистской системы на норму прибыли, и средством для этого служит экспорт капитала.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Экспорт капитала и борьба за хозяйственную территорию.

В то время как система охранительных пошлин, получая всеобщее распространение, ведет к тому, что мировой рынок все больше разлагается на отдельные политически разграниченные хозяйственные территории, развитие в направлении к финансовому капиталу повышает значение размеров хозяйственной территории. Они всегда имели крупное значение для развития капиталистического производства [1]). Чем крупнее и населеннее известная хозяйственная территория, тем крупнее может быть производственная единица, тем, следовательно, ниже издержки производства, тем выше специализация внутри производств, что опять-таки знаменует понижение издержек производства. Чем обширнее хозяйственная территория, тем легче можно перенести центр промышленных отраслей туда, где имеются наиболее благоприятные естественные условия, где выше всего производительность труда. Чем обширнее территория, тем разнообразнее производство, тем более вероятности в том, что отдельные отрасли производства будут взаимно восполнять друг друга, и можно будет экономизировать издержки транспорта на ввоз извне. В большой территории легче уравниваются нарушения производства, вытекающие из передвижек в области спроса, из стихийных катастроф. Поэтому не подлежит никакому сомнению, что при развитом капиталистическом производстве свобода торговли, связав весь мировой рынок в единую хозяйственную территорию, обеспечила бы величайшую производительность труда и наиболее рациональное интернациональное его разделение. Однако, и при свободе торговли промышленность пользуется на своем собственном национально-государственном рынке известными преимуществами вследствие знакомства с нравами страны, привычками в области потребления, вследствие

[1]) См. Otto Bauer, „Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie“, „Marx-Studien“, Band II, стр. 178 и сл.

большей легкости понимания и в особенности благодаря той охране, которую дает ей относительная близость, а потому и экономия на издержках транспорта; меры тарифной политики могут еще больше усилить значение этих преимуществ. Напротив, иностранная промышленность наталкивается на известные препятствия, вытекающие из различий языка, права, валюты и т. д. Охранительные пошлины до чрезвычайности усиливают неблагоприятное влияние сравнительно мелкой хозяйственной территории: они тормозят вывоз, следовательно, сокращают осуществимую величину производственной единицы, противодействуют специализации и этим, равно как помехами рациональному международному разделению труда, повышают издержки производства. Величине своей хозяйственной территории, допускающей величайшую специализацию в размерах производств, прежде всего обязаны Соединенные Штаты тем, что они могли так быстро развиться в промышленном отношении даже при режиме охранительных пошлин. Чем меньше хозяйственная территория при развитом капиталистическом производстве, т. е. в эпоху, когда воспитательный протекционизм уже сделал свое дело, тем в общем более заинтересовано соответствующее государство в свободе торговли. Отсюда, напр., сильные фритредерские течения в Бельгии. К этому присоединяется еще одно обстоятельство: чем меньше территория, тем как бы одностороннее распределение естественных условий производительности, следовательно, тем меньше число способных к развитию промышленных отраслей, — тем сильнее заинтересованность во ввозе тех иностранных товаров, к производству которых менее пригодна собственная хозяйственная территория.

Напротив, протекционизм знаменует ограничение хозяйственной территории и потому является помехой развитию производительных сил: он сокращает масштаб промышленных производств, затрудняет специализацию и, наконец, тормозит интернациональное разделение труда, благодаря которому капитал обращается к тем отраслям производства, для которых в данной стране имеются наиболее благоприятные предпосылки. При современных высокоохранительных пошлинах это тем более важно, что таможенные ставки часто определяются не столько по соображениям о производственно-техническом положении отдельных промышленных отраслей, сколько являются результатом политической борьбы, исход которой определяется силой отдельных промышленных групп: от влияния последних на государственную власть в конечном счете зависит, какой характер приобретут таможенные пошлины. Но если протекционизм является помехой для развития производительных сил, а вместе с тем и для развития промышленности, зато для класса капиталистов он знаменует непосредственно повышение прибыли. Свобода торговли прежде всего затрудняет картелирование, отнимает у способных к картелированию отраслей промышленности их монопольное положение на внутреннем рынке, если только монополия не обеспечивается для них условиями транспорта (как в случае с углем) или естественной монополией (как в случае с германским производством кали). Вместе с тем отпадают и те дополнительные прибыли, которые получаются от использования картельно-охранительных пошлин.

Конечно, монополизация прогрессирует и без охранительных пошлин. Но, во-первых, тем ее тогда очень сильно замедляется, во-вторых, прочность картелей пониженная и, в-третьих, приходится опасаться сопротивления против интернациональных картелей, потому что в последних прямо видят тогда национально чуждые эксплоататорские силы.

Напротив, протекционизм обеспечивает национальный рынок за картелем и придает ему несравненно большую прочность не только устранением конкуренции, но и потому, что возможность использовать охранительную пошлину непосредственно является силой, толкающей к картелированию. Интернациональное картелирование, которое, несомненно, в конце концов, наступило бы и при свободе торговли, на основе концентрации, которая должна для этого уйти много дальше,—интернациональное картелирование тоже ускоряется протекционизмом, так как он облегчает организацию картелей в форме прежде всего разграничения областей сбыта, а потом в форме соглашений относительно цен: здесь дело сводится к об'единению не раз'единенных производителей на мировом рынке, как было бы при свободной торговле, а к об'единению уже упрочившихся национальных картелей. Протекционизм выдвигает в качестве контрагентов отдельные картели и, следовательно, чрезвычайно сокращает число участников. Протекционизм подготовляет базис для соглашений еще и в том отношении, что он с самого начала предоставляет национальный рынок национальным картелям. Но чем больше становится таких рынков, поставленных охранительными пошлинами вне конкуренции и предоставленных определенным национальным картелям, тем легче, во-первых, достигаются соглашения относительно свободных рынков, тем прочнее будет, во-вторых, и интернациональное соглашение, потому что разрыв его не сулит посторонним столь крупных успехов от конкуренции, как было бы при свободе торговли.

Таким образом здесь обнаруживаются двоякие противоположные тенденции. С одной стороны, охранительные пошлины становятся для картеля наступательным оружием в конкурентной борьбе, благодаря чему борьба на почве цен обостряется; в то же время он стремится усилить свою позицию в конкурентной борьбе, пользуясь применением политической силы государства, вмешательством дипломатии и т. д. С другой стороны, протекционизм упрочивает национальные картели и таким образом

облегчает возникновение интеркартельных образований. В результате этих тенденций интернациональные соглашения представляют скорее перемирие, чем прочное соглашение: всякая передвижка в протекционистском вооружении, всякая перемена в соотношении рынков отдельных государств изменяют основу соглашений и делают необходимыми новые договоры. Более прочные образования возникают лишь в тех случаях, когда свободная торговля более или менее устраняет национальные границы, или когда основой картеля служит не охранительная пошлина, а прежде всего естественная монополия, как, напр., в случае с нефтью.

В то же время картелированием до чрезвычайности повышается непосредственное значение величины хозяйственной территории для уровня прибыли. Мы видели, что охранительная пошлина дает для капиталистической монополии дополнительную прибыль от сбыта на внутреннем рынке. Но чем больше хозяйственная область, тем больше внутренний сбыт (припомним, напр., какую долю всего производства стальных заводов составляет экспорт Соединенных Штатов, с одной стороны, и Бельгии — с другой), тем, следовательно, выше картельная прибыль. Чем больше последняя, тем выше могут быть экспортные премии, тем выше способность к конкуренции на мировом рынке. В то же время, по мере того, как развивалось более активное вмешательство в мировую политику, обусловленную жаждой колоний, возникало стремление до возможных пределов расширить хозяйственную территорию, огражденную протекционистской стеной.

Поскольку протекционизм оказывает неблагоприятные действия на норму прибыли, картель старается преодолеть их средствами, которые прямо навязываются самою системою охранительных пошлин. Во-первых, то развитие экспортных премий, которое приносит с собою протекционизм, позволяет преодолевать, хотя бы отчасти, стены иностранного протекционизма и таким образом до известной степени предотвращать сокращение производства. Это же оказывается возможным в тем большей мере, чем крупнее внутреннее производство, премированное отечественными охранительными пошлинами. Значит, и здесь возникает интерес опять-таки не к свободе торговли, а к расширению собственной хозяйственной территории и к повышению пошлин. Поскольку же это средство оказывается недействительным, тогда, во-вторых, начинается экспорт капитала в форме устройства фабрик за границей. Промышленная сфера, угрожаемая охранительными пошлинами чужих стран, теперь, перенося часть своего производства за границу, сама пользуется этими охранительными пошлинами. Хотя расширение основного производства становится в силу этого невозможным, и постольку повышение нормы прибыли посредством уменьшения издержек производства делается неосуществимым, это наверстывается, однако, тем повышением прибыли,

которое дают тому же капиталисту повышенные цены продуктов, производимых теперь за границей. Таким образом экспорт капитала, которому в другой форме дается сильный толчок охранительными пошлинами собственной страны, ускоряется, в свою очередь, протекционизмом чужой страны,—и в то же время содействует повсеместному проникновению капитала во всем мире и интернационализации капитала.

Итак, поскольку дело касается нормы прибыли, мы видим, что здесь уничтожается то понижательное действие на нее, которое оказывает современный протекционизм, тормозящий развитие производительных сил. Таким образом свобода торговли представляется капиталу излишней и вредной. За те помехи развитию производительности, которые вытекают из сужения хозяйственной территории, он старается вознаградить себя не переходом к свободной торговле, а расширением собственной хозяйственной территории и форсированным экспортом капитала [1]).

Итак, современная протекционистская политика все более усиливает всегда присущее капиталу стремление к расширению своей сферы: с другой стороны, концентрация всего бездеятельного денежного капитала в распоряжении банков приводит к тому, что экспорт капитала получает планомерную организацию. Соединение банков с промышленностью позволяет им предоставлять

[1]) Характерен следующий пример, на котором мы знакомимся также с интернациональным картелем и действием экспорта капитала. „Производство швейных ниток является очень важной отраслью производства, издавна пустившей корни в Великобритании, главным образом, в Шотландии. Четыре крупнейшие фирмы, почти целиком подчинявшие себе эту отрасль: Coats and C°, Clark and C°, Brook and Bros., Chodwich and Bros., с 18-6 г. вступили в соглашение, известное под названием I. and P. Coats Limited; оно охватывает также ряд сравнительно мелких фабрик и союз, в который входят 15 американских обществ. Этот так называемый „Thread Combine“ с капиталом в 5.500.000 фунтов стерлингов представляет одну из крупнейших промышленных организаций во всем мире. Протекционистская политика Соединенных Штатов уже до этого об'единения заставила фирмы Coats и Clark основать в Соединенных Штатах собственные фабричные заведения, чтобы обезвредить высокие тарифные ставки, направленные против их фабрикатов. Эту тактику продолжил и новый союз и, кроме того, приобретя значительное количество акций соответствующих промышленных компаний в Северной Америке и других странах (значит, в крупном масштабе произошла эмиграция капитала), обеспечил за собою контроль над ними. Итак, английские промышленники фабрикуют за границей; вследствие сокращения работ вред ложится на английских рабочих и, в последнем счете, на всю нацию. Нитяной трест имеет все основания и в дальнейшем вести ту же политику; не встречая возражений, утверждают, что прибыль в 2,58 миллиона фунтов стерлингов, полученная за 1903—1904 операционный год, выручена, главным образом, с фабрик, устроенных за границей. Но является просто вопросом времени, когда окрепшая иностранная промышленность сведет ито» английского „контроля“ и уменьшит уплачиваемую ему дань“. Schwab, loc. cit., стр. 42.

денежный капитал на том условии, чтобы этот денежный капитал нашел применение в соответствующей промышленной отрасли. Это до чрезвычайности ускоряет экспорт капитала во всех его формах.

Под экспортом капитала мы разумеем вывоз стоимости, предназначенной производить за границею прибавочную стоимость. Существенно при этом, чтобы прибавочная стоимость оставалась в распоряжении туземного капитала. Если, напр., германский капиталист переселяется со своим капиталом в Канаду, производит там и уже не возвращается на родину, то это равносильно потере для германского капитала, это — денационализация капитала: это — не экспорт, а перенесение капитала. Оно представляет вычет из отечественного и приращение иностранного капитала. Об экспорте капитала можно говорить только в том случае, если применяемый за границею капитал остается в распоряжении данной страны, и если отечественные капиталисты могут располагать той прибавочной стоимостью, которая производится этим капиталом. Тогда этот капитал представляет статью в национальном „балансе требований", а ежегодно производимая прибавочная стоимость — статью в национальном платежном балансе. Экспорт капитала уменьшает pro tanto количество туземного капитала и увеличивает национальный доход на всю сумму производимой прибавочной стоимости.

Акционерная форма предприятий и развития организации кредита благоприятствуют экспорту капитала и изменяют его характер в том смысле, что капитал получает возможность эмигрировать отдельно от предпринимателя; следовательно, собственность на этот капитал много дольше сохраняется за экспортирующей страной или вообще остается за ней, и национализация капитала затрудняется. Если капитал экспортируется для сельскохозяйственного производства, национализация обыкновенно совершается много быстрее, как показывает прежде всего пример Соединенных Штатов.

С точки зрения экспортирующей страны, могут быть две формы экспорта капитала: капитал эмигрирует за границу или как капитал, приносящий проценты, или как капитал, приносящий прибыль. Последний опять-таки может функционировать как промышленный капитал, как торговый капитал или как банковый капитал. С точки зрения страны, в которую капитал экспортируется, важно также, из каких частей прибавочной стоимости уплачивается процент. Процент, уплачиваемый по закладным листам, находящимся за границей, означает, что за границу уходит часть земельной ренты [1]); процент, выдаваемый

[1]) Так, напр., часть венгерской земельной ренты утекает в Австрию на оплату процентов по закладным листам венгерских ипотечных банков, обращающимся в Австрии.

по облигациям промышленных предприятий, показывает, что утекает за границу часть промышленной прибыли.

По мере того, как европейский капитал развивается в финансовый капитал, он нередко уже с самого начала и эмигрирует как таковой. Крупный германский банк открывает за границей филиальное отделение. Оно выступает посредником при заключении займа, выручка от которого употребляется на устройство электрического завода. Устройство его передается электро-техническому обществу, с которым банк связан на родине. Или же процесс упрощается еще больше. Заграничное отделение банка учреждает за границей промышленное предприятие, выпускает акции у себя дома и передает заказы опять-таки предприятиям, с которыми связан главный банк. В крупнейшем масштабе этот процесс развертывается в тех случаях, когда операции с размещением государственных займов банки выполняют с той целью, чтобы доставить заказы промышленным предприятиям. Развитие такого вида экспорта капитала до чрезвычайности ускоряется тесной связью банкового и промышленного капитала.

Условие экспорта капитала — различие норм прибыли; экспорт капитала — средство уравнения национальных норм прибыли. Уровень прибыли зависит от органического состава капитала; значит, от уровня капиталистического развития. Чем выше он, тем ниже общая норма прибыли. Это — общие условия, определяющие высоту прибыли; они имеют меньшее значение здесь, где речь идет о товарах мирового рынка, цена которых определяется наиболее совершенными методами производства; к этим общим условиям присоединяются еще специальные. Что касается уровня процента, то в странах с относительно низким капиталистическим развитием и недостаточной кредитной и банковой организацией он много выше, чем в развитых капиталистических государствах; к этому присоединяется еще то обстоятельство, что в первых странах в проценте обыкновенно содержатся и части заработной платы или предпринимательской прибыли. Высокий процент служит непосредственной приманкой для экспорта ссудного капитала. Предпринимательская прибыль здесь выше, потому что рабочая сила чрезвычайно дешевая, а ее относительно низкое качество уравновешивается чрезмерной продолжительностью рабочего времени. Выше предпринимательская прибыль и потому, что земельная рента низкая или номинальная, так как остается еще много свободной земли, — свободной или с самого начала, или вследствие насильственной экспроприации туземцев, и издержки производства удешевляются низкой ценой земли. Кроме того, прибыль повышается привилегиями и монополиями. Если же дело идет о продуктах, для которых именно новый рынок послужил областью сбыта, то реализуется высокая дополнительная прибыль, потому что капиталистически производимые товары

вступают здесь в конкуренцию с товарами, производимыми при ремесленной организации.

В какой бы форме ни совершался экспорт капитала, он всегда означает, что поглотительная способность чужого рынка растет. В прежнее время границей экспорта товаров была поглотительная способность чужих рынков по отношению к продуктам европейской промышленности. Потребительная способность этих рынков определялась тем, в какой мере располагали они избытками от своего натурально-хозяйственного и во всяком случае неразвитого производства: последнее нельзя было бы ни повысить в короткое время, ни тем более превратить в производство для рынка. Таким образом без дальнейших рассуждений понятно, что английское капиталистическое, т. е. до чрезвычайности эластичное и способное к расширению, производство очень быстро удовлетворяло потребности всякого вновь открываемого рынка, а потом расширялось дальше этих потребностей, что отраженно проявлялось как перепроизводство в текстильной промышленности. Но, с другой стороны, потребительная способность самой Англии, поскольку дело касается специфических продуктов, производимых на вновь открываемых рынках, ограниченная. Конечно, ее потребительная способность вообще, рассматриваемая с чисто количественной стороны, несравненно больше, чем потребительная способность чужих рынков. Но здесь решающее значение приобретала качественная сторона: потребительная стоимость тех продуктов, которые можно было извлечь с чужих рынков как эквивалент за английские товары. Поскольку дело тут шло о специфических продуктах, являющихся предметами роскоши, потребление их в Англии оставалось ограниченным; с другой стороны, тенденция к чрезвычайно быстрому расширению обнаруживалась в текстильной промышленности. Но вывоз текстильных продуктов повышал ввоз колониальных продуктов, между тем как потребление предметов роскоши расширялось далеко не в такой же мере. И даже для быстрого расширения текстильного производства было необходимо, чтобы прибыль в возрастающей степени накоплялась, а не потреблялась, затрачиваясь на предметы роскоши. Поэтому открытие новых чужих рынков каждый раз заканчивается для Англии кризисами, которые открываются, с одной стороны, падением цены текстильных продуктов за границей, а с другой стороны - крушением цен колониальных продуктов в Англии. История всякого английского кризиса показывает значение этих специфических причин кризисов. Стоит отметить, с какой старательностью Тук, напр., следит за ценами всех колониальных продуктов, и как регулярно прежние промышленные кризисы сопровождались полным крахом этих отраслей торговли. Перемена наступает только с развитием современной системы транспорта, которое переносит центр тяжести на железную промышленность, между тем, как отношения к вновь открываемым рынкам все более изменяются в том направлении, что они все больше сводятся уже не к простому товарообмену, а к экспорту капитала.

Уже экспорт капитала, как ссудного капитала, до чрезвычайности расширяет поглотительную способность вновь открываемого рынка. Предположим, что вновь открытый рынок в состоянии экспортировать товаров на один миллион фунтов стерлингов. При простом товарообмене, — предполагая обмен равных стоимостей,—его поглотительная способность равнялась бы тоже одному миллиону фунтов стерлингов. Но если эта стоимость экспортирована в страну не как товар, а как ссудный капитал, напр., в форме государственного займа, то эта же стоимость в один миллион фунтов стерлингов, которою может располагать новый рынок, экспортируя свои избытки, послужит уже не для обмена на товары, а для уплаты процентов на капитал. Значит, в эту страну можно теперь экспортировать уже стоимость не в 1 миллион фунтов, а, скажем, в 10 миллионов фунтов, если эта стоимость отправляется туда как капитал, и если процент составляет 10%, или в 20 миллионов фунтов, если процент падает до 5%. На этом примере видно также, какую большую роль для способности рынка к расширению играет понижение уровня процента. Обостренная конкуренция иностранного ссудного капитала имеет тенденцию быстро понижать норму процента и в отсталых странах и, следовательно, опять-таки расширяет возможность экспорта капитала. Экспорт промышленного капитала оказывает действие много более значительное, чем экспорт капитала в форме ссудного капитала, и как-раз по этой причине экспорт капитала в форме промышленного капитала приобретает все большую важность. В самом деле, перенесение капиталистического производства на чужой рынок совершенно освобождает последний от тех границ, которые полагаются его собственной потребительной силой. Ведь увеличение капитала обеспечивается доходностью этого нового производства. Но сбыт этого производства рассчитан не на один только данный вновь открытый рынок. Напротив, в таких новых областях капитал обращается к тем отраслям производства, для которых обеспечен сбыт на мировом рынке. Напр., капитализирование южной Африки совершенно отрешено от поглотительной способности южной Африки: главная отрасль производства, разработка золотых рудников, пользуется почти безграничной возможностью сбыта, и темп внедрения капитала зависит здесь только от естественной возможности расширять разработку и от наличности достаточного рабочего населения. Точно так же, напр., эксплоатация залежей меди не зависит от потребительной силы колонии; напротив, те промышленные отрасли, которые производят собственно средства потребления и должны

искать возможности сбыта по большей части на самом новом рынке, в своем расширении очень быстро наталкиваются на границы потребительной способности.

Таким образом экспорт капитала расширяет ту границу, которая определяется потребительной способностью нового рынка. Но в то же время перенесение капиталистических методов транспорта и производства в чужую страну обусловливает здесь ускоренный темп экономического развития, приводит к возникновению расширяющегося внутреннего рынка вследствие разложения натурально-хозяйственных связей, к расширению производства на рынок, — а потому к увеличению количества тех продуктов, которые могут быть вывезены и могут таким образом послужить опять-таки на уплату новых процентов по вновь импортированному капиталу. Раньше открытие колоний и новых рынков знаменовало прежде всего открытие новых средств потребления; напротив, в настоящее время новый капитал обращается главным образом к тем отраслям, которые доставляют сырой материал для промышленности. Одновременно с расширением отечественной промышленности, которая обслуживает потребности экспорта капитала, экспортированный капитал обращается к производству сырых материалов для этой самой промышленности. Следовательно, продукты экспортированного капитала находят сбыт в метрополии, и тот узкий круг, в котором двигалось производство Англии, до чрезвычайности расширяется благодаря взаимоснабжению отечественной промышленности, с одной стороны, и промышленности, созданной экспортированным капиталом — с другой.

Но мы знаем, что открытие новых рынков играет важную роль в том отношении, что полагает конец промышленной депрессии, удлиняет период процветания и ослабляет действие кризисов. Экспорт капитала ускоряет раскрытие чужих стран и развивает их производительные силы в крупнейшем масштабе. В то же время он повышает в метрополии производство, которое должно доставить товары, экспортируемые за границу в качестве капитала. Таким образом он превращается в мощную пружину капиталистического производства, которое по мере того, как экспорт капитала становится всеобщим явлением, вступает в новый период бури и натиска [1]), характеризующийся тем, что цикл процветания и депрессии как-будто сокращается, кризисы принимают как-будто более мягкие формы. Быстрое расширение производства порождает также то повышение спроса на рабочую силу, которое столь благоприятствует профессиональным союзам. Представляется, как-будто страны старого капиталистического развития преодолели имманентные тенденции капитализма,

[1]) По удачному выражению Парвуса, „Die Handelskrise und die Gewerkschaften", München 1901.

ведущие к обнищанию. Быстрый под'ем производства не дает вредным сторонам капиталистического общества дойти до сознания и приводит к оптимистическим воззрениям на его жизненную силу.

Быстрым ли, медленным ли темпом совершается раскрытие колоний и новых рынков, это в настоящее время зависит главным образом от их способности послужить ареной для приложения капитала. Способность же эта тем выше, чем богаче колонии такими продуктами, которые можно производить капиталистически, сбыт которых на мировом рынке обеспечен, и которые важны для отечественной промышленности. Быстрое расширение капитализма с 1895 г. прежде всего вызвало повышение цен металлов и хлопка, и тем самым значительно усилило старания открыть новые источники этих важнейших сырых материалов. Поэтому экспортированный капитал ищет применения прежде всего в тех областях, которые способны производить эти продукты, и обращается именно к этим сферам, из которых горное дело немедленно же приобретает высоко-капиталистическую производственную организацию. Производство этого рода, в свою очередь, увеличивает тот избыток, который может вывозить колония, а это дает возможность приложения новых капиталов. Таким образом темп капитализирования новых рынков до чрезвычайности ускоряется. Помехой открытию новой страны является не отсутствие в ней капитала: последнее устраняется ввозом капитала. В большинстве случаев все сильнее обнаруживается другое тормозящее обстоятельство: недостаток „свободного", т. е. наемного труда. Рабочий вопрос приобретает острые формы, и представляется, будто он разрешим только мерами насилия.

Как всегда, во всех случаях, когда капитал впервые встречается с условиями, противоречащими его потребности увеличиваться и экономически преодолимыми лишь медленно и с великой постепенностью, так и здесь он апеллирует в государственной власти и ставит ее на службу насильственной экспроприации, которая создает необходимый свободный наемный пролетариат: будут ли то, как в начале капитализма, европейские крестьяне, или индейцы Перу и Мексики, или, как в настоящее время, африканские негры [1]). Насильственные методы, неотделимы от существа колониальной политики, которая без них утратила бы свой капиталистический смысл, и так же составляют интегральный элемент колониальной политики, как наличность лишенного всякой собственности пролетариата вообще представляет conditio sine qua non капитализма. Желать колониальной политики, — и в то же время толковать об устранении ее насильственных методов: это — фантазия, к которой нельзя относиться серьезнее,

[1]) См. примеры у Парвуса, „Die Kolonialpolitik und Zusammenbruch", Leipzig, 1907, стр. 63 и сл.

чем к иллюзии, будто можно уничтожить пролетариат, но сохранить капитализм.

Методы принуждения к труду многосложны. Главное средство— экспроприация туземцев, у которых отнимается земля и, следовательно, основа прежнего способа существования. Земля отдается завоевателям, при чем все сильнее обнаруживается тенденция передавать ее не отдельным колонистам, а крупным земельным компаниям. Это — в особенности в тех случаях когда дело идет о добыче продуктов горного дела. Здесь по методу первоначального накопления разом создается капиталистическое богатство в руках немногих капиталистических магнатов, между тем как мелкие переселенцы остаются в пренебрежении. Напомним только те мощные богатства, которые были концентрированы таким способом в распоряжение группы, захватившей золотые россыпи и алмазные прииски английской южной Африки, и в уменьшенном масштабе — в распоряжении германских колониальных обществ юго-западной Африки, стоящих в самой тесной связи с крупными банками. Экспроприация образует в то же время из освобожденных от земли туземцев пролетариат, который должен сделаться послушным об'ектом эксплоатации. Возможность экспроприации создается сопротивлением, которое естественно и неизбежно встречает со стороны туземцев притязания завоевателей. Насилия самих колонистов создают конфликты, которые делают „необходимым“ вмешательство государства, а государство потом уже позаботится, чтобы работа была сделана основательно. Стремление капитала к безработным об'ектам эксплоатации становится теперь, под фирмой „замирения“ области, задачею государства, и выполнение ее ложится уже на всю нацию, т. е. прежде всего на пролетариев-солдат и плательщиков налогов в метрополии.

Если не удается разом произвести столь радикальную экспроприацию, та же цель достигается созданием налоговой системы, которая требует от туземцев настолько крупных денежных платежей, что отбывать их возможно лишь неизбывным трудом на службе чужого капитала. Это воспитание к труду свои совершенные формы получило в бельгийском Конго, где средствами накопления капитала на-ряду с подавляющим обложением являются хроническое применение насилия в позорнейших формах, обман и коварство. Рабство опять становится экономическим идеалом, а с ним вместе и тот дух зверской жестокости, который из колоний передается носителям колониальных интересов метрополии и справляет здесь свои отвратительные оргии [1]).

[1]) Припомним, напр., тот позорный энтузиазм, с которым страна поэтов и мыслителей отнеслась к Карлу Петерсу. Эту связь ясно видели уже английские фритредеры, и указание на нее служило им хорошим агитационным средством против колониальной политики. Так, Кобден говорит: „Возможно ли, чтобы мы играли роль деспота и палача там (в Индии), — и чтобы наш характер при этом не испортился здесь!“ Цит. у Schulze-Gävernitz, loc. cit. Примечание 104.

Если туземное население недостаточно: потому ли, что чрезмерное усердие при экспроприации освободило туземцев не только от земли, но и от жизни, потому ли, что население неработоспособно или недостаточно многочисленно для того, чтобы норма прибавочной стоимости достигла желанного уровня,—тогда капитал стремится разрешить рабочий вопрос привлечением труда извне. Организуется ввоз кули, и одновременно при помощи утонченной системы контрактового рабства прилагаются заботы к тому, чтобы законы спроса и предложения на этом рабочем рынке не оказали какого-нибудь неприятного действия. Конечно, это—не радикальное разрешение рабочего вопроса для капитала. С одной стороны, во всех странах, где имеется место для белого наемного труда, привлечение кули наталкивается на возрастающее сопротивление белых рабочих. С другой стороны, оно и господствующим классам представляется опасным во всех случаях, когда европейская колониальная политика вступает в конфликт с постоянно усиливающимся стремлением Японии к расширению, — а за Японией в непродолжительном времени последует и сам Китай [1]).

Если таким образом привлечение желтого труда ограничивается, то, с другой стороны, возможность расширить арену белого труда еще ограниченнее. Для Европы в значительной степени приостановилось освобождение рабочих развитием капитализма. Быстрое расширение капитализма на этот период бури и натиска отчасти породило противоположную тенденцию в наиболее передовых странах.

Так, германский капитализм в два последних периода высокой конъюнктуры сам наткнулся на ограниченность рабочего населения и вынужден был восполнить необходимое рекрутирование запасной промышленной армии иностранными рабочими. Капитализм Соединенных Штатов тоже, и притом в несравненно большем масштабе, должен пользоваться привлечением иммигрантов; напротив, замедленный темп развития Англии проявляется между прочим и в более ощутительной безработице. Таким образом область эмиграции из Европы ограничивается южной и юго-восточной Европой и Россией. Но в то же время вследствие быстрого расширения потребность в наемном труде до чрезвычайности возросла.

Итак, государства, которые по социальным или международно-политическим соображениям не допускают азиатской иммиграции,

[1]) См. полемику по вопросу об иммиграции в „Neue Zeit“ XXVI, и в особенности Otto Bauer, „Proletarische Wanderungen“, и Max. Schippel, „Die fremden Arbeitskräfte und die Gesetzgebung der verschiedenen Länder“.

при своем расширении наталкиваются на границу, полагаемую численностью рабочего населения, и труднее всего преодолеть эту границу как-раз в областях, где перед капиталистическим развитием стоят наиболее блестящие перепективы, напр., в Канаде и Австралии. Кроме того, в этих странах, при крупных размерах terra libera, распространение земледелия тоже требует быстрого роста дополнительного населения и серьезно противодействует возникновению пролетариата, лишенного всякой собственности. Собственный же прирост населения в этих областях отчасти до чрезвычайности медленный. Но и рост населения в развитых европейских государствах постоянно замедляется [1]), что уменьшает то избыточное население, которым может располагать эмиграция.

Но это замедление прироста сказывается в особенности в тех странах, которые имеют огромное значение для увеличения количества земледельческих продуктов: в Канаде, Австралии и Аргентине. Оно создает тенденцию к повышению цены земледельческих продуктов, которая обнаруживается все сильнее, несмотря на то, что сельскохозяйственное производство обладает большою способностью к расширению.

[1]) См. об этом данные, напр., у Paul Mombert, „Studien zur Bevölkerungsbewegung in Deutschland", 1907. Так, на каждую 1000 жителей в Европе проходилось живых новорожденных в среднем выводе:

1841—1850 г.	37.8	1881—1885 „	38.4
1851—1860 „	37.8	1886—1890 „	37.8
1861—1870 г.	38.6	1891—1895 „	37.2
1871—1875 „	39.1	1896—1900 „	36.9
1876—1880 „	38.7	1901 „	36.5

Понижение цифр рождаемости очень значительно также в Соединенных Штатах и изумительно в Австралии. Напр., в Новом Южном Уэльсе на каждую 1000 замужних женщин в возрасте 15 — 45 лет приходилось брачных рождений: в 1861 г.—340.8, в 1901 г. 235.3 (см. также данные у Шульце-Геверница, loc. cit., стр. 195; он цитирует вопли правительственного статистика Coghlen'a: „Проблема понижающейся рождаемости по своей важности превосходит все остальное, а для Австралии ее значение больше, чем для какой-либо иной страны. От ее удовлетворительного решения зависит, займет ли когда-либо наша страна место среди великих наций мира").

Значит, в указанных областях прирост населения приходится приписать исключительно значительному понижению смертности, которая упала сильнее, чем рождаемость. В Германии смертность до сих пор падала много быстрее, чем плодовитость. „Если упадок последней продолжится, то должен наступить момент,—это лежит в самой природе дела,— когда понижение смертности пойдет медленнее, и соотношение ее с уменьшением рождаемости примет обратный вид. Но тогда и в избытке рождаемости обнаружится тенденция к понижению" (Mombert, стр. 263). Так оно уже и наблюдается, напр., в Англии и Уэльсе, Шотландии и Швеции.

Для этой стадии расширения капитализма правильно также и окончательное суждение Момберта: „Может-быть, уже не в особенно отдаленном времени ядро вопроса о населении и в других странах, кроме Франции, увидят не столько в слишком сильном, сколько в слишком слабом приросте населения" (стр. 180).

Однако, граница, полагаемая населением, всегда лишь относительная граница. Она об'ясняет, почему расширение капитализма не совершается еще более бурным темпом, но отнюдь не прекращает самого расширения. К тому же вместе с нею выдвигаются и средства исцеления. Мы оставляем здесь в стороне создание свободного наемного труда или принудительного труда в собственно колониальных областях; оставляем в стороне и постоянно совершающееся относительное высвобождение белого труда вследствие технического прогресса в капиталистических метрополиях: при замедлении расширения это освобождение сделалось бы абсолютным. Помимо всего этого, если бы капиталистическое расширение в колониальных областях, где применяется белый труд, натолкнулось на более неподатливые границы, следствием этого было бы только одно: капитализм, преодолевая противодействующие ему политические границы, в еще большей мере обратился бы к отсталым аграрным областям самой Европы, и его выступление здесь, разрушая деревенскую домашнюю промышленность и высвобождая аграрное население, в огромнейших размерах создало бы материал для усиления эмиграции.

Но если новые рынки становятся не просто областями для сбыта, а сферами приложения капитала, то в зависимости то этого изменяется и политическая позиция стран, экспортирующих капитал.

Простая торговля, поскольку она не была колониальной торговлей, которая соединяется с разбоем и грабежом, а представляла торговлю с белым или с темным населением, способным к сопротивлению и сравнительно высоко развитым, долгое время оставляла в неприкосновенности основные социальные и политические отношения соответствующих стран и ограничивалась экономическими связями. Если только имеется какая-нибудь государственная власть и до известной степени поддерживает порядок, непосредственное подчинение было не столь важно. Это изменяется по мере того, как перевес берет экспорт капитала. Тут дело касается уже несравненно более значительных интересов. Если в чужой стране строятся железные дороги, приобретается земля, сооружаются гавани и доки, закладываются и пускаются в ход рудники, риск много больше, чем в том случае, когда просто покупаются и продаются товары.

Таким образом отсталость правовых отношений превращается в препону, преодоления которой, хотя бы и мерами насилия, все необузданнее требует финансовый капитал. Это приводит к постоянно обостряющимся конфликтам между развитыми капиталистическими государствами и государственной властью отсталых стран, к все более настойчивым попыткам навязать этим странам юридические отношения, соответствующие потребностям капитализма: навязать с сохранением или же с уничтожением прежних

властей. В то же время конкуренция из-за вновь открытых сфер приложения капитала приводит к новым противоречиям и конфликтам между самими капиталистически развитыми государствами. Что касается вновь раскрытых стран, там импортированный капитал усиливает антагонизмы и вызывает постоянно растущее сопротивление народов, пробуждающихся к национальному самосознанию, против пришельцев; сопротивление это легко может вырасти в опасные меры, направленные против иностранного капитала. В корень революционизируются старые социальные отношения, разрушается тысячелетняя аграрная связанность „внеисторических наций", они сами вовлекаются в капиталистический водоворот. Сам капитализм мало-по-малу дает покоренным средства и способы для освобождения. И они выдвигают ту цель, которая некогда представлялась европейским нациям наивысшею: создание единого национального государства, как орудие экономической и культурной свободы. Это движение к независимости угрожает европейскому капиталу в его наиболее ценных областях эксплоатации, сулящих наиболее блестящие перспективы, и европейский капитал может удерживать господство, лишь постоянно увеличивая свои военные силы.

Отсюда призывы всех капиталистов, связанных своими интересами с чужими странами, к сильной государственной власти, авторитет которой защитил бы эти интересы и в отдаленнейших уголках света; призывы к тому, чтобы повсюду развевался военный флаг, который позволит повсюду развеваться торговому флагу. Но лучше всего чувствует себя экспортный капитал, когда государственная власть его страны вполне подчинит себе новую область: тогда экспорт капитала из других стран будет устранен, экспортированный капитал будет пользоваться привилегированным положением, и его прибыли при случае будут еще гарантированы государством. Таким образом экспорт капитала действует в пользу империалистской политики.

Экспорт капитала, в особенности с той поры, когда он вывозится в форме промышленного и финансового капитала, колоссально ускоряет переворот во всех старых общественных отношениях и столь же ускоряет вовлечение всего земного шара в сферу капитализма. Капиталистическое развитие не совершалось самобытно в каждой отдельной стране: вместе с капиталом импортировались капиталистическое производство и отношения эксплоатации,—импортировались постоянно на той ступени развития, которой они достигли в наиболее передовой стране. В настоящее время вновь возникающая промышленность не развивается от ремесленных зачатков и техники к современному исполинскому производству, а с самого начала основывается в форме крупно-капиталистического предприятия. Точно так же в настоящее время и капитализм импортируется в новую страну каждый

раз на уже достигнутой им совершенной стадии и потому развертывает свое революционизирующее действие с несравненно большею мощью и в несравненно кратчайшее время, чем потребовалось, напр., для капиталистического развития Голландии и Англии.

Эпоху в истории экспорта капитала составил переворот в сфере транспорта. Железные дороги и пароходы, сокращая период обращения, сами по себе имеют колоссальное значение для капитализма. Благодаря сокращению периода обращения, во-первых, высвобождается капитал из сферы обращения, и, во-вторых, повышается норма прибыли. Удешевление сырого материала понижает издержки производства и расширяет потребление. Далее, только железные дороги и пароходы создают те громадные хозяйственные территории, которые делают возможными современные исполинские предприятия с их массовым производством. Но железные дороги были прежде всего важнейшим средством для открытия иностранных рынков сбыта. Только они сделали возможным потребление Европою продуктов этих рынков в таком колоссальном масштабе, и только благодаря им рынок столь быстро расширился в мировой рынок. Еще важнее было то обстоятельство, что теперь сделался необходимым в крупнейшем масштабе экспорт капитала для постройки этих железных дорог, которые строились почти исключительно европейским, в особенности английским капиталом.

Однако, экспорт капитала оставался монополией Англии и, в свою очередь, обеспечивал за нею господство над мировым рынком. Следовательно, Англии не приходилось бояться промышленной или финансовой конкуренции других стран. Поэтому ее идеалом оставалась свобода рынка. Наоборот, превосходство Англии тем более должно было побуждать другие государства к тому, чтобы удерживать и расширять свое господство над уже приобретенными областями: это было средством защититься от подавляющей конкуренции Англии хотя бы в пределах этих областей.

Положение изменилось, когда монополия Англии была сломлена, когда в американском и германском капитализме вырос превосходный конкурент английскому капитализму, организационно недостаточно дееспособному вследствие свободы торговли. Развитие в направлении к финансовому капиталу создавало в Америке и Германии сильное стремление к экспорту капитала. Мы видели, как развитие акционерных обществ и картелей создает учредительскую прибыль, которая притекает к банкам в виде капитала, ищущего применения. Сюда присоединяется и то обстоятельство, что система охранительных пошлин суживает внутреннее потребление и тем самым заставляет форсировать вывоз. Притом экспортные премии, которые стали возможными благодаря картельному протекционизму, послужили для того, чтобы подготовить на нейтральных рынках подавляющую конкуренцию

против Англии; она тем опаснее, что сравнительно молодая крупная промышленность Америки и Германии, благодаря своему новому оборудованию, отчасти превосходит английскую и в техническом отношении. Но раз экспортные премии сделались важным средством международной конкурентной борьбы, то это орудие тем действительнее, чем выше можно назначить экспортные премии. Уровень их зависит от высоты таможенных пошлин. Повышение последних входит теперь в интересы всякого национального капиталистического класса. И здесь никак нельзя отставать на сколько нибудь продолжительное время. Протекционизм в одной стране необходимо влечет за собою протекционизм в другой,—и это тем неизбежнее, чем развитее в последней капитализм, чем сильнее и распространеннее в ней капиталистические монополии. Высота охранительных пошлин становится решающим моментом в международной конкурентной борьбе. Чтобы не ухудшить условий конкуренции, чтобы не потерпеть поражения на мировом рынке, всякая страна должна немедленно подражать повышению пошлин в другой. Промышленный протекционизм становится тем же, чем является по своей природе аграрный протекционизм: бесконечным винтом.

Конкурентная борьба, раз ее приходится вести только понижением цен товара, всегда угрожает убытками или хотя бы понижением прибыли ниже ее средней нормы. Устранение конкуренции становится идеалом крупных союзов капиталистов. Это тем более, что, как мы видели, экспорт превращается в повелительную необходимость для них, что экспортировать приходится во что бы то ни стало: технические условия властно требуют, чтобы производство велось в наивозможно крупном масштабе. Но на мировом рынке царит конкуренция, и потому не остается ничего иного, как только заменить один вид конкуренции другим, менее опасным. На место конкуренции на товарном рынке, где решающее значение имеет только цена товара, выступает конкуренция на капитальном рынке: конкуренция в сфере предложения ссудного капитала и предоставление последнего с самого начала связывается с условием, что в позднейшее время будет принят товар. Экспорт товара становится теперь средством обеспечить заказы за промышленностью страны, экспортирующей капитал. Перед покупателем не остается теперь выбора. Он сделался заемщиком, значит, зависимой стороной, вынужденной просто принимать условия кредитора. Сербия устроит свой заем в Австрии, Германии или Франции лишь при том условии, если она возьмет на себя обязательство покупать пушки или железнодорожный материал у Скоды, Круппа или Шнейдера. Борьба за сбыт товара превращается в борьбу за сферы приложения ссудного капитала, и ведется эта борьба между национальными банковыми группами; а так как, вследствие интернационального уравнения процентных ставок, экономическая конкуренция поставлена здесь в сравнительно узкие рамки, то экономическая борьба быстро развертывается в столкновении сил, которое решается уже политическим оружием.

Но в этих конфликтах экономическое преимущество остается как-раз на стороне старых капиталистических государств. Англия [1]) располагает старой, насыщенной капиталом промышленностью, которая со времен английской монополии на мировом рынке приспособлена к потребностям мирового рынка, развивается сравнительно медленнее, чем германская или американская, и обладает меньшей способностью к расширению. Но, с другой стороны, накопленный капитал чрезвычайно велик, и от помещенного за границею капитала постоянно притекают в Англию новые массы прибыли, подлежащие накоплению. Отношение накопляемых масс капитала к тому его количеству, которое может быть вложено в самой Англии, здесь наивысшее, а потому стремление к помещению за границей самое сильное, требуемый уровень процента самый низкий. По причинам иного свойства то же явление наблюдается и во Франции. Здесь тоже с одной стороны издавна накопленное богатство, хотя по отношению к собственности на него оно не так концентрировано, но зато оно

[1]) Британский капитал, вложенный за границей, в 1900 г. определялся в 2500 милл. фунтов стерлингов, и его ежегодное увеличение оценивалось в 50 миллионов, из них 30 милл. в ценных бумагах. Капитал, вкладываемый Англией за границей, возрастает, повидимому, быстрее, чем вкладываемый у себя. По крайней мере, общая сумма британского дохода в период 1865—1898 г.г. только удвоилась, между тем как доход, получаемый из-за границы, за тот же период удесятерился (Виффен). Обстоятельные данные содержит доклад George Paish, опубликованный в „Journal of the Royal Statistical Society“ (сентябр 1909 г.). Согласно этим данным, в 1906—1907 г.г. доход от государственных займов Индии составлял 8.768.237 фун. стерлингов, остальных колоний— 13.952.722 фун. стерл., всех остальных стран—8.338.124 фун. стерл., итого 31.039.088 фунт. стерл. против 25.374.192 фун. стерлингов в 1897—1898 г.г. Доход от других ценных бумаг (железные дороги!) определялся в 48.521.000 фунтов стерлингов. Сумма заграничного капитала определяется в 2700 миллионов фунтов стерлингов, из них 1700 миллионов вложено в железные дороги. Доход от этого исчисляется в 140 миллионов фунтов стерлингов, что соответствует доходности в 5,2%. По всей вероятности, эти оценки еще не мало отстают от действительности.

Французский капитал за границей П. Леруа-Болье определял в 34 миллиарда франков; в 1905 г. он, вероятно, возрос до 40 миллиардов. Ежегодное увеличение этого капитала определяется в 1500 миллионов франков.

Германский капитал за границей Шмоллер в своем известном сообщении перед комиссией по биржевой анкете оценивал в 1906 г. в 10 миллиардов марок, В. Христиансен—в 13 миллиардов, ежегодно приносящих прибыль в 500—600 миллионов марок. Для 1906 г. Сарторнус получает цифру в 16 миллиардов ценных бумаг и 10 миллиардов иных видов капитала за границей, ежегодный доход—приблизительно 1240 миллионов марок. Дальнейшие данные у Sartorius, loc. cit., стр. 88 и сл.

централизовано банками, и рядом с ним—постоянно притекающие доходы от капитала, вложенного за границей; а с другой стороны — застойное состояние промышленности в собственной стране, и потому здесь тоже сильное стремление капитала к экспорту. Такие преимущества обоих стран можно наверстать только политически, усиленным давлением дипломатии: средство опасное и потому ограниченное,—или же его можно наверстать экономически, при чем потери на цене могут при случае перевесить выгоды повышенного процента.

Но ожесточенность конкуренции пробуждает стремление к ее прекращению. Самым простым способом достигается это, если части мирового рынка включаются в состав национального рынка, т.-е. присоединением чужих стран колониальной политикой. Если свободная торговля была равнодушна к колониям, то протекционизм непосредственно приводит к большей активности в колониально-политической сфере. Здесь интересы государств непосредственно враждебно сталкиваются между собою.

В том же направлении действует и еще одно обстоятельство. Уже с чисто количественной точки зрения для страны выгоднее, если ее капитал будет экспортирован в качестве капитала, приносящего прибыль, а не капитала, приносящего проценты: прибыль ведь больше, чем процент. Далее, если экспортирующие капиталисты вкладывают свой капитал как промышленный капитал, распоряжение капиталом сохраняет более непосредственный характер, контроль будет более прямой. Тот английский капитал, который вложен в американские железнодорожные займы, т.-е. вложен как капитал, приносящий проценты, оказывает минимальное влияние на политику американских железнодорожных тузов: напротив, влияние это—решающее, когда само промышленное предприятие ведется английским капиталом. Но в настоящее время инициаторами экспорта промышленного капитала являются прежде всего картели и тресты. Причины тому различного рода. Во-первых, эти организации сильнее всего в отраслях тяжелой промышленности, где как мы видели, сильнее всего тяготение к экспорту капитала, который ищет новых рынков сбыта для своего колоссального раздувающегося производства. Эти тяжелые монополистические индустрии прежде всего заинтересованы в постройке железных дорог, эксплоатации рудников, росте вооружений в иностранных государствах, возведении электрических сооружений. За ними стоят крупные банки, наиболее тесно связанные с этими отраслями промышленности. Кроме того, стремление к увеличению масштаба производства очень сильно в картелированных отраслях, но в то же время этому увеличению противодействуют высокие картельные цены на внутреннем рынке; таким образом расширение сбыта за границу дает наилучшую возможность для того, чтобы удовлетворить потребности в увеличении масштаба производства. Далее, в силу своих дополнительных прибылей картели всегда располагают капиталами, ожидающими накопления, и охотнее всего вложат эти капиталы в свою собственную сферу, где норма прибыли наиболее высокая. К тому же связь между банками и промышленностью здесь наиболее тесная, и возможность получить учредительскую прибыль от эмиссии акций предприятия становится сильным побуждением к экспорту капитала. Таким образом мы наблюдаем, что сильнейшим стремлением к экспорту промышленного капитала в настоящее время характеризуются страны с организационно наиболее передовой промышленностью, Германия и Соединенные Штаты. Так, об'ясняется то своеобразное явление, что эти государства, с одной стороны, экспортируют капитал, а с другой—отчасти сами импортируют из-за границы капитал, необходимый для их собственного народного хозяйства. Они экспортируют прежде всего промышленность; оборотный же капитал для ведения производства они отчасти получают в форме ссудного капитала из стран с сравнительно замедленным развитием промышленности, но с более крупным богатством в виде накопленных капиталов. Они при этом выигрывают не только разницу между промышленной прибылью, которую выручают на чужих рынках, и много более низким процентом, который им приходится уплачивать на занятый капитал в Англии или Франции: этим способом экспорта капитала они обеспечивают также более быстрый рост собственной промышленности. Так, Соединенные Штаты в крупнейшем масштабе экспортируют промышленный капитал в Южную Америку и в то же время импортируют из Англии, Голландии, Франции и т. д. необходимый для ведения собственной промышленности ссудный капитал в форме акций и облигаций[1]).

Таким образом картелирование и трестирование форсируют экспорт капитала из стран, где монополизация промышленности зашла всего дальше; в этом отношении они тоже обеспечивают для соответствующих капиталистов превосходство перед странами, где промышленность характеризуется сравнительно низкими организационными формами. В последних странах это пробуждает стремление ускорить протекционизмом картелирование собственной промышленности, а в передовых странах усиливает стремление, несмотря ни на что, обеспечить дальнейший экспорт капитала, средством для чего служит устранение всякой конкуренции иностранного капитала.

Если экспорт капитала в своих наиболее развитых формах выдвигается такими сферами, в которых концентрация капитала

[1]) Если даже европейский капитал вкладывается в Соединенных Штатах в форме акций, он часто получает всего лишь обычный процент, потому что предпринимательская прибыль уже предвосхищена в учредительской прибыли американских банков.

Итак, общая борьба за характер торговой политики в странах, нуждающихся во ввозе аграрных продуктов, объединила все слои сельскохозяйственной собственности и таким образом обеспечила финансовому капиталу поддержку деревни. Среднее и мелкое землевладение тем энергичнее присоединялось к этой борьбе, что быстрое развитие товариществ увеличило для каждого крестьянского хозяйства работу на рынок и уменьшило производство для собственного потребления. Притом крупное землевладение очень легко захватывало руководящую роль в этих товариществах, так как, с одной стороны, не было сколько-нибудь серьезной противоположности интересов, а с другой — как-раз крупные землевладельцы располагали необходимым опытом, интеллигентностью и авторитетом. Это опять-таки укрепляло руководящую роль крупного собственника в деревне и приводило к тому, что политика деревни все более направлялась крупным землевладением.

Развитие действовало одновременно и в том направлении, что интересы собственности все более объединялись, так как источники доходов становились все многосложнее. Протекционизм быстро увеличивал доход от земельной ренты, в особенности в последнее десятилетие, когда интенсивность заокеанской аграрной конкуренции начала уменьшаться: отчасти благодаря быстрому промышленному развитию Соединенных Штатов С. Америки [1]), отчасти потому, что земледельческое производство штатов центральной и южной Америки, несмотря на быстрое развитие, не поспевает за увеличением спроса. Повышение же земельной ренты знамено-

[1]) Вывоз Соединенных Штатов составлял в 1901 г.—33% всего производства пшеницы, в 1902 г.—29%, в 1903 г.—19,5%, в 1904 г.—10,5%. I. M. Rubinow, „Russia's wheat trade". Washington 1908.

В замечаниях вашингтонского Department of Commerce and Labour, цитируемых Марией Шваб, говорится: „То уменьшение вывоза хлеба, пищевых средств и хлопка, которое наступило в недавние годы и особенно в последний 1903—1904 год, нельзя объяснить ни плохими урожаями в Америке, ни понижением цен за границей. За последние годы сбор кукурузы, пшеницы, и хлопка был не ниже среднего, в большинстве случаев даже необычно высокий. Главная причина того, что доля земледельческих продуктов в общем вывозе все понижается, очевидно, заключается в росте потребности Соединенных Штатов. То количество пшеницы, которое оставалось в Соединенных Штатах для внутреннего потребления, до 1880 г. ни разу не достигало 275 миллионов бушелей. В 1883 г. оно превысило 300 миллионов и возрастало мало-по-малу с дальнейшим увеличением населения. В 1889 г. оно составило более 400 миллионов бушелей, в 1902 г. свыше 500 милл. и в отчетном году, окончившемся 30 июня 1904 г., 517 милл. бушелей. Это—наибольшая сумма, не достигавшаяся ни в один из прежних годов.

„Население Соединенных Штатов в период 1880—1900 г.г. увеличилось с 50 до 76 миллионов, т.-е., на 52%, между тем как площадь, засеянная пшеницей, увеличилась в республике всего с 34 до 42 миллионов акров, или на 23½%. Вся же площадь под хлебами разного рода повысилась с 136 миллионов только до 158 миллионов акров, или на 16½%". Там же, стр. 72.

вало, что в распоряжении сравнительно крупного землевладения оставался избыток доходов. Применение этого избытка к расширению земледельческого производства встречалось с известными трудностями: расширение площади возделывания наталкивается на серьезные препятствия в виде сложившегося распределения собственности. Их удается преодолеть, во-первых, в том случае, если тенденция к повышению хлебных цен сильна и устойчива настолько, что повышенная цена земли представляется совершенно естественной; и, во-вторых, в том случае, если— здесь мы открываем второе важное обстоятельство — крупный землевладелец находит нищающее крестьянство, неспособное противиться скупке его земли. Но период с половины 70-х годов до половины первого десятилетия XX века был благоприятным для крестьянства. Заморская конкуренция всей своей тяжестью обрушилась как-раз на крупное землевладение, ведущее в широком масштабе зерновое хозяйство и экстенсивное скотоводство; ему же больше всего вредил и недостаток рабочих. Напротив, сильный рост городского спроса на главные продукты более мелкого производства, на молоко, мясо, овощи, фрукты и т. д., и сравнительно меньшее значение рабочего вопроса для этого производства,—все это благоприятствовало средней и мелкой собственности. Стремление крупного производства расширить свое землевладение могло с полной силой развернуться лишь тогда, когда тенденция к падению хлебных цен была побеждена противоположной тенденцией; но тут-то именно оно и наткнулось на сопротивление сильного среднего, и мелкого владения, для главных продуктов которого тоже обнаружилась тенденция к повышению цен. Следовательно, упомянутому избытку доходов крупного землевладения приходилось в поисках за прибыльным применением обратиться прежде всего к промышленности. В этом направлении толкало и то обстоятельство, что начавшийся с 1895 г. бурный период высокой конъюнктуры увеличивал норму прибыли в промышленности и во всяком случае поднимал ее значительно выше нормы прибыли в сельском хозяйстве. Возможность такого применения избытков сильно облегчалась тем, что развитие акционерных обществ создавало форму, приспособленную для приложения капиталов, притекающих из других сфер, концентрация же и консолидирование крупной промышленности очень уменьшали риск даже для посторонних. Здесь же надо отметить быстрое развитие собственно деревенских отраслей промышленности, которые при содействии государственной власти (налоговое законодательство) достигают монопольного положения, столь же быстрое развитие промышленных отраслей, просто имеющих свое местопребывание в деревне, и, наконец, в особенности важное для крупнейших землевладельцев соединение сельскохозяйственного и горнопромышленного землевладения, сложив-

государственные“ воспитательные пошлины. Перспектива такой хозяйственной территории, — которая притом была бы политически и экономически достаточно сильна для того, чтобы положить конец вытеснению британской промышленности повышением охранительных пошлин в других государствах,—способна об'единить весь класс капиталистов [1]). К этому присоединяется еще то обстоятельство, что решительно подавляющая часть капитала, оперирующего в колониях, находится во владении английских капиталистов, для которых имперская охранительная пошлина много важнее, чем сравнительно более значительное повышение автономных таможенных тарифов в колониях [2]).

[1]) Потому и Чемберлэн постоянно выдвигает эту точку зрения на первый план в своей агитации. „Мне кажется, что наше время ведет к тому, чтобы всю силу сосредоточить в распоряжении крупных государств. Сравнительно мелким странам, тем, которые не прогрессируют, повидимому, суждено отодвинуться на положение подчиненных стран. Если же Greater Britain останется единой, то никакое государство в мире не превзойдет ее по размерам, численности населения, богатству и многообразию ресурсов“. Речь Чемберлэна 31 марта 1987 г., цитир. у Marie Schwab, Chamberlains Handelspolitik, Jena 1905, стр. 6.

[2]) Профессор Hewins так резюмируют обще-капиталистическую заинтересованность в тарифной реформе и империализме, при чем он искусно выдвигает на первый план те отрасли обрабатывающей промышленности, которые до сих пор были за свободу торговли:

„Соединенное Королевство ввозит в настоящее время пищевые продукты из известных стран, с которыми у него нет никаких договоров о взаимности. Значит, для оплаты по счету за пищевые продукты приходится обращаться к сложному аппарату международного обмена: постоянно отыскивать в мире новые рынки сбыта для своих фабрикатов и ликвидировать свои долги при посредстве взаимоотношений между различными странами. Такая промышленная политика, думается, не может удерживаться постоянно по следующим причинам:

„1. Число стран, открытых таким образом для ввоза британских мануфактур, постоянно уменьшается, и, напр., на рынках Дальнего Востока мы несомненно и очень скоро встретимся с непреодолимой конкуренцией Японии.

„2. Необходимость отыскивать для наших продуктов постоянные иные рынки, чем такие страны, как Германия и Соединенные Штаты, опять-таки оставляя в стороне колонии, оказывает вредное влияние на ход экономического развития в Англии. Естественный ход развития был таков, что английские промышленные отрасли поднимались на все более высокую ступень, пользовались рабочими с постоянно повышающейся выучкой и развивали повышающееся техническое искусство. Но на практике ход развития может значительно уклониться от этой линии. Цивилизованные и передовые рынки закрываются, и, вынужденная иметь дело с отсталыми частями мира, английская промышленность должна производить товары, соответствующие их потребностям.

„3. Получается прямой конфликт между двумя противоположными тенденциями. Как-раз в производстве этих массовых товаров и более молодые промышленные государства могут оказывать крупные успехи. Германия, Бельгия, Соединенные Штаты. Австрия и даже Япония могут конкурировать с нами в этих областях и тоже ввозить в упомянутые страны. С другой стороны, в английской промышленности обнаруживается тенденция к большему развитию производства квалифицированных, а не массовых товаров, следовательно, к производству более дорогих товаров. Таким образом в областях, от которых Англия все более зависит в оплате своих пищевых средств, она все больше и больше оттесняется на задний план. По таким-то соображениям во всей империи приобретает свое значение стремление к организации британской промышленной жизни в более крупном масштабе“. Hewins, loc. cit., стр. 37.

Соединенные Штаты сами по себе представляют достаточно обширную хозяйственную территорию даже для эры империализма, и направление для расширения этой территории в общем определяется географическими условиями. Панамериканское движение, которое нашло свое первое выражение в доктрине Монроэ, только еще начинается и вследствие колоссального перевеса Соединенных Штатов имеет перед собою широкие перспективы.

Иначе обстоит дело в Европе, где раздробление на государства создало противоположные экономические интересы; устранению их посредством средне-европейского таможенного союза противодействуют очень серьезные препятствия. Здесь перед нами не взаимно дополняющие друг друга части, как в случае с британским Imperium, а более или менее однородные образования, которые в силу этой однородности враждебно конкурируют между собою.

Враждебность эта до чрезвычайности повышается экономической политикой финансового капитала. И антагонизм возникает не из стремления к созданию единых хозяйственных территорий в самой Европе, как было в XIX веке, а из стремления к присоединению чужих нейтральных рынков: на службу ему поставлены теперь все национальные политические ресурсы европейских государств. Ведь дело идет уже не о присоединении стран, которые капиталистически развиты, промышленность которых сама способна к экспорту и знаменовала бы для стран-завоевательниц только усиление конкуренции и во всяком случае не имела бы значения как сфера, где мог бы найти себе применение избыточный капитал другой страны. Дело идет теперь прежде всего об областях, которые еще не открыты для капитала, и открытие которых получило бы крупное значение как-раз для наиболее мощных групп капиталистов: следовательно, главным образом только о заморских колониальных областях. Только здесь можно найти возможность в крупном масштабе применить капитал. В особенности огромные массы капитала поглощает создание современной системы транспорта—железных дорог и пароходных сообщений [1]).

[1]) Какую важность имеет, напр., для Англии создание колониальных железных дорог, показывают следующие данные:

„В 1880 г. Британская империя владела 40.000 английских миль железных дорог, из них три восьмых в Соединенном Королевстве, пять восьмых в заморских владениях и колониях. К 1904 г. железнодорож-

номической силой, косвенно,—подчиняя интересы других классов своим интересам.

Развитие финансового капитала в корне изменяет экономическую, а вместе с тем и политическую структуру общества. Индивидуальные капиталисты ранней эпохи капитализма враждебно противостояли друг другу в конкурентной борьбе. Этот антагонизм мешал общности их действий и в политической, и в других сферах. Существенно и то обстоятельство, что потребности класса удовлетворялись и без таких общих действий: при отрицательном отношении к государственной власти промышленный капитал не выступал как представитель капиталистических интересов, индивидуальный капиталист являлся просто гражданином. Великие вопросы, захватывавшие буржуазию, это были в существенном конституционные вопросы, вопросы об организации современного конституционного государства,—следовательно, вопросы, которые в равной мере касались всех граждан и об'единяли их в общей борьбе против реакции, против остатков феодального и абсолютистско-бюрократического способа управления.

Положение изменилось, когда победа капитализма развязала противоречия внутри буржуазного общества. Против господства промышленного капитала прежде всего восстали мелкая буржуазия и рабочие. Они открыли нападение в экономической области. Свобода промышленности оказалась под угрозою со стороны мелкой буржуазии, которая требовала ограничений, напоминающих о цехах, и со стороны рабочих, которые требовали законодательного регулирования рабочего договора. Теперь на политическую арену выдвинулись уже не граждане, а фабриканты и рабочие, фабриканты и мастера. Политические партии открыто ориентируются теперь по экономическим интересам, между тем как раньше последние скрывались за лозунгами; реакция, либерализм и демократия, за которыми стояли три класса ранней эпохи капитализма—получатели земельной ренты с их продолжением при дворе, в бюрократии и армии, буржуазия и соединившиеся мелкая буржуазия и пролетариат. Таким образом в борьбе за промышленный строй сложились три группы экономических союзов: союзы промышленников, товарищества и организации рабочих, при чем государственная власть всяческими способами покровительствовала первым двум группам, превращая их для функций известного рода в узаконенные союзы. Но в то время, как ориентировка товариществ и профессиональных союзов скоро приобретает характер единства, предпринимательские союзы раскалывались торгово-политическими противоречиями. Кроме того, промышленный капитал политически находился в антагонизме с торговым и ссудным капиталом. Торговый капитал много больше склонялся к усилению государственной власти, чем промышленный капитал, так как оптовая торговля, в особенности заокеаническая вообще и колониальная торговля в частности, стремилась к охране государством и кроме того легко поддавалась соблазну привилегий. Ссудный капитал ранней эпохи капитализма поддерживал государственную власть, с которой ему приходилось проводить свои важнейшие операции, государственные займы, и был совершенно чужд тому стремлению к миру и спокойствию, которым одушевлялся промышленный капитал. Чем крупнее финансовые потребности государства, тем больше его влияние, тем чаще заключаются займы и финансовые сделки. Но из этих займов и сделок тогда вытекала не только непосредственная прибыль. Они представляли также основное ядро и биржевых операций и кроме того важное средство для приобретения банками государственной привилегии. Так, привилегия Английского Банка на выпуск банковых билетов исторически тесно связана с долговыми отношениями государства к банку.

Картелирование об'единяет экономическую силу и таким образом непосредственно повышает ее политическую дееспособность. Но оно вносит в то же время единство в политические интересы капитала и позволяет ему воздействовать всей тяжестью экономической силы прямо на государственную власть. Оно об'единяет интересы всего капитала, который благодаря этому противостоит государственной власти много сплоченнее, чем раздробленный промышленный капитал в эпоху свободной конкуренции. Но в то же время и в других классах населения капитал встречает несравненно большую готовность поддержки.

На первый взгляд это кажется странным, потому что финансовый капитал, повидимому, вступает в противоречие с интересами всех других классов. Ведь монополистическая прибыль, как мы видели, представляет вычет из дохода всех других классов. Картельная прибыль на промышленные продукты удорожает для земледелия средства производства и уменьшает потребительную силу дохода сельских хозяев. Быстрое развитие промышленности отнимает у сельского хозяйства рабочие силы и создает, в связи с технико-научным переворотом в земледельческом производстве, хроническую нужду деревни в людях. И это противоречие должно было ощущаться с наибольшею остротой, пока тенденциям финансового капитала к повышению цены промышленных продуктов не соответствовали подобные тенденции на стороне земледельческих продуктов.

Начало капиталистического развития находит в земледельческом населении противоположные интересы. Промышленность уничтожает крестьянское домашнее производство и превращает в общем самодовлеющее крестьянское хозяйство в чисто земледельческое, расчитанное на рыночный сбыт предприятие: перемена, за которую крестьянство платится многими жертвами. По-

чрезвычайности замедлял в этой стране накопление, т.-е. дальнейшее развитие капитализма. В крупных хозяйственных территориях, в которых капитализм быстро развился бы и из местных условий, скоро происходила национальная ассимиляция иностранного капитала. Так, Германия очень быстро национально ассимилировала бельгийский и французский капитал, который играл особенно крупную роль в горном деле Рейнской Вестфалии. В мелких же хозяйственных областях эта ассимиляция сильно затрудняется, потому что туземный капиталистический класс возникает с несравненно большей медленностью и трудностями.

Совершенно невозможной сделалась эта эмансипация, когда экспорт капитала изменил свой характер: капиталисты крупных хозяйственных территорий стараются создать в чужих странах не такие промышленные отрасли, которые производят средства потребления, а больше заботятся о том, чтобы обеспечить за собою господство над сырым материалом для своих все более вырастающих промышленных отраслей, производящих средства производства. Так, рудники и горные заводы государств на Пиренейском полуострове попали под власть иностранного капитала, который экспортируется сюда уже не как ссудный капитал, а прямо вкладывается в эти рудники; так — при более серьезном сопротивлении — случилось и с минеральными богатствами Скандинавии, в особенности Швеции. Таким образом в эпоху, когда эти страны, быть-может, оказались бы вообще способными перейти к основанию важнейшей из современных индустрий, собственной железной промышленности, у них отнимается сырой материал, который вывозится для английской, германской и французской промышленности. Благодаря этому их экономическое развитие, а вместе с тем и политическое, и финансовое, остановилось на первых ступенях. Экономически подданные иностранного капитала [1]), они и в политическом отношении превратились в государства второго порядка, неспособные обойтись без покровительства крупных держав.

С другой стороны, возрастающее значение капиталистической колониальной политики поставило Англию перед такой задачей, как сохранение ее колониального царства; а эта задача была тожественна с сохранением господства на морях и с охраной путей в Индию. Но для этого необходимо располагать гаванями на Атлантическом океане, и это заставляет Англию поддерживать

России Каутский сильно преувеличил значение этого явления; в России довольно энергично развертываются те же процессы, о которых автор сейчас скажет в тексте. И. С.).

[1]) То же самое и в случае с Россией. Но благодаря обширности территории, ей много легче удастся национальная ассимиляция, которая отчасти уже и началась в ней. Радикальнейшим средством для этой ассимиляции было бы государственное банкротство.

хорошие отношения с прибрежными государствами по Атлантическому океану. Она могла достигнуть этого политическими способами, потому что экспортом своего капитала держала в экономической зависимости от себя более мелкие из этих государств. Сила английского флота побудила склониться на сторону Англии и Францию, когда притязания Германии на участие в колониальной политике создали антагонизм между Германией и Францией и заставили последнюю, как и все другие государства, обладающие колониями, опасаться за свои владения. Так развивалась тенденция, — правда, не в том направлении, чтобы уничтожить внутри Европы таможенные заставы и создать таким образом обширную единую хозяйственную территорию, но в том направлении, что сравнительно мелкие, а потому экономически отсталые политические единицы политически группируются вокруг крупнейших единиц. Эти политические связи воздействуют обратно на экономические отношения и создают из страны, политически находящейся в свите, преимущественную сферу для приложения капитала страны-покровительницы. Дипломатия непосредственно состоит здесь на службе у капитала, ищущего применения.

Но пока мелкие государства еще не прочно „прибраны к рукам“, они превращаются в арену необузданной конкуренции иностранного капитала. И здесь исход стараются решить политическими мерами. Напр., с поставкой пушек для Сербии связывается политическое решение, изберет ли она франко-русскую поддержку или германо-австрийскую [1]). Политическая власть приобретает таким образом решающее значение в конкурентной борьбе, и прибыль финансового капитала непосредственно связывается с политической силою государства. Важнейшей функцией дипломатии становится теперь представительство финансового капитала. К чисто политическому оружию присоединяется торгово-политическое [2]), и ставки торгового договора опреде-

[1]) Мелкие государства, договариваясь об устройстве займов, напротив, лишь с трудом могут связать с ними условия о промышленных заказах, отчасти потому, что их промышленность слабее. „Нидерландским банком нередко посылался тот небезосновательный упрек, что они часто снабжают заграницу капиталом, не ставя при этом никаких условий“... Биржа „отдавала заграницу, в последний раз (в 1905 г.) Южной Америке, сравнительно крупные капиталы, не связывая с этим никаких условий в пользу нидерландской промышленности, как нередко делается в Бельгии, Германии и Англии“. G. Hesselink, „Holland“, в Halles „Weltwirtschaft“, III. Theil, стр. 118.

[2]) О том превосходстве, какое дает тут более обширная хозяйственная территория, см. у Richard Schüller, „Schutzzol und Freihandel“, Wien 1905, стр. 247: „Внешняя торговля небольшой области велика по сравнению с размерами ее производства и потому важна для этой страны; но для крупных иностранных держав, из которых она ввозит и в которые хочет вывозить товары, этот товарообмен по сравнению с

Но тот же интерес обеспечивает капиталу поддержку и деревенского среднего сословия, и таким образом исчезает старая противоположность интересов между буржуазией и мелкой буржуазией: последняя политически становится охранным войском крупного капитала. Это нисколько не изменяется от того, что исполнение требований среднего сословия ни мало не улучшило его положения. Создание государственных принудительных организаций мелкого производства повсюду потерпело фиаско. Даже в тех случаях, где мелкое производство еще жизнеспособно, товарищества и цехи, напр., в области производства предметов питания в крупных городах, превратились в своего рода картели, которые сообща стараются грабить потребителей, — как хотя бы в мясном и пекарном промыслах. Или же это — работодательские союзы: прямо ли, или же таким способом, что члены цехов in corpore вступают в какой-нибудь союз работодателей, внешне обособленный, но внутренно зависимый от цеха [1]).

Но как-раз эта, столь противоположная старому ремеслу, невозможность отстаивать сколько-нибудь важные собственные экономические требования делает среднее сословие неспособным к самостоятельной политике, превращает политику охвостья в необходимость для него. Неспособное к самостоятельной классовой политике, оно становится добычей всяческой демагогии,— только считалась бы последняя с его враждебностью к рабочему классу. Из экономического противника рабочих оно становится их политическим противником и, уже неспособное использовать для себя политическую свободу, видит в ней средство, которое оказывает особое содействие укреплению политической, а вместе с тем и экономической силы рабочего класса. Оно становится политически реакционным и, чем меньше у него дом, тем большее значение придает оно тому, чтобы оставаться хозяином в своем собственном доме. Оно апеллирует к сильной руке в правительстве и готово поддерживать всяческую политику насилия, если она направляется против рабочих. Таким образом оно становится восторженным сторонником сильной правительственной власти и с энтузиазмом поддерживает милитаризм и маринизм, равно как и властную бюрократию. Следовательно, оно обслуживает дело империалистических классов, — и, значит, и в этом отношении становится самым ценным их союзником. И тот же империализм снабжает его новой идеологией. От быстрого расширения капитала оно ждет улучшения собственных дел, увеличения работы, усиления покупательной способности заказчиков, — и превращается в пламенного попутчика империалистических партий. Но в то же время оно наиболее легко подвергается воздействию разных способов, которые должны повлиять на подачу голосов, и прежде всего—бойкоту, направленному против его предприятий: его слабость превращает его в превосходный об'ект для политической эксплоатации.

Конечно, оно огорчается, когда ему подают счет расходов, и гармония между ним и крупным капиталом на некоторое время нарушается. Но огромнейшая часть налогов доставляется рабочими, а если косвенные налоги и его затрагивают сильнее, чем крупный капитал, то ведь его способность к сопротивлению слишком мала для того, чтобы порвать союз. Только небольшая часть среднего сословия вырывается из свиты, следующей за буржуазией, и примыкает к пролетариату. Эти элементы, оставляя в стороне самостоятельных только по видимости владельцев производств без помощников, всех тех, кто в действительности является просто рабочим домашней промышленности, по большей части принадлежат к особым слоям городской розничной торговли: обслуживая преимущественно покупателей-рабочих, они по коммерческим ли соображениям, вследствие ли постоянного общения с рабочими начинают разделять их воззрения и примыкают к рабочей партии.

Совершенно иную позицию занимают те слои, которые в последнее время установилось дурное обыкновение называть „новым средним сословием“. Это—служащие в торговле и промышленности. Развитие крупного производства и общественная форма предприятий до чрезвычайности увеличили их количество и превратили их, в известной иерархической градации, в действительных руководителей производства. Нарастание этого слоя быстрее, чем нарастание даже пролетариата. Поступательное движение к повышению органического состава капитала знаменует относительное, а в некоторых случаях и в некоторых отраслях промышленности и абсолютное сокращение числа рабочих. Но по отношению к техническому персоналу этого не наблюдается: численность его увеличивается с увеличением размеров производства, хотя и не так быстро. В самом деле, повышение органического состава знаменует усиление автоматизма в производстве, перемены и усложнение в машинах. Введение новых

почти во всякий момент какая-нибудь из отраслей да затронута стачкой, а потому союз „так сказать, постоянно находится на военном положении“. А с другой стороны — и это главное — они открывают возможность солидарных действий крупной промышленности, мелкой промышленности и ремесла. По причинам политического свойства барон фон-Рейсвиц придает особую ценность этой солидарности всех групп промышленности. Ремесленник, — говорит он,—наилучший передовой борец в партизанской войне против социал-демократии, а потому крупная промышленность сильно заинтересована в том, чтобы поддержать его экономическую жизнеспособность. См. Reiswitz, „Gründet Arbeitgeberverbände“, стр. 22 и сл. Цитир. у Dr. Gerhard Kessler, „Die deutschen Arbeitgeberbände“, в „Schriften des Vereines für Sozialpolitik“, 124. Band, Leipzig 1907, стр. 106 и сл.

[1]) См. Kessler, loc. cit., стр. 15.

курентная борьба, или же картель или трест положит ей конец на более или менее продолжительное время. В общем, чем больше разница в силе, тем вероятнее борьба. Но всякая победоносная борьба увеличила бы силы победителя и таким образом повела бы к передвижке в соотношении сил к выгоде победителя и невыгоде всех остальных. Отсюда в новейшее время—международная политика status quo, которая близко напоминает политику равновесия на ранних стадиях капитализма. К этому присоединяется страх перед внутренними политическими последствиями войны, порождаемый социалистическим движением. Но, с другой стороны, решение вопросов о войне и мире лежит во власти не одних только высококапиталистических государств, в которых резче всего выражены тенденции против военных осложнений. Капиталистическое пробуждение наций Восточной Европы и Азии сопровождалось сдвигом в соотношении сил, и это обстоятельство, оказывая отраженное действие на крупные державы, может повести к тому, что здесь произойдет разряд существующих противоречий.

Но если политическая сила государства становится на мировом рынке орудием конкуренции финансового капитала, то это, разумеется, знаменует полную перемену в отношении буржуазии к государству. В борьбе против экономического меркантилизма и политического абсолютизма буржуазия была носительницей враждебного отношения к государству. Либерализм действительно был разрушительным, в самом деле знаменовал „переворот", направленный против власти государства, знаменовал расторжение старых пут. Опрокидывалась вся с трудом возведенная система отношений зависимости в деревне и система связей товариществами с ее сложною надстройкой привилегий и монополий—в городе. Победа либерализма означала прежде всего огромное уменьшение силы государственной власти. Экономическая жизнь, по крайней мере, в принципе, должна быть совершенно освобождена от государственного регулирования, а политически государство должно ограничиться надзором за безопасностью и установлением гражданского равенства. Таким образом либерализм действовал чисто отрицательно: в вопиющем контрасте с государством меркантилистского раннего капитализма, который в принципе хотел все регламентировать; в контрасте и со всеми социалистическими системами, которые не разрушительно, а созидательно выдвигают на место анархии и свободы конкуренции сознательное регулирование обществом, которое организует экономическую жизнь, а вместе с тем—и само себя. Совершенно естественно, что принцип либерализма раньше всего нашел осуществление в Англии, где носительницей его была фритредерскал-буржуазия, которую даже антагонизм с пролетариатом лишь в сравнительно короткие периоды вынуждал апеллировать к государственной власти. Но даже в Англии его осуществление

наталкивалось на сопротивление не только старинной аристократии, которая вела протекционистскую политику, следовательно противилась принципу либерализма: сопротивление исходило также отчасти со стороны торгового капитала и банкового капитала, оперировавшего за границей: он требовал прежде всего сохранения господства на морях, и это требование энергичнейшим образом поддерживалось слоями, заинтересованными в колониях. На континенте же либеральная концепция государства могла достигнуть господства лишь таким способом, что она с самого начала подверглась сильным сгибам. Континентальный либерализм, получивший классическую выработку у французов, с несравненно бо́льшей смелостью и неумолимой последовательностью, чем английский либерализм, сделал все теоретические выводы во всех областях политической и интеллектуальной жизни вообще: выступив позже, он был вооружен совершенно иным научным аппаратом, чем либерализм английский; поэтому его формулировка носила несравненно более универсальный характер, его основой была рационалистическая философия, между тем как английский либерализм в существенном опирался на политическую экономию. Но характерная противоположность между идеологией и действительностью: практическому осуществлению либерализма на континенте с самого начала были поставлены определенные границы. Да и как могла бы осуществить либеральное требование ослабления государственной власти такая буржуазия, для которой было экономически необходимо государство, как самый мощный рычаг ее развития? Для нее дело могло заключаться не в уничтожении государства, а лишь в его преобразовании, в превращении из тормоза в опору ее собственного развития. Континентальная буржуазия прежде всего нуждалась в преодолении раздробленности на мелкие государства, в том, чтобы бессилие мелкого государства было заменено всесилием единого государства. Потребность создания национального государства с самого начала должна была сделать буржуазию государственно-охранительным элементом. И дело шло на континенте не о морской силе, но о силе сухопутной. Между тем современная армия смужит несравненно более удобным средством, чем флот, для того, чтобы противопоставить государственную власть обществу. Она с самого начала дает возможноссь обособления государственной власти и сосредоточения ее в руках тех, кто располагает армией. С другой стороны, всеобщая воинская повинность, которая ставит под ружье массы, очень скоро должна была убедить буржуазию, что требуется строго иерархическая организация, с обособленным офицерским корпусом, который был бы послушным орудием государства: иначе армия превратится в угрозу для ее господства. Итак, в таких странах, как Германия, Италия или Австрия, либерализм оказался неспособным провести свою государственную программу. С другой

в том, чтобы картелирование натолкнулось на противодействие. Но этот интерес перекрещивается с другими интересами. Поскольку дело идет о промышленных отраслях, неспособных или еще неспособных к экспорту, эти отрасли связываются с картелированной промышленностью общими протекционистскими интересами, которые можно защитить лишь общими действиями; мало того: картелированная промышленность выступает мощным передовым борцом за охранительные пошлины. Далее, образование одного картеля создает тенденции к монополизации в других. Как раз наиболее сильные и наиболее способные к конкуренции капиталисты еще некартелированных отраслей приветствуют образование картелей, потому что они должны ускорить концентрацию, а вместе с тем повысить способность к картелированию их собственной промышленной отрасли. Обороны против картелирования других отраслей они ищут в создании собственного картеля, но отнюдь не в борьбе за свободу торговли: цель их стремлений — не свобода торговли, а возможность использовать охранительные пошлины посредством собственного картеля.

Кроме того, между средними и мелкими капиталистами тоже множатся случаи косвенной зависимости от капитала. Мы видели, как в крупнейшем масштабе такою зависимостью охватывается капиталистическая торговля. Разумеется, этим обусловливается вполне определенный антагонизм, пока процесс подчинения еще не закончен. Но как только он закончится, именно эти слои солидаризуются в своих интересах с картелем. Торговцы, — являющиеся в настоящее время агентами угольного или спиртового синдиката, — именно потому в особенности заинтересованы в усилении синдиката, который освобождает их от конкуренции посторонних, и в расширении синдиката, потому что это увеличивает их обороты. Что же касается многочисленных и все умножающихся случаев косвенной зависимости промышленников, работающих на универсальный магазин, на крупное промышленное соглашение, то и здесь наблюдается такое же явление: ведь рост картелирования вообще знаменует возрастающую одинаковость интересов всего капиталовладения. В том же направлении действует соучастие мелких и средних капиталистов в крупной промышленности. Благодаря акционерной форме предприятий, прибыль, накопленная в других отраслях промышленности, отчасти тоже вкладывается в отрасли тяжелой промышленности: эта промышленность быстрее всего захватывается тем развитием, которое требует ускоренного расширения производства средств производства, картелирование принимает здесь наиболее выработанные формы, а потому и норма прибыли наивысшая.

Наконец, политика финансового капитала, это — политика энергичнейшего расширения и постоянной погони за новыми

сферами приложения капитала и новыми рынками сбыта. Но чем быстрее расширяется капитализм, тем продолжительнее эпоха процветания, тем короче кризис. В расширении одинаково заинтересован всякий капитал, а в эпоху протекционизма оно возможно лишь как империалистское расширение. Кроме того, чем продолжительнее эпоха процветания, тем менее ощутительна конкуренция капитала в собственной стране, тем меньше угрожающая мелким капиталистам опасность, что они будут побеждены конкуренцией крупных. Это относится к мелким капиталистам всех отраслей промышленности, и картелированных в том числе. Ведь как-раз эпохи депрессии наиболее опасны для существования картелей, — и, наоборот, депрессия, с ее обостряющейся конкурентной борьбой внутри, с массами бездеятельного капитала представляет то время, когда сильнее всего становится стремление отыскать новые рынки.

После того, как в течение десятилетий опровергали теорию концентрации Маркса, в настоящее время она превратилась в трюизм. Упадок промышленного среднего сословия признается непредотвратимым. Но здесь нас интересует не столько количественное сокращение мелкого производства, вытекающее из его уничтожения, сколько то изменение, которое порождается современным капиталистическим развитием в структуре мелкого промышленного и торгового производства. Значительная часть мелких производств играет вспомогательную роль при крупных производствах, и потому заинтересована в расширении последних. Репаратурный промысел в городах, установочная промышленность и т. д. обязаны своим возникновением крупному фабричному производству, которое еще не овладело мелкими и починочными работами. Враг репаратурных предприятий всякого рода — не фабрика, а ремесло, которым обслуживаются все эти производственные процессы. Следовательно, соответственные слои ремесла находятся в антагонизме не с крупной промышленностью, а с рабочими. Другая, еще большая часть мелких производств вообще сохраняет только внешнюю видимость самостоятельности; в действительности они попали в косвенную зависимость от капитала (Зомбарт) и сделались таким образом „поданными капитала“ (Отто Бауэр). Это — численно сокращающийся слой, характеризующийся малой способностью к сопротивлению и отсутствием способности к организации, находящийся в полной зависимости от крупных капиталистических предприятий, фактически представляющий агентов последних. Сюда относятся, например, полчища мелких хозяев, которые являются всего лишь агентами по продаже от пивоваренных заводов, собственники магазинов обуви, устраиваемых какой-нибудь фабрикой обуви, и т. д. Сюда же относятся и многочисленные, по видимости самостоятельные столярные мастера, которые работают на мебельный магазин,

вателем мира, но каждый раз, как он завоевывает новую страну, он завоевывает только новую границу, которую необходимо отодвинуть дальше. Это стремление превращается в экономическую необходимость, потому что остановка понижает прибыль финансового капитала, уменьшает его способность к конкуренции и может, в конце концов, меньшую хозяйственную область превратить в данницу крупной. Обосновываемое экономическими соображениями, это стремление идеологически оправдывается при помощи того изумительного сгиба национальной идеи, который уже не признает права каждой нации на политическое самоопределение и независимость, и который уже не является выражением в национальном масштабе демократической догмы о равенстве всего, что носит человеческий облик: нет, согнутая так национальная идея экономическую преимущественность монополии отражает в том привилегированном положении, которое должно принадлежать собственной нации. Последняя является избранною среди всех остальных. Так как подчинение чужих наций осуществляется насилием, следовательно, очень естественным способом, то представляется, как-будто державная нация обязана господством своим особенным естественным свойствам, т.-е. своим расовым особенностям. Таким образом в расовой идеологии стремление финансового капитала к власти приобретает оболочку естественно-научной обоснованности, его действия получают благодаря этому вид естественно-научной обусловленности и необходимости. На место идеала демократического равенства выступил идеал олигархического господства.

Но если этот идеал в области внешней политики охватывает по видимости всю нацию, то во внутренней политике он переворачивается и находит выражение в усиленном подчеркивании хозяйской точки зрения по отношению к рабочему классу. В то же время рост силы рабочих укрепляет стремление капитала еще больше усилить государственную власть, как опору против пролетарских требований.

Так возникает идеология империализма, идущая на смену идеалам старого либерализма. Она осмеивает наивность последнего. Какая иллюзия,—в мире капиталистической борьбы, где все решается исключительно превосходством оружия, верить в гармонию интересов! Какая иллюзия,—ожидать царства вечного мира, возвещать о международном праве, когда судьбы народов решаются только силой. Какая глупость стремиться к тому, чтобы правовое регулирование внутри-государственных отношений перенести на отношения за государственными границами, какое непозволительное нарушение деловой жизни,—эта безответственная сентиментальная гуманность, которая из рабочих делает вопрос, изобрела для внутренних отношений социальную реформу и хочет устранить в колониях контрактовое рабство, единственно обеспечивающее

возможность рациональной эксплоатации. Вечная справедливость—прекрасный сон, но моралью не построишь железных дорог и внутри собственной страны. Как могли бы мы завоевать мир, если бы мы стали ждать прозрения конкурентов?

Но империализм заменяет поблекшие идеалы буржуазии этим разрушением всяких иллюзий только затем, чтобы побудить новые и более грандиозные иллюзии. Взвешивая реальные столкновения групповых капиталистических интересов, он сохраняет свою трезвенность; всю политику он воспринимает как гешефт взаимно борющихся, но и взаимно об'единяющихся капиталистических синдикатов. Но он начинает увлекать и ошеломлять, когда ему приходится раскрывать свои собственные идеалы. Империализм ничего не хочет для себя; но он не принадлежит и к числу тех фантазеров и мечтателей, которые невыразимый хаос рас, стоящих на различных ступенях развития и обладающих различными способностями к нему, не воспринимают как действительность со всем великолепием ее красок, а растворяют в бескровном понятии человечества. Твердым, ясным взором окидывает он вавилонское смешение народов, и выше их всех видит свою собственную нацию. Она реальна, она живет в мощном, все умножающем свою мощь и величие государстве, и ее возвышению посвящены все его силы. Этим достигнуто подчинение интересов индивидуума высшим общим интересам, представляющее условие всякой жизнеспособной социальной идеологии; чуждое народу государство и сама нация связаны так в единое целое, и национальная идея в качестве движущей силы сделалась служанкой политики. Классовые противоречия исчезли и уничтожены, поглощенные службою интересам целого. На место чреватой для собственников неведомыми последствиями опасной борьбы между классами выступили общие действия нации, об'единенной одинаковой целью—стремлением к национальному величию.

Этот идеал, который кажется способным сплотить новыми узами раздираемое буржуазное общество, должен был найти тем более восторженный прием, что процесс разложения буржуазного общества успел продвинуться дальше.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Финансовый капитал и классы.

Мы видели, что об'единение в капиталистические монополии пробуждает заинтересованность капитала в укреплении силы государства. В то же время капитал приобретает способность подчинять себе государственную власть: прямо—собственной эко-

номической силой, косвенно,—подчиняя интересы других классов своим интересам.

Развитие финансового капитала в корне изменяет экономическую, а вместе с тем и политическую структуру общества. Индивидуальные капиталисты ранней эпохи капитализма враждебно противостояли друг другу в конкурентной борьбе. Этот антагонизм мешал общности их действий и в политической, и в других сферах. Существенно и то обстоятельство, что потребности класса удовлетворялись и без таких общих действий: при отрицательном отношении к государственной власти промышленный капитал не выступал как представитель капиталистических интересов, индивидуальный капиталист являлся просто гражданином. Великие вопросы, захватывавшие буржуазию, это были в существенном конституционные вопросы, вопросы об организации современного конституционного государства,—следовательно, вопросы, которые в равной мере касались всех граждан и об'единяли их в общей борьбе против реакции, против остатков феодального и абсолютистско-бюрократического способа управления.

Положение изменилось, когда победа капитализма развязала противоречия внутри буржуазного общества. Против господства промышленного капитала прежде всего восстали мелкая буржуазия и рабочие. Они открыли нападение в экономической области. Свобода промышленности оказалась под угрозою со стороны мелкой буржуазии, которая требовала ограничений, напоминающих о цехах, и со стороны рабочих, которые требовали законодательного регулирования рабочего договора. Теперь на политическую арену выдвинулись уже не граждане, а фабриканты и рабочие, фабриканты и мастера. Политические партии открыто ориентируются теперь по экономическим интересам, между тем как раньше последние скрывались за лозунгами; реакция, либерализм и демократия, за которыми стояли три класса ранней эпохи капитализма—получатели земельной ренты с их продолжением при дворе, в бюрократии и армии, буржуазия и соединившиеся мелкая буржуазия и пролетариат. Таким образом в борьбе за промышленный строй сложились три группы экономических союзов: союзы промышленников, товарищества и организации рабочих, при чем государственная власть всяческими способами покровительствовала первым двум группам, превращая их для функций известного рода в узаконенные союзы. Но в то время, как ориентировка товариществ и профессиональных союзов скоро приобретает характер единства, предпринимательские союзы раскалывались торгово-политическими противоречиями. Кроме того, промышленный капитал политически находился в антагонизме с торговым и ссудным капиталом. Торговый капитал много больше склонялся к усилению государственной власти, чем промышленный капитал, так как оптовая торговля, в особенности заокеаническая вообще и колониальная торговля в частности, стремилась к охране государством и кроме того легко поддавалась соблазну привилегий. Ссудный капитал ранней эпохи капитализма поддерживал государственную власть, с которой ему приходилось проводить свои важнейшие операции, государственные займы, и был совершенно чужд тому стремлению к миру и спокойствию, которым одушевлялся промышленный капитал. Чем крупнее финансовые потребности государства, тем больше его влияние, тем чаще заключаются займы и финансовые сделки. Но из этих займов и сделок тогда вытекала не только непосредственная прибыль. Они представляли также основное ядро и биржевых операций и кроме того важное средство для приобретения банками государственной привилегии. Так, привилегия Английского Банка на выпуск банковых билетов исторически тесно связана с долговыми отношениями государства к банку.

Картелирование об'единяет экономическую силу и таким образом непосредственно повышает ее политическую дееспособность. Но оно вносит в то же время единство в политические интересы капитала и позволяет ему воздействовать всей тяжестью экономической силы прямо на государственную власть. Оно об'единяет интересы всего капитала, который благодаря этому противостоит государственной власти много сплоченнее, чем раздробленный промышленный капитал в эпоху свободной конкуренции. Но в то же время и в других классах населения капитал встречает несравненно большую готовность поддержки.

На первый взгляд это кажется странным, потому что финансовый капитал, повидимому, вступает в противоречие с интересами всех других классов. Ведь монополистическая прибыль, как мы видели, представляет вычет из дохода всех других классов. Картельная прибыль на промышленные продукты удорожает для земледелия средства производства и уменьшает потребительную силу дохода сельских хозяев. Быстрое развитие промышленности отнимает у сельского хозяйства рабочие силы и создает, в связи с технико-научным переворотом в земледельческом производстве, хроническую нужду деревни в людях. И это противоречие должно было ощущаться с наибольшею остротой, пока тенденциям финансового капитала к повышению цены промышленных продуктов не соответствовали подобные тенденции на стороне земледельческих продуктов.

Начало капиталистического развития находит в земледельческом населении противоположные интересы. Промышленность уничтожает крестьянское домашнее производство и превращает в общем самодовлеющее крестьянское хозяйство в чисто земледельческое, расчитанное на рыночный сбыт предприятие: перемена, за которую крестьянство платится многими жертвами. По-

этому оно враждебно относится к промышленному развитию. Но само по себе крестьянство в современном обществе представляет недостаточно дееспособный класс. Не сплоченное на месте, обособленное от городской культуры, с кругозором, ограниченным самыми узкими местными интересами, оно становится политически дееспособным, лишь следуя за другими классами. Но в начале капиталистического развития оно находится в антагонизме как-раз с тем классом деревни, который обладает величайшей дееспособностью, — с крупным землевладением. Последнее непосредственно заинтересовано в промышленном развитии. Оно должно продавать свои продукты, — и капитализм создает для него большой внутренний рынок и открывает возможность развития таких сельско-хозяйственных отраслей промышленности, как винокурение, пивоварение, фабрикация крахмала и сахара и т. д. Такая заинтересованность крупного землевладения имеет крупное значение для развития капитализма: обеспечивает последнему на ранней стадии его развития поддержку крупного землевладения, а вместе с тем и государственной власти. Политика меркантилизма и выдвигалась всегда поместьем, продуктом капиталистического преобразования сеньериального хозяйства.

Дальнейшее развитие капитализма очень быстро разрывает эту общность интересов, порождая борьбу против меркантилизма и его исполнительного комитета, абсолютной государственной власти. Эта борьба направляется непосредственно против землевладения, которое в значительной степени подчиняет эту государственную власть, замещая руководящие посты в войске, бюрократии и при дворе, повышая свои доходы экономической эксплоатацией государственной власти и являясь для окрестностей поместья непосредственным ее представителем. После победы над абсолютизмом и создания современного государства этот антагонизм усиливается. Развитие промышленности усиливает политическую позицию буржуазии и угрожает землевладению полным лишением политической власти. К политическому антагонизму присоединяется обострение экономического антагонизма. Развитие промышленности ведет к обезлюдению деревни, создает нужду в рабочих и некогда столь сильную заинтересованность в вывозе превращает, в конце концов, в заинтересованность во ввозе. Так возникает торгово-политический антагонизм, который в Англии оканчивается поражением землевладения. На континенте общая заинтересованность в протекционизме тормозит развитие антагонизма к наиболее обостренным формам. Пока на континенте промышленная отсталость принуждает крупное сельское хозяйство вывозить свои продукты, крупное землевладение в известных границах все еще сочувствует развитию промышленности и в особенности транспорта. Оно остается фритредерским, и только по мере того, как развивается ввоз, оно обращается к протекционизму и сближается в экономическом отношении с тяжелыми индустриями. Но то самое промышленное развитие, которое в Германии ведет к усилению землевладения, к повышению цены аграрных продуктов и к увеличению земельной ренты, создает зародыши нового антагонизма. Пока не наступил период картелирования, усиление промышленности укрепляет ее фритредерские тенденции и симпатии к торговым договорам, а ее сила угрожает развиться до такой степени, что ей удастся отстоять низкие цены хлеба, в которых она заинтересована. Таким образом промышленное развитие превращается в угрозу для землевладельческих интересов. Эта угроза еще больше возрастает благодаря тому, что то самое развитие, которое превращает европейский континент в промышленное государство, развязывает в Америке земледельческую конкуренцию, угрожающую европейскому земледелию острым крушением хлебных цен, ренты и цены земли. Развитие финансового капитала, изменив функцию протекционизма, перекидывает мост между этими противоположными интересами и создает новую общность интересов между крупным землевладением и тяжелыми картелированными индустриями. Для сельского хозяйства высокий уровень цен теперь обеспечен, а дальнейшее развитие промышленности должно повести к его повышению. Главную заботу землевладению доставляет теперь уже не антагонизм с промышленностью, а рабочий вопрос. Подавление требований рабочих становится для него настоятельнейшей политической задачей; кроме того, в резкий антагонизм с стремлениями промышленных рабочих улучшить свое положение оно вступает и потому, что всякое улучшение затрудняет сохранение деревенских рабочих сил. Таким образом общность вражды к рабочему движению объединяет эти два наиболее мощных класса.

В то же время сила крупного землевладения возрастает и потому, что его антагонизм к мелкому землевладению исчезает или по меньшей мере сильно смягчается. Старый исторический антагонизм давным-давно устранен уничтожением крестьянских повинностей перед помещиками. Период понижения хлебных цен, а также затруднения с рабочим вопросом почти совершенно приостановили расширение крупного землевладения за счет мелкого. С другой стороны, общая борьба за аграрные пошлины объединила крупных и мелких землевладельцев. А если мелкое производство несравненно более, чем крупное, заинтересовано в охране от ввоза скота и мяса, это, разумеется, нисколько не вредило совместности действий; так как пошлин можно было достигнуть только общей борьбой. К этому присоединяется специфическое влияние сельскохозяйственных пошлин на цену земли. Правда, рост земельных цен скорее вреден для сельского хозяйства как такового, но для каждого землевладельца он очень полезен.

Итак, общая борьба за характер торговой политики в странах, нуждающихся во ввозе аграрных продуктов, объединила все слои сельскохозяйственной собственности и таким образом обеспечила финансовому капиталу поддержку деревни. Среднее и мелкое землевладение тем энергичнее присоединялось к этой борьбе, что быстрое развитие товариществ увеличило для каждого крестьянского хозяйства работу на рынок и уменьшило производство для собственного потребления. Притом крупное землевладение очень легко захватывало руководящую роль в этих товариществах, так как, с одной стороны, не было сколько-нибудь серьезной противоположности интересов, а с другой — как-раз крупные землевладельцы располагали необходимым опытом, интеллигентностью и авторитетом. Это опять-таки укрепляло руководящую роль крупного собственника в деревне и приводило к тому, что политика деревни все более направлялась крупным землевладением.

Развитие действовало одновременно и в том направлении, что интересы собственности все более объединялись, так как источники доходов становились все многосложнее. Протекционизм быстро увеличивал доход от земельной ренты, в особенности в последнее десятилетие, когда интенсивность заокеанской аграрной конкуренции начала уменьшаться: отчасти благодаря быстрому промышленному развитию Соединенных Штатов С. Америки [1]), отчасти потому, что земледельческое производство штатов центральной и южной Америки, несмотря на быстрое развитие, не поспевает за увеличением спроса. Повышение же земельной ренты знаменовало, что в распоряжении сравнительно крупного землевладения оставался избыток доходов. Применение этого избытка к расширению земледельческого производства встречалось с известными трудностями: расширение площади возделывания наталкивается на серьезные препятствия в виде сложившегося распределения собственности. Их удается преодолеть, во-первых, в том случае, если тенденция к повышению хлебных цен сильна и устойчива настолько, что повышенная цена земли представляется совершенно естественной; и, во-вторых, в том случае, если — здесь мы открываем второе важное обстоятельство — крупный землевладелец находит нищающее крестьянство, неспособное противиться скупке его земли. Но период с половины 70-х годов до половины первого десятилетия XX века был благоприятным для крестьянства. Заморская конкуренция всей своей тяжестью обрушилась как-раз на крупное землевладение, ведущее в широком масштабе зерновое хозяйство и экстенсивное скотоводство; ему же больше всего вредил и недостаток рабочих. Напротив, сильный рост городского спроса на главные продукты более мелкого производства, на молоко, мясо, овощи, фрукты и т. д., и сравнительно меньшее значение рабочего вопроса для этого производства, — все это благоприятствовало средней и мелкой собственности. Стремление крупного производства расширить свое землевладение могло с полной силой развернуться лишь тогда, когда тенденция к падению хлебных цен была побеждена противоположной тенденцией; но тут-то именно оно и натолкнулось на сопротивление сильного среднего, и мелкого владения, для главных продуктов которого тоже обнаружилась тенденция к повышению цен. Следовательно, упомянутому избытку доходов крупного землевладения приходилось в поисках за прибыльным применением обратиться прежде всего к промышленности. В этом направлении толкало и то обстоятельство, что начавшийся с 1895 г. бурный период высокой конъюнктуры увеличивал норму прибыли в промышленности и во всяком случае поднимал ее значительно выше нормы прибыли в сельском хозяйстве. Возможность такого применения избытков сильно облегчалась тем, что развитие акционерных обществ создавало форму, приспособленную для приложения капиталов, притекающих из других сфер, концентрация же и консолидирование крупной промышленности очень уменьшали риск даже для посторонних. Здесь же надо отметить быстрое развитие собственно деревенских отраслей промышленности, которые при содействии государственной власти (налоговое законодательство) достигают монопольного положения, столь же быстрое развитие промышленных отраслей, просто имеющих свое местопребывание в деревне, и, наконец, в особенности важное для крупнейших землевладельцев соединение сельскохозяйственного и горнопромышленного землевладения, сложив-

[1]) Вывоз Соединенных Штатов составлял в 1901 г.—33% всего производства пшеницы, в 1902 г.—29%, в 1903 г.—19,5%, в 1904 г.—10,5%. I. M. Rubinow, „Russia's wheat trade". Washington 1908.

В замечаниях вашингтонского Department of Commerce and Labour, цитируемых Марией Шваб, говорится: „То уменьшение вывоза хлеба, пищевых средств и хлопка, которое наступило в недавние годы и особенно в последний 1903—1904 год, нельзя объяснить ни плохими урожаями в Америке, ни понижением цен за границей. За последние годы сбор кукурузы, пшеницы, и хлопка был не ниже среднего, в большинстве случаев даже необычно высокий. Главная причина того, что доля земледельческих продуктов в общем вывозе все понижается, очевидно, заключается в росте потребности Соединенных Штатов. То количество пшеницы, которое оставалось в Соединенных Штатах для внутреннего потребления, до 1880 г. ни разу не достигало 275 миллионов бушелей. В 1883 г. оно превысило 300 миллионов и возрастало мало-по-малу с дальнейшим увеличением населения. В 1889 г. оно составило более 400 миллионов бушелей, в 1902 г. свыше 500 милл. и в отчетном году, окончившемся 30 июня 1904 г., 517 милл. бушелей. Это—наибольшая сумма, не достигавшаяся ни в один из прежних годов.

„Население Соединенных Штатов в период 1880—1900 г.г. увеличилось с 50 до 76 миллионов, т.-е., на 52%, между тем как площадь, засеянная пшеницей, увеличилась в республике всего с 34 до 42 миллионов акров, или на 23½%. Вся же площадь под хлебами разного рода повысилась с 136 миллионов только до 158 миллионов акров, или на 16½%". Там же, стр. 72.

шееся еще в старые времена. Все это превращало класс крупных землевладельцев из класса, доход которого получался из земельной ренты, в такой класс, доходы которого проистекают кроме того—и все в возрастающей мере—из промышленной прибыли, из доли в барышах „движимого капитала“ [1]).

С другой стороны, возрастал интерес финансового капитала к ипотечным операциям. Но для их широты решающее значение имеет caeteris paribus уровень земельных цен. Чем выше цена земли, тем выше может быть ипотечная задоженность. Следовательно, повышение аграрных пошлин получает крупное значение для развития немаловажной части банковых операций. В то же время повышающиеся доходы землевладельцев и арендаторов служат приманкой для приложения к земледелию новых капиталов, побуждают увеличить интенсивность производства, а вместе с тем увеличивать количество оборотных средств, — следовательно, опять-таки приводят к расширению этой сферы приложения банкового капитала.

---

[1]) Для Пруссии см. „Das Kapitalvermögen der selbständigen Landwirte in Preussen“ профессора д-ра Ф. Кюнерта в „Zeitschrift des königlichpressischen statistischen Landesamtes“, 48. Jahrg., 1908. Основой служит прусская статистика задолженности собственников земельных владений с минимальной цифрой земельного налога в 60 марок, т.-е., действительно самостоятельных сельских хозяев; она построена на материалах относительно подоходного и дополнительного налога за 1902 г. Под „собственно капитальным имуществом“ здесь разумеется не собственность на земельные участки, на оборотный капитал земледелия и лесоводства, и не собственность на промышленный и горнопромышленный основной и оборотный капитал, а всевозможные ценные бумаги разного рода, как-то: акции, вклады в сберегательные кассы, паи горнопромышленных обществ и т. д. Следовательно, имеется в виду капитал, за исключением сельскохозяйственного и промышленного основного и оборотного капитала. Оказывается, что собственники участков земли с минимальными размерами поземельного налога в 60 марок—общее число их составляло 720.067 — в общем обладали капитальною собственностью в 7.920.781.703 марок; из этой цифры 3.997.549.251 мар., или 50,5%, приходится на собственников, которые из сельского хозяйства или лесоводства получают главный доход, т.-е., главная профессия которых определяется в общем как „самостоятельный сельский хозяин“; 3.923.232.452 мар., или 49,5%, приходится на 91.191 собственника с дополнительным доходом из земледелия и лесного хозяйства; это главным образом собственники, для которых сельское хозяйство представляет подсобную профессию.

Из всей валовой собственности 720.067 прусских самостоятельных хозяев, составляющей 39.955.313.135 марок, 74,1% приходится на землевладение, 19,8% на капиталовладение, 5,9% на основной и оборотный промышленный капитал и 0,2% на самостоятельные права и привилегии. В частности, из всего имущества 628.876 собственников, для которых главная профессия—сельское хозяйство, и которые владеют 28.541.502.216 мар., соответственные процентные числа составляют 84,9; 14,0; 1,0 и 0,1, а для тех 91,191 собственников, для которых сельское хозяйство представляет сторонюю профессию, и которым принадлежит 11.413.811.919 марок, соответственные цифры 47,1, 34,4, 18,3 и 0,3%.

С другой стороны, стремление возвысить свое положение в обществе побуждало городских капиталистов приобретать земельную собственность или — здесь мы тоже встречаемся с принципом персональной унии — присоединять крупное землевладение посредством браков: излюбленная форма переплетения социальных групп и противодействия раздроблению собственности.

Таким образом то отделение функции собственности от функции руководства производством, которое выдвигается акционерной организацией, приносит с собою возможность солидаризации собственнических интересов, а с повышением земельной ренты, с одной стороны, дополнительной промышленной прибыли — с другой, эта возможность становится действительностью. „Богатство“ уже не дифференцируется по источникам дохода, по тому, происходит ли оно из прибыли или из ренты: оно притекает теперь от соучастия во всех частях, на которые распадается прибавочная стоимость, производимая рабочим классом.

Но связь с крупным землевладением до чрезвычайности усиливает способность финансового капитала к подчинению государственной власти. В крупном землевладении он завоевывает политически руководящий слой, а вместе с ним в большинстве случаев — и деревню вообще. Правда, поддержка землевладения — отнюдь не безусловная и, несомненно, обходится очень дорого. Но те издержки, которые приходится оплачивать в виде повышенной цены земледельческих продуктов, легко покрываются дополнительными прибылями, которые доставляют финансовому капиталу подчинение государственной власти, conditio sine qua non проведения империалистской политики. Поддержкою крупного землевладения он обеспечивает себе содействие класса, который замещает, по-большей части, высшие и влиятельнейшие должности и осуществляет господство над бюрократией и войском. С другой стороны, империализм знаменует укрепление государственной власти, увеличение армии и флота и бюрократии вообще, — и это опять-таки укрепляет солидарность интересов финансового капитала и крупного землевладения.

* * *

Итак, в стремлении к подчинению государственной власти финансовый капитал нашел поддержку со стороны влиятельного слоя деревни. Развитие классовых противоречий среди промышленных производителей сначала тоже благоприятствовало этому стремлению.

Первоначально финансовый капитал выступает в антагонизме с мелким и средним капиталом. Мы видели, что картельная прибыль представляет вычет из прибыли некартелированной промышленности. Следовательно, последняя заинтересована

в том, чтобы картелирование натолкнулось на противодействие. Но этот интерес перекрещивается с другими интересами. Поскольку дело идет о промышленных отраслях, неспособных или еще неспособных к экспорту, эти отрасли связываются с картелированной промышленностью общими протекционистскими интересами, которые можно защитить лишь общими действиями; мало того: картелированная промышленность выступает мощным передовым борцом за охранительные пошлины. Далее, образование одного картеля создает тенденции к монополизации в других. Как раз наиболее сильные и наиболее способные к конкуренции капиталисты еще некартелированных отраслей приветствуют образование картелей, потому что они должны ускорить концентрацию, а вместе с тем повысить способность к картелированию их собственной промышленной отрасли. Обороны против картелирования других отраслей они ищут в создании собственного картеля, но отнюдь не в борьбе за свободу торговли: цель их стремлений — не свобода торговли, а возможность использовать охранительные пошлины посредством собственного картеля.

Кроме того, между средними и мелкими капиталистами тоже множатся случаи косвенной зависимости от капитала. Мы видели, как в крупнейшем масштабе такою зависимостью охватывается капиталистическая торговля. Разумеется, этим обусловливается вполне определенный антагонизм, пока процесс подчинения еще не закончен. Но как только он закончится, именно эти слои солидаризуются в своих интересах с картелем. Торговцы, — являющиеся в настоящее время агентами угольного или спиртового синдиката, — именно потому в особенности заинтересованы в усилении синдиката, который освобождает их от конкуренции посторонних, и в расширении синдиката, потому что это увеличивает их обороты. Что же касается многочисленных и все умножающихся случаев косвенной зависимости промышленников, работающих на универсальный магазин, на крупное промышленное соглашение, то и здесь наблюдается такое же явление: ведь рост картелирования вообще знаменует возрастающую одинаковость интересов всего капиталовладения. В том же направлении действует соучастие мелких и средних капиталистов в крупной промышленности. Благодаря акционерной форме предприятий, прибыль, накопленная в других отраслях промышленности, отчасти тоже вкладывается в отрасли тяжелой промышленности: эта промышленность быстрее всего захватывается тем развитием, которое требует ускоренного расширения производства средств производства, картелирование принимает здесь наиболее выработанные формы, а потому и норма прибыли наивысшая.

Наконец, политика финансового капитала, это — политика энергичнейшего расширения и постоянной погони за новыми

сферами приложения капитала и новыми рынками сбыта. Но чем быстрее расширяется капитализм, тем продолжительнее эпоха процветания, тем короче кризис. В расширении одинаково заинтересован всякий капитал, а в эпоху протекционизма оно возможно лишь как империалистское расширение. Кроме того, чем продолжительнее эпоха процветания, тем менее ощутительна конкуренция капитала в собственной стране, тем меньше угрожающая мелким капиталистам опасность, что они будут побеждены конкуренцией крупных. Это относится к мелким капиталистам всех отраслей промышленности, и картелированных в том числе. Ведь как-раз эпохи депрессии наиболее опасны для существования картелей, — и, наоборот, депрессия, с ее обостряющейся конкурентной борьбой внутри, с массами бездеятельного капитала, представляет то время, когда сильнее всего становится стремление отыскать новые рынки.

После того, как в течение десятилетий опровергали теорию концентрации Маркса, в настоящее время она превратилась в трюизм. Упадок промышленного среднего сословия признается непредотвратимым. Но здесь нас интересует не столько количественное сокращение мелкого производства, вытекающее из его уничтожения, сколько то изменение, которое порождается современным капиталистическим развитием в структуре мелкого промышленного и торгового производства. Значительная часть мелких производств играет вспомогательную роль при крупных производствах, и потому заинтересована в расширении последних. Репаратурный промысел в городах, установочная промышленность и т. д. обязаны своим возникновением крупному фабричному производству, которое еще не овладело мелкими и починочными работами. Враг репаратурных предприятий всякого рода — не фабрика, а ремесло, которым обслуживаются все эти производственные процессы. Следовательно, соответственные слои ремесла находятся в антагонизме не с крупной промышленностью, а с рабочими. Другая, еще большая часть мелких производств вообще сохраняет только внешнюю видимость самостоятельности; в действительности они попали в косвенную зависимость от капитала (Зомбарт) и сделались таким образом „поданными капитала“ (Отто Бауэр). Это — численно сокращающийся слой, характеризующийся малой способностью к сопротивлению и отсутствием способности к организации, находящийся в полной зависимости от крупных капиталистических предприятий, фактически представляющий агентов последних. Сюда относятся, например, полчища мелких хозяев, которые являются всего лишь агентами по продаже от пивоваренных заводов, собственники магазинов обуви, устраиваемых какой-нибудь фабрикой обуви, и т. д. Сюда же относятся и многочисленные, по видимости самостоятельные столярные мастера, которые работают на мебельный магазин,

мастера-портные, работающие на магазин готового платья, и т. п. Нет необходимости подробнее останавливаться на этих отношениях, тем более, что они обстоятельно и превосходно обрисованы Зомбартом в его „Современном капитализме“ [1]).

Что важно здесь, так это то, что одновременно с развитием в указанном направлении изменялась политическая позиция этих слоев. Борьба интересов мелкого производства и крупного производства, представлявшаяся в начале капитализма борьбою ремесла против капиталистического предприятия, в существенных чертах решена. Эта борьба заставляла старое среднее сословие занять враждебную капитализму позицию. Среднее сословие пыталось отсрочить свое поражение борьбою против свободы промышленности, обузданием крупно-капиталистических предприятий. Законодательство призывалось к тому, чтобы продлить существование среднего сословия охраной ремесленников, возрождением цехов, установлением сроков ученичества, дифференцированием налогового законодательства и т. д. В этой борьбе против крупного капитала среднее сословие нашло поддержку со стороны деревенских классов, которые в ту эпоху тоже разделяли антикапиталистические тенденции. Но оно натолкнулось на враждебность рабочего класса, который в ограничении производительных сил по справедливости видел угрозу своим жизненным интересам.

Существенно иная позиция теперешнего мелкого производства. Поскольку дело касается конкуренции между капиталом и ремеслом, конкурентная борьба в основных чертах здесь окончена. Борьба за концентрацию разыгрывается скорее в сфере самого капитализма, как борьба мелких и средних производств против исполинского производства. В настоящее время мелкие производства в существенных чертах являются подданными крупных предприятий; если даже их самостоятельность — не просто фиктивная, они являются всего лишь вспомогательными предприятиями при крупных производствах. Таковы установочные предприятия (монтерские работы) в осветительном деле, таковы современные крупно-городские фирмы, сбывающие продукты фабрик и т. д. Все они не ведут конкурентной борьбы против крупной промышленности, — напротив, заинтересованы в наибольшем ее расширении, потому что они выполняют при ней репаратурные и вспомогательные работы, являются ее торговцами или агентами. Этим не исключается то явление, что они конкурируют между собою, что и среди них проявляется движение к концентрации. Но эта борьба в общем уже не принимает антикапиталистического характера: напротив, они ждут своего спасения

[1]) Имеется русский перевод под ред. В. Базарова и И. Степанова, изд. С. Скирмунта. 2 т, И. С.

только от быстрейшего развития капитализма, продуктом которого являются и они сами, и которое расширяет арену их операций. Напротив, поскольку они держат наемных рабочих, их антагонизм с рабочим классом все более обостряется: ведь сила рабочих организаций как раз в мелких производствах оказывается наибольшею.

Но даже в тех сферах, где мелкому производству еще принадлежит перевес, как, напр., в строительной промышленности, антагонизм с крупным капиталом утрачивает свою остроту. Не только потому, что и эти предприниматели, вынужденные обращаться к банковому кредиту, проникнуты вполне капиталистическим духом, и не только потому, что их антагонизм по отношению к рабочим становится все интенсивнее, но и потому, что каждый раз, как они выступают со своими специфическими требованиями, они все реже встречают сопротивление, но зато нередко находят прямую поддержку со стороны именно крупнейшего капитала. Борьба за и против свободы промышленности с особенной интенсивностью велась в промышленных отраслях, производящих средства потребления, между ремесленными мастерами, с одной стороны, и мелкими и средними фабрикантами — с другой. Портные, сапожники, каретники, строительные ремесленники были передовыми борцами на одной стороне, текстильные фабриканты, конфекционеры и т. д. — на другой. Напротив, в настоящее время, когда борьба во всем существенном решена, охрана ремесленников не затрагивает сколько-нибудь жизненных интересов развитых капиталистических сфер. Для угольного синдиката, для союза стальных заводов, для электрической и химической промышленности довольно-таки безразличны те требования, с которыми выступает среднее сословие в настоящее время. Те интересы мелких и средних капиталистов, которые могли бы пострадать от осуществления этих требований, не являются непосредственно их интересами. Напротив, представители этих требований являются наиболее энергичными и ожесточенными врагами требований рабочих. В этих сферах мелкого производства царит ожесточеннейшая конкуренция, норма прибыли — наиболее низкая. Всякая новая социальная реформа, всякий успех профессиональных союзов кладет конец целому ряду таких производств. Здесь рабочие встречают наиболее ярых противников, — но здесь же крупный капитал и крупные предприниматели находят для себя наилучшее охранное войско [1]).

[1]) До какой степени ясно сознается это крупными промышленниками, показывает пример барона фон-Рейсвица, генерального секретаря союза работодателей в Гамбурге-Альтоне и главного бойца за принцип смешанных союзов работодателей. В качестве преимуществ смешанных союзов он выдвигает следующее: во-первых, они оказывают на работодателей „чрезвычайное воспитательное действие“, так как

Но тот же интерес обеспечивает капиталу поддержку и деревенского среднего сословия, и таким образом исчезает старая противоположность интересов между буржуазией и мелкой буржуазией: последняя политически становится охранным войском крупного капитала. Это нисколько не изменяется от того, что исполнение требований среднего сословия ни мало не улучшило его положения. Создание государственных принудительных организаций мелкого производства повсюду потерпело фиаско. Даже в тех случаях, где мелкое производство еще жизнеспособно, товарищества и цехи, напр., в области производства предметов питания в крупных городах, превратились в своего рода картели, которые сообща стараются грабить потребителей, — как хотя бы в мясном и пекарном промыслах. Или же это — работодательские союзы: прямо ли, или же таким способом, что члены цехов in corpore вступают в какой-нибудь союз работодателей, внешне обособленный, но внутренно зависимый от цеха [1]).

Но как-раз эта, столь противоположная старому ремеслу, невозможность отстаивать сколько-нибудь важные собственные экономические требования делает среднее сословие неспособным к самостоятельной политике, превращает политику охвостья в необходимость для него. Неспособное к самостоятельной классовой политике, оно становится добычей всяческой демагогии,— только считалась бы последняя с его враждебностью к рабочему классу. Из экономического противника рабочих оно становится их политическим противником и, уже неспособное использовать для себя политическую свободу, видит в ней средство, которое оказывает особое содействие укреплению политической, а вместе с тем и экономической силы рабочего класса. Оно становится политически реакционным и, чем меньше у него дом, тем большее значение придает оно тому, чтобы оставаться хозяином в своем собственном доме. Оно апеллирует к сильной руке в правительстве и готово поддерживать всяческую политику насилия, если она направляется против рабочих. Таким образом оно становится восторженным сторонником сильной правительственной власти и с энтузиазмом поддерживает милитаризм и маринизм, равно как и властную бюрократию. Следовательно, оно обслуживает дело империалистических классов, — и, значит, и в этом отношении становится самым ценным их союзником. И тот же империализм снабжает его новой идеологией. От быстрого расширения капитала оно ждет улучшения собственных дел, увеличения работы, усиления покупательной способности заказчиков, — и превращается в пламенного попутчика империалистических партий. Но в то же время оно наиболее легко подвергается воздействию разных способов, которые должны повлиять на подачу голосов, и прежде всего—бойкоту, направленному против его предприятий: его слабость превращает его в превосходный об'ект для политической эксплоатации.

Конечно, оно огорчается, когда ему подают счет расходов, и гармония между ним и крупным капиталом на некоторое время нарушается. Но огромнейшая часть налогов доставляется рабочими, а если косвенные налоги и его затрогивают сильнее, чем крупный капитал, то ведь его способность к сопротивлению слишком мала для того, чтобы порвать союз. Только небольшая часть среднего сословия вырывается из свиты, следующей за буржуазией, и примыкает к пролетариату. Эти элементы, оставляя в стороне самостоятельных только по видимости владельцев производств без помощников, всех тех, кто в действительности является просто рабочим домашней промышленности, по большей части принадлежат к особым слоям городской розничной торговли: обслуживая преимущественно покупателей-рабочих, они по коммерческим ли соображениям, вследствие ли постоянного общения с рабочими начинают разделять их воззрения и примыкают к рабочей партии.

Совершенно иную позицию занимают те слои, которые в последнее время установилось дурное обыкновение называть „новым средним сословием“. Это—служащие в торговле и промышленности. Развитие крупного производства и общественная форма предприятий до чрезвычайности увеличили их количество и превратили их, в известной иерархической градации, в действительных руководителей производства. Нарастание этого слоя быстрее, чем нарастание даже пролетариата. Поступательное движение к повышению органического состава капитала знаменует относительное, а в некоторых случаях и в некоторых отраслях промышленности и абсолютное сокращение числа рабочих. Но по отношению к техническому персоналу этого не наблюдается: численность его увеличивается с увеличением размеров производства, хотя и не так быстро. В самом деле, повышение органического состава знаменует усиление автоматизма в производстве, перемены и усложнение в машинах. Введение новых

почти во всякий момент какая-нибудь из отраслей да затронута стачкой, а потому союз „так сказать, постоянно находится на военном положении“. А с другой стороны — и это главное — они открывают возможность солидарных действий крупной промышленности, мелкой промышленности и ремесла. По причинам политического свойства барон фон-Ройсвиц придает особую ценность этой солидарности всех групп промышленности. Ремесленник, — говорит он,—наилучший передовой борец в партизанской войне против социал-демократии, а потому крупная промышленность сильно заинтересована в том, чтобы поддержать его экономическую жизнеспособность. См. Reiswitz, „Gründet Arbeitgeberverbände“, стр. 22 и сл. Цитир. у Dr. Gerhard Kessler, „Die deutschen Arbeitgeberverbände“, в „Schriften des Vereinés für Sozialpolitik“, 124. Band, Leipzig 1907, стр. 106 и сл.

[1]) См. Kessler, loc. cit., стр. 15.

машин делает излишней человеческую рабочую силу, но оно отнюдь не делает излишним надзор техника. Расширение машинного, крупно-капиталистического производства представляет поэтому жизненный интерес технических служащих всех категорий и превращает промышленных служащих в самых страстных сторонников крупно-капиталистического развития.

Таким же способом действует первоначально и акционерная форма предприятий. Она отделяет руководство от собственности и превращает его в особую функцию выше оплачиваемых наемных рабочих и служащих. Высшие должности превращаются в посты, обеспечивающие большое влияние и крупные оклады и открытые в возможности как-будто для всех служащих. Интересы карьеры, стремления к повышению, возникающие во всякой такой иерархии, пробуждаются в каждом отдельном служащем и подавляют в них чувство солидарности. Каждый рассчитывает перегнать другого и добраться из своего полупролетарского положения до высот капиталистического дохода. Чем быстрее развитие акционерных обществ, чем крупнее их размеры, тем больше число мест вообще, а наряду с тем — и мест, которые дают большое влияние и оклады. Служащие видят сначала только эту гармонию интересов и, так как всякое положение представляется им только переходом к высшему, не столько заинтересованы в борьбе за свой рабочий договор, сколько в борьбе капитала за расширение сферы влияния.

Это — слой, который по своей идеологии и своему происхождению принадлежит еще к буржуазии, талантливейшие или наиболее нестесняющиеся представители которого еще поднимаются в капиталистические слои, и который по своим доходам отчасти еще возвышается над пролетариатом. Члены этого слоя обыкновенно еще соприкасаются с руководящими капиталистами, которые подвергают их самому придирчивому контролю и тщательнейшему отбору. Борьба против организации служащих — наиболее энергичная и неумолимая. Если, в конце концов, развитие и толкнет на сторону пролетариата эти слои, необходимые для ведения производства,—в особенности когда соотношение сил пошатнется, и сила капитализма, хотя еще не сломленная, все же больше не будет казаться непреодолимой,—то в настоящее время они пока не представляют особенно активного отряда в самостоятельной борьбе.

Несомненно, дальнейшее развитие неизбежно мало-по-малу разрушит эту пассивность. Постоянно убывающая возможность достигнуть самостоятельного положения, — следствие развития концентрации, — все больше заставляет ремесленников и мелких капиталистов избирать для своих сыновей карьеру служащих. Но параллельно тому, как возрастает число служащих, все более возрастает значение той статьи расходов, которая составляется

из их заработной платы; так возникает стремление к понижению ее уровня. Предложение этой рабочей силы увеличивается с большей быстротой. С другой стороны, в крупном производстве между этими высоко квалифицированными рабочими силами развиваются все более дробное разделение труда и специализация. Часть труда, приобретающая автоматический характер, выполняется менее квалифицированными рабочими. Современный крупный банк, современная электрическая компания, универсальный магазин применяет большое количество служащих, которые немногим отличаются от подученных частичных рабочих. А если некоторые и обладают сравнительно повышенным образованием, это довольно-таки безразлично для предпринимателя. Им постоянно угрожает опасность, что они будут заменены необученными или полуобученными рабочими. Женский труд тоже вступает с ними в сильную конкуренцию. Им приходится расплачиваться за эту конкуренцию ценою своей рабочей силы, уровень их жизни понижается, и это тем болезненнее для их сознания, что у них сложились буржуазные привычки. Важно и то обстоятельство, что с распространением исполинских производств возрастает число только таких хуже оплачиваемых должностей, а число высших должностей увеличивается далеко не в такой же мере. И если увеличение количества крупных производств, рост их современных форм быстро повышал спрос на служащих разного рода, то расширение уже существующих производств далеко не в такой же мере увеличивает спрос на труд служащих. Кроме того, с консолидированием акционерных обществ лучше оплачиваемые места все более становятся монополией крупно-капиталистического слоя, — и надежды на карьеру до чрезвычайности понижаются [1]).

Соединение промышленных отраслей и банков в крупные монополии еще больше ухудшает положение служащих. Они противостоят теперь непомерно сильным группам капиталистов. Свобода перехода с места на место, а потому и надежда улучшить свое положение, использовав конкуренцию предпринимателей из-за способнейших служащих, даже для даровитейших и талантливейших становится все более проблематичной. Но то же соединение может повести и к абсолютному уменьшению количества служащих. Это сокращение касается прежде всего количества наилучше оплачиваемых должностей: в организацию руководства вносится упрощение. Возникновение комбинаций, а в

[1]) Так, по сообщению „Berliner Tageblatt" от 14 июня 1909 года на с'езде Союза германских банковых служащих председатель правления Фюрстенберг (из Берлина) заявил: „К счастью, движение к концентрации в банковом деле остановилось. Во всяком случае у 90% всех банковых служащих Германии в настоящее время нет никакой надежды на то, что когда-нибудь они сделаются самостоятельными".

особенности трестов уменьшает количество высших технических должностей. Число же агентов обращения — комми-вояжеров, составителей реклам и т. д.—сокращается абсолютно [1]).

Но требуется немалое время для того, чтобы все эти перемены оказали свое действие на политическую позицию этого слоя. Вышедшие из буржуазных кругов, из среды их рекрутируемые, они сначала целиком живут своей старой идеологией. Это — сферы, в которых страх перед тем, как бы не опуститься до пролетарского положения, делает живучим только одно стремление: чтобы их считали пролетариями. Это в то же время — сферы, где ненависть к пролетариату всего интенсивнее, отвращение к пролетарским средствам борьбы— наибольшее. Торговый служащий чувствует себя оскорбленным, если его назовут рабочим; напротив, тайный советник, иногда еще руководитель картеля, горячо рекламирует себя как рабочего. Конечно, при этом один страшится приниженного общественного положения, а для другого важна этическая оценка труда. Но, как бы то ни было, эта идеология пока что отдаляет служащих от пролетарских воззрений. С другой стороны, развитие акционерных обществ, и опять-таки картелей и трестов в особенности, знаменует чрезвычайное ускорение темпа капиталистического развития. Быстрое развитие крупных банков, расширение производства посредством экспорта капитала, завоевание новых рынков, — все это открывает перед всевозможными служащими новые и новые арены для деятельности. Все еще отрезанные от пролетарской борьбы, они возлагают все свои надежды на расширение сферы деятельности капитала. Более образованные, чем среднее сословие ранее описанного рода, они лишь легче захватываются идеологией империализма. Заинтересованные в расширении капитала, они становятся рабами своей идеологии. Социализм еще далек от них идеологически, а реально представляется слишком опасным. Империалистическая же идеология, кажется им, дает выход и открывает заманчивые перспективы карьеры и повышения оклада. Социально слабый, этот слой служащих, при своих связях со сферами мелкого капитала, при относительной доступности для него общественной деятельности, оказывает значительное влияние на образование общественного мнения. Это — подписчики специфически империалистских органов, приверженцы расовой теории, — которая для них представляет иногда орудие конкуренции, — читатели военных романов, почитатели колониальных героев, агитаторы и—голосующее стадо финансового капитала.

[1]) Образование треста в производстве виски сделало излишним 300 коммивояжеров, образование стального треста—200 коммивояжеров. См. J. W. Jenks, „The Trust Problem". New-York 1902, стр. 24.

Но эта позиция—не окончательная. Она тем более изменяется, чем сильнее наталкивается дальнейшее распространение капитализма на помехи, замедляющие это распространение, чем более завершается картелирование и трестирование, и чем более перевес переходит к тенденциям, понижающим положение служащих. Параллельно этому среди служащих, — которым принадлежат важнейшие руководящие функции в производстве, равно как и наиболее излишние функции в нем, — все более вырастает антагонистическое отношение к капиталу. Та часть служащих, которая образует их главную массу, находится в постоянной, неизбывной зависимости, оплачивается слишком плохо, работает слишком продолжительное время и деградирована до положения частичных работников капитала,—эта часть служащих все более подталкивается к тому, чтобы примкнуть к пролетарской борьбе против эксплоатации. И этот момент наступит тем раньше, чем больше сила, чем яснее поэтому перспективы победы пролетарского движения.

В конце концов, все буржуазные слои все более об'единяются общностью интересов против поступательного движения рабочего класса. Но в отражении его руководящую роль уже давным-давно взял на себя крупный капитал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Борьба за рабочий договор.

Борьба за рабочий договор проходит в своем развитии, как известно, три стадии. На первой стадии отдельный фабрикант противостоит отдельным рабочим. На второй отдельный фабрикант борется против организации рабочих; на третьей предпринимательские организации сомкнутыми рядами противостоят рабочим организациям.

Функция профессионального союза заключается в том, чтобы прекратить на рабочем рынке конкуренцию рабочих между собою; он стремится монополизировать предложение товара—рабочую силу. В этом смысле он представляет картель, контингентирующий предложение, или,—так как отношения к капиталисту исчерпываются здесь куплей и продажей товара, — представляет ринг. Каждый картель, стремящийся контингентировать предложение, и всякий ринг страдает, однако, тем недостатком, что он не подчиняет себе производство и потому не может урегулировать размеры предложения. В профессиональном союзе этот недостаток неотвратим. Производство рабочей силы почти всегда находится вне сферы его регулирования. Только в тех случаях, когда дело

идет о квалифицированной рабочей силе, рабочая организация может достигнуть того, чтобы посредством известных мер урегулировать производство этой силы. Ограничением числа учеников, проведением продолжительного периода ученичества, предписанием давать работу только квалифицированным рабочим, т.-е. только тем, кого признает таковыми профессиональный союз, сильный профессиональный союз квалифицированных рабочих может ограничить и производство таких рабочих сил, следовательно, обеспечить для себя известную монопольность положения. Примером могут служить профессиональные союзы книгопечатников, которые добились того, что только высоко квалифицированные „обученные" типографщики могут применяться для работы на наборных машинах, хотя для обслуживания последних были бы вполне пригодны и сравнительно мало квалифицированные рабочие силы, получившие лишь чисто техническую сноровку. Сильный профессиональный союз при благоприятных обстоятельствах может достигнуть даже того, что он перевернет отношения и заставит, вопреки действительности, признавать известный труд квалифицированным и высоко оплачиваемым: признавать полным работником только такого, который был занят в своей профессии в течение более или менее длинного числа лет. Так обстоит дело, напр., в английской текстильной промышленности, монополия которой на мировом рынке—еще и теперь отчасти сохранившаяся для известных продуктов, — во-первых, благоприятствовала образованию сильного профессионального союза и, во-вторых, делала предпринимателей более уступчивыми, так как монопольное положение позволяло перелагать повышенную заработную плату на потребителей.

Стремление к подчинению рабочего рынка порождает также тенденцию к устранению конкуренции иностранных рабочих, средством для чего служит затруднение иммиграции, в особенности когда дело идет о беспритязательных, с трудом организуемых пролетариях. Воспрещения иммиграции должны сделать для профессионального союза то же, что охранительные пошлины—для картеля [1]).

Но профессиональный союз — организация живых людей. Своих целей он может достигнуть, лишь осуществляя эти цели волею своих членов. Создание монополии предполагает, что рабочие продают свою рабочую силу лишь при помощи профессионального союза и лишь на определяемых им условиях. Цена рабочей силы должна быть из'ята из-под власти спроса и предложения. Следовательно, предлагающие свою рабочую силу, т.-е.

[1]) Здесь не место подробнее останавливаться на вопросе об иммиграции,—и можно не останавливаться на нем в виду уже упомянутой обстоятельной дискуссии на страницах „Neue Zeit".

безработные, не должны уступать ее по иным ценам, кроме назначаемых профессиональным союзом. Цена — данная величина, именно, она определяется волею профессионального союза, и предложение должно сообразоваться с ценой, а не цена с предложением и спросом. Таким образом профессиональный союз превращается в кооперацию работающих с безработными. Безработных следует удержать от появления на рабочем рынке: как картель, раз производство уже превысило тот уровень предложения, который соответствует его целям, защищает рынок от переполнения, удерживая продукты на складах. Издержкам хранения в складах соответствуют пособия, выдаваемые профессиональными союзами безработным. Они имеют здесь тем более важное значение, что являются единственным средством ограничить предложение, между тем как картель располагает для этого несравненно более действительным средством в виде ограничения производства. Однако, с другой стороны, та же цель, удержание безработных от появления на рабочем рынке, достигается и мерами морального понуждения: бойкотом желающих работать на условиях, которые диктует предприниматель, просвещением относительно того, какой вред причиняет это классовым интересам,— коротко говоря, такими мерами, которые специфически трэд-юнионистским воспитанием об'единяют рабочий класс в единое боевое целое.

Как в случае со всякой монополией, так и тут, в случае с профессиональным союзом, дело сводится, естественно, к возможно полному подчинению рынка. Но профессиональный союз наталкивается на серьезные препятствия. Непосредственный личный интерес отдельных рабочих вступает в конфликт с длительными интересами рабочего класса. Организация требует известных жертв: взносов, затраты времени, готовности к борьбе. Кто сторонится организации, тому покровительствует предприниматель, того не касаются конфликты, безработица, понижение. Чем больше усиливаются профессиональные союзы, тем больше вырастет у предпринимателя стремление не допускать своих рабочих до профессионального союза. Учреждения для различных видов помощи, создаваемые профессиональным союзом, он заменяет собственными учреждениями и старается планомерно использовать антагонизм между личным и классовым интересом.

Профессиональная борьба есть борьба за продукт труда. Рабочий воспроизводит стоимость c и создает новую стоимость, которая распадается на v + m, заработную плату и прибавочную стоимость. Абсолютная величина v + m зависит от продолжительности рабочего времени. Чем короче рабочее время, тем меньше v + m и, при неизменности v, тем меньше m. При неизменности рабочего времени, m возрастает, если v уменьшается и наоборот. Это действие перекрещивается вследствие

изменения интенсивности труда. При повышающейся заработной плате и при понижении рабочего времени интенсивность труда возрастает. Развитие сдельной заработной платы и системы премий должно повышать интенсивность труда до уровня, максимального при данной заработной плате и данном рабочем времени, увеличение же быстроты хода машин дает об'ективный способ воздействовать на повышение интенсивности труда. Завоевания, добытые рабочим классом в области сокращения рабочего времени, несомненно, лежат внутри, а отчасти еще и очень далеко не достигают тех границ, в которых сокращение рабочего времени вполне компенсируется повышением интенсивности труда. Как ни важно было влияние сокращения рабочего времени на социальное положение рабочих, как ни возвышало оно и борьба за него их жизнь в физическом и интеллектуальном отношении, однако не подлежит никакому сомнению, что сокращение рабочего времени не изменило отношение v : m к невыгоде m. Норма прибыли благодаря этому не изменилась, следовательно, ничего не изменилось с чисто экономической точки зрения. Отметим кстати, что развитие многих промышленных отраслей, с их повышенными требованиями к точности и тонкости труда, было бы невозможно при сохранении продолжительного рабочего времени, и что с сокращением рабочего времени качество труда в общем повысилось, технический прогресс пошел ускоренным темпом, относительная прибавочная стоимость увеличилась. Что касается уровня заработной платы, то связь между ее увеличением и повышением интенсивности труда представляется не столь ясной. Но и такая связь существует, и по меньшей мере до чрезвычайности сомнительно: сравнительно небольшое повышение заработной платы, прежде всего неквалифицированных рабочих,—повысило ли оно v за счет m, или же, напротив, что много вероятнее, и здесь произошла полная компенсация вследствие повышения интенсивности труда? Но, разумеется, следует признать, что пока не наступают такие компенсации, проходит известное время, в течение которого m остается пониженным вследствие повышения v.

Стоимость товара,—а здесь, касаясь отношений в общественном масштабе, мы для краткости можем говорить о стоимости,—равна постоянному капиталу плюс переменный капитал плюс прибавочная стоимость (c + v + m). Следовательно, изменение v, являясь противоположным изменением m, не оказывает на цену товара никакого влияния, никак не сказывается на потребителях. Уже Рикардо убедительно показал, что повышение заработной платы и сокращение рабочего времени не может оказать какого-либо действия на цену товара. Да это ясно и без дальнейших рассуждений. Общественный продукт каждого года распадается на две части. Первая представляет возмещение потребленных

средств производства, машин, сырых материалов и т. д., — ее прежде всего приходится возместить из валового продукта; вторая часть представляет новый продукт, созданный производительными рабочими в течение года. Она попадает прежде всего в руки капиталистов и, в свою очередь, распадается на две части. Одна представляет доход рабочих, другая достается капиталистам в качестве прибавочной стоимости. Цена продукта для потребителей равна сумме обоих частей и не может измениться от того, в каком соотношении вторая часть распределяется между рабочими и капиталистами. Следовательно, с точки зрения всего общества совершенно бессмысленно утверждение, будто повышение заработной платы или сокращение рабочего времени удорожает продукт. Несмотря на-то, подобное утверждение выплывает снова и снова, и для этого имеются свои основания.

Те дедуктивные построения, которые сейчас приведены нами, непосредственно относятся только к стоимости товаров, следовательно, сохраняют свою силу лишь с точки зрения в целом. Но мы знаем, что стоимость товара испытывает модификацию вследствие тенденции к уравнению норм прибыли. Для отдельного капиталиста или для капиталиста известной отрасли промышленности повышение заработной платы представляет увеличение издержек производства. Предположим, заработная плата до сих пор составляла в общей сумме 100; пусть потребленный постоянный капитал равнялся 100 и норма прибыли составляла 30%. В таком случае капиталист продавал продукт за 260. Если теперь вследствие успешной стачки заработная плата повысится до 120, то издержки производства составят для капиталиста 220. Если бы он попрежнему продавал за 260, то абсолютная величина прибыли упала бы с 60 до 40, норма прибыли с 30% до уровня несколько меньше 19%—следовательно, ниже средней нормы прибыли. Поэтому должно произойти уравнение норм прибыли. Другими словами: повышение заработной платы в отдельной отрасли производства приводит к повышению цены в этой отрасли производства; это повышение совершается на основе складывающейся новой общей нормы прибыли, которая ниже, чем прежняя. Но повышение цены каждый раз встречает известное противодействие. Повышение цены затрудняет сбыт, что, в свою очередь, противодействует ее повышению. Приходится выполнять договоры, заключенные еще по старым ценам. И во всяком случае проходит более или менее продолжительное время, прежде чем удастся провести повышение цены. Строго говоря, это удается лишь после того, как совершится эмиграция капитала из данной отрасли производства: ведь повышение цены приводит к сокращению сбыта, и потому приходится сократить предложение, т.-е. размеры производства. Опасность уменьшения сбыта различна в разных отраслях производства, а потому различно и сопротивление пред-

принимателей требованиям повысить заработную плату. От состояния конъюнктуры и от организации промышленности также очень много зависит, совершаются ли переложения повышения заработной платы в большей или в меньшей степени, быстро или медленно. Если мы предположим всеобщее повышение заработной платы, то, вследствие уравнения изменившейся нормы прибыли, цены продуктов тех отраслей, в которых органический состав капитала выше среднего, понизятся, а в тех отраслях, где он ниже среднего состава, повысятся. Но следствием всякого повышения заработной платы является понижение средней нормы прибыли, хотя это понижение, если оно вызвано повышением заработной платы лишь в отдельной отрасли, осуществляется с большой медленностью и незначительно по величине.

Но так как, пока цена не достигнет нового уровня, отдельный капиталист несет убытки, то сопротивление капиталистов является совершенно естественным, и оно тем сильнее, чем ниже норма прибыли. Мы только что видели, что норма прибыли ниже средней царит в мелкой промышленности ремесленного характера и в мелко-капиталистических сферах. Уже по этой причине сопротивление должно обнаружиться здесь с наибольшей силой, хотя в то же время способность к сопротивлению — наименьшая. Профессиональная борьба является борьбою за норму прибыли — с точки зрения предпринимателя, и борьбою за уровень заработной платы (подразумевая здесь и сокращение рабочего времени) — с точки зрения рабочих. Она никогда не может быть борьбою за устранение самих капиталистических отношений, за устранение эксплоатации рабочей силы. Потому что исход такой борьбы был бы решен с самого начала. Так как цель капиталистического производства — производство прибыли посредством эксплоатации рабочего, то за устранением эксплоатации продолжение производства представлялось бы бессмысленным для предпринимателя. Он остановил бы производство, потому что каково бы ни было его личное положение, оно не изменилось бы, если бы он опять приступил к производству. Следовательно, в таком случае ему пришлось бы постараться смирить рабочих голодом в самом решительном значении этого слова. Если бы опасность угрожала только его отрасли промышленности, то он постарался бы спасти хотя часть своего капитала перенесением в другую отрасль. Таким образом борьба за полное устранение эксплоатации выходит из рамок чисто трэд-юнионистских задач. Это — борьба, которая, вопреки уверениям синдикалистской „теории“, вообще не может быть решена чисто профессиональными методами. Если даже она заимствует форму трэд-юнионистских методов борьбы, как, напр., в случае с массовой стачкой, то здесь перед нами не борьба против экономической позиции предпринимателя, а борьба рабочего класса как целого за власть против организации власти буржуазии, против государства. Тот экономический вред, который причиняется здесь предпринимателям, является каждый раз просто вспомогательным средством в борьбе за дезорганизацию государственной власти. Эта политическая задача никогда не может быть задачею профессиональных союзов как таковых: здесь профессиональная форма организации может просто лишь обслужить политическую борьбу пролетариата.

Но если трэд-юнионистская борьба вращается около нормы прибыли, то это каждый раз вводит цели профессионального союза в известные границы. Предпринимателю приходится решать, будет ли он в состоянии провести новые расценки товаров, не перевесят ли убытки переходного времени тех убытков, которые получились бы от продолжения стачки, и, наконец, нет ли возможности применить свой капитал иначе, в такой сфере производства, в которой стачечные успехи не оказывают непосредственного влияния на норму прибыли. Но из этого следует, что для каждого отдельного акта профессиональной борьбы с самого начала поставлены известные границы: познание их — тяжелая задача руководителей профессионального союза, они же определяют и их тактику. Из этого следует дальше, что профессиональный союз может действовать в общем с тем большим успехом, чем выше норма прибыли: вообще ли, как в период высокой конъюнктуры, или в отдельной промышленной отрасли, занимающей, напр., монопольное положение или получающей благодаря патентам и проч. дополнительную прибыль. Более детальное изучение этих условий выходит из рамок нашей работы. Напротив, мы должны вкратце остановиться на переменах в соотношении сил обоих классов.

Само собой разумеется, что возникновение предпринимательской организации знаменует сдвиг в соотношении сил капитала и труда.

В развитии предпринимательской организации обыкновенно видят своего рода рефлекс на развитие рабочей организации, — и, несомненно, не без оснований. Но темп развития предпринимательской организации, равно как и ее сила, существенно зависит от изменения структуры промышленности, от концентрации и монополизации капитала.

Пока обособленный предприниматель противостоял организованным рабочим, в распоряжении профессионального союза был целый ряд таких мер, которые с развитием предпринимательской организации стали недействительными.

С концентрацией капитала возрастает сила предпринимателя, необходимая для борьбы за рабочий договор, — но возрастает способность к организации у концентрированных рабочих. Из различий в величине предприятий вытекают и различия в способности сопротивляться требованиям профессиональных союзов.

Чем раздробленнее промышленность, тем мельче средняя величина производства, тем в общем выше сила профессионального союза. В пределах одной и той же промышленной отрасли сила профессионального союза по отношению к мелкому и среднему производству опять-таки больше, чем по отношению к крупному производству,—по той простой причине, что мелкое предприятие, которому и без того серьезно угрожает конкуренция крупного производства, несравненно менее, чем крупное предприятие, способно было бы вынести убытки борьбы. Борьба профессиональных союзов вообще содействует развитию в направлении к крупному производству, а потому и развитию производительности, техническому прогрессу, понижению издержек производства и возникновению относительной прибавочной стоимости; следовательно, сама эта борьба создает предпосылки для завоевания новых уступок.

Пока профессиональные союзы противостоят отдельным предпринимателям, они занимают выгодную позицию. Они могут направлять свою концентрированную силу то против одного, то против другого обособленного предпринимателя. Борьба за условия найма разлагается на ряд отдельных стачек. Рабочие соответственных предпринимателей опираются на всю финансовую силу профессионального союза, которая нисколько не ослабляется и во время борьбы, так как продолжают поступать и регулярные взносы, и экстренные сборы от остающихся за работой членов союза. Предпринимателю приходится опасаться, что конкуренты, продолжающие работать, отобьют у него заказчиков, так что и по окончании стачки сфера его сбыта останется сократившейся. Ему приходится итти на уступки, а с этого момента он уже заинтересован в том, чтобы те уступки, которые он должен был сделать, получили всеобщее распространение в его отрасли, т. е., чтобы и остальные предприниматели добровольно или вынужденно согласились на те же условия труда. Разъединенность предпринимателей позволяет профессиональным союзам добиваться у них уступок по одиночке, у одного за другим, в систематически проводимых партизанских столкновениях, при чем эти стачки не требуют со стороны союза затраты особенно значительных сил. Успехи укрепляют их притоком новых членов и увеличением поступлений, — и после борьбы они оказываются сильнее, чем были раньше. Ясно, что подобная тактика может применяться с тем большим успехом, чем меньше сплоченность предпринимателей, чем сильнее конкуренция между ними, чем больше, следовательно, число предпринимателей, которых касается эта тактика, и чем ниже способность к сопротивлению каждого отдельного предпринимателя. Все это наблюдается в отраслях, где преобладают мелкие и средние производства. Влияние и сила профессиональных союзов здесь наибольшие. Крупная

промышленность, производящая калькуляции с несравненно большею точностью, с самого начала оказывает много более упорное сопротивление таким партизанским стачкам, так как крупные предприятия с бесконечно большею решительностью отстаивают равенство в издержках производства. Здесь успехи возможны только как общие успехи. Обособленная стачка встречает здесь несравненно большее сопротивление, и преодолеть его тем более трудно, что сила отдельного крупного предпринимателя много значительнее, и, кроме того, много быстрее может состояться соглашение между предпринимателями, так как их сравнительно немного [1]). Но чем сильнее развивается профессиональная организация, тем сильнее и сопротивление, которое она вызывает со стороны предпринимателей. Об'единению рабочих теперь противостоит сосредоточенная сила предпринимателей. Так как влияние профессиональных союзов наибольшее по отношению к мелким и средним предприятиям, то здесь с наибольшей силой обнаруживается и сопротивление. Действительно, организация предпринимателей начинается в ремесле и в области сравнительно мелких производств, изготовляющих готовые продукты [2]), где сила профессиональных союзов была всего ощутительнее, и прогрессирует самым быстрым темпом в годы высокой конъюнктуры [3]). Но хотя и правильно в возникновении союзов работодателей видеть реакцию против профессиональных союзов рабочих [4]),

[1]) Поэтому в странах, где развитие профессиональных союзов относится к сравнительно позднему времени и с самого начала противостоит высоко развитой крупной промышленности, в различных отраслях последней профессиональная организация обычно оказывается слабее, чем, напр., в Англии, где она развивалась параллельно с промышленностью.

[2]) Срави. Dr. Gerhard Kessler, „Die deutschen Arbeitgeberverbände" в „Schriften für Sozialpolitik", 124. Bd., Leipzig 1907. Стр. 40.

[3]) Там же, стр. 37.

[4]) Kessler, loc. cit., стр. 20: „Пока рабочие известного производства представляют неорганизованную массу, отдельному предпринимателю принадлежит большой перевес над ними. Для него нет нужды в каком-либо союзе работодателей... Следовательно, пока германское профессиональное движение мучительно боролось за свое существование— в общем до конце восьмидесятых годов XIX века,—в Германии не было никакой потребности в работодательских союзах. Но когда, с конца восьмидесятых годов и особенно после того, как отпали исключительные законы против социалистов, начался великий под'ем профессионального движения, когда одна волна рабочих требований и стачек стала прокатываться за другою, тогда и предприниматели стали соединяться в особые работодательские союзы: естественная реакция против действий профессиональных союзов. Профессиональный союз—первичное, работодательский союз—вторичное явление. Профессиональный союз по самой своей природе нападает, работодательский союз обороняется (если же иногда это отношение перевертывается, это ничего не изменяет в общей правильности указанного факта). Профессиональный союз в своей юности представляет преимущественно стачечный союз, работодательский

и хотя раньше всего они возникают, действительно, в легкой промышленности, однако дело, разумеется, на этом не останавливается. Картелирование и трестирование несравненно крепче и неразрывнее связывает интересы соответствующих капиталистов и превращает их в единое целое, противостоящее рабочему классу. Устранение конкуренции не ограничивается здесь, в противоположность легкой некартелированной промышленности, рабочим рынком, и это в несравненно большей мере укрепляет солидарность предпринимателей. Может даже случиться, что в тех отраслях, где позиция предпринимателей наиболее сильная, не будет надобности в особой предпринимательской организации. Угольный синдикат делает работодательскую организацию излишней, стальной трест—невозможной. Если бы даже верны были постоянные официальные заверения, будто германские картели не занимаются рабочим вопросом, все же единство действий предпринимателей дано здесь с самого начала, и сила предпринимателей делает излишними такие специфические функции работодательских союзов, как поддержка во время стачек: здесь достаточно „добрососедских соглашений“ от случая к случаю. Однако и здесь все сильнее обнаруживается тенденция к основанию союзов работодателей.

Образование работодательского союза делает прежде всего много более затруднительным, хотя и не невозможным, успех партизанских нападений профессионального союза. Теперь за отдельным предпринимателем стоит организация. Она возмещает его убытки, печется о том, чтобы забастовавшим рабочим нигде не давали работы,—и в то же время старается выполнить неотложнейшие работы предпринимателя. В случае необходимости она обращается и к более сильным средствам: она сама превращается в нападающую сторону и посредством локаута придает борьбе всеобщий характер, чтобы ослабить и принудить к уступчивости профессиональный союз. И в этой борьбе об'единенных предпринимателей против профессиональных союзов предпринимательская организация часто оказывается сильнейшею стороной [1]).

же союз есть союз антистачечный. Чем раньше в известной отрасли производства выступает сильный профессиональный союз, тем раньше складывается и ясно выраженный работодательский союз. Следовательно, союз работодательский есть организация промышленных предпринимателей, имеющая своей целью урегулирование отношений к организованным рабочим“.

[1]) Сравн. следующее об отношениях в Соединенных Штатах: „Работодательские организации в Соединенных Штатах, вероятно, прочнее и отличаются большей боевой готовностью, чем в других странах. Почти во всякой отрасли промышленности имеются центральные союзы, распространяющиеся на отдельный штат, и местные союзы, не говоря уже о союзах этих союзов. Два важнейших — „National Association of Manufacturers“ и „Citizen's Industrial Association of America“. В первую входят почти одни только фабриканты, и основана она была в 1895 г. главным образом с целью расширения иностранного рынка для американских изделий. Но в последние пять лет она приняла активное участие в борьбе против рабочих организаций и старалась воздействовать на общественное мнение и союзное законодательство в интересах предпринимательского класса. В 1905 г. она снова воспрепятствовала принятию двух важных законов, которые были внесены в конгресс по просьбе рабочих союзов. Один должен был провести 8-часовой рабочий день для всех работ, которые выполняются союзным правительством или по его заказу; другой должен был сграничить сферу компетенции „судебных приказов“, издаваемых во время конфликтов в области труда“. (Во время стачек судьи издают нередко приказы, воспрещающие те или иные действия: призывы к бойкоту известных предпринимателей, приглашение не допускать заместителей. Как бы явно антиконституционны и противозаконны ни были эти приказы, за неисполнение их судьи немедленно налагают своей дискреционной властью наказания на виновных — „за неуважение к суду“, — простирающиеся до многомесячного тюремного заключения. И. С.).

„От этого союза „Citizen's Industrial Association“ отличается тем, что она представляет организацию всех местных, распространяющихся на отдельные штаты и, наконец, национальных предпринимательских и гражданских организаций в Соединенных Штатах. Она возникла в 1903 г. по инициативе „National Association of Manufacturers“ с целью об'единения всех лиц и союзов в единую боевую организацию, которая должна оказывать сопротивление требованиям трэд-юнионов и, в частности, проведению „closed chop“, т. е. такого правила, чтобы в предприятие принимались исключительно члены трэд-юнионов. Она выросла быстро и охватывает в своих национальных, областных и местных союзах в общем несколько сот тысяч членов. Она берется против всякого вмешательства в промышленные дела, исходит ли оно от правительства, или от рабочих союзов. В ноябре 1905 года на своем третьем годичном собрании она приняла резолюции об основании промышленных школ и бюро найма; последние должны стоять под контролем этой организации и снабжать предпринимателей рабочими независимо от принадлежности последних к трэд-юнионам.

„Два важнейших союза, которые, кроме ранее упомянутого, стоят в связи с этой „Citizen's Industrial Association“, это — „National Metal Trades Association“ машиностроительных фабрикантов и „National Founders Association“, в которую входят владельцы литейных заводов, стоящие в стороне от чугунно-литейной промышленности. При своей организации пять лет тому назад эти союзы заключили сначала договоры с трэд-юнионами машиностроителей и литейщиков. Но потом эти договоры были упразднены, и в 1905 г. „Founders Association“ начала борьбу против мощного трэд-юниона литейщиков, распространившуюся с того времени на все фабрики Соединенных Штатов“. Halle, „Weltwirtschaft“, III, стр. 62.

Прежде всего, работодательский союз в принципе открывает возможность передвигать начало борьбы. Пока рабочие организации противостояли разъединенным предпринимателям, выбор момента зависел от рабочих. Но момент имеет решающее значение для исхода борьбы. Чувствительнее всего забастовка в период высокой коньюнктуры, когда норма прибыли наивысшая, условия для получения дополнительной прибыли наиболее благо-

приятные. Чтобы не лишиться всей прибыли, и сильный предприниматель в такое время предпочтет уклониться от борьбы: ведь на карту придется поставить возможности, которые не повторятся,—или, по меньшей мере, не повторятся до следующего периода высокой конъюнктуры. С точки зрения чисто трэд-юнионистских успехов, стачку следует отнести к периоду наивысшего напряжения производительных сил, — и тяжелая задача трэд-юнионистского воспитания заключается в том, чтобы расположить членов к такой тактике: как-раз в это время, благодаря сверхурочным работам и регулярности занятий, доход рабочих стоит на самом высоком уровне, и потому психологические побуждения к забастовке самые слабые. Этим объясняется также, почему наиболее многочисленны стачки в период оживления, до наступления собственно высокой конъюнктуры.

Но когда укрепляется предпринимательская организация, избрание момента перестает зависеть единственно от профессиональных союзов. Тогда эта организация может определять момент борьбы. Предохранительная боевая мера для нее—локаут, который можно успешнее всего провести во время депрессии: тогда, вследствие перепроизводства, приостановка работ очень полезна, способность же рабочих к сопротивлению наименьшая: вследствие чрезмерного предложения на рабочем рынке, вследствие финансового ослабления организации выдачею пособий и убылью членов. Уже одна эта возможность передвинуть момент борьбы,—следствие развития предпринимательской организации,—знаменует чрезвычайный сдвиг в соотношении сил [1]).

[1]) Дело не изменяется от того, если первое время, когда развитие предпринимательской организации и ее тактики лишь начинается, это влияние на избрание момента борьбы не проявляется с полною силой. Статистика локаутов, приведенная у Kessler, loc. cit., стр. 259, показывает, что 1) число локаутов быстро возрастает, и что 2) число их в период высокой конъюнктуры больше, чем во время депрессии. Это очень просто объясняется тем, что локауты, поскольку они представляют меру обороны против стачек, совершенно естественно быстро учащаются во время высокой конъюнктуры, когда стачки всего чаще. Но этим нисколько не опровергается тот взгляд, что по мере того, как вырастает предпринимательская организация, борьба тем чаще отодвигается волею предпринимателей на времена депрессии, чем больше увеличивается число наступательных локаутов. Кесслер говорит об этом на стр. 243: „Кроме локаутов с целями поддержки, в последнее время особенно частыми сделались *программные локауты*. Под этим названием автор объединяет все те увольнения рабочих, которые предпринимаются без предшествовавшей им стачки, и задача которых—принудить рабочих согласиться на выдвинутую работодателями программу с определенными табелями заработной платы, определенной продолжительностью рабочего времени, с бюро найма, которые организуются исключительно предпринимателями, и с какими-либо иными общими или особенными условиями рабочего договора. По всей вероятности, в ближайшее время значение программных локаутов еще более увеличится: после того, как переговоры о возобновлении тарифного договора потерпят крушение, союз работодателей часто более, чем профессиональный союз рабочих, заинтересован в том, чтобы как можно быстрее принудить к выработке нового тарифа, хотя бы для этого потребовалась борьба. Программные локауты походят то на наступательные, то на оборонительные забастовки рабочих союзов,—но на последние, соответственно характеру предпринимательских союзов, походят в огромном большинстве случаев. Чтобы работодательский союз пытался посредством локаута прямо *ухудшить* условие труда, это случается редко, и, конечно, так оно и останется. Чаще бывает так, что рабочие подвергаются локауту с той целью, чтобы возобновить тарифный договор на целые годы, не внося в него никаких улучшений, и чтобы отвергнуть повышение заработной платы и т. д.".

Кесслер на основании имеющейся статистики приходит к тому выводу, „что почти все более крупные локауты оканчивались для работодателей успехом, полным или частичным... Локаут—оружие, которому рабочие обыкновенно не могут противостоять. Достаточное основание для того, чтобы вожди профессиональных союзов по возможности осаживали в своих полчищах охоту к забастовкам и подавляли в зародыше легкомысленные стачки. Достаточное основание и для того, чтобы работодатели неразумно не страшились роста рабочих союзов. Впрочем, те крупные расходы и потери, с которыми сопряжен для работодателей всякий даже победоносный локаут, по всей вероятности послужат тому, чтобы этим острым оружием не пользовались слишком часто и явно неправильным способом. Ни та, ни другая стороны не будут зарываться" (стр. 263).

Но те самые причины, которые обусловливают возникновение предпринимательской организации, в свою очередь, ведут к усилению профессиональных союзов рабочих. Теперь они повсюду делаются прибежищем для рабочих: иначе последние будут отданы всецело на милость и немилость предпринимателей. Боевые меры предпринимателей затрагивают и тех, кто до того времени стоял вдали от профессиональных союзов. Локаут и в особенности всеобщий локаут становится и для неорганизованных до того времени самым мощным побуждением к вступлению в организацию. Число членов в профессиональных союзах быстро растет, а вместе с тем возрастает и их сила.

Предпринимательские организации стараются противодействовать этому постоянной борьбой против профессиональных союзов. Искусственным подбором рабочих они хотят сделать „выживающими" неорганизованных. Бюро найма, устроенное предпринимательским союзом, систематически оказывает покровительство неорганизованным перед организованными, наиболее опасные из последних подвергаются гонению при помощи черных списков. Организуя желтые союзы рабочих, эти пристанища измены своему классу, предпринимательские организации стараются расколоть рабочих подкупами, предоставлением особых выгод и создать для себя гвардию штрейкбрехеров [1]). Отказываясь от переговоров

[1]) „В Америке стало особым промыслом: подобно кондотьерам сдавать внаймы банды профессиональных штрейкбрехеров, которые, смотря по надобности, за особое вознаграждение передаются в распоряжение то одного, то другого предпринимателя. Но совершенно так же в наших исполинских производствах посредством благотворительных учреждений

с руководителями организаций, стараются понизить моральное влияние этих организаций. Тщетная борьба: ведь классовый интерес рабочих является, в конце концов, одновременно и личным их интересом, и профессиональная организация вообще превратилась в жизненное условие для них. Но борьба эта затрудняет прогресс профессионального движения и уменьшает его влияние. Как до возникновения предпринимательской организации способность отдельных предпринимателей к сопротивлению была различна, смотря по величине предприятия, — так различна и способность к сопротивлению предпринимательских организаций, в зависимости от их состава. Сильнее всего союзы крупной промышленности, а здесь наиболее сильную позицию занимают опять-таки крупные картелированные отрасли. Прежде всего, им не приходится опасаться отпадения или банкротства своих членов. Они знают, что никакой конкурент не сумеет извлечь выгоды, если им придется приостановить производство; но если их монополия обеспечена, иностранная же конкуренция сильно ослаблена охранительными пошлинами, они могут, в конце концов, наверстать все убытки, причиненные забастовкой. Не выполненные во-время заказы будут выполнены впоследствии, недостаток товаров, следствие приостановки производства, позволяет поднять цены, т.-е. переложить убытки от стачки. Следовательно, здесь сопротивление наиболее сильно, борьба против профессиональных союзов наиболее легкая. Таким образом к этим отраслям промышленности переходит руководящая роль в борьбе всех предпринимательских организаций, они—передовые борцы в отстаивании общих предпринимательских интересов против рабочего класса. Чем чаще мелким капиталистам приходится отступать перед профессиональными союзами, чем большею угрозою для них представляется сила рабочих, тем сильнее развивается в них чувство солидарности с крупнейшими промышленниками, этим авангардом в борьбе за их собственное дело.

Положение нисколько не изменяется от того, что сравнительно слабым предпринимательским союзам все же приходится считаться с профессиональными союзами, — хотя и для них обстоятельства оказываются теперь благоприятнее, чем были раньше для отдельных предпринимателей. И для них объединением устранены величайшие опасности. Оно сумело провести в своей отрасли оговорки на случай стачек, вносимые в договоры о заказах и поставках, оно затрудняет отпадение посторонних, подвергая их блокаде со стороны поставщиков материалов, благодаря чему эти поставщики становятся помощниками в борьбе, оно, наконец, обеспечивает при всяких условиях равенство конкуренции, воспрещая сепаратные договоры. Лучше всего достигается это посредством тарифного договора,—посредством заключаемого между организациями соглашения относительно рабочего договора. Тарифный (коллективный) договор лежит в интересах и профессионального союза, так как он разом обобщает для всей промышленной отрасли достигнутые успехи. Недостаток его заключается в том, что он наперед определяет момент нового соглашения и таким образом отнимает у профессионального союза выбор момента борьбы. Но так как простой факт существования предпринимательского союза приводит к тому, что выбор момента зависит не от одного только профессионального союза, то это обстоятельство в равной мере затрагивает организации обеих сторон. Во всяком случае, оно вносит элемент случайности в будущую борьбу и заставляет сильный профессиональный союз определять продолжительность тарифного договора таким образом, чтобы не сделалось невозможным использование периода высокой конъюнктуры.

Для предпринимателей организованность представляет еще ту выгоду, что она облегчает переложение повышенных издержек производства. Мы знаем, что стачечные успехи знаменуют для соответствующей промышленной отрасли непосредственно уменьшение нормы прибыли до уровня ниже среднего. Уравнение ее может совершиться лишь посредством повышения цен, а оно облегчается и ускоряется общностью действий, которая в этом случае тем легче осуществляется союзом работодателей, — даже и в некартелированных отраслях,—что повышение цены соответствует изменению издержек производства. Поэтому мелко-капиталистические некартелированные отрасли промышленности, производящие готовые продукты, в особенности склонны к заключению тарифных договоров [1]).

держат постоянные полчища штрейкбрехеров. Следовательно, благотворительные учреждения являются не средством, которое служит социальному миру, а боевым средством, которое становится одной из причин социальной борьбы и усиливает перевес силы у одной из двух борющихся сторон". Lujo Brentano, в „Verhandlungen des Vereins für Sozialpolitik", 1905, 115. Band. Стр. 142.

[1]) С другой стороны, заключение тарифных договоров усиливает профессиональный союз, в который вступают многочисленные рабочие, оставшиеся до того времени вне союза. Это обстоятельство заставляет предпринимателей усиливать свое сопротивление. Так, самая мощная из германских предпринимательских организаций, „Центральный союз германских промышленников", в мае 1905 г. приняла следующую резолюцию: „Центральный союз германских промышленников" считает заключение тарифных договоров между организациями работодателей и организациями рабочих чрезвычайно опасным для германской промышленности и для благополучного дальнейшего ее развития. Тарифные договоры отнимают у отдельного работодателя необходимую для надлежащего ведения предприятия свободу решений относительно способа использования рабочих: точно так же, как отдельного рабочего они неминуемо подчиняют господству рабочей организации. По убеждению „Центрального союза", которое находит полное подтверждение и в опытах Англии

Здесь же следует упомянуть о тех тенденциях, которые ведут к заключению trade-alliance'ов. Отрасли промышленности, которые благодаря своей раздробленности, обусловливаемой техникой, еще неспособны к картелированию, стараются обеспечить себе монополию, организуя против посторонних блокаду рабочего рынка. Эту блокаду должны выполнить для них профессиональные союзы. Тогда у об'единившихся предпринимателей оказывается картель, который охраняется профессиональным союзом от конкуренции посторонних. Картельная дополнительная прибыль распределяется между предпринимателями и рабочими, и это заинтересовывает рабочих в сохранении картеля.

Иначе складываются отношения в картелированной промышленности. Здесь норма прибыли уже достигла наивысшего уровня, вообще возможного при существующих производственно-технических условиях. Цена равна или почти равна цене на мировом рынке плюс охранительная пошлина плюс издержки транспорта. Здесь невозможно переложить повышение заработной платы,—следовательно, сопротивление будет в особенности упорное. Притом высокая картельная прибыль уже фиксирована в цене акций. Уменьшение прибыли знаменует понижение курса и потому вызывает сопротивление акционеров против всякой уступчивости со стороны правления. Последнее поддерживается здесь и банками, для которых уменьшение прибыли знаменует сокращение эмиссионного барыша при новых выпусках акций. С другой стороны, сопротивление руководителей, которые являются просто уполномоченными акционерных обществ, возрастает и по психологическим причинам. Они теперь уже совсем не соприкасаются с рабочими и противостоят им исключительно как представители чужих интересов. Такая уступчивость, которую иногда может еще обнаружить предприниматель, защищающий свое собственное дело, представляется им нарушением долга. Улетучился последний остаток личных настроений в отношениях между рабочими и капиталистами, и содержание рабочего договора выступает как дело исключительно соотношения сил, совершенно отрешенное от всякого влияния чувства [1]).

То ценное для предпринимателя свойство тарифного договора, что он гарантирует равенство издержек производства, в картелях и без тарифного договора достигается общностью действий предпринимателей, а продолжительный мир в промышленности гаран-

и Америки, тарифные договоры представляют тяжелую помеху для технического и организационного прогресса германской промышленности". Цитир. у Ad. Braun, „Die Tarifverträge und die deutschen Gewerkschaften", Stuttgart 1908.

[1]) См. между прочим речь Leidih'a в „Vergandlungen des Vereines für Sozialpolitik", 1905, стр. 156, а также речь доцента д-р Harms'a стр. 201.

тируется огромным масштабом столкновений, который делает невозможным их частое повторение. Следовательно, у тарифных договоров остается только та вредная для предпринимателей сторона, что договоры связывают их в выборе момента следующей борьбы и оказывают пропагандистское действие в пользу профессиональных союзов. Отсюда отрицательное отношение картелей к тарифным договорам. Кроме того, возможность картелироваться без содействия профессионального союза рабочих делает совершенно излишним trade-alliance, с которым пришлось бы делиться дополнительной прибылью [1]). Такое же положение, как картелированная промышленность, занимают отрасли, работающие преимущественно для экспорта, потому что цены здесь определяются мировым рынком, и следовательно, переложение затрудняется.

Развитие предпринимательской и рабочей организации придает столкновениям из-за условий найма все более широкое, обще-социальное и политическое значение. Партизанская война профессиональных союзов против отдельных предпринимателей отступает на задний план перед массовыми конфликтами, которые

[1]) Что и с общей точки зрения рабочего класса к trade-alliance'ам приходится отнестись отрицательно, это доказывает Адольф Браун: „Указывалось на то обстоятельство, что предприниматели начинают связывать с тарифными договорами широкие надежды на устранение всякой неудобной кункуренции, на упрочение высоких цен и на эксплоатацию потребляющей публики. Те самые предприниматели, которые еще недавно, отчасти же и теперь, выражали величайшее негодование против забастовок, против недопущения заместителей забастовавших рабочих, против воздействия профессиональных союзов на рабочий рынок,—взвешивают теперь, не следует ли при заключении тарифных договоров потребовать от профессиональных организаций, чтобы они гарантировали определенные минимальные цены производимых товаров. В таком случае кроме тарифа, регулирующего оплату рабочей силы, должен существовать тариф, который регулирует цены, уплачиваемые потребителями. Тогда профессиональные организации, связанные тарифом, должны отказаться от работы—или от предоставления рабочих при помощи своих бюро найма—во всех случаях, когда предприниматель сбывает товары по более дешевым ценам, чем определение в общей расценке предпринимательской организации. Благодаря этому профессиональным союзам придется не только оказывать значительное содействие вздорожанию всех предметов потребления и прямо помогать этому вздорожанию, но и более того: они стали бы тогда сознательными представителями предпринимательских интересов, и они несли бы перед общественным мнением ответственность за вздорожание жизни. Конечно, можно представить себе исключительные случаи, когда иными способами невозможно достигнуть целей профессиональной организации, когда соответствующие соглашения не окажут влияния на массовое потребление, и когда подобные соглашения будут понятны. Но превращать подобные соглашения в общее правило, в условие и предпосылку тарифного договора,—это, несомненно, противоречит принципам рабочего движения, задачам профессиональных союзов" (Adolf Braun, loc. cit., стр. 5 и сл.).

захватывают целые отрасли промышленности и угрочают остановкою всего общественного производства, если они распространяются на жизненно важнейшие части производства, разделением труда неразрывно связанные между собою. Таким образом профессиональная борьба перерастает свои собственные рамки, и из дела, касающего лишь непосредственно затронутых предпринимателей и рабочих, превращается в дело, касающееся всего общества, т.-е. превращается в политическое событие. Кроме того, все труднее становится закончить борьбу чисто трэд-юнионистскими способами. Чем сильнее предпринимательская организация и профессиональный союз, тем более затяжной характер приобретает борьба. Проблема повышения заработной платы и понижение прибыли становится проблемою власти. У предпринимателей вырастает непоколебимое убеждение, что всякая уступчивость в настоящем ослабит их позицию в будущем, что она усилит моральную и фактическую силу профессионального союза, и что победа профессионального союза в настоящем—предзнаменование его будущих побед. Они хотят решить борьбу раз навсегда, и склонны оплатить военные издержки,—только бы достигнуть подчинения на долгое время. Сила их капитала достаточно велика для того, чтобы выдержать борьбу,— выдержать в течение более продолжительного времени, чем то возможно для профессионального союза, средства которого все быстрее поглощаются пособиями. Но борьба не останавливается перед границами данной сферы, а распространяется на другие, для которых первая доставляет сырой или вспомогательный материал: и здесь приходится остановить производство, и здесь рабочим приходится оставаться без работы. Это—положение, которое вызывает растущее ожесточение среди рабочих и дальше, в тех отраслях розничной торговли, которые живут от рабочего класса; при случае оно может повести к крупным социальным и политическим конфликтам. Возрастает стремление тех, кто не участвует в борьбе непосредственно, закончить первоначальный конфликт, а так как они не располагают никаким иным средством воздействия, то они требуют вмешательства государства. Таким образом вопрос об окончании стачки из вопроса трэд-юнионистской силы превращается в вопрос политической силы; и чем больше развитие организации предпринимателей вызывает благоприятный для них сдвиг в соотношении сил, тем важнее для рабочего класса приобрести наибольшее влияние в политических представительных учреждениях и располагать там собственным представительством: оно с полной решительностью и независимостью должно отстаивать рабочие интересы против предпринимательских интересов и содействовать победе рабочих. Но эта победа обусловливается не только политическим воздействием. Напротив, последнее может воспоследовать и, в конце концов,

увенчаться успехом лишь при том условии, если профессиональный союз достаточно силен,—если он с величайшей энергией и интенсивностью может проводить чисто экономическую борьбу: с такой интенсивностью и энергией, что ему удается расшатать сопротивление буржуазного государства, которое отказывалось вмешиваться в условия труда неблагоприятным для предпринимателей способом, и что политическому представительству останется лишь окончательно сломить это сопротивление. Положение далеко не таково, чтобы сделать профессиональный союз излишним для рабочего класса и заменить его политической борьбой: наоборот, возрастание силы профессиональной организации становится необходимым условием всякого успеха. Но как бы силен ни был профессиональный союз, именно крупный масшаб, интенсивность и широта его борьбы превращают последнюю в борьбу политическую и указывают рабочим на необходимость восполнения трэд-юнионистской деятельности политической деятельностью. Таким образом во всякой стране в ходе развития профессиональной организации необходимо наступает момент, когда образование независимой политической рабочей партии становится условием самой трэд-юнионистской борьбы. Но раз сложилась независимая политическая рабочая партия, ее политика ненадолго сосредоточивается исключительно на тех моментах, которые дали толчок ее возникновению: она превращается в политику, которая стремится представлять общие классовые интересы рабочих в совокупности, она перерастает поэтому рамки борьбы, невыводящей из буржуазного общества, и становится борьбою против буржуазного общества.

Но, с другой стороны, укрепление предпринимательской организации не только не делает трэд-юнионистскую борьбу излишней, но отнюдь не делает ее и безнадежной. Из того, что предпринимательская организация сама по себе в состоянии спокойно выжидать, пока рабочие не будут истощены, пока их профессиональный союз не удастся взять финансовым голодом, пока постепенно не получат перевеса желающие работать,—из этого было бы односторонне делать тот вывод, будто трэд-юнионистская борьба со временем будет оканчиваться постоянными поражениями, локауты же должны всегда оканчиваться победой. Ведь здесь не только вопрос силы, но и арифметическая задача относительно влияния на норму прибыли. Локаут или стачка во время высокой конъюнктуры при всех обстоятельствах знаменуют столь крупные убытки, что для предпринимателей может оказаться более выгодным сделать уступку требованиям рабочих и, таким образом, предотвратить борьбу [1]). Даже профессиональный союз, ослабленный

[1]) Следовательно, Науман и ребенка выплескивает с водой из ванны, когда он говорит (Verhandlungen des Vereines für Sozialpolitik,

предшествующим локаутом, все же способен развернуть такую силу, что предпринимателям во время высокой коньюнктуры придется пойти на уступки. С той однако разницей, что, так как и профессиональному союзу приходится опасаться тяжестей борьбы, возможные уступки лежат в более узких границах, чем в те времена, когда профессиональному союзу еще не противостояла какая-либо предпринимательская организация.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Пролетариат и империализм.

Экономическая политика пролетариата стоит в принципиальном противоречии с экономической политикой капиталистов, и позиция в каждом отдельном вопросе характеризуется этой противоположностью. Борьба наемного труда против капитала есть прежде всего борьба за долю в той новой стоимости годового продукта, которая создана рабочим классом (включая сюда производительных служащих и руководителей производства). Непосредственно эта борьба является борьбою за рабочий договор и находит продолжение в борьбе за экономическую политику государства. Что касается торговой политики, здесь интересы рабочих требуют прежде всего расширения внутреннего рынка. Чем выше заработная плата, тем больше та доля вновь созданной стоимости, которая представляет непосредственно спрос на товары, именно, спрос на предметы потребления. Но расширение отраслей промышленности, производящих средства потребления, готовые фабрикаты вообще, равносильно расширению сфер, вообще говоря, с относительно низким органическим составом капитала, т. е. промышленных отраслей, способных поглощать большое количество труда. Это вызывает быстрое повышение спроса на труд, а потому создает для рабочих более благоприятное положение на рынке труда, усиливает профессиональную организацию и увеличивает шансы победы в новых столкновениях из-за условий найма. Интересы предпринимателей обратные. Расширение внутреннего рынка вследствие повышения заработной платы знаменует для них понижение нормы прибыли и открывает перспективу повторного понижения, что в свою очередь приводит к замедленному темпу накопления. В то же время их капитал оттесняется в отрасли, производящие готовые фабрикаты, где конкуренция—наибольшая, способность к картелированию—наименьшая. Конечно, они заинтересованы в расширении рынка, но не за счет нормы прибыли. Это достигается, если при неизменности внутреннего рынка им удастся расширить внешний рынок. Тогда часть нового продукта не превращается в доход рабочих и не увеличивает спроса на туземные продукты: она вкладывается как капитал, который служит производству для иностранного рынка. Следовательно, в этом случае норма прибыли выше и накопление быстрее. Поэтому торговая политика предпринимателей всегда имеет в виду прежде всего внешний рынок, торговая политика рабочих — внутренний рынок и таким образом сводится в значительной степени к политике заработной платы.

Пока охранительные пошлины оставались воспитательными пошлинами главным образом для отраслей промышленности, производящих готовые фабрикаты, они не противоречили интересам наемного труда. Хотя они причиняют вред рабочему как потребителю, однако они ускоряют промышленное развитие и потому могут вознаградить его как производителя, если только профессиональные союзы развились достаточно для того, чтобы использовать положение. Ремесленники, рабочие домашней промышленности и крестьяне в том периоде протекционизма страдают от него много больше, чем фабричные рабочие. Положение изменяется, когда протекционизм превращается в картельный протекционизм. Мы знаем, что картели прежде всего появляются в отраслях производства, в которых органический состав капитала наивысший. То обстоятельство, что здесь производится дополнительная прибыль, тормозит развитие отраслей, производящих

1905, стр. 187): „...Сфера, в которой возможно это нормальное завершение стачки (имеется в виду тарифный договор), заканчивается выше той линии, до которой примерно доходит среднее производство. Конечно, единичные попытки тарифного договора делались и выше этой границы, но все же именно только в этой сфере по старому либеральному рецепту можно рекомендовать рабочему забастовку для того, чтобы достигнуть тарифного договора, и совершенно иная сфера лежит выше этой границы; там никакая стачка сама по себе не в состоянии достигнуть тарифного договора по той очень простой причине, что элементарный вопрос: какая из двух сторон выдержит дольше? с первого же дня является решенным для всякого способного считать человека. Если нам предстоит пережить еще раз стачку горнорабочих..., то и участникам и неучастникам с самого начала будет ясно, что рабочие не дойдут до такой победы, как прежние мирные переговоры, что эти стачки по существу относятся к новой породе демонстративных стачек. Ибо, если мы предположим тот случай, что удалось бы выиграть одну стачку этого рода,—совершенно гипотетическое предположение,—то в распоряжении крупной комбинированной промышленности в несравненно большей мере оказались бы средства для того, чтобы положить преграды повторению таких происшествий. Не так давно один молодой банкир представил мне очень простой расчет: „Сколько процентов придется потерять нам, если у нас будет постоянный запас на такое-то количество месяцев для того, чтобы абсолютно предохранить себя от всякой победы забастовщиков?“ — он имеет в виду стачку в старом смысле. Что же следует из этого? Что рабочий, если он вообще стремится улучшить свое положение, должен видеть в стачке лишь средство апеллировать к остальному населению“.

готовые фабрикаты и средства потребления. В то же время вздорожание всех средств существования—следствие необходимой связи промышленного протекционизма с аграрными пошлинами—знаменует понижение реальной заработной платы, а вместе с тем сужение внутреннего рынка, поскольку размеры последнего определяются спросом рабочих на промышленные продукты. Следовательно, рабочему причиняется вред и как потребителю, и как производителю: последнее потому, что страдают промышленные отрасли, способные поглощать относительно большое количество живого труда. И, далее, картелирование знаменует усиление позиции предпринимателей на рабочем рынке и ослабление профессиональных союзов. Наконец, картельный протекционизм дает наиболее сильный толчок к увеличению экспорта капитала и неизбежно приводит к империалистской политике расширения.

Мы видели, что экспорт капитала является условием быстрого распространения капитализма. Его расширение социально является необходимым условием сохранения капиталистического общества вообще, а экономически—необходимым условием сохранения и временного повышения нормы прибыли. Политика расширения об'единяет все слои собственников на службе финансовому капиталу. Протекционизм и расширение становятся таким образом общим требованием господствующего класса. Но раз капиталистические классы отвратились от фридрдерской политики, это означает, что теперь она совершенно безнадежна. Ведь свобода торговли,—не какое-либо положительное требование пролетариата. Для него свобода торговли, это—лишь отпор протекционистской политике, знаменующей более быстрое и сплоченное картелирование, а следовательно, усиление предпринимательской организации, обострение национальных антагонизмов, увеличение вооружений, рост налогового гнета, вздорожание жизни, усиление государственной власти, ослабление демократии, выступление идеологии, враждебной рабочим, оправдывающей насилия. Но раз буржуазия отвратилась от свободы торговли, борьба за свободную торговлю становится безнадежной, потому что пролетариат один слишком слаб для того, чтобы продиктовать господствующим свою политику.

Но это вовсе не означает, что теперь пролетариат обращается к современной протекционистской политике, с которою неразрывно связан империализм. Если он увидал необходимость этой политики для класса капиталистов и необходимость ее торжества, пока господство принадлежит классу капиталистов, это еще вовсе не основание для того, чтобы пролетариат отрекся теперь от своей собственной политики и капитулировал перед политикой своих врагов; не основание в особенности для того, чтобы он сам предался иллюзиям относительно тех мнимых выгод, которые должно принести для его классового положения обобщение и усиление эксплоатации. Тем не менее пролетариат не может не видеть, что империалистская политика обобщает ту революцию, которую знаменует распространение капитализма, а вместе с тем обобщает и условия, необходимые для торжества социализма. Но если империалистская политика капитала является в последнем счете самым мощным фактором конечной победы пролетариата, это не основание для того, чтобы он поддерживал эту политику; точно так же, как убеждение, что политика финансового капитала необходимо ведет к военным осложнениям, а следовательно, и к тому, что разразятся революционные ураганы, не может же отвратить пролетариат от его непримиримой вражды к милитаризму и военной политике. Наоборот, победы пролетариат может достигнуть лишь в постоянной борьбе с этой политикой, потому что только тогда он окажется наследником после той катастрофы, к которой неизбежно ведет эта политика. Но здесь же отметим, что дело сведется тут к политической и социальной а не к экономической катастрофе,—представление о последней вообще нельзя признать рациональным представлением. Протекционизм и картели знаменуют вздорожание жизни, предпринимательские организации укрепляют силу того сопротивления, которое капитал оказывает натиску профессиональных союзов. Политика вооружений и колониальная политика все быстрее увеличивают налоговую тяжесть, которую должен нести пролетариат. Необходимый результат этой политики, военное столкновение капиталистических государств, знаменует колоссальное острое увеличение пауперизма. Но все эти силы, революционизирующие народные массы, только в том случае послужат преобразованию хозяйства, если класс, которому предстоит сделаться творцом нового общества, в своем сознании предвосхищает всю эту политику и ее необходимые результаты. Это же может осуществиться лишь при том условии, если народным массам снова и снова выясняются необходимые последствия этой политики, направляемой против интересов масс,—а это возможно в свою очередь лишь в постоянной, беспощадной борьбе с империалистской политикой.

Но если капитал не в состоянии проводить теперь никакой иной политики, кроме империалистской, то пролетариату не приходится противопоставлять ей политику той эпохи, когда промышленному капиталу принадлежало единодержавие. Не дело пролетариата более прогрессивной капиталистической политике противопоставлять оставшуюся позади политику эры свободной торговли и враждебного отношения к государству. Ответом пролетариата на экономическую политику финансового капитала, на империализм, может быть не свобода торговли, а только социализм. Не такой идеал, как восстановление свободной конкуренции—он превратился теперь в реакционный идеал,—может быть

теперь целью пролетарской политики, а единственно лишь полное уничтожение конкуренции посредством преодоления капитализма. От буржуазной дилеммы: протекционизм или свобода торговли? пролетариат уходит с ответом: ни протекционизм, ни свобода торговли, а социализм, организация производства, сознательное регулирование хозяйства не магнатами капитала и не на их пользу, а всем обществом и на пользу всего общества: тогда оно подчинит себе, наконец, и хозяйство, как оно подчиняло природу по мере того, как раскрывало законы ее движения. Социализм перестает быть отдаленным идеалом,—перестает быть даже той „конечной целью", которая просто указывает общее направление „текущих требований": он становится существенным элементом в непосредственной практической политике пролетариата. И как-раз в тех странах, где политика буржуазии получила наболее полное осуществление, где осуществились социально наиболее важные элементы политико-демократических требований рабочего класса,—там социализм в качестве единственного ответа на империализм должен выдвинуться на первый план пропаганды: только так и будет обеспечена независимость рабочей политики и ее превосходство в деле отстаивания интересов пролетариата.

Финансовый капитал все более сосредоточивает власть над общественным производством в распоряжении малочисленных крупнейших капиталистических ассоциаций. Руководство производством он отделяет от собственности и доводит обобществление производства до той границы, которая вообще достижима при существовании капитализма. Границы капиталистического обобществления определяются, во-первых, распадением мирового рынка на национальные экономические территории отдельных государств; оно преодолевается интернациональным картелированием лишь с большими трудом и медленностью; это же распадение на национальные территории ведет к продлению конкурентной борьбы, которая идет между картелями и трестами, опирающимися на содействие политических сил государства. Во-вторых, — что следует упомянуть ради полноты, — границы капиталистическому обобществлению производства ставятся образованием земельной ренты, которая тормозит концентрацию в сельском хозяйстве; в-третьих, теми мерами экономической политики, целью которых является продление живучести среднего и мелкого производства.

По своим общим тенденциям финансовый капитал знаменует установление общественного контроля над производством. Но это—обобществление в антагонистической форме; господство над общественным производством остается в руках олигархии. Борьба за низложение этой олигархии представляет последнюю фазу классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом.

Выполняя функцию обобществления производства, финансовый капитал до чрезвычайности облегчает преодоление капитализма. Раз финансовый капитал поставил под свой контроль важнейшие отрасли производства, будет достаточно, если общество через свой сознательный исполнительный орган, завоеванное пролетариатом государство, овладеет финансовым капиталом: это немедленно передаст ему распоряжение важнейшими отраслями производства. От этих отраслей производства зависят все остальные, и потому господство над крупной промышленностью уже само по себе равносильно наиболее действительному общественному контролю, который осуществляется и без всякого дальнейшего непосредственного обобществления. Общество, которое располагает горным делом, железной промышленностью, включительно до машиностроительной, электрическою и химическою промышленностью, которое господствует над системой транспорта, — общество, подчиняя себе эти важнейшие отрасли производства, тем самым захватывает в свои руки, т. е. тоже может подчинить себе как распределение сырого материала между остальными отраслями, так и транспорт продуктов в последних. Овладение шестью крупными берлинскими банками уже в настоящее время было бы равносильно овладению важнейшими сферами крупной промышленности и до чрезвычайности облегчило бы первые шаги политики социализма в тот переходный период, когда капиталистический метод счетоводства представляется еще целесообразным. Экспроприацию незачем будет распространять на многочисленные крестьянские и промышленные мелкие производства, потому что вследствие захвата крупной промышленности, от которой они уже давным-давно находятся в полной зависимости, они будут обобществлены при ее посредстве, как сама она будет обобществлена непосредственно. Следовательно, в тех случаях, когда процесс экспроприации оказался бы в силу децентрализации слишком затяжным и политически опасным, будет возможно медленным развитием подготовить этот процесс к зрелости; т. е. однократный акт экспроприации государственной властью превратить в постепенное обобществление, ускоряемое теми экономическими выгодами, которые сознательно предоставляются обществом: ведь финансовый капитал уже позаботился об экспроприации, поскольку она необходима для социализма.

Итак, создавая последние организационные предпосылки социализма, финансовый капитал облегчает переход и в политическом отношении. Деятельность самого капиталистического класса в том виде, как она проявляется в империалистской политике, неизбежно толкает пролетариат на путь самостоятельной классовой политики, которая вообще может найти завершение лишь в окончательном преодолении капитализма. Пока царил принцип laisser faire, пока вмешательство государства в эконо-

мическую жизнь, а вместе с тем и характер государства, как организации классового господства, оставались замаскированными, требовалась сравнительно большая дальновидность для того, чтобы понять необходимость политической борьбы и в особенности необходимость политической конечной цели — завоевания государственной власти. И вовсе не случайность, что как-раз в Англии, классической стране невмешательства, столь трудным оказалось развитие самостоятельной политической деятельности рабочего класса. Теперь это изменяется. Класс капиталистов непосредственно, незамаскированно, осязательно овладевает государственной организацией и превращает ее в орудие своих эксплоататорских интересов таким способом, что и последний пролетарий неизбежно приходит к сознанию, что завоевание политической власти пролетариатом представляет его ближайший личный интерес. Очевидный захват государства капиталистическим классом непосредственно заставляет всякого пролетария стремиться к завоеванию политической власти как единственному средству положить конец эксплоатации [1]).

Борьба против империализма усиливает все классовые противоречия в буржуазном обществе. Но пролетариат, как решительнейший враг империализма, получает подкрепление из других классов. Империализм, который сначала поддерживали все остальные классы, в конце концов, обращает своих приверженцев в бегство. Чем дальше развивается монополизация, тем тяжелее ложится груз дополнительных прибылей на все остальные классы. Вздорожание, результат деятельности трестов, понижает их уро-

[1]) „Современная система охранительных пошлин—и в этом ее историческое значение—вводит в последнюю фазу капитализма. Чтобы остановить понижение нормы прибыли, в котором находит себе выражение закон движения капитализма, капитал устраняет свободную конкуренцию, организуется и вследствие своей организации приобретает способность овладеть государственной властью, чтобы непосредственно и прямо поставить ее на службу своих эксплоататорских интересов. Уже не одни только рабочие, но и все население подчиняется стремлению капиталистического класса к прибыли. Все силы, какими только располагает общество, сознательно сосредоточиваются и потом превращаются для капитала в средства эксплоатировать общество. Это—ступень, непосредственно предшествующая социалистическому обществу, ибо она представляет его полное отрицание: сознательное обобществление всех имеющихся в современном обществе экономических сил, но сосредоточение их не в интересах коллективности, а с той целью, чтобы небывалым доселе способом повысить степень эксплоатации этой коллективности. Но именно ясность, очевидность этого состояния и делает невозможным длительное его существование. Оно в противовес деятельности капиталистического класса, которому концентрация средств производства принесла с собою концентрацию сознания и действий, пробуждает деятельность пролетариата, которому остается только сознать свою силу, чтобы она стала непреодолимой". Rudolf Hilferding, „Der Funktionswandel des Schutzzolls", „Neue Zeit", XXI, 2.

вень жизни, и это тем более, что тенденция к повышению цены пищевых средств распространяется и на необходимейшие средства существования. В то же время увеличивается гнет налогов, который затрагивает и средние слои. И они обнаруживают все возрастающую склонность к возмущению. Служащие все больше утрачивают надежду сделать карьеру, они все более сознают в себе эксплоатируемых пролетариев. Средние слои в сфере торговли и промышленности тоже начинают замечать свою зависимость от картелей, которые превращают их в простых агентов, живущих одним провизионным вознаграждением. Но в тот момент, когда расширение капитала вступит в период замедленного движения, все эти противоречия должны обостриться до невыносимой степени. А все это наступит, когда развитие акционерных обществ и картелей пойдет вперед уже не столь быстрым темпом, когда замедлится образование новых учредительских барышей, когда, следовательно, уменьшится стремление к экспорту капитала. Но оно должно понизиться, когда замедлится столь быстрое теперь открытие чужих стран для капитализма. Открытие дальнего Востока, стремительное развитие Канады, южной Африки и южной Америки сыграли главную роль в том явлении, что развитие капитализма совершалось столь головокружительно быстро и прерывалось с 1895 года лишь короткими периодами депрессии. Но когда развитие это замедлится, давление картелей на внутренний рынок проявится с тем большею остротой: ведь концентрация с наибольшею быстротой совершается как-раз в период депрессии. В то же время, с замедлением темпа расширения мирового рынка, еще больше обострится антагонизм между капиталистическими нациями, борющимися за свою долю на мировом рынке; и это в еще большей степени, если крупные рынки, открытые теперь для конкуренции, распространением протекционизма, напр., на Англию, будут закрыты для конкуренции других стран. Опасность войны ведет к увеличению вооружений и налогового гнета и, в конце концов, гонит в ряды пролетариата средние слои, жизненный уровень которых подвергается все большей угрозе. Пролетариат пожнет плоды от ослабления государственной власти и от военного столкновения [1]).

Исторический закон таков: в общественных формациях, построенных на классовых противоречиях, великие социальные перевороты совершаются лишь тогда, когда господствующий класс достигнет возможного максимального уровня в концентрации своей силы. Экономическая сила господствующего класса всегда знаменует в то же время власть над людьми, власть распоряжаться человеческой рабочей силой. Но, благодаря этому, экономически

[1]) См. К. Каутский, „Путь к власти", в особенности заключительную главу: „Новый век революций".

господствующий становится зависимым от силы подчиненных. Ибо, увеличивая свою силу, он в то же время укрепляет силу тех, кто противостоит ему в классовой вражде. Но, как подчиненные, они кажутся бессильными. Их сила, которая может обнаружить себя лишь в борьбе, в ниспровержении власти господствующего класса, является скрытою, а власть господствующих — единственно очевидною. Сила подчиненных проявляется как реальная сила только в столкновении обоих сил, следовательно, только в революционный период.

Экономическая власть знаменует в то же время власть политическую. Господство над хозяйством дает в то же время господство над политическими рессурсами государственной власти. Чем выше концентрация в экономической сфере, тем неограниченнее подчинение государства. Это строгое сплочение всех сил государства представляется величайшим развитием его сил, государство — непреодолимым орудием охраны экономического господства, а потому и завоевание политической власти — предпосылкой экономического освобождения. Буржуазная революция началась лишь тогда, когда абсолютное государство, преодолев внутри-государственную территориальную власть крупных сеньеров, сосредоточило все политические рессурсы: точно так же, как концентрация политической власти в руках немногих крупнейших сеньеров, в свою очередь, была предпосылкой победы абсолютной монархии. Точно также победа пролетариата примыкает к концентрации экономической власти в руках немногих магнатов капитала или союзов магнатов и к их господству над государственной властью.

Финансовый капитал в его завершении, это — высшая ступень полноты экономической и политической власти, сосредоточенной в руках капиталистической олигархии. Он завершает диктатуру магнатов капитала. Но он же диктатуру господ национального капитала одной страны делает все более несовместимой с капиталистическими интересами другой страны, и господство капитала во всякой стране все более несовместимым с интересами народных масс, эксплоатируемых финансовым капиталом, но им же и воззываемых к борьбе. В мощном столкновении враждебных интересов диктатура магнатов капитала превращается, наконец, в диктатуру пролетариата.

Алфавитный указатель.

Абиотаж—345.
Абсентеизм капиталистический — 391.
Авансирование денег — 58, 59, 67, 68, 69, 86, 91, 126, 148, 163.
Авансированный капитал—148, 211.
Австралия—378, 387, 390.
Австрия—21, 22, 23, 78, 165, 186, 248, 370, 382, 388, 397.
Австро-Венгерский банк—103, 104.
Ажиотаж—70, 75.
Азия—353, 387, 396.
Акцепт банковый—88.
Акцентирование векселей—81
Акционер—107, 108, 109, 112, 115, 117, 122, 124, 129, 130, 201.
Акционерная компания—134.
Акционерное дело—137.
" общество—106, 110, 112, 113, 115, 116, 117, 118, 122, 123, 124, 125, 126, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 136, 139, 152, 154, 156, 163, 177, 265, 274, 344, 357, 358, 381, 407.
Акционерное предприятие—112, 113.
Акционерный капитал—111, 116, 118, 119, 134, 135, 199, 201, 216, 263.
Акция—92, 96, 109, 110, 111, 114, 118, 119, 120, 121, 122, 133, 134, 135, 137, 139, 141, 157, 158, 163, 190, 197, 199, 200, 201, 202, 212, 213, 263, 264, 313, 315, 371, 385, 434.
Америка—208, 209, 210, 238, 275, 321, 324, 325, 326, 335, 358, 381, 391, 406, 432,
Анархия—14.
Ангажемент—162, 166.
Английский банк—32, 78, 89, 103, 104, 327, 344.
Англия — 31, 41, 77, 89, 94, 101, 102, 104, 164, 169, 200, 218, 264, 320, 322, 323, 324, 325, 326, 335, 336, 340, 341, 344, 352, 354, 355, 357, 358, 359, 364, 372, 374, 377, 381, 382, 383, 386, 387, 389, 391, 392, 393, 395, 396, 398, 404, 427, 444, 445.
Арбитраж—94, 162, 182, 249.
Аргентина—378.
Аристофан—39.
Арнольд, А.—28, 150, 158.
Ассигнации—31.
Ассоциирование капитала—214, 215.
Ассоциированные производители — 116.
Ассоциированный труд—205.
Атлантический океан—392, 393.
Аусциг—247.
Африка—353, 373, 376, 387.

Базаров, В.—219, 412.
Баланс—321, 325.
Балансирование платежей—38, 43.
Банк — 54, 73, 76, 77, 80, 84, 87, 88, 89, 91, 92, 94, 95, 101, 105, 117, 126, 127, 128, 129, 133, 138, 139, 142, 144, 151, 162, 163, 164, 172, 182, 194, 196, 198, 200, 202, 217, 227, 262, 263, 265, 315, 320, 324, 327, 331, 335, 340, 343, 352, 356, 359, 370, 384, 417, 434.
Банки депозитные—87.
Банкнота — 32, 33, 42, 45, 76, 77, 79, 80, 100, 144, 323, 324, 346.
Банковая концентрация—96.
" прибыль—192.
Банковые долги—127.
Банковый билет—77, 78, 81, 100, 101, 317, 318, 325, 403.
Банковый капитал—138, 172, 173, 183, 192, 195, 196, 199, 200, 217, 218, 247, 248, 265, 358.

Банковый кредит—80, 81, 88, 89, 95, 137, 314, 315, 318, 340, 413.
Банковый кризис—318, 324, 336, 346.
Банкротство — 47, 93, 135, 214, 215, 322, 337, 344, 345.
Бауер, Отто—331, 411.
Бездеятельность капитала — 64, 65, 68, 70, 83, 84, 370, 411.
Бельвинкель—259.
Бельгия—89, 336, 368, 387, 388, 393, 395.
Бем-Баверк—167.
Берлин 189, 241, 327.
Berliner Jahrbuch—165.
„ Handelsgesellschaft—128.
„ Tageblatt—124, 150, 165, 243.
Берлинская биржа—157.
Берлинский банк—104.
Билеты кредитные—67.
„ товарные 55.
Биржа — 95, 115, 138, 139, 140, 142, 143, 151, 152, 153, 154, 156, 165, 166, 167, 172, 183, 184, 202, 259, 261, 316, 324, 360, 393.
Биржа берлинская—327, 339.
„ германская—339.
„ товарная—167, 182.
Биржевая торговля—167, 170.
Биржевой кризис—316, 322.
Биржевые бумаги—140, 144, 158, 159.
„ операции 144, 157, 158, 161, 162, 184, 313.
Биржевые сделки—160, 188.
„ товары—172.
Блокада—433, 434.
Богемия—250.
Бойкот—421, 428.
Бонту—103, 345.
Боркман—208.
Борьба за рабочий договор—419.
„ „ хозяйственную территорию—365.
Браун, А.—241, 435.
Бремен—186, 340.
Британская империя—387, 389.
Брей, —55.
Брюкс—247.
Будапешт—186.
Бумаги кредитные—140, 180.
„ ценные—151.
Бумажная денежная система—78.
Бумажное обращение—20.
Бумажные деньги—21, 32, 33, 50, 74, 75, 78, 101, 244.
Бумажные ценности—169.
Буржуазия — 397, 402, 404, 414, 415, 416, 440, 441, 442.
Быстрота оборотов денег—30.
Бюрократия—399, 409, 415.

Валюта—318.
Ван-Боргт—114, 261.
Ван-Гюльпен—179, 261.
Вахлер—255.
Вашингтон, Г.—157.
Ввоз товаров—35, 321.
Ведднг—209.
Вексель—49, 50, 51, 52, 59. 73, 75, 78, 80, 81, 85, 88, 89, 94, 100, 115, 137, 141, 143, 144, 145, 152, 158, 311, 312, 317, 326.
Вексель банковый—81, 88.
„ товарный—88.
„ торговый 81, 88.
Вексельный курс—328.
„ рынок—144.
Вена—25, 316, 340.
Венгрия—9.
Верхняя Силезия—209, 254.
Винер—188.
Virement—51.
Вклад—201.
Возмещение стоимостей—17.
Возрастание основного капитала—67, 301.
Возрастание потребления—307.
Воспроизводство — 64, 101, 115, 174, 285, 286, 287, 290, 293, 295, 296, 297, 298, 303, 308, 309, 310.
Восточная Европа—396.
Всеобщая Компания Электричества—121.
Всеобщий картель—276.
Высвобождающийся капитал—182.
Высвобождение денежного капитала—64, 71, 252, 331.

Гавемейер—260, 263.
Гайндмэн—98.
Гамбург—105, 157, 189, 254.
„ Альтона—413.
Гамп—177, 188, 191.
Ганноверский банк—340.
Гейдман—254.
Германия — 88, 89, 94, 157, 176, 209, 210, 218, 241, 248, 255, 275, 327. 339, 344, 346, 356, 357, 358, 378, 381, 382, 385, 387, 388, 392, 393, 394, 395, 397, 398, 405.
Германский имперский банк—51, 88, 94, 103, 104, 118, 200, 327, 328.
Германский Союз—238.
Герштейн—255, 256.
Гетеросферическое объединение — 227.
Гильфердинг, Р.—6, 444.
Гипербол—39.

Гоббс—207.
Голландия — 89, 102, 353, 381, 385, 387, 395.
Гомогенное соглашение—228.
Гомогенные фузии—226.
Гомосферическое объединение—227.
Государственный заем—152, 324.
„ налог—111.
Грей—55.
Гринбеки—37.
Грунцель—237, 238.
Гуайт, фон—261.
Гульден—21, 36, 40.
Гундерман—206, 207.

Дамме—175.
Дарвин—31.
Движение капитала—60.
„ цен—67.
Движимый капитал—408.
Девальвация—23, 41, 49.
Демократизация капитала—157.
„ собственности—137.
Денежное накопление—330.
Денежные операции—143.
Денежный запас—193.
„ знак—37, 66, 101.
„ капитал—57, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 71, 80, 81, 82, 84, 86, 90, 91, 93, 98, 99, 107, 108, 109, 110, 113, 127, 129, 130, 137, 145, 146, 150, 152, 157, 162, 163, 168, 192, 193, 194, 195, 199, 200, 201, 212, 292, 294, 295, 298, 303, 313, 328, 329, 331, 332, 333, 334, 335, 356.
Денежный кризис—78, 320, 324, 336, 342, 353.
Денежный рынок — 66, 69, 70, 129, 166, 322, 333.
Деньги — 3, 5, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 27, 28, 46, 48, 51, 53, 54, 55, 57, 58, 64, 65, 69, 81, 96, 97, 99, 108, 111, 115, 136, 140, 142, 143, 160, 171, 192, 193, 194, 276, 286, 292, 303, 329, 331, 333, 334.
Деньги бумажные—16, 19, 20, 21, 22, 23, 34, 38, 40, 42, 43, 46, 48, 49, 53, 69, 78.
Деньги в обращении промышленного капитала—65.
Деньги в процессе обращения—16.
„ дополнительные—59, 110, 145.
Деньги золотые—37, 39, 48, 74.
„ как платежное средство—46, 47, 48, 310.
Деньги кредитные — 33, 46, 48, 50, 51, 53, 82, 84, 85, 87, 99, 100, 311, 312, 318, 324.
Деньги мера стоимости—54, 55,
Деньги металлические — 33, 34, 37, 38, 43, 44, 53, 54, 68, 100, 323, 324.
Деньги наличные—37, 38, 41, 49, 82, 318.
Деньги счетные—153.
Депозитный банк—227, 264.
Депрессии—222, 225, 230, 245, 278, 311, 328, 332, 334, 350, 374, 411, 445.
Дернбург—391.
Децентрализация—241.
Джефферсон—157.
Дивиденд—87, 106, 109, 113, 115, 117, 118, 119, 122, 130, 134, 135, 139, 155, 158, 213, 263, 313, 336.
Дивидендная—политика—201, 202.
Дивидендные бумаги—140.
Диктатура пролетариата—446.
Диль—77
Дисконт—103, 104, 105, 117, 203, 327, 331, 335, 339.
Дисконтированный вексель — 76, 81, 84, 88, 92.
Диспропорциональность — 307, 310, 312, 313, 317, 323, 348.
Дифференциальная рента—238.
Дифференциальный барыш—146, 152, 160, 163, 164, 169, 172, 175, 317.
Дифференцирование—412.
Добавочный капитал—см. Капитал.
Долговые свидетельства—142.
Дополнит. капитал—см. Капитал.
Дортмунд—253
Доход постоянный—153.
Дуисбург—255.
Дюссельдорф—209.

Европа—39, 322, 326, 357, 377, 381, 387, 389, 391, 393, 398.
Египет—335.

Забастовка—430, 435.
Заем государственный — 203, 371, 372, 403.
„ муниципальный—203.
Закон обмена—5.
Заработная плата—38, 116, 252, 280, 282, 285, 308, 310, 349, 422, 424, 436, 439, 440.
Затруднения сбыта—52.
Звонкая монета—53, 85.
Земельная рента—см. Рента.
Зингерланд—209.
Золото—15, 20, 28, 35, 36, 39, 40, 42, 44, 45, 52, 53, 89, 90, 101, 102, 320, 323, 326, 327, 328, 341.
Золотой запас—102, 309, 321, 324.
Золотые деньги—74.
Золя—114, 207.
Зомбарт—243, 411.

Ибсен—208.
Идея денег—55.
„ товарных билетов—55.
Изменение величины бездействующего капитала—64.
Изменение в характере кризисов—336
Изменение цены товаров—67, 68.
Иммиграция—377.
Иммобилизация кредита—133.
Империализм 388, 401, 409, 415, 418, 438, 440, 445.
Империалистич. политика—441, 443.
Импортер—314.
Импорт капитала 380.
Индивидуальное предприятие 129.
Индивидуальный процесс производства—72.
Индия—27, 354, 358, 377, 390, 392.
Иностранная валюта—142.
Интернационализация капитала—369.
Инфляция—40.
Ипотечная операция—408.
Ирландия—354.
Испания—352.
Историческая тенденция финансового капитала—267.
Италия—397.

Канада—370, 378, 387, 390, 445.
Капитал—56, 57, 60, 61, 85, 91, 93, 96, 97, 98, 107, 109, 115, 116, 124, 130, 131, 133, 134, 135, 139, 152, 154, 156, 193, 201, 208, 209, 210, 213, 217, 264, 269, 277, 302, 304, 305, 326, 332, 334, 335, 369, 376, 377, 379, 380, 384, 386, 387, 389, 391, 393, 397, 400, 401, 402, 403, 418, 419, 436, 439, 442, 443, 446.
Капитал акционерный — 109, 112, 134, 203.
Капитал банковый—87, 92, 201, 204, 217, 259, 266, 358, 370.
Капитал бездоятельный—71.
„ временный—290.
„ движимый—408.
„ действительный—150, 200.
„ денежный—56, 61, 63, 66, 68, 70, 73, 83, 96, 116, 130, 134, 139, 148, 151, 159, 200, 201, 204, 240, 245, 259, 276, 289, 293, 295, 296, 301, 311.
Капитал добавочный—60, 61, 65, 66, 76.
Капитал дополнительный—60, 62, 66, 68, 72, 73, 84, 92, 193, 329.
Капитал занятой—344.
„ запасный—74, 120, 134, 181, 309, 310, 344.
Капитал индивидуальный—71, 84, 91, 131, 136, 168, 214.
Капитал комиссионный—134.
„ облигационный—203.
„ оборотный — 67, 71, 82, 92, 133, 181, 210, 293, 303, 311, 326, 332, 334.
Капитал общественный—84, 116, 125, 204, 272.
Капитал основной—63, 67, 82, 87, 92, 93, 133, 153, 209, 210, 211, 214, 221, 286, 287, 288, 293, 294, 300, 301, 302, 303, 305, 306, 309, 331, 332, 333, 334, 335.
Капитал переменный—141, 208, 273, 282, 285, 290, 293, 302.
Капитал пониженный—135.
„ постоянный — 141, 208, 209, 280, 281, 282, 285, 286, 288, 290, 302, 303, 307, 309, 331, 422.
Капитал потенциальный—205.
„ производительный—57, 60, 66, 67, 70, 75, 81, 92 108, 143, 144, 145, 153, 191, 194, 197, 303, 311, 328.
Капитал производственный—211, 212, 292, 394.
Капитал промышленный—57, 60, 61, 72, 92, 93, 101, 110, 111, 114, 129, 138, 152, 153, 168, 173, 193, 199, 201, 212, 240, 241, 246, 259, 264, 332, 358, 380, 384, 385, 325, 386, 398, 402.
Капитал резервный—72.
„ ростовщический—265.
„ свободный—132.
„ собственный—90, 91, 96, 154, 194, 195, 196, 198, 199, 201, 202, 264.
Капитал ссудный—69, 91, 97, 98, 100, 110, 113, 123, 142, 173, 192, 195, 196, 198, 202, 212, 277, 311, 323, 333, 372, 373, 374, 383, 391, 392, 402.
Капитал ссуженый—140.
„ товарный—57, 74, 81, 145, 193.
Капитал торговый — 93, 200, 266, 358, 402.
Капитал фиктивный — 138, 152, 153, 155, 157, 167, 168, 200, 201, 212, 277, 313.
Капитал финансовый—105, 154, 243, 262, 265, 266, 276, 277, 317, 371, 379, 380, 398, 399, 400, 401.
Капитал функционирующий — 118, 134, 135, 136, 141.
Капитал частный—116.
Капитал чужой—91, 96, 196.
„Капитал" Маркса — 11, 17, 19, 43, 53, 56, 58, 67, 69, 70, 72, 86, 97, 100, 109, 115, 137, 193, 194, 205, 219, 221, 225, 235, 282, 283, 289, 292, 295, 296, 297, 301, 309, 333, 343.
Капитализм—101, 214, 265, 337, 356,

364, 375, 379, 380, 381, 392, 394, 404, 411, 419, 439, 442, 444, 445.
Капитализм английский—89.
„ голландский—88.
Капитализированная прибыль—156.
Капиталист—58, 69, 73, 84, 90, 91, 123, 126, 129, 135, 143, 144, 155, 156, 171, 175, 201, 208, 212, 236, 258, 259, 285, 329, 409, 410, 413, 416, 423, 424, 432, 434.
Капиталист ассоциированный—72.
„ денежный—73, 79, 107, 109, 130, 167.
Капиталист индивидуальный — 135, 154, 200, 208, 294, 358.
Капиталист посредник—271.
„ производительный—73, 74, 75, 76, 80, 81, 84, 86, 87, 90, 97, 98, 129, 145, 147, 191, 204, 241.
Капиталист промышленный—72, 91, 107, 108, 115, 135, 164.
Капиталист процентный 266.
„ ссудный—77, 91, 97, 107, 108, 110, 133, 199.
Капиталист торговый—205.
Капиталистическая ассоциация—277
„ монополия—239, 262, 267.
Капиталистическая промышленность—239, 262, 296, 411.
Капиталистическая собственность — 137, 155, 167.
Капиталистический класс — 444.
„ кризис—347.
„ обмен товаров—235.
„ процесс воспроизводства—62, 63.
Капиталистический способ производства — 190, 205, 206, 289, 300, 347, 436.
Капиталистическ. торговец—257, 258.
Капиталистическое общество—47, 63, 69, 70, 79, 98, 108, 122, 131, 142, 152, 156, 184. 191, 213, 260, 281, 288, 289, 290, 295, 299, 306, 440.
Капиталистическое предприятие — 86, 89, 107, 110, 131, 226, 262.
Капиталистическое производство — 73, 82, 98, 116, 151, 155. 205, 208, 214, 215, 216, 221, 264, 265, 276, 278, 279, 280, 281, 282, 285, 298, 306, 308, 336, 339, 341, 364, 365, 371, 416.
Капиталистическое развитие — 359.
Капиталистическое хозяйство — 146, 299.
Капитальный рынок—142.
Капская колония—387.
Карл II—353.
Карнеги—220.
Картелирование — 183, 184, 218, 236, 246, 255, 262, 263, 265, 270, 271, 272, 275, 359, 361, 367, 368, 385, 403, 409, 428, 434, 439, 440, 442.
Картелированные предприятия—274, 276, 346, 348, 349, 405, 411, 432.
Картель—185, 217, 220, 229, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 245, 246, 247, 249, 250, 255, 262, 263, 267, 269, 270, 300, 302, 336, 347, 348, 349, 350, 351, 356, 363, 409, 410, 418, 419, 421, 428, 432, 433, 434, 440.
Картель всеобщий—276.
Картельная цена—267, 272.
Касса—339.
Кассовые операции—157.
Каутский—392, 445.
Кенс—284.
Кениг—164.
Кенигсхютте—209.
Кесслер—430.
Кирдорф—232, 251, 252.
Китай—377.
Классовая вражда—446.
„ политика—443.
Классовый интерес—432.
Классы—401.
Клеон—39.
Клекнер—255.
Кнапп—34.
Кобден—377.
Колебание цен — 178.
Коллективность производственная—3, 4.
Коллективность трудовая—6.
Кольбер—353.
Комбинация—223, 224, 225, 226, 227, 230, 236.
Комбинированное об'единение — 234.
Комиссионер—164.
Комиссионная продажа—182, 249.
Комиссионное предприятие—184, 250.
Коммерческий кредит—80.
Комми-вояжер—216, 248, 418.
Коммунистическое общество—69.
Кон—261.
Конго—376.
Кондиции—234.
Конкуренция—35, 215, 216, 218, 260, 277, 354, 355, 356, 360, 367, 382, 383, 384, 389, 394, 419, 428, 433, 444.
Конкуренция капитала — 214.
„ промышленности—155, 203, 356, 367, 394.
Консоли процентов—102.
Консолидирование—407.

Консорциум банков—179, 241.
Контокоррентные операции—94.
Контроль банков—127, 133.
„ предприятий — 234, 245, 252, 344, 345, 348.
Концентрация банков 144, 217, 342.
„ в промышленности—156, 165, 241, 243, 250, 267, 271, 407, 416, 445.
Концентрация денег—142, 193, 425.
„ капиталов — 126, 307, 316, 337, 356, 445.
Концентрация предприятий — 136, 227, 228, 241, 343, 350.
Концентрация продуктов — 178, 181.
„ собственности — 125, 137, 228, 316.
Корнер—170, 314.
Косвенное обложение—355.
Косвенный налог—363.
Крах банков—338.
„ предприятия—89.
Кредит—3, 26, 33, 43, 58, 69, 71, 76, 79, 80, 85, 87, 88, 89, 91, 93, 95, 101, 127, 144, 162, 172, 182, 201, 203, 204, 217, 242, 243, 252, 266, 292, 307, 314, 317, 319, 330, 337, 340, 344.
Кредит банковый—76, 80, 85, 91.
„ государственный—152.
„ капитальный — 69, 89, 91, 198, 311.
Кредит коммерческий—137.
„ контокоррентный—94.
„ оборотный — 73, 76, 79, 85, 101, 198, 264, 312, 314, 317, 323, 333.
Кредит платежный—58, 87, 144, 198, 204, 245.
Кредит производительный—263.
„ производственный — 58, 91.
„ промышленный—73, 263.
Кредит торговый—76, 89, 101, 165.
Кредитная система—343.
Кредитные бумаги—140.
„ деньги — 51, 52, 53, 77. 142, 144, 160, 320.
„ знаки—73.
„ операции—95, 319.
„ отношения—59, 71, 92, 311
„ учреждения—78, 142, 143
Кредитный кризис—339.
Кредитование промышленности—200.
Крейцер—25.
Кризис—37, 259, 278 279, 280, 281, 283, 284, 295, 298, 299, 300, 303, 306, 309, 316, 319, 321, 325, 329, 331, 333, 336, 337, 338, 348, 350, 372, 374.
Кризис биржевой—315, 316.
„ кредитный—339.
Кромвель—353.
Кругооборот капитала — 56, 59, 63, 66, 70, 71, 72, 97, 108, 114, 265.
Крупп—382, 396.
Кули—377.
Курс принудительный бумаг—39, 40, 42, 46, 48, 49.
Курсовой уровень—151, 212, 213.
Курсовые цены денег—149.
Куфлер—186.
Кэмпф—177.
Кэри—355.
Кюнерт, Ф.—408.

Лаж—38, 39, 120, 318.
Ландесбергер—181, 185.
Ланкашир—233.
Леббок, Дж.—30.
Леви—220, 222, 231.
Легитимация—9.
Легитимная торговля—258.
Лексис—30.
Леруа-Болье—383.
Линней—31.
Лион—51.
Лист—356.
Ло—31.
Локаут—428. 429, 430, 437.
Лоу—205.
Ломбардирование бумаг—159, 182.
Ломбардные операции—322.
Лондон — 2, 41, 89, 94, 102, 159, 331.
Лотарингия—Люксембург — 305.
Люрман—209.

Маклер—184.
Маколей—39.
Макрости—344, 120, 361.
Максимум средств обращения — 19.
Мануфактуры—224.
Маринизм—415.
Марка—44.
Маркс—4, 11, 13, 17, 18, 31, 32, 43, 46, 55, 56, 60, 62, 63, 66, 67, 69, 70, 72, 100, 115, 136, 137, 152, 193, 194, 205, 219, 221, 225, 235, 266, 282, 283, 284, 289, 292, 293, 296, 297, 301, 309, 318, 331, 332. 338.
Материал вспомогательный—307.
„ денежный—15, 18, 162.
„ сырой - 237, 262, 303, 355, 374, 390, 443.
Мейер, Р.—55, 113, 164.
Мексика—375.
Менгер, К.—25.
Меновой акт—4, 6, 8.

Меновые отношения—304.
Мерило стоимости—29.
Меркантилизм—352, 404.
Меркантилистская политика—351
„ теория—319.
Меркантильная система—293.
Места производства—67.
Мефистофель—261.
Милитаризм—415, 441.
Мобилизация капитала — 106, 138, 141, 153, 155, 192, 211, 212.
Модификация—423.
Момберт—378.
Монета—20, 36.
„ билонная—82.
„ звонкая—37.
Монетарная система—293, 318.
Монополия—162, 170, 217, 219, 232, 233, 258, 259, 262, 265, 270, 339, 346, 351, 360, 364, 367, 368, 372, 381, 386, 399, 410, 418, 421, 444.
Монополистические организац.—245.
„ соглашения — 234, 237, 238.
„ союзы—183, 341.
Монроэ—389.
Моравия—250.
Морган—157.
Мораторium для векселей—75.
Мюнхен—339, 340.

Наблюдательный совет—125, 127, 129.
Накопление денежное индивидуальное—330.
Налоговая система—376.
Налоговое законодательство—407.
Налоговый гнет—445.
Нассау—210.
Наталь—387.
Науман—437.
Не допотребление—281, 282.
Некартелированные предприятия — 272, 273, 346, 348, 350, 362, 409, 427, 433.
Неполноценные деньги — 34, 35, 41, 43.
Нидерланды—23.
Новая Зеландия—387.
Новелла—121.
Нью-Йорк—38.
Нью-Порт—6.

Обеспечение материалов—304.
Облигации—127, 139, 141, 157, 203, 367, 385.
Обмен—4, 5, 6, 7, 8, 9.
„ товаров—48.
„ продуктов—63.
Оборот капитала—67, 69, 93, 93, 210, 307, 311.
Обращение капитала—61, 63, 65, 67, 101, 337.
Общественно-необходимая стоимость обращения—51.
Общественный капитал—61.
„ обмен—6.
Об'единение—357, 362, 432.
„ банков—262.
„ предприятий—267.
Ограничение свободной конкуренции—207.
Одиссей—6.
Октроироваться—164.
Определение цен—267.
Организация рабочих—419.
Основная часть капитала—68.
Основной капитал—65.
Ост-Индия—335, 353.
Отношение между серебряными и бумажными деньгами—21, 22.
Отчисление и запасный капитал—149
Офферман—171, 171.
Охранительные пошлины — 176, 235, 355, 357, 360, 361, 362, 364, 362, 365. 367, 381, 420.

Падение цен—68.
Паника—316, 338, 339.
Парвус—374, 375.
Париж—94, 327.
Патенты—233.
Пауперизм—441.
Пенсы—27, 41, 42.
Перегружение торговли—314.
Передвижение капитала — 211, 270, 370.
Перейра—206.
Перекапитализация—121.
Перемещение капитала—263.
„ товара—46.
Перенакопление товара—305, 306, 307.
Перепроизводство капитала—204.
„ машин—309.
„ товаров—281, 282, 289, 296, 305, 329, 346, 347, 348, 349, 350.
Периодическая бездеятельность денежного капитала—63.
Периодическое высвобождение денежного капитала—60.
Персональная уния—218, 226, 351, 401.
Перу—375.
Петерс, Карл—376.
Петти—352.
Пиль—39, 101, 323, 341, 354.
Питтсбург—222.

Платежеспособность—202.
Платежные операции—92, 127.
„ средства—41, 46, 62. 73, 279, 318, 339, 340.
Платежный баланс—326, 334.
„ кредит—94, 126, 202, 279.
Поворот торговой политики—351.
Повышение курса—224.
„ спроса—63, 64, 69.
„ цен—67, 69.
Поддержка капитала—288.
Полифем—6.
Полноценные деньги - 36, 41, 45.
Полуфабрикат—169, 182.
Поляризация—170.
Понижение цен—53, 67.
Посредническая торговля—250, 251.
Потребитель—170.
Потребительская способность 373,374.
Потребление—280, 281, 282, 283, 284, 305, 310, 332, 337.
Прага—248.
Праздно-лежащие деньги - 60, 86.
Праздно-лежащий капитал—61, 68.
Праздное состояние денежного капитала—60.
Превращение капитала бездеятельного в функционирующий денежный посредством кредита—71.
Превращение капитала в финансовый капитал—262.
Предложение—36, 75, 97, 99, 101, 102, 142, 150, 151, 158, 159, 178, 188, 218, 221, 229, 234, 235, 269, 305, 306, 315, 316, 317, 342, 347, 420, 423.
Предприниматель—129, 132.
„ посредник - 271.
Предпринимательская организация—437, 438.
Предприятие индивидуальное — 129, 130, 134.
Премии золотые—90.
Премия—364.
„ за риск—175.
Прибавочный продукт—297.
Прибыль—90, 96, 97, 100, 104, 106, 110, 115, 118, 125, 130, 132, 147, 149, 153, 169, 173, 174, 184, 207, 212, 213, 215, 216, 218, 220, 225, 228, 240, 263, 273, 282, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 321, 371, 400, 422, 423, 424, 425.
Прибыль банковая—192.
„ валовая—194, 196.
„ дифференциальная - 189.
Прибыль добавочная—121, 207, 213, 218, 219, 277.
Прибыль дополнительная — 133, 203, 230, 232, 236, 239, 267, 269, 277, 305, 361, 362, 363, 364, 372, 390, 425, 435, 439.
„ индивидуальная—134, 135, 189.
„ картельная—277, 385, 403.
„ монопольная—59.
„ постоянная - 204.
„ предпринимательская—113, 139, 156, 217, 249, 302, 303, 316, 334, 371.
„ промышленная — 173, 246, 251, 259, 264, 265, 370, 418.
„ реализующая—192.
„ спекулятивная—177, 201.
„ средняя—194, 196.
„ торговая 223, 243.
„ учредительская — 112, 113, 115, 116, 117, 118, 125, 126, 133, 139, 140, 153, 154, 196, 203, 262, 263, 264, 274, 315, 381.
„ фиксированная—154.
„ чистая—135, 199.
Причины кризисов—299.
Провизионное вознаграждение — 249, 252.
Продажа ценных бумаг—160.
Продолжительность кампании (период перепроизводства)—184.
Производитель—171, 174, 182, 342.
Производительный капитал—57, 60, 70, 301.
Производственная бюрократия—129.
Производительная функция спекуляции—151.
Производительное предприятие—88, 95, 111, 198, 201, 202, 227, 228, 234.
Производственный процесс — 61, 64, 65, 197.
Производство—132, 168, 185, 190, 280, 281, 283, 299, 310, 332, 338, 349.
Производство машинное—225.
Пролетаризация—353.
Пролетариат—402, 415, 416, 418, 420, 421, 438, 441.
Пролонгация—311.
Промышленный капитал—55, 59, 62, 196, 197, 246, 300.
Промышленность добывающая—221,
„ обрабатывающая—221, 222, 223, 239, 262.
Протекционизм—356, 359, 360, 366, 367, 368, 382, 387, 404, 406, 439, 440, 441, 445.
Протекционистская политика—359.
Процент—36, 37, 85, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 104, 105, 107, 108, 109, 110, 115, 133, 139, 142, 145, 149, 155, 159, 164, 173, 194, 196, 201, 202, 203, 204, 253, 304, 311, 315, 333, 335, 370, 373.
Процент капитализированный — 154, 155.
Процентный титул—146, 147, 154, 155.
Профессиональный союз—419, 374, 420, 421, 425, 426, 427, 428, 429, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437. 438, 439.
Пруссия—408.
Прусский банк—103, 104, 339.
Пфеннинг—51.

Рабинов—169.
Рабочая сила—57, 302, 353, 363, 416, 417, 419, 420, 424, 435, 445.
Рабочее время—301, 302.
Рабочий вопрос—375, 376, 377, 405, 420, 428.
Рабочий интерес—436.
„ класс—98, 414, 422, 425, 427, 437, 438, 439, 442.
Рабочий период—61, 67.
Равенство экономических отношений—208.
Равновесие воспроизводства—284.
„ капиталистического процесса накопления—290.
Разделение труда — 68, 237, 277, 361, 417.
Размеры спроса—67.
Расширение производства—303, 306.
Расширение рынка—58.
Расчетные операции—325, 340.
Реализация капитала—154, 155, 202,
„ прибыли—146, 155, 168. 174, 280.
Резервный фонд—61, 76, 195.
Рейнская Вестфалия—392.
Рейнско-вестфальский синдикат—335.
Рейсвиц—414.
Рейтер—258.
Реклама—247.
Реннер, К.—53.
Рента—238, 250.
„ земельная—147, 370, 390, 405, 406, 408, 409, 442.
Рента рудниковая—239.
Реорганизация акционерного общества—135.
Репорт—168, 164, 172.
Рессель, Джон—354.
Рикардо—28, 31, 32, 33, 41, 78, 319, 355, 422.
Ринг—170, 314, 419.
Риск—175 176, 182, 188.

Родбертус—9, 55, 113, 282.
Россия—377, 392, 393, 395, 394.
Рост обращения товара—74.
„ производства—74.
Ростовщичество—266.
Риве—254.
Рузвельт—157.
Рупия—26, 29.
Рурский бассейн—209, 221.
Руссель—167, 261.
Рынок денежный—68, 70.
„ сбыта—67, 306.
Рыночные отношения—62.

Саккар—206, 207.
Сальдирование балансов—80.
Самострахование—181.
Сарторпус—383.
Сбережение труда—132.
Сбыт—73, 132, 216, 267, 268, 278, 279, 289, 300. 306, 310, 311, 317, 321, 322, 337, 328, 354, 363, 379, 386, 406, 423, 426.
Свидетельство на (деньги, серебро)—158.
Связь банков с промышленными предприятиями—127.
Сделки на разницу—147, 164, 189.
„ на срок—160, 169, 170, 174, 175, 176, 182.
Себестоимость—230, 256.
Северная Америка—353, 369, 406.
Сербия—393.
Серебро—15, 34, 35.
Серебряные деньги—22.
Симон—189.
Скода—382.
Смит, Адам—105, 293.
Синдикат—183, 184, 186, 187, 190, 231, 232, 236, 251, 252, 253, 257, 258, 274, 410, 428.
Собственность — 137, 146, 155, 166, 167.
Согласование спроса и предложения—347.
Соглашение — 226, 227, 233, 237, 262, 367.
Соединенное Королевство—361, 387, 388, 390.
Соединенные Штаты—37, 38, 43, 89, 105, 120, 139, 150, 157, 218, 221, 222, 321, 323, 341, 356, 357, 358, 359, 366, 368, 369, 370, 377, 378, 385, 387, 388, 389, 391, 395, 406, 428.
Сосредоточение стоимости—63.
Составная оборотная часть капитала—68.
Социализм—141, 443.

Социальная естественная необходимость—5.
Социальный переворот—445.
Союз германских банковских служащих—417.
Союз сельских хозяев—126, 260.
Спекулянты—151, 159, 166, 170, 175, 179, 259, 260, 315, 345.
Спекуляция—140, 142, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 153, 161, 162, 163, 168, 169, 171, 172, 174, 175, 177, 178, 180, 182, 184, 191, 198, 205, 257, 259, 264, 313, 314, 315, 316, 322, 333, 342, 343, 345.
Спекуляция банковая—165, 174.
„ биржевая — 149, 165, 174, 327.
Списывание—149.
Способ накопления капитала—64.
Спрос—74, 96, 97, 99, 101, 102, 142, 150, 151, 159, 161, 170, 178, 179, 218, 221, 229, 231, 234, 235, 240, 263, 268, 269, 288, 294, 302, 305, 306, 311, 312, 314, 318, 321, 328, 334, 340, 342, 347, 360, 374, 417, 421, 439, 440.
Спрос платежеспособный—70.
Средства обращения—27, 78.
„ потребления—285, 290, 295, 297, 343, 362.
Средства производства—57, 62, 66, 153, 285, 290, 292, 298, 329, 330, 343, 392.
Срочная сделка—180, 182, 184, 186.
„ торговля—162, 171, 174, 177, 179, 180, 181, 182, 186, 187, 191, 192.
Срочный рынок—160, 185.
Ссуды под товары—174.
Стандарт—169.
Стачка—425, 426, 429, 430, 431, 432, 433, 438.
Степанов, Н.—219, 243, 412.
Стерлинг—23.
Стоимость—7, 9, 11, 17, 19, 29, 34, 35, 41, 43, 44, 45, 46, 49, 48, 56, 60, 69, 73, 122, 167, 217, 244, 280, 299, 323, 327, 347, 352, 354.
Стоимость акции курсовая—135.
„ денежная—26, 42, 44, 54, 55, 60, 141, 304, 318.
„ измеряемая по труду—56.
„ капитальная — 115, 284, 288, 294.
„ кредитных денег—53.
„ материала—26.
„ меновая 12, 46, 47, 170, 190.
„ металлическая—36.
„ основного капитала—64.
„ потребительная—6, 12, 13, 30, 57, 97, 141, 154, 159, 156, 167, 168, 169, 188, 190, 281, 332, 372.
„ прибавочная—56, 64, 67, 68, 82, 97, 98, 137, 146, 148, 154, 156, 175, 212, 241, 232, 283, 285, 286, 287, 288, 301, 302, 329, 361, 370, 371, 409, 421, 422, 423, 426.
„ реализованная—194.
„ собственности—167.
„ средств производства—56,
„ товарная—21, 45, 52, 54, 55, 69, 115, 116, 278, 286, 294, 307, 422, 423.
„ трудовая—21, 55, 79, 98.
Страхование—177, 178, 179, 181.
„ биржи—176, 177.
„ от колебания цен—175.
Сумма товарных стоимостей—30.

Таможенные пошлины—363, 364.
Таможенный союз—358.
Тантьема—133, 149.
Тарифная политика—362,
Тарифный договор — 416, 433, 434, 435, 438.
Теоретико - экономический анализ—5.
Техническое функционирование—62.
Титул дохода—153, 166.
„ процентный—145, 154, 155.
„ собственности—156.
Товарищество—406.
Товарная биржа—167, 177.
„ торговли—167, 190.
Товарное обращение—46, 55, 58, 64, 65, 278.
Товарное производство (простое)—7, 10, 11, 229, 279, 280, 337.
Товарные билеты—55, 74.
„ цены—52, 146, 310.
Товарный запас—309, 310, 312.
„ капитал—55, 57, 73, 194, 203, 242, 288, 312.
„ кредит—240.
„ обмен—294.
Товарно-торговые сделки—171.
Товаровладельцы—73.
Товарообмен—47, 312, 320.
Товары—8, 11, 13, 57, 93, 156, 158, 170, 180, 184, 278, 285, 286, 304, 313, 317.
Тооке—105.
Торговая сделка—189.
Торговля—190, 191, 239.
„ на срок—178.
Торговые функции—340.

Торговый капитал—173, 244, 245, 246, 249.
Транспорт—68, 233, 352, 367, 372, 389.
Тратта на пред'явителя—88.
Трест—122, 123, 167, 218, 326, 227, 230, 334, 237, 238, 242, 262, 263, 265, 267, 275, 343, 369, 284, 418, 419, 428.
Трестирование—428.
Труд—417, 421, 426, 431.
Трэд-юнион—424, 430, 437.
Туган-Барановский, М.—135, 284, 331, 332, 335, 336.
Тук—41, 79, 372.

Уильсон—18, 74.
Универсальный магазин — 241, 243, 417.
Унификация капитала—350.
Унтухт—187.
Уравнение нормы прибыли—207.
Условия равновесия общественного процесса воспроизводства—284.
Учредительский барыш—156, 197, 214, 267, 586, 445.
Учреждение акционерных обществ—126.
Уэльс—361.

Фабрикант—118, 255, 275, 353, 402, 419.
Фабрикат—169, 208, 224, 321, 388, 439.
„Феникс"—150, 133.
Физиократы—293.
Фикция капитала—111.
Филадельфия—222.
Финансирование акционерных обществ—117.
Финансовый капитал—265, 267, 278, 351, 356, 393, 394, 398, 399, 401, 402, 403, 408, 409, 422, 442, 443, 446.
Флинтгласс—225.
Флорин—25.
Фоникель—252, 253.
Фондовая биржа—140, 168.
„ торговля—181.
Фонды—140, 165, 167, 176, 180, 291, 303, 322, 345.
Форма денег—56.
„ товара—56.
Форсирование производства—309.
Франклин, В.—157.
Франкфурт—157, 325, 339, 340.
Франция—89, 103, 104, 327, 353, 359, 382, 283, 385, 387, 393, 395, 398.
Французский банк—89, 103, 104, 327.
Фритредерская буржуазия—396, 399.
„ политика—352, 440.
„ школа—293, 366.
Фритредерское хозяйство—404.
Фузия—226, 227, 228, 234, 237, 262.
Фукс—256.
Фулартон—34, 35, 79, 296.
Функция банка—83, 86, 93, 95.
„ биржи—144, 152, 157, 261.
„ денег—33, 47, 50, 52, 53, 73, 192, 193, 194, 279, 296, 318.
„ капитала—193, 239, 297.
„ кредита—70.
„ производства—228, 409.
„ собственности—228, 409.
Фунт стерлингов—33, 41, 42.
Фюрстенберг—417.

Христианс, В.—383.

Цена акций—111.
„ бумаг—141.
„ денег—99.
Ценные бумаги—140, 151, 168.
Централизация капитала—356, 357.
Центральный банк—205, 277, 317.
Центральный союз германских промышленников—433.
Цены—15, 17, 29, 35, 36, 41, 45, 92, 96, 133, 151, 160, 174, 176, 178, 182, 186, 187, 188, 191, 217, 221, 246, 257, 267, 268, 269, 272, 274, 294, 303, 304, 305, 306, 312, 317, 342, 346, 347, 353, 356, 390, 433, 434.
Цены капитала—263.
Цены монопольные—162, 267.
„ нормальные—92.
„ производства—90, 134.
„ рыночные—35, 218, 229, 300.
„ товарные—52.
„ устойчивые—259.
Цюрих—241.

Чек—38, 85, 86, 88.
Чеканка—16, 20, 22, 31, 40, 41.
„ закрытая—20, 40, 41.
„ свободная—20, 34, 36, 41.
Чековые обороты—54.
Чемберлэн—387, 388.

Шальтенбранд—237.
Шафгаузенский банковый союз—248.
Шваб, М.—388, 406.
Швапц—179, 180.
Швеция—392.
Швопер—103, 104.
Шиллинг—41, 42.
Шлемиль, Петр—45.
Шмоллер—102, 170, 383.
Шнейдер—282, 396.

Шотландия—378.
Шпицмюллер—24, 25.
Штейницер, Эрвин—106.
Штирнер—9.
Штрейкбрехер—431.
Штерн—184, 186.
Шульце-Геверниц—378.
Шумпетер—98.

Эйленбург, Франц—125.
Экономическая борьба—437.
Экономия—6.
Экономическая политика финансового капитала—351.
Эксплоатация—166, 197, 289, 373, 376, 380, 415, 424, 441, 444.
Экспроприация—163, 366, 375, 443.
Экспорт—325, 326, 328, 363, 386,
„ капитала—251, 276, 364, 369, 370, 371, 372, 373, 379, 380, 381, 384, 391, 392, 394, 418, 440.
Эльба—249.
Эмиграция капитала—428.
Эмиссионная деятельность банков—95.
„ операция—93, 96, 127, 163.
Эмиссионное учреждение—117, 162.
Эмиссионная деятельность—137, 162, 200, 315, 358.
„ прибыль—313, 316.
Эмиссионный банк—43, 95, 114, 144, 200, 202, 331, 341.
„ барыш—197, 198.
„ кредит—138.
Эмиссия—194, 203.
Энгель—251.
Энгельс—55, 235, 282.
Эренберг—183, 190, 191.
Эхельгейзер—209.

Южная Америка—326, 353, 385, 387, 395, 406, 445.
Южная Африка—390, 445.

Япония—377, 388.

Alexander—359.
Algernon Lee—242.
Al pari—120, 121.
American Sugar Refining Company—88.
Anglobank—249.
Arnold, A.—28, 30.

Bank of England—352.
Bankverein—250.
Bauer Otto—365, 375.
Bayrische Hypotheken Bank—125.
Blake, W.—21.
Board—128.
Bochum—256, 359.
Bothe—28, 29.
Braun, A.—414, 434, 435.
Brentano—433.
Brook and Bros—352.

Cesar Wollheim—254.
Chicago Rock Island—124, 125.
Chodvich and Bros—352.
Citizen's industrial Association of America—428, 429.
Clark and C°—352.
Closed chop—429.
Coats and C°—352.
Collateral Trust Bonds—124.
Common shares—120.
Commonwealth—390.
Continental Merchant—322.
Corporation Finance—124.
Credit mobilier—359.
C. W. Morses Coatswise Steamship Combination—157.

Daelen, R.—90.
Darmstädter Bank—128.
Dead weight—297.
Deutsche Allgemeine Elektrizitäts-gesellschaft—233.
„ Bank—125, 128.
„ Börsenenquette—261, 359.
Deutscher Stahlwerkverband—237.
Diehl, Karl—78.
Diskontgesellschaft—128.
Dortmunder Verein—256.
Dresdener Bank—125, 128.
Dürkopp—125.

Ehrenberg, R.—190.
Electrische Licht- und Kraftanlagen Aktiengesellschaft in Berlin—128.
Emdens, M. I. Söhne—241.
Emil, K.—394.
Entwicklungsgeschichte der deutschen Grossbanken—132.
Eulenburg—128.

Faux frais—18.
Felten—125.
Frankfurter Zeitung—124, 166, 218.
Frick, H. C.—157.
Friedländer—254.
Fuchs—176.
Fullarton, John—37, 80.

Gary, E. H.—156, 157.
Gelsenkirchen—125.
Giro-und Kassenverein—165.
Greater Britain—388.
Greene, L.—124.
Crunzel—236.
Guillaume—126.

Halle, E.—387.
Harms—434.
Hecht, Pfeiffer und K°—241.
Helfferich—24, 27.
Herne—359.
Hesselink—393.
Hewins, W. A. S.—387, 388, 389, 390.
Heymann, Hans Gideon—208, 210.
High-price of bullion—319.
Hilferding, R.—357, 444.
Holding Company—124.
Hörder Bergwerke—125.
Hypotheken und Wechselbank—340.

Illinois Steel Company—211.
I. and P. Coats limited—369.
In blanko—245.
In concreto—362.
Independent Cigar Stores Company—242.
In natura—286, 287, 288.

Jaffe, E.—54, 94, 159.
Jeidells—87, 90, 127.
Jenks, J. W.—418.

Knapp—16, 20, 31.
Karner, J.—5, 153.
Kartelle et Trusts—226.
Kessler—427, 430.
Konfektionär—241.
Königs-und Laurahütte—256.
Kreditanstalt—250.

Lasser faire—443.
Länderbank—249.
Landesberger—185.
Lee—242.
Levy, H.—220, 231, 357.
Liefmann—226, 251, 357.
Lincoln Trust Company—157.
Lindsay—28.
Loeb, E.—125.

Macrosty Henry W.—120, 218, 233, 361.
Marx—32, 33, 152.
Meade Edward Sherwood—139.
Mombert, Paul—378.
Morgan and Co—128.

National Association of Manufacturers—428.
„ Metal Trades Association—429.
„ Founders Association—429.
Neue Freie Prosse—247.
„ Zeit—242.
New-York—124.

Pacific Railroad—124.
Paish, Heorge—383.
Petschek—247.
Philippowich—163.
Poors Railroad Manual—390.
Preferred shares—120.
Prion, W.—74, 88, 94, 143.
Promillo—327.
Pro tanto—224, 369.

Quaestio facti—346.
Qui vivra, verra—332.

Rail pool—220.
Rehe, K.—72, 210, 275.
Reiswitz—414.
Reports of Industrial Commission on Trustsand Industrial Combinations—203.
Ricardo—32.
Riesser—132.
Rock Island C°—124, 125.
Rubinow, I. M.—406.
Ruesch, H.—181.

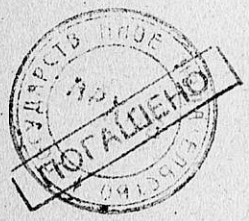
Samuel Gurney—157.
Sartorius—82, 327, 339, 340, 353, 383.
Schaffhausenscher Bankverein—128.
Schippel—374.
Schultze-Gävernitz—354.
Schüller, R.—393.
Schwab—369.
Siemenroth, Franz—232.
Spitzmüller—24.
Standart Oil Company—88.
Steel Trust—157.
St. Louis-Francisco Railroad Company—125.
Stock Exchange Clearing—159.
Sub forma pauperis—281.

Tennessee Steel and Coal Company—156.
Terra libera—378.
Tochtergesellschaft—124.
Tökos—167.
Towler—28.

Trade-alliance—434, 435.
Tread Combine—252.
Trust Company of America—157.
Tugan-Baranowski—135.

Ultimo—163.
Union—244.
United Cigar Stores Company—242
„ States of America—157.

Virements—51.
Völcker, Dr.—220.

Weinmann, Ed. I.—247.
Westinghous C°—233.
Wilson, J.—18.

Zivnostenska Banka—249.
Zweikindersystem—360.